This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

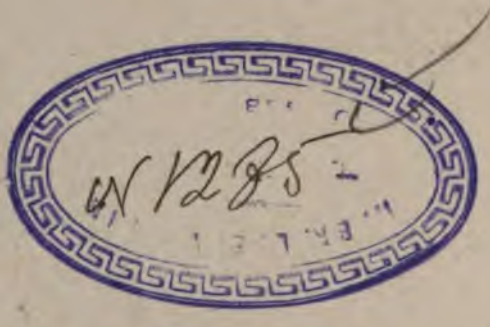
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

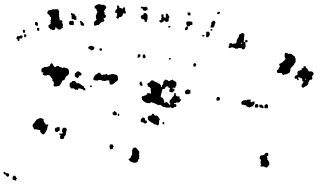
КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Октябрь.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 84.
1905.



ДѢТСТВО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Годы скитаній.

I.

Среди степей.

(Продолженіе [1]*).*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Однажды, въ такую именно вьюгу, какъ вышеописанная, когда вся степь была покрыта кругомъ снѣжною мглою, среди которой съ дикимъ ревомъ и свистомъ кружились и плясали колдуны и вѣдьмы-вихри, то ликуя и злорадствуя, то издавая за душу хватающіе жалобные стоны,—въ комнату огромнымъ снѣжнымъ комомъ ввалилась вся бѣлая, какъ привидѣніе, сгорбленная, почти до земли согнутая фигура съ большимъ мѣшкомъ на спинѣ. Изъ-подъ этого мѣшка, силясь взглянуть вверхъ, поднялись два обведенныхъ широкими кровавыми полосами глаза, послѣ чего съ трудомъ высвободилась изъ-подъ веревки одна рука, которая потянулась вверхъ къ мезузѣ, приложилась къ ней, а потомъ спустилась къ губамъ. Послѣ этого приложенія къ рукѣ, губы эти раскрылись, и мы услышали привѣтствіе на рѣзкомъ

[1]) См. „Кн. Восхода", Сентябрь.

ную гримасу и благополучно закончилъ молитву. Послѣ этого онъ заложилъ руки назадъ и сталъ расхаживать по комнатѣ, гдѣ уже стояла совершенная тьма, что-то напѣвая. Скоро зажгли свѣчу, и Ривка принесла самоваръ. Гостя усадили за столъ и первому налили чай. Онъ съ жадностью обхватилъ стаканъ обѣими руками, какъ будто желая ихъ такимъ образомъ нагрѣть. Затѣмъ онъ помочилъ край сахару въ чаѣ, произнесъ громко благословеніе и принялся пить. Только теперь его можно было разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ. Онъ освѣщался теперь не только снаружи зажженною свѣчою, но и какъ бы внутрь вливаемымъ кипяткомъ, отъ котораго лицо его какъ бы оживлялось и окрашивалось.

Это былъ человѣкъ на видъ лѣтъ за пятьдесятъ, съ сильно морщинистымъ, худымъ и какъ бы вогнутымъ лицомъ, большую часть котораго занималъ круто поднимавшійся дугою носъ. Надъ этимъ очень крутымъ и крупнымъ носомъ возвышался большой крупными извилистыми морщинами изрѣзанный лобъ, окаймленный неопредѣленнаго цвѣта серебрившимися волосами. Такого же неопредѣленнаго цвѣта, была борода, очень взъерошенная, съ острымъ концомъ, сильно подмѣшанная сѣдыми волосами. Глаза, окруженные большими рѣдкими рѣсницами, выражали самоувѣренный умъ и что-то словно пренебрежительное ко всему окружающему. Это выраженіе пренебреженія съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ озлобленія усиливалось частымъ, быть можетъ невольнымъ, движеніемъ губъ, на которыхъ тогда появлялась какъ бы презрительная и злобная усмѣшка. Грудь у него была сильно впалая, а спина согнутая, такъ что голова всегда словно висѣла книзу; на его худой, вытянутой и очень грязной шеѣ видны были всѣ натянутыя жилы и углубленія по бокамъ. Зубовъ, очевидно, у него было очень мало, и каждый разъ, когда онъ долженъ былъ откусывать сахаръ, онъ его клалъ въ самый уголъ рта и при этомъ сильно сжималъ лѣвый глазъ, хотя сахаръ лежалъ въ противоположной сторонѣ. Такъ какъ при этомъ носъ сильно подавался въ одну сторону, то онъ при этомъ становился очень смѣшнымъ, но у него вмѣстѣ съ тѣмъ появлялось тогда выраженіе страданія и какой-то дѣтской покорности.

Только напившись чаю, онъ снялъ съ себя верхнюю одежду, представлявшую собою, что-то въ родѣ халата на ватѣ съ почти совершенно разлѣзшимся верхомъ, и развѣсилъ его сушить на лежанкѣ. Затѣмъ онъ снялъ съ себя также свой огромный, весь покрытый лоснящимся жиромъ и отъ того сдѣлавшійся непромокаемымъ картузъ, замѣнивъ его такою же засаленной остроконечной ермолкой, вынутой изъ задняго кармана довольно приличнаго сюртука темно-сѣраго цвѣта.

Зисель пока накрыла край стола для него, положивъ хлѣбъ и подавъ на тарелкѣ селедку и луковицу. Когда все было готово, его пригласили умыть руки,—что означало приглашеніе ѣсть.

Когда онъ поѣлъ и помолился, онъ усѣлся опять около своего мѣшка и принялся его развязывать.

— Быть можетъ, будете охотникомъ,—сказалъ онъ, вытащивъ оттуда „костяной бубличекъ".

— Надо бы таки купить для Янкеле, если недорого,—сказала Зисель, какъ будто обраловавшись. И она, дѣйствительно, купила и, продѣвъ веревку, сейчасъ же одѣла на шею ребенку, который сначала какъ-то удивленно и недовѣрчиво смотрѣлъ на это, потомъ робко дотронулся до него рученками, послѣ чего уже положилъ въ ротъ и нервно сталъ сдавливать беззубыми чесавшимися челюстями.

— А можетъ быть вамъ нужны цицисъ? — продолжалъ предлагать ребъ Калманъ.—Есть у меня отличныя „Кофелъ шмойне" [1]). А вотъ антикъ! Сидуръ со всѣми необходимыми постановленіями изъ Шулханъ-Оруха и Оръ-Гахаимъ съ пятью комментаріями, псалмами Мамодойсъ.

— А что у васъ есть еще?—спрашиваетъ братъ, не очень-то пораженный „антикомъ" ребъ Калмана.

— Есть селихосъ, махзеримъ, талесимъ, талесъ-котоны, мезузы, тефилимъ, сказки, tchinoss, лампады для хануки, гавдолосъ.

— Сказки,—воскликнулъ я, пораженный восторгомъ.—У васъ есть сказки! Ой, покажите, пожалуйста, хоть одну!

---

[1]) Сплетенныя изъ восьми нитей.

я кончилъ и легъ съ надеждой на другой день получить другую книгу. И съ этой сладостной надеждой я уснулъ.

Какъ же великъ былъ мой ужасъ, когда на другой день утромъ ребъ Калманъ обнаружилъ желаніе отправиться въ дальнѣйшій путь. Что онъ тутъ будетъ сидѣть на харчахъ у насъ? Вьюга нѣсколько утихла, и онъ доберется до ближайшей деревни, куда всего девять верстъ и гдѣ тоже есть еврей. Ему не впервые, онъ уже двадцать лѣтъ такъ бродитъ со своимъ мѣшкомъ на плечахъ—и ничего, слава Богу. Къ счастью, братъ никакъ не хотѣлъ его отпустить, боясь, чтобы онъ не окоченѣлъ гдѣ-нибудь на дорогѣ или чтобы не былъ засыпанъ подъ снѣгомъ. И зачѣмъ ему спѣшить? Вотъ вечеромъ будетъ почта, и онъ съ обратной его отошлетъ, и ему ничего не будетъ стоить. Ребъ Калманъ, наконецъ, согласился къ моей великой радости. Впрочемъ, часамъ къ десяти вьюга обновилась съ такою силою, что нашъ книгоноша не безъ удовольствія грѣлъ свои старыя изсохшія кости у печки, говоря, что быть застигнутымъ въ степи этимъ вихремъ все-таки было бы непріятно. Но объ этомъ онъ говорилъ безъ всякаго ужаса. Вообще, кажется, онъ не былъ способенъ говорить о чемъ бы то ни было сильно, горячо, съ увлеченіемъ, принимать что-либо близко къ сердцу. Завязать съ нимъ бесѣду оказалось невозможнымъ. Онъ или вовсе отмалчивался, или отвѣчалъ лаконическимъ „да“ и „нѣтъ“, а то и просто какою-то неопредѣленною гримасою. Казалось, что ничто его не интересовало, ко всему онъ относился не только равнодушно, но и пренебрежительно: все, молъ, суета суетъ. Какъ и наканунѣ, онъ упорно и угрюмо молчалъ, временами бормоча какой-то странный напѣвъ. Ко мнѣ онъ, однако, относился довольно снисходительно, предоставивъ мнѣ читать цѣлый день изъ своего неистощимаго мѣшка. О, какой это былъ для меня радостный день! Разъ, вытаскивая для меня книжку и подавая ее мнѣ, пренебрежительнымъ тономъ онъ мнѣ сказалъ:

— Ну что ты себѣ набиваешь голову этими глупостями на technologischen? Какъ тебѣ не стыдно! У меня внукъ твоихъ лѣтъ, такъ

мнѣ пишутъ, что онъ самъ уже разбираетъ Тосефесъ [1]). Такой мальчикъ, какъ ты, долженъ былъ бы уже хоть три-четыре омуда [2]) Геморы въ недѣлю проходить. Невѣжды тутъ у васъ кругомъ, мамалыги. Не съ кѣмъ даже говорить.

Тутъ онъ вышелъ вдругъ изъ своего апатичнаго тона и даже огонекъ негодованія блеснулъ въ его глазахъ. Послѣ обѣда (въ этотъ день что-то сварили, не помню что) ребъ Калманъ подошелъ къ шкафу съ книгами и сталъ присматриваться, желая выбрать себѣ какую-нибудь книгу.

— Все хасидскія глупости,—пробормоталъ онъ про себя. Братъ услышалъ и весь задрожалъ отъ негодованія.

— Это можетъ сказать только трефной литвакъ,—воскликнулъ онъ, весь поблѣднѣвъ.

— А такъ сердиться изъ-за пустяка можетъ только каширный хасидъ,—отвѣтилъ ребъ Калманъ съ величайшимъ спокойствіемъ и продолжалъ разсматривать книги.

Братъ еще больше вспылилъ, но, чтобы не довести до скандала, вышелъ и долго не возвращался. Онъ ушелъ на станцію. Еще долго спустя Беръ не могъ безъ глубокаго негодованія вспомнить о словахъ „трефного“ литвака, и увѣрялъ, что не будь это зимой и среди степи, онъ его выгналъ бы изъ дома, что еврей, способный сказать что-либо подобное, не достоинъ, чтобы его пустили на еврейскій порогъ. Ребъ Калманъ задѣлъ самую святая святыхъ его, его дорогія любимыя книги и его хасидскія убѣжденія. Онъ, однако, очень мирно разстался съ ребъ Калманомъ и послѣ чая и ужина отправилъ его съ обратною.

Книгоноша впослѣдствіи часто являлся въ домъ брата, который относился къ нему, конечно, не дружелюбно, какъ къ еретику; но выгонять не выгонялъ и долгъ гостепріимства исполнялъ по отношенію къ нему самымъ безупречнымъ образомъ. Ребъ Калманъ относился ко мнѣ значительно дружелюбнѣе, и я даже вымучилъ нѣсколько отвѣтовъ на мои вопросы о его жизни. Онъ

---

[1]) Комментарій къ Талмуду

[2]) Омедъ—страница.

на Литвѣ былъ меламедомъ, потомъ сдѣлался меламедомъ въ „Польшѣ", т. е. на югѣ Россіи, но скоро бросилъ и сталъ книгоношей. Дома у него жена и дѣти. Литву онъ покинулъ уже года двадцать три тому назадъ и за это время онъ былъ дома одинъ только разъ. Женѣ исправно посылаетъ деньги на всѣ праздники...

Ребъ Калманъ снабжалъ молитвенниками и необходимыми предметами ритуала цѣлый и очень обширный раіонъ, обнимавшій двѣ южныя губерніи, по которымъ онъ вѣчно странствовалъ пѣшкомъ, лѣтомъ и зимою. Онъ вездѣ былъ желанный гость, вездѣ его встрѣчали и принимали съ радостью, такъ какъ вездѣ въ немъ нуждались.

Такъ какъ я вскорѣ тоже началъ вести бродячій образъ жизни, то часто впослѣдствіи встрѣчался съ ребъ Калманомъ и, узнавъ его поближе, полюбилъ. У него было много добродѣтелей при несомнѣнной сухости и прозаичности натуры, и одна изъ нихъ была большая честность, какая рѣдко встрѣчалась тогда среди торговаго люда. У него была при этомъ извѣстная гордость и сознаніе своего достоинства. Онъ никогда не запрашивалъ, а когда ему предлагали меньше, не отвѣчалъ вовсе или же отвѣчалъ какою-нибудь колкостью. Совершенно не будучи доступенъ чувству красоты и поэзіи, издѣваясь надъ всякимъ проявленіемъ душевной теплоты и экспансивности, онъ, однако, не обладалъ совсѣмъ уже черствымъ сердцемъ, — несправедливость его возмущала. Все, что поражало умъ, что являлось результатомъ большого остроумія, приводило его въ восторгъ. A sechel sach [1]) — это было его слабостью и онъ очень любилъ пускаться въ разсужденія на счетъ „sechel", который лежитъ въ телеграфѣ, движеніи парохода и т. д. Кромѣ роли книгоноши, сдѣлавшей его уже достаточно желаннымъ и необходимымъ, онъ еще имѣлъ другую, тоже очень пріятную роль, которая въ иныхъ домахъ дѣлала его не только желаннымъ, но и дорогимъ гостемъ. Совершая постоянныя странствованія, онъ зналъ тысячи людей, зналъ жизнь сотенъ семействъ и всѣ ихъ обстоятельства.

---

[1]) Все сдѣланное умомъ.

И вотъ онъ очень часто приносилъ извѣстія о дѣтяхъ, о родителяхъ, о племянникахъ и т. д. Въ то время, когда о сообщеніи почтой и почтовой корреспонденціи почти понятія не имѣли, такой вѣстникъ являлся прямо радостью въ цѣломъ городкѣ.

Таковъ былъ ребъ Калманъ, котораго занесла къ намъ вьюга въ одинъ изъ самыхъ печальныхъ зимнихъ дней. Подобныхъ дней выпадало не мало за зиму. Случалось, что вьюга завывала въ теченіе цѣлой недѣли и ничего вокругъ кромѣ горъ снѣга не видишь. Снѣгу навалится въ сѣни, въ погребъ и на чердакъ, такъ что трудно добывать солому для топлива. Иногда даже явится пушокъ на самой стѣнѣ комнаты; нашелъ вихрь какую-то щелочку и сумѣлъ продуть черезъ нее хоть немножко снѣга.

Но не одна вьюга останавливала движеніе и отрывала насъ отъ всего міра. Гораздо хуже вьюги и трескучихъ морозовъ дѣйствовала въ этомъ отношеніи непролазная осенняя и весенняя грязь, ибо она измучивала людей и изводила бѣдную скотину. Въ то время, какъ большому „гону“ всегда радовались на станціи такъ, какъ радуются вообще всякой бойкой торговлѣ, въ эту пору всякаго проѣзжающаго проклинали, потому что бѣдныя лошади выбивались изъ силъ, еле вытаскивая телѣгу изъ глубокой, густой, черной грязи, доходившей мѣстами до осей. Вмѣсто пары запрягали тройку, а то и четверку, и все же лошади возвращались измученными, исхудалыми и долго дрожали, уже стоя въ конюшнѣ послѣ возвращенія. Конецъ, обычно продолжавшійся туда и обратно четыре часа, продолжался въ эту несчастную пору отъ восьми до десяти и даже больше часовъ. Ямщики рвались за волосы, видя приближающуюся „парочку“. Ѣзда теперь была для нихъ истой мукой адской... Часто надо было останавливаться на каждой полуверстѣ и руками снимать налѣпившуюся густую грязь, которая заполняла все разстояніе между спицами, превращая все колесо въ одинъ сплошной болотный кругъ и утолщая шину на нѣсколько вершковъ.

А бѣдные несчастные „фурщики“, которые перевозили людей или товары на худыхъ кляченкахъ, часто и на одной кляченкѣ! Случалось, что вдругъ несчастный еврей или бѣдный мужикъ

пріѣзжалъ верхомъ на одѣтой въ хомутъ лошади и заявлялъ, что вынужденъ былъ оставить телѣжку среди дороги. Иногда же приходилось побросать и лошадей, которыя, доведенныя до послѣдняго изнуренія, не въ состояніи были вытаскивать изъ болота и собственныя ноги.

Въ эту печальную пору тоска въ домѣ дѣлалась совершенно невыносимой. По снѣгу или по морозу пробѣжимся—и ничего. А тутъ за порогъ нельзя выйти: сейчасъ попадешь по самыя колѣна въ разжиженную навозную грязь. Ибо нигдѣ по всей дорогѣ не было такой страшной непроходимой грязи, какъ передъ самой корчмой нашей. И такъ какъ она состояла исключительно изъ накопившагося здѣсь годами навоза, образовавшаго тутъ высокій бугоръ, то издавала еще къ тому же сильное, ѣдкое зловоніе. Чтобы добраться до станціи какъ-нибудь, надо было обойти корчму, карабкаясь буквально по ея стѣнамъ, а потомъ идти полемъ, гдѣ было все-таки суше. Такимъ же образомъ надо было идти и въ ямщицкую и повсюду. До колодца же совершенно не было возможности добраться, ибо тогда, помимо нашего навознаго бугра, надо было прорѣзать всю дорогу.

А кругомъ все черно и безотрадно, и назойливо льетъ дождь, сыпля словно пескомъ по крышѣ, постукивая въ окна; и льетъ онъ, разливая вокругъ себя мучительную тоску и скуку, которыя забираются во всѣ углы и во всѣ поры. И вотъ, вынужденный сидѣть дома, не знаешь, что дѣлать, куда бѣжать отъ этой тоски и скуки, которыя разъѣдаютъ все твое существо. Бродишь изъ угла въ уголъ, заходишь двадцать разъ въ шинокъ, гдѣ пыхтя и ворча Перецъ вѣчно возится надъ своей свитой или кожухомъ, которые онъ чинитъ, растянувъ ихъ по землѣ, а Горпина, кѣмъ-то побитая наканунѣ, лежитъ на печи и кряхтитъ и охаетъ.

Какую работу себѣ найти! Писать я не умѣю, да это и не въ обычаяхъ, чтобы вдругъ сѣсть и писать. Читать? О, это я сдѣлалъ бы съ величайшимъ наслажденіемъ. Но что я могъ читать, когда еще очень плохо понимаю по-еврейски. Единственная книга, которая мнѣ была доступна среди книгъ брата, и то не

совсѣмъ, это была שבחי בעש"ט [1]), которую понималъ съ грѣхомъ пополамъ. И на эту книгу я набрасывался съ величайшей жадностью. О какъ я упивался всѣми этими чудесами великаго Баалъ-Шема и его знаменитыхъ сподвижниковъ! И тутъ опять меня особенно восхищаетъ то, что я тамъ часто встрѣчаю знакомыя имена, которыя я сотни разъ слышалъ изъ устъ отца. Кромѣ этой книги, я еще заглядывалъ въ teutsch chomesch [2]) Зисель, гдѣ зачитывался я больше всего חרבן בית המקדש, т. е. исторіей разрушенія храма и תרגום שני, нѣчто вродѣ перевода, книги Эстеръ и Пѣсни пѣсней. Это собственно не переводъ, а разныя легенды, разсказанныя по поводу текста. Эти вещи я буквально глоталъ и перелистывалъ ихъ множество разъ. Какъ страдалъ я, читая ужасы, которые переживали осажденные жители Іерусалима! Какъ трогала меня исторія съ бѣдной Морса басъ Байсусъ, которая за всѣ свои огромныя богатства не могла пріобрѣсть себѣ даже кусокъ хлѣба. Измученная голодомъ, она сама отправилась по улицамъ—быть можетъ, не найдетъ ли она, что-нибудь для ѣды. И вотъ она нашла фигу, которую высосалъ и выбросилъ знаменитый раби Цодекъ. Она ее съ жадностью проглотила, но потомъ ее охватило такое чувство отвращенія, что она отъ этого умерла. И этотъ раби Цодекъ, который сорокъ лѣтъ постился, чтобы отвратить несчастье, грозившее дорогой родинѣ! Только по вечерамъ ему приносили фигу, которую онъ высасывалъ и бросалъ.

О бѣдный, наивный святой мужъ! Чтобы предотвратить народное несчастье, надо было сорокъ лѣтъ откармливаться, а не поститься. Тогда фига выпала бы не на твою долю, а на долю непріятеля...

О, этотъ непріятель! Этотъ злодѣй Неронъ, „Ахмасіанусъ", „Титешъ!"—какъ я ихъ ненавидѣлъ. И какъ радовался, что нашлась хоть маленькая муха, которая отомстила гнусному злодѣю за причиненное намъ зло. Отъ ненависти и злобы къ этимъ коронованнымъ кровопійцамъ у меня бывало голова кружится. О,

---

[1]) Разсказы о Бештѣ.

[2]) Пятикнижіе на жаргонѣ.

какъ не нашелся мститель этимъ подлымъ злодѣямъ! Зачѣмъ они полѣзли въ бѣдную Іудею. Развѣ мало имъ было пить кровь своихъ собственныхъ народовъ. Тысяча проклятій всѣмъ, отнявшимъ у насъ все наше счастье, всю нашу гордость. „Но придетъ Мошіахъ, утѣшался я, и на зло всѣмъ этимъ ворамъ и пиратамъ, мы опять будемъ имѣть нашъ бесъ-га-микдашъ, нашъ Іерушолаимъ".

Когда я брался за teutsch chomesch, я подвергался сильнымъ насмѣшкамъ со стороны брата. Какъ это мужчина, хотя бы мальчикъ, читаетъ какія-то бабьи книги, — это было все равно, какъ если бы я вдругъ одѣлъ юбку или же платокъ на голову.

Братъ нѣсколько разъ брался заниматься со мною; но у него было для этого слишкомъ мало терпѣнія и при этомъ онъ былъ очень вспыльчивъ. Обычно отъ близкихъ требуешь больше и относишься къ нимъ строже, и потому занятія съ нимъ никогда не клеились. Началъ онъ со мной заниматься по Талмуду и избралъ очень трудный трактатъ. Такъ какъ всѣ хвалили мои способности, онъ думалъ, что все пойдетъ блестяще. И вдругъ я очень туго понимаю то, что онъ мнѣ объясняетъ. А объяснялъ онъ довольно плохо. Позаймется нѣсколько разъ, потомъ броситъ, и все говорилъ, что вотъ къ лѣту возьметъ къ себѣ въ домъ меламеда. Это приводило Зисель въ ярость.

— Еще этого недоставало. Держать меламеда для твоего тахшита [1]). Своихъ дѣтей нечѣмъ накормить. Вотъ они босыя бѣгаютъ. Не на что мнѣ башмаки купить, а онъ меламедовъ будетъ брать. Некому смѣяться надъ тобою! Меламедъ ему нуженъ. Не видишь, какъ онъ умираетъ учиться. Вотъ въ конюшнѣ съ ямщиками, тамъ его міръ. Лучше отдалъ бы его куда-нибудь въ дѣло. Уже раввиномъ не будетъ, можешь быть покоенъ...

Такъ говорила Зисель, по обыкновенію своему, слезливо и плаксиво. Брата эти слова глубоко возмущали, задѣвая его за самое живое; но зная свою вспыльчивость, онъ удерживался всѣми силами.

---

[1]) „Тахшитъ"—украшеніе, драгоцѣнность.

— Перестань, ради Бога, причитывать изъ твоей „техина“. Ничего тебѣ не поможетъ. Пусть только Богъ мнѣ поможетъ,— говорилъ онъ взволнованно, едва владѣя собою.

Нѣсколько лучше у насъ шло изученіе „седры“, т. е. недѣльнаго отдѣла пятикнижія. Но то одно, то другое помѣшаетъ, какъ обыкновенно бываетъ при домашнихъ занятіяхъ. А стоитъ только пропустить разъ,—и кончено. Обыкновенно онъ вспоминалъ объ этомъ къ концу недѣли, эдакъ въ среду, иногда въ четвергъ. Вотъ братъ закрылъ фоліантъ, надъ которымъ онъ сидѣлъ и говоритъ: „ Лейбъ, бери-ка хумешъ. Ты вѣдь скоро совсѣмъ обратишься въ гоя, горе мнѣ. Хоть седру пройдемъ. И отчего ты никогда самъ не вспомнишь? Знаешь вѣдь, что у меня голова забита“. И онъ тяжко, глубоко вздохнетъ. Все это ему напоминаетъ о смерти отца и разрушеніи нашего пепелища.

Я заволнуюсь отъ радости и нѣкотораго чувства гордости, бѣгу къ шкафу и вытаскиваю толстый химешъ. Это довольно объемистая книга въ черномъ, кожаномъ переплетѣ съ двумя Таргумами [1]) и нѣсколькими комментаріями Раши, Баалъ-Гатуримъ, Bartenora и др. Съ радостнымъ выраженіемъ я иду къ столу; занятія меня возвышаютъ въ собственныхъ глазахъ, и при томъ я такъ люблю эти зимнія седры съ ихъ дивными идиллическими разсказами. Братъ беретъ книгу, находитъ нужное мѣсто и кладетъ ее потомъ предо мною. Я ревностно начинаю читать съ обычнымъ хедернымъ напѣвомъ, и такое хорошее, сладостное чувство разливается внутри отъ этихъ дорогихъ звуковъ, отъ одного вида раскрытой предо мною книги. Беръ какъ-то взволнованно слѣдитъ за моимъ чтеніемъ, и на его лицѣ такое грустное, страдальческое выраженіе. Часто и глубоко вздыхаетъ онъ. Дѣти становятся противъ меня и смотрятъ мнѣ прямо въ ротъ. Въ ихъ глазахъ я тоже выростаю въ это время. И такъ хорошо звучитъ мой голосъ, который я самъ такъ явственно слышу. Такъ проходитъ съ полчаса.

---

[1]) Арамейскими переводами.

Вдругъ передъ окномъ проползло что-то большое, черное и заслонило свѣтъ: кто-то пріѣхалъ.

— Вербуховскій!—кричитъ шопотомъ заволновавшаяся Зисель, нагнувшись къ окну, и торопится убрать разбросанное на лежанкѣ тряпье и сдѣлать порядокъ, хотя въ комнатѣ все довольно чисто убрано и все въ порядкѣ. Черезъ минуту въ комнату входитъ человѣкъ высокаго роста, смуглый, бритый, съ большими сѣдыми усами, низко остриженными, тоже сѣдыми волосами, съ густыми насупившимися бровями. Снявъ высокую съ острымъ бархатнымъ верхомъ шапку изъ сѣрыхъ тонкихъ блестящихъ смушекъ и крытую толстымъ синимъ сукномъ шубу изъ такихъ же смушекъ и, тщательно положивъ все это на лавку, онъ остается въ коротенькой сѣрой тужуркѣ на смушкахъ, щеголевато застегнутой спереди перекрещивающимися черными шнурками. Сѣрыя панталоны тоже изъ толстаго сукна заложены въ высокія голенища тщательно вычищенныхъ ботфортовъ.

Подавъ руку брату и Зисель и довольно дружески поздоровавшись съ ними, онъ усаживается около стола, медленно вынимаетъ изъ бокового кармана тужурки большой цвѣтной платокъ, вытираетъ имъ лицо и мокрые усы, потомъ, нѣсколько нагнувшись, принимается оглушительно и громко сморкаться, охвативъ носъ сверху двумя пальцами.

Братъ сидитъ противъ него на своемъ обычномъ мѣстѣ на диванѣ, а Зисель на краюшкѣ лавки, около лежанки, съ почтительно-благоговѣйной улыбкой на лицѣ, съ нѣсколько открытымъ ртомъ, и все это вмѣстѣ говоритъ: „готова почтительно слушать и столь же почтительно отвѣчать“. Я продолжаю сидѣть надъ своей книгой и не зная пока, что дѣлать, вперяю свой внимательный взоръ въ Вербуховскаго, разсматривая его съ ногъ до головы. Я замѣчаю, какъ при усиленномъ сморканіи у него надуваются жилы на вискахъ, а надъ ними выступаютъ два красныхъ пятна, что даже по его лысинѣ на макушкѣ пробѣгаетъ розовое облако. Одной рукой я все время продолжаю придерживать мѣсто, на которомъ прекратили чтеніе. Зисель бросаетъ на меня молніеносные взгляды и дѣлаетъ мнѣ знаки уйти. Я не

обращаю на нее ни малѣйшаго вниманія, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаю. Мнѣ доставляетъ большое наслажденіе видѣть ея безсильное бѣшенство. Временами я дѣлаю видъ, что тихо про себя повторяю, чтобы не дать повода меня удалить.

— Ну что, какъ тутъ? Много наторговали?—спрашиваетъ Вербуховскій, въ то время, какъ его носъ еще весь погруженъ въ складки носового платка.

— Ужъ торговля. Нехай моему ворогу,—отвѣчаетъ Зисель плаксиво.—Разли видишь колысь собаку? Вотъ повѣрите,—почина еще не мала сегодня. Тилько что Артемъ выпилъ чарку, и то въ боргъ [1]). Вотъ и вся пряця [2]).

Пока она причитываетъ, Вербуховскій разстегиваетъ тужурку, медленно вынимаетъ изъ бокового кармана хранящіеся въ большомъ деревянномъ футлярѣ огромные очки въ желтой мѣдной оправѣ, столь же медленно ихъ вытираетъ своимъ краснымъ цвѣтнымъ платкомъ и одѣваетъ ихъ обѣими руками на носъ съ такой серьезной миной, словно онъ облекается въ священническое одѣяніе, готовясь совершить важный религіозный актъ. Затѣмъ, съ такой же важностью, онъ вынимаетъ изъ того же бездоннаго кармана довольно объемистую записную книжку и, положивъ все это на столъ, принимаетъ выжидательное положеніе. Это онъ собирается „считаться“.

Хатка стояла на землѣ, принадлежавшей одному старому генералу Бродецкому. Эта земля тянулась верстъ на десять въ длину и прорѣзывалась въ серединѣ почтовой дорогой, и столько же почти тянулась она въ ширину. Одна пограничная межа находилась всего въ полуверстѣ отъ Хатки по направленію къ Б., а другая граница лежала на десятой верстѣ по направленію къ А.

Всѣ домики Хатки, естественно, принадлежали помѣщику, и за станцію со всѣми ея службами почто-содержатель платилъ ежегодную аренду. Что же касается шинка, то въ первые годы

[1]) Долгъ.
[2]) Работа.

братъ за него не платилъ, такъ какъ продажа водки принадлежала не ему, а помѣщику, а онъ получалъ отъ продажи извѣстную поведерную, очень ничтожную плату. Каждую недѣлю и весьма рѣдко разъ въ двѣ недѣли Вербуховскій, управляющій генерала, пріѣзжалъ и забиралъ всю выручку, подведши счетъ всему, что было продано за это время. Иногда ему не доплачивали нѣкоторой суммы, но онъ никогда не тѣснилъ и только записывалъ оставшійся долгъ въ записную свою тетрадку. Это былъ человѣкъ очень не злой, и подъ его суровой, нѣсколько надменной внѣшностью шляхтича таилось доброе сердце, которое было сильнѣе его предразсудковъ. Имѣлъ онъ видъ не то пана, не то зажиточнаго хуторянина. Онъ не отличался ни большимъ умомъ, ни большимъ развитіемъ, но былъ прямой, безхитростный, педантически честный человѣкъ. Все, что онъ могъ дѣлать для другого въ предѣлахъ своей власти и безъ ущерба для „генерала“ (такъ постоянно звали владѣтеля), онъ дѣлалъ охотно; но дальше этого не шелъ ни на волосъ, хоть бы тамъ что. Онъ былъ крайне набожный католикъ и полный всякихъ предразсудковъ относительно другихъ религій, которыя считалъ всѣ однимъ только зломъ, несчастьемъ и глубокимъ заблужденіемъ. При этомъ, однако, онъ гораздо лучше относился къ еврейству, чѣмъ къ православію, о которомъ и слышать не могъ равнодушно. Мужиковъ онъ презиралъ, какъ жалкихъ холоповъ, которые по его мнѣнію не были достойны названія людей и только должны служить, какъ вьючный скотъ, но зла имъ не дѣлалъ и не стѣснялъ ни въ чемъ, и вообще былъ очень справедливъ по отношенію ко всѣмъ, за что былъ очень любимъ.

Что касается брата, то Вербуховскій, какъ и всѣ, его глубоко уважалъ и относился къ нему съ безграничнымъ довѣріемъ. Онъ ему охотно оказывалъ всякія услуги и вообще между ними существовали дружественныя отношенія. Человѣкъ не очень смѣтливый, онъ въ затруднительныхъ случаяхъ часто прибѣгалъ къ совѣтамъ брата, для чего самъ пріѣзжалъ или же посылалъ за нимъ своего Гришку. Всѣ знакомые брата евреи говорили, что другой

на мѣстѣ Бера могъ бы тутъ при такомъ панѣ „облизнуть косточку“.

— Ой,—замѣчала при этомъ Зисель.—Сколько разъ я ему это говорю. Только поди говори къ стѣнѣ. Ужъ лучше мнѣ молчать, горе мое.

Она была счастлива, что находила себѣ союзниковъ и изливала передъ ними свою душу.

Жилъ Вербуховскій въ „экономіи“, находившейся въ трехъ верстахъ отъ Хатки. Въ полуверстѣ отъ экономіи находилась деревня Кобуза, населенная малороссами, все бывшими крѣпостными генерала. Что касается послѣдняго, это былъ, очевидно, насколько онъ проявлялъ себя по отношенію къ намъ, добродушный старикъ, у котораго въ обращеніи было очень мало генеральскаго, хотя онъ и носилъ постоянно военную форму. Онъ имѣлъ еще одно громадное имѣніе Григорьевка, гдѣ и жилъ постоянно. Только иногда онъ поселялся въ Кобузѣ лѣтомъ на два-три мѣсяца со своими дочерьми, молодыми дѣвушками (генералъ былъ вдовъ). Онъ тамъ имѣлъ большой, красивый домъ съ верандами и галлереями, окруженный большимъ паркомъ, среди котораго находился большой прудъ, гдѣ водилась рыба. Когда я въ первый разъ увидалъ этотъ густой, красивый паркъ съ его красивыми темными аллеями, его гигантскими вазами, стройными тополями, я обезумѣлъ отъ восторга и былъ увѣренъ, что лучше этого ничего уже въ мірѣ быть не можетъ. Генералъ очень любилъ брата за его безграничную честность, и когда бывало лѣтомъ проѣдетъ мимо, объѣзжая имѣніе, онъ останавливался около корчмы и дружески разспрашивалъ его о дѣлахъ и т. д. Зисель тогда тоже появляется въ своемъ субботнемъ платьѣ и съ очень смѣшными поклонами преподноситъ „барышнямъ“ свѣжей воды съ вареньемъ, которое, кажется, для этого случая только и существовало. Барышни, изъ которыхъ одна высокая, худая, съ нѣсколько строгимъ, но красивымъ лицомъ, другая съ милымъ дѣтскимъ выраженіемъ, любезно принимаютъ угощеніе и много разъ благодарятъ. Иногда приманятъ къ себѣ красотку Майку, которая только послѣ долгихъ настояній Зисель

рѣшается подойти къ нимъ. Постоявъ минутъ десять, „палатка" (бричка была съ навѣсомъ, а потому ее такъ называли) направляется дальше по межѣ и исчезаетъ среди высокихъ хлѣбовъ. А Зисель еще долго за ней слѣдитъ, заслонивши лицо ладонью отъ жгучаго лѣтняго солнца.

Когда впослѣдствіи имѣніе это досталось въ приданое одной изъ его дочерей, генералъ просилъ мужа послѣдней брата никогда не трогать, пока онъ тутъ захочетъ жить. Это исполнялось и брата дѣйствительно не трогали, пока генералъ былъ живъ. Лишь только онъ умеръ, его высокопросвѣщенный зять (это былъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, извѣстный адвокатъ) отдалъ корчму одному русскому кулаку, предложившему на пятьдесятъ рублей въ годъ больше, а брата пустилъ по-міру. Но я забѣжалъ впередъ на цѣлыхъ двадцать или даже больше лѣтъ.

Такъ вотъ теперь Вербуховскій, явившійся за „получкой", высморкавшись и вооружившись очками и вытащивши свою памятную книжку, приступилъ къ дѣлу, т. е. къ разсчету. Братъ приноситъ и свою длинную съ загнутыми и засаленными первыми листами тетрадку, которая хранится постоянно на тянущейся вдоль задней стѣны балкѣ, гдѣ поддерживаетъ сильно нагнувшійся потолокъ.

Когда книжки уже находятся въ рукахъ у обоихъ, изъ станціи приносятъ кусокъ мѣлу, которымъ Вербуховскій выставляетъ цѣлый рядъ цифръ на столѣ, ежеминутно моча палецъ слюной и вытирая то, что онъ находитъ невѣрнымъ. Зисель сидитъ на краюшкѣ лежанки, смиренно докладывая отъ времени до времени:

— Вы мали тое видилю два карбованца семнадцать, такъ маете три.

И сладостная подобострастная улыбка не сходитъ съ ея тонкихъ красивыхъ губъ. Иногда она поднимается, подходитъ ближе и еще разъ разъясняетъ сказанное, поднимая внизъ и вверхъ соединенныя руки.

Такъ продолжается съ полчаса, а иногда и часъ. Когда кончены счеты, Зисель вытаскиваетъ изъ-подъ изголовья постели что-то въ родѣ шкатулки, узкой и длинной, безъ крышки, гдѣ

хранится вся ея касса и всѣ цѣнности, и начинаетъ выкладывать на столъ мѣдяки, серебряную монету — все, что тамъ имѣется, за исключеніемъ шести серебряныхъ ложекъ съ сильно искусанными краями—родовое богатство, доставшееся ей въ наслѣдіе послѣ смерти родителей Разсортировавши все это, Зисель и Беръ начинаютъ считать, и все сосчитанное складываютъ въ колонны и придвигаютъ къ Вербуховскому. Вербуховскій еще разъ тщательно сосчитываетъ это огромное количество мѣдяковъ, а иногда даже два раза, потомъ все это перекладываетъ въ свой цвѣтной носовой платокъ и, тщательно его связавъ, кладетъ въ сторону.

Сдѣлавъ это, онъ методически прячетъ книжку и карандашъ, снимаетъ очки, вытираетъ ихъ, кладетъ въ футляръ и засовываетъ въ боковой карманъ. Дѣловая сторона кончена. Зѣвнувъ раза два, онъ вытаскиваетъ серебряную табакерку съ красивыми гравюрами на крышкѣ (онъ очень ею дорожитъ, какъ подаркомъ покойной генеральши), набиваетъ поочереди одну и другую ноздрю, медленно и съ наслажденіемъ втягивая ароматный нюхательный табакъ и, опять громко и торжественно высморкавшись въ платокъ, усаживается поудобнѣе, кладетъ обѣ руки на бедра, вытягиваетъ ноги впередъ, а голову нѣсколько откидываетъ назадъ. Теперь у него совершенно иное выраженіе. Вся сухость и дѣловитость вдругъ стаяли и въ глазахъ засвѣтилось добродушіе. Зисель преподноситъ ему графинчикъ съ желтой водкой, настоянной на какой-то травѣ, или же штофъ съ виномъ съ какою-то закуской, спеціально для него сохраняемой, и завязывается дружеская бесѣда. Вербуховскій въ сотый разъ жалуется на мужиковъ, которые ужасно воруютъ. Въ полуверстѣ отъ экономіи исчезла цѣлая скирда сѣна въ пятнадцать саженъ. Видно тутъ рука объѣздчика Трохима, а удалить его опасно: пакостить будетъ и т. д.

Пока Вербуховскій тутъ сидитъ и бесѣдуетъ, я на дворѣ осматриваю его пузатую, широкую бричку съ плетенымъ желтымъ кузовомъ, съ кожанымъ широкимъ сидѣніемъ, запряженную парой стройныхъ гнѣдыхъ лошадей, красоту которыхъ я уже умѣю цѣнить. Особенно у нихъ красива гордая закругленная

шея съ длинной волнистой гривой. И какія тонкія стройныя ноги! На козлахъ сидитъ Гришка, бывшій крѣпостной, его постоянный кучеръ, молодой смуглый парень съ красивымм черными, нѣсколько лукавыми глазами. Вотъ онъ поднимаетъ полу своей сѣрой свитки и засовываетъ одну руку въ безконечно глубокій карманъ своихъ широчайшихъ шароваръ, вытаскиваетъ оттуда красиво вышитый кисетъ съ табакомъ, подарокъ умирающей по немъ Хивры — и, обмотавъ возжи вокругъ спинки козелъ, принимается дѣлать „цыгарку“ изъ простой бумаги.

— А хочешь сала, Лебка?—говоритъ онъ, повернувъ лицо ко мнѣ и помачивая слюной бумагу.

Я его посылаю къ чорту съ его саломъ. У меня уже вполнѣ достаточный запасъ словъ для этого. Вообще я очень быстро сталъ понимать и говорить по-русски, или скорѣе—по-хохлацки.

— Чего ты сердышься, Лебка? У меня сало таке само каширно. Самъ рабинъ може его исты.

— Нехай твой піпъ кушаетъ вонючее сало,—говорю я сердито, очень оскорбленный и раздраженный его приставаніемъ.

— Охъ вей, Мойшеле, Ицкеле, Рухля, Хайка, гевалтъ, хаптеръ гевезенъ,—начинаетъ Гришка кривляться, дѣлая гримасы лицомъ, и самъ при этомъ заливается.

Я въ ярости набираю полную пригоршню грязи, швыряю Гришкѣ въ лицо и убѣгаю.

Гришка соскакиваетъ и, шутя, пускается за мною въ погоню, оставаясь на одномъ мѣстѣ. Потомъ, чтобы умиротворить меня, проситъ посмотрѣть за лошадьми, пока онъ зайдетъ въ корчму и выпьетъ чарку водки. На это я охотно соглашаюсь, очень польщенный подобнымъ важнымъ порученіемъ—охранять панскихъ лошадей.

Побесѣдовавъ съ четверть часа, Вербуховскій начинаетъ натягивать на себя свою тяжелую шубу и, попрощавшись, уѣзжаетъ обратно въ свою Кобузу.

— Отдали ему все—до послѣдней копѣйки,—говоритъ Зисель Беру.—Теперь гдѣ возьмемъ на муку? Сегодня вечеромъ идетъ „сумка“. Надо же поручить ямщику привезти муку на субботу.

— До вечера еще Богъ поможетъ,—спокойно отвѣчаетъ Беръ и съ особеннымъ наслажденіемъ погружается въ свой фоліантъ.

— А мой химешъ?—спрашиваю я робко и какъ-то оскорбленно.

— Ахъ, ты правъ! Ну уже вечеромъ,—отвѣчаетъ немного смущенный Беръ.

Ему трудно оторваться отъ книги, разъ онъ уже засѣлъ. Да не очень-то онъ любитъ это обученіе, къ которому онъ совсѣмъ не способенъ. Я же глубоко огорченъ, и чувство обиды меня охватываетъ до слезъ. Что же! я въ самомъ дѣлѣ обращусь въ гоя, невѣжду. Меня охватываетъ ужасъ при этой мысли, и одна за другой двѣ слезинки скатываются по моимъ щекамъ. Этихъ слезинокъ никто никогда не видѣлъ. Всѣ видѣли мою жадность къ пищѣ. О моемъ духовномъ голодѣ никто ничего не зналъ. Весь мой внутренній міръ былъ закрытъ для другихъ, и никто никогда не пытался туда проникнуть. Никто въ мірѣ не остается такъ непонятымъ, какъ дѣти, у которыхъ есть свой внутренній духовный міръ. Ребенокъ охотно проявляетъ свои глупости и шалости, а все прочее онъ прячетъ стыдливо глубоко въ своей душѣ.

При той скудости пищи, которая у насъ преобладала, мы, естественно, съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждали наступленія субботы. Одинъ запахъ пекущагося въ печи хлѣба по пятницамъ уже одурялъ. И съ какою радостью, бывало, услышишь слова, обращенныя Зисель къ Ривкѣ: „Полагаю, что уже можно вынуть. Боюсь, чтобы не пересидѣлся“. Въ мигъ мы всѣ около печки въ шинкѣ (хлѣбъ печется тамъ). Вотъ удалена приставленная къ жерлу глиняная дверца, такъ называемый „чулентъ-брейтелъ“, и передъ нашими восторженными и жадными взорами появляются сидящіе спереди важные господа калачи съ такимъ восхитительнымъ розовымъ загаромъ, а за ними, въ черной глубинѣ, сидятъ простые сѣрые хлѣбы, немножко приплюснутые, совсѣмъ осѣвшіе, ковшеобразные, но все-же соблазнительные.

— Хале чудесно взошла—замѣчаетъ Зисель,—а хлѣбъ совсѣмъ спустился. Не хлѣбъ, а ковши—скверная мука! Тѣсто разлѣзалось подъ руками. Надо сдѣлать черный конецъ этой паршивкѣ Росѣ.

Уже второй разъ она мнѣ посылаетъ такую муку. Еще родственница шмодственница!..

Но мы въ эти тонкости не входимъ, и когда на обгорѣлой лопатѣ является первый ароматный горячій хлѣбъ, который укладывается затѣмъ на широкой лавкѣ, мы его окружаемъ со всѣхъ сторонъ, какъ самое дорогое существо, а Майка даже принимается прыгать отъ радости. И когда хлѣбъ разламывается на части, распространяя кругомъ горячій ароматный паръ, и каждый получаетъ свою долю, мы испытываемъ наслажденіе, которое описать я не берусь. А сколько такихъ радостей и наслажденій давала намъ пятница. Одно это предвкушеніе будущихъ наслажденій заключало въ себѣ уже цѣлый рай.

За часъ до захода солнца сообщенія между обѣими половинами корчмы прекращались. Вся торговля до слѣдующаго вечера передавалась Артемихѣ. Одно время субботняя торговля довѣрялась Горпинѣ; но какъ только она получала водку въ свое распоряженіе, она немедленно оставляла роль продавщицы и дѣлалась самой ревностной потребительницей. Совсѣмъ не торговать въ субботу оказывалось совершенно невозможнымъ, ибо проѣзжіе мужики способны были дѣлать всякія насилія, если бы имъ отказали выдавать водку или вино. На разстояніи сорока верстъ — это была единственная корчма по дорогѣ. Была, правда, въ пяти верстахъ отъ Хатки деревня Караши. Она стояла не у самой дороги, а въ полуверстѣ отъ нея. Въ саженяхъ около шестидесяти отъ дороги находился шинокъ, помѣщавшійся въ низенькой землянкѣ, въ которой обиталъ шинкарь Мотька, извѣстный подъ именемъ „Мотька Файфачъ“ за то, что его сильно приплюснутый носъ не позволялъ ему ясно говорить, и всѣ звуки него походили на *ф*. Но тамъ никто не осмѣливался останавливаться даже днемъ; ибо деревня эта стяжала себѣ безсмертіе своими знаменитыми конокрадами, которые изъ-подъ самаго носа уводили лошадей и воловъ. И ее всѣ такъ и называли „Караши, де кони не наши“. Кромѣ того, какъ на бѣду, суббота принадлежала къ тѣмъ рѣдкимъ днямъ недѣли, когда проѣздъ былъ оживленный, особенно послѣ обѣда:

всѣ направлялись въ Б. на базарный день, который тамъ имѣлъ мѣсто по воскресеньямъ.

Вотъ явилась грузная Артемиха въ своей сѣрой „куцавейкѣ“ на ватѣ; голова ея закутана въ большой темно-коричневый платокъ съ огромными пестрыми цвѣтами въ серединѣ, среди которыхъ преобладаютъ желтые и зеленые. Въ рукѣ у нея узелокъ съ провизіей, такъ какъ она вѣдь и ночуетъ тутъ, на случай, если кто-нибудь будетъ будить ночью. Зисель отдѣляетъ ей два или три штофа водки, нѣсколько селедокъ, рыбъ соленыхъ, хлѣбовъ и т. д. Она водворяется на лежанкѣ, гдѣ устанавливаетъ все въ углу, прикрывъ тщательно рядномъ; стойка же тщательно запирается.

Артемиха очень гордится своей миссіей; она ей, кромѣ того, напоминаетъ времена былого величія, когда она сама „шинковала“ тутъ отъ „іінерала“, когда ея красота и дородность привлекали проѣзжихъ еще больше, чѣмъ водка. Даже теперь пожилые мужики еще заигрываютъ съ нею и часто „поштуютъ“ водкой, чтобы пріобрѣсть ея дружбу. Но ея добродѣтель теперь неподкупна. Теперь она отмаливаетъ свои старые грѣхи и все мечтаетъ идти на богомолье въ Ошпаровскій монастырь, гдѣ находится извѣстная во всей округѣ „явленная икона“. Она тѣмъ не менѣе свое дѣло отлично знала и умѣла подливать пару рюмокъ чистѣйшей воды къ каждому штофу, чтобы имѣть нѣсколько лишнихъ копѣекъ. И такъ какъ Зисель также часто сама предварительно „подкрещивала“ водку, то въ этотъ седьмой день недѣли послѣдняя теряла всякую крѣпость. Предупредительная Артемиха, чтобы избѣгнуть жалобъ, бросала туда кусочки краснаго перца, увѣряя, что она это дѣлаетъ только для блага своихъ ближнихъ, что тогда получается не простая водка, а „перцовка“, которая благотворно дѣйствуетъ противъ всякихъ болѣзней.

И усѣвшись на лежанкѣ возлѣ своихъ штофовъ, она себя чувствуетъ точно возстановленная на своемъ престолѣ царица, блаженно улыбается и ждетъ кліентовъ. А пока она очень дружески бесѣдуетъ съ Зисель, если та уже свободна. Шинокъ, тѣмъ временемъ убранный и тщательно выметенный, также принимаетъ субботній видъ.

А въ той половинѣ дѣтки съ мокрыми, еще недавно вымытыми головами, стоя между лежанкой и спинкой кровати, одѣваютъ чистое бѣлье и свои субботнія платьица. Переодѣвшись, онѣ дѣлаются какъ-то серьезнѣе, смотрятъ на себя какъ будто съ бо́льшимъ уваженіемъ и чинно усаживаются рядкомъ, глядя на свои чистенькіе башмачки. Комната давно уже убрана къ субботѣ; земля вымазана и посыпана тонкимъ битымъ краснымъ кирпичемъ, котораго остался нѣкоторый запасъ на чердакѣ послѣ починки печей за годъ передъ симъ. Столъ накрытъ бѣлой скатертью, а на немъ уже кстати покрытыя чистыми утиральниками хале и стоятъ четыре вычищенныхъ мѣдныхъ подсвѣчника и два еще мокрыхъ, только-что сфабрикованныхъ изъ остатковъ глины, которою замазали „чулентъ“ [1]),—и во всѣ эти подсвѣчники вставлены тоненькія синеватыя сальныя свѣчки. Убранство комнаты лежитъ на обязанности Ривки, и въ пятницу она это дѣлаетъ особенно старательно. Зато она инквизиторскимъ окомъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не испортилъ того, что она сдѣлала, и съ яростью тигрицы, охраняющей своихъ дѣтенышей, бросается на всякаго, кто вступитъ ногою на мокрую еще землю, дотронется до убранной постели или же обопрется спиной около сейчасъ только подмазанной стѣны.

Вотъ уже и братъ умылся, одѣлъ чистое бѣлье и снимаетъ со стѣны, гдѣ виситъ все праздничное одѣяніе, окутанное простыней, свой атласный кафтанъ и свой субботній бархатный картузъ, который онъ тщательно чиститъ отъ приставшихъ къ нему перьевъ краемъ рукава, за неимѣніемъ щетки. Онъ вообще отличается большой опрятностью въ одеждѣ, которую онъ тщательно бережетъ, не допуская на ней ни пятнышка, ни пылинки. И что бы на немъ ни было, онъ кажется всегда прекрасно одѣтымъ.

Въ субботней черной одеждѣ его тонкія красивыя благородныя черты особенно рельефно выступаютъ и какъ будто дѣлаются еще благороднѣе и красивѣе. Какъ онъ тогда напоминалъ отца! Но въ то время, какъ у отца при наступленіи субботы лицо освѣщалось какимъ-то особеннымъ сіяньемъ и глаза свѣтились

[1]) Субботнее кушанье.

радостью, у брата, наоборотъ, постоянно, когда приближалась суббота, его прелестное лицо заволакивалось какой то тучкой и въ глазахъ появлялась глубокая грусть; онъ чаще издастъ глубокіе вздохи, словно наступилъ не день радости, а день печали. И вся его молитва, тянувшаяся очень долго, отъ перваго до послѣдняго слова представляла одну жалобу. Въ субботніе и праздничные дни онъ какъ будто больнѣе всего чувствовалъ и яснѣе видѣлъ ту страшную пропасть, которая зіяла передъ нимъ изъ той половины, на которую онъ тогда смотрѣлъ съ особенною ненавистью. Онъ отлично вѣдь зналъ, сколько тамъ компромиссовъ дѣлается съ совѣстью и съ элементарной честностью. Онъ тутъ не допускалъ никакихъ послабленій и объясненій, и когда ему доказывали разными цитатами, что это, молъ, позволено, онъ запальчиво разбивалъ противника, ясно, безъ обиняковъ показывая, что это одни только софизмы, что ради „парнусы“ [1]) ищешь себѣ разныхъ выходовъ, и что въ сущности это все одно „гнева и гзела“ [2]), до котораго довелъ насъ „горькій голусъ“.

Поэтому все, что ему напоминало тогда ту половину или ту „темную могилу“, какъ онъ ее временами называлъ, вызывало въ немъ и негодованіе, и мучительную боль; онъ со стономъ говорилъ про себя: „Ахъ эта горькая, темная „парнуса“. И дѣйствительно—развѣ могло быть что-нибудь ужаснѣе, трагичнѣе, какъ положеніе этого чистаго благороднаго человѣка, душа котораго вся тонкая, сотканная изъ одной духовной матеріи, витала въ небесныхъ высяхъ, очутившагося въ роли степного цѣловальника или „корчмаря“. Принцъ, король въ этой роли, были бы гораздо менѣе трагичны. Онъ представлялъ собою воплощеніе того, что выражено въ этихъ страшныхъ словахъ: „schechinto begolissa или oraisso begolissa“ [3]). Высшій духъ, Тора — за стойкою!

И вотъ Беръ стремился хоть въ этотъ субботній день сбро-

---

[1]) Пропитаніе.

[2]) Воровство и грабежъ.

[3]) Божество. Тора въ плѣну.

сить съ себя всякія цѣпи этого ужаснаго сна, порвать со всѣмъ тѣмъ, что связывало его съ тою рабской и недостойною жизнью, жить не одному, а со всею семьей хоть одинъ день въ недѣлю свободной отъ земныхъ оковъ жизнью въ своей чистой духовной атмосферѣ. И подобно тому, какъ долго голодающій бѣдняга медленно, маленькими глотками ѣстъ полученную пищу, чтобы продлить столь рѣдко выпадающее на его долю наслажденіе, такъ братъ все, что относилось къ субботѣ, дѣлалъ медленно и чрезвычайно растягивалъ. Вечернія субботнія молитвы, со всѣми дополненіями, длились у него не меньше, чѣмъ полтора часа. Въ это время Зисель, утомленная дневными трудами, бывало дремлетъ, полулежа на лежанкѣ. Вся же дѣтская компанія усаживается на длинной лавкѣ, поставленной вдоль замазанной печи, и тихо перешептывается. Какъ они восхитительны въ своихъ простенькихъ субботнихъ нарядахъ съ празднично сіяющими личиками. И смуглая Ривка теперь тоже хороша; ея большіе, выразительные черные глаза особенно блещутъ и такая хорошая, будто теплая праздничная краска появляется на ея щекахъ.

Я сижу за столомъ и молюсь. Моя одежда не вполнѣ, даже совсѣмъ не праздничная. Козырекъ моей шапки раздвоенъ и имѣетъ въ серединѣ широкую бѣлую полосу; башмаки мокры внутри и при каждомъ шагѣ, который я дѣлаю, они издаютъ непріятные свистящіе звуки и при этомъ изъ дыръ выступаютъ черныя грязныя капли. Только „капоткеле“ имѣетъ еще болѣе или менѣе праздничный видъ уже потому, что я ее одѣваю только по субботамъ. И недаромъ всегда при „одѣваніи на субботу“ у меня такъ больно сжимается сердце, и горячая слеза вырывается изъ раскраснѣвшихся глазъ. Помолившись, я тоже присоединяюсь къ дѣткамъ, и такъ сидимъ мы всѣ вмѣстѣ въ ожиданіи ужина. Это были самые восхитительные часы въ нашей степной жизни. Въ комнатѣ такъ радостно, свѣтло, тепло и уютно, и вся она пропитана одуряющимъ запахомъ субботнихъ блюдъ. Въ углу у стѣны стоитъ Беръ, весь охваченный духовнымъ экстазомъ. И такъ глубоко проникаютъ въ душу тихіе, печальные стонущіе звуки его задушевнаго голоса. А изъ черной пропасти,

что подъ печкой, гдѣ такъ любитъ прятаться кошка и куда и временами забирается иная квочка, доносится теперь особенно громко и упорно дребезжащій металлическій звонъ сверчка.

За ужиномъ мы тоже остаемся часа полтора и почти всегда мы его кончаемъ при угасающихъ свѣчкахъ. Какъ и отецъ, братъ за столомъ такъ мягокъ, милъ и сердеченъ; самъ кормитъ младшихъ дѣтей, понукаетъ всѣхъ кушать, шутитъ, разсказываетъ. Но грустное выраженіе не покидаетъ его ни на минуту, и часто среди шутки у него вырывается глубокій стонъ.

Беръ не допускалъ въ субботу никакихъ криковъ, ссоръ, а также печальныхъ разговоровъ и воспоминаній, — о практическихъ же разговорахъ, касающихся торговли, и говорить нечего. Зисель буквально не смѣла заикнуться о чемъ бы то ни было, что касалось шинка и дѣловыхъ отношеній. А ей это очень трудно было, такъ какъ вся она была тамъ въ шинкѣ и въ дѣловыхъ заботахъ—правда, всегда совершенно безплодныхъ и крайне преувеличенныхъ. Какъ и покойный отецъ, Беръ дѣлалъ всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать этотъ день днемъ радости и полнаго моральнаго спокойствія. Но это ему не удавалось. Онъ могъ одолѣвать свой гнѣвъ, умиротворять и удерживать другихъ, могъ изгнать все прозаическое, грубо матеріальное; но гораздо меньше еще, чѣмъ отецъ, могъ онъ прогнать эту внутреннюю скорбь, которая засѣла въ его скорбной душѣ. Да, это было истинное воплощеніе schechintha begolisso — божество въ изгнаніи. И если бы я былъ художникомъ, независимымъ, свободнымъ,—словомъ истиннымъ художникомъ, безъ страха іудейска и безъ рабской угодливости, я бы такъ изобразилъ эту трагическую плѣненную schechintha, скорбящую о своемъ плѣненіи и объ изгнанномъ своемъ народѣ въ лицѣ Бера, сидящаго за субботнимъ столомъ...

Оживлялся онъ только тогда, когда ему удавалось имѣть подходящаго „ореха“ на субботу, съ которымъ могъ бы отвести душу, углубиться въ высокія духовныя бесѣды. Тогда на лицѣ его появлялось выраженіе блаженства, и весь домъ тогда дѣйствительно наполнялся высшей субботней радостью. Но это могло случиться

разъ или два за всю зиму. Но если это случалось, это была великая, неописуемая радость для всѣхъ—*для всего дома*. Радость эта увеличивалась тѣмъ, что обыкновенно такой гость попадался только въ самыя суровыя погоды, или же во время самой страшной грязи, либо, когда проѣзжій еврей въ пятницу, вслѣдствіе дурной дороги, пріѣзжалъ къ намъ слишкомъ поздно, чтобы двинуться дальше, либи же боялся, что не успѣетъ доѣхать до наступленія субботы, т. е. до захода солнца. Тогда онъ поневолѣ оставался на субботу здѣсь. И вотъ представьте себѣ въ такое время, когда души не видно, когда проѣзжій вообще — большая рѣдкость, за часъ или два до захода солнца, когда уже собираются благословить свѣчи, вдругъ къ корчмѣ подъѣзжаетъ телѣга, и на ней оказывается еврей!

Естественно, что когда вообще попадалъ еврей въ пятницу часа за два или три до захода солнца, его всѣми силами старались удерживать, убѣждая, что онъ никакъ не успѣетъ доѣхать и т. д. Я даже однажды учинилъ форменную пакость двумъ евреямъ, чтобы ихъ задержать на субботу. Дѣло было такъ. Въ одну пятницу, когда кругомъ стояла невылазная грязь, часа въ два дня къ корчмѣ подъѣзжаютъ два еврея, видно богатые, судя по ихъ одеждѣ и чемоданамъ—одинъ сѣдой съ почтенной бородой, другой помоложе. Бера не было дома; онъ наканунѣ уѣхалъ и долженъ былъ скоро возвратиться изъ А. И вотъ они пристали къ Зисель, чтобы она имъ дала почтовыхъ лошадей до А. Собственныя лошади, на которыхъ они пріѣхали, выбились изъ силъ и пристали. Онѣ насилу доплелись до станціи. Подорожной у нихъ, конечно, не было, и они предлагали заплатить двойные, даже тройные прогоны, ибо они „мехутонимъ“, ѣдутъ на свадьбу, а въ эту субботу „ofrufens“, т. е. призываніе жениха къ Торѣ. Все это хорошо. Зисель согласилась бы, принимая во вниманіе ихъ положеніе. Но бѣда въ томъ, что ямщика нѣтъ. Всѣ въ разъѣздѣ. Евреи подскочили какъ ужаленные, когда имъ это заявили... „Что тутъ дѣлать, что тутъ дѣлать?“—кричали они; въ волненіи шагая по комнатѣ.

— Проведете субботу тутъ, — замѣтила имъ Зисель.—Вы, слава Богу, среди евреевъ. Вотъ скоро мужъ мой возвратится изъ города, и онъ будетъ очень радъ.

— Что вы это говорите, еврейка!—закричали оба въ одинъ голосъ.—Имѣйте Бога въ сердцѣ!.. Цѣлую недѣлю тащились, чтобы успѣть на субботу, и вдругъ остаться въ корчмѣ. Это мой братъ Шуломъ-Дувидъ, знаете его, конечно, выдаетъ первую дочь. Уже довольно обидно, что моя жена не поѣхала. Понимаете, тамъ ждутъ насъ, знаютъ, что ѣдемъ. Они съ ума сойдутъ, не будутъ знать, что подумать. Не могу вамъ сказать, какая у васъ будетъ „мицва“. Быть можетъ, вы все-таки найдете хоть кого-нибудь, лишь бы сѣсть на телѣгу. Мы сами будемъ править.

— А быть можетъ съ вами поѣдетъ жена ямщика,—предложила Зисель, считая свою идею очень счастливой.

— Какъ! Съ женщиной поѣдутъ, они, два еврея. Никогда!

И вдругъ взоры старшаго упали на меня.

— А что если бы этотъ мальчикъ поѣхалъ съ нами,—воскликнулъ онъ, озаренный радостной идеей.—Вѣдь мужъ вашъ ѣдетъ съ ямщикомъ, не такъ ли. Ну вотъ, когда мы съ нимъ встрѣтимся, ямщикъ, который везетъ его, пересядетъ къ намъ и повезетъ насъ до А., а мальчикъ пересядетъ къ нему и возвратится домой. А управлять лошадьми, мы, повторяю, сами будемъ, если онъ не умѣетъ.

Я не умѣю! Какъ это можно подозрѣвать меня въ такомъ невѣжествѣ. Я уже съ четверкой могъ бы справиться, какъ вскорѣ и доказалъ. Правда, я угодилъ въ канаву и перевернулъ экипажъ, но то уже была не моя вина, а вина вожжей, которыя перепутались и пристяжной, которую я тянулъ налѣво, полѣзшей какъ разъ направо—въ самую канаву.

Послѣ долгихъ дебатовъ идея старшаго была принята, и я самъ вывелъ изъ конюшни Бѣлогубчика, Вороного и Толстаго, на которыхъ съ помощью Фроськи были надѣты хомуты. Толстый и Бѣлогубчикъ были запряжены въ корень, а Вороной въ пристяжку, и я гордо подъѣхалъ къ корчмѣ, гдѣ сѣли наши сѣдоки. Я былъ почти нагъ и на меня напялили какой-то завалявшійся

„твинъ“ [1]), на которомъ оставалась только одна подкладка и вата, верхняя же матерія совсѣмъ расползлась. Рукава были такіе громадные, что даже въ качествѣ штановъ были бы вдвое больше, чѣмъ слѣдовало. Тѣмъ не менѣе, я, одѣваясь, только трепеталъ при мысли, что вотъ-вотъ возвратится братъ съ ямщикомъ, и весь мой великій „тріумфъ“ рухнетъ.

Наконецъ мы благополучно тронули. Лошади, по принятому обычаю, съ мѣста рванулись на славу и около полуверсты пробѣжали довольно бойкой рысью, къ великой радости моихъ мехутонимъ, которые уже сулили мнѣ полные карманы „лекахъ“ [2]) на обратномъ пути. Но когда телѣга все больше и больше стала врѣзываться въ грязь, лошади оставили свою прыткость и пошли медленнымъ шагомъ, а неповоротливый, пузатый Толстый, прозванный такъ за свою необычайную толщину, еле вытаскивая свои ноги, предпочиталъ полный отдыхъ, держась задомъ по возможности ближе къ штильвагѣ, такъ что его постромки свободно шлепались; это означало, что онъ предоставляетъ своимъ добрымъ товарищамъ полную свободу и возможность самимъ таскать телѣгу. Приходилось пускать безпрерывно въ ходъ кнутъ, тѣмъ болѣе, что мои сѣдоки сидѣли словно на раскаленныхъ угольяхъ, и какъ только лошади замедляли ходъ, начинали кричать благимъ матомъ, что, молъ, уже солнце садится и они опоздаютъ. Они думали, что „почтовая“ все время летитъ во всю прыть. И вотъ черезъ четверть часа ѣзды, у меня, отъ безпрерывнаго дѣйствія кнутомъ, уже до того разболѣлась правая рука, что я больше не въ состояніи былъ ею двигать. А Толстый все больше и больше упрямился, Вороной съ Бѣлогубчикомъ совсѣмъ выбились изъ силъ; паръ отъ нихъ валилъ, какъ изъ парового котла, и они поминутно останавливались. Къ тому же у меня страшно окоченѣли ноги, а сѣверо-восточный холодный вѣтеръ пронизывалъ меня всего. Я уже проклиналъ свою ямщицкую роль, которой такъ прельщался, и думалъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы я теперь сидѣлъ на печи, а эти евреи остались бы у насъ

[1]) Что-то вродѣ пальто.

[2]) Пряника.

на субботу. А лошади еле плелись, тащась медленнымъ шагомъ и каждый разъ дѣлая передышку.

— Дай-ка мнѣ вожжи,—сказалъ младшій,—и началъ гикать на лошадей. Тѣ, подумавъ немного, совсѣмъ стали. Тогда старшій взялъ вожжи, а младшій размахивалъ кнутомъ. Но напрасно. Лошади ни съ мѣста. Тогда они въ отчаяніи усѣлись обратно на свои мѣста и передали мнѣ вожжи. Лошади опять поплелись медленнымъ шагомъ, а я все больше выбивался изъ силъ и кочегѣлъ. Счастливая случайность мнѣ пришла на помощь. Повернувъ голову назадъ, я замѣтилъ, что одно колесо вмѣсто того, чтобы ровно перекатываться, качается то въ одну, то въ другую сторону и при этомъ трется объ ящикъ. Я слѣзъ и увидѣлъ, что винтъ, задерживающій колесо, совсѣмъ слабо держится, и еще минутка, онъ совсѣмъ соскользнетъ съ оси. Я его тихо отвинтилъ и незамѣтно бросилъ въ безграничную пропасть моего „твина" между ватой и подкладкой, и воскликнулъ трагически:

— Мы дальше ѣхать не можемъ,—винтъ затерялся!

Легко себѣ представить ужасъ моихъ пассажировъ. Они оба слѣзли и стали шагать по грязи съ опущенными къ землѣ взорами, въ надеждѣ найти потерянный винтъ. Но разумѣется, ихъ труды были совершенно напрасны.

— Несчастье, чистое несчастье,—кричали они.—Все какъ будто намъ на зло.—Младшій въ досадѣ даже ругнулъ меня.

Скрѣпя сердце, они согласились повернуть назадъ. Ихъ, однако, поддерживала еще двойная надежда—во-первыхъ, найти по дорогѣ винтъ, а во-вторыхъ, что братъ скоро наѣдетъ со своимъ ямщикомъ. Повернулъ я назадъ и при поворотѣ, колесо не медленно свалилось. Бѣднымъ сѣдокамъ пришлось еще собственными руками вытащить его изъ болота и взвалить на телѣгу. Но хуже всего было то, что имъ нельзя было обратно сѣсть на совсѣмъ покосившуюся на бокъ телѣгу, край задней оси которой врѣзывался въ грязь. Я же на передкѣ могъ сидѣть очень удобно. Попробовали бѣдняги идти пѣшкомъ, но очень скоро выбились изъ силъ. Тогда младшій присѣлъ ко мнѣ на передокъ, а старикъ, болѣе смѣлый, сѣлъ верхомъ на пристяжную,—и такъ

мы поплелись. Когда я окинулъ взоромъ всю эту картину, меня охватилъ такой бѣшеный хохотъ, что въ бокахъ закололо. И такъ хохоталъ я всю дорогу. Къ счастью, мы проѣхали не больше трехъ верстъ, и мы скоро прибыли обратно. Всѣ выскочили къ намъ навстрѣчу, и даже Зисель расхохоталась, увидѣвъ это торжественное шествіе. Но нашимъ гостямъ было не до смѣха. Они все время шагали по комнатѣ, какъ звѣри въ клѣткѣ, и сильно волновались.

Очень поздно, уже въ моментъ, когда Зисель собиралась благословлять свѣчки, возвратился Беръ. Какъ велика была его радость, когда онъ вдругъ увидѣлъ этихъ двухъ задержанныхъ на субботу евреевъ. Когда онъ разсказалъ своимъ неожиданнымъ гостямъ, съ какими муками онъ доѣхалъ, какъ лошади, хотя онъ ѣхалъ четверкою, должны были останавливаться каждыя пять—десять минутъ, чтобы перевести духъ, что съ трудомъ дѣлали двѣ версты въ часъ и т. д., они значительно успокоились и даже обрадовались какъ будто, говоря: „Видно Богъ такъ велъ, чтобы не довелось намъ нарушить субботу“.

Это была одна изъ самыхъ радостныхъ и счастливыхъ суботъ, какую я помню въ Хаткѣ, и не только для насъ, но и для нашихъ насильственныхъ гостей. Обаятельная личность Бера произвела на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что они множество разъ благословляли Бога за то, что Онъ ихъ свелъ съ „такимъ дорогимъ евреемъ“. Съ другой стороны, братъ былъ въ восхищеніи отъ своихъ гостей, особенно отъ старшаго, которые оказались очень знающими, глубоко благочестивыми, задушевными людьми и пламенными хасидами. Ужинъ затянулся далеко за полночь въ безконечныхъ задушевныхъ бесѣдахъ и увлекательныхъ разсказахъ. Ривкѣ пришлось нѣсколько разъ идти въ погребъ точить вино при помощи Артемихи, которая носила свѣчку. То же самое повторялось и на другой день. И когда наступилъ моментъ разлуки, обѣ стороны глубоко сожалѣли, что эта суббота оказалась такой короткой и не длилась еще нѣсколько дней...

Бенъ-Ами.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Два теченія въ еврейской жизни [1]).

Культурно-историческій очеркъ.

VII ([2].

Уясняя себѣ роль, какую каббала играла въ еврействѣ, становится вполнѣ понятнымъ, что она неминуемо должна была стать въ оппозицію не къ одной только философіи Маймонида — ее не могли также удовлетворить ни сухая схоластика Талмуда, ни мертвая обрядность раввинизма. Выступая сначала противъ одной только философіи, она въ концѣ концовъ должна была охладѣть, а затѣмъ перейти даже въ явно враждебное отношеніе къ сухому талмудизму и мертвой обрядности. Но это теченіе стало лишь замѣтнымъ къ концу 13-го вѣка, въ началѣ же борьбы противъ философскихъ воззрѣній Маймонида каббала шла рука объ руку съ ортодоксальнымъ раввинизмомъ противъ общаго опаснаго врага. И дальнѣйшій ходъ событій весьма скоро доказалъ, что опасенія такихъ выдающихся противниковъ Маймонида, какъ Меиръ Абулафія, Іегуда Альфахаръ и Соломонъ изъ Монпелье, далеко не были лишены основанія. Даже Грецъ, столь пристрастно и односторонне излагающій весь періодъ борьбы противъ Маймонида, принужденъ признать, что „тѣ связующія средства (Bindemittel), которыя Маймонидъ употребилъ для объединенія міровоззрѣній іудаизма и аристотелизма оказались на дѣлѣ слишкомъ искусственными и обманчивыми... Для примиренія этихъ двухъ противоположныхъ міровоззрѣній Маймонидъ пожертвовалъ кое-чѣмъ изъ іудаизма, въ особенности простымъ смысломъ библейскаго слова

---

[1]) См. кн. „Восх." сентябрь.

[2]) По недосмотру типографіи, въ предыдущей книжкѣ стр. 98, гдѣ кончается 6-я глава, попалъ абзацъ изъ *восьмой* гл., начиная отъ словъ „и на арену еврейской жизни" до „то были—Сабатай Цеви и Барухъ Спиноза".

(schlichten Wortsinn der Bibel) и еще больше—талмудической агадой. Но его послѣдователи уже не довольствовались этими жертвами. Подвигаясь шагъ за шагомъ, они доводами разума отвергли весьма многое изъ того, что Маймонидъ оставилъ въ іудаизмѣ нетронутымъ" [1]). Аллегорическія, весьма сухія и лишенныя всякаго поэтическаго духа, объясненія Маймонида разныхъ повѣствовательныхъ мѣстъ въ Библіи—доведены были его послѣдователями до сплошнаго абсурда. Вся Библія у нихъ фактически превратилась въ аллегорическій комметарій къ ученію Аристотеля [2]). Поразительные по своему безвкусію примѣры къ этому своеобразному способу комментировзнія Библіи приводитъ извѣстный противникъ философіи Аба-Мари въ своей книгѣ „Минхатъ-Каноотъ" [3]).

Особенно пагубное вліяніе оказалъ сухой *раціонализмъ* Маймонида. Попытки Маймонида дать постановленіямъ и заповѣдямъ Торы раціоналистическія объясненія, подчеркивая главнымъ образомъ *полезность* этихъ постановленій, и его построеніе этики на исключительно утилитарныхъ началахъ — привели его поверхностныхъ послѣдователей къ полному религіозному индифферентизму. Разъ всѣ постановленія имѣютъ лишь раціоналистическую подкладку, то достаточно только *понимать* ихъ—и ихъ исполненіе уже становится излишнимъ. Любопытнымъ образчикомъ отношенія этихъ „раціоналистовъ" къ постановленіямъ Торы можетъ служить приведенный Аба-Мари вопросъ, заданный въ синагогѣ однимъ изъ „философствующихъ": „зачѣмъ это вздумалось Моисею запретить свинину? Неужели изъ-за ея вредныхъ качествъ? Но вѣдь врачи особенно вреднаго въ ней не находятъ".

Этотъ-то индифферентизмъ къ религіи, развившійся въ извѣстныхъ, такъ называемыхъ, просвѣщенныхъ сферахъ, вскорѣ при-

---

[1]) l. c. Band VII p. 354—355.

[2]) Моисей де Леонъ, одинъ изъ творцовъ Зогара, весьма мѣтко полемизируетъ въ своей книгѣ „Сеферъ га-нефешъ гахахуму" съ тогдашними представителями религіозной философіи, которые, какъ онъ говоритъ, „увѣряютъ, будто содержаніе іудаизма всецѣло покрывается греческой философіей. Если бы оно дѣйствительно такъ было, зачѣмъ, спрашивается, понадобилось все это синайское откровеніе среди бури, грома и молніи, разъ оно учитъ лишь тому, чему училъ Аристотель безъ всякаго шуму". Де-Леонъ приходитъ поэтому къ заключенію, что еврейскіе философы лишь для виду толкуютъ о примиреніи іудаизма съ философіей, дабы обмануть народъ и ввести контрабаднымъ образомъ милую ихъ сердцу философію (цит. у Греца l. c. Band VII p. 232).

[3]) Цит. у д-ра Беренфельда „Даатъ Элогимъ" стр. 401—2; см. также у Греца l. c. Band VII p. 226—27.

велъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ: отступленія отъ религіи отцовъ стали все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ. И явленіе это весьма понятное. Стоитъ ли страдать, переносить неудобства и даже униженія изъ-за религіи, не имѣющей въ сущности никакого самостоятельнаго значенія. Многіе изъ этихъ добровольныхъ вѣроотступниковъ, какъ, напримѣръ, пресловутый Авнеръ изъ Бургоса, онъ же Alfonso de Balladolid (род. 1270, ум. 1346), стали въ ряды самыхъ заклятыхъ враговъ и гонителей еврейскаго народа [1]). На истинную подкладку этихъ частыхъ отступленій отъ вѣры отцовъ указалъ уже современникъ этихъ печальныхъ событій, Іошуа Алураки, въ своемъ письмѣ къ одному изъ этихъ новоявленныхъ христіанъ, донъ Соломонъ Галеви: „Можетъ твое знакомство съ философіей побудило тебя перевернуть все вверхъ дномъ и смотрѣть на вѣрованія, какъ на глупость и обманъ. Ты поэтому и избралъ путь болѣе спокойный для тѣла и для духа, желая жить безъ боязни и страха“ [2]).

Подобные печальные факты еще болѣе возбуждали вѣрующихъ, любящихъ свой народъ людей противъ философіи и ея приверженцевъ. „Когда я сталъ присматриваться къ ихъ (занимающихся философіей) ученію, возмущенно заявляетъ ученый 14-го вѣка раби Шемъ-товъ ибнъ Шемъ-товъ, огонь запылалъ въ душѣ моей, такъ какъ я увидѣлъ, что проказа ворвалась въ станъ Израиля. Всѣ эти поколѣнія нарушали Тору, измѣняли завѣтамъ ея при помощи философскихъ силлогизмовъ; а когда начались преслѣдованія и гоненія, погибла община наша, такъ какъ виднѣйшіе изъ философствующихъ покинули Тору, прорвали ея ограду и увлекли за собой многихъ“.

Любопытную картину отношеній вѣрующихъ и философствующихъ даетъ намъ извѣстный комментаторъ и восторженный приверженецъ Маймонида—Ибнъ-Каспи (1280 — 1340). „Два класса,

---

[1]) Не лишены интереса слѣдующія строки у Греца, въ которыхъ историкъ пытается объяснить причины, побудившія Авнера къ отступничеству: „Аристотеле-маймонидовская философія, которую онъ (Авнеръ) усвоилъ, а можетъ и астрологія, которой онъ увлекался — расшатали (aufgezehrt) его вѣру и сдѣлали его индифферентнымъ не только къ іудаизму, но ко всякой религіи вообще... Гоняясь за богатой и привольной жизнью, онъ уже въ преклонномъ возрастѣ рѣшилъ принять христіанство, которое такъ же мало могло его удовлетворить, какъ и религія, отъ которой онъ отрекся“ (l. c. Band VII p. 337—38).

[2]) Цит. у Беренфельда. О пагубномъ вліяніи ренегатовъ того времени, см. также Вайсъ „Доръ-доръ-вудоршовъ“. Ч. V, стр. 147.

пишетъ онъ, существуютъ въ настоящее время, внутри іудейства. Ученики философіи осмѣиваютъ талмудъ, отрекаются отъ обрядностей іудаизма, объявляя все въ Св. Писаніи простой метафорой, да вообще они мало церемонятся съ религіей и ея постановленіями. Второй же классъ презираетъ науку, ругаетъ Аристотеля и его комментаторовъ".

Рука объ руку съ усиленіемъ индифферентизма къ религіи въ высшихъ еврейскихъ сферахъ — шло также нравственное одичаніе еврейско-испанскихъ общинъ 13 и 14-го вѣка. Въ то время въ Зап. Европѣ евреи жили при сравнительно сносныхъ условіяхъ на одномъ только Пиренейскомъ полуостровѣ. Тамъ еврейскіе богачи и гранды играли довольно видную роль при дворахъ правителей и принимали дѣятельное участіе въ разныхъ придворныхъ интригахъ и заговорахъ. Жадность, тщеславіе и мелкая зависть стали отличительными чертами еврейской аристократіи. Враждуя и интригуя другъ противъ друга, они вносили смуты и въ сами общины, сѣяли всюду раздоры и ненависть. „Въ нравственномъ одичаніи, жалуется одинъ современникъ, р. Ицхокъ бенъ Шешетъ, болѣе всего повинны еврейскіе придворные, аристократы и богачи. Они только заботятся, что о своей славѣ и своихъ богатствахъ, а о Богѣ своемъ они вовсе не думаютъ". Еще болѣе безотрадную картину рисуетъ Соломонъ Алами въ своемъ „Игеретъ Мусоръ", написанномъ въ 1315 году.

„Большинство еврейскихъ вельможъ, жалуется онъ, которые имѣютъ доступъ къ дворцамъ королей и которымъ довѣрили ключи отъ государственныхъ кассъ, кичатся своимъ высокимъ положеніемъ и богатствомъ своимъ, а о бѣдныхъ не думаютъ. Они строятъ себѣ дворцы, разъѣзжаютъ въ роскошныхъ каретахъ или на богато разукрашенныхъ мулахъ; одѣваются въ пышныя платья, и какъ принцессъ увѣшиваютъ своихъ женъ и дочерей золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Они равнодушны къ религіи, презираютъ скромныхъ, ненавидятъ людей живущихъ своимъ трудомъ, и покровительствуютъ тунеядству. Они только и думаютъ о томъ, чтобы освободиться отъ налоговъ и всю тяжесть послѣднихъ взвалить на бѣдные классы... Въ каждомъ городѣ знатные живутъ въ раздорахъ и изъ-за ничтожныхъ причинъ затѣваютъ ссоры. Изъ-за непріязни и зависти они клевещутъ другъ на друга передъ королями и князьями" [1]).

---

[1]) См. Грецъ l. c. Band VIII p. 42—44; Вайсъ „Доръ-доръ-вудоровъ", ч. V, стр. 141; Беренфельдъ l. c. стр. 387—8 и др.

Измѣна, предательство и доносительство стали обычнымъ явленіемъ въ еврейскихъ общинахъ. Нужно еще принимать во вниманіе, что евреи имѣли тогда свои собственные суды, въ которыхъ засѣдали раввины и ихъ помощники. Эти суды имѣли даже право приговаривать къ смертной казни. Правда, исполненіе приговора зависѣло отъ согласія короля, но добиться такого согласія нетрудно было придворному еврею, любимцу короля [1]). И суды вмѣстѣ съ раввинами довольно часто превращались въ послушныя орудія этихъ баловней судьбы для сведенія личныхъ, мелкихъ счетовъ. Злоупотребленіямъ не было конца, и далеко не всѣ раввины оказались на высотѣ положенія и противостояли разнузданности еврейскихъ вельможъ. Иные раввины возбуждали также противъ себя свою паству своей сухой педантичностью и излишней строгостью. „Отлученія сыпались за каждую мелочь". Это вызывало раздоры, часто сопровождаемые доносами и предательствомъ [2]). „И видѣлъ я, жалуется современникъ, авторъ „Шевиле эмуну", весь народъ бредетъ въ безпросвѣтной темнотѣ; просвѣщенные исчезаютъ среди народа, мудрецовъ становится все меньше, а притѣснители и корыстолюбцы безчинствуютъ" [3]).

То, что при этомъ одичаніи нравовъ духовные пастыри далеко не всегда оказывались на высотѣ своего призванія и становились порою послушнымъ орудіемъ еврейскихъ вельможъ во вредъ бѣднымъ классамъ, дѣлаетъ понятнымъ, отчего одинъ изъ творцовъ „Зогара" Абраамъ Абулафія, этотъ вѣчно странствующій нищій, относился такъ враждебно къ „грубымъ ученымъ" (לומדים הגסים), къ представителямъ раввинизма, которые, по его словамъ, только и интересуются, что „кассовыми книгами и денежными счетами". Съ такой же рѣзкостью Абулафія нападалъ на тѣхъ раввиновъ, у которыхъ изученіе закона стало самодовлѣющей цѣлью и талмудическая казуистика—альфой и омегой всякой премудрости [4]).

И именно со времени Абулафія начинается враждебное отношеніе каббалы къ сухому раввинизму; стремясь внести оживленіе и очищеніе въ сердца, она выступаетъ противъ омертвѣнія раввинизма. Эта тенденція уже ясно пробивается въ самомъ Зогарѣ

[1]) Какъ это было съ несчастнымъ Іосифомъ Пихонъ, при королѣ Донъ-Жуанѣ I. Недруги Пихона выпросили у короля утвержденіе смертнаго приговора надъ одной „опасной личностью", вовсе не называя королю имени осужденнаго (Грецъ, Band VIII p. 45—46).

[2]) См. Вайсъ l. c., часть V, стр. 141.

[3]) Ibid.

[4]) „זאת הכת (אשר אין רפואה למכתה) כוללת רוב חכמי התלמוד היום אשר הכמתם אצלם... היא תכלית כל החכמות".

(появившемся въ самомъ концѣ 13-го вѣка). Тамъ галаха сравнивается съ сухимъ жесткимъ камнемъ, изъ котораго съ трудомъ удается выбить капли живительной влаги, въ то время какъ каббала подобна живому бьющему черезъ край ключу. Мишна въ сравненіи съ каббалой есть рабыня передъ госпожей כי ישפחה משנה גבירתה דא (חורש [1]).

Основатели Зогара ополчаются также на тѣхъ представителей раввинизма, которые только и знаютъ, что „отлучать и отвергать, лишать и запрещать“ („חרוב והחרם, הטרף ואסור“). Таково же было отношеніе къ раввинизму и со стороны каббалистовъ 14-го вѣка.

„Каббалисты 14-го вѣка,—говоритъ д-ръ Бернфельдъ,—были въ большинствѣ случаевъ люди съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ, душа которыхъ жаждала чего то идеальнаго, возвышеннаго, словомъ того, чего они не находили въ талмудическомъ іудаизмѣ. Они не долюбливали талмудическихъ силлогизмовъ, талмудической схоластики, которая давала пищу *уму*, а не алчущей *душѣ*. Имъ не нравился талмудъ, потому что онъ является ученіемъ *отдѣльныхъ органовъ*, а они жаждали другого ученія,—ученія души“...

Такимъ образомъ, испанская каббала являлась съ одной стороны протестомъ противъ сухой метафизики, отдающей предпочтеніе уму передъ религіознымъ чувствомъ, а съ другой—выступала также противъ тѣхъ, которые видятъ въ талмудической казуистикѣ альфу и омегу [2]).

„Каббала,—говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ,—была по духу своему болѣе способна, чѣмъ религіозная философія, стать народнымъ ученіемъ, признаваемая какъ религіозная система всѣми слоями народа. Съ одной стороны, она основывала свое ученіе не исключительно на логическихъ предпосылкахъ, но и на эмоціональныхъ факторахъ (רגשות הלב), а съ другой — она не является ученіемъ избранныхъ, аристократовъ духа, какой являлась философія, но могла въ общемъ стать достояніемъ всего Израиля. Каббала не довольствовалась тѣмъ, чтобы стать *научной* религіозной системой, а всѣми силами старалась проложить себѣ дорогу во всѣ слои народа, стать цѣльнымъ ученіемъ, обнимающимъ всю духовную жизнь... Нѣтъ словъ выразить благодарность этой религіозной системѣ, которая спасла и сохранила остатки поэти-

---

[1]) См. Грецъ l. c. Band VII p. 245; ibid p. 505. Заслуживаетъ однако быть отмѣченнымъ, что творцы Зогара относились холодно только къ галахѣ, но очень высоко ставили агаду и ея этическое значеніе.

[2]) „Даатъ Элогиль“ стр. 350—51.

ческой религіозной красоты во Израилѣ, которая навѣрно затерялась бы современемъ, потому что, съ одной стороны, талмудическая схоластика была слишкомъ тѣсна для этой красоты, а сухая философія въ свою очередь не оставила никакого простора для поэтическаго чувства въ еврействѣ.

Каббала стала священнымъ орудіемъ для возвышенія души, для внутренней религіозной эмоціи. Богиня поэзіи, изгнанная изъ дома Израиля съ 13-го вѣка, пріютилась съ тѣхъ поръ въ одной только каббалѣ, которая охватила тогда всю религіозную и моральную жизнь еврея [1]).

VIII.

Борьба „религіи сердца“ съ схоластической философіей окончилась полнымъ пораженіемъ послѣдней. Въ эту страшную эпоху крови и насилій, истерзанный Израиль не могъ, какъ мы уже указывали въ предыдущихъ главахъ, найти утѣшеніе и облегченіе для своихъ тяжкихъ ранъ въ холодномъ ученіи еврейскихъ аристотеликовъ, и онъ, побуждаемый инстинктомъ самосохраненія, направилъ свои духовныя силы по другому пути. Религіозная философія должна была тогда зачахнуть, умереть естественной смертью — и она тщетно боролась противъ безпощаднаго приговора исторической необходимости. Правда, въ первой половинѣ 14-го вѣка явился еще въ Южной Франціи одинъ замѣчательный мыслитель р. Леви б. Гершонъ (Ралбагъ), вооруженный, пожалуй, еще болѣе острымъ и холоднымъ умомъ, чѣмъ самъ Маймонидъ, съ еще большей неустрашимостью чѣмъ тотъ, сметавшій все, что, какъ казалось ему, является помѣхой на пути къ открытію *разумной* истины. *Другой* истины Герсонидъ не признавалъ; разумъ — сухой, безпощадный разумъ, является единодержавнымъ Богомъ этого сильнаго мыслителя. Но онъ уже остался одинокимъ; его философская книга „Милхамотъ Адонай“ уже не разжигала страстей, она не имѣла, да и не могла имѣть вліянія на людей, переживавшихъ въ то время кровавые ужасы черной смерти и крестовыхъ походовъ пастуховъ и прокаженныхъ.

Не лишне, однако, остановиться здѣсь на слѣдующей характерной подробности. Слишкомъ близорукіе противники каббалы особенно часто подчеркиваютъ, что каббалисты по своему невѣжеству

[1]) Ibid 378—79.

и тупоумію пытались комбинированіемъ разныхъ буквъ Священнаго Писанія угадать годъ пришествія Мессіи. Не трудно однако при историческомъ безпристрастіи убѣдиться, насколько поверхностно и односторонне подобное сужденіе. Положеніе евреевъ было въ ту ужасную эпоху до того невыносимо, что только надежда на скорое избавленіе могла дать достаточно силъ переносить эти страданія. То не было даже простой надеждой—то была твердая увѣренность, что Мессія уже близокъ и онъ скоро придетъ, *долженъ* придти, *долженъ* положить конецъ ихъ страданіямъ, ибо страдать больше нѣтъ силъ... И даже р. Леви б. Гершонъ, этотъ холодный мыслитель, съ безпощаднымъ и острымъ какъ бритва умомъ, ждетъ не дождется избавителя Мессіи, и онъ самымъ серьезнымъ образомъ берется доказать всевозможными математическими вычисленіями, что Мессія непремѣнно придетъ въ 1358 году.

Послѣ Герсонида аристотелевская философія уже не имѣла въ еврействѣ ни одного крупнаго представителя. Жившій на рубежѣ 15-го вѣка, мыслитель Хасдаи Крескасъ уже открыто выступаетъ въ своемъ трудѣ „Божій свѣтъ", какъ противъ философіи, такъ и противъ всѣхъ тѣхъ, которые греческой философіей хотятъ подтвердить истинность нашей Торы, чѣмъ они, по его словамъ, „превращаютъ въ ересь живое слово Божіе" и многихъ сводятъ съ пути истины.

А еврейскій горизонтъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Грозная инквизиція зажгла сотни костровъ, на которыхъ десятки тысячъ евреевъ нашли мученическую смерть за вѣру ихъ отцовъ и, наконецъ, въ томъ самомъ году, когда отважный мореплаватель отправился изъ Испаніи открыть новый, невѣдомый міръ—сотни тысячъ евреевъ принуждены были покинуть эту залитую ихъ кровью страну, которая въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій являлась главнымъ культурнымъ центромъ еврейства. Истекавшій кровью народъ-скиталецъ, какъ дикій звѣрь, гонимый изъ страны въ страну, изнемогалъ подъ ударами безпощадной судьбы, а такъ страстно ожидаемый избавитель все не являлся. Жестокія гоненія все болѣе и болѣе подтачивали духовныя силы народа, а раввинизмъ упорно продолжалъ свою неустанную работу, воздвигая „ограду за оградой", изощряясь въ ритуальныхъ ограниченіяхъ и запретахъ, число которыхъ безпрерывно расло. Чтобы богобоязненный еврей могъ ориентироваться въ этомъ своеобразномъ лабиринтѣ всевозможныхъ обрядностей, опутывавшихъ каждый его шагъ—самые выдающіеся раввины 16-го вѣка направили все свое вниманіе на составленіе компендіума ритуальныхъ постановленій.

Ритуальными кодексами исчерпывается все творчество еврейскаго раввинизма за весь XVI-ый вѣкъ [1]). Въ этомъ вѣкѣ каббала, благодаря которой, по словамъ современника, „выполненіе религіозныхъ постановленій не является столь механическимъ, сухимъ и безжизненнымъ“ [2])—приняла въ лицѣ экзальтированнаго Исаака Лурье (род. въ 1534, ум. 1572) [3]) особенно мрачныя, безнадежно мистическія формы. Мессіанская идея съ еще большей силой овладѣла разгоряченной фантазіей многострадальнаго народа. Но не каббала, какъ это увѣряетъ ослѣпленный своей ненавистью Грецъ, была тому виною. Когда страданіе евреевъ было такъ велико,—ихъ убивали за то, что они не умирали отъ чумы, ихъ грабили и рѣзали насильники всѣхъ ранговъ, жгли цѣлыми тысячами на кострахъ инквизиціи,—чаша страданія наполнилась до края и они, измученные, истерзанные, находили единственное утѣшеніе въ горячей вѣрѣ, что время освобожденія приближается: вотъ придетъ Мессія и наступитъ царство Израиля, все зло и горе разсѣется какъ туманъ и потоки милосердія снова изольются на избранны народъ.

И на арену еврейской жизни одинъ за другимъ выступаютъ экзальтированные фантасты, возвѣщающіе о близкомъ избавленіи. Вотъ является таинственный Давидъ Рейбену и его благородный сподвижникъ Соломонъ Молхо, за ними слѣдуетъ Ашеръ Лемлейнъ [4]) и мн. др.

Но еврейская чаша скорбей все еще не переполнилась. Въ серединѣ XVII го вѣка новая, страшная гроза разразилась надъ бездомнымъ народомъ, сметавшая на своемъ разрушительномъ

---

[1]) О „Шулханъ арухѣ“ и другихъ кодексахъ, предшествовавшихъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ, появилась года 3—4 тому назадъ весьма интересная работа г. Равъ-Цоиръ. „Къ исторіи Шулханъ-Аруха и его распространенія“, „Гашилоахъ“ томъ 4—6.

[2]) Не лишне упомянуть, что у Лурье мы находимъ ту же Missionstheorie, которая была такъ популярна въ XIX в. среди нѣмецкаго еврейства. И Лурье видѣлъ въ разсѣянности Израиля особую „миссію“. По его теоріи, изгнаніе и разсѣяніе Израиля имѣетъ искупительное и освободительное для міра значеніе. „Миссія“ очищенныхъ душъ благочестивыхъ евреевъ заключается въ томъ, что онѣ соединяются съ душами представителей другихъ народовъ, дабы очистить эти инородческія души отъ приставшихъ къ нимъ низменныхъ примѣсей (келипотъ).

[3]) Этотъ доводъ выдвинулъ въ 1558 р. Исаакъ де-Латесъ, когда противники каббалы возстали противъ печатанія Зогара (См. Грецъ l. c. B. IX p. 384—5).

[4]) Грецъ, l. c. Band. IX p. 242—43.

пути сотни еврейскихъ общинъ. Настала ужасная пора Хмельничины, и снова воскресли всѣ ужасы крестовыхъ походовъ и черной смерти. Болѣе четверти милліона [1]) погибло отъ огня и меча въ теченіе этого страшнаго десятилѣтія (1648—58). Обезумѣвшій отъ ужаса народъ охватила одна мысль: „такъ жить нельзя". Что-нибудь должно свершиться и положить конецъ этимъ безпримѣрнымъ страданіямъ. И народъ ждалъ спасенія, ждалъ съ нетерпѣніемъ, ждалъ съ глубокой вѣрой, на какую только способна измученная, настроенная на мистическій ладъ, человѣческая душа. Въ этотъ критическій моментъ на арену еврейской исторіи выступаютъ двѣ личности, два антипода, представители двухъ различныхъ міровъ. Одинъ—титанъ мысли, для котораго разумъ все, знаніе—единственный смыслъ жизни, величайшее блаженство и счастье; а другой – смѣлый мечтатель, съ необузданной, доходящей до галлюцинаціи фантазіей, у котораго реальный міръ переплетенъ съ фантастическимъ. Первый—холодный безпощадный и безстрастный мыслитель, второй—экзальтированный мистикъ, находящійся на границѣ нормальнаго и психопатическаго. То были—Барухъ Спиноза и Сабатай Цеви.

IX.

Если Спиноза имѣлъ весьма ничтожное вліяніе на еврейство, то это стараются обыкновенно объяснить тѣмъ, что послѣднее стояло въ умственномъ отношеніи на слишкомъ низкой ступени, чтобы оно могло усвоить идеи великаго мыслителя. Не лишне однако задать себѣ вопросъ, что собственно могло дать стройное и глубокое ученіе Спинозы многострадальному, истекавшему кровью народу? Могло ли оно утишить его страданія, уврачевать его раны? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, стоитъ только вспомнить отношеніе Спинозы къ іудаизму и къ его носителю—еврейскому народу.

„Кто живетъ по руководству разума, поучаетъ Спиноза, тотъ стремится, насколько можетъ, отвѣчать на ненависть къ нему, гнѣвъ, презрѣніе другого, любовью и великодушіемъ" [2]). „Кто старается мстить за обиды взаимною ненавистью, тотъ живетъ, по

---

[1]) Грецъ, l. c. Band. X p. 78.

[2]) Этика ч. IV положеніе 46. Цитир. по русск. переводу подъ редакціей проф. Модестова. Изд. Пантелѣева.

истинѣ, жалкимъ образомъ“ [1]), говоритъ дальше великій философъ. А въ другомъ мѣстѣ: „мужественный [2]) человѣкъ ни къ кому не питаетъ ненависти, ни на кого не гнѣвается, никому не завидуетъ, не приходитъ въ негодованіе, никѣмъ не пренебрегаетъ и нисколько не гордится“. [3]).

Къ сожалѣнію, самъ Спиноза, этотъ благородный, идеально чистый человѣкъ, не всегда поступалъ такъ, какъ, по его мнѣнію, подобаетъ человѣку, слѣдующему „единственно только внушенію разума“.

Онъ не могъ простить своимъ единовѣрцамъ, оттолкнувшимъ его отъ себя, онъ не могъ подавить въ себѣ чувство вражды и негодованія къ еврейскимъ раввинамъ, за то, что амстердамскіе представители раввината предали его отлученію. И даже на іудаизмъ перенесъ онъ свою ненависть. Раввиновъ онъ называетъ не иначе какъ „фарисеями“. Объ „избранности“ еврейскаго народа Спиноза говоритъ съ особымъ пренебреженіемъ и всячески старается доказать, что еврейскій народъ ничѣмъ не стоитъ выше другихъ народовъ. Онъ увѣряетъ, что и у другихъ народовъ были такіе же пророки, какъ у евреевъ [4]), христіанскіе же апостолы гораздо выше еврейскихъ пророковъ [5]). Правда, одному только еврейскому народу даны постановленія Торы, но вѣдь въ этомъ, по увѣренію Спинозы, нѣтъ никакого преимущества. Законы Торы—это законы обыденной, матеріальной жизни. Законы эти необходимы были для политической жизни въ Палестинѣ, теперь же они имъ не нужны вовсе. Законы Торы имѣютъ такое же значеніе, какъ и законы другого народа: они нужны человѣку не изъ за истинности, а изъ-за ихъ полезности. Настоящій же смыслъ жизни, истинная нравственность—въ познаніи Бога, а это достигается не соблюденіемъ ритуальныхъ обрядностей, а изученіемъ общихъ естественныхъ законовъ [6]). Но Спиноза въ своихъ сужденіяхъ о еврействѣ идетъ еще дальше. Онъ задается вопросомъ, почему еврейскій народъ отступалъ отъ законовъ, цѣль и назначеніе которыхъ было вѣдь сохраненіе въ немъ государственнаго

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Подъ мужествомъ Спиноза понимаетъ „сущность человѣка“ „по которой каждый стремится сохранять свое существованіе, слѣдуя единственно внушенію разума“. (Ibid. ч. III положеніе 59).

[3]) Ibid. ч. IV положеніе 73.

[4]) Theologisch politischer Traktat Cap. 3 p. 188 и passim. Цит. по нѣм. перев. Бертольда Ауербаха.

[5]) Ibid. cap. 4 p. 203—204 и passim.

[6]) Ibid. cap. 4 p. 198—202.

строя, и почему въ концѣ концовъ еврейское государство пало?“ [1]) На этотъ вопросъ Спиноза даетъ слѣдующій поразительный отвѣтъ: Господь не далъ Израилю хорошихъ и справедливыхъ законовъ, дабы послѣдній могъ сохраниться какъ нація, а напротивъ, законы даны ему съ цѣлью погубить его. „Чѣмъ больше, говоритъ онъ, я вдумываюсь въ эти вопросы, я все болѣе прихожу къ убѣжденію, что Господь не хотѣлъ вовсе дать имъ (евреямъ) хорошіе законы, а только мстить имъ за ихъ дурные инстинкты, какъ это давно уже указалъ писатель Тацитъ. И дѣйствительно, надо только удивляться тому, до какой степени Господь возненавидѣлъ свой народъ, что онъ далъ ему законы не для того, чтобы жить ими, а въ наказаніе за его грѣхи“ [2]).

Таково было отношеніе Спинозы къ еврейству, съ такой жесткой холодностью и, скажемъ прямо, безсердечностью относился великій философъ къ безпримѣрнымъ страданіямъ своего народа...

Обыкновенно указываютъ на особое вліяніе каббалы, которое та будто имѣла на философскую систему Спинозы [3]). Вліяніе это несомнѣнно было, хотя далеко не въ такой степени, какъ это принято думать. Прежде всего не надо забывать, что сходство или вліяніе каббалы замѣтно только въ метафизико-спекулятивной части Спинозовской философской системы. Послѣдняя подобно каббалѣ учитъ, что Богъ есть безусловно единое абсолютное бытіе, Первопричина („Субстанція“, какъ ее называетъ Спиноза). Отъ Него исходитъ всякое индивидуально конкретное существованіе. Все, что существуетъ, существуетъ въ Богѣ и черезъ Бога — и только такимъ образомъ и можетъ быть мыслимо [4]). Внѣ Его ничего нельзя себѣ представить [5]). Подобно каббалѣ и въ отличіе отъ его учителя, Декарта, Спиноза проводитъ строгій монизмъ: онъ не смотрѣлъ на матерію и на духъ, какъ на двѣ отдѣльныя самостоятельныя субстанціи, отличныя по существу и объединенныя только Богомъ. По его мнѣнію, матерія („протяженіе“) и духъ („мысль“) суть только два безконечныхъ аттрибута Перво-

---

[1]) Ibid. cap. 17.

[2]) Ibid. cap. 384.

[3]) На вліяніе каббалы на философію Спинозы указалъ еще въ концѣ 17-го в. (1699) Johan Georg Wachter.

[4]) „Все, что есть, есть въ Богѣ, и безъ Бога ничего не можетъ быть и не можетъ быть представлено“ (Этика ч. I положеніе 15).

[5]) Правда, и по данному вопросу каббала расходится съ системой Спинозы въ одномъ весьма важномъ пунктѣ: каббала представляетъ все-таки Первопричину стоящей *надъ міромъ* и вполнѣ *свободной* въ своихъ дѣйствіяхъ, чего не признаетъ Спиноза.

причины. Протяженіе, по ученію Спинозы, есть видимая мысль, а мысль есть невидимое протяженіе; это объективная и субъективная сторона, тождество которыхъ есть Богъ.

Но сходясь съ каббалой въ томъ, что Богъ есть Единое и Все, что omnia in Deo esse—Спиноза расходится съ ней въ самомъ существенномъ пунктѣ, именно въ томъ, что составляетъ главное и самое цѣнное ядро каббалы—ея этическое ученіе. Основная идея, красной нитью проходящая черезъ все каббалистическое ученіе, это—что въ мірѣ есть могучее этическое начало, въ развитіи и конечномъ торжествѣ котораго огромную роль играетъ *человѣческая личность*. Но именно роль послѣдней въ системѣ Спинозы равняется нулю. Спиноза съ большой глубиной проводитъ ту мысль, что въ природѣ нѣтъ ничего случайнаго, а одно только необходимое, т. е. необходимая связь между основаніемъ и слѣдствіемъ [1]). Добро и зло, совершенное и несовершенное суть поэтому понятія, которыя для объективнаго міровоззрѣнія не имѣютъ никакого смысла, потому что выражаемыя ими свойства не относятся къ самимъ вещамъ, а соотвѣтствуютъ извѣстнымъ впечатлѣніямъ и настроеніямъ нашего мышленія. Всякое объективное познаніе имѣетъ дѣло только съ постоянными отношеніями вещей, а между тѣмъ—смотря по точкѣ зрѣнія, все безобразное—прекрасно, полезное—вредно, хорошее—дурно, и наоборотъ. Всѣ эти сужденія и оцѣнка мыслящихъ и чувствующихъ людей имѣютъ, по мнѣнію Спинозы, одно только субъективное, относительное, а не безусловное, абсолютное значеніе. То же относится и къ нравственному. Въ абсолютной связи всякаго бытія, нравственному принадлежитъ такое же мѣсто, какъ и безнравственному: съ объективной точки зрѣнія и то, и другое представляетъ собою не что иное какъ отношеніе между побужденіями и познаніями; оба включены въ великую цѣпь, которая связываетъ всѣ формы бытія съ ихъ вѣчнымъ основаніемъ [2]).

Но изъ этой-то общей связи всѣхъ формъ бытія съ ихъ вѣчнымъ основаніемъ, Спиноза, высказываясь за безразличіе добра и зла, выводитъ свое ученіе о морали, о чисто *разумной* морали. Мы должны, поучаетъ Спиноза, разсматривать вещи какъ необходимыя, а не какъ случайныя; но эта необходимость вещей есть вѣдь необходимость самой вѣчной природы Бога. Безстрастное

[1]) „Въ природѣ вещей нѣтъ ничего случайнаго, но все опредѣлено необходимостью Божественной природы къ существованію и дѣйствованію извѣстнымъ образомъ". Этика ч. I положеніе 29.

[2]) Іодль „Исторія этики" т. I стр. 250—51.

изученіе общей связи вещей—это и есть высшее проявленіе, сама сущность нравственности, по ученію Спинозы. Разумное мышленіе или правильное познаніе - это и есть единственное, что слѣдуетъ изъ сущности духа съ истинной, внутренней необходимостью. Отдаться этому познанію, этому правильному пониманію вещей—вотъ единственная радость, счастье человѣка [1]). Въ чистомъ созерцаніи, т. е. въ совершенномъ безстрастіи и бездѣятельности, видитъ онъ высшій расцвѣтъ человѣческихъ силъ и ихъ предназначеніе.

Высказывая вполнѣ вѣрную мысль, что добро и зло имѣютъ не абсолютное, а лишь относительное значеніе, Спиноза не дѣлаетъ дальнѣйшаго вывода, что цѣнность этихъ понятій для человѣка отъ этого ничуть не уменьшается, такъ какъ они являются отраженіемъ *человѣческихъ* и *общественныхъ* отношеній. Трактуя, подобно своему современнику Гоббсу, о „борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ", Спиноза, подобно Гоббсу же, совершенно игнорировалъ соціальныя наклонности людей и соціальному союзу послѣднихъ придавалъ весьма ничтожное значеніе. Представляя человѣка, какъ абстрактный модусъ божества, а не какъ часть соціальнаго организма, Спиноза и счастье, и нравственность, и добродѣтель человѣка видѣлъ въ одномъ только познаніи [2]). У него, какъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ Іодль, ярко „выступаетъ та мысль, что истинно нравственное въ состояніи сохранить свое специфическое содержаніе только тогда, когда отдѣлится отъ чувствъ и побужденій и, такъ сказать, одними своими средствами создастъ себѣ міръ чистой разумности".

Не лишне замѣтить, что видя лишь въ чистомъ созерцаніи самую высшую цѣль нравственности, Спиноза самъ признавалъ, что эта цѣль достижима лишь для весьма немногихъ избранниковъ. Насквозь проникнутое умственнымъ аристократизмомъ, ученіе Спинозы не ставитъ въ сущности никакихъ цѣлей человѣчеству, къ которымъ оно бы активно стремилось, оно (ученіе) остается безплоднымъ при всей своей широтѣ захвата и удивительной стройности. Вѣдь, по ученію Спинозы, и стремиться къ познанію можно только тогда, когда это съ необходимостью слѣдуетъ изъ нашей

---

[1]) „Въ жизни прежде всего полезно совершенствовать умъ или разумъ, и въ этомъ одномъ состоитъ величайшее счастье или блаженство человѣка". (Этика, ч. IV положеніе 73 гл. 4).

[2]) Высшее благо (summum bonum) души, есть познаніе Бога и высшая добродѣтель души—это познавать Бога". Этика, ч. IV положеніе 28.

природы въ томъ видѣ, какъ она сама по себѣ создана. Словомъ, у человѣка нѣтъ никакой цѣли, какъ нѣтъ ея у природы и у самого вѣчнаго Абсолюта. „Für ihn, вполнѣ справедливо замѣчаетъ Грецъ [1]), gab es keinen Fortschritt in der Flucht der Zeiten, sondern nur ein ewiges, langweiliges Wiederholen derselben Erscheinungen von Denken und Ausdehnung, einen ewigen Stillstand der Menschheit“ [2]).

Нужно ли еще послѣ этого прибавить, что ученіе Спинозы было еще болѣе чуждо и гораздо болѣе враждебно іудаизму, чѣмъ ученіе Маймонида? Во всякомъ случаѣ, безпристрастная исторія не выноситъ суроваго обвинительнаго приговора амстердамскимъ представителямъ общины, исключившимъ изъ своей среды великаго вольнодумца, въ которомъ они видѣли и не могли не видѣть, большую опасность для своихъ національныхъ сокровищъ, ради которыхъ они переносили столько страданій и униженій.

Великій амстердамскій мыслитель, углубленный въ философское созерцаніе, держался въ сторонѣ отъ нуждъ несчастнаго еврейскаго народа, онъ жилъ и умеръ чуждымъ этому народу; но явился другой человѣкъ, весь проникнутый чаяніями страждущаго еврейства, онъ далъ ясный, категорическій отвѣтъ на волнующій народную душу вопросъ—и народъ пошелъ за нимъ слѣпо, безпрекословно. То былъ—Саббатай Цеви (1626—1676). Этотъ загадочный, находившійся на границѣ нормальнаго и ненормальнаго, экзальтированный человѣкъ твердо и увѣренно возвѣстилъ страждущему еврейству, что переполнилась чаша страданій и день искупленія насталъ. Явился наконецъ такъ долго ожидаемый Мессія, который вернетъ измученный, изстрадавшійся народъ въ страну предковъ, гдѣ заживетъ радостной и свѣтлой жизнью.

„Я вашъ Мессія Саббатай Цеви!“ Этотъ торжественный кличъ разнесся по всему разсѣянному Израилю и былъ встрѣченъ какой-то поистинѣ дикой, бѣшеной радостью. Что-то глубоко трагическое, за душу хватающее испытываетъ всякій при чтеніи хотя бы протокольныхъ описаній историковъ, этого, какъ иные называютъ, „массового психоза“. Наконецъ то онъ явился, такъ долго жданный посланникъ Божій. Наконецъ-то Господь Богъ внялъ мольбамъ своего народа и за его безпримѣрныя муки и

---

[1]) L. c. Band X p. 186.

[2]) Для него не существовало никакого прогресса въ потокѣ временъ; одно только вѣчное, монотонное повтореніе однихъ тѣхъ же проявленій Мысли и Протяженія: вѣчный застой человѣчества.

униженія, Онъ уготовилъ ему безпримѣрную радость. И радость охватила весь народъ многострадальный, радость доходившая до экстаза, до изступленія. Да, это былъ „массовой психозъ", массовое безуміе, но въ этомъ безуміи съ поразительной силой пробилась наружу вся страстная жажда жизни, которая теплилась въ измученной еврейской народной душѣ. Самыя ужасныя бѣдствія не были въ силахъ сокрушить въ еврейскомъ народѣ вѣру въ лучшее будущее, лучшія условія жизни. Одно только чудо могло спасти несчастный народъ отъ его мучителей, и народъ, отстаивая свою индивидуальность, жадно цѣпляясь за жизнь, вѣрилъ въ это чудо; онъ вѣрилъ, что придетъ посланникъ Божій, положитъ конецъ страданіямъ и скорбь превратитъ въ радость, плачъ въ ликованіе. Онъ долженъ былъ придти этотъ Мессія избавитель—и онъ пришелъ...

Весьма характерно, что Саббатай Цеви и его сподвижники, эти вѣрные питомцы каббалы, рѣшили, что настала пора освободить еврейство отъ чрезмѣрнаго обилія ритуальныхъ постановленій, которыми средневѣковый раввинизмъ опуталъ каждый шагъ еврея. Саббатай Цеви объявилъ даже отмѣну постовъ и сдѣлалъ это постановленіе въ слѣдующихъ своеобразныхъ выраженіяхъ: „Послѣ того, какъ вы удостоились узрѣть великій день, когда исполнилось слово Божіе, ваша грусть и печаль должны превратиться въ радость и посты ваши—да станутъ днями радости, ибо вы не будете больше плакать. Радуйтесь пѣснями и веселыми кликами и дни, которые вы раньше проводили въ печали, превратите въ дни ликованія, ибо я явился къ вамъ" [1]).

Но фантастическая мечта Саббатая Цеви не сбылась. Его постигло великое разочарованіе. Онъ вѣрилъ свято и непоколебимо, что онъ избранникъ Божій, онъ былъ увѣренъ, что чудо свершится, но оно не свершилось и мнимый Мессія оказался узникомъ султана...

Послѣ необычайнаго душевнаго подъема, вызваннаго мессіанствомъ Цеви, разочарованный еврейскій народъ какъ бы застылъ въ своемъ отчаяніи. Выступившіе послѣ Цеви фантасты, какъ Мордехай изъ Айзенштадта (дѣйств. въ 1679—1682), Іегуда Хасидъ (1700), благородный, экзальтированный поэтъ Моше-Хаимъ Луццато (1707—174.), мнившій себя Мессіей—не вызвали уже въ народѣ замѣтнаго энтузіазма. Еврейскій народъ все ниже и ниже опускалъ голову подъ ударами безжалостной судьбы, и вѣра въ

[1]) Грецъ. l. c. B. X, p. 232.

избавленіе притаилась гдѣ-то глубоко, въ преисполненной отчаянія народной душѣ, не пробиваясь наружу.

А раввинизмъ въ это время окончательно застылъ въ своемъ крайне узкомъ, безжизненномъ формализмѣ. Давъ на практикѣ „Шулханъ-Арухъ“ и его многочисленныхъ комментаторовъ, онъ въ теоріи дошелъ до „пилпула“. Ясное, логическое мышленіе было замѣнено головоломными софизмами, изумительнымн парадоксами. Сухая, безплодная схоластика превратилась въ самодовлѣющій культъ, нѣчто въ родѣ „искусства для искусства“. Все, что не успѣло превратиться въ мумію, въ чемъ бился еще пульсъ жизни, было отвергнуто какъ ересь. Даже сама Библія была въ загонѣ—слишкомъ мало она годилась для головоломныхъ казуистическихъ тонкостей. Когда же знаменитому раввину XVIII вѣка, р. Іонатану Эбешицу (1690—1764) при его большомъ, остромъ умѣ, стало тѣсно и душно въ этой насквозь пропитанной сухой казуистикой атмосферѣ, онъ не нашелъ вокругъ себя никакой живой духовной пищи, и онъ направилъ свой недюжинный, но обреченный на безплодіе умъ, на наименѣе цѣнную часть каббалы—на чудотворную магію, съ ея фантастическими формулами и заклинаніями. Противъ этихъ мистическихъ упражненій, съ большимъ шумомъ выступилъ честный, но сварливый и злобный раввинъ, раби Яковъ Эмденъ Ашкинази (Ябецъ, 1696 — 1776), и между двумя столпами раввинизма „завязался споръ“, нанесшій весьма чувствительный ударъ престижу раввинизма [1]).

Казалось, духовныя силы еврейства сломлены окончательно и для великаго древняго народа, изнемогавшаго въ неравной борьбѣ, наступила тяжелая мучительная агонія. Но когда настала великая просвѣтительная эпоха, всколыхнувшая всю зап. Европу, еврейскій народъ показалъ, что онъ еще живъ и что никакія страданія не могли окончательно погасить въ немъ живительную мощь духа. Во второй половинѣ XVIII вѣка въ еврейской народной жизни снова съ былой силой проявились наружу два разнородныхъ враждебныхъ другъ другу теченія, снова началась „борьба за индивидуальность“, за народную индивидуальность.

---

[1]) Подробно объ этомъ весьма интересномъ въ бытовомъ отношеніи спорѣ, длившемся цѣлый рядъ лѣтъ, См. Грецъ l. c. В. X. Г. К. („Яковъ Эмденъ и его характеръ“) Гашилоахъ т. IV; Д. Каганъ „Правда о Яковѣ“ тамъ же т. V и Н. Голубевъ „Раби Іонатанъ Эбешютцъ и р. Яковъ Ашкинази Эмденъ“. Восходъ. 1900 г., кн. 9—10.

X.

Восемнадцатый вѣкъ по праву называется вѣкомъ знанія и просвѣщенія во Франціи, этой колыбели новаго міра. Величайшіе мыслители этой страны съ безпримѣрнымъ рвеніемъ стали разрабатывать естественныя науки; изученіе природы и ея законовъ считалось въ ту эпоху самымъ важнымъ, необходимымъ знаніемъ, изъ-за котораго всѣ другія знанія были отодвинуты на задній планъ.

Колоссальные успѣхи, которые сдѣлали науки о природѣ, не могли не имѣть вліянія на науку о человѣкѣ. Монтескье, Гельвецій, Кондильякъ и многіе др. пытались соединить исторію человѣчества съ науками, относящимися къ внѣшнему міру, слить законы человѣческаго мышленія съ законами человѣческой природы — исходя изъ той мысли, что тѣ же „абсолютно разумные" законы, управляющіе природой, управляютъ и ея продуктомъ — человѣкомъ. Но въ природѣ и ея явленіяхъ просвѣтители XVIII вѣка не видѣли послѣдовательнаго и закономѣрнаго развитія одного основного процесса, цѣпь неразрывно связанныхъ явленій и измѣненій, въ которыхъ каждое слѣдующее звено вытекаетъ изъ предыдущаго и заключаетъ въ себѣ зародышъ слѣдующаго. На объекты природы смотрѣли тогда, какъ на нѣчто неизмѣнное, застывшее, разъ навсегда данное. На вѣчное, неразрывное движеніе природы смотрѣли, какъ на своего рода вращеніе бѣлки въ колесѣ; природа-де вертится какъ бы въ заколдованномъ кругу, повторяя безпрерывно все одинъ и тотъ же процессъ, не подвигаясь впередъ ни на шагъ. Ясно, что если природа неизмѣнна, то и продуктъ ея — человѣкъ съ его натурой—тоже неизмѣнны. Но что такое представляетъ собой эта неизмѣнная натура человѣческая, каковы ея главныя свойства? Чувства, учитъ Гельвецій, а съ нимъ и другіе матеріалисты, источникъ всѣхъ нашихъ сужденій, мыслей, качествъ, хорошихъ какъ и дурныхъ. Мы избѣгаемъ непріятныхъ ощущеній и ищемъ пріятныя. Руководимые ощущеніемъ, мы настолько разумны, что знаемъ, что для насъ полезно и что вредно. Словомъ, чувства доставляютъ человѣку весь необходимый сырой матеріалъ, которому придаетъ надлежащія формы верховный критерій — единодержавный разумъ. Человѣкъ, значитъ, „разумное, чувствующее существо". Это и есть основное свойство натуры человѣческой. Выходя изъ этого основного свой-

ства человѣческой натуры, французскіе мыслители пришли къ весьма важнымъ выводамъ. Разъ основныя свойства неизмѣнной человѣческой натуры извѣстны, тогда не трудно приступить къ рѣшенію великой проблемы: придумать абсолютно разумный человѣческій строй, пригодный для всѣхъ временъ и народовъ, такъ какъ наилучшій общественный строй тотъ, который лучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ натурѣ человѣческой. Тогдашній феодальный строй былъ признанъ неразумнымъ и негоднымъ, но не потому, что старый строй не соотвѣтствовалъ больше новымъ условіямъ, вызваннымъ могучимъ ростомъ умственныхъ и экономическихъ общественныхъ силъ, а потому, что господствовавшій тогда строй вообще не соотвѣтствуетъ человѣческой натурѣ „разумной и доброй отъ природы“. На этомъ же основаніи и всѣ другія предшествовавшія общественныя и государственныя организаціи признаны неразумными. Вся исторія была въ эту, проникнутую неисторическимъ духомъ, эпоху признана одной сплошной ошибкой. Но теперь, утѣшали себя просвѣтители, съ изученіемъ основныхъ свойствъ человѣческой натуры, печальнымъ ошибкамъ положенъ конецъ, абсолютно разумный строй открытъ, всѣ предразсудки, всякая несправедливость исчезнутъ передъ лучами вѣчнаго разума, вѣчной справедливости. Для этого необходимо, понятно, смести все старое, неразумное. Свободная критическая мысль разрушила старое теологическое зданіе; всѣ устои общественной жизни, всѣ вѣрованія и понятія подверглись критической переоцѣнкѣ, и обновленное общество выступило подъ знаменемъ позитивной науки; его девизомъ было „просвѣщеніе“ и высшимъ божествомъ—разумъ. Эмоціональные факторы были отодвинуты на задній планъ, за ними признавали лишь чисто служебную роль; одинъ только абсолютный, неумолимый и непогрѣшимый разумъ былъ объявленъ единодержавнымъ властелиномъ—и все что хочетъ жить, продолжать свое существованіе, должно отдать отчетъ передъ этимъ высшимъ божествомъ, доказать *раціональность* своего существованія.

Знаменитое засѣданіе конвента 7-го ноября 1793 г., когда парижскій епископъ Гобель отрекся отъ своего сана и рѣшенъ былъ вопросъ о введеніи культа разума—интересно именно тѣмъ, что на немъ это слѣпое преклоненіе передъ единодержавнымъ разумомъ проявилось въ особенно яркой, обнаженной формѣ.

Занимавшій мѣсто предсѣдателя Лалуа заявилъ, что „высшее существо не хочетъ другого культа, кромѣ поклоненія разуму; оно предписываетъ намъ его, и *отнынѣ* этотъ культъ будетъ націо-

нальной религіей". Въ этотъ же день конвентъ постановляетъ: „Всѣ тѣ, кто будетъ мѣшать торжеству *разума* и уничтоженію предразсудковъ въ чемъ бы это ни проявлялось—въ рѣчахъ или поступкахъ, будутъ считаться врагами человѣческаго рода и подвергнутся ссылкѣ въ пустыни, предназначенныя для ослушныхъ священниковъ". А черезъ три дня, въ томъ же конвентѣ, послѣ пышнаго торжества въ соборѣ парижской Богоматери, гдѣ актриса изъ театра Оперы разыгрывала богиню свободы – Шометъ, поздравивъ себя и всѣхъ присутствующихъ съ паденіемъ фанатизма, сказалъ: „Одно лишь желаніе, одинъ только крикъ слышится со всѣхъ сторонъ. Народъ говоритъ: не нужно больше ни священниковъ, ни боговъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ даетъ намъ сама природа. Мы, народные магистраты, вняли этому желанію и приносимъ вамъ ее (богиню свободы) изъ храма разума" [1]).

Особенно характерно это торжественное заявленіе, что все говорится отъ имени „народа". Нечего говорить, что въ дѣйствительности „народъ" вовсе не находилъ, что ему „не нужно больше ни священниковъ, ни боговъ". Но умственная аристократія, интеллигенція того времени, при всемъ ея „поклоненіи свободѣ и святому равенству", сама того не замѣчая, отожествляла свои симпатіи и стремленія съ симпатіями и стремленіями всего народа. И безспорно правъ Ф. А. Ланге, когда онъ заявляетъ: „Раціоналисты прошлаго (восемнадцатаго) вѣка были причастны къ всеобщему стремленію тогдашняго образованія къ *духовному аристократизму* (курсивъ автора). Если они въ общемъ и болѣе серьезно относились къ благу народа, чѣмъ правовѣрные, то все же они исходили изъ потребностей и настроеній образованныхъ круговъ" [2]).

Это особенно рельефно проявляется въ сочиненіяхъ знаменитаго матеріалиста барона фонъ-Гольбаха (1723—89). И Гольбахъ видитъ во всемъ ходѣ исторіи человѣчества одну сплошную ошибку. Въ религіи онъ усматриваетъ главный источникъ человѣческой порчи. Заблужденіе, увѣряетъ Гольбахъ, является причиной тѣхъ позорныхъ оковъ, которыя тираны и священники повсюду налагали на народы; изъ-за заблужденія произошло рабство, которому подпали народы, отъ него же—ужасы религіи, вслѣдствіе которыхъ люди тупѣли отъ страха или въ фанатизмѣ убивали себя изъ-за химеръ. Надо поэтому разсѣять туманъ пред-

[1]) Цит. по Лависъ и Ромбо. „Исторія французск. револ." стр. 572.
[2]) „Исторія матеріализма", т. II. стр. 299.

разсудковъ и внушить человѣку мужество и уваженіе къ своему разуму. Гольбахъ подробно развиваетъ и доказываетъ право народовъ на самоопредѣленіе, обязанность всякихъ властей подчиняться этому праву и служить жизненной цѣли націи, преступность всякаго посягательства на верховенство народа, недѣйствительность всѣхъ договоровъ, законовъ и правовыхъ формъ, поддерживающихъ такого рода преступныя притязанія. „Такъ какъ правительство, заявляетъ Гольбахъ, получаетъ свою власть только отъ общества, для блага котораго оно установлено, то само собою разумѣется, что послѣднее, если того требуютъ его интересы, можетъ взять назадъ свое полномочіе, измѣнить форму правленія, расширить или ограничить власть, которую оно передаетъ правителямъ, сохраняя надъ ними вѣчное верховенство, согласно неизмѣнному закону природы, подчиняющему часть цѣлому“ [1]).

Но, ссылаясь на ту же природу, Гольбахъ заявляетъ, что послѣдняя сотворила людей „неравными“ и это неравенство особенно замѣтно по отношенію къ „интеллектуальнымъ способностямъ“, такъ что общество распадается силою вещей на двѣ неодинаковыя привилегированныя группы — тружениковъ и интеллигенцію. Одни должны работать физически, другіе – умственно. Одни обязаны повиноваться, другіе управлять. Всѣ люди стремятся къ счастью, но чтобы его достигнуть, надо *знать*, въ чемъ оно заключается это счастье и какіе къ нему ведутъ пути, и поэтому во главѣ общества необходимо поставить, рядомъ съ монархомъ, людей мысли и знанія. Предоставленное же самому себѣ общество, по своему невѣжеству, поступило бы „противъ самихъ дорогихъ ему интересовъ“, „употребило бы власть безразсудно“ и „свобода въ его рукахъ превратилась бы въ распущенность“. Неспособное само устроить свое счастье, общество должно безпрекословно подчиняться корпораціи мыслителей и философовъ, въ которой наслѣдственность и воспитаніе вырабатываютъ съ теченіемъ времени особый „нравственный вкусъ“. Этотъ „нравственный вкусъ“ не дается сразу, для него какъ и для артистическаго вкуса, необходима особая „утонченная нервная сисмема“, нуженъ „талантъ“, требующій какъ всякій талантъ „упражненія“. Эти то „спеціалисты по морали“ укажутъ подчиненнымъ имъ производительнымъ классамъ кратчайшій и вѣрнѣйшій путь къ истинному счастью. Само собой понятно, что добровольное подчиненіе себя

[1]) Цитир. по Ланге „Исторія матеріализма“, ч. I, четвертый отдѣлъ, гл. III.

людямъ мысли и знанія, равносильно передачѣ въ ихъ руки власти, ибо власть есть не что иное, какъ „право управлять нашими дѣйствіями, признаваемое нами за тѣми кого мы считаемъ способнѣе насъ самихъ доставить намъ счастье". Производительные же классы обязаны доставлять корпораціи философовъ, которая „за нихъ мыслитъ" и „ими управляетъ" — всѣ средства, необходимыя, какъ для пропитанія, такъ и для украшенія жизни".

Такимъ образомъ, съ одной стороны власть правителей находится подъ вѣчнымъ верховенствомъ общества, „согласно неизмѣнному закону природы, подчиняющему часть цѣлому", но опять таки власть въ силу тѣхъ же неизмѣнныхъ законовъ природы должна находиться всецѣло въ рукахъ ничтожной „части цѣлаго", въ рукахъ корпораціи философовъ, этихъ „спеціалистовъ по морали".

XI.

Мы коснулись, хотя лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей этого могучаго умственнаго теченія, всколыхнувшаго всю старую Европу и оказавшаго также весьма сильное вліяніе и на все западное еврейство. Вліяніе воззрѣній французскихъ просвѣтителей сказалось прежде всего на берлинскихъ интеллигентныхъ и аристократическихъ кругахъ. Вольнодумство и поверхностный раціонализмъ были санкціонированы съ высоты престола, на которомъ возсѣдалъ другъ Вольтера Фридрихъ Великій. Вліяніе это стало весьма скоро замѣтнымъ и на верхахъ еврейскаго зажиточнаго класса, довольно многочисленнаго въ Берлинѣ, такъ какъ неимущимъ евреямъ пребываніе въ прусской столицѣ было затруднено [1]). Мы уже въ одной изъ предыдущихъ главъ видѣли, какъ поверхностный, сухой раціонализмъ охватилъ извѣстные круги испанскаго еврейства въ эпоху, послѣдовавшую за Маймонидомъ. То же явленіе, но въ несравненно большихъ размѣрахъ, повторилось въ послѣдней четверти XVIII в. въ верхнихъ слояхъ прусскаго еврейства. Идеи французскихъ просвѣтителей, ѣдкіе сарказмы Вольтера, вызвали въ извѣстныхъ нѣмецкихъ кругахъ охлажденіе къ

[1]) Не нужно забывать, что тогда дѣйствовалъ указъ философа на тронѣ Фридриха „объ удержаніи въ королевствѣ богатыхъ евреевъ и запрещеніи ремесленникамъ, учителямъ, духовнымъ лицамъ (Vorbeter), художникамъ и находящимся въ услуженіи вступать въ браки".

традиціонной религіи. При свѣтѣ единодержавнаго разума, на религію стали смотрѣть какъ на предразсудокъ, какъ на вредный пережитокъ старины. Но, что само собой понятно, нѣмецъ-раціоналистъ, охладѣвъ къ религіи, не переставалъ при этомъ быть нѣмцемъ. Не то у евреевъ. Отличительной чертой еврея, то, что выдѣляло его изъ всего остальнаго міра, считали тогда его религію. Но вѣдь религія признавалась тогдашними „просвѣтителями" пережиткомъ стараго отживающаго міра; она, религія, въ ту эпоху прямолинейнаго раціонализма, не могла доказать свою „разумность". Ученіе французскихъ мыслителей XVIII в. привело къ декларацiи правъ человѣка, къ гордо провозглашенному девизу „свобода, равенство и братство", всего что „Menschenantlitz trägt", девизу, заключавшему въ себѣ, какъ логическій выводъ, и принципъ равноправія евреевъ, но евреевъ какъ людей, какъ членовъ всечеловѣческой семьи, а не обособленной группы, исповѣдующей особую „полную предразсудковъ" религію. Само собой подразумѣвалось, что разъ еврей желаетъ пріобщиться къ новому міру, стать равноправнымъ членомъ человѣческой семьи, онъ долженъ отбросить отъ себя все устарѣлое, не разумное, т. е. онъ долженъ отказаться отъ своей религіи и стать подъ сѣнью единодержавнаго разума. О какомъ-нибудь критическомъ отношеніи къ историческому развитію еврейской религіи и о ея роли въ развитіи еврейской націи—въ то анти-историческое время не могло быть и рѣчи. Духъ отрицанія, духъ протеста противъ духовныхъ путъ, которыя Европа получила въ наслѣдство отъ среднихъ вѣковъ, коснулся также и еврейскаго гетто, но здѣсь онъ принялъ своеобразныя, весьма характерныя формы. „Если, говоритъ проф. Л. Гейлеръ [1]), задача того времени (второй пол. XVIII в.) для Германіи заключалась въ томъ, чтобы бороться съ предразсудками и замѣнить догматическую религію естественною, то сущность просвѣтительной эпохи для евреевъ состояла не только въ борьбѣ съ суевѣріями, безнравственностью и злоупотребленіями и отчасти устарѣлыми обычаями, но и главнымъ образомъ въ стремленіи пріобщить евреевъ къ *общей культурѣ и къ нѣмецкому образованію*".

Гуманитарныя идеи, переброшенныя съ береговъ Сены къ берегамъ Шпре, будили въ верхнихъ наиболѣе чуткихъ слояхъ нѣмецкаго общества чувство самосознанія, жажду просвѣщенія. Но „пріобщеніе къ общей культурѣ" ничуть не означало—изъ нѣмца

[1]) „Берлинское еврейское общество въ XVIII ст.". „Восх." 1897 г. кн. III, стр. 111

превратиться въ француза, т. е.—отрицаніе своей индивидуальности, своего національнаго прошлаго. Напротивъ, пробужденіе самосознанія и увлеченіе просвѣтительными идеями способствовало развитію культурныхъ національныхъ силъ, расцвѣту родной литературы. У верхнихъ же слоевъ еврейства, культурное пробужденіе означало вмѣстѣ съ тѣмъ пріобщеніе къ *нѣмецкой* культурѣ, а освобожденіе отъ предразсудковъ средневѣковья неминуемо влекло за собой и отреканіе отъ своего національнаго прошлаго. Словомъ, пріобщиться къ культурѣ для еврея означало въ то же время—стать нѣмцемъ. У нихъ, у этихъ верхнихъ слоевъ нѣмецкаго еврейства, духъ отрицанія, охватившій тогда мыслящую Европу, принялъ весьма своеобразныя формы: они самихъ себя отрицали.

Какъ извѣстно, родоначальникомъ просвѣтительнаго движенія среди нѣмецкаго еврейства признанъ Моисей Мендельсонъ, прозванный его восторженными поклонниками „третьимъ Моисеемъ", выведшимъ народъ Израильскій изъ духовнаго плѣна [1]). Не только во время „меасфимъ", или въ эпоху „просвѣщенія", но даже въ концѣ XIX в. на берлинскаго философа не перестали смотрѣть, какъ на духовнаго отца культурнаго возрожденія еврейства, не перестали толковать о „послѣдователяхъ Мендельсона" и о „мендельсоновской школѣ". „Если насъ спросятъ,—заявляетъ современный еврейскій ученый, проф. Л. Гейгеръ,—кому берлинскіе евреи обязаны своимъ пріобщеніемъ къ образованному обществу, кому они обязаны тѣмъ, что они стали нѣмцами, то мы должны назвать Мендельсона" [2]). Еще дальше идетъ его русскій коллега, покойный проф. Бакстъ. По мнѣнію послѣдняго, Мендельсонъ—„человѣкъ, который своей жизнью и дѣятельностью болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовалъ освобожденію нашего племени въ современной Европѣ, человѣкъ, который силой своего генія вывелъ евреевъ изъ замкнутой колеи ритуально-богословской казуистики на широкій путь работы во имя культуры человѣчества,—человѣкъ, котораго имя стало знаменіемъ всего истинно-прогрессивнаго въ духовномъ развитіи евреевъ за послѣднія сто лѣтъ" [3]). Даже тѣ,

[1]) См. хотя бы: 1) Jost, Geschichte d. Judenthums u. seine Secten, dritte Abtheilung, p. 296: „Moses Mendelssohn erschien, und mit ihm war den Israeliten ein dritter Moses gesandt, um die gebeugten aufzurichtenund die gefesselten zu befreie". 2) D-r Friedländer „Geschichtsbilder aus der nachtalmudischen Zeit", vierter Theil p. 1, и мн. др.

[2]) L. c. стр. 116.

[3]) „О Мендельсонѣ" стр. 1

которые отрицательно относятся къ „берлинскому лже-просвѣщенію“ главнымъ образомъ нападаютъ на Мендельсона, дѣлая его отвѣтственнымъ за то направленіе, которое приняло культурное развитіе западнаго еврейства за послѣднее столѣтіе. Но какъ поклонники, такъ и хулители Мендельсона глубоко неправы въ ихъ оцѣнкѣ роли и значенія берлинскаго философа въ исторіи еврейскаго просвѣщенія. Мендельсонъ былъ менѣе всего новаторомъ, человѣкомъ иниціативы, и весьма многое изъ того, что всецѣло приписываютъ его вліянію, дѣлалось не только помимо, но прямо таки противъ его воли. И вышецитированный Л. Гейгеръ признаетъ, что Мендельсонъ „былъ робкій, осторожный человѣкъ, вырабатывавшій себѣ опредѣленное мнѣніе лишь очень медленно и не всегда имѣвшій мужество защищать его до конца; онъ не былъ борцомъ“ [1]). Въ бурную эпоху отрицанія и торжества единодержавнаго разума, онъ оставался, спокойной, глубоко вѣрующей натурой. Въ немъ, какъ онъ въ этомъ признается въ письмѣ къ Лессингу, одно только имя „Freigeist“ уже „вызываетъ содроганіе“ (erweckt schaudern) [2]), а при одной мысли, что его другъ Лессингъ былъ спинозистъ, не признающій внѣ міра стоящаго Творца его охватываетъ ужасъ. Онъ былъ искренно привязанъ къ еврейской религіи и къ ея обрядностямъ, но, отдавая долгъ своему времени, онъ старался раціоналистски обосновать ихъ необходимость, ихъ „разумность“. Чувствуя свою глубокую связь и привязанность къ іудаизму, онъ однако не былъ въ состояніи дать послѣднему научное освѣщеніе,—онъ былъ для этого совершенно лишенъ исторической перспективы, историческаго пониманія. Въ іудаизмѣ онъ видѣлъ одну только догматическую религію; онъ не видѣлъ въ немъ нѣчто исторически сложившееся, живое, постоянно развивающееся и видоизмѣняющееся національное міровоззрѣніе, а нѣчто застывшее, разъ навсегда данное. Вообще Мендельсонъ былъ истымъ сыномъ своей неисторической эпохи. Онъ самъ говоритъ про себя: „Was weiss ich von Geschichte; was nur den Namen von Geschichte hat, Staatsgeschichte, Gerehlngeschihte, hat mir niemals in den Kopf wollen“. Не будучи борцомъ, Мендельсонъ все то, что написано имъ въ защиту и въ пользу еврейства, сдѣлалъ лишь подъ давленіемъ извнѣ, когда его принуждали къ этому. И свое лучшее твореніе, которое дѣйствительно сыграло видную роль въ культурномъ пробужденіи еврейства—его „переводъ пятикнижія,

---

[1]) L. c. кн. IV. стр. 90.
[2]) M. Mendelssehn. Gesam. Schr. B. V. p. 82

былъ имъ составленъ исключительно для своихъ дѣтей и лишь по настоянію друзей, онъ рѣшилъ напечатать его.

Главной причиной того обаянія и ореола, которымъ окружено имя Мендельсона, является то обстоятельство, что онъ былъ *первымъ* евреемъ въ Германіи, выступившимъ во всеоружіи европейскаго знанія и обладавшимъ къ тому самыми благородными душевными качествами. Какъ мыслитель онъ никогда не поднимался выше средняго уровня, значительно уступая въ этомъ отношеніи не только Соломону Маймону, но даже М. Герцу. Въ то время какъ послѣдній (не говоря уже о Маймонѣ) являлся талантливымъ комментаторомъ и критикомъ кантовской философіи, Мендельсонъ дальше Вольфа не пошелъ и, какъ онъ самъ со свойственной ему чистосердечностью сознается, въ кантовской „Kritik der reinen Vernunft" онъ „ничего не понялъ" [1]). Но его большая заслуга передъ нѣмецкой литературой состоитъ въ томъ, что онъ былъ первымъ нѣмецкимъ писателемъ, трактовавшимъ о философскихъ проблемахъ простымъ яснымъ языкомъ. И никто не станетъ отрицать, что въ исторіи развитія нѣмецкаго языка, нѣмецкаго стиля, Мендельсону принадлежитъ весьма видное мѣсто [2]).

Необычайная уступчивость характера не позволяла Мендельсону открыто выступать противъ чуждыхъ и даже враждебныхъ

---

[1]) См. его письмо къ Элизѣ Реймарусъ, l. c. B. V. стр. 706.

[2]) Насколько намъ извѣстно, первымъ еврейскимъ историкомъ, давшимъ вполнѣ безпристрастную характеристику Мендельсона и его литературной и общественной дѣятельности, является д-ръ Беренфельдъ въ монографіи „Доръ таапихотъ". (Поколѣніе переворота). До Беренфельда, въ еврейской литературѣ г. Фришманъ въ 80-е годы прошлаго вѣка указалъ на непростительную пристрастность въ оцѣнкѣ роли и значенія Мендельсона, какъ со стороны поклонниковъ, такъ и со стороны хулителей послѣдняго.

„Кто побуждалъ васъ, обращается г. Ф. къ тѣмъ, которые ведутъ походъ противъ „Мендельсоновскаго просвѣщенія", приписывать разныя вещи Мендельсону, чтобы имѣть потомъ поводъ претендовать, что эти вещи нехороши? Кто заставлялъ васъ производить его въ родоначальники, въ отцы берлинскаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы горько сѣтовать потомъ на то, что потомки дурны и просвѣщеніе это недоброкачественно? Кто велѣлъ вамъ останавливаться на человѣкѣ правовѣрномъ, замкнувшемся въ своемъ домашнемъ кругу, человѣкѣ, въ сущности не имѣвшемъ никакого отношенія ко всѣмъ тогдашнимъ явленіямъ,—чтобы имѣть къ нему претензіи, что отношеніе дурно и явленія дурны? Я, напримѣръ, не возвеличивалъ никогда и не боготворилъ Мендельсона, и поэтому никогда вообще не былъ поставленъ въ необходимость сбросить его затѣмъ съ пьедестала.

ג.פ ריישמן .מכתבים על דבר הספרות 9—8.

ему воззрѣній; онъ, какъ замѣтилъ о немъ Лессингъ, „во всемъ находилъ и хорошую сторону“. И благодаря этой излишней уступчивости, въ кругу близкихъ ему и часто его навѣщавшихъ людей можно было встрѣтить представителей самыхъ противоположныхъ воззрѣній и симпатій. И всѣ они считали себя его „учениками“, а послѣ его смерти образовали его „школу“. Нужно ли удивляться, если эта своеобразная „мендельсоновская школа“ скоро приняла такой курсъ, который ввергъ бы его учителя, будь онъ еще въ живыхъ, въ еще большій „Schrecken“, чѣмъ слово „Freigeist“.

Мендельсонъ сохранилъ еще глубокую любовь и привязанность къ родному народу и его традиціямъ. Привязанность свою Мендельсонъ не могъ объяснить „раціоналистически“, но она отъ этого ничуть не теряла въ своей интенсивности. Когда императоръ Іосифъ II, намѣреваясь насильно навязать всѣмъ народностямъ австрійской имперіи нѣмецкую культуру, выпустилъ свой пресловутый „Toleranzedikt“ и распорядился объ учрежденіи еврейскихъ школъ (Normalschulen), Мендельсонъ выказалъ достаточно здраваго смысла, чтобы не увлечься этой весьма двусмысленной игрой въ гуманизмъ. Онъ видѣлъ въ эдиктѣ Іосифа не актъ толерантности, а новый, болѣе утонченный способъ насильственной ассимиляціи. Grossen Dank fur alle Toleranz, восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Гомбергу [1])—w nn man dabei noch immer an *glaubensvergleichung* (курсивъ автора) arbeitet“. Къ тому же вопросу онъ еще разъ возвращается въ другомъ письмѣ къ тому же Гомбергу: „О терпимости, пишетъ онъ, не сходящей теперь со столбцовъ газетъ, я вовсе не такого лестнаго мнѣнія, какъ вы. Пока изъза кулисъ выглядываютъ замаскированныя *ассимиляціонныя цѣли*, я считаю подобую лицемѣрную игру въ толерантность гораздо болѣе опасной, чѣмъ открытое преслѣдованіе... Тѣмъ необходимѣе въ данномъ случаѣ, чтобы та немногочисленная группа, которая не желаетъ ни другихъ обращать, ни самой быть обращенной, тѣсно сплотилась и организовалась“ [2]).

Но никого изъ „учениковъ“ Мендельсона этотъ вопросъ ужъ не безпокоилъ. Не только жестокаго Гомберга, относившагося явно враждебно къ іудаизму, но даже наиболѣе „благовѣрнаго“ и умѣреннаго изъ „учениковъ“ Мендельсона, благодушнаго ритора Вессели, Toleranzedikt Іосифа II привелъ въ большой восторгъ. Онъ, подобно Клопштоку, воспѣвалъ „просвѣщеннаго“ и „гуман-

[1]) L. c. стр. 671.
[2]) Ibid 676—7.

наго" монарха въ высокопарныхъ одахъ, а чтобы осчастливленные императорскимъ эдиктомъ, галиційскіе евреи достойно оцѣнили милость монарха, онъ обратился къ нимъ (въ 1782 г.) съ открытымъ посланіемъ, озаглавленнымъ: „Дыврей шаломъ вееметъ" („Слова мира и правды"). Восхваляя выше всякой мѣры императора за его гуманность и просвѣщенность, онъ убѣждаетъ своихъ единовѣрцевъ не противиться благимъ начинаніямъ монарха, а самимъ способствовать преобразованію и упорядоченію воспитанія подростающаго поколѣнія, для чего, по мнѣнію Вессели, необходимѣе всего позаботиться о составленіи руководствъ, „основанныхъ на философіи" и „вполнѣ согласующихся съ разумомъ", по которымъ еврейскія дѣти могли бы изучать еврейскую этику и законъ Божій [1]). Воззваніе это вызвало цѣлую бурю, главнымъ образомъ потому, что Вессели въ видѣ „словъ мира и правды" счелъ возможнымъ заявить, что богословскій ученый, знающій только Божьи заповѣди и Его ученіе, но не знакомый со свѣтскими приличіями и свѣтскими науками, „хуже падали" [2]). Подобное заявленіе напоминаетъ собой извѣстное уже нашимъ читателямъ пренебрежительное отношеніе Маймонида къ простымъ смертнымъ, не просвѣтленнымъ философскими истинами. Но что еще было извинительно въ устахъ знаменитаго мыслителя, то казалось совсѣмъ нелѣпымъ въ устахъ посредственнаго диллетанта Вессели.

Но Вессели, повторяемъ, былъ еще самымъ умѣреннымъ изъ „учениковъ" Мендельсона. Относясь вполнѣ объективно и безпристрастно къ тогдашнимъ еврейскимъ „просвѣтителямъ" и не дѣлая ихъ отвѣтственными за совершенныя ими ошибки, признавая ихъ ошибками вѣка—нельзя все-таки закрывать глаза передъ тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что движеніе это было весьма поверхностное, безпочвенное, лишенное всякой оригинальности. Среди всей плеяды носителей „Мендельсоновскаго просвѣщенія", не выдвинулся ни одинъ крупный оригинальный мыслитель, ни одно выдающееся дарованіе, чувствующее свою кровную связь съ роднымъ народомъ и его прошлымъ; ни одной цѣльной личности, ни одной яркой индивидуальности. То были типичные люди безправнаго гетто, люди духовнаго рабства, не способные къ самостоятельному критическому анализу. Какая-нибудь злостная, ядовитая шутка Вольтера, надъ традиціонной религіей вообще и іудаизмомъ

---

[1]) «Слова мира и правды», посланіе I, гл. 6.

[2]) Ibid, конецъ первой гл.: (שהוא היודע חקי אלהים ותורתו) כל תלמיד חכם שאין בו דעה (נמוסיות ודרך ארץ) נבלה טובה ממנו... כי הוא מכזה את תורתי ונמאס אל חכריות.

въ частности, воспринималась еврейской „берлинской школой" какъ сущее откровеніе. Все еврейское, какъ таковое, уже считалось ретроградным и старомодным, и только тамъ, на „томъ берегу" сіяетъ сказочной красотой таинственная богиня Просвѣщеніе. Какая-то своеобразная смѣсь наивнаго увлеченія и рабской угодливости, легкомыслія и филистерства, жажды просвѣщенія и жадности къ наслажденіямъ, проявляется во всемъ этомъ сумбурномъ движеніи. Еврейскіе „просвѣтители", рабски преклоняясь передъ мнѣніемъ христіанскаго общества, принимали какъ неоспоримую истину и воззрѣнія, господствовавшія тамъ относительно еврейства и іудаизма. Уподобиться во всемъ нѣмецкому христіанскому обществу—таковъ былъ идеалъ еврейскихъ „просвѣщенныхъ". „Задались цѣлью, - говоритъ историкъ Грецъ объ этомъ періодѣ,— удалить изъ еврейской жизни и еврейскихъ обычаевъ все, что оскорбляло утонченный вкусъ, все, что дѣлало евреевъ смѣшными; по вмѣстѣ съ тѣмъ открещивались также и отъ всего, чего нельзя было объяснить раціоналистическимъ путемъ, что носило печать національнаго и связано было съ воспоминаніями о великихъ событіяхъ прошлаго. Съ особой настойчивостью отвергалось все, что могло выставить евреевъ въ глазахъ христіанъ, какъ нѣчто обособленное. Высшей похвалой для представителей этого теченія считалось—во всемъ походить на христіанъ, ничѣмъ не отличаясь отъ нихъ, ни по внѣшнему виду, ни по внутреннему образу жизни" [1]).

„Что скажутъ другіе" (מה יאמרו הגוים, למה יאמרו הגוים)—стало основнымъ лейтмотивомъ всѣхъ помышленій еврейскихъ просвѣтителей. Чтобы снискать себѣ расположеніе среди „другихъ", чтобы тѣ ихъ приняли въ свою среду, они всячески старались уподобиться во всемъ этимъ „другимъ". Ухватившись верховъ просвѣщенія, усвоивъ лишь внѣшній лоскъ, новоявленные „просвѣщенные" прежде всего считали своей священной обязанностью съ презрѣніемъ относиться къ своему прошлому и къ традиціямъ своего народа. Все это дѣлалось понятно во имя и во славу „просвѣщенія". Но твердя безпрестанно „просвѣщеніе", „образованіе", еврейскіе просвѣтители понимали подъ этимъ кличемъ нѣчто весьма расплывчатое, неопредѣленное. Тѣ изъ „просвѣтителей", которые чувствовали еще привязанность къ еврейскому языку и желали показать, что и на еврейскомъ языкѣ можетъ существовать такая же литература, какъ у „другихъ", стали издавать съ осени 1783 г. во славу „просвѣщенія", еврейскій органъ „Меасифъ" [2]). Но вся

[1]) Grätz l. c. B. XI, p. 162.

[2]) „Меасифъ" выходилъ до 1790 г., затѣмъ прекратился на три года.

эта „просвѣтительная“ литература представляетъ собой, за весьма немногими исключеніями, даже для того времени, нѣчто крайне безцвѣтное, лишенное всякаго литератураго значенія.

Въ результатѣ получилось то, что можно было ожидать: поверхностный раціонализмъ и рабское стремленіе во всемъ уподобиться „другимъ“—весьма быстро привели верхніе интеллигентные слои прусскаго еврейства къ отрицанію своей національности, къ полному отчужденію отъ главной массы еврейскаго народа...

Послѣ смерти Мендельсона, главой берлинскаго „просвѣщенія“ сталъ „обезьяна Мендельсона“ — Давидъ Фридлендеръ. Эта тщеславная посредственность, этотъ Flachkopf, какъ его Грецъ называетъ, выдвинулся преимущественно благодаря своему богатству (онъ былъ зятемъ Ицигъ) и обширнымъ связямъ. Когда умеръ враждебный къ евреямъ Фридрихъ II (1787) и на престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ II, прусскіе евреи рѣшили обратиться къ послѣднему съ просьбой объ облегченіи ихъ участи, указывая при этомъ на усиленные поборы, которыми обременялъ евреевъ старый Фрицъ. Депутатами отъ евреевъ (Generald-putirte) были Давидъ Фридлендеръ и его богатый тесть Даніэлъ Ицигъ. Но „просвѣщенный“ Давидъ Фридлендеръ стыдился говорить въ своей петиціи о евреяхъ и еврейской націи: онъ говоритъ лишь о „еврейской колоніи въ прусскихъ провинціяхъ“. Но петиція все-таки не имѣла успѣха и прусское правительство сочло возможнымъ обѣщать евреямъ лишь такія жалкія подачки, что Generaldeputirte совсѣмъ отъ нихъ отказались. Оставляя евреевъ въ прежнемъ жалкомъ положеніи, прусское правительство дало за то нѣкоторымъ знатнымъ богатымъ фамиліямъ (въ томъ числѣ и фамиліи Ицигъ) полное равноправіе. Но великое множество менѣе знатныхъ и менѣе богатыхъ „просвѣщенныхъ“ евреевъ Берлина, Бреславля, Кенигсберга и другихъ прусскихъ городовъ, нашли иной способъ добиться равноправія. Стоило-ли имъ, „просвѣщеннымъ“ людямъ, считаться съ „предразсудками“ своихъ отцовъ, стоитъ-ли переносить позоръ изъ-за предразсудковъ коснаго и темнаго прошлаго [1]). Вѣдь „раціональныя“ основы всѣхъ религій

возобновился въ 1794 г. и просуществовалъ до 1797 г. Въ 1809 году „Меасифъ“ снова возродился, но ужъ при другомъ составѣ сотрудниковъ, которые значительно подняли журналъ, какъ въ научномъ, такъ и литературномъ отношеніи.

[1]) Одинъ изъ кенигсбергскихъ представителей „Мендельсоновскаго просвѣщенія“ выпустилъ въ 1804 г. *въ защиту* евреевъ брошюру „Ein freundliches Wort für gänzliches beilegen des Streites“.

одинаковы—и выводъ былъ ясенъ. Въ лонѣ христіанства наши „просвѣщенные раціоналисты" обрѣли равноправіе. Крещеніе приняло характеръ настоящей эпидеміи (Taufepidemie). И новообращенные „просвѣщенные" христіане смотрѣли съ презрѣніемъ на обитателей гето и глумились надъ ихъ предразсудками и косностью. „Многіе изъ этихъ выкрестовъ, жалуется Грецъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на прежнихъ своихъ единовѣрцевъ и увеличили собой ряды ихъ гонителей". И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Рабъ, разорвавшій оковы и въ борьбѣ завоевавшій себѣ свободу, всегда сочувствуетъ и жалѣетъ рабовъ, еще томящихся въ оковахъ, но „откупившійся" рабъ, рабъ, окольнымъ путемъ вышедшій въ люди, всегда съ высокомѣріемъ смотритъ на своихъ бывшихъ товарищей по несчастью, на этихъ „простаковъ", не достаточно ловкихъ, чтобы улучшить свое положеніе.

Чрезвычайно интересно и поучительно поведеніе главы берлинскаго просвѣщеннаго еврейства—Фридлендера Хорошо памятуя, что „каждый долженъ заботиться раньше всего о самомъ себѣ", сей мужъ сталъ хлопотать въ надлежащихъ сферахъ, чтобы и фамиліи Фридлендеръ, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ банкирскихъ фамилій, было даровано равноправіе. Когда же ему въ этомъ было отказано, онъ совмѣстно съ нѣкоторыми своими единомышленниками обратился съ длиннымъ посланіемъ къ Oberconsistorialrath Теллеру, въ которомъ выражалъ свою, какъ и своихъ единомышленниковъ, готовность принять крещеніе на слѣдующихъ условіяхъ: освободить ихъ отъ выполненія нѣкоторыхъ обрядностей и позволить имъ не признавать божественность Христа, или по крайней мѣрѣ, позволить имъ истолковывать христіанскія догмы по своему.

Теллеръ далъ этимъ просвѣщеннымъ евреямъ вполнѣ достойный отвѣтъ. Пусть, отвѣтилъ онъ, останутся они тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ — христіанству подобные приверженцы не нужны. Онъ не можетъ торговаться съ ними въ дѣлахъ вѣры, не можетъ освободить ихъ ни отъ одной христіанской догмы. Они

Этотъ просвѣщенный еврей признаетъ, что будь онъ христіаниномъ, онъ былъ бы противникомъ евреевъ за то, что тѣ упорно придерживаются своихъ законовъ, которые мѣшаютъ имъ близко сойтись съ неевреями. Чтобы положить конецъ юдофобіи, онъ предлагаетъ слѣдующее: каждый еврей принуждается государствомъ выдать по крайней мѣрѣ одну изъ своихъ дочерей за христіанина и одного изъ сыновей женить на христіанкѣ Дѣти, рожденныя отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, должны, понятно, принадлежать къ господствующей религіи. (См. Grätz, l. c. p. 263).

должны, если желаютъ, принять христіанство цѣликомъ, безъ всякихъ послабленій. А найдетъ ли ихъ тогда государство достойными равноправія, это его не касается — то дѣло государства. Сдѣлка такъ-таки не состоялась.

И нужно ли возмущаться „обскурантизмомъ“ и „косностью“ ортодоксальныхъ евреевъ, ополчившихся противъ „просвѣщенія“? Они, эти малосвѣдущіе, старозавѣтные люди имѣли право усмотрѣть въ просвѣщеніи опасное потрясеніе основъ, убѣдившись, что питомцы этого просвѣщенія съ презрѣніемъ отвернулись отъ родного народа, открещиваются отъ своего прошлаго и путемъ измѣны и самоотрицанія, добиваются гражданскихъ правъ.

И это торгашество человѣческими правами, это заискиваніе у власть имущихъ и униженныя просьбы награждать равноправіемъ, не въ примѣръ прочимъ, за просвѣщенность и образованность—мы встрѣчаемъ также у первыхъ русскихъ адептовъ „берлинскаго просвѣщенія“. Въ этомъ отношеніи весьма характерна первая русская книга о евреяхъ, написанная евреемъ, — „Вопль дщери іудейской“ Лейбы Неваховича [1]).

Приходя въ восхищеніе отъ „нынѣшнихъ“ просвѣщенныхъ временъ“, Неваховичъ въ то же время съ грустью заявляетъ, что душа его „уничижается прискорбіемъ его единоплеменниковъ, отвергаемыхъ отъ сердецъ соотчей ихъ“ [2]). „Въ то самое время, жалуется онъ, когда сердца всѣхъ европейскихъ народовъ между собой сблизились, когда уже слились во едино, народъ еврейскій еще видитъ себя презираема“ [3]). И онъ съ горечью восклицаетъ: „Я чувствую всю тяжесть сего мученія и прошу облегченія!“ Неваховичъ какъ бы не замѣчаетъ вовсе весь ужасъ правового и экономическаго гнета, тяготѣвшаго надъ еврействомъ; его, просвѣщеннаго маскила, мучитъ главнымъ образомъ сознаніе, что онъ „отвергаемъ отъ сердецъ соотчей“, тогда какъ онъ преисполненъ „гордыни, что можетъ именовать россіянъ соотчичами“. И онъ униженно „изливаетъ сердце свое“ передъ „возлюбленными россіянами“ и „человѣколюбивыми россами“, „которые лишь только узрѣли лучи просвѣщенія въ то же самое мгновеніе преисполнились духа терпимости“. Неваховичъ нигдѣ не требуетъ въ категорической формѣ гражданскаго равноправія для евреевъ, онъ лишь униженно проситъ „токмо благосклоннаго вниманія людей

[1]) Напечатана въ 1803 г., перепечатана въ сборникѣ „Будущности“. Т. III (за 1902 г.).

[2]) См. „Будущность“, стр. 116.

[3]) Ibid., p. 130.

просвѣщенныхъ, со слезами проситъ ихъ благоволенія". „О христіане, славящіеся кротостью и милосердіемъ,—восклицаетъ онъ,— имѣйте къ намъ жалость! обратите къ намъ нѣжныя сердца ваши!" [1]). „Вопль дщери іудейской" фактически превращается въ „вопль просвѣщеннаго маскила", слезно умоляющаго просвѣщенныхъ „благородныхъ россіянъ" отбросить устарѣлые предразсудки, обратить къ просвѣщеннымъ евреямъ „нѣжныя сердца" свои и принять ихъ въ свою среду. „Вчитываясь въ эти страницы, вполнѣ справедливо замѣчаетъ Ю. Гессенъ о брошюрѣ Неваховича [2]), легко замѣтить, что на ряду съ тяжелыми страданіями евреевъ, перомъ Неваховича водило пламенное желаніе, чтобы русское общество приняло въ свою среду евреевъ, если и не какъ полноправныхъ гражданъ, то хотя бы какъ соотичей, свободныхъ отъ презрѣнія и оскорбленій со стороны господствующаго населенія; пусть русское еврейство, согбенное подъ тяжестью правовыхъ ограниченій, влачитъ жалкое существованіе, но пусть русское общество признаетъ хотя бы за отдѣльными представителями еврейства въ Россіи завидное право считать и именовать себя *русскими*; общественное сближеніе и равенство въ образованныхъ слояхъ—вотъ что плѣняло Неваховича, какъ это плѣняло и прусскихъ евреевъ".

По „возлюбленные россіяне" остались глухи къ „воплю" Неваховича, и тотъ, совмѣстно съ другомъ своимъ Перецомъ, обрѣлъ „благосклонное вниманіе" и желанное „единеніе со своими соотичами" въ лонѣ христіанской церкви...

XII.

Въ то время, какъ въ Пруссіи занялась заря еврейскаго просвѣщенія, на противоположномъ полюсѣ еврейской жизни, не на верхахъ умственной аристократіи, а въ широкихъ демократическихъ низинахъ—выросло могучее движеніе, всколыхнувшее все еврейство и наложившее свой особый отпечатокъ на все дальнѣйшее культурное развитіе еврейства. Мы говоримъ о хасидизмѣ. Движеніе это не является чѣмъ-то новымъ, невѣдомымъ въ еврейской жизни; напротивъ, оно связано кровными узами все съ тѣмъ же демократическимъ теченіемъ, съ той же своеобразной „религіей сердца", о которой мы говорили въ предыдущихъ главахъ.

[1]) Ibid., стр. 122.
[2]) „Сто лѣтъ назадъ", стр. 29.

Мы уже говорили выше о тѣхъ формахъ, которыя раввинизмъ принялъ въ 17—18 вв. въ Польшѣ, въ этомъ главномъ еврейскомъ центрѣ той эпохи. Никогда и нигдѣ безплодный пилпулъ не достигъ такихъ уродливыхъ формъ, какъ именно въ Польшѣ за эту эпоху.

„Пустое умствованіе въ дѣлѣ религіи, вѣчное толкованіе мелочныхъ обрядовъ, предписаній и запрещеній и измышленіе новыхъ для отягченія народа, вѣчныя словопренія о самыхъ ничтожныхъ казусахъ, могущихъ встрѣчаться при исполненіи тѣхъ или другихъ внѣшнихъ предписаній—вотъ что наполняло умы польскихъ и литовскихъ евреевъ того времени. И все это было результатомъ того вреднаго принципа, который ставилъ *изученіе* религіозныхъ законовъ, т. е. знаніе ихъ и подробнѣйшее ихъ толкованіе—выше всего въ дѣлѣ вѣры и превратилъ религію, долженствующую удовлетворять нравственнымъ и сердечнымъ потребностямъ людей, въ науку, или, точнѣе, въ извращенное подобіе науки, годное только для упражненія досужихъ умовъ“ [1]).

Сухая безжизненная раввинская наука, оторванная и чуждая жизни, головоломная схоластика были объявлены высшей, самодовлѣющей цѣлью. Раввинизмъ со своимъ основнымъ принципомъ, что сущность религіи состоитъ въ „изученіи законовъ“, стремился къ тому, чтобы перевести всю нравственность изъ области явленій внутренняго міра исключительно въ міръ внѣшняго поведенія, словомъ, превратить нравственность въ извѣстную обрядность. И все это дѣлалось съ кичливымъ высокомѣріемъ и отмѣннымъ тщеславіемъ. Заслуживающимъ уваженія считался только тотъ, кто изощрялъ свой умъ въ замысловатыхъ и хитросплетенныхъ толкованіяхъ законовъ, и такой человѣкъ съ презрѣніемъ взиралъ на простолюдина, не располагавшаго ни временемъ, ни охотой заниматься этой безплодной умственной эквилибристикой. Образовалась своеобразная умственная аристократія, рекрутировавшаяся изъ воспитанниковъ ешиботовъ, которая съ высокомѣріемъ смотрѣла на простыхъ „амей-гарацимъ“, т. е. на трудящуюся, не искусившуюся въ головоломныхъ тонкостяхъ, еврейскую массу, на всѣхъ этихъ деревенскихъ жителей, мелкихъ арендаторовъ, корчмарей, мелкихъ торговцевъ и бѣдныхъ ремесленниковъ. И чѣмъ пышнѣе расцвѣталъ на Польшѣ схоластическій пилпулъ, тѣмъ ярче и рѣзче выдѣлялась раздѣльная грань между „ученымъ“ и „амъ-горецомъ“.. Пропасть, — говоритъ историкъ хаси-

[1]) С. Дубновъ. Возникн. цадикизма. Восх. 1888, кн. 9, стр. 6.

дизма С. Дубновъ, отдѣлявшая „интеллигенцію“ отъ „народа“ все болѣе расширялась: первая все болѣе удалялась отъ жизни и зарывалась въ свои мертвыя книги, послѣдній все болѣе грубѣлъ въ тяжелой физической работѣ, въ унизительной погонѣ за кускомъ хлѣба“ [1]). Жившій въ ту эпоху, философъ Соломонъ Маймонъ раздѣлилъ все тогдашнее польское еврейство на слѣдующіе три *класса*: на трудящихся неученыхъ, на ученыхъ, которые дѣлаютъ свою ученость промысломъ, и на ученыхъ, посвящающихъ себя наукѣ, не занимаясь никакой профессіей и живя на счетъ промышленнаго класса“ [2]).

Чѣмъ больше „классъ ученыхъ“ удалялся отъ народа и отъ жизни, тѣмъ больше падало и его нравственное вліяніе на народъ. Этому способствовали еще и другія причины, на которыя еще Оршанскій указалъ въ своей статьѣ „Мысли о хасидизмѣ“. „Начиная съ 17-го столѣтія, пишетъ онъ, все чаще и чаще раздаются жалобы на *неправосудіе и подкупность раввиновъ и продажность раввинскихъ мѣстъ*. Вошло въ обычай, что раввины покупали свою должность у общинъ, вмѣсто того, чтобы получать у нихъ жалованье. При этомъ они необходимо должны были уже правдой-неправдой вознаграждать себя за расходы на полученіе раввинскаго мѣста. Противъ этого безнравственнаго и противнаго еврейскимъ законамъ обычая возставали лучшіе изъ самихъ раввиновъ, которые въ 1637 г. изрекли даже торжественное проклятіе противъ продажности раввинскихъ мѣстъ. Но они не могли преодолѣть естественнаго хода событій, и подкупность раввиновъ усиливалась все болѣе и болѣе“ [3]). Это еще болѣе способствовало паденію престижа раввиновъ среди простой еврейской массы, экономическое положеніе которой уже въ 18 вѣкѣ было крайне тяжелое. Особенно тяжелъ былъ гнетъ, испытываемый „классомъ неученыхъ“ со стороны своей же аристократіи. Кагалъ, единственными представителями котораго были представители денежной и духовной аристократіи [4]), давилъ забитую

[1]) С. Дубновъ. „Введеніе къ исторіи хасидизма“. Восх., 1888, кн. 1—2, стр. 96.

[2]) Еврейская библіотека 1870. Изъ автобіографіи Соломона Маймона, 192.

[3]) Еврейская библіотека, 1870, стр. 179.

[4]) „Въ теченіе всего XVIII в.,—говоритъ историкъ Бершадскій,—еврейское общинное правленіе, или кагалъ, вербовалось изъ небольшого круга семей, связанныхъ между собой сознаніемъ солидарности своихъ интересовъ, а сверхъ того родственными связями („Литовскіе евреи“, стр. 16).

массу рядовыхъ евреевъ тяжестью неимовѣрныхъ налоговъ, отъ которыхъ классъ богачей и ученыхъ былъ свободенъ, заставлялъ простолюдина покупать рѣшительно все, до права передвиженія и права выбора занятій включительно, словомъ угнеталъ ее экономически до того, что для бѣдняка-еврея жизнь становилась невозможно тяжелою [1]). Въ этомъ угнетеніи бѣдной массы, представители духовной аристократіи—раввины часто шли рука объ руку съ денежной олигархіей, порою же обѣ привилегированныя группы вступали въ упорную борьбу изъ-за общественной власти, оспаривая другъ у друга первенство [2]). Рядовые евреи, „классъ неучей", тщетно пытались освободиться отъ нестерпимаго гнета кагальной олигархіи. Весь XVIII в. длилась эта упорная борьба рядовыхъ евреевъ противъ кагала, борьба, имѣвшая въ виду освобожденіе личности еврея отъ юридическаго подчиненія кагалу, дать каждому еврею возможность свободнаго передвиженія, устранить экономическую зависимость индивида отъ общины путемъ уничтоженія солидарной отвѣтственности членовъ, какъ по платежу передъ правительствомъ, такъ и по уплатѣ долговъ кредиторамъ. Борьба рядовыхъ евреевъ осталась безуспѣшной, такъ какъ за кагальной олигархіей стояло само польское правительство. Но не имѣя успѣха въ своей борьбѣ противъ матеріальнаго гнета, еврейская народная масса съ тѣмъ большимъ рвеніемъ ополчилась противъ духовнаго гнета, противъ омертвѣнія холодно разсудительнаго раввинизма и его мелочной обрядности, столь мало говорящей душѣ простолюдина [3]). Она жаждала *живого* слова, ждала *живыхъ*, *близкихъ* имъ людей, которые болѣли бы ихъ страданіями, лили бы бальзамъ утѣшенія на ихъ душевныя раны и въ тяжелыя минуты являлись бы надежной духовной опорой. На этой-то почвѣ и выросло новое движеніе—хасидизмъ, задачей котораго было разрушить мелочный педантизмъ и мертвую рутину раввинизма и внести въ религіозное ученіе животворящій духъ истинной вѣры и религіознаго чувства вмѣсто мертвой обрядно-

---

[1]) Бершадскій. „Литовскіе евреи", стр. 14; С. Дубновъ. „Возникновеніе хасид." Восх. 1888 г., кн. VII. стр. 88.

[2]) Подробнѣе см. „Литовскіе евреи" Бершадскаго, глава I.

[3]) Но и эта борьба противъ духовнаго гнета и омертвѣнія раввинизма пріобрѣтала въ извѣстные моменты характеръ борьбы народной массы противъ олигархіи, внѣдрившейся въ кагалахъ. См. объ этомъ работу Ю. Гессена „Къ исторіи религіозной борьбы". Восх. 1902 г., кн. I—II.

ети [1]). Въ видѣ протеста противъ буквоѣдства и мелочной бездушной схоластики раввинизма, хасидизмъ выставилъ лозунгъ, что „буква мертва, духъ животворитъ“, вмѣсто мертвой обрядности и формализма, хассидизмъ выставилъ девизъ, что въ религіозной практикѣ важно не внѣшнее формальное соблюденіе обряда, а проникновеніе его внутреннимъ духовнымъ содержаніемъ.

Вмѣсто спесивой и бездушной умственной аристократіи, вмѣсто отталкивающей сухости талмудической казуистики, выступила демократическая „религія чувства“, желавшая вывести польское еврейство „изъ безплодной пустыни мертвящаго раввинскаго крючкотворства и религіознаго формализма“ въ волшебный лѣсъ, гдѣ „всюду жизнь“, гдѣ общая живительная сила одухотворяетъ все кругомъ и объединяетъ въ одно гармоническое цѣлое и людей, и природу во всемъ ея разнообразіи [2]). Духовнымъ отцомъ этого движенія является замѣчательная, своеобразная личность—р. Израиль Бештъ [3]) (1698—1760).

С. Л. Цинбергъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) О хасидизмѣ существуетъ цѣлая литература, но въ весьма значительной своей части либо рѣзко обличительнаго, либо восторженно апологетическаго характера. Среди немногочисленныхъ критически-научныхъ работъ о хасидизмѣ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ прекраснымъ статьямъ С. Дубнова. Къ сожалѣнію, эти послѣднія разбросаны по цѣлымъ десяткамъ старыхъ журнальныхъ книжекъ „Восхода“, вслѣдствіе чего пользованіе ими весьма затруднительно.

[2]) Первый, который понялъ, что хасидизмъ не есть простое порожденіе невѣжества, какъ думали наши „просвѣтители“—былъ Соломонъ Маймонъ. Затрагивая въ своей автобіографіи это движеніе (самъ Маймонъ былъ въ молодости хасидомъ), онъ указываетъ на то, что основатель хасидизма Бештъ и его ученики нашли много темныхъ сторонъ въ іудаизмѣ и старались исправить именно тѣмъ, что возстали противъ безплодной казуистики раввиновъ, противъ мертвой, бездушной обрядности, лишенной всякаго смысла, противъ религіознаго лицемѣрія и ханжества. (Еврейск. библіотека II, стр. 264—5).

[3]) Имя „Бештъ“ является аббревіатурой словъ: Баалъ-Шемъ-Товъ.

Изъ книги пророка Iезекiиля.

I. РАБЫ.

На черныхъ пняхъ безазучно таютъ тѣни
От облаковъ.
Кто видитъ ужасъ горестныхъ смятенiй?
Кого разбудитъ жесткiй смѣхъ оковъ?

Пятнистый червь, росу глотая жадно,
Живетъ въ скалѣ,
А мы полземъ въ долинѣ безотрадной
И ржавой тиной стелемся во мглѣ.

Горятъ слѣды на кожѣ огрубѣлой
Отъ ѣдкихъ слезъ.
Какъ хорошо лежать въ одеждѣ бѣлой
На мягкой травкѣ, подъ навѣсомъ лозъ!

И сердце намъ къ почившимъ завистъ гложетъ:
Ихъ крѣпокъ сонъ!
О, радуйтесь! насильникъ не наложитъ
На васъ цѣпей, и тяжкiй братьевъ стонъ

Къ вамъ не дойдетъ: ночныхъ заклятiй сила
Стоитъ съ мечомъ!
Водой забвенья смерти васъ оросила
И покрываетъ радостнымъ крыломъ.

Мы ищемъ сновъ, мы жаждемъ опьянѣнья
И смерти ждемъ,

Но горе намъ! приходитъ стражъ гоненья—
И мы во тьму, покорные, идемъ.

II. ДОЧЬ СІОНА.

Ты встанешь ночью... Рукой прозрачной
Поднимешь чашу съ виномъ кипучимъ,
И заалѣетъ въ пустынѣ мрачной
Цвѣтокъ безумья страданьемъ жгучимъ
Какъ тихо стонутъ въ лощинахъ звѣри,
О, какъ хохочутъ злорадно люди!
А ты склонилась у мѣдной двери
И съ дикимъ воплемъ терзаешь груди!..
. . . . . .
Но близокъ часъ, исполнятся надежды!
Возьмешь Мой медъ и финикъ и елей,
И облечешься въ свѣтлыя одежды
И будешь пѣть, какъ въ юности своей!
Къ тебѣ влетитъ съ росой на крыльяхъ птица—
Ее взростила царственная ель—
И будетъ спать у ногъ твоихъ тигрица,
А рядомъ съ ней—пугливая газель.

III. ГРЯДУЩЕЕ.

Не отъ солнца-ль воскъ прозрачный таетъ?
Не отъ рабства-ль стоны городовъ?..
Кто газели мѣсяцы считаетъ,
День укажетъ тягостныхъ родовъ?
Божій духъ надъ черной бездной рѣетъ.
Вслѣдъ обидѣ мщеніе идетъ:
Если плодъ смоковницы созрѣетъ,
Тяжело на землю онъ падетъ!

К. Бархинъ.

Очерки по исторіи западно-европейскихъ евреевъ въ началѣ XIX вѣка.

(Преимущественно по архивнымъ даннымъ).

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Къ вопросу объ экономическомъ и соціальномъ положеніи евреевъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Евреи сѣверныхъ провинцій.

Вступительныя замѣчанія.—Евреи Бельгіи и Люксембурга, ихъ занятія и матеріальное положеніе. — Евреи Голландіи: ихъ положеніе при „старомъ режимѣ", дарованіе равноправія и переходъ къ новымъ профессіямъ.—Матеріальное положеніе: статистика еврейскихъ капиталовъ, данныя благотворительности. — Культурная отсталость массы, живучесть традиціонныхъ взглядовъ и учрежденій. — Жизнь общины: общины португальскія и нѣмецкія, ихъ относительная численность и матеріальное положеніе, ихъ обособленность и соревнованіе; нѣмецкая община Амстердама: права ея членовъ, пріобрѣтеніе и потеря ихъ, лица ограниченныя въ правахъ, обязанности членовъ, компетенція синдиковъ.—Новыя теченія въ общинѣ: образованіе новой общины, центральная консисторія и ея дѣятельность. Ванъ-Деенъ и Белинфанте.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о евреяхъ сѣверонѣмецкихъ владѣній.

Въ оффиціальныхъ документахъ изучаемой нами эпохи терминомъ „евреи сѣверныхъ провинцій" обозначались какъ тѣ еврейскія общины, о которыхъ будетъ идти рѣчь въ настоящей главѣ—общины Бельгіи, Люксембурга, Голландіи и сѣверо-нѣмецкихъ владѣній,—такъ и тѣ, что находились въ прирейнскихъ областяхъ имперіи и были описаны нами въ предыдущей главѣ. Мы сочли полезнымъ отступить отъ оффиціальной терминологіи и разбили

объемлемое ею содержаніе на двѣ самостоятельныя части. Поступая такимъ образомъ, мы руководствовались, какъ соображеніями внѣшняго характера—удобства изложенія, такъ—еще въ большей степени — причинами внутренними, вытекавшими изъ самой сути нашей темы. Положеніе голландскихъ евреевъ слишкомъ разнилось отъ положенія ихъ собратьевъ въ рейнскихъ областяхъ, чтобы можно было объединить ихъ въ одномъ разсказѣ. Историческія традиціи, общественный укладъ, характеръ общинной жизни, отношенія къ окружающему христіанскому населенію—все это сложилось въ Голландіи нѣсколько иначе, чѣмъ въ Эльзасѣ и прилегавшихъ къ нему бывшихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ. Болѣе общаго имѣло еврейское населеніе восточныхъ провинцій съ евреями ганзейскихъ городовъ, но послѣдніе находились такое короткое время подъ французскимъ владычествомъ, ихъ населеніе,—въ данномъ случаѣ, евреи — такъ мало восприняло отъ кратковременнаго подчиненія Наполеону, что немыслимо ставить ихъ на одинъ уровень съ ихъ рейнскими соплеменниками, которые въ теченіе полутора—двухъ десятковъ лѣтъ жили подъ властью имперскихъ законовъ, находились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ наполеоновской администраціи.

Владѣнія современной Бельгіи и Люксембурга подпали подъ французское владычество одновременно съ нѣмецкими областями на лѣвомъ берегу Рейна. Мѣстные евреи въ такой же степени испытывали на себѣ вліяніе французскихъ законовъ и французской администраціи, въ какой его ощущали евреи Майнца или Кельна. Но мы все-таки сочли болѣе удобнымъ не включать данныя о бельгійскихъ евреяхъ въ предыдущую главу, дабы не разсѣивать вниманія читателя.

Общей картины экономическаго и соціальнаго положенія евреевъ сѣверныхъ провинцій мы дать не сможемъ, мы будемъ разсматривать въ отдѣльности ихъ положеніе въ Бельгіи и Люксембургѣ, Голландіи и сѣверо-нѣмецкихъ владѣніяхъ. Жившіе въ этихъ странахъ евреи не поддерживали между собою того тѣснаго общенія, не находились въ тѣхъ сходныхъ условіяхъ существованія, которыя сближали евреевъ всѣхъ восточныхъ провинцій безразлично, находились ли онѣ ранѣе подъ нѣмецкимъ господствомъ или съ давнихъ поръ принадлежали Франціи.

Какъ читатель уже знаетъ изъ нашего перваго очерка [1]), еврейское населеніе Люксембурга и Бельгіи было не многочисленно.

[1]) См. книжки „Восхода", 1904, № XI, стр. 37.

Въ Люксембургѣ ихъ численность достигала ста человѣкъ. Въ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ Монталиве Наполеону отъ 13 марта 1811 года указывается, что въ деп. Форе (Forêt),— бывшемъ Люксембургѣ, — живетъ 13 еврейскихъ семействъ, составляющихъ въ общей сложности 85 душъ. Относительно ихъ занятій мы узнаемъ слѣдующее: 9 чел. занимались разносной тбрговлей, трое состояли на общественной службѣ, двое содержали харчевни, одинъ былъ граверомъ, одинъ крупнымъ торговцемъ и одинъ отбывалъ воинскую повинность. Нѣкоторые изъ нихъ ссужали деньги христіанскому населенію, но такихъ было немного, и ихъ финансовыя операціи были весьма незначительныя. За мѣстными евреями числилось ипотекъ на „ничтожную", по словамъ министерскаго отчета, сумму—въ 6,033 фр. Ихъ поведеніе было, по отзыву префекта, „безукоризненно"; онъ доносилъ министру, что „они хорошо исполняютъ гражданскія обязанности". Мѣстный имперскій прокуроръ писалъ, что къ нему не поступало ни единой жалобы по обвиненію евреевъ въ ростовщичествѣ, и что ни одинъ еврей не былъ осужденъ исправительной полиціей или уголовнымъ судомъ [1]).

Въ Бельгіи, по оффиціальнымъ даннымъ, къ 1811 году числилось около 800 чел. евреевъ. По отношенію къ общему населенію страны они составляли совершенно ничтожный процентъ, лишь въ одномъ деп. Нижняго Мааса достигавшій пропорціи 2 : 1000, въ другихъ же опускавшійся гораздо ниже. Сравнительно крупныя еврейскія общины имѣлись въ Брюсселѣ, Геллсталѣ (35 чел.), Льежѣ (24 чел.) и др. Какъ и въ другихъ странахъ, торговля была ихъ преимущественнымъ занятіемъ. На ряду съ мелкими торговцами, коробейниками и старьевщиками, имѣлись также крупные торговцы и промышленники. Такъ изъ пяти представителей еврейскаго населенія города Калль (Call) трое вели торговлю скотомъ. Свѣдѣніями о матеріальномъ положеніи бельгійскихъ евреевъ мы не располагаемъ. Но несомнѣнно, что, наравнѣ со всѣмъ населеніемъ страны,—даже въ большей степени, ибо они были торговцами по преимуществу, — страдали они отъ наполеоновскаго режима... „Взятое въ цѣломъ,—говоритъ Ланзакъ-де-Лабори, авторъ книги „Французское владычество въ Бельгіи",—экономическое положеніе бельгійскихъ департаментовъ оставляло желать очень многаго во все продолженіе Имперіи. Дороги сдѣлались

[1]) A. N.—F[19]. 1838. Докладъ Монталиве и письмо префекта деп. Форе отъ 8 окт. 1810 г.

удобными для торговыхъ сношеній, ѣзда по нимъ не представляла болѣе никакихъ опасностей, но внѣшняя политика Наполеона, его стремленіе управлять по произволу ходомъ торговли уничтожили всякій кредитъ... Земледѣліе ужасно страдало отъ запретительныхъ мѣръ, изданныхъ противъ его традиціонныхъ рынковъ сбыта—Англіи и Голландіи. Несмотря на тайный вывозъ хлѣба, на закупку его для продовольствія войскъ и экспортъ во внутрь Франціи, огромные запасы зерна гнили, а цѣны падали. Въ Льежскомъ округѣ, по сообщенію префекта, промышленность повсюду находилась въ застоѣ, а стоимость жизненныхъ припасовъ за пять лѣтъ удвоилась. Во Фландріи и Брабантѣ наблюдался аналогичный застой въ дѣлахъ" [1])... Непомѣрные налоги и поборы только увеличивали матеріальное разореніе страны. Естественно, что мѣстное населеніе не могло питать чувства признательности къ своимъ господамъ. По отзыву названнаго изслѣдователя, отношеніе бельгійцевъ къ французамъ было открыто непріязненное. Помимо экономическихъ бѣдствій, причиненныхъ краю завоевателями, основаній для вражды было не мало. Желѣзная рука Наполеона давила страну, частые воинскіе наборы, непрекращавшіеся воинскіе постои, неуважительное отношеніе побѣдителей къ религіознымъ воззрѣніямъ и обрядамъ туземцевъ, — все это тяготило, раздражало и оскорбляло послѣднихъ. „Воинскій постой, — разсказываетъ Ланзакъ-де-Лабори,—былъ особенно обременителенъ, вслѣдствіе отношенія французскихъ военныхъ, которые еще болѣе, чѣмъ гражданскіе чиновники, обращались съ бельгійцами, какъ съ представителями низшей расы, какъ съ покоренымъ народомъ" [2]). Но и администрація не внушала къ себѣ особенныхъ симпатій... „Къ ней почти никто не питалъ ни довѣрія, ни расположенія". „Въ ихъ представленіи французъ есть синонимъ насмѣшника, человѣка, относящагося къ нимъ враждебно и готоваго всѣхъ очернить", писалъ о бельгійцахъ д'Аржансонъ, префектъ Антверпена [3]).

Что бельгійскіе евреи находились въ привилегированномъ положеніи по сравненію съ остальнымъ населеніемъ страны,—предполагать нѣчто подобное нѣтъ никакихъ основаній. Правда, переходъ подъ французское владычество сопровождался для нихъ полу-

---

[1]) *Lanzac de Laborie.* La domination française en Belgique (1795 - 1814). Paris. 1895. стр. 41—42.

[2]) Тамъ же. стр. 55.

[3]) Тамъ же. стр. 60—61.

ченіемъ гражданскаго и политическаго равноправія. Это было, безспорно, огромное пріобрѣтеніе, но обязаны имъ они были французской революціи, а отнюдь не наполеоновскому режиму. Послѣдній съузилъ рамки ихъ правоспособности, подчинивъ ихъ силѣ ограничительныхъ декретовъ. Дѣйствительно, по небрежности ли администраціи или по какой другой причинѣ, декретъ 17 марта 1808 года первое время не примѣнялся въ бельгійскихъ департаментахъ (въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 12 августа 1808 г. префектъ деп. Уртъ писалъ, что не знаетъ про существованіе названнаго декрета), но разъ войдя въ силу, онъ уже не отмѣнялся. Три года спустя министръ внутреннихъ дѣлъ констатировалъ, что въ этой части территоріи даже не возникло вопроса объ отмѣнѣ ограничительныхъ положеній. У мѣстной администраціи, относившейся непріязненно ко всѣмъ жителямъ края, не было никакихъ основаній проявлять особенную заботливость по отношенію къ евреямъ. Если ея отношеніе къ послѣднимъ и отличалось отъ ея отношеній къ христіанской части населенія, то скорѣе въ дурную, чѣмъ въ хорошую сторону [1]).

„Въ Голландіи до того времени, когда революція 1795 года и побѣдоносныя французскія войска внесли духъ равенства исповѣданій, совершенно отличный отъ принципа терпимости, положеніе евреевъ было весьма непріятное,—читаемъ мы въ докладѣ центральной консисторіи князю де Плезансъ (de Plaisance) отъ 20 ноября 1810 года. Ихъ терпѣли во всемъ значеніи этого слова; они имѣли не только право свободнаго отправленія культа, подобно католикамъ, но находились даже, по сравненію съ ними, въ привилегированномъ положеніи, потому что могли совершать свой культъ публично и имѣли разрѣшеніе на постройку синагогъ. Какъ и католикамъ, имъ былъ закрытъ доступъ ко всѣмъ служебнымъ постамъ и почетнымъ должностямъ, но они одни изъ представителей всѣхъ культовъ въ силу особыхъ постановленій не допускались, кромѣ того, и въ цехи, т. е. тѣмъ самымъ лишались права занятія искусствами и ремеслами. За исключеніемъ небольшой группы врачей и адвокатовъ при судахъ низшей инстанціи, вся остальная масса еврейскаго населенія страны жила исключительно торговлей, которая давала возможность существовать, пока голландская торговля вообще процвѣтала“ [2])...

[1]) Архивныя свѣдѣнія о бельгійскихъ евреяхъ: A. N. — F[17]. 1838, 1840 и 1844.

[2]) A. N.— F[17]. 1788.

Декретъ 2 сентября 1796 года даровалъ голландскимъ евреямъ равноправіе, и спустя 10—15 лѣтъ послѣ изданія этого закона мы можемъ уже наблюдать его послѣдствія. „Со времени разрѣшенія евреямъ заниматься ремеслами, среди нихъ появились ремесленники всякаго рода",—докладывали представители той же консисторіи тому же князю де-Плезансъ 17-го іюля 1810 года. Они насчитывали среди евреевъ 6 адвокатовъ, 5 присяжныхъ стряпчихъ, 1 нотаріуса, 10 врачей, 10 хирурговъ и 4 аптекаря. „Мѣстная нѣмецкая община (т. е. община нѣмецкихъ евреевъ),—говорится въ томъ же докладѣ,—съ гордостью насчитываетъ въ своей средѣ одного члена института, директора (редактора?) „Правительственнаго Вѣстника", одного аудитора въ государственномъ совѣтѣ, одного начальника канцеляріи въ министерствѣ финансовъ, одного начальника канцеляріи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, одного члена коммиссіи по составленію торговаго уложенія, двухъ служащихъ въ счетной палатѣ (Cour des comptes), одного служащаго въ коммиссіи по дѣламъ благотворительности, одного состоящаго при королевскомъ дворѣ и т. д. Португальская община имѣетъ въ своей средѣ одного кавалера ордена Союза, одного врача-консультанта при особѣ короля, одного служащаго въ долговой канцеляріи (bureau de la dette publique), двухъ служащихъ въ конторѣ „Правительственнаго Вѣстника" и т. д. Въ письмѣ къ министру культовъ отъ 30 іюня 1811 года члены консисторіи указывали еще на другихъ евреевъ, состоящихъ на общественной или государственной службѣ, а именно: двухъ служащихъ въ генеральномъ совѣтѣ департамента Зюдерзее, одного служащаго въ совѣтѣ округа Амерсфорта того же департамента, одного сборщика казенныхъ податей и одного служащаго въ супрефектурѣ Амстердама, одного чиновника въ канцеляріи генералъ-губернатора, одного члена суда первой инстанціи въ Амстердамѣ, одного мирового судью, одного судебнаго секретаря, одного частнаго секретаря главнаго директора полиціи, двухъ полицейскихъ приставовъ въ Амстердамѣ и т. д [1]). Когда возникъ вопросъ объ образованіи въ Голландіи еврейской центральной консисторіи, то въ ея члены были предложены: изъ среды нѣмецкой общины — Шарль Ассеръ, бывшій аудиторъ въ государственномъ совѣтѣ, онъ же мировой судья, Іонасъ Даніилъ Мейеръ, судебный слѣдователь, членъ генеральнаго совѣта и амстердамскаго института, А. Давидъ Майеръ, адвокатъ, Фабій Боасъ, секретарь

[1]) A. N.—F[19]. 1788.

у мирового судьи, Д. С. Боасъ, адвокатъ, Іосифъ Эзекіель Гольдшмитъ, докторъ медицины, Лемонъ Гартогъ де-Гартогъ, тоже докторъ медицины, Веніаминъ Леманъ, присяжный стряпчій, Вейль, муниципальный совѣтникъ и, кромѣ нихъ, три владѣльца недвижимымъ имуществомъ и восемь негоціантовъ. Изъ среды же португальской общины были намѣчены Эммануилъ Каппадозе, кавалеръ ордена Союза, онъ же членъ генеральнаго совѣта и докторъ медицины, Іосифъ Мендесъ-да-Коста, докторъ правъ и, кромѣ нихъ, три владѣльца недвижимостью и два негоціанта [1]).

Мы не располагаемъ тѣми подробными данными о профессіяхъ голландскихъ евреевъ, какія были въ нашемъ распоряженіи, когда мы вели рѣчь о еврейскомъ населеніи Парижа или восточныхъ провинцій. Но мы можемъ положиться на показаніе членовъ консисторіи, заявляющихъ въ цитированномъ докладѣ къ князю де-Плезанъ, что главнымъ источникомъ существованія евреевъ, какъ и всѣхъ голландцевъ, была торговля. Отъ наполеоновскаго режима, въ частности отъ установленія континентальной системы, отрѣзавшей материкъ отъ Великобританіи, съ которой Голландія вела преимущественныя торговыя сношенія, страна понесла неисчислимые убытки. Одинъ изъ современниковъ, графъ де-Брольи, посѣтившій Голландію въ 1806 году, писалъ: „Въ то время страна представляла необычайное меланхолическое зрѣлище. Гавани были пустынны; все, что можно было видѣть въ Амстердамѣ и Роттердамѣ, это нѣсколько остововъ разснащенныхъ суденъ. Склады были закрыты, лавки пусты; улицы поросли травою [2])“...

Само собой понятно, что еврейское населеніе, жившее главнымъ образомъ торговлей, пострадало отъ общаго экономическаго упадка края. Въ докладѣ консисторіи мы читаемъ, что „многіе негоціанты вынули свои капиталы изъ торговли и живутъ теперь на накопленныя средства, что между евреями теперь мало торговцевъ перваго ранга“. Правда, они же пишутъ, что „среди евреевъ много такихъ, которые пользуются на биржѣ незапятнанной репутаціей“, но это показаніе нисколько не ослабляетъ силу сказаннаго только что объ общемъ матеріальномъ разореніи голландскихъ евреевъ.

Вотъ нѣсколько любопытныхъ цифровыхъ данныхъ. Когда въ 1812 году отъ префектовъ голландскихъ департаментовъ были затребованы списки наиболѣе состоятельныхъ евреевъ, то оказалось,

[1]) A. N. — F^{1c}. 53. Списокъ названныхъ лицъ подписанъ префектомъ деп. Зюдерзее 25 авг. 1812 г.

[2]) Souveniге du duc *de-Brolie*. Paris. t. I. p. 19.

что въ деп. Устьевъ Мааса, въ составъ коего входили такіе города, какъ Гаага, Роттердамъ, Лейденъ, Дордрехтъ, т. е. города съ наибольшими еврейскими общинами, если не считать амстердамской, что въ этомъ департаментѣ, по официальнымъ даннымъ, было насчитано всего одинъ еврей, располагавшій состояніемъ въ 12,000 фр., три еврея съ капиталомъ въ 10,000 фр., одинъ съ 9,000 фр., два съ 8,000 фр., четыре съ 6,000 фр., четыре съ 5,000 фр. и 35 чел., имѣвшіе состояніе отъ 1000 до 5000 фр. Другими словами, изъ общаго еврейскаго населенія названнаго департамента, достигавшаго цифры въ 6,000 чел., лишь пятьдесятъ человѣкъ или, если взять въ разсчетъ ихъ семьи, только 250 чел. обладали состояніемъ, превосходившимъ тысячу франк. Въ деп. Устьевъ Рейна, насчитывавшемъ 600 чел. еврейскаго населенія, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ префектомъ, имѣлось лишь три еврея съ капиталомъ въ три тысячи франк. и это были уже самые богатые люди въ мѣстныхъ общинахъ. Пять чел. обладало состояніемъ въ двѣ тыс. фр., два въ 1200 фр., одинъ въ 800 фр. и четыре въ 400 фр. Другими словами, сто пять семействъ изъ ста двадцати (мы считаемъ въ среднемъ семью изъ пяти челов.) жили на доходы отъ капитала меньше 400 фр. [1]).

Возможно, конечно, что, указывая властямъ размѣры своихъ состояній, евреи показывали цифры менѣе дѣйствительныхъ, хотя особенно побудительныхъ причинъ у нихъ для этого въ данномъ случаѣ не могло быть, такъ какъ означенныя свѣдѣнія собирались префектами для вполнѣ опредѣленной цѣли—выясненія состава проектировавшихся еврейскихъ консисторій. Къ тому же въ то время приведенныя выше данныя ничуть не расходятся со всѣми другими свѣдѣніями о матеріальномъ положеніи голландскихъ евреевъ въ описываемую эпоху. Большой интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи данныя о размѣрахъ благотворительной помощи, оказывавшейся различными еврейскими общинами Голландіи. Португальская община въ Амстердамѣ состояла изъ 2,800 чел., изъ нихъ бѣдныхъ, пользовавшихся благотворительной помощью, было 600 чел., т. е. около пятой части. Нѣмецкая община тамъ же была очень многолюдна, быть можетъ, самая многолюдная во всей Европѣ; ея численность достигала 30,000 чел., изъ коихъ *двѣ трети—20,000—жило милостыней*. Пятую часть своего бюджета

[1]) A. N.—F[1e]. 53. См. письмо префекта деп. Устьевъ Мааса къ министру внутр. дѣлъ отъ 25 октября 1812 г. и письмо префекта деп. Устьевъ Рейна къ нему же отъ 1 ноября 1812 г.

нѣмецкая община расходовала на бѣдныхъ [1]). По количеству бѣдняковъ еврейское населеніе Амстердама значительно опережало всѣ другія вѣроисповѣданія. Среди мѣстныхъ лютеранъ бѣдныхъ было—4,486 чел., среди католиковъ—8,944 чел., у реформатовъ оно достигало крупной цифры въ 13 тыс. чел., которая все-таки была значительно меньше цифры бѣдняковъ-евреевъ. Этотъ контрастъ былъ бы еще рѣзче, если-бы вмѣсто абсолютныхъ чиселъ мы взяли относительныя—процентное отношеніе бѣдныхъ ко всѣмъ представителямъ каждаго культа. Въ Гаагѣ насчитывалось всего 2,180 евреевъ, изъ нихъ благотворительной помощью пользовалось—480 чел., т. е. почти четвертая часть. На ихъ содержаніе ежегодно тратилось 19 тыс. флориновъ. Авторъ документа, изъ коего мы черпаемъ настоящія свѣдѣнія, добавляетъ, что надо имѣть также въ виду, что въ Голландіи бѣдные евреи получали вспомоществованія и отъ общихъ благотворительныхъ учрежденій. Въ Амстердамѣ для бѣдныхъ евреевъ былъ открытъ свободный доступъ въ общіе пріюты и госпиталь, ихъ дѣтей, наравнѣ съ дѣтьми христіанъ, принимали въ нѣкоторыя школы, наравнѣ съ бѣдняками христіанами, общія благотворительныя учрежденія раздавали имъ пищу [2]). Мы—съ своей стороны, можемъ замѣтить другое: а именно, что, какъ ни крупны были суммы, расходовавшіяся еврейскими и общими учрежденіями для поддержки нуждающимся, помощь, оказывавшаяся ими, была въ общемъ далеко не значительной. „Участь этихъ бѣдняковъ, говоритъ одинъ современникъ, относящійся въ общемъ къ нимъ очень сурово, достойна сожалѣнія: не имѣя достаточной поддержки отъ благотворительныхъ учрежденій, они вынуждены собирать милостыню“ [3]). А между тѣмъ было бы ошибочно предполагать, что благотворительныя учрежденія не выпол-

---

[1]) По проекту общиннаго бюджета на 1813 годъ—16,811 фр. изъ общей суммы въ 89,437 фр. шло на поддержку бѣдныхъ. Благотворительныя суммы распредѣлялись слѣд. образомъ: 3,450 фр. шло на раздачу опрѣсноковъ, 6,000 фр.—на раздачу топлива, 800 фр.—на помощь выздоравливающимъ, 1,260 фр.—на содержаніе трехъ врачей для бѣдныхъ, 1.050 фр.—на содержаніе хирурга для нихъ же, 388 фр. 50 сант.—содержаніе двухъ его помощниковъ, 1,470 фр.—жалованіе аптекарю, 1470 фр.—расходы по погребенію бѣдныхъ, 367 фр. 50 сант.—на раздачу деньгами бѣднымъ и т. д.—*A. N.*—F[1]g. 1814.

[2]) *A. N.*—AF[IV] cart. 1816. Документъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ, помѣченный 5 мая 1808 года.

[3]) *A. N.*—AF[IV] 1814—1815. Докладная записка неизвѣстнаго автора: „Обозрѣніе того, что можно было бы сдѣлать для улучшенія участи евреевъ“.

няли всей лежавшей на нихъ задачи по помощи бѣднымъ. По свидѣтельству того же современника, они съ трудомъ переносили то финансовое бремя, какимъ была для нихъ поддержка неимущихъ. Плохія въ смыслѣ заработковъ времена, вызывавшія, съ одной стороны, ростъ числа нуждающихся, а съ другой, вліявшія несомнѣнно на уменьшеніе общинныхъ доходовъ, дѣлали это бремя особенно чувствительнымъ [1]).

Такимъ образомъ, въ Голландіи мы можемъ констатировать тотъ же фактъ, который отмѣтили при изученіи экономическаго и соціальнаго положенія евреевъ въ восточныхъ департаментахъ. Какъ и въ послѣднихъ, революція эмансипировала голландскихъ евреевъ, открыла свободный доступъ ко всѣмъ профессіямъ. Но связанныя съ нею войны, а въ особенности пришедшій ей на смѣну наполеоновскій режимъ были для нихъ, какъ и для всего населенія края, источникомъ матеріальнаго разоренія. И тутъ, какъ въ предыдущей главѣ, мы можемъ замѣтить, что внутренней причинной связи между этими двумя категоріями явленій—освободительными тенденціями революціи и диктаторскими мѣрами Наполеона не было, не было въ томъ смыслѣ, что первыя отнюдь не обусловливали собою наступленіе вторыхъ. Между разорительной экономической политикой императора и эмансипаціоннымъ движеніемъ среди евреевъ была зависимость другого характера, мы бы сказали—обратнаго. Суть въ томъ, что матеріальный упадокъ, коимъ сопровождались непрестанныя войны имперской эпохи, усугублявшійся еще въ такихъ странахъ, какъ Голландія безумнымъ установленіемъ континентальной системы, въ сильной степени затруднялъ переходъ къ новымъ отраслямъ труда, являлся крупной помѣхой въ дѣлѣ просвѣщенія еврейской массы.

А между тѣмъ именно въ Голландіи, несмотря на то, что еврейскій культъ пользовался тутъ и при старомъ порядкѣ большею свободой, чѣмъ гдѣ-либо на западѣ Европы, еврейская масса была крайне отсталой и для просвѣщенія ея предстояло сдѣлать еще много. „Хотя среди евреевъ этого королевства,—писалъ одинъ

[1]) Авторъ выше цитированнаго „Обозрѣнія", проектируя рядъ мѣръ по оказанію бѣднымъ трудовой помощи, замѣчаетъ, что осуществленіе ихъ въ цѣломъ приходится отложить до болѣе благопріятныхъ временъ, когда сгладятся бѣдствія, причиненныя войной. Повѣствуя о ходѣ своихъ работъ, амстердамская консисторія писала въ 1810 г.: „Общія политическія событія Европы, вліяющія столь непосредственнымъ образомъ на судьбы голландцевъ, совершенно не дали возможности сдѣлать что-либо существенное для помощи бѣднымъ".—*A. N.*—F[19] 1788.

современникъ,—нѣтъ недостатка въ людяхъ, которые получили хорошее воспитаніе, хотя среди различныхъ слоевъ еврейскаго населенія попадаются геніи, значительно возвышающіеся надъ единовѣрцами блескомъ своихъ талантовъ, между тѣмъ масса сильно отстала и сама по себѣ не въ состояніи пользоваться гражданскими выгодами, предоставляемыми ей благодѣяніями его величества и конституціей" [1])... Аналогичное заявленіе дѣлали и члены центральной консисторіи. „Мы не затрудняемся признаться вашему сіятельству,—писали они князю де-Плезансъ,—что евреи вообще сугубо отстали въ культурномъ отношеніи". Перечисляя причины констатируемаго явленія, они говорили: „Ихъ система воспитанія, ихъ предразсудки, изолированность, въ которой они находятся не по своей волѣ, закрытіе для ихъ дѣтей доступа въ нѣкоторыя публичныя и частныя школы не только были раньше причиной отмѣчаемаго различія между христіанами и евреями, но и по сію пору поддерживаетъ его, хотя въ верхнихъ слояхъ общества оно и начинаетъ сглаживаться" [2]).

Еврейская масса, какъ и въ старые годы, продолжала говорить на жаргонѣ, „смѣси изъ нѣмецкаго, польскаго и еврейскаго языковъ, которымъ они пользовались въ устной бесѣдѣ, при перепискѣ и даже при составленіи судебныхъ актовъ". „Въ общинныхъ школахъ занимались однимъ лишь совершенно поверхностнымъ изученіемъ религіи, при чемъ преподаватели и не думали давать дѣтямъ хоть какое-нибудь представленіе о морали, равно какъ не обучали ихъ родному языку. Школы эти были поручены лицамъ, которыя потому только занялись преподавательской дѣятельностью, что всѣ ихъ попытки пристроиться на другихъ поприщахъ окончились неудачей" [3]). Жизнь протекала все по тому же издревле проложенному ею руслу. Традиціонныя учрежденія и унаслѣдованные отъ дѣдовъ обычаи и нравы продолжали держаться въ ненарушимой цѣлости. „Въ хеврахъ и ешиботахъ раввины ежедневно излагали своимъ слушателямъ начала религіи и комментировали библію". Въ мидрашимъ молодежь все еще продолжала проводить цѣлые дни надъ фоліантами талмуда.

Несмотря на продолжительное пребываніе въ Голландіи, еврейская масса не поддерживала сношеній съ христіанскимъ населеніемъ; она жила совершенно изолированно. Дарованіе равнопра-

---

[1]) См. вышецитированное „Обозрѣніе".
[2]) Вышецитированное письмо синдиковъ отъ 17 іюля 1810 года.
[3]) „Обозрѣніе".

вія не внесло въ этомъ отношеніи замѣтныхъ перемѣнъ. Обусловливалось такое положеніе дѣла главнымъ образомъ, двумя причинами. „Не достаточно того, чтобы равенство признавалось закономъ, оно должно примѣняться и на практикѣ",—пишетъ авторъ неоднократно цитированнаго нами „Обозрѣнія". На практикѣ же принципы равенства примѣнялись не въ полномъ объемѣ, въ особенности въ эпоху, предшествовавшую провозглашенію голландскаго королевства, т. е. до 1806 года. Но не одни внѣшнія препятствія стояли на пути осуществленію задачъ эмансипаціи. Онѣ встрѣчали сильную оппозицію и въ самой средѣ голландскаго еврейства. Здѣсь ихъ противниками были оффиціальные представители общинъ, синдики, которые, по словамъ представителей центральной консисторіи, „завѣдывали всѣми дѣлами общины и, основываясь на нѣсколькихъ абсурдныхъ и несправедливыхъ регламентахъ, утвержденныхъ городскими властями, пользовались ими всегда, когда дѣло шло о томъ, чтобы придавить членовъ общины и помѣшать имъ выйти за предѣлы узко очерченнаго для нихъ круга дѣятельности и заняться дѣлами, которыя не имѣли къ нимъ непосредственнаго отношенія".

Такимъ образомъ, жизнь рядового голландскаго еврея отъ колыбели до могилы протекала въ стѣнахъ гетто. Изъ рѣзко обведеннаго круга общинныхъ интересовъ для подавляющаго большинства не существовало выхода. Община представляла собою законченный государственный организмъ; тутъ имѣлись власти и подданные, внѣшняя и внутренняя политика, борьба партій и классовая вражда; община имѣла свое законодательство, свои финансы, свою бюрократію, свою полицію, свой судъ.

Какъ извѣстно, голландскіе евреи дѣлились на двѣ части: евреевъ нѣмецкихъ и евреевъ португальскихъ. Первые значительно превосходили численностью вторыхъ. Въ одномъ документѣ, относящемся къ 1810 году, мы находимъ цифру нѣмецкихъ евреевъ—36,862 чел., португальскихъ же—2,693 чел. Португальскія общины имѣлись только въ двухъ городахъ—Амстердамѣ (2,553 чел.) и Гаагѣ (140 чел.), нѣмецкія же были разбросаны по всей странѣ, и количество ихъ доходило до ста [1]). Португальскія общины были богаче нѣмецкихъ. Такъ, португальская община Гааги была собственницей недвижимыхъ имуществъ, отъ которыхъ получала еже-

[1]) *A. N*—F^{iv} 1788. Etat de la population juive allemande et portugaise des dép. du Waal, de la Hollande et des villes Anséatiques.

годнаго дохода около двухъ тыс. флориновъ, мѣстная же нѣмецкая община существовала лишь на тѣ взносы, которые дѣлались ея членами и на доходы отъ религіозныхъ учрежденій [1]). Въ то время, какъ португальскіе евреи того же города, насчитывавшіе въ своей средѣ 80 чел. неимущихъ, расходовали на поддержаніе ихъ 10,000 флор. въ годъ, евреи нѣмецкіе тратили въ теченіе года на тысячу флор. меньше и должны были на эту сумму помогать 400 бѣдняковъ [2]). При этомъ надо еще отмѣтить, что португальская община имѣла свои благотворительныя суммы постоянно наготовѣ, такъ какъ ея источники доходовъ были обезпечены, нѣмецкая же община изъ расходовавшихся ею на бѣдныхъ 9.000 флор. обезпеченными имѣла лишь 4,000, остальныя же пять тыс. должна была каждый годъ собирать.

Каждая секта имѣла не только особыя благотворительныя учрежденія, но и особыя синагоги, особый ритуалъ, особыя школы и т. д. Дѣти нѣмецкихъ родителей не принимались въ школы португальской общины и наоборотъ. Каждая секта ревниво оберегала свою самостоятельность, свои права и привилегіи. Когда по присоединеніи Голландіи къ Франціи, зашла рѣчь объ учрежденіи одной центральной консисторіи, синдики португальской общины Амстердама, опасаясь за цѣлость общинныхъ учрежденій, обратились къ министру культовъ съ ходатайствомъ, въ которомъ просили его разрѣшить ихъ общинѣ пользоваться особою синагогою отъ консисторской синагоги остальныхъ евреевъ, „какъ это имѣетъ мѣсто среди различныхъ христіанскихъ сектъ, которыя,—писали синдики,—меньше разнятся между собою въ отношеніи догматовъ, ритуала и всемъ, что касается культа, чѣмъ еврейскія общины—нѣмецкая и португальская“ [3]).

Нѣмецкихъ общинъ, какъ мы сказали, было больше, и среди нихъ имѣлась такая многолюдная, какъ амстердамская, насчитывавшая тридцать тысячъ членовъ. О ней мы и будемъ говорить въ нижеслѣдующихъ строкахъ, ибо въ ней наиболѣе рельефно выступаютъ всѣ особенности еврейскаго общественнаго уклада въ Голландіи описываемой эпохи.

Амстердамская нѣмецкая община была строго замкнутымъ обществомъ. Принадлежность къ ней предоставляла извѣстныя права и налагала опредѣленныя обязанности. Одни только члены общины имѣли право быть избираемыми на общественныя должности, уча-

---

[1]) *A. N.*—F[19] 1843.

[2]) *A. N.*—AF[IV] carl. 1816.

[3]) *A. N.*—F[19] 1788. Прошеніе синдиковъ отъ 19 марта 1812 года.

ствовать въ религіозныхъ церемоніяхъ и быть погребенными на кладбищѣ въ Мюбергѣ. Званіе члена общины признавалось за лицами трехъ категорій, а именно: 1) родившимися отъ членовъ общины, 2) женившимися на дочеряхъ членовъ общины и внесшими вступное, размѣръ коего опредѣлялся синдиками, и 3) иностранцами, т. е. выходцами изъ другихъ общинъ, вопросъ о пріемѣ которыхъ разрѣшался синдиками, устанавливавшими также количество причитавшагося отъ нихъ вступного. Въ то время какъ отъ женившагося на дочери члена общины требовалась небольшая сумма денегъ, иностранецъ, вступавшій въ общину, долженъ былъ уплачивать взносъ, сообразно своему состоянію, и во всякомъ случаѣ сумму не меньше 250 флор. Основаніе такого неравенства понятно: облегчая доступъ въ общину женившимся на дочеряхъ ея членовъ, статуты тѣмъ самымъ дѣйствовали въ интересахъ этихъ членовъ, которые не всегда могли подыскать для себя зятей, бывшихъ въ состояніи внести 250 флор. вступныхъ денегъ; отъ пріема же въ свою среду чужака община обыкновенно ничего не выигрывала, тогда какъ онъ, вступая въ общину, пріобрѣталъ извѣстныя права, за пользованіе коими и долженъ былъ платить. Одной готовности внести указанную синдиками сумму денегъ было недостаточно для того, чтобы стать членомъ общины; синдики имѣли полное право отказать въ пріемѣ, коль скоро иностранецъ пользовался дурной репутаціей или былъ плохого поведенія.

Общинные статуты устанавливали также, въ какихъ случаяхъ состояніе члена общины теряется. Кромѣ смерти, такая потеря званія, а заодно и связанныхъ съ нимъ правъ, имѣла мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ, о пріемѣ коего въ общину шла рѣчь, былъ незаконнорожденный или былъ зачатъ до брака. Ригоризмъ въ этомъ отношеніи заходилъ такъ далеко, что въ приписке къ общинѣ отказывали и въ томъ случаѣ, если отецъ незаконнаго ребенка женился впослѣдствіи на его матери, другими словами, присваивалъ ему состояніе законнорожденнаго. Впрочемъ, синдики имѣли право дѣлать исключенія изъ этого суроваго правила, обставляя пріемъ подобныхъ лицъ извѣстными условіями—смягченіе, внесенное уже послѣдующими установленіями (закономъ 10 декабря 1772 года).

Наконецъ, статуты нѣмецкой общины Амстердама говорятъ и о временномъ лишеніи правъ, а именно въ случаѣ выѣзда члена общины въ другой городъ; возвращаясь, онъ получалъ обратно прежнее званіе, уплачивая опредѣленную подать.

Приведенныя правила терпѣли лишь одно ограниченіе—они не примѣнялись къ раввинамъ, но не къ ихъ семьямъ, которыя трактовались на общемъ основаніи. Замѣтимъ тутъ же, что какъ ни великъ былъ почетъ, коимъ пользовалось званіе раввина среди тогдашняго голландскаго еврейства, тѣмъ не менѣе, всѣхъ правъ иногороднимъ раввинамъ регламенты нѣмецкой общины не давали: даваемые ими титулы не признавались дѣйствительными, безъ разрѣшенія синдиковъ иностранный раввинъ не имѣлъ права произносить проповѣдей, одинъ общинный раввинъ завѣдывалъ вопросами воспитанія и имѣлъ право вносить измѣненія въ религіозные обряды.

Среди еврейскаго населенія Амстердама была весьма многочисленная категорія лицъ, ограниченныхъ въ общинныхъ правахъ. Таковыми были:

1) бѣдняки, жившіе на счетъ общественной благотворительности,

2) должники общины,

3) банкроты,

и 4) нарушившіе религіозныя постановленія.

Лица, пользовавшіяся матеріальной поддержкой общины, не были допускаемы на духовныя должности; ихъ хоронили на особомъ кладбищѣ въ Зеебургѣ. Эти унизительныя ограниченія снимались съ нихъ, если они уплачивали общинѣ всю полученную отъ нея сумму денегъ. Еще суровѣе были постановленія относительно должниковъ общины; они не только не допускались ни къ какимъ должностямъ, но трупы ихъ не хоронились до тѣхъ поръ, пока ихъ наслѣдники не возвращали общинѣ причитавшихся ей суммъ; если же, паче чаянія, у должника не было наслѣдниковъ, то трупъ его предавали погребенію, не совершая надъ нимъ религіознаго обряда. Къ банкротамъ и нарушителямъ религіозныхъ предписаній статуты относились милостивѣе: они лишались права занимать общественныя должности и участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ; таковое ограниченіе снималось съ нихъ послѣ того, какъ банкроты уплачивали опредѣленный налогъ, а прегрѣшившіе противъ религіи отбывали извѣстное наказаніе.

Если мы теперь вспомнимъ, что двѣ трети нѣмецкой общины Амстердама были нищіе, жившіе на счетъ общественной благотворительности, что со времени перехода страны подъ французское владычество все ея населеніе, а въ томъ числѣ и евреи,—они даже больше другихъ,—понесло огромные матеріальные убытки; если къ этому мы

добавимъ, что размѣры взимавшихся общиною прямыхъ и косвенныхъ налоговъ были весьма значительны, то читателю будетъ легко себѣ представить, какъ въ сущности не велико было число полноправныхъ членовъ общины. Лишь четвертая или пятая часть населенія еврейскаго квартала обладала всѣми правами; $^3/_4$ или $^4/_5$ же его представляли собой огромную массу въ двадцать съ лишнимъ тыс. человѣкъ, находившихся въ унизительномъ состояніи.

Какія соображенія руководили авторами изложенныхъ нами постановленій о пріобрѣтеніи, потерѣ и ограниченіи правъ члена общины? Чему, какому моменту придавали они наибольшее значеніе, опредѣляя пригодность или непригодность того или иного лица быть членомъ общины, обладать всѣми предоставляемыми ею правами? Иногородній раввинъ могъ безвозбранно вступать въ общину, но 1) его компетенція была уже компетенціей раввина общиннаго и 2) его право на свободный доступъ въ общину не сообщалось его дѣтямъ. Другими словами, заслуги на религіозномъ поприщѣ и знатности происхожденія не было еще достаточно для пріобрѣтенія всѣхъ правъ. Съ другой стороны, незаконнорожденные, зачатые до брака и лица, женившіяся на соблазненныхъ ими до брака дѣвушкахъ, исключались изъ общины, но могли быть приняты въ нее на извѣстныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, безнравственное, съ точки зрѣнія общественной морали, происхожденіе и поведеніе не отрѣзывало навсегда доступа въ общину. Къ тѣмъ же выводамъ приводитъ анализъ отношенія статутовъ къ банкротамъ и нарушившимъ религіозныя предписанія. Несомнѣнно, что банкротство считалось безчестнымъ дѣяніемъ; безспорно также, что на нарушеніе религіи смотрѣли, какъ на большой грѣхъ. Между тѣмъ, стоило банкроту внести извѣстную пеню, а нарушителю вѣры отбыть опредѣленное наказаніе, чтобы начать по прежнему пользоваться всѣми правами.

Отъ того, что банкротъ уплачивалъ пеню, нарушившій предписанія религіи приносилъ покаяніе, а незаконнорожденный, зачатый до брака и женившійся на соблазненной ранѣе дѣвушкѣ выполняли поставленныя синдиками условія,—отъ выполненія всѣхъ названныхъ актовъ эти лица не переставали быть тѣмъ, чѣмъ они были до ихъ совершенія, т. е. банкротъ оставался банкротомъ, грѣшникъ—грѣшникомъ, незаконнорожденный — незаконнорожденнымъ и т. д. И со всѣми ними община, въ лицѣ составителей ея статутовъ, считала возможнымъ поддерживать общеніе, допускать ихъ въ свою среду, какъ полноправныхъ членовъ. Такого снисхожденія не было

HEBR. LESEVEREIN

ни по отношенію къ бѣднякамъ, ни по отношенію къ должникамъ общины. Постановленія статутовъ на этотъ счетъ говорятъ совершенно ясно, они не знаютъ никакихъ компромиссовъ. Если бѣднякъ вернетъ общинѣ всѣ потраченныя на него деньги, а должникъ отдастъ причитающійся за нимъ долгъ, ихъ возстановятъ въ правахъ; но пока первый не возвращаетъ благотворительныхъ суммъ, т. е. остается бѣднякомъ, а второй не уплачиваетъ долга, т. е. остается должникомъ, для нихъ нѣтъ никакого выхода изъ ихъ ограниченнаго состоянія. Ихъ не допускаютъ ни къ какимъ должностямъ, бѣдняка хоронятъ на особомъ кладбищѣ въ Зеебургѣ, а должника предаютъ землѣ, не свершивъ надъ нимъ заупокойной молитвы. Мамзеръ, банкротъ и нарушитель религіи были въ лучшемъ положеніи, у нихъ все-таки была возможность пріобрѣсть общинныя права. Незаконное происхожденіе, торговая недобросовѣстность и нарушеніе религіозныхъ предписаній не были такимъ грѣхомъ, какъ имущественная несостоятельность. Меркантильный характеръ статутовъ общины не подлежитъ сомнѣнію. Крупное купечество, заправлявшее дѣлами общины и заодно съ городскимъ самоуправленіемъ, т. е. представителями такого же христіанскаго купечества, сочинявшее уставы общины, наложило на нихъ буржуазный отпечатокъ.

Обязанности членовъ общины заключались въ 1) повиновеніи установленнымъ властямъ синдикамъ и 2) уплатѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Кромѣ вступного, которое уплачивалось всякимъ новымъ членомъ общины, всѣ его члены были обложены ежегодной податью въ пользу бѣдныхъ. Эта подать была замѣной существовавшей ранѣе обязанности членовъ общины давать пріютъ и пищу бѣднымъ единовѣрцамъ, въ особенности иногороднимъ. Размѣръ подати устанавливался, пропорціонально состоянію плательщиковъ, синдиками совмѣстно съ семью приглашенными ими на помощь обывателями. Первоначально статуты устанавливали максимумъ подати, но впослѣдствіи синдикамъ было предоставлено право повышать ее по своему усмотрѣнію. Участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ и пользованіе религіозными учрежденіями также оплачивалось деньгами. Продажа мяса была монополизирована общиной, и подъ страхомъ штрафа никто не могъ покупать его иначе, какъ въ общинной лавкѣ. Доходы отъ мясной лавки были самой крупной статьей въ общинномъ бюджетѣ.

За невзносъ податей членамъ общины грозили различныя наказанія, назначеніе коихъ зависѣло отъ синдиковъ. Регламентъ разрѣшалъ синдикамъ оглашать во всеобщее свѣдѣніе списки лицъ, не

уплатившихъ налоги, отказывать имъ въ исполненіи почетныхъ функцій во время богослуженія и даже участіи въ немъ, лишать права на преимущественное пользованіе доходами отъ продажи мѣстъ въ синагогѣ, не допускать ихъ къ занятію общественныхъ должностей, лишать ихъ, какъ мы уже знаемъ, погребальнаго обряда и даже самаго погребенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ непослушнымъ членамъ общины грозилъ денежный штрафъ и даже тѣлесное наказаніе. Такъ, за пользованіе не общинною миквой въ первый разъ полагалось наказаніе въ видѣ пени размѣромъ въ 25 флор., во второй — 50 флор. и въ третій—100 флор. Если же кто-нибудь осмѣливался брать мясо не въ общинной лавкѣ, то въ первый разъ онъ наказывался—арестомъ на хлѣбъ и на воду срокомъ 15 дней, а во второй—подвергался наказанію кнутомъ.

Каралось строго и самое ослушаніе синдиковъ. За отказъ явиться на ихъ вызовъ виновный уплачивалъ 10 флор. штрафу. Въ случаѣ сопротивленія ихъ постановленіямъ бунтовщику грозила пеня въ 1000 флор. и онъ обязанъ былъ въ концѣ концовъ покориться ихъ волѣ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, какъ значительна была компетенція синдиковъ. Они завѣдывали всѣми дѣлами общины и назначали на всѣ общинныя должности, за исключеніемъ поста раввина. Совмѣстно съ семью приглашенными обывателями, они устанавливали размѣръ благотворительной подати, могли по произволу измѣнять его, при чемъ на ихъ рѣшенія нельзя было ни къ кому апеллировать. Они одни имѣли право раздавать милостыню и всякаго рода денежныя воспособленія, по своему усмотрѣнію увеличивать ихъ, уменьшать, отказывать въ пользованіи ими или продолжать давать. Они же опредѣляли размѣръ суммы, которую долженъ былъ уплачивать иностранецъ, дѣлаясь членомъ общины, или,—въ случаѣ внезапной смерти въ Амстердамѣ.—чтобы быть погребеннымъ на кладбищѣ въ Мюндбергѣ, а не въ Зеебергѣ, гдѣ хоронили бѣдныхъ. Отъ нихъ же зависѣло установленіе пени, вносимой банкротомъ за право участія въ религіозныхъ церемоніяхъ. Синдики были вправѣ отказать въ пріемѣ въ общину лицамъ, обладающимъ всѣми необходимыми для того качествами, и разрѣшить вступленіе въ нее такимъ, которыя таковыхъ качествъ не имѣли. Имъ принадлежало право суда надъ всѣми членами общины, за неявку къ ихъ трибуналу грозило денежное наказаніе. Безъ ихъ разрѣшенія нельзя было ни печатать книгъ, ни производить никакихъ сборовъ, ни совершать богослуженій, ни дѣлать никакихъ объявленій въ синагогѣ, ни даже предавать умершихъ погребенію.

Они могли закрыть доступъ въ синагогу нарушителямъ религіозныхъ предписаній и, наконецъ, только они совмѣстно съ бывшими синдиками имѣли право измѣнять статуты общины.

Финансы, судъ, полиція, благотворительность, цензура,—все это находилось въ вѣдѣніи синдиковъ. Одинъ раввинъ не былъ у нихъ въ подчиненіи. Его компетенція была значительно уже. Онъ вѣдалъ вопросы воспитанія и культа. Въ случаѣ ослушанія кого-либо изъ паствы, онъ не имѣлъ права наказывать провинившагося по своему усмотрѣнію, а долженъ былъ довести объ этомъ до свѣдѣнія синдиковъ, которые уже разбирали дѣло и постановляли приговоръ.

Должность синдика была выборной. Для замѣщенія ея нужно было достигнуть опредѣленнаго возраста. Они избирались на два года. Переизбираніе выбывшихъ синдиковъ не разрѣшалось статутами, которые позволили, однако, вторичный выборъ синдиковъ лишь по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ оставленія ими своего поста. На практикѣ на эту должность попадали представители нѣсколькихъ наиболѣе зажиточныхъ семей, представлявшихъ собою общинную аристократію. „Это была корпорація, которая, обновляясь лишь постепенно и постоянно допуская на свои совѣщанія своихъ предшественниковъ по должности, не могла не сохранять всегда одного и того же кастового духа, который наполнялъ ее съ самаго возникновенія",—читаемъ мы въ одномъ современномъ документѣ [1]).

Ростъ общественнаго самосознанія, воздѣйствіе внѣшняго міра, съ которымъ обитатели амстердамскаго гетто вынуждены были приходить въ соприкосновеніе, въ частности совокупность революціонныхъ событій, наступившихъ въ Голландіи со времени занятія ея французами въ 1795 году,—все это подтачивало старые устои. Всемогущество синдиковъ и допускавшіяся ими многочисленныя злоупотребленія,—въ особенности въ дѣлѣ завѣдыванія мясной лавкой,—привели въ 1796 году къ крупнымъ волненіямъ въ общинѣ, результатомъ коихъ было отпаденіе отъ нея значительнаго количества членовъ, конституировавшихся въ особую общину, получившую названіе новой. Въ нее вошли болѣе про-

---

[1]) *A. N.*—AF. I 1814—1815, № 105. „Précis des Reglements de la Communauté juive allemande d'Amsterdam" et „Recueil sommaire des Reglements de la Communauté juive allemande à Amsterdam". (Анализъ и краткій сводъ законовъ объ общинномъ самоуправленіи, изданныхъ 11 октября 1737 года, 4 іюля 1743 года, 27 февраля 1747 года, 1 октября 1752 года, 23 іюля 1765 года, 10 декабря 1772 года и въ 1792 году).

грессивные элементы еврейскаго населенія Амстердама. Большого труда стоило ея основателямъ завоевать себѣ самостоятельность и впослѣдствіи отстаивать ее. „Намъ пришлось бороться съ враждою, фанатизмомъ, предразсудками и духомъ времени",—разсказывали ея заправилы въ адресѣ, поданномъ ими Наполеону въ 1806 г. [1]). Со времени возникновенія новой общины между нею и старой общиной началась безпощадная война. Къ властямъ непрестано поступали жалобы то съ одной стороны, то съ другой. Признавая необходимымъ положить конецъ этой междуусобной войнѣ, король Луи-Наполеонъ, еще до пріѣзда своего въ Голландію, рѣшилъ преобразовать бытъ мѣстныхъ нѣмецкихъ евреевъ. Онъ поручилъ амстердамскому бургомистру Ван-де-Поллю составить особую коммиссію изъ двухъ представителей старой общины и одного новой для выясненія сущности раскола и выработки мѣръ къ примиренію враждующихъ организацій. Въ маѣ 1808 года коммиссія представила королю свой отчетъ и списокъ необходимыхъ реформъ. Тогда была назначена новая коммиссія, на этотъ разъ изъ девяти членовъ, которой было предписано выработать статуты какъ для имѣющей возникнуть центральной консисторіи нѣмецкихъ евреевъ всей страны, такъ и для амстердамской общины. Въ іюлѣ того же года коммиссія закончила свои работы, 12 сентября 1808 года Луи-Наполеонъ утвердилъ выработанные ею статуты.

Новые статуты лишали амстердамскую общину ея самостоятельности, отнынѣ она должна была подчиняться рѣшеніямъ центральной консисторіи. Законъ 12 сентября поручалъ центральной консисторіи раздѣлить всю страну на округа и устроить въ каждомъ изъ нихъ мѣстныя синагоги, за коими она должна была имѣть верховный надзоръ. Четвертаго января 1809 года двѣнадцать членовъ центральной консисторіи были уверждены въ своемъ званіи, и первымъ ихъ дѣломъ была организація провинціальныхъ консисторій. Ея работы подвигались быстро, но правительство, занятое въ это время, очевидно, болѣе спѣшными дѣлами, не торопилось съ разсмотрѣніемъ представлявшихся ею проектовъ. Такъ, проектъ территоріальнаго раздѣленія страны былъ утвержденъ лишь перваго сентября 1809 года. Съ утвержденіемъ регламентовъ для провинціальныхъ консисторій еще менѣе посчастливилось. Король передалъ ихъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, гдѣ они и пролежали безъ движенія до самаго его роспуска. Положеніе культа въ провинціи было самое неопредѣленное и отъ

[1]) *A. N.*—AF. IV. 1045

этого страдали не только мѣстныя общины, но и амстердамская, а больше другихъ сама центральная консисторія. Дѣло въ томъ, что, согласно регламенту 12 сентября 1808 года, центральная консисторія ежегодно устанавливала размѣръ подати, вносимой всѣми находившимися подъ ея завѣдываніемъ общинами. Получивъ эти деньги, она должна была распредѣлять ихъ между общинами, сообразно ихъ нуждамъ. То обстоятельство, что организація провинціальныхъ синагогъ затянулась, сдѣлало невозможнымъ полученіе отъ нихъ денежныхъ взносовъ. Центральная консисторія вынуждена была жить одними авансами, которые давала ей амстердамская община. Этого источника дохода было совершенно не достаточно на покрытіе не только всѣхъ, но даже самыхъ необходимыхъ расходовъ. Въ октябрѣ 1810 года консисторія просила у правительства оказать ей вспомоществованіе въ размѣрѣ 5000 флор. на покрытіе дефицита, образовавшагося со времени ея возникновенія. Присоединеніе Голландіи къ Франціи и переходъ еврейскихъ учрежденій въ вѣдѣніе наполеоновской администраціи не улучшилъ положенія дѣла. Въ апрѣлѣ 1812 года члены консисторіи писали министру культовъ, что уже два года она не выплачиваетъ жалованія своимъ служащимъ, которые должны получать въ общемъ 10000 флор. Въ іюнѣ того же года они опять обращались къ министру съ письмомъ, въ которомъ говорили: „служащимъ консисторіи не уплачено, она не имѣетъ средствъ даже на повседневные расходы, неизбѣжные при ея засѣданіяхъ; уже не разъ обращалась она къ амстердамской общинѣ за деньгами и получала отъ нея авансы, но теперь финансы общины находятся въ самомъ скверномъ положеніи, и она не въ состояніи удовлетворять своимъ нуждамъ, не говоря уже о потребностяхъ центральной консисторіи. У насъ нѣтъ денегъ на то, чтобы поддерживать переписку“,— съ грустью констатируютъ въ томъ же письмѣ представители консисторіи.

Понятно, что при такомъ положеніи своихъ финансовъ и существованіи лишь на бумагѣ права надзора надъ провинціальными общинами — фактически это право не могло осуществляться, такъ какъ регламента общинъ все не было, и онѣ, какъ юридическія единицы, не существовала, — центральная консисторія не могла обладать большимъ авторитетомъ: ея престижъ и степень ея воздѣйствія на общественную жизнь голландскихъ евреевъ были незначительны. Общины поступали совершенно произвольно, не находя нужнымъ справляться съ мнѣніемъ консисторіи. Въ письмѣ къ министру куль-

товъ отъ 6 апрѣля 1812 года послѣдняя жаловалась ему на то, что общины Роттердама и Гронинга избирали себѣ раввиновъ не только безъ позволенія ея, центральной консисторіи, но даже вопреки ея явному запрету.

Между тѣмъ члены центральной консисторіи были люди прогрессивнаго направленія и при болѣе благопріятномъ сочетаніи условій могли бы оказать сильное вліяніе на развитіе своихъ единовѣрцевъ. Особенно много вниманія обращали они на вопросы просвѣщенія. Они возбудили передъ властями ходатайство о томъ, чтобы еврейскихъ дѣтей принимали въ школы общества „Общественная польза", куда ихъ ранѣе не принимали изъ-за ихъ происхожденія. Много энергіи проявила консисторія въ борьбѣ съ жаргономъ. Она неоднократно отдавала приказанія, чтобы всѣ бумаги, составляемыя синагогами, за исключеніемъ тѣхъ, что относятся непосредственно къ вопросамъ культа, писались на голландскомъ языкѣ, но, какъ пишутъ ея представители въ одномъ документѣ, „явная оппозиція мѣстныхъ синагогальныхъ заправилъ, изъ коихъ нѣкоторые открыто нарушали эти предписанія или уклонялись отъ выполненія ихъ, интриги многихъ лицъ, видѣвшихъ въ этомъ прямое покушеніе на самыя основы религіи, наконецъ, недостатокъ энергіи, проявленной правительствомъ въ дѣлѣ поддержки центральной консисторіи, были причиной того, что всѣ ея старанія ни къ чему не привели". Не удалось ей также довести до благополучнаго конца начатый было переводъ пятикнижія на голландскій языкъ. Удѣляла она свое вниманіе и матеріальнымъ нуждамъ еврейскаго населенія. Въ апрѣлѣ 1809 года правительство затребовало отъ нея соображенія по вопросу объ учрежденіи въ Амстердамѣ центральнаго благотворительнаго заведенія, которое вмѣщало бы въ себѣ работный домъ, пріютъ для сиротъ и госпиталь. „Но,—читаемъ мы въ одной изъ представленныхъ ею докладныхъ записокъ,—общія политическія событія Европы, оказывающія такое непосредственное вліяніе на благосостояніе голландцевъ, совершенно не дали возможности сдѣлать что-либо значительное для бѣдныхъ".. Наконецъ, когда возникъ проектъ объ образованіи спеціальнаго военнаго корпуса изъ евреевъ,—это было въ 1809 году,—осуществленіе его было поручено консисторіи. „Это порученіе одно доставило ей столько же заботъ и главное—больше непріятностей, чѣмъ всѣ остальныя ея занятія вмѣстѣ", говорится въ той же докладной запискѣ, гдѣ мы читаемъ дальше, что „при осуществленіи даннаго правительственнаго проекта консисторія успѣла познакомиться со взглядами евреевъ вообще, а раввиновъ

и общинныхъ управленій въ частности, и наглядно увидѣла, какъ они далеки отъ идеала“ [1]).

Конечно, дѣйствительность была очень далека отъ тѣхъ требованій, которыя предъявлялись къ ней жаждавшими обновленія реформаторами, но самый фактъ появленія на общественной аренѣ такихъ людей, какими были члены центральной консисторіи, краснорѣчиво говорилъ о томъ, что жизнь въ голландскомъ гетто не стояла на точкѣ замерзанія, а подвигалась впередъ,—въ сторону прогресса и просвѣщенія. И ошибочно было бы думать, что члены центральной консисторіи были исключительными людьми въ своей средѣ. Ихъ взгляды и стремленія раздѣлялись многими. Мы говоримъ это, на основаніи прочитаннаго нами въ національныхъ архивахъ. Послѣдніе содержатъ рядъ просвѣтительныхъ проектовъ, составленныхъ въ описываемую эпоху отдѣльными лицами изъ числа голландскихъ евреевъ.

Одинъ изъ такихъ проектовъ принадлежитъ перу главнаго раввина консисторіи деп. Фризе и Западнаго Эмса—Ванъ-Дсену. Ванъ-Дсенъ обращается къ министру культовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи открыть спеціально для евреевъ политехническое училище, въ которомъ преподавались бы еврейскій языкъ, основы еврейскаго вѣроученія, еврейская теологія, языки—латинскій, голландскій, французскій и нѣмецкій, ариѳметика и „другія полезныя науки“.—„Тѣхъ, которые оказались бы неспособными къ наукамъ, можно было бы, по крайней мѣрѣ, предохранить отъ бездѣльничества, обучивъ ихъ полезнымъ профессіямъ и сдѣлавъ полезными членами общества“. Устроить училище авторъ проекта рекомендовалъ не въ Лейварденѣ, гдѣ помѣщалась консисторіальная синагога, а въ Гронингѣ, ибо въ этомъ городѣ имѣлся университетъ, въ которомъ ученики проектируемой школы могли бы слушать философію, а по окончаніи школы заниматься изученіемъ медицины или юриспруденціи [2]).

Авторъ другого проекта идетъ дальше въ своихъ замыслахъ. Онъ рекомендуетъ, на ряду съ обученіемъ дѣтей земледѣлію и ремесламъ, реорганизацію мидрашимъ и введеніе въ нихъ преподаванія на голландскомъ языкѣ. Большой поклонникъ постановленій великаго синедріона, онъ совѣтуетъ читать ихъ во всѣхъ ішиво и хеврахъ. Онъ возстаетъ противъ практиковавшейся системы за-

[1]) О центральной консисторіи см. *A. N.*—F. [illegible] 1788. Письма консисторіи къ князю де-Плезансъ и министру культовъ отъ 23 октября и 20 ноября 1810 года, а также отъ 6 апрѣля, 1[illegible] и 25 іюня 1812 года.

[2]) *A. N.*—F[illegible] 1788.

мѣстительства евреевъ наемными христіанами при отбываніи воинской повинности и настаиваетъ на отмѣнѣ ея по отношенію къ лицамъ, незнающимъ никакого ремесла. Онъ же выступаетъ съ мыслью объ изданіи еврейскаго періодическаго органа.

Тотъ, кто подавалъ эти совѣты,—фамилія его была Белинфанте,—не былъ отвлеченнымъ прожекторомъ. Напротивъ того, это былъ замѣтный еврейскій общественный дѣятель, много сдѣлавшій для просвѣщенія своихъ единовѣрцевъ. Его біографія представляетъ большой интересъ, и мы позволимъ себѣ на ней остановиться.

Сынъ главнаго раввина въ Гаагѣ, онъ началъ свою дѣятельность работой въ мѣстной безплатной школѣ португальской общины. И съ первыхъ шаговъ на общественномъ поприщѣ онъ сталъ вводить реформы. Въ свою школу онъ началъ принимать также дѣтей нѣмецкихъ евреевъ,—фактъ, дотолѣ небывалый въ Голландіи Затѣмъ, онъ сдѣлалъ и другое нововведеніе, а именно съ самаго начала сталъ обучать дѣтей голландскому языку и переводилъ съ ними на этотъ языкъ священное писаніе. Не довольствуясь этой работой, онъ вскорѣ учредилъ общество изъ образованныхъ евреевъ для сочиненія и изданія полезныхъ книгъ для еврейской массы. Слѣдуя примѣру нѣмецкихъ просвѣтителей, общество начало свою дѣятельность съ перевода и изданія на голландскомъ языкѣ молитвъ португальской общины. Переводъ былъ начатъ въ 1787 году, а въ 1793 онъ былъ уже выпущенъ въ свѣтъ въ четырехъ томахъ. Изданіе имѣло большой успѣхъ, замѣнивъ собою существовавшій до тѣхъ поръ въ обращеніи молитвенникъ на испанскомъ языкѣ. Все это время общество не переставало собираться на засѣданія, въ квартирѣ Белинфанте, гдѣ помѣщалась также небольшая библіотечка, собранная хозяиномъ дома. Впослѣдствіи, по причинѣ внутреннихъ раздоровъ и наступившаго военнаго времени, оно распалось. Но его прекращеніемъ не закончилась просвѣтительная дѣятельность его основателя. Онъ составилъ и издалъ „Geschenk voor Joodsche jengd" (Подарокъ еврейской молодежи)—учебникъ голландскаго языка.

„Политическое потрясеніе, пережитое Голландіей въ 1795 году, возбудило въ немъ надежду на улучшеніе участи евреевъ,—читаемъ мы дальше въ автобіографіи Белинфанте.—Какъ только французы вступили въ Гаагу, онъ записался въ гражданскую милицію, считая своимъ долгомъ подать примѣръ, которому въ будущемъ должны были бы послѣдовать его ученики; многіе изъ евреевъ сейчасъ же послѣдовали его примѣру, но такъ какъ въ

еврейскомъ обществѣ смотрѣли на произошедшую революцію, какъ кто хотѣлъ, а его личный поступокъ былъ истолкованъ фанатиками, какъ кощунство, то онъ скоро лишился своей школы. Предлогомъ для закрытія школы выставили то, что будто бы онъ принималъ въ нее дѣтей христіанъ, истинные мотивы скрыли; онъ сдѣлалъ много попытокъ, чтобы снова открыть ее, но всѣ онѣ ни къ чему не привели: школа болѣе не воскресала.—Въ 1797 году голландская администрація занялась разработкой законовъ объ образованіи; „зная взгляды нѣкоторыхъ изъ ея представителей, можно было опасаться, что по отношенію къ еврейскому юношеству не будетъ соблюдено равенство". Тогда Белинфанте составилъ петицію къ правительству, которую подписало множество евреевъ; отвѣтомъ на нее было заявленіе правительства, что „оно не упуститъ изъ виду желанія петиціонеровъ".

Желая способствовать успѣхамъ эмансипаціи, онъ основалъ приблизительно въ то же время общество подъ названіемъ „Studio et Labore", имѣвшее цѣлью: 1) обученіе евреевъ ремесламъ, 2) обученіе ихъ голландскому языку и ариѳметикѣ путемъ отдачи ихъ въ спеціально устроенное для этой цѣли училище и помѣщенія въ общія учебныя заведенія и 3) пріисканіемъ работы для лѣнтяевъ (!). Общество это имѣло успѣхъ, въ подражаніе ему возникло подобное же общество „Voor Arbeid en Flijt" („Для труда и усердія") въ Амстердамѣ. Помимо цѣлей, намѣченныхъ уставомъ, общество занималось также политической агитаціей,— благодаря его стараніямъ, болѣе сорока еврейскихъ юношей вступило въ ряды національной гвардіи, но высадка англичанъ на голландскіе берега нагнала страхъ на его членовъ и общество распалось.

На нѣкоторое время Белинфанте сходитъ съ общественной арены, но въ 1806 году мы застаемъ его за изданіемъ отчетовъ Великаго синедріона. Предвидя, что постановленія Великаго синедріона будутъ распространены и на Голландію, онъ занялся съ своимъ братомъ, который имѣлъ типографію, изданіемъ учебниковъ для еврейской молодежи. Переселившись вскорѣ послѣ этого въ Амстердамъ, онъ образовалъ общество, которое поставило себѣ цѣлью печатать всякаго рода элементарныя книги для еврейской молодежи на голландскомъ и еврейскомъ языкахъ, учреждать школы, программы коихъ и методы обученія болѣе соотвѣтствовали бы духу времени, подготовлять учительскій персоналъ для новыхъ училищъ, издавать переводы молитвенниковъ нѣмецкой общины, а также библіи и другихъ книгъ. Первое

изданіе новаго общества появилось въ свѣтъ въ 1809 году. По порученію нѣмецкой консисторіи, общество занялось переводомъ библіи на голландскій языкъ, который вскорѣ былъ выполненъ, и въ 1810 году оно приступило къ печатанію его. Работой въ названномъ обществѣ не ограничивалась дѣятельность Белинфанте въ описываемое время. Заинтересовавшись возникшимъ тогда вопросомъ объ учрежденіи особой еврейской гвардіи, онъ выступилъ горячимъ сторонникомъ этой идеи въ печати и выпустилъ на французскомъ языкѣ брошюру „Encouragement aux Israélites Hollandais". Наконецъ, представляя Наполеону свою автобіографію, которую мы тутъ вкратцѣ изложили, онъ просилъ у него субсидіи на изданіе голландско-еврейскаго журнала. „Я полагаю,—писалъ онъ въ прошеніи къ императору,—что долгъ каждаго члена общества—содѣйствовать, насколько то въ его силахъ, благоденствію государства, счастью своихъ соотечественниковъ, введенію болѣе либеральныхъ законовъ, которые смогутъ сдѣлать болѣе счастливыми въ особенности тѣхъ, кои находились въ униженіи вслѣдствіе вѣковыхъ предразсудковъ; совершенствуясь, они становятся полезными членами государства, въ особенности, когда ихъ такъ много, какъ евреевъ въ Голландіи" [1]).

Белинфанте, какъ это легко заключить изъ его жизнеописанія, не былъ одинокъ въ своей дѣятельности. Всегда оказывались люди, соглашавшіеся отдавать своихъ дѣтей въ его школу, охотно вступавшіе членами въ учреждаемыя имъ общества, слѣдовавшіе его примѣру и поступавшіе на военную службу. Самъ Белинфанте былъ португальскимъ евреемъ, и когда подавалъ Наполеону свое прошеніе о субсидіи для изданія голландско-еврейскаго журнала, состоялъ секретаремъ португальской общины въ Амстердамѣ. Коль скоро человѣкъ его образа мыслей и съ такимъ прошлымъ могъ занимать видную общественную должность, ясно, что сама община и во всякомъ случаѣ ея заправилы, отъ коихъ зависѣло его назначеніе на должность, не относились враждебно къ новымъ вѣяніямъ.

Выходцы изъ культурной мавританской Испаніи, мореплаватели, принимавшіе участіе во всѣхъ почти торговыхъ предпріятіяхъ Голландіи за моремъ, люди состоятельные,—португальскіе евреи всегда стояли выше въ культурномъ отношеніи, чѣмъ евреи нѣмецкіе, пришедшіе изъ суровой Германіи, глухой Галиціи и

[1]) *A. N.*—F[12] 1788. Прошеніе Белинфанте, помѣченное 21 декабря 1812 г.

темной Польши безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ печатью отверженности на челѣ. Но, какъ мы видѣли выше на примѣрѣ центральной консисторіи, духъ времени оказалъ свое дѣйствіе и на нѣмецкія общины. И въ ея средѣ появились люди, стремившіеся къ просвѣщенію, возставшіе противъ отжившихъ свое время воззрѣній и институтовъ. Неблагопріятное стеченіе внѣшнихъ обстоятельствъ—отсутствіе въ странѣ твердой и устойчивой правительственной власти, на которую можно было бы опереться въ дѣлѣ преобразованій, непрестанныя войны и континентальная система, повергнувшія весь край въ крайнюю нужду,—не дало имъ возможности сдѣлать много положительнаго. Но кое-что они все-таки сдѣлали, кое-какое вліяніе оказали и безъ ихъ посредства вся совокупность событій, пережитыхъ Голландіей съ момента подпаденія подъ французское владычество, и въ результатѣ—стѣны гетто дали трещины, черезъ которыя проникли лучи свѣта. Но солнце эмансипаціи только всходило, и его первые лучи золотили однѣ верхушки общественнаго строя. Лишь верхніе слои еврейскаго общества, состоятельные элементы отрѣшались отъ прадѣдовскихъ обычаевъ и начинали жить по-новому; тамъ же—внизу, въ широкихъ народныхъ массахъ, изнывавшихъ въ нищетѣ и невѣжествѣ, продолжала царить прежняя тьма, непарушимо держались вѣковые суевѣрія и предразсудки...

* * *

Сѣверно-нѣмецкія владѣнія были присоединены къ Франціи въ самые послѣдніе годы правленія Наполеона, и національные архивы содержатъ сравнительно мало свѣдѣній объ ихъ еврейскомъ населеніи. Мы знаемъ, что эти владѣнія были преобразованы въ четыре департамента—Устьевъ Эльбы, Устьевъ Везера, Верхняго Эмса и Липпе, въ коихъ насчитывалось евреевъ: 6,904, 1,129, 1,076 и 1,556 чел. Только въ одномъ деп. Устьевъ Эльбы имѣлись сколько-нибудь многолюдныя еврейскія общины, прежде всего въ главномъ городѣ департамента—Гамбургѣ, насчитывавшемъ еврейское населеніе въ 6,299 душъ, распадавшееся на четыре общины—три нѣмецкихъ и одну португальскую. Другой крупный центръ того же департамента—Любекъ обладалъ еврейской общиной въ 432 чел.[1]). Въ остальныхъ трехъ департаментахъ еврейское

[1]) *A. N.*—F[1c] 56 Письмо префекта деп. Устьевъ Эльбы къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30 мая 1812 года. По другимъ свѣдѣніямъ, еврейское населеніе Гамбурга исчислялось въ 6,482 чел.

населеніе было разсѣяно на сравнительно большой территоріи и жило небольшими группами. Такъ, въ деп. Верхняго Эмса изъ общаго числа 61 еврейской общины имѣлось лишь 6, состоявшихъ больше, чѣмъ изъ 50 чел., 10 общинъ имѣло отъ 30 до 50 членовъ, 14—отъ 10 до 30 и *тридцать одна—меньше десяти чел.* Въ деп. Липпе въ двухъ пунктахъ еврейское населеніе превышало цифру сто (126 въ Штейнфуртѣ и 106 въ Биллербекѣ), въ девяти было отъ 50 до 100, въ восьми отъ 30 до 50, въ шестнадцати—отъ 10 до 30 и въ четырехъ меньше десяти [1]).

Національные архивы содержатъ также нѣкоторыя свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи евреевъ сѣверно-нѣмецкихъ владѣній. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что людей зажиточныхъ среди мѣстнаго еврейства было мало. „Среди небольшого числа евреевъ, живущихъ въ моемъ департаментѣ, нѣтъ почти ни одного, который бы обладалъ сколько-нибудь крупнымъ состояніемъ", читаемъ мы въ письмѣ префекта деп. Верхняго Эмса къ министру внутреннихъ дѣлъ [2]). Этотъ отзывъ подтверждается приложенной къ письму префекта таблицей вносимыхъ наиболѣе богатыми ев департамента прямыхъ налоговъ. Изъ таблицы явствуетъ, что лишь два еврея уплачивали подать свыше ста фр. (одинъ 205 и другой—135 фр.). Изъ остальныхъ 23 наиболѣе состоятельныхъ евреевъ департамента семь чел. платило отъ 50 до 100 фр., восемь—отъ 30 до 50 фр. и восемь отъ 15 до 30 фр.—Въ деп. Липпе изъ 25 наиболѣе богатыхъ евреевъ одинъ только имѣлъ ежегодный доходъ въ 8 тыс. фр., трое получали отъ трехъ тыс. до пяти, двѣнадцать—отъ одной тысячи до трехъ и шесть—меньше одной тысячи (одинъ имѣлъ всего 400 фр.) [3]).

Экономическое разстройство и матеріальный упадокъ, наблюдавшійся повсемѣстно въ описываемое время на западѣ Европы, замѣчались также и въ сѣверо-нѣмецкихъ департаментахъ. Мѣстное еврейское населеніе не могло не чувствовать разорительныхъ послѣдствій войнъ и экономической политики Наполеона. Составляя проектъ общиннаго бюджета на 1813 годъ, представители гамбургской кон-

---

[1]) *A. N.*—F[1e] 56 Письмо префекта деп. Верхняго Эмса къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 10 іюня 1812 г., письмо префекта деп. Липпе къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 окт. 1812 г. и письмо префекта деп. Устьевъ Везера къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 3 іюня 1812 года.

[2]) *A. N.*—F[1e] 53 Письмо отъ 7 ноября 1812 года.

[3]) *A. N.*—F[1e] 53 Письмо префекта къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 6 окт. 1812 года

систоріи писали въ примѣчаніи къ нему: „Поразившія нашъ городъ событія повлекли за собою полную пріостановку въ поступленіи доходовъ; дѣло дошло до того, что мы почти не въ состояніи оказывать поддержку бѣднымъ, число коихъ со дня на день возрастаетъ“ [1]).

Таковы тѣ немногія свѣдѣнія, коими мы располагаемъ относительно еврейскаго населенія сѣверо-нѣмецкихъ департаментовъ наполеоновской Франціи.

С. Познеръ.

[1]) A. N. F[illegible] 1843.

Бытописатели еврейской массы.

С. А. Ан—скій *).

Переживаемое нами время—время духовнаго перерожденія массъ. Будущему историку Россіи легко будетъ съ опредѣленной точностью констатировать этотъ фактъ. Къ его услугамъ явится обширный и разнообразный матеріалъ, которымъ онъ будетъ свободно распоряжаться и съумѣетъ съ большой или меньшей ясностью опредѣлить характеръ и степень этого перерожденія. Въ настоящее время это неосуществимая задача, не только потому, что мы являемся заинтересованными свидѣтелями этого перерожденія, свидѣтелями, слѣдовательно, небезпристрастными, но еще и потому, что не всякимъ матеріаломъ возможно свободно пользоваться въ настоящее время для опредѣленія характера и направленія этого перерожденія.

Время духовнаго аристократизма, господство интеллигенціи отодвигается на задній планъ, на передній фонъ мало-по-малу выдвигаются народныя массы, въ которыхъ замѣчается тихое, но упорное движеніе жизни.

Особенной живостью отличается это движеніе у насъ среди еврейской массы. Объ этомъ весьма ярко свидѣтельствуетъ хроника нашей повседневной жизни, объ этомъ свидѣтельствуютъ погромные процессы и многое другое. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также быстрое развитіе разнообразной жаргонной литературы. Жаргонная литература уже настолько обратила на себя вниманіе, что въ послѣднее время

*) *С. А. Ан—скій.* Разсказы. Т. I. СПБ. 1905.

довольно часто переводится на русскій языкъ и попадаетъ въ періодическую прессу.

Что быстро растущая жаргонная литература не питается соками чуждой почвы, а растетъ на чисто русской землѣ, отъ которой не можетъ оторваться, видно изъ того, что на ряду съ переводами съ жаргона на русскій языкъ происходитъ и обратное явленіе: еще болѣе многочисленные переводы изъ разныхъ родовъ русской литературы на жаргонъ. Еврейская жаргонная литература послѣдняго времени полна жизни и движенія, и ужъ это одно достаточно говоритъ о кипучей духовной дѣятельности, о духовномъ перерожденіи еврейскаго народа.

Еще не скоро, вѣроятно, всему этому будутъ подведены итоги. Жаргонная литература для этого еще очень молода, но и въ русской печати жаргонная еврейская литература не скоро станетъ предметомъ изслѣдованія для опредѣленія духовнаго перерожденія еврейской массы. Для этого переводы съ жаргона еще очень малочисленны, а пишущіе на русскомъ языкѣ евреи плохо знаютъ языкъ своей массы и очень мало слѣдятъ за ея литературой. Объ этомъ, конечно, остается только пожалѣть.

Жаргонная литература, однако, не единственный источникъ. Среди бытописателей еврейской жизни мы имѣемъ въ настоящее время не однихъ только жаргонныхъ писателей. Въ русской литературѣ занимаютъ довольно видное мѣсто нѣкоторые писатели, посвятившіе свои произведенія также и описанію быта еврейской массы. Я разумѣю гг. Айзмана, Ан—скаго и Юшкевича.

Прослѣдить, какъ въ произведеніяхъ этихъ писателей отразились бытъ и духовная эволюція еврейскихъ массъ, представляется намъ небезынтересной задачей, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ этихъ писателей мы имѣемъ представителей трехъ разныхъ эпохъ, если такъ можно выразиться относительно небольшого періода въ 25 лѣтъ. Въ произведеніяхъ г. Ан—скаго отразилось начало этого движенія,—первые безформенные пассивные шаги отъ мертвой точки стоянія, въ которой еще такъ недавно находилась еврейская масса; въ произведеніяхъ г. Айзмана—колебанія и сознательныя исканія почвы,

на которой могли бы укрѣпиться эти духовныя боренія на русской землѣ, среди русскаго народа, и, наконецъ, въ произведеніяхъ г. Юшкевича—новая, борьбою зародившаяся и созрѣвающая индивидуальная психика массового русскаго еврея.

Настоящій очеркъ мы посвящаемъ творчеству г. Ан—скаго.

I.

Время—лучшая проба для оцѣнки достоинствъ произведенія художественной литературы. Подъ давленіемъ злободневныхъ интересовъ и тенденцій плохое произведеніе легко можетъ сойти за хорошее и пользоваться значительнымъ успѣхомъ и, наоборотъ—полное глубокаго смысла и художественнаго значенія произведеніе искусства—оставаться въ тѣни, никѣмъ или мало кѣмъ замѣченнымъ. Чтобы оцѣнить по достоинству художественное значеніе произведенія литературы, хорошо читать его тогда, когда царившія во время его появленія тенденціи и злободневные общественно-политическіе вопросы потеряли вообще, а для читающаго въ частности, свой острый интересъ.

Г. Ан—скій изданіемъ своихъ разсказовъ почему-то запоздалъ. Нѣкоторые изъ нихъ написаны около четверти вѣка тому назадъ, а самому позднему изъ разсказовъ перваго тома, какъ это явствуетъ изъ хронологическихъ отмѣтокъ при оглавленіи, скоро минетъ десятилѣтняя давность.

Почему авторъ такъ запоздалъ своей книгой, имѣя всѣ шансы на то, чтобы создать себѣ имя и пріобрѣсти популярность—мы не имѣемъ прямыхъ указаній. Въ теченіе этого періода времени на горизонтѣ русской литературы выдвинулись писатели съ гораздо меньшимъ дарованіемъ. Имя же г. Ан—скаго начинаетъ только выдвигаться. Для массы читающей публики оно мало извѣстно по настоящій день.

Между тѣмъ г. Ан—скій писатель уже не молодой, и публика утратила возможность слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его таланта. Въ такой постепенности наблюденія всегда много поучительнаго. Наблюденіе за ростомъ и послѣ-

довательное, въ связи съ временемъ и текущими общественными настроеніями, прослѣживаніе содержанія произведеній писателя не только читателю помогаетъ оріентироваться въ прочитанномъ, но облегчаетъ также задачу критика, даетъ ему въ руки нить, по которой ему легче добраться до сущности задачи писателя, уловить лейтмотивъ его творчества.

Въ этомъ отношеніи запоздалое изданіе разсказовъ г. Ан—скаго затрудняетъ читателя и осложняетъ задачу критика.

Чрезвычайную сдержанность и осторожность въ описаніяхъ обстановки, быта и характеристикѣ изображаемыхъ лицъ можно было бы принять съ перваго взгляда за эскизную поверхностность художественнаго письма г. Ан—скаго, если бы мѣстами не проглядывало мастерское проникновеніе въ болѣе сложныя и глубокія сферы художественнаго анализа. Скупость на слова и чрезвычайная умѣренность письма вообще показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ писателемъ вполнѣ сформировавшимся. Когда же сформировался этотъ неожиданно появившійся писатель и почему имя его оставалось въ тѣни такое долгое время?

Никакихъ особыхъ свѣдѣній для выясненія этихъ обстоятельствъ мы не имѣемъ. Передъ нами только томикъ разсказовъ г. Ан—скаго. Но разсказы его въ этомъ смыслѣ скупятся на отвѣтъ. Обыкновенно, по разнымъ варіаціямъ на одну и ту же тему легко бываетъ уловить основу творчества писателя. Чаще всего узнаются такимъ образомъ общественно-политическія или философскія воззрѣнія автора, или основа того душевнаго настроенія, психологическаго типа, которыя поглощаютъ его вниманіе. Но г. Ан—скій не повторяется и очень рѣдко варьируетъ одну и ту же тему. Чрезвычайное разнообразіе содержанія, рѣдкая, можно сказать, множественность типовъ и обиліе характеровъ изъ той среды, которую онъ описываетъ, являются характерною чертой этого маленькаго сборника разсказовъ. При всемъ этомъ авторомъ такъ мало написано за такой значительной промежутокъ времени. Казалось бы, что обладая такимъ запасомъ наблюденій изъ одного того матеріала, который вложенъ въ первый томикъ его разсказовъ, можно было бы написать гораздо больше, но... авторъ не принадлежитъ къ кругу идейныхъ, а тѣмъ

менѣе къ кругу тенденціозныхъ писателей. Онъ по преимуществу свободный художникъ. Этимъ объясняется многое, какъ въ судьбѣ, такъ и въ творчествѣ этого писателя.

Г. Ан—скій представляется намъ крупной литературной величиной, человѣкомъ съ большимъ и рѣдкимъ даромъ свободнаго художника, выступившимъ на литературное поприще въ неблагопріятное для всякаго творчества время.

Только этимъ можно объяснить запоздалое появленіе сборника его разсказовъ, этимъ же объясняется и эскизность его очерковъ, поспѣшность и недостаточное вниманіе къ художественно-психологическому развитію многочисленныхъ и часто весьма оригинальныхъ и цѣнныхъ образовъ его богатой фантазіи. Талантъ, какъ всякое духовное проявленіе, нуждается въ поощреніи, иначе онъ сжимается и увядаетъ, какъ растеніе, лишенное солнца и влаги.

Къ счастью, талантъ г. Ан — скаго только сжался, но не завялъ; солнце, хоть и поздно, начинаетъ восходить надъ нимъ и пригрѣвать его своими лучами, и можно надѣяться, что дарованіе его начнетъ оживать подъ вліяніемъ лучшихъ дней.

II.

Для критики нѣтъ ничего легче, какъ нащупавъ почву, на которой утвердился авторъ разбираемыхъ произведеній, указать на нее читателю съ соотвѣтствующими, разумѣется, ссылками и цитатами изъ этихъ же или другихъ произведеній. Не всегда, однако, эта почва имѣется въ наличности, или не такъ легко нащупывается; тогда, въ погонѣ за нею, критики весьма часто сами выдумываютъ ее и съ большимъ или меньшимъ искусствомъ выдаютъ за авторскую. Легче всего разобраться въ писателѣ, произведенія котораго построены на ходячей идеѣ. Въ произведеніяхъ г. Ан—скаго идейная почва не преобладаетъ, она имѣетъ здѣсь второстепенное значеніе. Я не сомнѣваюсь, что г. Ан — скій весьма прогрессивный человѣкъ, допускаю даже, что онъ привер-

женецъ какихъ-нибудь радикальныхъ тенденцій, но, какъ свободный художникъ, онъ не обременяетъ этимъ тяжелымъ баластомъ своего творчества. Въ произведеніяхъ г. Ан—скаго, повторяю, если не совсѣмъ отсутствуетъ идейная почва, то она во всякомъ случаѣ не преобладаетъ и въ этомъ отношеніи у него много общаго съ Чеховымъ.

По произведеніямъ Ан—скаго легче, однако, судить о его личныхъ взглядахъ, гражданскихъ чувствахъ и настроеніяхъ, чѣмъ по произведеніямъ Чехова судить о взглядахъ и убѣжденіяхъ Чехова. Кто имѣетъ охоту копаться въ убѣжденіяхъ и личныхъ симпатіяхъ автора, кто придаетъ этому элементу преобладающее значеніе, можетъ съ этой стороны вполнѣ успокоиться. Г. Ан—скій пишетъ исключительно изъ жизни голи и бѣдноты. Героями его разсказовъ являются пасынки судьбы. Еврей-землекопъ, безропотно кончающій свое горемычное земное существованіе, задавленный обвалившейся землею въ канавѣ, почти такъ же, какъ кончаетъ свою жизнь задавленный свалившимся деревомъ русскій мужикъ у Тургенева („Пасынки“); нищенствующіе пьяницы и пьянствующіе горемычные ремесленники, грязная и невѣжественная жизнь которыхъ угнетаетъ душу („Въ кабакѣ“); мыкающіеся въ каторжномъ голодномъ трудѣ безземельные и малоземельные крестьяне („На новыя земли“); безплодно растрачивающій свою умственную и духовную энергію на чуждую ему политику меламедъ-фантазеръ („Мендель Турокъ“); безпомощная семья приказчика-еврея, получающаго двадцать рублей жалованья, эксплоатируемаго своимъ хозяиномъ и сжатаго въ цѣпкой лапѣ своего же собрата—ростовщика („Въ еврейской семьѣ“) и т. д., и т. д.

Темы, какъ видите, довольно подобранныя. Но было бы заблужденіемъ думать, что авторъ тратитъ свою кисть и краски, чтобы сосредоточить вниманіе читателя на горемычной жизни этихъ людей, что онъ желаетъ обратить вниманіе политиковъ и общественныхъ дѣятелей на ихъ жалкую жизнь. Мораль чужда автору; въ его творчествѣ нѣтъ этой почвы, хотя онъ прекрасно знаетъ о томъ, какъ и поскольку люди жаждутъ и ищутъ почвы. Его Мендель Турокъ, къ которому авторъ относится съ легкой, едва уловимой ироніей, гово-

ритъ:—„каждая вещь въ мірѣ имѣетъ свою главную суть, свою высшую точку, свой корень, свой центръ. И чтобы смотрѣть на вещи открытыми глазами, надо уловить эту суть... Сердце изслѣдователя ищетъ фундамента!“ Гдѣ же эта высшая точка, этотъ корень, центръ, этотъ фундаментъ въ твореніяхъ г. Ан—скаго, и обязателенъ ли онъ вообще для произведеній художественнаго свободнаго творчества?

III.

Еврейской жизни г. Ан—скій посвятилъ въ изданномъ томикѣ всего четыре разсказа. Изъ нихъ наибольшее значеніе въ общественномъ смыслѣ имѣютъ: „Пасынки“ и „Въ еврейской семьѣ“. Эти разсказы раздѣляетъ довольно значительный промежутокъ въ пятнадцать лѣтъ. И хотя „Въ еврейской семьѣ“, послѣднемъ по времени разсказѣ, не сказалась духовная эволюція, пройденная еврейской массой за этотъ промежутокъ времени, зато весьма отчетливо сказалась въ немъ нѣкоторая эволюція въ воззрѣніяхъ самого автора на еврейство.

Въ „Пасынкахъ“, первомъ изъ разсказовъ г. Ан—скаго, наиболѣе полно выражено отношеніе автора къ еврейской массѣ. Когда авторъ писалъ этотъ разсказъ, — двадцать пять лѣтъ тому назадъ,—духовное состояніе еврейскаго народа находилось на мертвой точкѣ. Длинная и грустная еврейская исторія выработала въ массовомъ евреѣ специфическія духовно-религіозныя и бытовыя черты, на которыхъ народъ застылъ на долгое время. Г. Ан—скій, которому эти духовныя особенности быта евреевъ хорошо знакомы, говоритъ о нихъ съ юморомъ и безнадежной грустью. И дѣйствительно, нельзя безъ чувства боли и грусти представить себѣ, съ какимъ непоколебимымъ упрямствомъ еврейская масса еще такъ недавно держалась отжившихъ формъ культуры и какъ жестоко, въ невѣдѣніи своемъ, она подкашивала свои молодые побѣги, какъ ревниво она оберегала сѣдую старину и укрощала въ своей средѣ всякіе порывы молодости, всякіе порывы къ жизни и свѣту. Именно на этой канвѣ построенъ разсказъ

„Въ еврейской семьѣ". Не злые въ сущности люди, Малка и Борухъ, безгранично любящіе своего единственнаго мальчика Лейбку, являются, въ силу указанной традиціи, въ жизни тупыми и безчувственными изувѣрами, равнодушно переносящими жестокія истязанія ихъ девятилѣтняго мальчика авторитетнымъ меламедомъ. По тѣмъ же причинамъ пролетаризація народа нигдѣ не сопровождалась такими нравственными муками, какими сопровождался, въ силу специфической духовно-религіозной еврейской традиціи, переходъ массового еврея „ламдона" и „чистокровнаго бѣдняка" къ физическому труду. Шмуэль-лапотникъ изъ разсказа „Пасынки" гордился тѣмъ, что его предки чистокровные бѣдняки до десятаго колѣна, и были бѣдняками, но не ремесленниками. А когда жестокая нужда принудила Мойше изъ меламеда сдѣлаться чернорабочимъ, его не столько пугалъ самый трудъ, о которомъ „даже въ святомъ талмудѣ сказано: люби трудъ и ненавидь барство", сколько перемѣна традиціонной обстановки, въ которой онъ жилъ, которую освящалъ и съ которой не хотѣлъ разставаться. „Легко ли мнѣ сказать тебѣ,—говоритъ ему Шмуэль,—сынъ мой, оставь талмудъ и стань рабочимъ!" И Мойше „не столько размышлялъ, сколько страдалъ, страдалъ терпѣливо, покорно, какъ человѣкъ, который стоитъ надъ могилой дорогого существа".

Когда г. Ан—скій писалъ свой первый разсказъ, въ еврейской массѣ только что началось движеніе, вызванное крайней нуждой, страшнымъ обѣднѣніемъ. Вскорѣ эта нужда подъ вліяніемъ толчка, произведеннаго погромами, направила часть еврейской массы въ Америку, но еще до этого, здѣсь, на мѣстѣ, нужда стала выражаться въ формѣ перехода отъ „гордой бѣдности" къ черному труду. Это было весьма удачно подмѣченное г. Ан—скимъ начало пролетаризаціи еврейской массы и совсѣмъ не замѣченный имъ зародышъ ея духовнаго перерожденія.

Трудно было въ то время предвидѣть это послѣднее обстоятельство, и поэтому г. Ан—скій, искавшій какого-нибудь луча, какого-нибудь просвѣта въ жизни современной ему еврейской массы, ничего больше не обрѣлъ, кромѣ безнадежности и грусти.

Въ „Пасынкахъ“, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, наиболѣе выразились результаты авторскихъ наблюденій надъ еврейской жизнью. Въ „Пасынкахъ“ выразилось отношеніе автора не къ отдѣльнымъ лицамъ и происшествіямъ, хотя бы и типичнымъ въ еврейской средѣ, а ко всей еврейской массѣ въ совокупности. Въ лицѣ Мойши, Соры и въ рѣчахъ Шмуэля и др.— предъ нами прежде всего авторскія представленія о еврейскомъ народѣ. Въ этомъ, какъ и въ томъ, что эти представленія не отличаются оригинальностью, не трудно убѣдиться изъ характеристики Мойши. „Мойша—говоритъ авторъ—былъ низенькій, худенькій, плоскогрудый, сутуловатый, съ мелкими чертами лица, съ робкимъ, испуганнымъ взглядомъ. На всей его тощей и жалкой фигурѣ лежала печать хилости и забитости. Мойша былъ „ламдонъ“ (ученый). Онъ зналъ наизусть сотню листовъ талмуда и могъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ читать талмудъ, не заикнувшись ни разу, тогда какъ въ обыденныхъ разговорахъ онъ заикался. Мойша съ ранняго дѣтства получалъ колотушки отъ всякаго, кому только не лѣнь было его колотить. Мойше считалъ себя всегда ниже всѣхъ, глупѣе всѣхъ, покорно принималъ побои и только старался избѣгать людей. Онъ всегда и всюду держался въ сторонѣ, забивался въ уголъ, какъ затравленный звѣрекъ“ и т. д.

Въ такихъ именно чертахъ, если читатель вспомнитъ, рисовали не такъ давно еврея, вообще еврейскій народъ:— еврей низенькій, худенькій, плоскогрудый съ длинными пейсами и въ ермолкѣ, на фигурѣ его—печать хилости и забитости; евреевъ всегда били и преслѣдовали, надъ ними издѣвались, они чувствуютъ себя ниже всѣхъ, унижаются и пресмыкаются и т. д. Оказывается, однако, что еврей не совсѣмъ таковъ—и г. Ан—скій это проглядѣлъ. У Юшкевича, напримѣръ, массовой еврей рисуется коренастымъ и широкоплечимъ, энергичнымъ и смѣлымъ („Евреи“). Откуда же это взялось? Можно было бы допустить, что еврей духовно переродился за это время, но какъ допустить, что онъ уже такъ скоро успѣлъ переродиться физически? Ясно, что дѣло здѣсь не только въ духовныхъ и физическихъ свойствахъ самого еврея, сколько въ наличной тенденціи автора. Представленія

о слабости еврея господствовали въ ту пору, когда Ан—скій писалъ своихъ „Пасынковъ“, и онъ подчинился этой тенденціи въ ущербъ своему художественному чутью, которое должно было бы еще до реальнаго проявленія физической и духовной мощи еврея подсказать ему эти силы въ ихъ скрытомъ состояніи.

Господствовавшими въ то время воззрѣніями на еврейскую женщину воспользовался г. Ан—скій и для изображенія Соры. И здѣсь автора выручаетъ большое художественное дарованіе, которое скрашиваетъ неоригинальность и несамостоятельность авторской тенденціи. Сора, въ описаніяхъ Ан—скаго, типичная представительница массовой еврейки. Массовая еврейка рано впрягается покорно въ ярмо, работаетъ съ утра до поздней ночи, ведетъ свое нищенское хозяйство и возится сначала въ домѣ своихъ родителей съ младшими братьями и сестрами, а затѣмъ въ замужествѣ со своимъ многочисленнымъ потомствомъ. Замужество такой еврейки—это вѣчная нужда и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Все это рано старитъ дочерей Израиля и убиваетъ въ нихъ молодость и порывы. „Въ молодомъ сердцѣ (Соры), не успѣвъ расцвѣсти, завяли, замерли всѣ чувства молодости, всякое стремленіе къ счастью, къ любви... Разъ, одинъ только разъ въ ея сердцѣ шевельнулось нѣчто похожее на любовь, но это было мимолетное, такое хилое и бѣдное чувство...“ Выдавали еврейскую дѣвушку замужъ за перваго встрѣчнаго изъ одной только боязни, чтобы она не засидѣлась въ дѣвкахъ. Здѣсь начинались для нея новыя заботы, новыя муки; совершенная безпомощность и безысходная зависимость отъ личныхъ качествъ мужа и отъ его заработка. А когда мужъ умираетъ, дѣтей разбираютъ родные и благотворители, а жена уходитъ къ чужимъ людямъ въ услуженіе.

Образъ, повторяемъ, мало оригинальный, давно всѣмъ извѣстный, а въ то время, когда разсказъ писался, этотъ образъ, какъ и образъ Мойши, считался общепринятымъ. Краски и здѣсь подобраны самыя мрачныя и картина получается крайне безотрадная и безнадежная. Прибавимъ еще, что и здѣсь, въ изображеніи еврейской женщины, авторъ

отмѣчаетъ переходъ отъ труда въ своей семьѣ и „гордой бѣдности“ къ труду продажному и унизительному.

Въ силу покорности господствующей тенденціи авторъ всюду подбираетъ черты слабости и безпомощности какъ среди еврейской, такъ и среди русской массы. Въ мертвой зыби того времени авторъ не усмотрѣлъ таящихся силъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ народной массы энергіи и мощи. Не усмотрѣлъ потому, что господствующая злободневная тенденція, которой г. Ан—скій покорился, никогда не считается съ тѣмъ, что еще не проявлено, и вообще мало считается со скрытыми въ глубинѣ духовными свойствами. Это не упрекъ: художникъ—не мыслитель и не его дѣло строить общественныя теоріи. Такимъ творческимъ даромъ обладали не многіе художники, но въ большей или меньшей степени, въ способности видѣть скрытое залогъ самостоятельности и оригинальности во всѣхъ областяхъ творчества.

Къ художественной чуткости автора слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что отъ вниманія его не ускользнула только что начавшаяся въ то время пролетаризація еврейской массы. Какъ художника, г. Ан—скаго заинтересовало въ данномъ случаѣ не столько общественное значеніе этого факта, еще не коснувшагося его, такъ сказать, идейной сознательности; не заинтересовало его особенно и то, что еврей изъ „ламдона“ и „гордаго бѣдняка“ превращается въ чернорабочаго,— эти обстоятельства трогали его вообще не только въ еврейской средѣ; это были тѣ именно элементы, въ которыхъ выражалось общее автору сознаніе безнадежности и безпочвенности въ его идейно-общественныхъ воззрѣніяхъ. Его интересовали муки, трагедія, которою сопровождалось это внѣшнее перерожденіе массъ.

Въ силу господствовавшихъ въ то время тенденцій, авторъ долженъ былъ бы радоваться этому перерожденію и переродившійся изъ меламеда въ землекопа Мойша долженъ былъ бы быть вознагражденъ авторомъ за пережитую драму, за то, наконецъ, что угодилъ авторской тенденціи. Дѣло однако въ томъ, что тамъ, гдѣ авторъ самостоятеленъ, гдѣ онъ чувствуетъ свою задачу, тамъ чужда ему тенденція. Господствующее настроеніе г. Ан—скаго—вопреки всякимъ тенден-

ціямъ, отъ которыхъ, какъ мы видѣли, онъ не всегда былъ свободенъ—безнадежность. Въ силу этого господствующаго настроенія авторъ не нашелъ награды для Мойши за все горе его жизни. Мойше, ставъ уже хорошимъ землекопомъ, чернорабочимъ, пролетаріемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, умираетъ, однако, задавленный землею, обрушившеюся на него въ канавѣ, гдѣ онъ работалъ. Дѣтей его разобрали чужіе люди, а жена идетъ въ услуженіе. Это ли награда за борьбу и страданія? Эта ли награда для еврейской массы, отрѣшившейся отъ гордаго бездѣлья и перешедшей къ черному физическому труду? Ан—скій, какъ я уже сказалъ, не видѣлъ никакого смысла во всей этой народной борьбѣ и трагедіи, но какъ художникъ онъ искалъ этотъ смыслъ и искалъ его именно тамъ, гдѣ его надлежитъ искать—въ душевной трагедіи, которую еврейскій народъ, олицетворенный авторомъ въ образѣ Мойши, переживалъ, разставаясь со старымъ и привычнымъ и направляясь въ невѣдомыя страны, къ неопредѣленной, незнакомой и непонятной жизни. Чувство художника вѣрно подсказало ему источникъ возрожденія, и дѣйствительно, страницы посвященныя душевной смутѣ Мойши, когда нужда съ ножомъ къ горлу пристала и потребовала, чтобы онъ разстался съ талмудомъ, со своею „гордой бѣдностью“ и пошелъ туда, куда идти казалось ему отвратительно и мерзко, и стыдно—самыя лучшія страницы въ разсказѣ.

Въ этомъ именно смыслѣ, въ смыслѣ художественно-психологической цѣнности, разсказъ г. Ан—скаго является весьма интереснымъ документомъ для исторіи еврейской массы. Бытовыя, экономическія и другія характерныя особенности изъ жизни евреевъ того времени можно будетъ почерпнуть прямо или косвенно и изъ другихъ источниковъ, но о психологической правдѣ, духовныхъ бореніяхъ народа изъ другихъ источниковъ ничего нельзя узнать; описанія художественной литературы являются въ этомъ смыслѣ единственнымъ, ничѣмъ не замѣнимымъ историческимъ источникомъ и матеріаломъ.

По мѣрѣ того какъ общее душевное настроеніе автора все болѣе и болѣе выясняется, приходишь къ несомнѣнному

заключенію, что совершенно самостоятельный и оригинальный въ той части своей творческой дѣятельности, которая называется художественной, г. Ан—скій слабо и несамостоятельно выражаетъ тенденцію. Въ этомъ отношеніи, какъ мы уже сказали, онъ безъ борьбы подчиняется господствующимъ въ прогрессивномъ обществѣ злободневнымъ воззрѣніямъ.

Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ написанія „Пасынковъ“ г. Ан—скій снова возвращается къ широкой картинѣ еврейскаго быта („Въ еврейской семьѣ“). Общій фонъ этой новой картины остается тѣмъ же, что и въ „Пасынкахъ“, съ однимъ только весьма важнымъ добавленіемъ, которое, еслибы авторъ былъ въ смыслѣ тенденціи самостоятельнымъ, онъ свободно могъ бы сдѣлать и 15 лѣтъ тому назадъ. Смѣлый образъ Ханы, единственный, можно сказать, во всѣхъ его разсказахъ, не является порожденіемъ новаго времени. Хана—простая еврейка, которой нисколько не коснулись новыя времена и новыя вѣянія, она, какъ и хозяева ея, живетъ вся въ прошломъ, въ священной традиціи и тѣмъ не менѣе она, сколько можетъ, протестуетъ и борется съ тѣмъ, что противно ея человѣческому сердцу. Это несомнѣнно свѣтлый и прекрасный образъ, но эти образы жили въ еврействѣ всегда, во всѣ времена; жили они и тогда, когда Ан—скій писалъ своихъ „Пасынковъ“, но авторъ тогда какъ будто не замѣтилъ Ханы въ еврейской жизни, хотя несомнѣнно и тогда зналъ о существованіи этихъ образовъ. Объясняется это довольно просто. Теперь, черезъ пятнадцать лѣтъ, многое перемѣнилось. Повѣяло снова гражданскими мотивами, надежды на силы народа и его духовную мощь получили въ области общественнаго мышленія новое опредѣленіе и новую окраску, и г. Ан—скій слабо и нерѣшительно снова покорился духу времени и заронилъ въ мрачную и безнадежную для него жизнь еврейской массы лучъ свѣта въ образѣ Ханы.

Онъ снова отдалъ дань тенденціи, но нисколько не измѣнилъ своего основного настроенія. Лейтмотивъ его творчества остался тѣмъ же и, кажется намъ, никогда не измѣнится.

IV.

Темы почти всѣхъ разсказовъ г. Ан—скаго подобраны въ народническомъ духѣ. Это дань тенденціямъ его молодости. Ан—скій пишетъ изъ жизни народныхъ массъ, но на этомъ народничество его кончается. Народничество въ русской литературѣ не въ томъ только состояло, что литература эта касалась исключительно жизни народныхъ массъ; оно состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что вносило въ литературу о народѣ извѣстную тенденцію, опредѣленную мораль. Самъ Ан—скій формулируетъ эту тенденцію слѣдующими словами поэта:

Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй,—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней...

Самый яркій представитель народничества—Глѣбъ Успенскій открывалъ среди мрачной обстановки народной жизни свѣтлые горизонты; въ навозной кучѣ онъ умѣлъ отыскивать драгоцѣнныя жемчужины и читателю внушалась этимъ путемъ надежда и вѣра въ грядущее русскаго народа. Въ этомъ заключалась мораль народнической литературы. Въ картинахъ Ан—скаго со свѣчою не отыщете ни этой, ни какой-либо иной морали. Жизнь въ его очеркахъ вездѣ безпросвѣтна, персонажи его вездѣ жалки, слабы и безпомощны, имъ не на кого и не на что разсчитывать и надѣяться.

Если бы такое отношеніе автора касалось только жизни еврейской массы,—это можно было бы еще, съ тѣми или другими оговорками, принять за тенденцію; это можно было бы считать выводомъ автора изъ условій жизни и духовной немощи еврейскаго народа. Бывали и такіе взгляды на еврейство. Но отсутствіе какихъ бы то ни было прямыхъ или косвенныхъ указаній на выходъ изъ отчаяннаго положенія народныхъ массъ, чувство безнадежности, которымъ вѣетъ отъ описываемой авторомъ жизни, сопровождаетъ его вездѣ и всюду и при описаніи не еврейской жизни,—когда онъ

рисуетъ жизнь крестьянъ, ремесленниковъ, нищихъ и вообще всякой бѣдноты и голи изъ христіанской среды.

Въ произведеніяхъ г. Ан—скаго нѣтъ морали, и поэтому они не могутъ быть причислены къ народнической литературѣ. Лейтмотивомъ его творчества является чувство безпомощности, безнадежности, и такое именно настроеніе онъ внушаетъ своимъ читателямъ. Въ этомъ легко убѣждаетъ насъ слабость и безпомощность Мойши и безрезультатность всѣхъ его мученій и каторжнаго труда, закончившихся безсмысленною случайною смертью въ „Пасынкахъ"; объ этомъ свидѣтельствуетъ безпомощность семьи приказчика „Въ еврейской семьѣ", безпомощность, которая еще ярче выдѣляется въ сосѣдствѣ съ образомъ энергичной служанки Ханы; объ этомъ самомъ свидѣтельствуетъ жалкая безпомощность Янкеля, плачущаго о безвозвратно пропавшихъ драгоцѣнныхъ запискахъ, кладахъ его талмудической учености, употребленныхъ его грубой и невѣжественной супругой на селедочныя обертки („Бумаги"); это отражается, наконецъ, и въ безжизненной казуистикѣ Менделя Турка и другихъ политиковъ синагоги. Мы не станемъ входить по этому поводу въ разборъ другихъ разсказовъ г. Ан—скаго изъ нееврейской жизни, укажемъ только на разсказы: „Въ кабакѣ", „На новыя земли", „Торги"... Какой выводъ можно сдѣлать изъ этихъ вполнѣ жизненныхъ картинъ безпросвѣтнаго мрака, невѣжества и безпомощности?

Выясненію этого настроенія посвящены въ сборникѣ г. Ан—скаго два разсказа: „Свалился" и „Въ усадьбѣ".

„Свалился"—это на первый взглядъ странная и довольно случайная фантазія, но если отрѣшиться отъ буквальнаго содержанія этого разсказа, получается нѣчто не только не случайное, но вполнѣ послѣдовательно вытекающее изъ того настроенія автора, на которое мы сейчасъ указывали.

Крестьянинъ Иванъ Прохоровъ выгнанъ нуждою изъ родной деревни въ далекую губернію на заработки. Злой рокъ преслѣдуетъ его по пятамъ, и къ кому бы онъ ни обратился—никто не даетъ ему работы. Потерявъ послѣ долгихъ мытарствъ всякую надежду, „Иванъ продолжаетъ, однако, по инерціи ходить, искать—испрашивать... Медленно,

съ устремленнымъ вдаль мутнымъ взоромъ, шелъ Иванъ по одной изъ большихъ и оживленныхъ улицъ города. Онъ шагалъ безцѣльно, ни о чемъ не думая, ничего не замѣчая. Онъ былъ весь охваченъ страннымъ чувствомъ пресыщенія и истомы... По дорогѣ онъ забрелъ въ кабакъ и усталый опустился на скамейку и началъ впадать въ забытье. Передъ полуоткрытыми глазами Ивана предстала такая картина: безпредѣльное, облитое горячимъ зноемъ поле, по которому разсѣяны косари. Работа въ полномъ разгарѣ. Работаетъ и онъ, Иванъ, уже давно работаетъ. Онъ усталъ до послѣдней степени, весь разбитъ, не чувствуетъ ни рукъ, ни ногъ, ни спины, послѣднія силы его оставляютъ. А между тѣмъ, коса полными взмахами идетъ въ его рукахъ—и онъ не можетъ ни остановиться, ни передохнуть, точно невѣдомая сила помимо его воли двигаетъ его рукой. *Ровными, однообразными взмахами идетъ въ рукахъ Ивана коса—а у ногъ его нѣтъ ни колосьевъ, ни травы, и глазъ, съ мучительной тревогой и возростающей тоской, ищетъ кругомъ*“... Когда Иванъ очнулся, „*ему сразу представилась вся безнадежность его положенія*: ни близкаго человѣка, ни надежды! Одинъ-одинъ въ холодномъ мракѣ ночи!.. Иванъ сразу почувствовалъ себя на краю зіяющей пропасти, куда жизнь настойчиво, неумолимо со всѣхъ сторонъ толкаетъ его. Его охватилъ ужасъ, перешедшій сейчасъ же въ безнадежное отчаяніе. Сердце болѣзненно сжалось, *въ глазахъ выразилась глубокая, безконечная мука*“. Съ тоскою въ сердцѣ и безъ всякой надежды брелъ Иванъ все дальше и дальше и очутился, наконецъ, передъ заливомъ, покрытымъ плотами вплоть до противоположнаго берега. На противоположномъ берегу свѣтились огоньки и мерещилось Ивану пристанище. „Иванъ взошелъ на первый плотъ, чтобы перейти заливъ. Дойдя до конца плота, онъ увидѣлъ, что дальше вмѣсто плотовъ лежатъ отдѣльныя, несвязанныя бревна. Не останавливаясь, онъ спокойно пошелъ по бревнамъ. Онъ шелъ ровно и смѣло впередъ и дошелъ до середины залива. Но вотъ нога его скользнула по мокрому бревну и онъ сразу пластомъ упалъ. Слабой рукой оперся онъ объ эти бревна, стараясь подняться,—но этимъ онъ только раздвинулъ подъ собою бревна и началъ

погружаться въ воду... И вдругъ прежнее чувство пресыщенія, истомы и безсилія снова волной нахлынуло въ душу Ивана, голова закружилась, мысли спутались—и онъ безсильно выпустилъ бревно и погрузился въ воду... Черезъ минуту бревна медленно и какъ-то торжественно сплылись опять"...

Картина эта полна глубокаго психологическаго смысла. Такъ рисовать безнадежность можетъ только тотъ, кто самъ носилъ въ своей душѣ чувства одиночества, разочарованія и безнадежности. Мы, конечно, интересуемся знать, чѣмъ вызваны эти чувства у автора, но для него было все равно, вызваны ли они голодомъ Ивана или разочарованностью интеллигента, потерявшаго вѣру, убѣдившагося, что безустанная работа его на общественномъ полѣ не даетъ „ни колосьевъ, ни травы"... Его интересовало душевное настроеніе, и онъ предпочелъ даже представить его въ болѣе конкретной формѣ голоднаго, ищущаго, но не находящаго работы мужика, чѣмъ въ отвлеченной формѣ разочаровавшагося интеллигента. Въ этой формѣ многое дѣйствительно не было бы понятно въ этомъ разсказѣ. Какъ могли бы понять, напримѣръ, что чувство безнадежности приводитъ мыслящаго человѣка къ тому, что идеи и системы, казавшіяся ему раньше связанными плотами, представляются ему теперь разрозненными, ничѣмъ не связанными скользкими бревнами?..

Справедливость нашего толкованія подтверждается самимъ авторомъ въ другомъ мѣстѣ. „Медленно и уныло, говоритъ онъ, наплываютъ воспоминанія недавняго прошлаго, молодости. Была кипучая жажда дѣятельности, были мечты о трудѣ, о служеніи народу. Куда все это дѣвалось?" („Тоска"). „Дома, въ привычной обстановкѣ, въ тѣсномъ одиночествѣ своихъ холодныхъ четырехъ стѣнъ, выступаютъ иные запросы, иныя *сомнѣнія*, въ которыхъ мысль, какъ завязнувшая въ тенетахъ птица, бьется, не находя выхода". („Дождь").

Здѣсь намъ вспоминается напломленный и разочаровавшійся профессоръ изъ „Скучной исторіи" Чехова. Знаменитый ученый и популярный профессоръ, разочаровавшись во всемъ, во что раньше вѣрилъ, на мольбы своей воспитанницы объ указаніи пути для жизни и общественной дѣя-

тельности не даетъ никакого отвѣта — вѣрнѣе: отвѣтъ, полный горькаго чувства безпомощности и безнадежности. И вообще, какъ видитъ читатель, въ настроеніи г. Ан—скаго очень много общаго съ настроеніемъ Чехова. И ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго, если вспомнить, что оба они расцвѣли въ ту пору безвременья восьмидесятыхъ годовъ, о которой такъ трогательно и грустно пѣлъ безвременно умершій Надсонъ.

Писатели, стоящіе у бездны безнадежности, мысль которыхъ „бьется, какъ завязнувшая птица въ тенетахъ, не находя выхода", не даютъ совѣтовъ, не указываютъ путей и не проповѣдуютъ морали... И если судьба наградила ихъ даромъ художественнаго творчества, — они становятся свободными художниками.

V.

Въ наше время разобраться въ творчествѣ художника-писателя, обратившаго на себя вниманіе, — значитъ по преимуществу строго и точно опредѣлить его общественно-политическую схему, его, такъ сказать, публицистическую тенденцію. Приступая къ разбору произведеній г. Ан—скаго еще не коснувшись художественнаго значенія его творчества, я уже пытался опредѣлить его, если такъ можно выразиться, общественно-публицисическую физіономію. Не скрою, однако, что, по моему крайнему, разумѣнію опредѣленіе публицистическихъ тенденцій художника имѣетъ второстепенное значеніе. Онѣ-то именно, общественно-политическія тенденціи, менѣе всего опредѣляютъ физіономію художника слова. Художникъ прежде всего художникъ, а не публицистъ, историкъ, соціологъ, философъ и пр. Таковымъ онъ является въ качествѣ частнаго, мыслящаго и впечатлительнаго человѣка, откликающагося на злободневные запросы и интересы своего времени. Но злободневные идеи и запросы часто движутся медленнѣе самой жизни и, забывая о злободневности своей силы и своего значенія, пытаются всегда задержать уходящую впередъ жизнь. Интересомъ истиннаго художника является только жизнь и, слѣдовательно, злободневные идейные мотивы не-

рѣдко являются для него тормазомъ, задерживающимъ свободное теченіе жизни въ его произведеніяхъ.

Въ сферѣ идей художникъ слѣдуетъ преимущественно за другими, тогда какъ въ чисто художественной своей задачѣ онъ, въ большой или меньшей степени, проявляетъ свою самостоятельность. Индивидуальная физіономія человѣка можетъ проявляться только тамъ, гдѣ человѣкъ ничѣмъ не связанъ, гдѣ онъ свободенъ и самостоятеленъ, тамъ только онъ представляетъ самого себя, а для познанія это цѣннѣе опредѣленія того, какой изъ наличныхъ ярлыковъ надо приклеить къ новому писателю.

Сколько ни пытались умѣстить художественное творчество въ теорію, въ какія рамки и границы его ни замыкали, время и жизнь всегда разрушали эти границы и рамки, и чѣмъ свободнѣе было художественное творчество, тѣмъ выше была его цѣнность. Мало ли человѣчество пережило всякихъ теорій, границъ, рамокъ, которыя всегда выдавались за главную суть, за высшую точку—фундаментъ жизни и мысли? И сколько ихъ было, столько же было всегда разочарованій и трагическихъ крушеній. Тѣ, которымъ мы такъ вѣрили — такъ жестоко насъ всегда обманывали! Только одна свобода никогда не лгала.

Ан—скій рисуетъ грязную и горемычную жизнь, не внося въ нее просвѣтлѣнія, потому что онъ хорошо знаетъ именно ту среду и тѣхъ людей, жизнь которыхъ течетъ въ нуждѣ и лишеніяхъ. А не скрашиваетъ онъ этой жизни ни идеалами, ни надеждами и вообще не вноситъ своего суда въ эту жизнь потому просто, что не эта сторона дѣла занимаетъ его.

Вниманіе его приковываетъ къ себѣ духовный обликъ человѣка, то неуловимое индивидуальное нѣчто въ каждомъ изъ насъ, которое въ общемъ называется душою человѣка, а въ частности—типомъ, характеромъ, натурой, иногда—переживаніемъ, эмоціей и т. п.

Сколько есть произведеній въ нашей художественной литературѣ, относительно которыхъ критика толковала, разъясняла и указывала съ видомъ непогрѣшимости, какъ на главное, какъ на сущность даннаго произведенія, на вещи,

которыя играютъ на самомъ дѣлѣ второстепенную роль или имѣютъ въ данномъ произведеніи только прикладное значеніе; которыя играютъ роль рамки, формы, внѣшней обстановки, при помощи которыхъ долженъ, по замыслу автора, предстать передъ читателемъ безплотный образъ духовнаго состоянія, не имѣющаго въ сферѣ воспріятія пяти чувствъ своего непосредственнаго выраженія.

Примѣры этого рода можно черпать сколько угодно изъ любого произведенія художественной литературы. Воспользуемся разсказами г. Ан—скаго. Возьмемъ для примѣра смѣлую, властную и энергичную служанку Хану изъ разсказа „Въ еврейской семьѣ". Развѣ въ томъ дѣло, что Хана жалостлива, энергична и справедлива, что непосредственное чувство не заглушено въ ней традиціями, общественнымъ мнѣніемъ старозавѣтной еврейской среды, какъ у ея суетныхъ, слабыхъ и безпомощныхъ хозяевъ? Такъ комментируютъ художественные образы, въ цѣляхъ построенія практической морали и т. п. Сущность художественнаго образа не въ этихъ логическихъ, моральныхъ и всякихъ иныхъ изысканіяхъ и характеристикахъ, а въ томъ, чтобы, закрывъ глаза, забывъ о всякихъ признакахъ, разсужденіяхъ и доказательствахъ объ отдѣльныхъ частяхъ и деталяхъ изображенія, создать въ своемъ воображеніи и чувствѣ цѣльный неразложимый живой индивидуальный обликъ души человѣка. Сущность въ этомъ случаѣ не въ томъ, что опредѣленно сказано, а въ томъ, что недосказано, что словами и понятіями не можетъ быть выражено. Слова и знаки, выраженія и понятія содержатъ въ себѣ смыслъ и значеніе только потому, что напоминаютъ или создаютъ собою индивидуальные образы, будь то образы матеріальные или духовные.

Особеннымъ богатствомъ такихъ именно чисто художественныхъ образовъ отличается между разсказами г. Ан—скаго разсказъ „Въ кабакѣ". Единственнымъ недостаткомъ этихъ очерковъ является торопливость и эскизность письма; еслибы не это, то по богатству и оригинальности образовъ—это былъ бы лучшій разсказъ. Въ этомъ разсказѣ свобода творчества автора получила свое полнѣйшее выраженіе благодаря тому, что среда и лица описаны здѣсь самыми мрачными красками.

Здѣсь именно автору легче всего было удариться въ мораль и тенденцію, но онъ благополучно обошелъ эти подводные камни и доказалъ, что разъ задавшись чисто художественной цѣлью созданія живыхъ образовъ человѣческаго духа, онъ не отклонился въ сторону, хотя въ такомъ отклоненіи было много соблазна. Укажемъ на одну весьма характерную въ этомъ смыслѣ картинку изъ этого разсказа. Картинка очень оригинальна и обнаруживаетъ глубокую наблюдательность автора.

Относя г. Ан — скаго къ свободнымъ жудожникамъ, я отнюдь не думаю смѣшивать его съ приверженцами искусства для искусства. Г. Ан—скій далеко не принадлежитъ къ этому разряду художниковъ, ограждающихъ себя, обыкновенно, каменной стѣной отъ окружающей ихъ грустной и непривлекательной дѣйствительности и прячущихъ свою слабую мысль и бѣдность художественной фантазіи подъ сѣнь поэзіи и красоты. Г. Ан — скій не только не прячется отъ грустной и грязной дѣйствительности, но, наоборотъ, темы его, какъ мы видѣли, граничатъ даже съ тенденціозностью. И дѣйствительно, что можетъ быть тенденціознѣе, даже въ наши дни, описанія мытарствъ русскихъ мужиковъ-переселенцевъ, скрашивающихъ свое безнадежное существованіе смѣсью былей съ небылицами о земляхъ, гдѣ то раздаваемыхъ въ изобиліи даромъ, о молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ... О русскихъ купцахъ, которые при содѣйствіи полиціи, какъ коршуны на добычу, накидываются на живой крестьянскій скарбъ, продаваемый съ публичнаго торга за сомнительный долгъ помѣщику, выигрывающему во всѣхъ инстанціяхъ свои несправедливыя тяжбы съ крестьянами, описанія безнадежной жизни ученаго талмудиста, сдѣлавшагося землекопомъ и т. д. Г. Ан — скій не ограждаетъ себя каменной стѣной отъ жизни и не прячется подъ сѣнь поэзіи и красоты. Жизнь въ его очеркахъ — это сплошная безпросвѣтная нужда и безнадежное невѣжество и пьянство; ни одного свѣтлаго луча и при этомъ отсутствіе даже намека на какой-нибудь выходъ изъ этого положенія—отсутствіе всякой морали, всякой тенденціи.

Въ грязномъ кабакѣ, въ атмосферѣ винныхъ испареній

и запаха спирта, сидитъ нѣсколько пьяныхъ, грязныхъ и оборванныхъ женщинъ, профессіональныхъ нищенокъ и въ ожиданіи, что кто-нибудь изъ приходящихъ поднесетъ имъ или такъ удастся выпросить у кабатчицы, молодой еврейской дѣвушки Ханки, чарочку, онѣ переругиваются, роясь въ своемъ тряпьѣ. Въ кабакъ входитъ не то „старецъ", не то рабочій, Станиславъ. Станиславъ презираетъ всю эту нищую братію и всячески кичится передъ нею своей богатой родней въ Варшавѣ. „Нищенки" въ свою очередь ненавидятъ его, ругаютъ, называютъ „старцемъ" и всячески дразнятъ. Его это злитъ и раздражаетъ. Сначала онъ отбояривается отъ накинувшихся на него бабъ колкими словами, а потомъ, выведенный изъ терпѣнія, начинаетъ драться. Между прочими, досталось отъ его клюки и пьяной нищенкѣ Аксиньѣ. Пьяная, обезсилѣвшая отъ раздраженія, вина и побоевъ, Аксинья „долго ругала Станислава, потомъ, усѣвшись на полъ, она начала плакать и причитывать, выкрикивая время отъ времени съ раздраженіемъ,—за-а что онъ меня билъ?! И чѣмъ болѣе она кричала, тѣмъ сильнѣе проникалась чувствомъ жалости къ самой себѣ.

— За-а что онъ меня би-илъ?! — выкрикивала она, заливаясь слезами. — Папенька мой былъ офицеръ!!. Маменька была изъ Ку-урска!!. Я училась!! я все знаю! все! все!! Грамматику!!.

— Мнитно—дитя! радитно—дитя! Датено—дитя! Мнитно—дитя! Я все-е знаю!! За-а что онъ меня би-илъ?!

Когда Станиславъ ушелъ, Ханка подошла къ Аксиньѣ, взяла ее за руку, чтобы помочь ей встать.

— Ну, довольно тебѣ кричать! Будетъ! Встань! Поди умойся—ты вся окровавлена.

— Не буду мыться!! За что онъ би-илъ?!

Видя, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, что Аксинья не поддается убѣжденіямъ, Ханка прибѣгла къ другому способу воздѣйствія, который она и раньше не разъ примѣняла къ Аксиньѣ.

Устремивъ на Аксинью пристальный-пристальный взглядъ, она проговорила не громко, но очень выразительно:

— Ак-синья, слушай! Слушай: „А-а... попалась"... Ну? И

нагнувшись къ ней, она продолжала глядѣть на нее въ упоръ, пристально и выжидающе.

Аксинья сразу прервала свои жалобы и начала выкрикивать громко, съ плачемъ, — ударяя при каждомъ словѣ ладонью объ полъ:

А! попалась! птичка! стой!
И! уйдешь ты! сѣти! и т. д.

— Аксинья! Слушай! „Про-опади"!.. Ну? — перебила ее Ханка тѣмъ же тономъ и съ тѣми же пріемами.

Аксинья сразу оборвала свою „пѣсню" и принялась выкрикивать:

Пропади! моя телѣга! всѣ четыре! колеса!

— Аксинья! „Папироска, другъ мой"... Ну?—продолжала Ханка.

— Папироска, другъ мой тайный! и т. д. уже пѣла, хотя съ плачемъ, но гораздо спокойнѣе Аксинья.

Еще двѣ—три пѣсни спѣла она подъ повелительнымъ взглядомъ и жестомъ Ханки, пока не успокоилась окончательно. Тогда Ханка помогла ей подняться, отвела ее въ кухню и заставила умыться.

Вотъ картина. Психіатръ разложитъ ее вамъ на составныя части въ своей наукѣ, соціологъ нашелъ бы въ ней лишнее подтвержденіе своей теоріи внушенія и гипнотизма, моралистъ и тенденціозный народникъ заговорилъ бы о приниженности человѣческаго существа, о страшныхъ условіяхъ жизни порождающихъ эту приниженность и т. д. Но читатель не теоретикъ и не моралистъ. Ему дорого въ этой картинкѣ то, что она даетъ цѣльный образъ душевнаго состоянія Аксиньи, какъ въ моментъ ея подавленности, такъ и въ моментъ, когда она, подъ вліяніемъ Ханки, приходитъ въ себя и начинаетъ успокаиваться. Она даетъ читателю непередаваемый обычной рѣчью образъ душевнаго состоянія, выразившагося въ ненависти кичливаго Станислава при встрѣчѣ съ этими злыми, презираемыми имъ старицами, она даетъ, наконецъ, непе-

редаваемый душевный образъ Ханки, заботящейся о пьяной нищей и продѣлывающей надъ ней свои пассы.

Задача свободнаго художника только къ тому и сводится, чтобы создать эти образы и въ приведенной картинкѣ мы видимъ наглядно, какъ авторъ поглощенъ исключительно этимъ стремленіемъ.

Нельзя сказать, чтобы среди разсказовъ г. Ан—скаго не было случаевъ отклоненія отъ этой задачи художника. Въ разсказѣ „Мендель Турокъ", напримѣръ, авторъ уклоняется отъ характеристики очень интереснаго въ началѣ типа еврейскаго меламеда-политика и начинаетъ увлекаться передачей всевозможныхъ варіацій еврейскихъ разговоровъ о политикѣ. Это становится тотчасъ замѣтнымъ, и образъ Менделя Турка начинаетъ блѣднѣть.

Художественные образы неразложимы, не взирая ни на какое искусство такого разложенія. Какъ бы ни былъ полезенъ въ практическомъ, моральномъ и научномъ смыслѣ такой анализъ, онъ неминуемо убьетъ тотъ синтезъ, который дается художникомъ.

Анатомировать человѣка—значитъ умертвить его, это наглядная истина. Воображаемый человѣкъ не такъ нагляденъ; здѣсь возможенъ самообманъ. Можно его анатомировать и воображать, что онъ живетъ и дышитъ. На самомъ дѣлѣ съ воображаемымъ человѣкомъ бываетъ то же, что съ живымъ: какъ только начинаютъ его анатомировать, онъ тотчасъ умираетъ и получается анализъ трупа, а не живого человѣка. Особенно чувствителенъ въ этомъ смыслѣ анализъ, когда онъ производится надъ человѣческой душою. Здѣсь въ сущности не можетъ и не должно быть анализа и всѣ критическіе эксперименты съ человѣческой душою, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ даютъ на самомъ дѣлѣ понятіе о трупѣ, а не о человѣческомъ духѣ.

Такія анатомическія операціи часто продѣлываютъ надъ своими живыми образами сами художники, когда забывъ о синтезѣ жизни, они, сами того не замѣчая, заставляютъ душу человѣка служить интересамъ науки, религіи или морали, вообще — идеѣ; это и есть, такъ называемая, тенденціозность искусства. Настоящее искусство, по природѣ своей,

свободно и поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Оно призываетъ все матеріальное, все мертвое, все идейное, всякій образъ и всякую мертвую форму и заставляетъ ихъ служить человѣческому духу, создавая изъ мертваго неразложимую жизнь.

Мертвые матерьялы, которыми пользуется искусство и художественное творчество, могутъ въ своемъ разрозненномъ, аналитическомъ видѣ имѣть мѣсто и значеніе гдѣ и для чего угодно, только не въ художественномъ творчествѣ, призванномъ творить жизнь, воспроизводить душу.

Переходя къ г. Ан—скому, необходимо еще добавить, что свою свободу въ художественномъ творчествѣ онъ доказалъ и тѣмъ, что онъ равно интересуется душою человѣка во всякой средѣ. Онъ съ равнымъ успѣхомъ пишетъ еврейскую и русскую жизнь, потому что, гдѣ бы онъ ни находился, въ какой бы средѣ онъ ни вращался, его, какъ свободнаго художника, прежде всего интересуетъ живая душа человѣка.

Е. Бронштейнъ.

Поѣздка въ Демавендъ.

(Окончаніе *).

Съ ближайшими окрестностями Демавенда я познакомился болѣе или менѣе основательно, гуляя одинъ или съ кѣмъ нибудь по полямъ; но до отъѣзда предстояло, во-первыхъ, побывать въ Галліарѣ и посѣтить тамъ старинное кладбище, о которомъ я столько слышалъ и уже столько разъ упоминалъ; во-вторыхъ, Аджи Моше и Ага Писсонъ настоятельно рекомендовали мнѣ устроить „гардешъ“ (прогулку) къ Чешмалла, истоку рѣчки Мешкедже. Къ этому пикнику дѣятельно готовились и мои хозяева и мой Илья, такъ какъ они всѣ должны были принять въ немъ участіе. Былъ назначенъ день, если не ошибаюсь, четвергъ, и съ утра мы должны были пуститься въ путь. Для перевозки на мѣсто нашего пикника провизіи и посуды былъ назначенъ оселъ Ага Писсона.

Пока мы напились, кто молока, кто чаю,—пока мы ждали Ага Писсона пока молодежь укладывала въ хурджины (переметныя сумки) посуду, припасы, въ томъ числѣ уголь для самовара, и ковры, наступило уже восемь часовъ, и мы съ Аджи Моше рѣшили двинуться впередъ одни. Солнце ласково свѣтило съ безоблачнаго неба, и легкій вѣтерокъ, дувшій намъ навстрѣчу, пріятно освѣжалъ разгорѣвшіяся отъ ходьбы лица. Дорога шла сначала полями и кое-гдѣ вдоль ограды садовъ, по той линіи, гдѣ долина переходитъ въ оврагъ, по дну котораго бѣжитъ рѣчка; затѣмъ дорога или, вѣрнѣе, тропинка начинала спускаться и потомъ все время шла уже по берегу самой рѣчки. Послѣ небольшой деревушки Урэ, которую мы обошли, дорога, чѣмъ дальше мы двигались, шла все болѣе и болѣе въ гору;

*) См. кн. „Восходъ“, IX.

отдѣльные кусты и рѣдкія деревья росли между нанесенными теченіемъ или дождевыми потоками камнями, иногда огромными глыбами, вышиною въ 3—4 аршина; иногда оврагъ съуживался настолько, что приходилось идти подъ самой кручей, переступая и перепрыгивая съ камня на камень. Впрочемъ, это можно было дѣлать вполнѣ безопасно, такъ какъ въ руслѣ рѣчки почти совсѣмъ не было воды, отведенной у самаго верховья въ дальніе сады и нивы, а та струйка, которая собиралась изъ родниковъ, тамъ и сямъ видиѣвшихся въ стѣнахъ оврага, тоже отводилась въ сторону, какъ только ея набиралось болѣе или менѣе замѣтное количество. Болѣе часа шли мы уже этимъ оврагомъ красновато-сѣрые обрывы боковъ котораго скрывали отъ насъ видъ на все окружающее; было не жарко, и я не могъ не обратить еще разъ вниманія на бѣдность не только флоры, но и фауны; кромѣ нѣсколькихъ трясогузокъ, я не замѣтилъ никакихъ птичекъ; все молчало кругомъ; насѣкомыхъ тоже не видать было, — какъ-то жутко становилось отъ этого отсутствія жизни. Наконецъ послѣ часа ходьбы, впереди надъ головою, замелькалъ уголъ глинобитной стѣны; тропинка круто поднялась со дна оврага,—и мы увидѣли впереди плоскія, подымавшіяся одна надъ другою кровли деревни, дома которой безпорядочною тѣсною толпою лѣпились по обѣ стороны оврага, надъ которымъ шла дорога. Вскорѣ мы увидѣли отводныя канавы, а еще черезъ нѣсколько шаговъ, подъ нашими ногами на днѣ оврага увидѣли пѣнящуюся воду рѣчки, съ шумомъ и грохотомъ бѣжавшую внизъ, намъ навстрѣчу. Это была деревня Чешмалла. Только здѣсь стали намъ попадаться навстрѣчу рѣдкіе пѣшеходы; въ одномъ только мѣстѣ было замѣтно нѣкоторое оживленіе,—у мельницы, изъ-подъ которой бѣшено вырывалась рѣчка; здѣсь насъ догнали Ага Нассонъ, Илья и Іехезкіель со своимъ осликомъ. Еще нѣсколько шаговъ, — деревня кончилась какъ-то внезапно,—и нашимъ глазамъ открылся родникъ Чешмалла (что значитъ Божій родникъ или глазъ),—картинка такой красоты, которая произвела бы впечатлѣніе даже и въ болѣе богатой водою странѣ. Представьте себѣ узкую лощину, образуемую двумя сходящимися покато горами; дно этой лощины занято домами деревни и садами, которые съ того мѣста, гдѣ мы стоимъ, видны прямо подъ нашими ногами. Впереди, съ правой стороны, на склонѣ горы но почти у самаго дна лощины,—небольшое, сажени три въ поперечникѣ, озеро, окруженное большими камнями, образующими его берега; изъ-подъ этихъ камней, подъ поверхностью озера, бьютъ родники во всѣ стороны; излишекъ воды

черезъ промытый въ одномъ камнѣ лотокъ спадаетъ въ другое такое же озерцо, поменьше, а оттуда стремится дальше, образуя рѣчку Чешмалла. Съ правой стороны гора надъ озеромъ какъ бы подпирается массивными скалами, такъ что между ними и озеромъ образуется небольшая площадка. Это обиліе и стой воды, разбросанныя кругомъ нѣсколько деревьевъ, чистый прозрачный воздухъ,—все это дѣлало это мѣстечко чуднымъ мѣстомъ для пикника, и мы провели бы здѣсь очень пріятно нѣсколько часовъ, если бы не оказавшееся сосѣдство, въ концѣ все испортившее.

Еще прежде, чѣмъ я успѣлъ замѣтить все только что описанное, какъ только мы вынырнули изъ деревни, я увидѣлъ впереди нѣсколько палатокъ, видъ и расположеніе которыхъ указывали на то, что здѣсь разбилъ свой лагерь какой-то состоятельный или вліятельный персъ, желающій провести нѣкоторое время на свѣжемъ воздухѣ; задній планъ закрывалъ заборъ,—стѣна изъ холста съ нашитыми яркими рисунками; около нея виднѣлись двѣ или три палатки, очевидно, назначенныя для службъ и прислуги; впереди же стояла большая четыреугольная палатка, передняя стѣна и части боковыхъ которой были подняты; палатка эта была внутри обшита яркой бумажной матеріей и убрана хорошими коврами. Впереди палатки на коврѣ и на врытой въ землю грубой скамейкѣ сидѣло большое общество; какой то высокій дородный мужчина, въ одномъ распоясанномъ архалукѣ поверхъ бѣлья и ермолкѣ на бритой головѣ, расхаживалъ, громко распѣвая, по берегу озера.

— А-а, Аджи Муса, мусью,—закричалъ онъ, завидѣвъ насъ, и пока мы подходили къ площадкѣ подъ скалою, гдѣ рѣшили сдѣлать привалъ, онъ обошелъ озеро и подошелъ къ намъ. Дѣловито, по европейски подалъ онъ мнѣ руку, освѣдомился о здоровьи и настроеніи, сдѣлалъ мнѣ комплиментъ насчетъ моего знанія персидскаго языка и затѣмъ подалъ руку также Аджи Моше, что меня удивило, такъ какъ персы, какъ я имѣлъ уже случай упоминать, между собою за руку не здороваются. Разспросивши, кто такой „мусью", мужчина этотъ затѣмъ ушелъ обратно къ своимъ, а мы стали устраиваться: разложили ковры, вынули жестяной самоварчикъ и прочую посуду и т. д. Аджи Моше сообщилъ мнѣ, что этотъ субъектъ одинъ изъ его тегеранскихъ знакомыхъ, нѣкто Аджи шейхъ-Шейфуръ. Какъ я узналъ, въ особенности потомъ, въ Тегеранѣ,—это былъ дѣйствительно шейхъ, т. е. богословски-образованный мусульманинъ и аджи; вращался онъ исключительно въ обществѣ высшей знати, не исключая двора шаха, и даже

пользовался особымъ благоволеніемъ покойнаго шаха Насреддина, у котораго, по закону контрастовъ, не разъ впадалъ и въ немилость и былъ тогда изгнаемъ на нѣкоторое время изъ дворца. Въ обществѣ этомъ онъ, несмотря на свой санъ, игралъ роль шута, и при томъ такъ давно, что никто не помнилъ его настоящаго имени, такъ какъ „Шейфуръ“ (по арабски—рожокъ, еврейское шоферъ) – было прозвищемъ.

Не успѣлъ Аджи шейхъ-Шейфуръ скрыться за палаткою, какъ оттуда выскочило двое слугъ, изъ которыхъ одинъ несъ вѣнскій стулъ, довольно преклонныхъ лѣтъ и потертаго вида, а второй подносъ съ персидскими конфектами и фруктами, среди которыхъ были, конечно, и неизбѣжные огурцы. Это ихъ господинъ, мирза-Ахметъ-ханъ, сартипъ топъ-ханэ, т. е. артиллерійскій генералъ, прислалъ для „мусью“; я поморщился, но съ персидскимъ этикетомъ я былъ уже достаточно знакомъ: поблагодарилъ и далъ имъ „аннамъ“, монету въ 5 кранъ. Гости сартипа, между тѣмъ, вновь оживились: оттуда послышались музыка и нестройное пѣніе. Черезъ минуту вновь появился Аджи шейхъ-Шейфуръ и пригласилъ меня съ Аджи Моше и Ага Нисономъ въ ихъ компанію; какъ мы ни противились, пришлось уступить. Въ числѣ гостей сартипа, которыхъ было человѣкъ 12—15, оказался чиновникъ изъ Тегерана, Мумтэз-Мамалекъ, съ которымъ я былъ немного знакомъ; остальная же публика была довольно разношерстная, въ томъ числѣ демавендскій имамъ-джумэ (благочинный) и одинъ ахундъ (кандидатъ богословія) изъ Шахзадэ—Абдулъ-Азимъ; этотъ молодой человѣкъ стоялъ на берегу озера, когда мы стали подходить, и шутъ Шейфуръ заставилъ его подать руку мнѣ и Аджи Моше, какъ мы сами ни упирались. Мои спутники усѣлись поодаль на коврѣ, я же сѣлъ на скамью (стульевъ, очевидно, больше не было). Изъ всѣхъ присутствовавшихъ оказался только одинъ, знавшій по французски; въ отвѣтъ на врученную ему карточку онъ написалъ въ моей записной книжкѣ буквально слѣдующее: Dr. Ahmède, élève en medecin à l'Ecole polytechnique Théran. Шейфуръ, слѣдившій за этимъ и разспросившій, въ чемъ дѣло, заставилъ меня записать и свое имя по-русски и по французски, при чемъ „докторъ“ долженъ былъ проконтролировать послѣднюю запись. Пошло обычное у персовъ времяпрепровожденіе: то музыканты, – не наемные, а любители изъ этого же общества, – бренчали, то публика пѣла хоромъ. Пѣсни были большею частью сатирическія на злобу дня или недавняго прошлаго. Особенно долго длилась пѣсня, въ которой осмѣивался „кривой принцъ“ (шахзадэ

чапэ), т. е. Зиль эсъ-Султанъ, его затѣи и безкровное пораженіе. Шейфуръ съ неподражаемымъ искусствомъ и невыносимо-серьезнымъ видомъ во время пѣсни подражалъ и военной командѣ, и ржанью лошадей, и еще многимъ другимъ звукамъ. Мнѣ показалось страннымъ, что, несмотря на отсутствіе угощенія, публика казалась уже навеселѣ; д-ръ Ахмедъ нѣсколько разъ приглашалъ меня зайти въ сосѣднюю палатку выпить шербету, но я отказывался; наконецъ, онъ не выдержалъ и ушелъ одинъ, а когда онъ вернулся, я по запаху понялъ въ чемъ дѣло: въ палаткѣ была водка, которую гости и пили въ одиночку, не нарушая явно закона. Не разъ порывался я откланяться, но Шейфуръ не давалъ и думать объ этомъ; наконецъ, прослушавши нѣсколько пѣсенокъ, обмѣнявшись съ хозяевами и гостями всевозможными любезностями и комплиментами, я рѣшительно поднялся; но шутъ Шейфуръ удержалъ меня еще на минутку и кликнулъ кого-то; изъ-за холщевой стѣны, скрывавшей службы, выбѣжалъ грязный поваренокъ и, по приказанію Шейфура, сталъ плясать передо мной; персидскіе танцы всегда внушали мнѣ омерзеніе, а тутъ еще артистъ, когда кончилъ,—опять таки по приказанію шейха Шейфура,—подошелъ ко мнѣ и, снявъ съ полуобритой головы войлочную шапку, протянулъ ее; пришлось сдѣлать bonne mine au mauvais jeu, положить въ шапку серебряную монету и поблагодарить хозяина и шейха Шейфура. Отъ предложенія отобѣдать съ ними, переданнаго мнѣ д-ромъ Ахмедомъ, я рѣшительно отказался, да на немъ и не стали бы настаивать.

Я былъ очень доволенъ, когда, наконецъ, очутился на площадкѣ, гдѣ Илья и Іехезкіель хлопотали вокругъ самовара, готовились жарить шашлыкъ и т. д. Это высокое общество меня тяготило, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, „мусью" явился для Шейфура неожиданнымъ средствомъ разнообразить его обычный репертуаръ. Гости сартина тѣмъ временемъ ушли въ одну изъ дальнихъ палатокъ обѣдать. Мы усѣлись на берегу озера. Прозрачная вода давала возможность разсмотрѣть каждый камешекъ на днѣ; родники, бившіе, какъ я уже сказалъ, подъ поверхностью, были замѣтны по струямъ, несшимся отъ береговъ къ центру. Было тихо кругомъ въ природѣ, и лишь изъ лагеря сартина слышались голоса его обѣдающихъ гостей.

Мы тоже собирались послѣдовать ихъ примѣру, какъ вдругъ къ нашему кружку присоединился еще одинъ человѣкъ. Изъ-за послѣдняго дома деревни вышелъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, съ тяжелою ношею за спиною; завидѣвъ насъ, онъ быстро подошелъ

къ намъ и поздоровался; это былъ демавендскій еврей-коробейникъ Юна (Іона); мы пригласили его раздѣлить съ нами хлѣбъ-соль. По своей манерѣ разговаривать онъ мнѣ болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ персидскихъ евреевъ, напомнилъ русскихъ евреевъ; грустно-ироническій тонъ, съ которымъ онъ разсказывалъ о своихъ плохихъ дѣлахъ, о 5 дѣтяхъ, о трудномъ своемъ ремеслѣ, о странствованіяхъ пѣшкомъ, съ товаромъ за спиною, по крутымъ горамъ, отъ кочевья къ кочевью,—все это живо мнѣ напоминало евреевъ родины. Онъ зналъ всѣ окрестныя мѣста, всѣ деревни, горы и долины, и у меня тогда же мелькнула мысль пригласить его быть моимъ проводникомъ въ Галліаръ. Онъ разсказывалъ много о деревняхъ, затерянныхъ въ долинахъ Эльборуса, мусульманскіе жители которыхъ считаются потомками обращенныхъ евреевъ; жители деревни Эмиръ-кала, напримѣръ, до сихъ поръ постятся въ Іомъ-Кипуръ, и въ концѣ лѣта справляются у встрѣчныхъ евреевъ, на какой день въ этомъ году приходится „день прощенія“. Онъ разсказывалъ о деревняхъ, въ которыхъ среди мусульманскаго населенія существуютъ легенды и повѣрья съ ясными признаками еврейскаго наслоенія или происхожденія; такъ, напримѣръ, въ четырехъ фарсахахъ къ востоку отъ Чешмалла есть деревня Барахаронъ, гдѣ есть часовня съ родникомъ, носящимъ имя Ходже Хезръ (пророка Ильи); источникъ появился послѣ того, какъ страдавшимъ отъ безводья явился старецъ, ударилъ палкою и т. д.; внутрь часовни Юну, конечно, не пускали, но мусульмане говорили ему, что тамъ имѣются еврейскія рукописи, а на стѣнахъ будто бы замѣтны слѣды еврейскихъ надписей. Онъ разсказывалъ про окрестные минеральные ключи,—холодные и горячіе; про дикость нравовъ жителей нагорныхъ деревень и ихъ некультурность —и все это тѣмъ же спокойнымъ, грустно-ироническимъ тономъ человѣка, много видавшаго, много страдавшаго, примирившагося со своею участью и съ мыслію о томъ, что весь свой жизненный путь онъ пройдетъ тою же тяжелою дорогой, согнувшись подъ тяжестью своего короба, нужды и заботъ...

Пока мы такъ бесѣдовали за обѣдомъ, изъ лагеря сартипа къ намъ являлся то одинъ, то другъ й слуга то съ хлѣбомъ, то съ чашкою со льдомъ, одинъ разъ даже съ блюдомъ риса въ молокѣ, и несчастный „френги“, на котораго обрушивалось все это вниманіе, долженъ былъ одаривать посланныхъ; блюдо съ рисомъ мы возвратили, но ледъ оказался очень кстати для вина. Я нисколько не сомнѣваюсь, что сартипъ посылалъ эти маленькіе подарки спеціально для того, чтобы дать возможность заработать своимъ слу-

гамъ. Я уже говорилъ въ своемъ первомъ очеркѣ, что сторонній заработокъ („модахиль") вполнѣ нормальная вещь въ персидскихъ нравахъ, и „хорошіе господа" стараются доставить его своимъ слугамъ; европеецъ, оказавшійся въ Чешмалла въ обществѣ мѣстныхъ евреевъ, былъ случаемъ, котораго не слѣдовало пропускать. Но эта навязчивая любезность испортила мнѣ весь день; изъ экономіи я не нанялъ осла, а тутъ краны летѣли безъ конца, доставляя одно лишь огорченіе.

Растянувшись въ тѣни скалы и засыпая, я видѣлъ, что и гости сартипа укладываются на отдыхъ послѣ обѣда; скоро въ палаткѣ лежало два ряда тѣлъ, покрытыхъ бѣлыми простынями и храпѣвшихъ на всѣ лады. Спалъ я, по всей вѣроятности, не долго, но не успѣлъ я поднять головы, какъ передо мною стоялъ опять одинъ изъ слугъ сартипа съ стаканчикомъ чаю на подносѣ; не успѣлъ я выпить этотъ стаканъ, какъ появился второй,—и каждый разъ, конечно, добродѣтель была соотвѣтственнымъ образомъ вознаграждена. Мнѣ это надоѣло, а потому, едва допивъ стаканъ, я сразу поднялся и, оставивъ спящихъ попутчиковъ, сталъ быстро подыматься въ гору. Скоро я достигъ вершины пригорка, откуда разстилался прелестный видъ во всѣ стороны. Рѣчка Чешмалла обозначалась зеленою полосою садовъ и желтыми квадратами пашенъ, которыя тянутся по обѣ стороны вдоль нея и рѣзко отдѣляются отъ голыхъ красныхъ холмовъ и горъ надъ ними; вдали ярко-зеленымъ пятномъ выдѣляется городокъ Демавендъ съ его имамъ-задэ и ближнія, и дальнія деревни кругомъ. Съ другой стороны горизонтъ замыкается тѣми же голыми горами, у подножья которыхъ лишь кое-гдѣ темнѣютъ зеленыя пятна орошаемыхъ мѣстъ; впереди видна деревушка Даштъ, имѣніе Мумтэз-Мамалека; правѣе, полускрытое холмомъ, виднѣется зданіе чапаръ-ханэ (почтовой станціи) Меша; черезъ нее проходитъ сѣверный путь изъ Тегерана въ Мазандеранъ, который отъ этой станціи начинаетъ подыматься на высокую гору, на перевалѣ которой живописно, но одиноко пріютилось имамъ-задэ Ага-Бахъ. По словамъ Юны, который тѣмъ временемъ присоединился ко мнѣ вмѣстѣ съ молодежью, оттуда виденъ уже великанъ Демавендъ, величественная снѣжная вершина котораго не видна изъ долины того же имени. Окрестности поражали своею пустынностью; лишь по дорогѣ тянулось вверхъ нѣсколько животныхъ; нѣсколько лошадей паслось въ долинѣ; тишина царила кругомъ поразительная словно мы очутились въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ. На склонѣ пригорка, надъ самою деревней Чешмалла, среди разбросанныхъ

камней кладбища, копошилось въ одномъ мѣстѣ нѣсколько фигуръ; вѣроятно, тамъ шли похороны. Полюбовавшись видомъ, мы стали спускаться въ долину выше Чешмалла, чтобы посмотрѣть источникъ Аб-Каризекъ, отъ котораго около версты до Чешмалла. Источникъ оказался маленькимъ озеромъ, лежащимъ на днѣ долины вровень со своими илистыми берегами; характерною чертою являлось то, что ни на берегахъ, ни подъ водою не видно было камней; со дна его во многихъ мѣстахъ подымались пузырьки газовъ со слабымъ запахомъ сѣры, и, можетъ быть, вѣковому дѣйствію ихъ надо приписать то, что камни на днѣ и кругомъ превратились въ илъ; подпочвенная вода прибывала здѣсь незамѣтно, не такою струею, какъ въ Чешмалла, а избыткомъ ея тоненькой ленточкой медленно сползалъ внизъ по камнямъ долины.

Мы пошли по направленію къ видиѣвшимся палаткамъ сартипа, обошли ихъ вдоль холщевой стѣны, возлѣ которой стояли верховыя животныя гостей, и подошли къ Аджи Моше и Ага Писсону, которые уже проснулись. Лагерь сартипа тоже уже шумѣлъ. Подъ одною изъ скалъ, которая скрывала сидѣвшихъ подъ нею отъ взоровъ лицъ, находившихся у палатокъ, мы застали Аджи Моше въ бесѣдѣ съ Мумтэз-Мамалекомъ; того скоро смѣнилъ одинъ изъ любителей-музыкантовъ и т. д. Оказалось, что это Аджи Моше угощалъ ихъ по одиночкѣ своимъ ширазскимъ виномъ. По лагерь сартипа сталъ пустѣть; сѣдлали коней; Мумтэз-Мамалекъ и еще человѣкъ восемь, въ томъ числѣ шейхъ-Шейфуръ, стали одѣваться и прощаться; пришлось и мнѣ пойти проститься съ ними, а затѣмъ они ускакали по направленію къ Дашта. Напившись чаю и простившись съ сартипомъ и д-ромъ Ahmèd-'омъ, двинулись въ обратный путь и мы. Ага Писсонъ и молодежь, въ сопровожденія ослика, должны были идти обратно тою же дорогою, а мы съ Аджи Моше и Юной рѣшили пойти другою дорогою, по правому берегу Чешмалла. Дорога здѣсь идетъ на высотѣ отводныхъ канавъ, почти горизонтально, и все болѣе и болѣе возвышается надъ оврагомъ рѣчки и прилегающей къ ней дорогой. Съ нашихъ высокихъ позицій мы не разъ замѣчали нашихъ товарищей и ихъ ослика. Обойдя деревню Ahmetabad, плоскія крыши которой подъ нашими ногами спадали внизъ по косогору террассами, дорога поворачиваетъ и начинаетъ спускаться внизъ между полей къ Демавенду, въ который мы пришли еще засвѣтло.

гамъ. Я уже говорилъ въ своемъ первомъ очеркѣ, что сторонній заработокъ („модахиль") вполнѣ нормальная вещь въ персидскихъ нравахъ, и „хорошіе господа" стараются доставить его своимъ слугамъ; европеецъ, оказавшійся въ Чешмалла въ обществѣ мѣстныхъ евреевъ, былъ случаемъ, котораго не слѣдовало пропускать. Но эта навязчивая любезность испортила мнѣ весь день; изъ экономіи я не нанялъ осла, а тутъ краны летѣли безъ конца, доставляя одно лишь огорченіе.

Растянувшись въ тѣни скалы и засыпая, я видѣлъ, что и гости сартипа укладываются на отдыхъ послѣ обѣда; скоро въ палаткѣ лежало два ряда тѣлъ, покрытыхъ бѣлыми простынями и храпѣвшихъ на всѣ лады. Спалъ я, по всей вѣроятности, не долго, но не успѣлъ я поднять головы, какъ передо мною стоялъ опять одинъ изъ слугъ сартипа съ стаканчикомъ чаю на подносѣ; не успѣлъ я выпить этотъ стаканъ, какъ появился второй,—и каждый разъ, конечно, добродѣтель была соотвѣтственнымъ образомъ вознаграждена. Мнѣ это надоѣло, а потому, едва допивъ стаканъ, я сразу поднялся и, оставивъ спящихъ попутчиковъ, сталъ быстро подыматься въ гору. Скоро я достигъ вершины пригорка, откуда разстилался прелестный видъ во всѣ стороны. Рѣчка Чешмалла обозначалась зеленою полосою садовъ и желтыми квадратами пашенъ, которыя тянутся по обѣ стороны вдоль нея и рѣзко отдѣляются отъ голыхъ красныхъ холмовъ и горъ надъ ними; вдали ярко-зеленымъ пятномъ выдѣляется городокъ Демавендъ съ его имамъ-задэ и ближнія, и дальнія деревни кругомъ. Съ другой стороны горизонтъ замыкается тѣми же голыми горами, у подножья которыхъ лишь кое-гдѣ темнѣютъ зеленыя пятна орошаемыхъ мѣстъ; впереди видна деревушка Дашта, имѣніе Мумтэз-Мамалека; правѣе, полускрытое холмомъ, виднѣется зданіе чапаръ-ханэ (почтовой станціи) Меша; черезъ нее проходитъ сѣверный путь изъ Тегерана въ Мазандеранъ, который отъ этой станціи начинаетъ подыматься на высокую гору, на перевалѣ которой живописно, но одиноко пріютилось имамъ-задэ Ага-Шахъ. По словамъ Юны, который тѣмъ временемъ присоединился ко мнѣ вмѣстѣ съ молодежью, оттуда виденъ уже великанъ Демавендъ, величественная снѣжная вершина котораго не видна изъ долины того же имени. Окрестности поражали своею пустынностью; лишь по дорогѣ тянулось вверхъ нѣсколько животныхъ; нѣсколько лошадей паслось въ долинѣ; тишина царила кругомъ поразительная словно мы очутились въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ. На склонѣ пригорка, надъ самою деревней Чешмалла, среди разбросанныхъ

камней кладбища, копошилось въ одномъ мѣстѣ нѣсколько фигуръ; вѣроятно, тамъ шли похороны. Полюбовавшись видомъ, мы стали спускаться въ долину выше Чешмалла, чтобы посмотрѣть источникъ Аб-Каризекъ, отъ котораго около версты до Чешмалла. Источникъ оказался маленькимъ озеромъ, лежащимъ на днѣ долины вровень со своими илистыми берегами; характерною чертою являлось то, что ни на берегахъ, ни подъ водою не видно было камней; со дна его во многихъ мѣстахъ подымались пузырьки газовъ со слабымъ запахомъ сѣры, и, можетъ быть, вѣковому дѣйствію ихъ надо приписать то, что камни на днѣ и кругомъ превратились въ илъ; подпочвенная вода прибывала здѣсь незамѣтно, не такою струею, какъ въ Чешмалла, а избыткомъ ея тоненькой ленточкой медленно сползалъ внизъ по камнямъ долины.

Мы пошли по направленію къ видѣвшимся палаткамъ сартипа, обошли ихъ вдоль холщевой стѣны, возлѣ которой стояли верховыя животныя гостей, и подошли къ Аджи Моше и Ага Иссону, которые уже проснулись. Лагерь сартипа тоже уже шумѣлъ. Подъ одною изъ скалъ, которая скрывала сидѣвшихъ подъ нею отъ взоровъ лицъ, находившихся у палатокъ, мы застали Аджи Моше въ бесѣдѣ съ Мумтэз-Мамалекомъ; того скоро смѣнилъ одинъ изъ любителей-музыкантовъ и т. д. Оказалось, что это Аджи Моше угощалъ ихъ по одиночкѣ своимъ ширазскимъ виномъ. По лагерь сартипа сталъ пустѣть; сѣдлали коней; Мумтэз-Мамалекъ и еще человѣкъ восемь, въ томъ числѣ шейхъ-Шейфуръ, стали одѣваться и прощаться; пришлось и мнѣ пойти проститься съ ними, а затѣмъ они ускакали по направленію къ Дашта. Напившись чаю и простившись съ сартипомъ и д-ромъ Ahmèd-e'омъ, двинулись въ обратный путь и мы. Ага Иссонъ и молодежь, въ сопровожденіи ослика, должны были идти обратно тою же дорогою, а мы съ Аджи Моше и Юной рѣшили пойти другою дорогою, по правому берегу Чешмалла. Дорога здѣсь идетъ на высотѣ отводныхъ канавъ, почти горизонтально, и все болѣе и болѣе возвышается надъ оврагомъ рѣчки и прилегающей къ ней дорогой. Съ нашихъ высокихъ позицій мы не разъ замѣчали нашихъ товарищей и ихъ ослика. Обойдя деревню Ahmetabad, плоскія крыши которой подъ нашими ногами спадали внизъ по косогору террассами, дорога поворачиваетъ и начинаетъ спускаться внизъ между полей къ Демавенду, въ который мы пришли еще засвѣтло.

Въ ближайшую субботу мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ сцены, весьма интересной, какъ иллюстрація нравовъ и своеобразныхъ отношеній въ этой странѣ.

Послѣ обѣда мы направились по полю по направленію къ Ahmetab-d'y; дорога шла по волнистой мѣстности сильно въ гору, среди полей, подымавшихся террассами одна надъ другою и подпертыми каменными стѣнками. Сейчасъ по выходѣ въ поле, намъ пересѣкла дорогу небольшая кавалькада: впереди на прекрасномъ мулѣ золотистой масти ѣхалъ Мухтаръ-эсъ-Солтанэ, а за нимъ трое или четверо слугъ на лошадяхъ; обмѣнявшись привѣтствіями съ этимъ симпатичнымъ человѣкомъ, мы продолжали нашъ путь. Черезъ нѣсколько минутъ намъ навстрѣчу попался Юна, котораго мы забрали съ собою. Мирная картина окрестностей навѣвала тихое спокойствіе на душу; кое-гдѣ на нивахъ пахали или молотили хлѣбъ; рѣдкіе звуки, голоса перекликивавшихся крестьянъ или крикъ осла,—только усиливали своимъ контрастомъ господствовавшую тишину. Оставивъ Ahmetabad вправо, мы стали карабкаться вверхъ по тропинкѣ. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ скала образовывала небольшую площадку, совершенно скрытую отъ посторонннихъ взоровъ окружающими ее громадными каменными глыбами. Это была, какъ оказалось, часть владѣній того самаго огородника, который снабжалъ моего Илью „баміэ“ и пр.; здѣсь росли только огурцы и тыквы, другія овощи засѣвались на террассахъ, расположенныхъ ниже и, вѣроятно, лучше орошаемыхъ. Сюда, какъ оказалось, мои хозяева захаживали не разъ въ субботу послѣ обѣда, и огородникъ готовилъ имъ чай, вдали отъ нескромныхъ глазъ, позабывъ о „наджесъ“ и помня лишь о тѣхъ нѣсколькихъ шаяхъ, которые онъ за это получитъ на другой день отъ евреевъ. Самого огородника не оказалось дома, но его жена живо поставила самоварчикъ и побѣжала внизъ въ деревню за стаканами; черезъ нѣсколько минутъ появился и чай въ тѣхъ маленькихъ стаканчикахъ съ перехватомъ, которые десятками тысячъ вывозятся въ Персію изъ Россіи, но даже въ Закавказьи встрѣчаются уже рѣдко Напившись чаю и условившись насчетъ завтрашней прогулки въ Галліаръ, мы стали спускаться въ деревню. Дома стояли, прислоненные къ горѣ такимъ образомъ, что на крышу у задней стѣны можно было попасть съ переулка; потомъ спускъ сдѣлался отложе, улица пошла шире; въ одномъ мѣстѣ оказалась между стѣнами домовъ даже площадка съ остатками надмогильныхъ камней,—и, наконецъ, мы подошли къ краю деревни. Здѣсь двѣ стѣны, сходившіяся подъ входящимъ

угломъ, образовали площадку, въ центрѣ которой росъ развѣсистый старый орѣхъ, вокругъ котораго находилось небольшое квадратное глинобитное возвышеніе: это было деревенское „текіе". Изъ группы людей, сидѣвшихъ на землѣ у стѣны, раздались возгласы: „Аджи Муса, а-а Аджи Муса",—какъ будто они его дожидались. Здѣсь было шесть или семь человѣкъ. Въ центрѣ сидѣлъ важный мужчина лѣтъ за 50, въ халатѣ изъ верблюжьяго сукна,—какъ оказалось, мѣстный ханъ. Другой ханъ, одной изъ ближнихъ деревень, въ черномъ сатиновомъ сардари и высокой каракулевой шапкѣ, сидѣлъ насупротивъ подъ возвышеніемъ; 2—3 перса, сидѣвшіе рядомъ съ ханомъ, были почетныя лица „рише-сафидъ" (бѣлыя бороды, старики). Передъ ханомъ стоялъ извѣстный уже читателю англійско-подданный Юсуфъ, а сбоку сидѣлъ казакъ [1]), въ громадной папахѣ и красной рубашкѣ русскаго покроя, котораго я уже нѣсколько дней замѣчалъ въ Демавендѣ. Изъ того, что я услыхалъ здѣсь, и того, что Аджи Моше разсказалъ мнѣ потомъ дома, оказалось слѣдующее. Весною прошлаго года Юсуфъ закупилъ у хана извѣстное количество сушеныхъ абрикосъ и далъ ему въ задатокъ нѣкоторую сумму. Ханъ, однако, уѣхалъ въ Мекку, и не подумавши исполнить договоръ. Когда онъ вернулся, нѣсколько времени тому назадъ, Юсуфъ потребовалъ исполненія договора въ этомъ году, тѣмъ болѣе, что цѣна на эти фрукты поднялась; но именно изъ-за этого ханъ отказался сдавать ему товаръ, а предложилъ возвратить ему полученную отъ него въ прошломъ году сумму съ процентами. Юсуфу, наконецъ, надоѣло вести этотъ споръ; онъ отправился въ Тегеранъ и обратился тамъ въ англійскую миссію. Англійскіе дипломаты, какъ извѣстно, чрезвычайно энергичны при защитѣ интересовъ своихъ подданныхъ, въ особенности на Востокѣ, и, въ помощь Юсуфу, по ихъ требованію, былъ въ Демавендъ командированъ казакъ, какъ бы представитель центральной власти. Очевидно, споръ теперь дошелъ до такой точки, когда всякое рѣшеніе, лишь бы оно происходило отъ почетнаго стороняго человѣка, будетъ принято обѣими сторонами,—и вотъ почему всѣ обрадовались Аджи Моше. Ханъ пригласилъ всѣхъ садиться; казакъ, который, вѣроятно, зналъ уже, кто я таковъ, сбѣгалъ въ домъ и принесъ оттуда для меня низенькій столикъ „курсе", затѣмъ подалъ мнѣ руку и сказалъ „здрасти"; впро-

[1]) Т. е. всадникъ изъ персидской кавалерійской бригады, устроенной и одѣтой по образцу кавказскихъ казачьихъ войскъ и обучаемой русскими инструкторами.

чемъ, это было единственное русское слово, которое онъ зналъ. Ханъ предложилъ Аджи Моше быть судьею въ ихъ спорѣ, который ему уже въ общихъ чертахъ былъ знакомъ, и Юсуфъ поспѣшилъ изъявить на это свое согласіе. Аджи Моше заставилъ обѣ стороны изложить свои претензіи, что Юсуфъ исполнилъ съ большою горячностью, нервничая и сильно жестикулируя, а ханъ—съ тою спокойною и вѣжливою медленностью словъ и движеній, которая такъ хороша въ персахъ. Какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, Аджи Моше постановилъ рѣшеніе, которое заключало въ себѣ золотую середину и удовлетворило обоихъ. По его заключенію, ханъ долженъ былъ возвратить Юсуфу полученную отъ него сумму и, кромѣ того, уплатить ему половину разницы между теперешнею и прошлогоднею цѣною фрукт; казаку же за его „захматъ" (безпокойство) ханъ уплачиваетъ пять тумановъ. Присутствующіе одобрили это, стороны поблагодарили его, казакъ тоже былъ доволенъ,—и миръ былъ заключенъ.

Солнце уже давно закатилось, и тихая ночь спустилась надъ долиной, когда мы, въ сопровожденіи Юсуфа, достигли сада Аджи Моше.

Я разсказалъ этотъ эпизодъ, чтобы еще разъ наглядно показать всю запутанность и ненормальность отношеній въ этой странѣ. Нѣтъ здѣсь такого суда, который помогъ бы еврею возстановить его нарушенныя права, и только въ данномъ частномъ случаѣ еврею помогло его иностранное подданство и то, что миссія его страны не постѣснялась, для того, чтобы добиться справедливости, употребить пріемъ, который самъ по себѣ граничилъ съ насиліемъ.

На другое утро была назначена прогулка въ Галліаръ. Хотя посѣщеніе стариннаго кладбища демавендскихъ евреевъ, расположеннаго у Галліара, было одною изъ цѣлей моей поѣздки въ Демавендъ,—мнѣ пришлось совершить эту „экспедицію" лишь къ концу моего пребыванія тамъ. Дѣло въ томъ, что, по словамъ Аджи Моше и Д-а Писсона, никто лучше муллы Аима Абрагама не могъ служить мнѣ путеводителемъ въ этой прогулкѣ, но мулла Аимъ уѣхалъ изъ Демавенда въ воскресенье, на другой день послѣ моего визита: онъ былъ приглашенъ въ качествѣ врача къ заболѣвшему хану одной изъ дальнихъ деревень, и я сталъ дожидаться его возвращенія; но проходилъ день за днемъ, и онъ все еще оставался у хана, и я, по совѣту Аджи Моше, окончательно рѣшилъ предложить Юнѣ одинъ туманъ за то, что онъ будетъ

мнѣ сопутствовать въ Галліаръ, такъ какъ, по словамъ Аджи Моше, онъ тоже достаточно хорошо зналъ достопримѣчательности этого мѣста. Было условлено, что мы выйдемъ пѣшкомъ часовъ въ восемь, а черезъ часъ—полтора туда же отправятся Илья и Іехезкіель съ осломъ на случай, если я устану и обратный путь предпочту совершить верхомъ.

Выйдя изъ калитки, мы поднялись по переулку въ поле и направились между нивъ и вдоль заборовъ крайнихъ садовъ къ южному углу долины, держась параллельно рѣкѣ. Осень, видимо, вступала въ свои права; листья на чинарахъ начинали кое-гдѣ уже желтѣть и сохнуть; необыкновенная чистота и прозрачность воздуха, позволявшая различать мельчайшія детали ландшафта, придавала особую прелесть прогулкѣ; дышалось легко и свободно. У южнаго своего угла долина сразу переходитъ въ узкое ущелье, спадая въ нее нѣсколькими каменными террассами.

Начиная отъ входа въ ущелье, мы нерѣдко стали обгонять кочевниковъ, медленно шедшихъ небольшими партіями или отдѣльными семьями; это былъ періодъ, когда они начинаютъ свое движеніе на югъ; два—три осла или мула, на которыхъ навьючень весь скарбъ, включая и принадлежности для разбивки шатра, да нѣсколько штукъ овецъ и козъ,—вотъ все имущество семьи. Большею частью они идутъ за животными пѣшкомъ; рѣже женщины ѣдутъ верхомъ или дѣтей усаживаютъ въ переметныя сумки. Они были или тюркскаго или иранскаго происхожденія, племени луровъ. Мой спутникъ почти съ каждою встрѣчною группою обмѣнивался привѣтствіемъ на ея нарѣчіи; впрочемъ, онъ не пропускалъ почти никого изъ встрѣчныхъ, будь то кочевникъ или осѣдлый крестьянинъ, безъ того, чтобы не привѣтствовать его первымъ; и въ то время, какъ кочевники отвѣчали, можетъ быть, не столь изысканно, какъ того требуетъ персидскій этикетъ, но во всякомъ случаѣ,—какъ равному,—въ отвѣтѣ и кивкѣ мѣстныхъ жителей ясно чувствовалось извѣстное пренебреженіе къ еврею; только тогда, когда желая удовлетворить своему любопытству, они намѣревались начать разспросы о томъ, куда онъ идетъ съ „френги" и т. п.,—только тогда они отвѣчали не столь пренебрежительно

До Галліара болѣе часа ходьбы; на половинѣ дороги отвѣтвляется тропинка направо въ лощину, называемую Кузаръ; тамъ, какъ объяснилъ мнѣ Юна, расположено небольшое кладбище, тоже принадлежащее демавендской общинѣ; здѣсь хоронятъ дѣтей, а зимою, когда дороги занесены снѣгомъ, и добраться до

Галліара очень трудно, — и взрослыхъ. Ландшафтъ носитъ все тотъ же характеръ каменной горной пустыни красновато-сѣраго цвѣта, оживленной зелеными и желтыми пятнами садовъ и нивъ только тамъ, куда можетъ быть проведена вода. Дорога пролегаетъ между садовъ деревни Вильеринъ, прорѣзываемой горнымъ оврагомъ. Затѣмъ дорога проходитъ ниже деревни Шалямбэ и огибаетъ невысокій кряжъ, на вершинѣ котораго расположено бѣлое восьмиугольное имамъ-задэ Абдулла. Здѣсь горизонтъ внезапно расширяется; горы отступаютъ направо и налѣво, далекимъ кольцомъ замыкая горизонтъ, и образуя по лѣвому берегу рѣки обширное, слегка волнистое плато; далеко къ югу вьется дорога, ведущая изъ Тегерана въ Мезандеранъ черезъ Фируз-ку (Бирюзовая гора), по которой обыкновенно совершается движеніе зимою; обширный караванъ-сарай, выстроенный у дороги, далеко выдѣляется на фонѣ безплодной равнины. Сама деревня Галліаръ пріютилась на скатѣ долины по правому берегу рѣки; на противоположномъ берегу тянется вверхъ деревня Ассаръ, а еще дальше, прижимаясь къ грядкѣ холмовъ, — Эсталекъ, съ большимъ ханскимъ садомъ, выдѣляющимся своими высокими тополями.

Дорога вьется между крайними заборами деревни и невысокими пологими голыми холмами, усѣянными крупными камнями. Но вотъ деревня осталась лѣвѣе; мы проходимъ мимо имамъ-задэ Шейхъ-Саидъ, довольно незатѣйливой архитектуры, — и Юна указываетъ мнѣ на нѣсколько смежныхъ холмовъ: „Кябристанъ!“ (кладбище). Признаюсь, въ первую минуту я былъ очень разочарованъ; я столько слышалъ и говорилъ о галліарскомъ кладбищѣ; оно было одной изъ цѣлей моей поѣздки въ Демавендъ; имъ интересовались многіе изъ моихъ европейскихъ знакомыхъ въ Тегеранѣ; я ожидалъ увидѣть обширное пространство, обнесенное стѣною какія-нибудь зданія, относящіяся къ давнопрошедшимъ временамъ, величественные надгробные памятники, говорящіе о сѣдой древности... Ничего подобнаго! Нѣсколько невысокихъ пологихъ холмовъ, примыкающихъ къ болѣе высокому кряжу; на первый взглядъ холмы эти ничѣмъ даже не отличаются отъ ихъ усѣянныхъ камнями сосѣдей; лишь всмотрѣвшись внимательнѣе, замѣчаешь, что камни лежатъ продолговатыми кучками, расположенными длинными, хотя и не совсѣмъ правильными рядами, а кое-гдѣ видны и отдѣльные надгробные камни побольше. Первый, ближайшій къ долинѣ холмъ, отдѣленный отъ другихъ небольшою лощиною, — вѣрнѣе, неглубокимъ

оврагомъ, — занятъ мусульманскимъ кладбищемъ; отъ самой дороги идутъ вверхъ безъ всякаго порядка кучи камней, набросанныхъ надъ могилами; между ними я замѣтилъ на склонѣ только два памятника въ видѣ продолговатыхъ камней зеленоватаго цвѣта, формы параллелопипеда съ квадратнымъ сѣченіемъ. Надпись почти вся стерлась, и я не могъ разобрать даты („тарихъ") магометанскаго лѣтосчисленія, которая дала бы возможность опредѣлить древность этого кладбища; можетъ быть, выше сохранилось еще нѣсколько камней въ лучшемъ видѣ, но я спѣшилъ осмотрѣть еврейское кладбище и не сталъ карабкаться вверхъ. Даже этого бѣглаго обзора было достаточно, чтобы замѣтить, что нѣкоторыя могилы, какъ и въ Демавендѣ, подверглись разрытію. Въ лощинѣ, отдѣляющей холмъ мусульманскаго кладбища отъ холмовъ еврейскаго, лежитъ камень описанной выше формы; дождевые потоки намыли вокругъ него уже достаточно глины; лежитъ онъ, очевидно, надписью внизъ. Юна увѣрялъ, что камень этотъ лежалъ надъ могилою нѣкоего Іосифа Касаба (мясника); его, очевидно, сняли съ мѣста, чтобы увезти, но почему-то бросили, и камень теперь вростаетъ въ землю въ лощинѣ, а могила, которой онъ цѣлые вѣка завалъ имя, сравнялась съ землею. Вообще Юна увѣрялъ, что многіе старинные камни были похищены окрестными крестьянами со своихъ мѣстъ для построекъ, для мельницъ и т. д. И этой участи подверглись не только еврейскіе, но — что еще удивительнѣе — и магометанскія старинныя надмогильныя плиты; потомъ, проходя деревню я видѣлъ куски камней съ высѣченными мусульманскими письменами, вдѣланные въ углы заборовъ. Еврейскіе мертвецы занимаютъ три холма и прилегающія долинки; одинъ изъ холмовъ отведенъ для ааронидовъ (когеновъ), другой — для левитовъ, а третій — для „израильтянъ". Вся поверхность холмовъ усѣяна продолговатыми кучками камней, набросанныхъ надъ могилами. Долгіе годы, пыль, нанесенная вѣтрами въ щели между камнями, дожди и снѣга, — все это спаяло, какъ цементомъ, большинство этихъ надмогильныхъ холмиковъ, и они стоятъ крѣпко, странно отливая на солнцѣ бѣлыми и красноватыми оттѣнками булыжниковъ, поросшихъ бурыми пятнами лишайниковъ, — признакъ того, что они лежатъ въ такомъ положеніи уже многіе десятки, даже сотни лѣтъ. Изъ старыхъ могилъ лишь немногія сохранили надмогильныя плиты, — гдѣ онѣ имѣлись; эти камни всѣ зеленоватаго цвѣта, — вѣроятно, матеріалъ привозился издалека, такъ какъ въ окрестностяхъ такой породы не встрѣчается, — описанной формы и покрываютъ

всю могилу; поверхность большею частью выв'ѣтрилась; съ большимъ трудомъ, съ помощью Юны столько же при помощи зр'ѣнія, сколько и осязанія, удавалось разбирать надписи. Самыя старыя изъ нихъ относятся не далѣе, чѣмъ къ началу XVI столѣтія христіанской эры; даты на нихъ проставлены не отъ сотворенія міра, а отъ „эры контрактовъ" — לשטרות. Я добросов'ѣстно обѣгалъ всѣ холмы и изслѣдовалъ всѣ старые, немногочисленные, впрочемъ, камни. Самымъ старымъ оказался памятникъ нѣкоего Іосифа бенъ Исаака Саади, умершаго въ году אתתכא לשטרות (1811 эры контрактовъ); считая эту послѣднюю 321 до Р. Х., получимъ 1500 годъ христіанской эры; почти и всѣ остальные камни относятся къ этому столѣтію, напримѣръ, камни Хананіи б. Моше, Якова б. Шломе года 1875, Моше б. Абрагама года 1902 לשטרות.

Старыхъ могилъ очень немного, что объясняется тѣмъ, что камни съ нихъ похищены, и, лишенныя этого покрова, могилы сравнялись съ землею, и при восточномъ обычаѣ копать яму для могилы неглубоко, быть можетъ надъ первоначальнымъ обитателемъ могилы уже положены кости его потомка. Масса могилъ представляетъ собою лишь кучки камней безъ надгробныхъ плитъ, безъ малѣйшей надписи; ихъ сотни, если не тысячи, и страшную грусть навѣваетъ на душу видъ этихъ сотенъ безымянныхъ могилъ, мысль объ этихъ анонимныхъ мертвецахъ, вѣками укладывавшихся здѣсь рядомъ другъ съ другомъ, не оставляя слѣда, словно и не жили они никогда. Очень на немногихъ могилахъ, принадлежащихъ уже къ новѣйшему времени, имѣются надгробные памятники примитивной формы; это большею частью небольшіе камни, передняя поверхность которыхъ съ высѣченною на ней надписью грубо отесана, а бока и задняя поверхность сохранили свою природную форму; камни эти не лежатъ надъ могилою, а поставлены въ головахъ. Самыя старыя изъ этихъ могилъ относятся ко времени 60 — 70 лѣтъ тому назадъ. Всѣ эти памятники датированы уже, какъ и у европейскихъ евреевъ, отъ сотворенія міра, а даты отъ эры контрактовъ исчезаютъ. Счетъ отъ эры контрактовъ вообще вышелъ уже изъ употребленія въ Персіи, что, по моему предположенію, находилось въ связи и въ зависимости съ введеніемъ въ обиходъ персидскихъ евреевъ Шулханъ-Аруха. Но куда дѣвались, почему исчезли безъ остатка камни промежуточной эпохи почти въ 300 лѣтъ? Похищены ли они? Или, быть можетъ, евреи въ теченіе извѣстнаго времени не жили тогда въ Галліарѣ, или, при

общемъ упадкѣ культуры въ Персіи, при неспокойной жизни и безпорядкахъ XVII и XVIII вѣковъ, евреи совершенно утратили обычай ставить надгробные камни?—Не знаю: Юна и другіе, къ кому я обращался съ вопросами объ этомъ, не могли мнѣ дать отвѣта. Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ моемъ первомъ очеркѣ, ставить надмогильный памятникъ—не считается обязательнымъ обычаемъ у персидскихъ евреевъ, и сравнительно здѣсь больше могилъ снабжено надписями, чѣмъ въ Тегеранѣ. Камни эти исполняются въ Демавендѣ тремя или четырьмя евреями-самоучками, къ числу которыхъ относится и Юна; матеріаломъ служитъ первый найденный въ полѣ плоскій камень соотвѣтственныхъ размѣровъ и приблизительно четырехугольной формы, причемъ, конечно, мягкій камень предпочитается твердому, и лишь сухости климата надо приписать то, что эти камни не вывѣтриваются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вотъ образцы надписей на камняхъ современной эпохи:

טאריך פאה חכ' הדיין מרא אליהו בן
הבן מ' ארזוני (мулла Арзуни) ה'תרטז

или:

יום שנפטר למיה שולמו חבחור הצדק (sic)

и т. д.

или—женская могила:

האשה הבחורה מרת מנובר בת מ' אנאבאבי

(Сеноберъ, дочь мулла Агабаби).

Юна указалъ мнѣ рядъ послѣднихъ могилъ, въ томъ числѣ на четыре рядомъ лежащія могилы безъ надписей и замѣтилъ, что въ одной изъ нихъ покоится прахъ „Меира Ашкенази", — русскаго еврея А., о которомъ я упоминалъ въ моемъ первомъ очеркѣ; онъ не могъ указать мнѣ точно его могилы, что могъ бы сдѣлать мулла Аимъ Абрагамъ. Мнѣ сдѣлалось грустно при этомъ зрѣлищѣ: человѣкъ, оставившій по себѣ такую хорошую память въ Тегеранѣ, какъ человѣкъ и еврей, похороненъ здѣсь, вдали отъ родины и близкихъ, и случайно забредшій въ мѣсто его вѣчнаго успокоенія единовѣрецъ и соотечественникъ не можетъ найти его могилы... Въ этомъ же ряду находится могила, украшенная четырехугольнымъ камнемъ хорошей работы, привезеннымъ изъ Тегерана и аккуратно вдѣланнымъ въ могилу; подъ нимъ похороненъ братъ миссіонера мирзы-Норолла (см. „Тегеранскіе евреи"); имя его, къ сожалѣнію, не сохранилось въ моей

записной книжкѣ; сохранилась только отмѣтка о томъ, что отецъ его былъ „врачъ Моше"; на камнѣ, кромѣ еврейской, имѣется надпись и латинскими буквами, и день смерти означенъ еще и по европейскому лѣтосчисленію:—21. V. 1899.

Съ вершины холма, гдѣ расположены эти могилы, Юна указалъ мнѣ на входъ въ небольшую пещеру подъ каменистымъ кряжемъ, замыкающимъ горизонтъ. По повѣрью, это начало того подземнаго хода, который ведетъ отсюда прямо въ Іерусалимъ. Въ первомъ моемъ очеркѣ я говорилъ уже объ этомъ повѣрьи, которое заставляетъ многихъ евреевъ изъ окрестностей стремиться къ тому, чтобы быть похороненнымъ здѣсь; я говорилъ также о томъ, что спеціально въ Тегеранѣ повѣрье это укрѣпилось благодаря тому, что старое еврейское кладбище при расширеніи города было уничтожено. Здѣсь костямъ почившихъ не грозитъ такой опасности: Галліаръ, вѣроятно, долго еще останется тою же захолустною деревушкою, а принадлежащее демавендской общинѣ „поле" очень обширно. Съ вершины холма Юна указалъ мнѣ на валявшіеся въ лощинѣ обломки досокъ и обрывки холста: въ нихъ были перевезены трупы евреевъ изъ Тегерана; мусульмане, зная, что эти вещи осквернены трупомъ иновѣрца (да и вообще трупъ — предметъ нечистый), не трогаютъ ихъ, и онѣ догниваютъ здѣсь. Собственно за мѣсто община не взимаетъ никакой платы: плата могильщикамъ, приглашеннымъ изъ Демавенда, да пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ,—вотъ расходы собственно въ Демавендѣ даже для тѣхъ покойниковъ, которые привезены изъ другого мѣста. Покойники изъ Тегерана не провозятся черезъ Демавендъ, такъ какъ изъ ущелья, еще до спуска въ треугольную долину, отвѣтляется дорога, ведущая черезъ гору, прямо въ Галліаръ.

По мѣрѣ того, какъ я обходилъ это мѣсто вѣчнаго успокоенія, мое первое впечатлѣніе проходило. Я сидѣлъ на могильной насыпи на вершинѣ холма израильтянъ. Утро было прекрасно, солнце грѣло ласково; подъ ногами уходилъ къ рѣчкѣ Галліаръ и изъ-заборовъ его садовъ кое-гдѣ тоненькими голубыми спиралями вился дымокъ; вдали вползалъ вверхъ по другому берегу Асоръ; вправо сѣровато-красное безжизненное плато прорѣзывалось болѣе свѣтлою извилистою лентою дороги; красноватыя стѣны караванъ-сарая блестѣли на солнцѣ. Мертвая тишина не прерывалась ничѣмъ, а Іона, съ поникшей головой стоявшій на склонѣ холма, опершись на палку, казался живымъ олицетвореніемъ вѣкового еврейскаго горя... И это убогое, но обширное кладбище,

безъ ограды, съ малочисленными надгробными камнями, мало-по малу пріобрѣтало другой видъ въ моихъ глазахъ. Эти десятки поколѣній, нашедшихъ здѣсь свое послѣднее убѣжище, эти сотни, можетъ быть, тысячи покоящихся здѣсь братьевъ и сестеръ, — какую массу страданія испытали они, сколько слезъ пролили они, — нечеловѣческаго, спеціально-еврейскаго страданія, спеціально еврейскихъ слезъ!. Сколько изъ нихъ пролили свою кровь, отдали свою жизнь „за святость Имени"! Кто знаетъ, сколько героевъ духа похоронено подъ безыменными насыпями, какія страшныя повѣсти разсказали бы намъ эти кости, если бы онѣ возстали отъ вѣчнаго сна?.. И, какъ вѣнецъ всего этого, — эта легенда, основной смыслъ которой тотъ, что даже для покойника это—земля изгнанія, и что даже мертвыя кости должны стремиться туда, на западъ, за Іорданъ, въ землю предковъ... И я не жалѣю теперь о томъ, что я ѣздилъ смотрѣть это старое кладбище Можетъ быть, я не въ состояніи передать моихъ ощущеній; мой языкъ бѣденъ, мое перо блѣдно, мои краски недостаточно блестящи... но воспоминанія о тѣхъ минутахъ, когда я сидѣлъ на вершинѣ холма израильтянъ вѣкового галліарскаго кладбища, воспоминаніе о волновавшихъ меня тогда чувствахъ — для меня дорого и священно...

Однако, пора было двинуться и въ обратный путь. По лощинѣ, мимо камня Іосифа Касаба, мы прошли въ деревню. Здѣсь Юна показалъ мнѣ довольно большой садъ, принадлежащій теперь демавендской общинѣ, какъ наслѣдство, доставшееся ей отъ галліарской общины. Садъ этотъ общиною сдается въ аренду; онъ да кладбище представляютъ собою все имущество демавендской общины; основанное на обычаѣ и давности право владѣнія было закрѣплено за нею фирманомъ Насръ-Эддинъ шаха, въ исходатайствованіи котораго принималъ дѣятельное участіе тегеранскій мулла Абрагамъ. Этотъ государь, какъ говорятъ, вообще интересовался кладбищемъ, и мулла Аимъ Абрагамъ для него приготовилъ списокъ и переводъ наиболѣе старыхъ надмогильныхъ надписей. Земля, принадлежащая кладбищу, по словамъ Юны, тянется еще далеко по кряжу вверхъ отъ холмовъ, уже занятыхъ могилами. Къ саду, принадлежащему общинѣ, примыкаетъ небольшая площадка, заваленная всякой дрянью и мусоромъ, кучами золы, черепками посуды, костяками дохлыхъословъ и т. п.; въ одномъ углу возвышается небольшой холмикъ глины какіе встрѣчаются въ Персіи нерѣдко и образуются на мѣстѣ глинобитной постройки, которую бросилъ и пересталъ поддерживать человѣкъ,

предоставивъ ее на произволъ времени, дождя и вѣтровъ. Эта площадка—тоже имущество демавендской общины, не приносящее, однако, никакого дохода; это — бывшій синагогальный дворъ, а холмикъ—остатки синагоги галліарской общины.

Это зрѣлище менѣе всего было способно разсѣять тихую грусть, навѣянную на меня посѣщеніемъ кладбища. Рѣдкіе прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на европейца, забредшаго въ ихъ деревню, лежащую въ сторонѣ отъ большой дороги; кое-кто окликалъ Юну. Подошелъ пожилой человѣкъ, оказавшійся ханомъ деревни; кто-то сообщилъ ему о появленіи въ „ввѣренной" ему деревнѣ „френги". Мы взаимно освѣдомились о здоровьи; онъ разспросилъ,—просто изъ провинціальнаго любопытства и по общей всѣмъ персамъ привычкѣ, нестѣсняемой никакими правилами хорошаго тона,—кто я, откуда и зачѣмъ пріѣхалъ и т. д.,—и мы разстались.

Мы двинулись въ обратный путь, не дождавшись нашей молодежи и рѣшивъ, что вѣроятно, она раздумала идти въ Галліаръ. Идти обратно было далеко, не такъ легко и пріятно: поднявшееся солнце грѣло сильнѣе, чѣмъ утромъ, мы устали, и дорожная пыль набивалась въ носъ и ротъ, вызывая жажду. Встрѣчные кочевники плелись въ безмолвіи за своими животными, и даже Юна, не пропускавшій утромъ почти никого безъ того, чтобы не обратиться къ нему съ тихимъ привѣтствіемъ или вопросомъ, теперь безмолвно пропускалъ многихъ,—и безмолвіемъ вѣяло отъ всего окружающаго. Мы уже прошли Вильеринъ и вступили въ узкую горловину надъ обрывомъ рѣки, гдѣ начинался подъемъ въ долину Демавенда, какъ вдругъ за поворотомъ изъ-за скалы показались Илья, Іехезкіель и Анука; одинъ изъ нихъ возсѣдалъ на черномъ лохматомъ осликѣ; до дому оставалось не болѣе четверти часа, а время приближалось уже къ полудню. Молодежь была страшно раздосадована и разочарована, но пенять было не на кого: надо было выйти во-время, а не черезъ три часа послѣ насъ, и мы—гурьбою направились въ Демавендъ; отъ чести въѣхать въ городокъ на ослѣ я отказался, а вмѣсто того погналъ на немъ Илью поскорѣе ставить самоваръ.

Въ саду Аджи Моше насъ ожидалъ сынъ Юны, мальчикъ лѣтъ 15, принесшій заказанную мною ему работу,—копію еврейской хронологіи съ находившагося у него оригинала, вѣроятно, извлеченнаго изъ какого-нибудь молитвенника или библіи; само произведеніе это не представляло изъ себя ничего замѣчательнаго, но мнѣ просто хотѣлось дать ему заработать, а онъ къ

тому же оказался хорошимъ переписчикомъ. Это былъ чрезвычайно симпатичный юноша, съ мечтательнымъ взоромъ, хорошо знавшій еврейскій языкъ. Онъ уже пробовалъ заняться самостоятельно торговлей, чтобы быть въ помощь отцу, хотя онъ мечталъ объ ученіи, о наукѣ, о знаніи... Бѣдный юноша! Врядъ ли суждено твоимъ мечтамъ осуществиться...

Наступилъ конецъ нашего пребыванія въ Демавендѣ. Оселъ Аджи Моше, успѣвшій тѣмъ временемъ отвезти Ага Давуда въ въ Тегеранъ и вернуться съ оказіей, былъ готовъ вновь совершить тотъ же путь. Для меня нанято животное, о которомъ его владѣлецъ былъ того мнѣнія, что—это лошадь; я не хочу здѣсь начать съ нимъ спорить, да до него, конечно, эти строки и не дойдутъ никогда; но смирный и меланхолическій нравъ этого животнаго, скромность его движеній, медленность походки и многія другія похвальныя качества, обнаруженныя во время пути, заставляли предполагать, что за время долгой его службы человѣку съ нимъ произошла какая-то метаморфоза, уничтожившая въ немъ присущія коню свойства, за исключеніемъ развѣ наружнаго вида; словомъ, это оказалась полная противоположность ослику Аджи Моше; но лучшаго наемнаго коня въ Демавендѣ не нашлось. Кромѣ того, былъ нанятъ оселъ для Ильи; Іехезкіель и чарводаръ должны были сопровождать насъ пѣшкомъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ Іехезкіель сопровождалъ насъ изъ Тегерана. Въ качествѣ случайнаго попутчика, къ намъ присоединился какой-то болѣзненный молодой еврей, пробиравшійся изъ Мазандерана и нанявшій осла у того же чарводара.

Цѣлый день Аджи Моше провелъ въ хлопотахъ. Съ утра онъ съ молодежью занялись упаковкою нашей поклажи, совершенно устранивъ отъ этого меня. Укладка вещей въ хурджины (переметныя сумки) требуетъ, дѣйствительно, особеннаго умѣнья; не говоря уже о томъ, что вѣсъ поклажи должно соразмѣрять съ силою животнаго,—но въ каждую сумку нужно уложить столько, чтобы вѣсъ ея былъ равенъ вѣсу противоположной сумки; когда укладка обѣихъ сумокъ подходитъ къ концу, каждую минуту ихъ приподымаютъ за соединяющее ихъ ковровое полотнище, чтобы опытною рукою опредѣлить, достаточно ли равно онѣ нагружены, и не разъ, при этомъ, мелочи перекладываются изъ одной сумки въ противоположную, пока наконецъ, не будетъ достигнуто равновѣсіе; кромѣ этого, приходится принимать въ соображеніе и то,

какія вещи могутъ понадобиться въ дорогѣ, и уложить ихъ такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было удобно вынимать, не нарушая равновѣсія вьюка; какъ читатель видитъ, все это штука вовсе не такая простая и требующая извѣстной и, можетъ быть, не малой опытности и сноровки.

Цѣлый день то Аджи Моше убѣгалъ, чтобы окончить или устроить какое-нибудь дѣло, то къ нему являлся кто-нибудь съ порученіемъ въ Тегеранъ: какой-нибудь торговецъ приносилъ письмо и деньги для своего коммиссіонера, какая-нибудь женщина просила передать нѣсколько кранъ родственнику или родственницѣ, и только когда хурджины уже были окончательно упакованы, Аджи Моше отказался отъ дальнѣйшихъ порученій. Мнѣ тоже пришлось взять на себя передачу письма и небольшой посылки брату преподобнаго Дамбуроджана. Болѣе всего поразило меня то, что, очевидно, Аджи Моше очень полагался на свою память: деньги, даже крупныя [1]), сдавались всегда отдѣльно отъ письма или посылки, и онъ принималъ ихъ, не записывая, а только завязывая каждую отдѣльную сумму въ отдѣльный узелокъ.

Послѣдніе часы пребыванія въ Демавендѣ протекали тоскливомонотонно. Увязанныя хурджины и сложенные войлоки и одѣяла лежали на верандѣ въ ожиданіи прихода чарводара съ его животными. Аджи Моше и Ага Ниссонъ ушли по дѣламъ, Іехезкіель былъ еще у себя, мой Илья ушелъ за хлѣбомъ „ширмалъ“, который онъ заказалъ для насъ,—и въ саду оставались только я да больной молодой человѣкъ, нашъ будущій попутчикъ; онъ сидѣлъ на корточкахъ на землѣ, прислонясь къ стѣнкѣ, съ тою

---

[1]) Бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ государствомъ, въ Персіи нѣтъ, за то ходятъ билеты, выпущенные англійскимъ банкомъ (The Imperial Bank of Persia). Персидское правительство отчасти заинтересовано въ томъ, чтобы, по возможности, ограничить распространеніе этихъ билетовъ, что вызвало бы сокращеніе спроса на серебряную монету,—такъ какъ, во-первыхъ, правительство получаетъ извѣстный доходъ отъ ея чеканки, а во-вторыхъ, это уменьшило бы почтовый доходъ отъ пересылки денегъ въ серебрѣ; поэтому выпускъ этихъ билетовъ ограниченъ и поставленъ подъ контроль чиновниковъ, безъ штемпеля которыхъ они не имѣютъ права быть выпущенными; кромѣ того, каждое отдѣленіе этого банка имѣетъ право выпускать билеты только для даннаго города, что и означено на самой бумажкѣ; размѣнъ иногородныхъ бумажекъ запрещенъ, такъ что тегеранскую бумажку въ Рештѣ, напримѣръ, у васъ уже не примутъ; понятно, поэтому, что почти вся Персія, несмотря на все неудобство этого способа, обслуживается исключительно монетою въ серебрѣ, которою и нужно запасаться, выѣзжая изъ города, гдѣ имѣется банкъ.

печатью вѣчной думы и фаталистической покорности судьбѣ, которая такъ трогательна въ жителяхъ Востока, даже тогда, когда знаешь, что въ дѣйствительности подъ этимъ видомъ не скрывается никакой думы.

Поужинали мы съ заходомъ солнца у Ага Ниссона, который не хотѣлъ отпустить насъ безъ этого, а затѣмъ вновь отправились на нашъ сборный пунктъ—веранду сада, гдѣ при трепетномъ свѣтѣ огарка стали дожидаться прибытія чарводара, который обѣщалъ явиться черезъ часъ по заходѣ солнца, т. е. часовъ въ семь, но мы всѣ понимали, что этого въ серьезъ считать нельзя, и явились изъ дома Ага Ниссона только къ восьми. Провожать собралось довольно много народу. Кромѣ Ага Ниссона и его домочадцевъ, еще много мужчинъ и женщинъ: сестра Іехезкіеля, какая-то родственница Ильи, всѣ нищіе мужчины и женщины, которыхъ мнѣ случалось одѣлять милостыней, полицейскій, о которомъ я уже упоминалъ, садовникъ, изъ ближайшихъ сосѣдей, съ которымъ Аджи Моше договорился нѣсколько дней тому назадъ, и его сынъ, на ближайшемъ попеченіи котораго оставался садъ, и т. д. Наконецъ, къ часамъ уже къ девяти, прибылъ и чарводаръ; животныхъ навьючили, что потребовало не мало времени, осмотрѣли еще разъ домикъ, не осталось ли чего, заперли садъ и вручили ключъ садовнику. Раздались восклицанія провожавшихъ; чарводаръ возгласилъ „bismillah“ (во имя Божіе), и мы стали подыматься вверхъ по переулку; нѣкоторое время провожалъ насъ еще Ага Ниссонъ; но, наконецъ, мы расцѣловались съ нимъ, онъ остался неподвиженъ, а мы сѣли верхомъ; животныя и пѣшеходы прибавили шагу.

Я сохранилъ лучшія воспоминанія объ Ага Ниссонѣ, этомъ ровномъ, вѣжливомъ человѣкѣ, державшимся съ рѣдкимъ въ персѣ, а тѣмъ болѣе въ персидскомъ евреѣ, чувствомъ собственнаго достоинства, гостепріимномъ безъ назойливости и персидской фальши.

Было начало третьей четверти, и ночь обѣщала быть ясной и лунной, но въ долинѣ мѣсяцъ еще не взошелъ изъ-за высокой горы, замыкающей ее съ востока, и было темно. Свѣжія животныя шли бодрымъ шагомъ, подымая насъ въ гору, стуча копытами по камнямъ, пофыркивая и потряхивая головами; свѣжій вечеръ поддерживалъ и въ насъ бодрое настроеніе духа, и мы весело перекликались другъ съ другомъ и съ чарводаромъ и Іехезкіелемъ, шедшими пѣшкомъ рядомъ съ нами. Кругомъ царила тишина, и было что-то особенное, сказочное, призрачное въ этомъ ве-

черѣ, въ безжизненномъ ландшафтѣ кругомъ, въ живыхъ существахъ, окружавшихъ меня; словно мое внутреннее „я“, тотъ мыслящій субъектъ, который все это чувствовалъ и замѣчалъ, не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ „френги“, который верхомъ на клячѣ подымается по каменистой дорогѣ, окруженный тѣсною группой своихъ спутниковъ. И окружающій насъ пейзажъ,—городокъ, оставшійся позади и не дающій о себѣ знать ни звукомъ, ни огонькомъ; горы, какъ бы сдвигающіяся и грозящія задавить насъ собою, и лишь слегка понижающіяся въ томъ мѣстѣ горизонта, куда мы направляемся; небо, своимъ болѣе свѣтлымъ тономъ отдѣляющееся отъ черныхъ зубцовъ горъ,—все это словно не настоящее, существующее, реальное, а снится въ какомъ-то волшебномъ снѣ...

Но это не былъ сонъ; объ этомъ говорило и неудобное сѣдло, и спотыкающійся шагъ лошади, и многое другое. Навстрѣчу намъ несся вѣтерокъ, который, по мѣрѣ того, какъ мы подымались выше, все болѣе и болѣе крѣпчалъ и свѣжѣлъ и заставлялъ насъ ежиться и кутаться въ плащи. Мы какъ-то примолкли, и въ тишинѣ только гулко раздавался стукъ копытъ по каменистой дорогѣ; становилось жутко,—и вдругъ Аджи Моше обращается ко мнѣ съ просьбою выстрѣлить изъ револьвера; не знаю, чего это ему вздумалось: изъ шалости или чтобы попугать врага, о которомъ я, собственно говоря, до сихъ поръ не знаю, кто онъ былъ, но пришлось исполнить просьбу; я выстрѣлилъ въ сторону, и громкое эхо отозвалось на это долгими раскатами. Аджи Моше говорилъ, что въ этомъ мѣстѣ долины—отъ перевала—всегда по вечерамъ дуетъ вѣтеръ; объясняется это, по моему мнѣнію, тѣмъ, что голыя каменныя вершины остываютъ послѣ захода солнца скорѣе, чѣмъ болѣе влажная и покрытая растительностью долина.

Наконецъ, при все болѣе и болѣе усиливавшемся вѣтрѣ, мы достигли перевала,—того мѣста, гдѣ въ 1892 году, во время холеры, была застава для ѣхавшихъ въ Демавендъ евреевъ. Горы здѣсь подходятъ къ самой дорогѣ, и онѣ здѣсь представляютъ собою тѣснину. Спускъ начинается рѣзко и сейчасъ же послѣ того, какъ достигаешь перевала, вѣтеръ стихаетъ такъ же рѣзко, какъ начинается спускъ. Взошедшій между тѣмъ мѣсяцъ освѣтилъ окрестныя горы и узкое извилистое каменистое ущелье, по которому мы должны были идти до соединенія его, недалеко отъ Гелаэка, съ большою мазандеранскою дорогою. Ущелье это теперь, при лунномъ свѣтѣ, не казалось такимъ безнадежно-голымъ и безплоднымъ, какъ тогда, когда мы проѣзжали его днемъ, и ка-

кимъ оно было въ дѣйствительности; и подъ волшебными лучами ночного свѣтила голые склоны и каменныя глыбы не выглядѣли безотрадными, безжизненными массами. Ночь въ горахъ была свѣжая, даже холодная; я приложился къ фляжкѣ съ ромомъ, одѣлъ плащъ въ рукава и, вѣроятно, впалъ въ полудремоту. Очарованіе лунной ночи, непривычная обстановка,—все это не могло не произвести впечатлѣнія, не отразиться на душевномъ моемъ состояніи. И въ полузабытьи проносились предо мною прожитыя въ Демавендѣ двѣ недѣли,—эта жизнь, переносившая меня за 200—300 лѣтъ назадъ; жители долины, такіе наивные и жестокіе въ своей первобытности и отсталости; мои несчастные братья съ ихъ недостатками и предразсудками, но съ непогашенною въ нихъ искрою Божіею... И мнѣ казалось, что я былъ не въ Галліарѣ, а въ Гиллеадѣ, и что стоило мнѣ только взобраться тамъ на гору повыше, чтобы увидѣть вдали зеленую долину Іордана.

Было около полуночи, когда мы вышли изъ ущелья на большую мазандеранскую дорогу; моя дремота прошла, и я вновь ѣхалъ бодрый и свѣжій. Эти 4—5 часовъ ночного пути были самою интересною частью обратнаго путешествія. Дорога здѣсь идетъ по высокому горному плато, лишь кое-гдѣ прорѣзанному глубокими оврагами, по дну которыхъ быстро и шумно бѣгутъ горныя рѣчки. Дорога пролегаетъ по обширнымъ круглымъ котловинамъ съ совершенно плоскою поверхностью, окруженнымъ каменными холмами,—представляющимъ, очевидно, собою дно бывшихъ здѣсь когда-то горныхъ озеръ, а можетъ быть, и дно моря; при лунномъ освѣщеніи эти круглые амфитеатры, окруженные не очень крутыми холмами, производили чарующее впечатлѣніе. Почти отъ самаго Гелаэка взорамъ нашимъ вновь открылся снѣжный конусъ горы Демавендъ. Перо мое безсильно описать это волшебное зрѣлище; подъ лучами мѣсяца, въ чистомъ воздухѣ Иранскаго плоскогорія, гора казалась драгоцѣннымъ сапфиромъ, и снѣжный конусъ ея отливалъ всевозможными голубыми, синими и бѣлыми бликами, оттѣнками и переливами; безсонная ночь, ѣзда верхомъ на клячѣ, всѣ безпокойства и неудобства этого пути были очень дешевою цѣною въ сравненіи съ этимъ зрѣлищемъ...

М. Абезгузъ.

Научныя бесѣды.

I.

„Земля, текущая млекомъ и медомъ".

Этотъ странный библейскій образъ, повторяющійся въ Писаніи около 20 рязъ, составляетъ предметъ любопытнаго спора между палестиновѣдами на страницахъ послѣднихъ „Mitteilungen und Nachrichten d-s Deutschen Palästina-Vereins" (1905 № 2 и 5).

Для палестинца, по мнѣнію проф. Далмана, выраженіе זבת חלב ורבש тѣмъ болѣе странно, что Палестина именно нуждается въ кормѣ для скота и цвѣтеніяхъ для пчелъ. По европейскимъ понятіямъ, Палестина не только не богата молокомъ и медомъ, но крайне бѣдна. Въ теченіе пяти сухихъ мѣсяцевъ, вся зелень, не поддерживаемая орошеніемъ, засыхаетъ. Зеленыхъ луговъ не видать и весною. Пчеловоды, какъ кочевники-бедуины, ходятъ со своими пчелами въ разныя стороны, ища для нихъ корма. Тѣмъ не менѣе, въ виду небольшого спроса на медъ, цѣна ему невысокая (на русскія деньги 15—20 коп. фунтъ). Такъ какъ Палестина скорѣе страна виноградарства, чѣмъ пчеловодства, то нѣкоторые видѣли въ медѣ (*девашъ*, רבש) виноградный медъ, особый сиропъ, понынѣ приготовляемый въ Палестинѣ изъ виноградного сока и извѣстный подъ арабскимъ именемъ *дибсъ*. Но ничѣмъ нельзя доказать, что въ древней Палестинѣ умѣли изготовлять дибсъ. А если даже допустить подобное толкованіе слова רבש, то все-таки останется необъясненной первая часть реченія,—о молокѣ.

Молоко въ Палестинѣ крайне дорого: весною за коровье или козье молоко платятъ на русск. деньги 28 коп. за литръ, а осенью 56 коп., и это покупается не у перепродавцовъ, а у самихъ производителей. Тутъ нельзя думать, что въ древности условія были другія, потому что рѣчь идетъ о климатѣ страны, а не о

способѣ обработки почвы: разъ въ году имѣется пять сухихъ мѣсяцевъ подъ рядъ, то растительность будетъ всегда бѣдна.

Можно было бы предположить, что Палестина являлась „страной, текущей молокомъ и медомъ“ въ глазахъ обитателя пустыни, на языкѣ кочевниковъ, попавшихъ въ населенный край, который поневолѣ кажется имъ цвѣтущимъ, но и такое объясненіе слабо, такъ какъ разбираемый образъ былъ въ ходу именно въ Палестинѣ, послѣ того какъ евреи давно уже тамъ осѣли.

Объясненіе нашелъ проф. Далманъ у одного простого, нигдѣ не учившагося арабскаго крестьянина. Далманъ спросилъ его, какъ онъ объясняетъ себѣ это выраженіе (арабъ былъ христіанинъ и самоучкой научился читать Библію). Арабъ отвѣтилъ: по моему, оно означаетъ, что всѣ произведенія земли—хлѣбъ и фрукты—такъ сладки и вкусны, какъ молоко и медъ. Это объясненіе Далманъ подкрѣпляетъ указаніемъ, что, какъ видно изъ разныхъ библейскихъ мѣстъ, древній еврей любилъ молоко, въ особенности кислое, и сильныя сладости, среди которыхъ до эпохи сахара главная роль принадлежала меду. Выраженіе „текущая молокомъ и медомъ“ должно поэтому означать: хлѣбъ и масло Палестины не таковы, какъ въ другихъ странахъ, но какъ молоко и медъ, или, какъ сказали бы греки, какъ амврозія и нектаръ.

Съ такимъ толкованіемъ совершенно не согласенъ Oberlehrer I. Bauer въ Іерусалимѣ. Онъ указываетъ, что съ молокомъ въ Палестинѣ обстоитъ вовсе не такъ плохо, какъ рисуетъ проф. Далманъ, недавно только поселившійся въ Палестинѣ въ качествѣ директора археологическаго института. Палестина была и доселѣ осталась страной молочной. Бауэръ досталъ оффиціальную статистику козъ и овецъ Іерусалимскаго округа, и таковыхъ оказалось — 90.000 головъ. Слѣдуетъ еще помнить, что крестьяне, для уменьшенія налоговъ, скорѣе показываютъ меньше, чѣмъ больше, и что въ послѣдніе годы свирѣпствовали эпизоотіи. Такъ какъ Іерусалимскій округъ занимаетъ 2000 кв. километровъ, то на 1 кв. километръ приходится 50 головъ мелкаго скота, тогда какъ въ Германіи, по статистическимъ даннымъ, на 1 кв. километръ приходится только 18 овецъ и 6 козъ. Кромѣ того, Іерусалимскій округъ вовсе не самый богатый по количеству скота; равнина и заіорданье гораздо богаче. Крупный скотъ играетъ въ Палестинѣ незначительную роль; онъ служитъ, главнымъ образомъ, для земледѣльческихъ работъ, и его отношеніе къ мелкому скоту можно съ нѣкоторой вѣроятностью опредѣлить по слѣдующимъ цифрамъ: въ Іерусалимѣ ежедневно

убивается 150 — 300 головъ мелкаго скота и 20—40 головъ крупнаго. Для молочнаго хозяйства крупный скотъ не имѣетъ большого значенія, такъ какъ у многихъ крестьянъ телки оставляются у своихъ матерей въ теченіе 8 мѣсяцевъ, а весною и лѣтомъ животныя исполняютъ тяжелыя земледѣльческія работы. Тѣмъ не менѣе, молочнаго скота—не считая верблюдовъ, молоко которыхъ потребляется въ большихъ количествахъ бедуинами, иословъ, молоко которыхъ считается здоровымъ (верблюжье и ослиное молоко въ талмудическое время, вѣроятно, не употреблялось), — молочнаго скота теперь вполнѣ достаточно, а въ древнее время его было еще больше.

Неоднократно читаемъ въ Библіи, что Израиль имѣлъ много скота. Если даже допустить извѣстную гиперболичность въ библейскихъ цифрахъ, все таки нѣкоторое представленіе объ относительныхъ количествахъ скота онѣ даютъ: Соломонъ приноситъ въ жертву 22.000 воловъ и 120.000 овецъ (1 Цар. 8,63); къ царскому столу ежедневно убивается 10 упитанныхъ воловъ, 20 воловъ съ луга и 100 овецъ (1 Цар. 5,3); моавитскій царь платитъ подать шерстью съ 100.000 ягнятъ и 100.000 барановъ. Іаковъ посылаетъ своему брату Исаву въ подарокъ: 200 козъ, 20 козловъ, 200 овецъ, 20 барановъ, 30 верблюдицъ дойныхъ, 40 коровъ, 10 воловъ, 20 ослицъ, 10 ословъ. У Навала 3000 овецъ и 1000 козъ, у Іова 7.000 овецъ, 3.000 верблюдовъ, 1.000 головъ крупнаго скота, 500 верблюдицъ.

Что касается существующихъ цѣнъ на молоко, то Бауэръ, основываясь на наведенныхъ имъ справкахъ, вноситъ слѣдующія поправки въ цифры Далмана: весною литръ молока стоилъ въ Іерусалимѣ на русск. деньги 15 коп., а осенью 25 коп., въ Назаретѣ же весною 6 коп., а осенью 10 коп. Высокую городскую цѣну молока Бауэръ объясняетъ увеличеніемъ числа потребителей въ послѣдніе годы и отсутствіемъ коммерческаго таланта у деревенскихъ арабовъ, не умѣющихъ организовать правильную доставку въ городъ чистаго, удовлетворяющаго городскимъ требованіямъ продукта. Только въ послѣдніе годы евреи скупаютъ за безцѣнокъ молоко въ окрестныхъ деревняхъ и везутъ въ Іерусалимъ, гдѣ находятъ отличный сбытъ. Впрочемъ, въ грязной посудѣ и при невозможности быстрой доставки молоко скоро киснетъ, въ виду чего городскія фермы, какъ еврейскія, такъ и мусульманскія, дѣлаютъ еще лучшія дѣла.

Когда рѣчь заходитъ о молочныхъ богатствахъ Палестины, надо помнить, что и теперь молоко и молочные продукты состав

ляютъ главнѣйшіе элементы крестьянскаго питанія. Масло коровье потребляется въ большихъ количествахъ: арабъ съ наслажденіемъ макаетъ свой хлѣбъ въ распущенное масло. Такъ какъ осенью корма уже нѣтъ, то и молодые дѣтеныши питаются молокомъ. Если бы обработка земли была интенсивнѣе, молочное производство быстро поднялось бы. Теперь хорошая корова даетъ весною ежедневно до 18 литровъ молока, а коза до 3 литровъ, лѣтомъ при незначительности корма коза даетъ все-таки 1 литръ. Можно себѣ представить какое количество молока должны были получать ежедневно отъ своего скота такіе хозяева, какъ Іовъ и Іаковъ. А судя по всему, въ древности почва была гораздо плодороднѣе теперешней.

Что касается меда, то не видно, почему библейское דבש не можетъ означать: „виноградный медъ“ (дибсъ). Для человѣка востока виноградный медъ, и даже финиковый и смоковный, такой же медъ, какъ и пчелиный. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Палестины (въ Хевронѣ, въ Ливанѣ) крестьяне приготовляютъ въ особыхъ сосудахъ и помѣщеніяхъ огромное количество винограднаго меда и ѣдятъ его съ хлѣбомъ. Во Второзаконіи находится любопытный стихъ (32, 13): ויניקהו דבש מסלע ושמן מחלמיש צור

„питалъ его медомъ изъ камня и елеемъ изъ твердой скалы“. Послѣдній образъ понятенъ, если вспомнить, какія плодородныя оливковыя деревья растутъ на каменистыхъ террассахъ. Что касается „меда изъ камня“, то это либо виноградныя лозы между скалами, либо медъ дикихъ пчелъ, прямо текущій изъ отверстій скалъ. Талмудъ понимаетъ подъ „медомъ“—медъ финиковый.

Если даже допустить, что דבש не можетъ означать *дибсъ*, то и тогда выраженіе „земля, текущая медомъ“ имѣетъ значеніе, такъ какъ пчеловодство процвѣтать въ палестинскомъ климатѣ можетъ, какъ процвѣтаетъ (а въ древности еще больше процвѣтало) оно на островѣ Кипрѣ, имѣющемъ такой же климатъ, какъ Палестина.

Съ пчелами дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ молочнымъ скотомъ: въ короткій промежутокъ времени онѣ обнаруживаютъ такую интенсивную дѣятельность, что результаты поразительны; въ остальное же время года, хотя продуктивность парализуется условіями климата, однако онѣ находятъ себѣ достаточно пищи. Феллахи не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о раціональномъ пчеловодствѣ, тѣмъ не менѣе въ каждой деревнѣ имѣются ульи, и медъ продается городскимъ торговцамъ.

Какъ бы мы ни понимали слово דבש, выраженіе „земля, теку-

щая молокомъ и медомъ" можетъ быть истолковано въ прямомъ смыслѣ: земля, въ которой процвѣтаетъ скотоводство и плодовод ство. Обѣщая Израилю вывести его „изъ земли египетской въ землю пространную, гдѣ течетъ молоко и медъ" (Исх. 3,8), Господь хочетъ сказать: поведу васъ изъ этого дома рабства въ страну, гдѣ вы сможете свободно двигаться, гдѣ вы найдете въ изобиліи самыя вкусныя и пріятныя для васъ яства—молоко отъ многочисленныхъ и хорошо питающихся стадъ, и медъ отъ фруктовыхъ богатствъ страны, какъ виноградныхъ, финиковыхъ, смоковныхъ деревъ и пчелиныхъ ульевъ.

Если мы обратимся къ свидѣтельству историческихъ памятниковъ, то правда окажется въ значительной степени на сторонѣ Бауэра. Палестина была страною молока и меда въ самомъ прямомъ значеніи этихъ словъ Но представляло ли въ древности молоко предметъ необходимости, а медъ предметъ роскоши, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, подлежитъ сомнѣнію. Молоко въ Библіи—прохладительный напитокъ (Суд. 5,25), любимъ дѣтьми (Ис. 7,15), отъ него—бѣлые зубы (Быт. 49,12). Хотя Іисусъ сынъ Сираховъ и считаетъ молоко среди „главныхъ потребностей для жизни человѣка", но это ничего не доказываетъ, такъ какъ рядомъ съ молокомъ значится: вода, огонь, желѣзо, соль, пшеничная мука, медъ, виноградный сокъ, масло и одежда. Въ „Пѣснѣ Пѣсней" женихъ говоритъ невѣстѣ: „медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ" (4,11); тамъ же возлюбленный въ саду невѣсты „набираетъ мирры съ ароматами, ѣстъ медъ, пьетъ вино съ молокомъ" (5,11). Едва ли молоко фигурируетъ въ этихъ образахъ, согласно съ нашими современными понятіями, какъ пищевой продуктъ первостепенной важности. Въ раввинской литературѣ молоко сохранило репутацію пріятнаго напитка (является наградой въ будущемъ мірѣ за изученіе закона), но потребляется скорѣе бѣдными, чѣмъ богатыми. Оно—напитокъ дѣтей, рекомендуется въ Талмудѣ дѣвушкамъ для полученія нѣжнаго цвѣта лица.

Также и медъ, если даже понимать דבש въ узкомъ смыслѣ: „пчелиный медъ", былъ продуктъ, весьма распространенный въ Палестинѣ. Знали ли древніе евреи правильное пчеловодство, сказать невозможно; первый кто упоминаетъ о пчеловодствѣ въ Палестинѣ, это—Филонъ; въ талмудическое время пчеловодство—одна изъ распространеннѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства. Но что Палестина славилась своимъ медомъ, видно изъ разныхъ мѣстъ. напр. „Быт. 43,11; Іезек. 27,17 ; оттуда же видно, что медъ составлялъ предметъ вывоза. Пчела фигурируетъ въ разныхъ образахъ

и реченіяхъ, какъ весьма знакомая тварь, но была ли это пчела дикая или прирученная, изъ текстовъ не видно, да для нашего вопроса и не важно.

Важно установить, что „молоко и медъ“ можно понимать въ прямомъ смыслѣ. Но что значитъ: „земля, текущая молокомъ и медомъ“? Тутъ, очевидно, мы имѣемъ поэтическій образъ, выражающій не столько изобиліе, сколько пріятность. „Горы будутъ капать виномъ, и холмы потекутъ молокомъ“—въ такихъ образахъ рисуетъ пророкъ Іоиль блаженство мессіанскаго времени. Въ русской поговоркѣ о молочныхъ рѣкахъ въ кисельныхъ берегахъ образно выражается та же идея. Слѣдовательно, выраженіе „земля, текущая молокомъ и медомъ“ есть поэтическій образъ для изобилія и сладости, причемъ молоко и медъ являются не самыми важными, необходимыми для жизни представителями палестинскихъ продуктовъ, а самыми пріятными, самыми привлекательными. Подобно тому какъ, говоря, что намъ „сулятъ золотыя горы“ или что, „Уралъ—золотое дно“, мы понимаемъ эти выраженія въ переносномъ смыслѣ, такъ и выраженіе „земля, текущая млекомъ и медомъ“ должно быть понимаемо въ переносномъ смыслѣ, а не въ прямомъ. Нашихъ предковъ соблазняли молокомъ и медомъ, точь въ точь какъ русскихъ когда то „заманивали калогомъ“ или „коврижками“, а современный міръ прельщаютъ „золотыми горами“ или „днами“.

Н. Переферковичъ.

Библіографія.

Erich Bischoff. Thalmud-Katechismus. Leipzig. 1904. (*Эрихъ Бишофъ. Талмудическій катехизисъ.* Лейпцигъ. 1904).

Въ предисловіи авторъ рекомендуетъ себя «христіаниномъ, посвятившимъ, по доброй волѣ и не безъ жертвъ, свои лучшіе годы изученію талмудической литературы. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ себя лишь „скромнымъ ученикомъ" на этомъ трудномъ поприщѣ, и, если осмѣливается тутъ выступить съ собственнымъ мнѣніемъ, то это, во-первыхъ, потому, что съ собственными мнѣніями о Талмудѣ выступаютъ люди, уже совсѣмъ никакого понятія объ этой книгѣ не имѣющіе, а во-вторыхъ, потому, что въ странѣ слѣпыхъ и косой—царь, а среди людей, рожденныхъ и воспитанныхъ въ христіанствѣ, едва-ли наберется полдюжины зрячихъ въ Талмудѣ ученыхъ. Вѣдь вотъ, имѣются же теперь thalmudblinde Rabbiner. «слѣпые въ Талмудѣ раввины»!

Между тѣмъ высокая важность Талмуда не подлежитъ никакому сомнѣнію. До XVIII вѣка повсюду, а въ настоящее время еще въ восточныхъ странахъ, авторитетъ Талмуда у ортодоксальныхъ евреевъ далеко превышаетъ авторитетъ библейскаго слова. Нерѣдко тотъ или другой библейскій стихъ знакомъ ученымъ только потому, что онъ встрѣчается въ Талмудѣ, и цитируется именно по тому талмудическому мѣсту, гдѣ онъ встрѣчается. Но и съ объективной точки зрѣнія Талмудъ обладаетъ большимъ культурно-историческимъ значеніемъ. И это не только потому, что онъ представляетъ важный первоисточникъ для исторіи нравовъ, обычаевъ и учрежденій еврейства, первоисточникъ, гораздо болѣе достовѣрный, нежели свѣтскіе писатели, какъ Іосифъ Флавій и другіе, но и потому, что эта книга сопутствовала еврейству въ его длинномъ странствованіи на протяженіи вѣковъ, служила хранительницей національной самобытности, утѣшеніемъ въ печали, высшимъ духовнымъ достояніемъ, средоточіемъ всей науки и всей мудрости ве-

рейства. Какой богатый источникъ для ознакомленія съ еврейской душой, съ еврейскимъ способомъ мышленія!

Все это только незначительная часть культурно-исторической важности Талмуда: онъ имѣетъ извѣстное значеніе для всѣхъ рѣшительно областей науки. Для *богослова*, напримѣръ, Талмудъ является богатѣйшимъ пособіемъ въ его занятіяхъ. Такія явленія еврейской жизни, какъ возникновеніе религіозныхъ партій и сектъ, синедріонъ, безчисленное множество установленій культа и общественной жизни, возникшія въ промежутокъ времени между послѣдними книгами Ветхаго Завѣта и началомъ Новозавѣтной исторіи и предполагающіяся извѣстными въ Новомъ Завѣтѣ, останутся частью или совершенно неясными безъ объясненій, находящихся только въ Талмудѣ. Толкованія разныхъ библейскихъ мѣстъ, встрѣчающіяся въ посланіяхъ апостола Павла, кажутся нелѣпыми, если не знать раввинскаго метода толкованія, съ которымъ Павелъ могъ ознакомиться у ногъ своего великаго учителя, Гамалінла. Мы не поймемъ борьбы этого апостола противъ фарисейскаго законничества, если не окинемъ взоромъ густую цѣпь оградъ вокругъ закона, возведенныхъ раввинами. Новозавѣтная исторія стала подъ рукою Шюрера такой наглядной именно потому, что онъ привлекъ въ кругъ своихъ источниковъ Мишну (въ нѣмецкомъ переводѣ), и его книга была бы еще болѣе цѣнной, если бы онъ могъ опереться и на гемару.

Историки, занимающіеся происхожденіемъ христіанскихъ догматовъ, изображали бы свой предметъ вѣрнѣе, если бы знали талмудическіе источники этихъ догматовъ, и догадывались бы, съ какой жадностью отцы церкви воспринимали талмудическія мысли. Вотъ нѣсколько примѣровъ: Талмудъ знаетъ четырехъ лицъ, умершихъ не вслѣдствіе собственныхъ преступленій, а въ силу первороднаго грѣха; это: отецъ Моисея Амрамъ, сынъ Іакова Веніаминъ, отецъ Давида Іессей и сынъ Давида Килавъ; Талмудъ знаетъ чистилище, допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ освященіе средства цѣлью, знаетъ и мысленную оговорку (reservatio mentalis). Онъ знаетъ и обсуждаетъ христіанское ученіе о Троицѣ, о божествѣ Іисуса и т. д. Въ Талмудѣ встрѣчаемъ и высшую библейскую критику, напримѣръ за книгой Іова отрицается историческій характеръ.

Юристу Талмудъ даетъ не меньше интереснаго матеріала, ибо тутъ имѣется оригинальное гражданское и уголовное законодательство, воспринявшее много римскихъ и персидскихъ элементовъ. Многимъ, вѣроятно, покажется страннымъ, что Талмудъ, напримѣръ, не знаетъ свидѣтельской присяги, полагая, что если показаніе ка-

жется судьѣ недостовѣрнымъ, то оно не станетъ достовѣрнѣе отъ того, что будетъ подкрѣплено присягою.

Филологъ, и при томъ не только оріенталистъ, откроетъ въ Талмудѣ, помимо попытокъ текстуальной критики, какъ сравненіе варіантовъ, счетъ словъ и т. п., весьма интересныя соотношенія съ греко-латинскимъ лексикономъ: напримѣръ, слова, не сохранившіяся въ классической литературѣ, воспоминанія изъ миѳологіи, изъ Платона и тысячу другихъ мелочей. Также *педагогъ* встрѣтитъ не только многое, имѣющее значеніе для исторіи воспитанія у евреевъ, но и цѣлыя теоріи и методы, предполагающіяся въ настоящее время совершенно новыми. Также *философъ* не останется съ пустыми руками, если вздумаетъ пройти эту книгу; о *географѣ* и *историкѣ* и говорить нечего; *медицина* Талмуда въ настоящее время довольно хорошо разработана. Но самая богатая жатва ожидаетъ *фольклориста*. Вотъ нѣсколько черточекъ. Подобно тому, какъ въ „Энеидѣ" Виргилія и въ „Вильгельмѣ Теллѣ" Шиллера освященныя растенія изливаютъ кровь при пораненіи, такъ въ Талмудѣ сочится кровью храмовая завѣса, пронзенная Титомъ. Прокрустово ложе приписывается въ Талмудѣ жителямъ Содома. Какъ у Апулея герой сказки, такъ въ Талмудѣ одна волшебница превращается въ осла. Какъ въ нѣмецкой сагѣ хлѣбъ св. Елизаветы превращается въ розы предъ глазами шпіона, такъ въ Талмудѣ филактеріи благочестиваго Елисея превращаются въ голубиныя крылья; подобно тому какъ Поликратъ находитъ въ желудкѣ рыбы свой перстень, такъ находитъ въ рыбѣ свою жемчужину Іосифъ Субботопочитатель; какъ въ Эллядѣ поцѣлуй ангела смерти «снимаетъ съ устъ послѣднюю жизнь», такъ въ Талмудѣ Моисей и Ааронъ умираютъ отъ поцѣлуя Божія. Общее европейскимъ народамъ повѣріе, что мертвый въ извѣстныхъ случаяхъ переворачиваются въ гробу, уже извѣстно Талмуду. Талмудъ сохранилъ настоящій «халдейскій» сноголкователь; равнымъ образомъ, мы тамъ находимъ прототипы нѣкоторыхъ разсказовъ «Тысячи и одной ночи» и Декамерона. «Изъ всего этого—заключаетъ авторъ—читатель можетъ получить представленіе, какую великую пользу можетъ принести хорошій переводъ этого гигантскаго памятника различнѣйшимъ отраслямъ науки, и какъ жаль, что ни государство, ни разныя научныя учрежденія и общества не обнаруживаютъ ни малѣйшаго интереса къ такому дорого стоящему предпріятію. На измѣреніе череповъ вымирающихъ аргентинскихъ аборигеновъ, съ грустью заканчиваетъ онъ, деньги находятся!».

За первой главой, излагающей значеніе Талмуда, слѣдуютъ

главы — «Къ исторіи Талмуда» и «Общая характеристика Талмуда», скорѣе статистическаго содержанія, такъ какъ заключаютъ перечень трактатовъ, рукописей, изданій и переводовъ Талмуда, а также отдѣльныхъ талмудическихъ мѣстъ, въ нѣмецкомъ переводѣ автора, въ качествѣ образчиковъ талмудическаго изложенія. Человѣкъ не посвященный представляетъ себѣ Талмудъ соотвѣственно своему партійному взгляду, или какъ собраніе возвышенныхъ философскирелигіозныхъ изреченій и разсказовъ, или какъ смѣсь разныхъ противохристіанскихъ законовъ (вродѣ: § 1. Дозволяется обманывать и обкрадывать христіанъ, ибо они не люди. § 2. Ежегодно къ Пасхѣ долженъ быть зарѣзанъ христіанскій ребенокъ). Оба эти взгляда одинаково неправильны, въ чемъ легко убѣдиться, открывъ любую страницу Талмуда.

Особенный интересъ представляетъ пятая глава, озаглавленная «Талмудъ и Христіанство» Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ самъ авторъ, заглавіе это неправильно, ибо можно говорить лишь объ отношеніи тѣхъ или другихъ талмудистовъ къ тѣмъ или другимъ христіанскимъ явленіямъ Но заглавіе, оправдывается авторъ, въ концѣ концовъ не болѣе какъ мелочь („eine grosse Kleinigkeit", по выраженію Лессинга) Мелочь или не мелочь, это вопросъ, ибо въ великомъ спорѣ за Талмудъ отождествленіе цѣлаго съ частью, отдѣльныхъ мнѣній съ мнѣніемъ всего Талмуда и даже всего еврейства играло и продолжаетъ играть великую роль. Мы подписываемся подъ этическими ученіями Гиллеля, сохранившимися въ Талмудѣ, но это не значитъ, что мы подписываемся подъ всѣмъ тѣмъ, что говорилъ и дѣлалъ Гиллель 2000 лѣтъ тому назадъ, и еще менѣе подъ тѣмъ, что говорили и дѣлали сотни другихъ ученыхъ, не имѣвшихъ ни развитія, ни кругозора Гиллеля, а только случайно фигурирующихъ рядомъ съ этимъ ученымъ. Впрочемъ, не будемъ отклоняться отъ разбираемой книги, такъ какъ въ ней затрагиваются и неправильно рѣшаются еще другіе, болѣе интересные вопросы.

Авторъ останавливаетъ вниманіе читателей на трехъ пунктахъ: на отношеніе Талмуда къ Новому Завѣту, отношеніе его къ Іисусу и отношеніе его къ ученію церкви, въ особенности католической.

Талмудъ, говоритъ Бишофъ, очень хорошо знакомъ съ Евангеліемъ, и, хотя тамъ острятъ надъ названіемъ его (אֶוְן גִּלָּיוֹן), однако талмудисты находятся подъ сильнымъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній Со стороны евреевъ были многократныя попытки перевернуть отношеніе и доказать, что Іисусъ заимствовалъ многое въ своихъ изреченіяхъ у древнихъ раввиновъ. На это, гово-

жется судьѣ недостовѣрнымъ, то оно не станетъ достовѣрнѣе отъ того, что будетъ подкрѣплено присягою.

Филологъ, и при томъ не только оріенталистъ, откроетъ въ Талмудѣ, помимо попытокъ текстуальной критики, какъ сравненіе варіантовъ, счетъ словъ и т. п., весьма интересныя соотношенія съ греко-латинскимъ лексикономъ: напримѣръ, слова, не сохранившіяся въ классической литературѣ, воспоминанія изъ миѳологіи, изъ Платона и тысячу другихъ мелочей. Также *педагогъ* встрѣтитъ не только многое, имѣющее значеніе для исторіи воспитанія у евреевъ, но и цѣлыя теоріи и методы, предполагающіяся въ настоящее время совершенно новыми. Также *философъ* не останется съ пустыми руками, если вздумаетъ пройти эту книгу; о *географѣ* и *историкѣ* и говорить нечего; *медицина* Талмуда въ настоящее время довольно хорошо разработана. Но самая богатая жатва ожидаетъ *фольклориста*. Вотъ нѣсколько черточекъ. Подобно тому, какъ въ „Энеидѣ" Виргилія и въ „Вильгельмѣ Теллѣ" Шиллера освященныя растенія изливаютъ кровь при пораненіи, такъ въ Талмудѣ сочится кровью храмовая завѣса, пронзенная Титомъ. Прокрустово ложе приписывается въ Талмудѣ жителямъ Содома. Какъ у Апулея герой сказки, такъ въ Талмудѣ одна волшебница превращается въ осла. Какъ въ нѣмецкой сагѣ хлѣбъ св. Елизаветы превращается въ розы предъ глазами шпіона, такъ въ Талмудѣ филактеріи благочестиваго Елисея превращаются въ голубиныя крылья; подобно тому какъ Поликратъ находитъ въ желудкѣ рыбы свой перстень, такъ находитъ въ рыбѣ свою жемчужину Іосифъ Субботопочитатель; какъ въ Эллядѣ поцѣлуй ангела смерти «снимаетъ съ устъ послѣднюю жизнь», такъ въ Талмудѣ Моисей и Ааронъ умираютъ отъ поцѣлуя Божія. Общее европейскимъ народамъ повѣріе, что мертвый въ извѣстныхъ случаяхъ переворачиваются въ гробу, уже извѣстно Талмуду. Талмудъ сохранилъ настоящій «халдейскій» сноголкователь; равнымъ образомъ, мы тамъ находимъ прототипы нѣкоторыхъ разсказовъ «Тысячи и одной ночи» и Декамерона. «Изъ всего этого—заключаетъ авторъ—читатель можетъ получить представленіе, какую великую пользу можетъ принести хорошій переводъ этого гигантскаго памятника различнѣйшимъ отраслямъ науки, и какъ жаль, что ни государство, ни разныя научныя учрежденія и общества не обнаруживаютъ ни малѣйшаго интереса къ такому дорого стоящему предпріятію. На измѣреніе череповъ вымирающихъ аргентинскихъ аборигеновъ, съ грустью заканчиваетъ онъ, деньги находятся!».

За первой главой, излагающей значеніе Талмуда, слѣдуютъ

главы — «Къ исторіи Талмуда» и «Общая характеристика Талмуда», скорѣе статистическаго содержанія, такъ какъ заключаютъ перечень трактатовъ, рукописей, изданій и переводовъ Талмуда, а также отдѣльныхъ талмудическихъ мѣстъ, въ нѣмецкомъ переводѣ автора, въ качествѣ образчиковъ талмудическаго изложенія. Человѣкъ не посвященный представляетъ себѣ Талмудъ соотвѣственно своему партійному взгляду, или какъ собраніе возвышенныхъ философскирелигіозныхъ изреченій и разсказовъ, или какъ смѣсь разныхъ противохристіанскихъ законовъ (вродѣ: § 1. Дозволяется обманывать и обкрадывать христіанъ, ибо они не люди. § 2. Ежегодно къ Пасхѣ долженъ быть зарѣзанъ христіанскій ребенокъ). Оба эти взгляда одинаково неправильны, въ чемъ легко убѣдиться, открывъ любую страницу Талмуда.

Особенный интересъ представляетъ пятая глава, озаглавленная «Талмудъ и Христіанство» Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ самъ авторъ, заглавіе это неправильно, ибо можно говорить лишь объ отношеніи тѣхъ или другихъ талмудистовъ къ тѣмъ или другимъ христіанскимъ явленіямъ Но заглавіе, оправдывается авторъ, въ концѣ концовъ не болѣе какъ мелочь („eine grosse Kleinigkeit", по выраженію Лессинга). Мелочь или не мелочь, это вопросъ, ибо въ великомъ спорѣ за Талмудъ отождествленіе цѣлаго съ частью, отдѣльныхъ мнѣній съ мнѣніемъ всего Талмуда и даже всего еврейства играло и продолжаетъ играть великую роль. Мы подписываемся подъ этическими ученіями Гиллеля, сохранившимися въ Талмудѣ, но это не значитъ, что мы подписываемся подъ всѣмъ тѣмъ, что говорилъ и дѣлалъ Гиллель 2000 лѣтъ тому назадъ, и еще менѣе подъ тѣмъ, что говорили и дѣлали сотни другихъ ученыхъ, не имѣвшихъ ни развитія, ни кругозора Гиллеля, а только случайно фигурирующихъ рядомъ съ этимъ ученымъ. Впрочемъ, не будемъ отклоняться отъ разбираемой книги, такъ какъ въ ней затрагиваются и неправильно рѣшаются еще другіе, болѣе интересные вопросы.

Авторъ останавливаетъ вниманіе читателей на трехъ пунктахъ: на отношеніе Талмуда къ Новому Завѣту, отношеніе его къ Іисусу и отношеніе его къ ученію церкви, въ особенности католической.

Талмудъ, говоритъ Бишофъ, очень хорошо знакомъ съ Евангеліемъ, и, хотя тамъ острятъ надъ названіемъ его (און גליון), однако талмудисты находятся подъ сильнымъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній Со стороны евреевъ были многократныя попытки перевернуть отношеніе и доказать, что Іисусъ заимствовалъ многое въ своихъ изреченіяхъ у древнихъ раввиновъ. На это, гово-

ритъ онъ, можно возразить цѣлымъ рядомъ новозавѣтныхъ словъ, даже прямыхъ изреченій Іисуса, приписанныхъ талмудическимъ ученымъ, жившимъ черезъ много лѣтъ послѣ составленія Евангелія. Вотъ примѣры, приводимые Бишофомъ: изреченіе (Мѳ. 7, 2), «въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ» приписывается въ Талмудѣ Меиру, жившему во II вѣкѣ по Р. Х.; изреченіе (Мѳ. 6, 26) «взгляните на птицъ небесныхъ» и проч. имѣетъ свой эквивалентъ въ словахъ Симона сына Элазарова, жившаго во II в. по Р. Х.; изреченіе (Мѳ. 22, 30) «въ воскресеніи не женятся, ни выходятъ замужъ, но пребываютъ, какъ ангелы на небесахъ» имѣетъ параллель въ словахъ Гава, умершаго въ 247 году по Р. Х. Изреченіе (Мѳ. 7, 5), «лицемѣръ! вынь бревно изъ твоего глаза» и т. д. приписывается въ Талмудѣ Тарфону, жившему во II вѣкѣ по Р. Х.; наконецъ изреченіе (Мѳ. 6, 30)«маловѣры! не говорите, что намъ ѣсть» и т. д. имѣетъ параллель въ словахъ Элiэзера. Этому же Элiэзеру приписывается изреченіе Іисуса (Лук. 12, 53): «отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца» и т. д.

Вопросъ, затрагиваемый авторомъ, довольно любопытный. До сихъ поръ Талмудъ привлекался для объясненія Новаго Завѣта, а тутъ оказывается какъ будто наоборотъ. Въ этомъ спорѣ, рѣшеніе котораго ясно для всякаго непредубѣжденнаго читателя, сказалась та узкая богословская партійность, которую мы видѣли нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ вопросѣ о BiB-l und BaB-l. Всѣ понимаютъ, хотя не всѣ имѣютъ мужество открыто признать, что міръ въ самыхъ образованныхъ своихъ представителяхъ воспринялъ не иную какую, а именно еврейскую этику, этику, зародившуюся въ Палестинѣ и развившуюся въ умахъ еврейскихъ пророковъ. Этика грековъ и римлянъ сильно отличалась отъ еврейской и осталась совершенно въ сторонѣ отъ мірового прогресса. Классическая наука и еврейская этика—вотъ главные составные элементы того, что теперь называется цивилизаціей. Что еврейская этика побѣдила міръ подъ названіемъ христіанской, ничуть не измѣняетъ дѣла, и еврейская исторія всегда останется «священной» исторіей, какъ еврейская Библія не перестанетъ быть основой «христіанской» этики. Христіанскимъ богословамъ это не особенно пріятно въ виду современнаго положенія евреевъ. Какъ? этимъ евреямъ, которыхъ христіанскій міръ десятки лѣтъ третировалъ, какъ собакъ, считалъ низшей расой, «нехристями окаянными», обреченными на адскія муки, этимъ евреямъ они обязаны своей моралью? Ни за что! сами евреи заимствовали эту мораль у вавилонянъ и, слѣдовательно (hic saltus!), мы евреямъ ничѣмъ не обя-

ваны! Таковъ истинный смыслъ всей исторіи, разгорѣвшейся вокругъ лекціи Делича объ отношеніи Библіи къ Вавилону. Лекція эта въ сущности доказала лишь то, что давнымъ давно ни для кого не было тайной, а именно, что въ нѣкоторыхъ библейскихъ легендахъ можно подмѣтить воспоминанія вавилонской миѳологіи, прошедшія однако чрезъ облагораживающій фильтръ еврейской этики.

Та же узкая партійность повторяется и въ спорѣ о пріоритетѣ новозавѣтной литературы. Примѣры, приводимые г. Бишофомъ, можно увеличить до безконечности. Есть цѣлая литература о параллеляхъ между Евангеліемъ и Талмудомъ, и едва-ли наберется десятокъ евангельскихъ стиховъ, которымъ не были бы найдены эквиваленты въ талмудической литературѣ. И ничего мудренаго тутъ нѣтъ. Евангеліе было и остается памятникомъ *еврейской* литературы, хотя еврейскій оригиналъ его пропалъ; вѣдь не дошли до насъ оригиналы и многихъ другихъ памятниковъ (Притчи сына Сирахова, книги маккавейскія и т. д.), не перестающихъ отъ этого быть еврейскими. Евангеліе написано евреями для евреевъ, стоитъ всецѣло на почвѣ еврейскаго закона, *и нисколько этого не скрываетъ*. «Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истинно говоВамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все» (Мѳ. 5, 17—18). Эти слова такъ ясны, такъ категорично опредѣляютъ взаимоотношеніе ученія Іисусова и еврейства, что нужно быть большимъ казуистомъ, чтобы изъ наспильственнаго сопоставленія разныхъ словъ и текстовъ выводить другое, какъ это дѣлаютъ христіанскіе богословы. Правда, Іисусъ имѣлъ нѣчто свое, чтобы сказать «погибшимъ овцамъ дома Израилева», къ которымъ Онъ только и считалъ себя посланнымъ (Мѳ. 15, 24) и къ которымъ, главнымъ образомъ, онъ и посылалъ своихъ учениковъ (Мѳ. 10, 6), строго наказывая «не давать святыни псамъ» (Мѳ. 7, 6; подъ «псами», какъ видно изъ Мѳ. 15, 26, разумѣются язычники). Онъ несъ утѣшеніе низшимъ классамъ народа, грѣшникамъ, невѣждамъ (*амъ гаарецъ*), мытарямъ, но его утѣшеніе, хотя въ частностяхъ и расходившееся съ воззрѣніями официальныхъ представителей тогдашняго еврейства, было тѣмъ не менѣе еврейскимъ. Неправы тѣ христіанскіе богословы, которые говорятъ о какомъ-то отверженномъ евреями ученіи Христа. Его галилейскіе послѣдователи, вѣрившіе въ его мессіанство, были не худшими евреями, чѣмъ іерусалимскія власти, выдавшія его римскому проконсулу скорѣе изъ страха, чѣмъ изъ ненависти. Да и что можно было отвергнуть въ его сло-

вахъ? Жестокія нападки на саддукейское самоуправство, на фарисейское лицемѣріе? Да они не представляли ничего новаго: еврейская литература отъ Библіи до Талмуда полна суровѣйшими обличеніями общественныхъ недостатковъ,—вѣдь въ этомъ смыслъ и цѣль профетизма. Такимъ образомъ, въ самомъ фактѣ вліянія евангелія на раввиновъ (если бы таковое дѣйствительно и замѣчалось) мы не видимъ ничего страннаго и тѣмъ менѣе унизительнаго; только узкія богословскія головы могутъ находить извѣстную радость въ наличности такого вліянія: ага, еврейство *у насъ* заимствовало, Пруссія идетъ впереди человѣчества!

На самомъ же дѣлѣ никакого заимствованія тутъ нѣтъ, ибо нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше изреченій черпались какъ Христомъ, такъ и раввинами изъ общаго достоянія еврейства, нѣкоторыя изъ нихъ являются даже пословицами (напр., «какою мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ», встрѣчается въ Талмудѣ много разъ анонимно), относительно же другихъ должно сказать слѣдующее. Такъ какъ время составленія евангелій, какъ и анонимныхъ талмудическихъ изреченій есть вопросъ чрезвычайно темный, то при рѣшеніи задачи о пріоритетѣ хронологическія соображенія отпадаютъ, остаются только соображенія внутренняго характера. Если сравнить евангелія съ Талмудомъ, то оказывается, что въ Талмудѣ всѣ изреченія логически вытекаютъ изъ словъ Писанія, а въ евангеліи они висятъ въ воздухѣ, не имѣютъ почвы подъ собой. Такъ, обязанность молиться за враговъ (Мѳ. 5, 44) выводится въ Талмудѣ (Тос. Б. К. 9, 29) изъ примѣровъ Авраама и Іова; представленіе о небесныхъ сокровищахъ (Мѳ. 6, 20) выводится изъ Вт. 32, 34 (Сифре къ этому стиху); запрещеніе продолжительной молитвы (Мѳ. 6, 7—8)—изъ Исх. 15, 21 и Числ. 12, 13 (Сифре); изреченіе «да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ» (Мѳ. 5, 37)—изъ Лев. 19, 36 (Сифра) и т. д. Нѣкоторыя евангельскія изреченія, кажущіяся странными, находятъ свое объясненіе или исправленіе въ талмудическихъ параллеляхъ, сохранившихъ библейскія основанія этихъ изреченій. Все это достаточно ясно показываетъ, на чьей сторонѣ пріоритетъ. Конечно, отдѣльныя евангельскія изреченія могли быть, да и навѣрное были извѣстны раввинамъ. Вѣдь долгое время сами христіане считали себя по религіи іудеями: центръ христіанства находился въ Іерусалимѣ; первые 15 епископовъ были обрѣзанными іудеями, соблюдавшими весь іудейскій законъ и относившимися скорѣе недружелюбно къ язычеству; въ Талмудѣ зарегистровано много галахическихъ и агадическихъ споровъ съ представителями христіанства. Немудрено, что въ Талмудѣ сохрани-

лись и полемическіе выпады противъ того или другого евангельскаго изреченія (напр. объявляется абсурдомъ предположеніе, что соль можетъ потерять силу, ср. Мѳ. 5, 13), но говорить о какомъ-либо вліяніи новозавѣтной литературы на раввиновъ и въ особенности строить на этомъ вліяніи какіе-либо выводы, совсѣмъ не приходится. Кто хочетъ строго-научно установить отношеніе Талмуда къ новозавѣтной литературѣ, не долженъ упускать изъ виду, что то и другое—памятники еврейской мысли, отражаютъ еврейскія идеи, и никакого конфликта между ними нѣтъ. Для того, чтобы въ новозавѣтной литературѣ появились тѣ полемическія вставки и подмѣненныя выраженія, которыя сыграли и до сихъ поръ играютъ столь печальную роль въ исторіи европейскихъ евреевъ, чтобы христіанство стало ученіемъ враждебнымъ той религіи, въ которой жилъ и умеръ Христосъ, должны были восторжествовать антиномистическія и гностическія воззрѣнія апостола Павла, должно было произойти крушеніе грандіознаго возстанія Баръ-Кохбы, обезсилившее и унизившее еврейство, должна была совершиться христіанизація Рима, сопряженная съ паганизаціей христіанства. Никейскій соборъ (325 г.) окончательно отдѣлилъ церковь отъ синагоги, и только съ этого времени стало возможнымъ сопоставлять евангелія, т. е. ходившія по рукамъ біографіи Іисуса, съ Талмудомъ и даже съ Библіей, т. е. такъ называемымъ Ветхимъ Завѣтомъ.

Во всей главѣ объ отношеніи Талмуда къ христіанству проглядываетъ удивительное для человѣка науки непониманіе исторической перспективы, которое можно объяснить только христіанскимъ воспитаніемъ автора, безнадежно засорившимъ его голову ненаучными представленіями.

Еще больше вздору встрѣчаемъ въ главѣ, озаглавленной: «Іисусъ въ Талмудѣ». Давно уже извѣстно, что Талмудъ не является источникомъ для біографіи Іисуса, хотя косвенно въ немъ находятся цѣнные матеріалы для уясненія внутренней стороны знаменательнаго событія, совершившагося въ Палестинѣ XIX вѣковъ тому назадъ. Для людей, знакомыхъ съ еврейской исторіей, въ этомъ ничего страннаго нѣтъ. Исторія учитъ, что пророковъ, сулившихъ близкое избавленіе измученному народу и погибшихъ какъ мятежники отъ руки римлянъ, было множество; что ни въ дѣятельности Іисуса, продолжавшейся всего около десяти мѣсяцевъ, ни въ его ученіи ничего не было столь экстраординарнаго, чтобы оставить слѣдъ на современниковъ, внѣ узкаго круга его послѣдователей. Талмудъ не знаетъ Іисуса, а знаетъ только его учениковъ, какъ близкихъ, которые стоятъ еще на почвѣ іудейства, такъ

и отдаленныхъ, уже пропитанныхъ Павловымъ антиномизмомъ и христіанской нетерпимостью Совершенно естественно, что въ вавилонскихъ академіяхъ IV и V в. возникалъ вопросъ: кто же былъ этотъ Іисусъ, послѣдователи котораго такъ далеки отъ еврейской этики? Тамъ, въ Вавилоніи, евангелія не читали и судили объ ученіи по его фактическимъ проявленіямъ, тамъ не знали, да и знать не могли, что христіанство, какимъ его знаетъ міръ, есть прямая противоположность ученію Христа, что ярлыкъ не соотвѣтствуетъ содержанію Для удовлетворенія любопытства учениковъ создается легенда о чародѣѣ Іисусѣ, казненномъ за совращеніе народа, легенда, столь мало напоминающая исторію Христа, что были и доселѣ имѣются ученые (проф. Хвольсонъ), отрицающіе тождество талмудическаго Іисуса съ Іисусомъ Христомъ. Что раввины говорятъ объ Іисусѣ въ пренебрежительномъ тонѣ, неудивительно: иначе они не были бы раввинами; въ отзывахъ христіанскихъ писателей. церковныхъ и не церковныхъ, объ Исламѣ и іудействѣ можно найти не только насмѣшливую пренебрежительность, но и болѣе серьезнаго свойства нотки. Все это недоступно рожденнымъ и воспитаннымъ въ христіанствѣ писателямъ, какъ г. Бишофъ Онъ, напр, въ тысячу разъ повторяетъ злую и нелѣпую выдумку средневѣковыхъ выкрестовъ о томъ, что талмудическое имя Іисуса ישו значитъ ימח שמו וזכרו...

Въ третьей главѣ, озаглавленной: «Талмудъ и Церковь», авторъ доказываетъ, что первобытное христіанство такъ много переняло отъ еврейскаго ученія, что есть поразительное сходство между талмудическими воззрѣніями и древне-церковнымъ, особенно католическимъ богословіемъ. Онъ не идетъ такъ далеко, чтобы вмѣстѣ съ Вейлемъ считать христіанскую догму въ существѣ своемъ сходной съ догмою талмудическихъ фарисеевъ, съ тою только разницею, что вмѣсто Бога подставленъ Христосъ, и что единство обращено въ троичность, во всемъ же остальномъ нѣтъ будто бы ни малѣйшаго разногласія между ортодоксальнымъ талмудистомъ и изворотливѣйшимъ іезуитомъ, но онъ допускаетъ массу точекъ соприкосновенія. Подобно тому какъ католическая церковь проводитъ рѣзкую грань между священниками и міряпами, такъ, по мнѣнію Бишофа, раввины считаютъ себя безконечно выше невѣжественнаго народа (амъ-гаарецъ) Подобно католическому священнику, раввинъ чувствуетъ себя намѣстникомъ Бога на землѣ (sic) и требуетъ себѣ, какъ учителю, одинаковаго съ Богомъ благоговѣнія. Подобно тому какъ грѣховность католическаго священника нисколько не опорочиваетъ его дѣйствій по должности, такъ и по Талмуду уче-

ніе ученаго не теряетъ своего значенія отъ того, что этимъ ученымъ совершенъ грѣхъ: ядро орѣха годно въ пищу, хотя бы скорлупа была замарана грязью. Больше того: въ разныхъ агадическихъ отрывкахъ проводится тотъ взглядъ, что раввины имѣютъ авторитетъ даже у Бога. Далѣе указывается, какъ на пункты сходства іудаизма съ католицизмомъ, на значеніе добрыхъ дѣлъ, покаянія, на чистилище, на необходимость и важность преданія, на боязнь раввиновъ дать въ руки невѣжественному народу библію (!) на ученіе объ ангелахъ-хранителяхъ и, наконецъ, на мысленную оговорку при обѣтахъ и утвержденіяхъ и на освященіе цѣли средствами, каковое освященіе въ дѣйствительности всѣми и каждодневно исполняется, но въ теоріи всѣми же признается нравственной уродливостью.

Обо всемъ перечисленномъ должно сказать слѣдующее: не все то, что въ Талмудѣ говоритъ одинъ талмудистъ, есть убѣжденіе всѣхъ талмудистовъ, и не все то, что находится и даже повторяется въ Талмудѣ анонимно, какъ убѣжденіе всѣхъ талмудистовъ есть ученіе іудаизма. Ибо въ понятіе іудаизма входитъ не только Талмудъ и Библія,—источниками еврейскаго ученія являются не только письменные памятники древности, но памятники и учрежденія позднѣйшихъ временъ вплоть до нашихъ дней, и взгляды современнаго образованнаго еврея, если они не противорѣчатъ основнымъ этическимъ нормамъ, выработаннымъ пророками, представляютъ въ такой же мѣрѣ настоящій іудаизмъ, какъ и убѣжденія какого-нибудь Несміи или Акибы. Все эволюціонируетъ, и іудаизмъ, застывшій на какой-нибудь эпохѣ своего развитія, есть абсурдъ. Живучесть іудаизма и обусловливается его способностью эволюціонировать. Іудаизмъ Авраама не тождественъ съ іудаизмомъ Исаіи, и іудаизмъ Исаіи не тождественъ съ іудаизмомъ Акибы; но подобно тому какъ никто не вправѣ считать кого-либо изъ перечисленныхъ лицъ, Авраама, Исаію или Акибу, не настоящимъ, худымъ іудеемъ, такъ никто не вправѣ отнимать іудейство, скажемъ, отъ современнаго намъ образованнаго еврея, исповѣдующаго этику Исаіи, пропущенную чрезъ фильтръ современной цивилизаціи.

При такомъ положеніи дѣла мы совершенно спокойно смотримъ на Талмудъ, какъ на историческій памятникъ, чрезвычайно важный для изученія іудаизма, въ настоящее время сильно шагнувшаго впередъ отъ временъ Талмуда. Много чертъ, указанныхъ г. Бишофомъ, дѣйствительно принадлежатъ Талмуду и талмудическому іудаизму Для протестанта Бишофа одинъ фактъ, что данныя черты присущи католичеству, есть отрицательный признакъ,

но тутъ нѣтъ научнаго безстрастія. Взгляды Талмуда, несогласные съ современными воззрѣніями, требуютъ изученія и пониманія, а не огульнаго обвиненія потому, что они восприняты католицизмомъ.

Двѣ послѣднія главы книги Бишофа «Женщина въ Талмудѣ» и «Изъ жизни раввиновъ» написаны живо и популярно. Заканчивается книга надежой, что, «можетъ быть, скоро, несмотря на безучастность государства, обществъ и учрежденій, появится удобопонятный переводъ Талмуда, дабы всякій образованный читатель былъ въ состояніи имѣть собственное сужденіе о книгѣ, которая теперь находится за семью печатями».

Пишущій эти строки имѣетъ кое-какое право присоединиться къ благочестивому желанію г. Бишофа, испытавъ эту безучастность. Переводъ Талмуда, къ сожалѣнію, требуется главнымъ образомъ антисемитами, и это одно способно сдѣлать такое предпріятіе подозрительнымъ въ глазахъ еврея. Очень мало людей, способныхъ реализовать значеніе перевода, научное и общественное, отнимающаго у враговъ одинъ изъ козырей нападенія.

Н. Переферковичъ.

מחזור לראש השנה וליום כפור. נוסח אשכנז עם תרגום רוססי מאת שמואל פאסס ויצחק פירושניקאו.

Молитвы евреевъ на Новолѣтіе и День Отпущенія для толка «Ашеназъ» съ русскимъ переводомъ Э. Пасса и П. Пирожникова. Вильна. 1904.

Махзоръ гг. Пасса и Пирожникова производитъ отличное впечатлѣніе не только безукоризненной внѣшностью, но и содержаніемъ. Въ его пользу говоритъ уже то, что русскій языкъ перевода какъ въ грамматическомъ, такъ и въ стилистическомъ отношеніи безупреченъ, что можно сказать далеко не о всѣхъ существующихъ переводахъ махзора. Особенностью разбираемаго махзора являются стихотворные переводы нѣкоторыхъ еврейскихъ гимновъ. Вообще переводить средневѣковые гимны не легко, такъ какъ микроскопическая въ большинствѣ случаевъ мысль автора расплывается въ сотнѣ нагроможденныхъ образовъ и намековъ, а переводить все это съ размѣромъ и риѳмой—и того труднѣе. Понятно, если бы за такое дѣло взялся напр. Фругъ, онъ бы нашелъ и болѣе удачныя выраженія, и болѣе богатую риѳму, не злоупотреблялъ бы разными мѣстоименіями и союзами для заполненія недостающихъ слоговъ, и строже относился бы къ удареніямъ, но и то, что дано гг Пассомъ и Пирожниковымъ, заслуживаетъ одобре-

нія: переводъ довольно близокъ къ подлиннику и довольно звученъ, чтобы не оскорблять не очень требовательное ухо. Можетъ быть, было бы лучше, если бы авторы послали свой переводъ какому-нибудь настоящему поэту для выправленія, ибо промахи стихосложенія портятъ впечатлѣніе даже отъ хорошей поэтической вещи.

Вотъ, кажется, лучшіе образчики стихотворныхъ переводовъ гг. Пасса и Пирожникова:

ГИМНЪ „АДОНЪ ОЛАМЪ".

Владыка Вселенной, Который царилъ
Еще до временъ міросданья,
Лишь волей вселенную Онъ сотворилъ,
Царя обрѣлъ именованье.
И кончится міръ весь — Онъ, Грозный, единъ
Останется въ Царской державѣ,
Въ прошедшемъ Онъ былъ, въ настоящемъ Онъ есть
И вѣчно пребудетъ во славѣ.

ГИМНЪ „ВЕХОЛЪ МААМИНИМЪ".

Онъ держитъ вѣсы правосудья въ рукѣ;
И вѣруютъ всѣ, что правдивъ нашъ Господь.
Онъ вѣдаетъ всѣ сокровенныя тайны;
И вѣруютъ всѣ, что Онъ знаетъ сердца.
Онъ насъ избавляетъ отъ смерти и тлѣна;
И вѣруютъ всѣ: Избавитель — могучъ.

ГИМНЪ „МЕЛЕХЪ ЭЛЬЮНЪ".

Царь всевышній!
Живетъ въ высотахъ и могучъ въ небесахъ;
Сильна и побѣдна десница Его,
И во вѣки вѣковъ будетъ царство Его!
Царь всевышній!
Силу являетъ, речетъ — исполняетъ;
Во все проникаетъ Премудрость Его,
И во вѣки вѣковъ будетъ царство Его!
Царь всевышній!
Речетъ справедливость, одѣянъ въ правдивость;
Молитва доходитъ до слуха Его,
И во вѣки вѣковъ будетъ царство Его!
Царь всевышній!

Такихъ стихотворныхъ переводовъ въ махзорѣ около 10. Переводъ האוינו слишкомъ близокъ къ стихотворному переводу Мандельштама, чтобы считаться оригинальнымъ. Что касается прозаическихъ переводовъ, то гг. Пассъ и Пирожниковъ, правда, не первые на этомъ поприщѣ, они имѣли очень недурныхъ предшественниковъ, но дали вещи, не уступающія ни одной изъ предшествующихъ работъ.

Н. Переферковичъ.

כתבי קדש. Kiswei Kodesch, т. е. Священное Писаніе съ еврейскимъ комментаріемъ по натуральному методу «иврисъ беиврисъ». Сост. Б. Гринфельдъ, учитель Ровенской Талмудъ-Торы.

הפרוסדור. Haprosdor. Обыденныя бесѣды о Св. Писаніи и объ окружающемъ мірѣ.—Его же.—Бердичевъ. 1905 г. [1]).

Учебно-еврейская литература въ своей «эволюціи» пережила три періода. Долгое время, какъ извѣстно, она имѣла схоластическій характеръ и входила въ общую, такъ сказать, іерархію научно-раввинскихъ дисциплинъ. Въ этотъ дореформенный періодъ еврейскій языкъ («loschon») составлялъ особую, и при томъ не обязательную науку, отдѣльную отъ прочихъ предметовъ—молитвъ, псалтыри, библіи и талмуда, но изучался онъ въ той же обстановкѣ и тѣми же пріемами, какъ и эти обязательные и главные предметы. Обычными руководствами были «письмовники», а для увѣнчанія зданія d'kduk'a служили таблицы спряженій глаголовъ (Iuach hapoalim) и грамматическіе трактаты, въ родѣ «Zohar hatowo» и «Maslul». Это была вѣками освященная, традиціонная система, на смѣну которой сравнительно недавно явилась другая, болѣе близкая къ современнымъ педагогическимъ требованіямъ и къ измѣнившимся запросамъ въ области спеціально-еврейскихъ познаній.

Въ основу этой новой системы принятъ взглядъ на еврейскій языкъ, какъ на главный, первостепенный предметъ учебно-еврейской программы, изученіе котораго должно начинаться съ первой же ступени школьнаго курса, и при томъ нераздѣльно отъ прочихъ предметовъ—библіи, вѣроученія и исторіи. Само же это изученіе, по своему методу, сближено съ обычными, современными пріемами обученія *неразговорнымъ* языкамъ, т. е. путемъ вокабулъ, фразъ, устныхъ и письменныхъ упражненій, чтенія, переводовъ и т. п. Письмовники, прописи и схоластическіе трактаты замѣнены соотвѣтственными руководствами, примѣненными къ этому новому, раціональному способу обученія еврейскому языку.

Затѣмъ былъ сдѣланъ еще одинъ шагъ впередъ въ этомъ направленіи—шагъ къ наглядности, этому основному принципу современной педагогіи. Появились иллюстрированные еврейскіе учебники, книжки «съ картинками», дотолѣ совершенно неизвѣстныя въ учебно-еврейской литературѣ

[1]) Рецензія эта была напечатана въ предыдущей „Кн. Восхода", но, по недосмотру типографіи, она была сверстана такъ неправильно, что стала неудобочитаемой; въ виду этого мы сочли нужнымъ перепечатать ее вновь. *Ред.*

По здѣсь вышло большое педагогическое недоразумѣніе: еврейскіе педагоги, почти сплошь состоящіе изъ дилетантовъ, не поняли значенія наглядиаго метода и смѣшали наглядность, какъ элементъ всякаго преподаванія, съ *натуральнымъ* способомъ обученія. Педагогическое недоразумѣніе осложнилось тенденціями національнистическаго свойства, увлеченіемъ новизной и пр., — и въ результатѣ методъ «иврисъ беиврисъ», т. е. преподаваніе неразговорнаго еврейскаго языка исключительно на этомъ же языкѣ, провозглашенъ послѣднимъ и единоспасительнымъ педагогическимъ словомъ реформированной еврейской школы.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы уже пытались доказать, что исключительныя условія еврейскаго языка не позволяютъ примѣнить къ нему общую мѣрку и что и безъ того сомнительная «естественность и натуральность» изученія всякаго языка по способу Muttersprache *въ данномъ случаѣ* болѣе чѣмъ проблематичны.

Однимъ изъ многихъ реальныхъ тому подтвержденій является тотъ фактъ, что за весь періодъ насажденія у насъ натуральнаго метода,—вотъ уже съ добрый десятокъ лѣтъ,—вся учебно-еврейская литература, въ большомъ изобиліи вызванная этимъ методомъ, ограничивается первоначальными книжками и не идетъ дальше элементарныхъ дѣтскихъ руководствъ. Послушать поклонниковъ «иврисъ беиврисъ»,—такъ лишь путемъ этого метода и возможно достигнуть наилучшихъ результатовъ въ усвоеніи всего цикла не только еврейскихъ, но и обще-образовательныхъ предметовъ на еврейскомъ языкѣ. А между тѣмъ, мы до сихъ поръ не встрѣчали въ «натуральной» учебной литературѣ ничего, кромѣ букварей и книжекъ-первинокъ, не видѣли здѣсь ни одной книги, примѣненной къ высшему курсу еврейскихъ предметовъ, слѣдующему за первой ступенью обученія. Вся «натуральная» система остановилась на одной точкѣ и застыла на безчисленныхъ иллюстрированныхъ дѣтскихъ книжкахъ, отличающихся другъ отъ друга только именами ихъ составителей. Нѣтъ не только еврейскихъ руководствъ по общеобразовательнымъ предметамъ, но не имѣется даже книжки, которая бы показала, какъ можно проходить натуральнымъ способомъ еврейскую библію.

А потому, сколько ни увѣряли насъ въ чудодѣйственной и универсальной силѣ сказаннаго метода, мы все ждали, чтобы кто-нибудь насъ просвѣтилъ, какъ слѣдуетъ «натурально» объяснить напримѣръ, библейскій стихъ: «ish ki sasria wejold sochor»,—

[1]) „Еврейская школа", январь с. г., ст. „Натуральная утопія".

и не только это, но даже самыя первыя слова Торы: «B'reschith bero elohim»...

И вотъ мы, наконецъ, дождались. Г-нъ Б. Гринфельдъ изъ г. Ровно одновременно выпустилъ цѣлыхъ два труда, призванныхъ восполнить упомянутый пробѣлъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ собою «натуральный» комментарій къ книгѣ Бытія (до capit. XXV), а другой дополняетъ его бесѣдами для облегченія процесса изученія библіи по «иврисъ-беиврисъ». Г. Гринфельдъ возымѣлъ благую мысль: дать «бѣдному меламеду, вынужденному считаться съ требованіями времени», возможность не отставать отъ вѣка по части естественнаго метода (см. предисловіе къ «Kiswei Kodesch»). И онъ, дѣйствительно, далъ блестящее доказательство... полной непригодности этого метода въ примѣненіи къ преподаванію Св. Писанія.

Остановимся раньше на «обыденныхъ бесѣдахъ» г. Гринфельда. Это бесѣды – комментаріи къ тѣмъ выраженіямъ библейскаго текста, которыя не могутъ быть усвоены наглядным путемъ; а такъ какъ этотъ текстъ весь почти состоитъ изъ такихъ выраженій, то бесѣды и обнимаютъ почти весь матеріалъ упомянутой части Бытія. Онѣ имѣютъ цѣлью выдѣлить «труднѣйшія мѣста» и объяснить ихъ окольнымъ путемъ на еврейскомъ же языкѣ, во избѣжаніе перевода ихъ на разговорный или другой понятный учащимся языкъ. Можно было бы, конечно, многое сказать противъ такого искусственнаго процесса объясненія одного какого-нибудь слова цѣлымъ ворохомъ длиннѣйшихъ разсужденій, поглощающихъ массу лишняго времени. Но и съ этимъ можно было бы еще мириться, во имя торжества идеи „иврисъ беиврисъ", если бы такое средство, въ концѣ концовъ, привело къ данной цѣли. Хуже всего, что и самая цѣль-то вовсе этимъ не достигается. „Бесѣды" ведутся въ высокомъ стилѣ и на пестромъ языкѣ, состоящемъ изъ смѣси библейскихъ и раввинскихъ словъ, поэтическихъ оборотовъ и сложныхъ грамматическихъ формъ. Чтобы сдѣлать для учащихся понятными выраженія вродѣ „m'racheteth", „t'h m" и т. п., авторъ предлагаетъ имъ новыя серіи непонятныхъ имъ словъ и выраженій, способныхъ скорѣе удалить ихъ отъ усвоенія даннаго текста и затемнить его точный смыслъ [1]). Подумайте только что эти свои бесѣды съ учащимися г. Гринфельдъ начинаетъ послѣ перваго же года обученія, когда они едва успѣли пройти первую еврейскую

[1]) Въ бесѣдѣ, напримѣръ, о Каинѣ и Авелѣ учитель сообщаетъ своимъ маленькимъ собесѣдникамъ, что Авель былъ „идеалистъ"... (стр. 26).

учебную книжку,—и вы легко представите себѣ, что такіе малыши могутъ вынести изъ его длиннѣйшихъ и скучнѣйшихъ разсужденій на разныя недоступныя для нихъ темы, составляющія содержаніе нашихъ „бесѣдъ".

А содержаніе это до того несуразное, что иногда кажется, будто авторъ затаилъ коварную мысль — нарочито показать всю несостоятельность такого „естественнаго" способа обученія библіи.

Стоитъ только представить себѣ, что малымъ дѣтямъ, едва осилившимъ еврейскую грамоту, читаютъ цѣлыя лекціи по географіи, космографіи, физіологіи, химіи и прочимъ наукамъ на непонятномъ для нихъ діалектѣ,—и читатель получитъ вѣрное понятіе о характерѣ „обычныхъ" бесѣдъ г. Гринфельда. Авторъ съ перваго же приступа пускается въ длиннѣйшія, хоть часто и невѣжественныя, экскурсіи въ эти именно серьезныя области, раскрывая передъ 7—8-лѣтними слушателями „тайны міросданія", разбавленныя курьезными благоглупостями о доеніи коровы, кашѣ съ медомъ, конфетахъ, селедкахъ и пр. Невозможно передать содержаніе „бесѣдъ", такъ какъ трудно сказать, чего только въ нихъ нѣтъ: это настоящій кладезь мудрости человѣческой и подвиговъ его ума. Здѣсь есть и казуистическій pilpul и кровеобращеніе, и о теоріи Дарвина, и о загробной жизни, о „дипломатіи" патріарха Авраама, и о купцахъ Строгановыхъ... Не забываетъ также г. Гринфельдъ и о надлежащемъ развлеченіи своихъ питомцевъ, въ перемежку съ серьезными занятіями. Вѣрный идеѣ „естественности" обученія, онъ превращаетъ свои уроки въ „маленькія представленія безъ декорацій", во время которыхъ учитель прячется за классную доску, а ученики устраиваютъ чучела, перебрасываются яблоками, залѣзаютъ подъ столъ и т. д.,—и смѣются, смѣются безъ конца... Какой-то „благодѣтель" развелъ садъ при школѣ г. Гринфельда,—и во время „бесѣдъ" ученики встаютъ и хоромъ провозглашаютъ благодарственный гимнъ въ честь сего благодѣтеля; лѣнивымъ дѣтямъ г. Гринфельдъ читаетъ комичныя „образцовыя" нотаціи и учитъ ихъ просить прощенія за мнимые проступки, въ цѣляхъ „натуральности" обученія; въ тѣхъ же цѣляхъ мальчуганы разсказываютъ вслухъ всей аудиторіи, какъ дома у нихъ пьютъ водку (стр. 37)... Это все, видите ли „представленія безъ декорацій", служащія къ развитію въ дѣтяхъ эстетическаго чувства. Нельзя не признать, что въ хедерѣ г. Гринфельда въ городѣ Ровнѣ бываетъ очень и очень весело!

Въ своей любопытной книжкѣ авторъ бесѣдуетъ не только съ

учениками, но попутно и съ учителями, которымъ онъ даетъ много мудрыхъ совѣтовъ, и съ читателями, которымъ онъ сообщаетъ подробности изъ личной жизни нѣкіихъ ровенскихъ обывателей, называемыхъ имъ по имени (стр. 31)! Между прочимъ, авторъ очень совѣтуетъ требовать отъ малютокъ, прошедшихъ первую „sedro“ Бытія, *письменнаго* изложенія ими пройденнаго, при чемъ ссылается на педагога Лубенца, находящаго исправленіе ученическихъ ошибокъ дѣломъ „весьма полезнымъ“, затѣмъ еще на какую-то статью какого-то учителя и на полученную авторомъ „открытку“ отъ издательской фирмы „Тушія“...

Кажется, съ „натуральными“ бесѣдами г. Гринфельда „объ окружающемъ мірѣ“ можно на этомъ и покончить. О второмъ же изъ названныхъ трудовъ его придется сказать немного. Это—длиннѣйшій комментарій-толкователь къ библейскому тексту, съ многочисленными примѣчаніями, разъясненіями, вокабуляріями и пр., и пр.,—толкователь, обличающій въ авторѣ яснаго противника изреченія о томъ, что во многоглаголаніи нѣсть спасенія. Кое-что изъ этого громоздкаго комментарія могло бы пожалуй, пригодиться для болѣе взрослыхъ учащихся при *переводномъ* методѣ, но къ „иврисъ беиврисъ“ это не имѣетъ, конечно, ни малѣйшаго отношенія. Кстати же, оба сочиненія г. Гринфельда обильно снабжены *переводами* еврейскихъ словъ и выраженій на русскій языкъ.

Авторъ, однако, полагаетъ, что имъ открытъ путь именно къ „натуральному“ обученію библіи: недаромъ же уполномоченный г. Шейнкинъ по ознакомленіи съ нѣкоторыми мѣстами изъ труда г. Гринфельда выразилъ сожалѣніе о томъ, что теперь-де „всѣ простые меламды сдѣлаются меламдами натуральными“ (см. предисловіе), и недаромъ также авторъ удостоился получить отъ многихъ лицъ много „hasskomess“, каковыя, однако, къ сожалѣнію, сдѣлались жертвою пожара, бывшаго въ городѣ Ровнѣ въ день 28-го мѣсяца кислева... (ibid.).

Впрочемъ, можно сочувствовать автору и вполнѣ съ нимъ согласиться, что чего-чего только не готовъ сдѣлать бѣдный меламедъ, вынужденный считаться съ требованіями вѣка...

Як. Каценельсонъ

чайныхъ поборовъ, особенно во время семилѣтней войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство старалось мѣшать естественному росту еврейскаго населенія. Для этой цѣли строго соблюдался законъ, ограничивавшій число семейныхъ евреевъ или „фамиліантовъ“: въ Богеміи такихъ фамиліантовъ могло быть не больше 20,000, а въ Моравіи—5100. Браки сверхъ этой нормы не разрѣшались.—Унизительныя ограниченія и репрессіи часто доходили до глумленія надъ евреями. Пражскіе евреи жаловались, что имъ не дозволяютъ покупать съѣстные припасы на рынкѣ раньше опредѣленнаго часа: овощи до 9, а живность до 11 часовъ утра; это дѣлалось съ цѣлью дать возможность христіанамъ раньше запастись провизіей, какъ практиковалось въ средневѣковой Германіи. Мѣстами власти настаивали даже на обязательномъ ношеніи евреями позорной „желтой нашивки“ на одеждѣ.—До чего доходило стѣсненіе евреевъ въ ремеслѣ и промыслахъ, видно изъ „льготъ“, которыя Марія Терезія, въ видѣ особой милости, дала евреямъ въ 1772 и 1775 г.,—а именно: 1) вопреки протесту христіанскихъ портняжныхъ цеховъ, дозволялось евреямъ продавать новое платье, изготовленное ихъ собственными портными; 2) дозволялось имъ заниматься ювелирнымъ дѣломъ, но безъ права держать учениковъ или подмастерьевъ; 3) дозволялось заниматься кожевеннымъ дѣломъ съ извѣстными ограниченіями.

§ 40. Пруссія. Въ достопамятномъ 1670 году, когда правительство католической Австріи изгнало евреевъ изъ Вѣны, для нихъ открылось убѣжище въ протестантской Пруссіи. Не гостепріимство или гуманность послѣдователей Лютера, помнившихъ юдофобскіе завѣты своего учителя, открыли евреямъ доступъ въ эту страну, а политическія соображенія монарха, положившаго начало будущей прусской гегемоніи въ Германіи. Великій курфирстъ Бранденбурга Фридрихъ-Вильгельмъ (1640—88), ставшій послѣ вестфальскаго мира владѣльцемъ обширной территоріи и сувереномъ Пруссіи, задался цѣлью путемъ поощренія промышленной колонизаціи поднять благосостояніе своего государства. Ставя себѣ въ образецъ промышленный строй Голландіи, служившей убѣжищемъ угнетенныхъ, онъ давалъ въ своихъ владѣніяхъ пріютъ гонимымъ во Франціи гугенотамъ и изгнаннымъ изъ Австріи евреямъ. Евреевъ въ Бранденбургѣ не было съ 1573 г., когда ихъ выжили оттуда народное суевѣріе и придворныя интриги (§ 17). Послѣ вестфальскаго мира, во вновь присоединенныхъ къ Бранденбургу провинціяхъ (Гальбертштадтъ, Клеве) оказались еврейскія общины, издавна тамъ существовавшія,—и курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ счелъ выгоднымъ для себя оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ. Онъ даже покровительствовалъ крупнымъ купцамъ изъ евреевъ и сдѣлалъ своимъ финансовымъ агентомъ

одного изъ нихъ, предпріимчиваго *Илью Гомперца* изъ Эммериха. Илья Гомперцъ часто ѣздилъ въ Амстердамъ по порученію курфирста для переговоровъ о займахъ, а въ военное время поставлялъ своему господину порохъ и оружіе. Фридрихъ-Вильгельмъ понялъ, что еврейскіе капиталисты, обогатившіе Голландію, могутъ быть полезны и Бранденбургу, и рѣшилъ привлечь таковыхъ и въ свои владѣнія.

Узнавъ весною 1670 г. о готовящемся выселеніи евреевъ изъ Вѣны, Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ своему вѣнскому посланнику Нейману, что онъ готовъ принять до 50 выселяемыхъ семействъ изъ числа „богатыхъ и состоятельныхъ людей, которые бы внесли свои капиталы въ страну". Посланникъ передалъ объ этомъ представителямъ вѣнской еврейской общины, и тѣ отправили въ Берлинъ депутацію изъ 12 человѣкъ (среди нихъ были родоначальники извѣстныхъ впослѣдствіи берлинскихъ аристократическихъ фамилій—Фейтъ, Рисъ и др.), для переговоровъ съ великимъ курфирстомъ. Черезъ годъ, въ маѣ 1671 г., были обнародованы условія, на которыхъ 50 семействъ изъ Австріи были допущены въ Берлинъ и другіе города Бранденбурга. Условія эти могли удовлетворить только безпріютныхъ изгнанниковъ, но были очень тяжелы и обидны съ гражданской точки зрѣнія. Евреямъ разрѣшалось жить во всѣхъ городахъ „Бранденбургской марки", безъ права пріобрѣтать недвижимость въ вѣчное владѣніе. За „покровительство" каждая семья должна уплачивать ежегодно 8 талеровъ и по одному золотому гульдену съ каждаго бракосочетанія и погребенія. Синагоги для публичнаго богослуженія строить нельзя, а можно только устраивать частныя молельни. Всѣ промыслы дозволены, кромѣ ссуды денегъ въ ростъ и вывоза хорошей монеты изъ страны. На такихъ правахъ иностранцевъ евреи были допущены во владѣнія курфирста временно, срокомъ на 20 лѣтъ, съ правомъ возобновленія договора по истеченіи этого срока. Эмигранты изъ Австріи селились въ Берлинѣ и другихъ городахъ Бранденбурга и Пруссіи, а вслѣдъ за ними въ запретную дотолѣ область проникли и евреи изъ сосѣднихъ германскихъ государствъ.

Берлинская еврейская община возникла и первоначально развивалась при условіяхъ, которыя никоимъ образомъ не могли предвѣщать ея будущую роль первостепенной общины Европы. Переселенцы допускались туда лишь послѣ тщательной провѣрки ихъ финансоваго ценза. Люди небогатые проникали въ Берлинъ украдкою, къ великой досадѣ властей и привилегированныхъ богатыхъ евреевъ. Христіанскіе горожане, относившіеся къ новымъ пришельцамъ враждебно, зорко слѣдили за ними и добились у курфирста ограниченій для нихъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ торговли.—

При этой узкой политикѣ разсчетливости изрѣдка, однако, допускались исключенія въ сторону гуманности. По волѣ курфирста, были допущены къ слушанію лекцій по медицинѣ во франкфурть-одерскомъ университетѣ двое любознательныхъ еврейскихъ юношей, которымъ медицинскій факультетъ раньше отказалъ въ пріемѣ. Одинъ изъ нихъ былъ Товій Когенъ-Рофе (1653—1729), членъ семьи, бѣжавшей во время казацкой рѣзни изъ Польши въ Эльзасъ, и авторъ популярной энциклопедіи естествознанія на еврейскомъ языкѣ (дальше, § 48).

Преемникъ великаго курфирста, принявшій въ 1701 г. титулъ „короля прусскаго“, Фридрихъ I строго держался по отношенію къ евреямъ политики „покровительства“, дорого оплачиваемаго. Онъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить требованіе земскихъ чиновъ Пруссіи объ изгнаніи евреевъ, успѣвшихъ поселиться въ Кенигсбергѣ, Тильзитѣ и Мемелѣ, и однородныя ходатайства „сословій“ въ другихъ провинціяхъ; но онъ заботился о томъ, чтобы число евреевъ не возрастало въ городахъ (въ деревняхъ имъ запрещалось жить), особенно же въ Берлинѣ. Здѣсь налогъ за „покровительство“, т. е. право жительства, на каждую отдѣльную семью (8 талеровъ) былъ замѣненъ валовой податью со всей общины (3000 талеровъ). Для всего еврейскаго населенія страны была установлена, взамѣнъ поголовной подати съ каждаго, общая сумма взносовъ—1000 дукатовъ (1700). Строго различали между евреями, имѣвшими патентъ на право жительства (vergleitete Juden), и непатентованными; послѣднихъ облагали штрафами и высылали изъ страны.—У Фридриха I были свои придворные факторы изъ евреевъ; особенно благоволилъ онъ къ берлинскому ювелиру *Іосту Либману*, который удовлетворялъ страсть короля къ драгоцѣннымъ камнямъ, давая ихъ ему въ кредитъ. Либману разрѣшалось имѣть въ своемъ домѣ синагогу; такую же частную молельню имѣли у себя представители фамилій Фейтъ и Рисъ. Между этими двумя приходами возникло соперничество, едва не перешедшее въ расколъ. Тогда король, вопреки старому запрету, разрѣшилъ построить въ Берлинѣ общественную синагогу (1712). Черезъ два года красивое зданіе синагоги было освящено въ присутствіи короля и придворныхъ. Еврейская община въ столицѣ Пруссіи была окончательно узаконена. Общинныя дѣла вѣдались выборными „старшинами“, утверждаемыми въ должностяхъ правительствомъ.

Одинъ курьезный случай вызвалъ вмѣшательство правительства въ религіозную жизнь евреевъ. Выкресты Францъ Венцель и Христіанъ Кацъ, извергнутые изъ общества прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, возобновили средневѣковое обвиненіе, что евреи въ заключительной ежедневной молитвѣ

„Олейну" поносятъ Христа и при упоминаніи его имени плюютъ. Указывали на извѣстную фразу этой молитвы: „Мы прославляемъ Бога, Творца міра за то, что Онъ не сдѣлалъ насъ подобными народамъ земли, *которые поклоняются суетному и пустому и молятъ Бога, неспособнаго помочь*" (подчеркнутыя слова исключены цензурой въ печатныхъ изданіяхъ молитвенниковъ). Въ этой фразѣ видѣли протестъ противъ христіанства, а въ словѣ „пустому"—скрытый намекъ на личность Іисуса (слова ויריק и ישו"ן по цифровому составу буквъ составляютъ одинаковое число—316). Когда объ этомъ доложили королю Фридриху I, онъ разослалъ приказъ всѣмъ провинціальнымъ администраторамъ: призвать раввиновъ и старшинъ еврейскихъ общинъ и допросить ихъ подъ присягою, дѣйствительно-ли въ молитвѣ „Олейну" имѣются анти-христіанскіе намеки. Допрошенные отвѣтили, что молитва направлена исключительно противъ язычниковъ. Христіанскій богословъ Михаэлисъ изъ Галле далъ также благопріятный для евреевъ отзывъ. Тѣмъ не менѣе въ душѣ короля осталось подозрѣніе противъ злополучной молитвы. Онъ издалъ эдиктъ (авг. 1703), чтобы при чтеніи „Олейну" евреи не произносили нѣкоторыхъ словъ шопотомъ, не плевали и не жестикулировали. Полицейскимъ чиновникамъ было поручено являться отъ времени до времени въ синагогу и слѣдить, чтобы подозрительная молитва читалась канторомъ громко и чтобы прихожане не плевали при произнесеніи извѣстныхъ словъ. Этотъ полицейскій надзоръ въ святомъ мѣстѣ оскорблялъ религіозное чувство евреевъ; впослѣдствіи онъ былъ смягченъ, благодаря ходатайству „придворныхъ" евреевъ, а въ эроху Моисея Мендельсона онъ былъ совсѣмъ отмѣненъ.

Незавидна была судьба прусскихъ евреевъ и въ царствованіе короля Фридриха-Вильгельма I (1714—40). Король увеличилъ общую сумму поборовъ съ берлинской еврейской общины, но за то разрѣшилъ торговцамъ открывать лавки наравнѣ съ христіанами и заниматься нѣкоторыми ранѣе запрещенными промыслами. Это возбудило ропотъ христіанскаго купечества. Не добившись у правительства ограниченій для своихъ конкурентовъ, купеческая гильдія Берлина, съ цѣлью опорочить ихъ, огласила слѣдующее постановленіе (1716): „Такъ какъ купеческая гильдія состоитъ изъ честныхъ людей, то въ ней не могутъ быть терпимы ни одинъ еврей, убійца, богохульникъ, разбойникъ, воръ, распутникъ, клятвопреступникъ и вообще люди, запятнанные грубыми пороками". Объявивъ такимъ образомъ міру о собственной добродѣтельности и о порочности конкурентовъ, христіанскіе лавочники могли успокоиться, тѣмъ болѣе, что и юдофобски настроенный король также принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы число евреевъ въ Бер-

линѣ не увеличилось сверхъ нормы. Въ 1730 г. онъ издалъ „Генеральную привиллегію и регламентъ относительно евреевъ“, гдѣ со всею строгостью нормировалось количество еврейскаго населенія въ Пруссіи. Право жительства еврей могъ передавать только своему взрослому старшему сыну, владѣвшему капиталомъ не менѣе, чѣмъ въ 2000 талеровъ; для слѣдующихъ сыновей цензъ, дающій право жительства, установленъ въ болѣе высокомъ размѣрѣ, и пропорціонально съ нихъ взимались большіе налоги. Въ Берлинѣ могло жить не больше 120 еврейскихъ семействъ, но такъ какъ ихъ оказалось 180, то король приказалъ выселить излишекъ. На жалобы разоренныхъ выселенцевъ онъ отвѣтилъ, что онъ скорѣе готовъ помириться съ уходомъ всѣхъ евреевъ изъ Берлина и потерею 20,000 талеровъ ежегоднаго дохода отъ нихъ, чѣмъ допустить разореніе своихъ христіанскихъ подданныхъ.

До какой степени въѣлась юдофобія въ сознаніе даже лучшихъ государственныхъ людей Пруссіи, видно изъ того, какъ обращались съ евреями въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ Фридриха II Великаго (1740—86). Этотъ „король-философъ“ доказалъ на дѣлѣ, что просвѣщенность и вольнодумство могутъ уживаться съ самыми грубыми предразсудками и попираніемъ элементарной гуманности. Фридрихъ II не скрывалъ, что “вообще не переноситъ евреевъ“ (die Juden überhaupt nicht portirt) и что завѣтное его желаніе—по возможности сократить ихъ число въ Пруссіи. Онъ не только оставлялъ евреевъ въ ихъ прежнемъ жалкомъ положеніи едва терпимыхъ иностранцевъ, но заботился о томъ, чтобы это положеніе отнюдь не улучшилось. Согласно „Генеральному регламенту“ Фридриха II (1750) и другимъ спеціальнымъ эдиктамъ, евреи въ Пруссіи состояли не подъ защитой общихъ законовъ, а подъ особой опекой или покровительствомъ короля (Schutzjuden). Это покровительство имѣло двѣ степени: ординарную и экстраординарную. Ординарнымъ покровительствомъ пользовались извѣстные богатые купцы, въ особенности фабриканты, которые послѣ смерти могли передавать свои права жительства и промысловъ своимъ старшимъ сыновьямъ; „экстраординарные“ же младшіе члены семьи пользовались правомъ подданства только для себя лично и могли передавать его своимъ дѣтямъ только по особой милости короля, на опредѣленныхъ условіяхъ. Желая возмѣстить какой-нибудь прибылью „вредъ“ для государства отъ прироста евреевъ, Фридрихъ обложилъ ихъ своеобразнымъ косвеннымъ налогомъ: всякій еврей, желавшій получить разрѣшеніе на женитьбу или на пріобрѣтеніе недвижимости, долженъ былъ предварительно купить партію фарфора, стоимостью отъ 300 до 500 талеровъ, на королевской фарфоровой фаб-

рикѣ и сбыть ее непремѣнно за границей. Вслѣдствіе дороговизны провоза, такіе вынужденные покупатели обыкновенно терпѣли убытки; но король тѣшилъ себя мыслью, что евреи поддерживаютъ прусскую „отечественную" промышленность. Заботясь объ увеличеніи числа фабрикъ въ странѣ, Фридрихъ иногда выдавалъ евреямъ просимыя концессіи или разрѣшалъ включить новыхъ членовъ семьи въ реестръ „ординарныхъ" подданныхъ подъ условіемъ, чтобы просители устроили фабрики и заводы.

Въ такихъ примитивныхъ формахъ опеки проявлялась по отношенію къ евреямъ система „просвѣщеннаго абсолютизма". Подданные „низшаго разряда" должны были служить объектомъ для экспериментовъ въ рукахъ короля, который во всякое время могъ выбросить ихъ за-границу. Улучшеніе положенія евреевъ никогда не входило въ разсчеты Фридриха Великаго, а размноженіе ихъ пугало его. Послѣ завоеванія Силезіи (1742), онъ оставилъ въ силѣ всѣ стѣснительные австрійскіе законы о евреяхъ этого края. Когда, послѣ перваго раздѣла Польши, въ составъ прусскаго королевства вошла западная часть Привислянскаго края съ значительнымъ еврейскимъ населеніемъ (1772), Фридрихъ II рѣшилъ изгнать изъ пріобрѣтенной провинціи около четырехъ тысячъ бѣдныхъ евреевъ, и его съ трудомъ отклонили отъ этого намѣренія. Поступившіе въ прусское подданство польскіе евреи утратили многія изъ тѣхъ гражданскихъ и національно-автономныхъ правъ, которыми они пользовались при польскомъ владычествѣ.

§ 41. **Германія.** Въ XVII и XVIII в. замѣчается усиленное перемѣщеніе центровъ еврейской діаспоры въ новые промышленные районы. Торговое процвѣтаніе Голландіи оживило промышленность въ бассейнѣ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, вызвало соревнованіе юной Пруссіи, пробудило отъ вѣкового сна старую Ганзу—вольные приморскіе города сѣверной Германіи. Въ эту эпоху возродилась міровая торговля города *Гамбурга*, и главными виновниками этого возрожденія были вездѣ гонимые и унижаемые евреи.

Основаніе новой колоніи въ Гамбургѣ положила въ началѣ XVII в. группа тѣхъ португальскихъ марановъ, которые въ то время создали крупный культурный центръ въ Амстердамѣ. Лютеранское бюргерство вольнаго города Гамбурга, вслѣдствіе узко-сословныхъ разсчетовъ и религіозной нетерпимости, не допускало въ свою среду евреевъ. Когда группа нѣмецкихъ евреевъ, съ ювелиромъ Исакомъ Залцуфеленомъ во главѣ, обратилась къ гамбургскому сенату съ просьбою о предоставленіи имъ хотя бы временнаго права жительства на выгодныхъ для города условіяхъ, ихъ просьба была отвергнута (ок. 1583 г.). Но вскорѣ въ Гамбургъ проникли иного рода евреи—

марраны изъ Португаліи, которые на первыхъ порахъ выдавали себя за католиковъ. Между ними были богатые коммерсанты - экспортеры, представители иностранныхъ фирмъ и врачи. Врачъ *Родриго де-Кастро* (ум. 1628) пріобрѣлъ популярность и въ христіанскомъ обществѣ Гамбурга во время борьбы съ посѣтившею городъ чумою. Мало-по-малу поселившіеся въ Гамбургѣ марраны, подобно своимъ голландскимъ братьямъ, стали сбрасывать маску христіанства и открыто исполнять обряды іудаизма. Тогда бюргеры заволновались и потребовали отъ сената изгнанія прокравшихся въ городъ пришельцевъ; это требованіе было энергично поддержано коллегіей мѣстнаго лютеранскаго духовенства, такъ называемымъ „министеріумомъ". Сенатъ, не желавшій выселенія цѣлой группы богатыхъ промышленныхъ дѣятелей, обратился къ богословскимъ факультетамъ Іены и Франкфурта на Одерѣ съ запросомъ, какъ слѣдуетъ относиться къ евреямъ. Іенскіе богословы отвѣтили, что евреи могутъ быть терпимы только подъ условіемъ, чтобы имъ запрещали собираться для публичнаго богослуженія и обязали ихъ слушать проповѣди христіанскихъ миссіонеровъ. Франкфуртскій факультетъ выразилъ наивную увѣренность, что португальскіе выходцы, бѣжавшіе отъ навязаннаго имъ христіанства, когда-нибудь возвратятся въ лоно церкви—лютеранской, разумѣется.

На этомъ основаніи сенатъ разрѣшилъ „португезамъ" или сефардамъ пребываніе въ Гамбургѣ (1612). Преслѣдуя исключительно коммерческія выгоды города, сенатъ предоставилъ новымъ поселенцамъ свободу промысловъ, но до крайности съузилъ ихъ личныя права: имъ запрещалось, какъ иностранцамъ, покупать недвижимость и строить синагогу, а хоронить покойниковъ дозволялось только въ сосѣдней *Альтонѣ*, на купленномъ ими тамъ участкѣ. Вышло такъ, что когда евреи уже устроили крупный промышленный банкъ (возникшій въ 1623 г. знаменитый Гамбургскій банкъ, содѣйствовавшій процвѣтанію германской торговли, имѣлъ въ числѣ своихъ учредителей 12 еврейскихъ капиталистовъ), они еще не имѣли своей синагоги. Имъ дозволялось сколько угодно служить Мамонѣ, но не опальному Богу Израиля. Эта безобразная аномалія не могла дольше продолжаться: численно возрастая, сефардская община въ Гамбургѣ воздвигла, вопреки запрещенію, небольшую синагогу подъ именемъ „Талмудъ-тора" и пригласила изъ Амстердама духовнаго пастыря—*Исаака Атіаса*, ученика Исаака Узіеля (1626).

Опять поднялась буря. Врагъ протестантизма, германо-австрійскій императоръ Фердинандъ II отправилъ гамбургскому сенату грозное посланіе, въ которомъ упрекалъ его въ допущеніи, ради меркантильныхъ цѣлей, рели-

гіозной свободы евреевъ тамъ, гдѣ ограничена свобода католическаго вѣроисповѣданія. На запросъ сената евреи дипломатически отвѣтили, что они устроили не синагогу, а только сборный пунктъ для совмѣстнаго чтенія Торы, Пророковъ и Псалмовъ; при этомъ они грозили, въ случаѣ притѣсненій со стороны властей, перевести свои торговыя предпріятія въ другой городъ. На сенатъ эти доводы подѣйствовали, но духовенство („министеріумъ“) не переставало агитировать противъ евреевъ. Въ этой агитаціи проявилъ особенное рвеніе фанатическій пасторъ Іоаннъ Миллеръ: онъ требовалъ закрытія синагоги, гдѣ „хулятъ Бога“, запрещенія практики евреямъ врачамъ и вообще подчиненія евреевъ всѣмъ средневѣковымъ репрессіямъ до ношенія „желтаго кружка“ включительно. Свои юдофобскія чувства Миллеръ излилъ въ книгѣ, озаглавленной: „Іудаизмъ, или подробное сообщеніе о невѣріи, ослѣпленіи и закоснѣлости еврейскаго народа“ (1644).

Но жизнь шла своимъ путемъ. Голосъ церковныхъ фанатиковъ заглушался шумнымъ тріумфальнымъ шествіемъ міровой торговли, однимъ изъ центровъ которой былъ Гамбургъ. Сефардская община въ этомъ городѣ насчитывала уже нѣсколько сотъ членовъ, между которыми были крупные негоціанты и такіе вліятельные въ политическихъ сферахъ люди, какъ: банкиры Діего-Авраамъ и его сынъ Мануилъ-Исаакъ *Тексейры* (послѣдній былъ консуломъ или резидентомъ шведской королевы Христины въ Гамбургѣ), *Яковъ Куріель* и *Нунецъ да-Коста*, резиденты португальскаго короля. Тексейры, стоявшіе во главѣ общины, вели жизнь богатыхъ сановниковъ, что требовалось ихъ высокимъ представительнымъ положеніемъ. Современникъ (Шудтъ) разсказываетъ, что однажды, когда Тексейра-отецъ проѣзжалъ по улицѣ въ одеждѣ гранда и роскошной каретѣ, одинъ лютеранинъ духовнаго званія, принявшій его за князя или курфирста, отвѣсилъ ему низкій поклонъ; узнавъ свою ошибку, бѣдный нѣмецъ сильно смутился и выразилъ сожалѣніе о томъ, что евреевъ нельзя превратить, какъ гибеонитовъ во время Іошуи, въ дровосѣковъ и водоносовъ для христіанъ. Хахамомъ гамбургскихъ сефардовъ былъ одно время (1666—72) знаменитый Яковъ Саспортасъ, вождь антисаббатіанцевъ (дальше § 47).

Во второй половинѣ XVII в. рядомъ съ сефардской общиной въ Гамбургѣ утвердилась община ашкеназовъ, выходцевъ изъ сосѣднихъ нѣмецкихъ земель. Первые ашкеназы проникли туда, повидимому, изъ близкой Альтоны, образующей съ Гамбургомъ почти одинъ городъ, но находившейся подъ протекторатомъ Даніи. Жившіе въ Альтонѣ евреи вели свои торговыя дѣла въ Гамбургѣ и постепенно образовали тамъ самостоятельную общину. Въ отличіе отъ сефардовъ, представителей крупной индустріи и экс-

порта, ашкеназы большею частью занимались мелкой торговлей, но и между ними были зажиточные купцы—ювелиры, мѣнялы, мануфактуристы и др. Нѣмецкіе бюргеры притѣсняли ихъ еще больше, чѣмъ сефардовъ, имѣвшихъ политическія связи заграницей; однако, это не мѣшало общинамъ Гамбурга и Альтоны развиваться. Вскорѣ къ нимъ присоединилась община сосѣдняго городка *Вандсбека*. Всѣ эти три общины ашкеназовъ соединились подъ главенствомъ одной раввинской коллегіи, имѣвшей свою резиденцію въ Альтонѣ. Раввинами тріединой общины *Агавъ* (אח"ו — инициалы словъ: Альтона-Гамбургъ-Вандсбекъ) были въ XVIII в. такія знаменитости, какъ І. Каценеленбогенъ, Іонатанъ Эйбшицъ и Рафаилъ Когенъ. Въ силу присущей ашкеназамъ приспособляемости къ самымъ неблагопріятнымъ условіямъ, ихъ община въ Гамбургѣ прогрессивно росла въ то время, какъ сефардская приходила въ упадокъ. Сефарды не мирились съ безправіемъ и переселялись въ Голландію, Англію и Америку.

Мемуары современницы *Гликель Гамель*, жены одного виднаго члена гамбургской ашкеназской общины (они написаны на тогдашнемъ нѣмецко-еврейскомъ разговорномъ языкѣ) раскрываютъ внутреній бытъ нѣмецкихъ евреевъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. Типичнымъ представляется слѣдующее изображеніе зажиточнаго купца-ювелира: „Мой мужъ сначала торговалъ золотыми издѣліями. Онъ ходилъ изъ дома въ домъ и скупалъ золото, а затѣмъ продавалъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ или купцамъ, которые обыкновенно перепродавали (издѣлія) женихамъ (для подарковъ) и прилично на этомъ зарабатывали. (Позже этотъ разбогатѣвшій ювелиръ расширилъ свои дѣла, ѣздилъ съ товарами въ Амстердамъ и другіе торговые центры и дѣлалъ обороты на десятки тысячъ талеровъ). И хотя мой мужъ бывалъ крайне утомленъ послѣ цѣлаго дня бѣготни, тѣмъ не менѣе онъ не пропускалъ установленнаго часа ученія („шіуръ") и всегда постился въ дни чтенія Торы (по понедѣльникамъ и четвергамъ); этотъ порядокъ нарушался только потомъ, когда онъ сталъ совершать большія поѣздки, которыя измучивали его, вообще слабаго здоровьемъ и часто прибѣгавшаго къ врачебной помощи. Онъ себя не щадилъ и много разъѣзжалъ, чтобы съ честью прокармливать жену и дѣтей, которыхъ горячо любилъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ истинно набожный еврей, подобно своему отцу и братьямъ, Я знаю мало людей среди раввиновъ, которые молились бы съ такимъ усердіемъ, какъ мой мужъ. Когда онъ молился въ своей комнатѣ и въ это время кто-нибудь приходилъ съ очень выгоднымъ коммерческимъ предложеніемъ („меціа"), то ни я и никто изъ дѣтей не осмѣливались отрывать его отъ молитвы, хотя бы отъ промедленія предстояли большіе убытки".

Изъ тѣхъ же мемуаровъ видно, какъ воспитывали дѣтей, какъ женили ихъ и выдавали замужъ и какъ они потомъ вели борьбу за существованіе при ограниченности доступныхъ евреямъ промысловъ. Способныхъ юношей посылали для усовершенствованія въ Талмудѣ въ Польшу, какъ центръ раввинизма, преимущественно въ сосѣднюю Познанскую область. Ранніе браки (для дѣвушекъ въ возрастѣ отъ 15 лѣтъ, а для юношей—отъ 16—17 лѣтъ) заставляли родителей обезпечивать новобрачныхъ приданымъ и сверхъ того держать ихъ на своемъ иждивеніи въ первые годы послѣ свадьбы. Брачныя партіи заключались чрезвычайно просто: по предложенію свата („шадхена"), житель Гамбурга списывался съ своими родными и знакомыми въ Берлинѣ, Ганноверѣ или Франкфуртѣ, узнавалъ о личныхъ качествахъ предлагаемыхъ жениха или невѣсты для своей дочери или сына, о матеріальной обезпеченности ихъ родителей и о количествѣ приданаго,— и если справки оказывались удовлетворительными, то родители съѣзжались (обыкновенно на ярмаркахъ) и большей частью въ отсутствіи дѣтей заключали предварительный договоръ („тноимъ"). Молодые нерѣдко впервые встрѣчались уже потомъ—подъ брачнымъ балдахиномъ. Позже начиналась для неопытнаго молодого человѣка, ставшаго главою семейства, полоса борьбы за существованіе: торговля, векселя, платежи, банкротства—со всѣми аксессуарами лихорадочной и неустойчивой еврейской коммерціи.

Еще хуже было положеніе въ старыхъ гетто Германіи. Во *Франкфуртѣ-на-Майнѣ* числилось въ 1694 году 415 еврейскихъ семействъ, изъ которыхъ только половина имѣла „опредѣленныя занятія": 109 занимались ссудою денегъ и торговлею старыми вещами, 106—мануфактурной и галантерейной торговлей, 26—бакалейной, 9 продавали въ розницу вино и пиво, 5 содержали гостиницы и рестораны. Прочіе кормились около этихъ „обезпеченныхъ" людей. Количество еврейскаго населенія было въ дѣйствительности больше указанной цифры зарегистрированныхъ жителей. Когда въ 1711 г. пожаръ истребилъ еврейскій кварталъ (Judengasse) во Франкфуртѣ, то безъ крова осталось около 2000 чел. Все это населеніе ютилось въ тѣсномъ гетто, откуда выходъ въ „христіанскій городъ" разрѣшался только въ опредѣленные часы дня. Съ вечера ворота еврейскаго квартала запирались, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ они запирались уже съ 4-хъ часовъ пополудни; охранявшая выходы стража пропускала въ городъ лишь для экстренныхъ надобностей, вродѣ приглашенія врача или отправки письма на почту. На городскихъ улицахъ евреи могли ходить только по мостовой, а не по тротуарамъ. Уличные мальчишки дразнили проходившихъ евреевъ, крича: „Mach Mores, Jud!"—и несчастные должны

были снимать шапку изъ опасенія быть избитыми. До такого униженія довело евреевъ бюргерство вольнаго города Франкфурта, въ лицѣ своего органа самоуправленія—городского совѣта.

Въ первые годы XVIII в. евреи Франкфурта и другихъ городовъ были взволнованы начавшейся противъ нихъ литературной агитаціей. Протестантскій ученый *Іоаннъ Эйзенменгеръ*, читавшій лекціи восточныхъ языковъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ, задался цѣлью изобличить заблужденія и пороки еврейства на основаніи якобы научныхъ официальныхъ источниковъ. Познакомившись поверхностно съ раввинской письменностью, онъ извлекъ оттуда подходящія изреченія и анекдоты, собралъ изъ старой и новой юдофобской литературы всѣ злобныя обвиненія противъ іудейства и евреевъ, и на этомъ основаніи составилъ по-нѣмецки нѣчто въ родѣ энциклопедіи по юдофобіи, въ двухъ большихъ томахъ. Длинное заглавіе книги Эйзенменгера уже достаточно характеризуетъ ея содержаніе и тонъ. Вотъ это заглавіе: „*Разоблаченное Еврейство* („Entdecktes Judenthum"), или основательное и правдивое извѣстіе о томъ, какъ закоснѣлые евреи ужаснѣйшимъ образомъ поносятъ и безчестятъ пресвятую Троицу... святую Матерь Божію, Новый Завѣтъ, евангелистовъ и апостоловъ, христіанскую религію, и какъ они вообще презираютъ и проклинаютъ все христіанство. При этомъ приводится еще многое другое, мало или совсѣмъ неизвѣстное, о великихъ заблужденіяхъ іудейской религіи, а также разсказываются разныя забавныя побасенки. Все это доказано на основаніи ихъ собственныхъ книгъ, прочитанныхъ съ великимъ трудомъ и неутомимымъ прилежаніемъ... Составлено для свѣдѣнія и вѣрнаго руководства чистосердечныхъ христіанъ". Когда эта книга съ столь вызывающимъ заглавіемъ находилась еще въ печати во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, о ней уже носились слухи, которые тревожили мѣстныхъ евреевъ. Они обратились (1700 г.) къ своему вліятельному соплеменнику въ Вѣнѣ, придворному банкиру Самуилу Оппенгейму, съ просьбою ходатайствовать предъ императоромъ Леопольдомъ I о запрещеніи книги Эйзенменгера, способной разжечь народныя страсти противъ еврейскаго населенія. Благодаря энергичнымъ хлопотамъ Оппенгейма, Леопольдъ I приказалъ опечатать и держать подъ замомъ все изданіе, состоявшее изъ 2000 экземпляровъ. Евреи предлагали Эйзенменгеру въ возмѣщеніе его издержекъ 12,000 гульденовъ съ тѣмъ, чтобы онъ уничтожилъ книгу; но онъ требовалъ 30,000—и сдѣлка не состоялась. Вскорѣ Эйзенменгеръ умеръ (1704). Его наслѣдники энергично добивались снятія запрета съ его книги. Имъ удалось заинтересовать въ этомъ дѣлѣ прусскаго короля Фридриха I, который въ то время былъ предубѣжденъ противъ іудаизма изъ-за

молитвы „Олейну“ (§ 40). Фридрихъ заступился за опальное сочиненіе. Онъ просилъ императора снять запретъ съ книги Эйзенменгера, который имѣлъ благое намѣреніе разоблачить религіозныя заблужденія евреевъ. Король поставилъ при этомъ на видъ, что запрещеніе книги совершенно разорило автора и даже ускорило его смерть. Но такъ какъ ни Леопольдъ, ни преемникъ его Іосифъ I не удовлетворяли ходатайства Фридриха, то съ разрѣшенія послѣдняго книга Эйзенменгера была перепечатана въ Кенигсбергѣ, гдѣ имперская цензура не имѣла власти (1711). Съ тѣхъ поръ книга „Разоблаченное еврейство“—одинъ изъ недобросовѣстнѣйшихъ памфлетовъ, когда-либо опубликованныхъ—служила неисчерпаемымъ арсеналомъ, откуда брали свое ржавое оружіе юдофобы всѣхъ странъ. Оттуда заимствовались искаженныя талмудическія цитаты, раввинскія изреченія и житейскіе курьезы, выставлявшіе еврейство въ смѣшномъ или отталкивающемъ видѣ. Сочиненіе Эйзенменгера положило начало литературной юдофобіи, имѣвшей особенно роковыя послѣдствія въ ученой Германіи. Подобныя обличенія служили какъ бы оправданіемъ для системы законодательныхъ ограниченій, практиковавшейся относительно евреевъ въ Пруссіи и въ остальной Германіи. Подъ излюбленную систему былъ подведенъ теоретическій фундаментъ, и педантичные нѣмцы этимъ вполнѣ удовлетворялись.

Народное предубѣжденіе противъ евреевъ особенно рѣзко проявилось въ одномъ политическо-судебномъ процессѣ, нашумѣвшемъ тогда на всю Германію. При дворѣ герцога Карла-Александра Виртембергскаго (1733—37) въ Штутгартѣ состоялъ, въ роли финансоваго совѣтника и фактора, предпріимчивый еврей *Іосифъ-Зисъ Оппенгеймеръ*, пріобрѣвшій коммерческую опытность службою въ торговыхъ домахъ Франкфурта, Амстердама и Вѣны и занимавшійся поставками для армій разныхъ нѣмецкихъ князей. Герцогъ Карлъ—типичный нѣмецкій правитель того времени, съ ограниченными средствами и аппетитами феодала-крѣпостника—пользовался услугами своего еврейскаго фактора для самыхъ рискованныхъ финансовыхъ и фискальныхъ предпріятій. Зису Оппенгеймеру онъ отдалъ контроль надъ монетнымъ дѣломъ, взиманіемъ налоговъ и казенной монополіей разныхъ производствъ, требуя отъ него только одного—увеличенія всѣми способами казеннаго, т. е. герцогскаго, дохода. Еврей, фактически занимавшій должность министра финансовъ, усердно исполнялъ волю своего господина, изыскивалъ новые источники обложенія, и установилъ очень строгія правила для обезпеченія аккуратнаго взиманія податей, а торговлю стѣснялъ монополизаціей разныхъ промысловъ въ пользу государства. Народъ видѣлъ въ Оппенгеймерѣ не

только орудіе алчнаго деспота, но и злонамѣреннаго „жида“, пользующагося властью для притѣсненія христіанскаго населенія; придворные сановники также не любили еврейскаго временщика и искали случая погубить его. Во время денежнаго кризиса, охватившаго Германію, Оппенгеймера обвиняли въ чеканкѣ неполноцѣнной монеты и въ выпускѣ монетъ сверхъ установленной нормы; ему удалось оправдаться отъ этого обвиненія предъ коммиссіей экспертовъ, но его враги находили другіе пути, чтобы его скомпрометировать. Всѣ дурныя мѣропріятія герцога приписывались внушенію еврейскаго фаворита; послѣднему вмѣнили въ преступленіе, что онъ облегчилъ еврейскимъ купцамъ доступъ въ Виртембергъ. Когда герцогъ не обратилъ вниманія на протестъ сословныхъ чиновъ противъ проектированной монополизаціи табачной, винной и соляной торговли, вину свалили на его сообщника „еврея Зиса“. Показная роскошь обстановки Оппенгеймера раздражала народъ. Непопулярный „финансовый совѣтникъ“ понималъ всю опасность своего положенія и просилъ герцога объ отставкѣ, но тотъ не отпускалъ его. А въ моментъ, когда герцогъ согласился, наконецъ, отпустить своего совѣтника, разразилась катастрофа. Во время прощальнаго свиданія съ Оппенгеймеромъ въ Людвигсбургѣ, герцогъ Карлъ внезапно умеръ (мартъ 1737). Оппенгеймеръ поспѣшилъ съ однимъ полковникомъ изъ герцогской свиты въ Штутгартъ, чтобы извѣстить герцогиню о случившемся. Но тутъ его ждалъ арестъ; его бросили въ темницу вмѣстѣ съ другими штутгартскими евреями. Допросъ съ пыткою выяснилъ виновность ненавистнаго министра во всѣхъ семи смертныхъ грѣхахъ. Судъ приговорилъ его къ повѣшенію. Ему прочли приговоръ и предложили принять христіанскую вѣру, но онъ отвѣтилъ: „Я хочу умереть евреемъ; я страдаю отъ насилія и несправедливости“. Осужденнаго повезли на площадь и казнили при огромномъ стеченіи народа (3 февр. 1738). Его предсмертные крики „Шема Исраиль“ были заглушены ликующими возгласами толпы. Современныя гравюры увѣковѣчили картину казни Оппенгеймера. Подъ одной изъ нихъ злорадный стихотворецъ начерталъ: „Süss, der Mosen schlecht gelesen, und doch auch kein Christ gewesen, der die Geistlichkeit verlachet, und das Volk so arm gemachet... Hof und Land zugleich betrogen, falsche Münz ins Land gezogen, die Gesetze nicht betrachtet, alles Recht durchaus verachtet, muss jetzt wie ein Hund crepiren, und zum Lohn den Galgen zieren“ (Зисъ, плохо читавшій Моисея и не бывшій также христіаниномъ, осмѣивавшій духовенство и доведшій до нищеты народъ... обманывавшій и дворъ, и всю страну, ввезшій въ государство фальшивую монету, неуважавшій законовъ

и презиравшій всякое право—долженъ теперь издохнуть, какъ собака, и въ награду украсить собою висѣлицу).

§ 42. **Италія; римское гетто.** Нигдѣ въ описываемую эпоху политика гетто или „замкнутыхъ дверей“ не проводилась такъ послѣдовательно, нигдѣ „патріархальная“ опека надъ обитателями еврейскихъ кварталовъ не осуществлялась съ такимъ усердіемъ, какъ въ папскихъ владѣніяхъ Италіи—и главнымъ образомъ въ *Римѣ*. Со времени католической реакціи второй половины XVI в., когда фанатическій папа Павелъ IV и его преемники возстановили средневѣковое каноническое право о евреяхъ во всей его жестокости (§ 10),—жизнь узниковъ гетто въ Папской области стала невыносимою. Изгнавъ евреевъ изъ своихъ владѣній за исключеніемъ Рима и Анконы, папы какъ будто для того только сохранили у себя этотъ „остатокъ Израиля“, чтобы производить надъ нимъ разнообразные опыты въ церковномъ духѣ. Евреямъ дозволялось жить даже близъ „святого престола“, но жить такъ, чтобы служить яркимъ примѣромъ торжества церкви и униженности синагоги. Римское гетто состояло при папской куріи какъ образцовый питомникъ, въ которомъ клерикальная техника вырабатывала либо жалкихъ паріевъ, отбывающихъ наказаніе за принадлежность къ осужденной религіи, либо спасенныхъ неофитовъ, почти насильно влекомыхъ въ „лоно церкви“. Не истреблять евреевъ—любвеобильная церковь не переноситъ жестокости,—но держать ихъ въ самомъ постыдномъ рабствѣ и наглядно доказать христіанскому міру, какъ караются Христомъ „враги“ Его—такова дьявольская политика римской куріи, проводимая въ XVII и XVIII в. съ большимъ усердіемъ, чѣмъ въ XIII-мъ. Этой политикѣ слѣдуютъ неуклонно всѣ папы второй половины эпохи „католической реакціи“ (1648—1775).

Еврейскій кварталъ въ Римѣ (Ghetto или Serraglio, т. е. огороженное мѣсто) находился на берегу Тибра, въ низменности, которая во время наводненій или разливовъ рѣки часто затоплялась водой. Отъ другихъ частей города этотъ кварталъ отдѣлялся сплошной стѣной; въ нѣсколькихъ пунктахъ ея находились ворота для выхода въ городъ. Противъ главныхъ воротъ стоялъ большой деревянный крестъ, съ еврейскою надписью изъ пророчества Іешаи (гл. 65, 2): „Весь день я простираю руки къ народу непокорному“,—что должно было обозначать скорбь церкви о невѣріи евреевъ. „Скорбящая церковь“ не довольствовалась, однако, этимъ нѣмымъ символомъ у воротъ гетто, а поставила тамъ живую стражу для надзора за обитателями квартала. На ночь ворота гетто запирались, и охранявшая ихъ стража пропускала опаздывавшихъ только по особымъ удостовѣреніямъ

папской полиціи. Такъ какъ буллами Павла IV и его преемниковъ евреямъ запрещалось владѣть недвижимостью въ Папской области, то у нихъ даже въ гетто не было собственныхъ домовъ; всѣ дома здѣсь принадлежали христіанамъ, которые отдавали ихъ въ наемъ жильцамъ-евреямъ. Домовладѣльцы, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ жильцовъ, брали съ нихъ очень высокія цѣны за квартиры, и жалобы эксплоатируемыхъ заставляли римскую курію регулировать квартирныя цѣны въ гетто. По указанію путешественника, посѣтившаго Римъ въ 1724 г. (Авраама Леви изъ Германіи), въ еврейскомъ кварталѣ, состоявшемъ изъ двухъ большихъ и шести малыхъ улицъ, жило въ крайней тѣснотѣ около 3000 семействъ, т. е. 20—25 тысячъ человѣкъ. Большинство ихъ занималось мелкою торговлею и ремеслами. Улицы гетто были усѣяны лавками и лавочками, гдѣ торговали всѣмъ, начиная съ съѣстныхъ припасовъ и кончая старымъ платьемъ. Торговля старьемъ особенно поощрялась римскими властями, какъ „привилегированное“ занятіе стараго народа; старьевщики имѣли право обходить и христіанскій городъ для закупки подержанныхъ вещей и даже имѣть склады своихъ товаровъ внѣ гетто. Изъ ремеслъ самымъ распространеннымъ было портняжество. „Часто въ лѣтнее время—разсказываетъ современникъ—видишь сотни портныхъ, сидящихъ за своей работой на улицахъ, возлѣ дверей своихъ жилищъ. Женщины изготовляютъ тутъ-же пуговицы и петли для пуговицъ. Эти мастерицы такъ усовершенствовались въ своемъ ремеслѣ, что портные другихъ народностей изъ всего города заказываютъ имъ изготовленіе пуговицъ и петель. Въ общемъ три четверти евреевъ (ремесленниковъ) суть портные, а прочіе занимаются другими ремеслами“. Сохранился слѣдующій списокъ еврейскихъ профессій въ римскомъ гетто отъ 1726 года: портные, шьющіе платья какъ изъ сукна, такъ и изъ полотна, для мужчинъ и женщинъ; лавочники, золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры, сѣдельщики (шорники), кожевенники, кузнецы, столяры, рыбаки; торговцы коврами, шелковыми издѣліями и дорогими матеріями изъ Леванта. Сверхъ того существовала группа банкировъ и владѣльцевъ ссудныхъ кассъ. Христіанскіе цехи и гильдіи часто возбуждали передъ куріей ходатайства о запрещеніи евреямъ того или другого ремесла или вида торговли, и нерѣдко успѣвали въ этомъ. Папа Иннокентій XI запретилъ евреямъ заниматься банкирскимъ дѣломъ (1682), а Иннокентій XIII издалъ буллу о томъ, чтобы они продавали только старое платье, но отнюдь не новое. Однако, такіе запреты обыкновенно нарушались въ силу желѣзной экономической необходимости.

Изъ этого, преимущественно бѣднаго, трудового населенія гетто папская

курія выжимала непомѣрные налоги, подчасъ крайне унизительные для религіознаго и національнаго чувства плательщиковъ. Въ одной петиціи на имя кардинала-викарія, непосредственнаго начальника гетто, группа еврейскихъ купцовъ перечисляетъ эти обидные налоги: налогъ въ пользу апостолической и капитолійской камеры, дома „катехуменовъ“ (евреевъ, приготовляемыхъ къ крещенію) и стражи у воротъ гетто; плата за миссіонерскія проповѣди священниковъ въ еврейскихъ собраніяхъ, за право ѣсть „мацу“ въ Пасху и т. п. Эти налоги, взимаемые съ крайней строгостью, разоряли еврейскую общину, которая должна была прибѣгать къ займамъ для уплаты ихъ; въ началѣ XVIII в. долгъ общины по займамъ возросъ до колоссальной цифры—400,000 скуди (свыше полумилліона рублей), превосходившей сумму годового дохода всѣхъ обитателей гетто.

Съ конца XVII в. былъ установленъ еще одинъ спеціальный налогъ, связанный съ оскорбительной для евреевъ церемоніей. Въ прежнее время существовалъ такой варварскій обычай: въ разгульные дни католическаго карнавала (масляницы) выгоняли группу евреевъ на скаковую площадь и тамъ заставляли состязаться въ бѣгѣ до полнаго изнеможенія. Раввины и почетные представители общины должны были пѣшкомъ сопровождать кортежъ римскихъ сенаторовъ по всему Корсо, служа предметомъ насмѣшекъ для уличныхъ шалуновъ и буяновъ. Вслѣдствіе жалобъ евреевъ, папа Климентъ IX въ 1668 г. замѣнилъ принудительное участіе ихъ въ карнавалѣ ежегоднымъ налогомъ въ 300 скуди въ пользу магистрата или „сената“, но и поднесеніе этого налога должно было сопровождаться унизительной церемоніей. Каждый годъ въ первый день карнавала депутаты отъ еврейской общины съ раввиномъ отправлялись въ капитолійскій дворецъ, гдѣ возсѣдали члены римскаго сената и „консерваторы“, опускались передъ ними на колѣни и произносили привѣтствіе со смиренной мольбой о защитѣ. На это старшина консерваторовъ строгимъ тономъ отвѣчалъ, что магистратъ надѣется на послушаніе евреевъ и аккуратную уплату ими податей, и свое „привѣтствіе“ оканчивалъ грубымъ окрикомъ: „ступайте!“ (andate!). Депутаты, уплативъ дань, уходили и еще на улицѣ слышали за собою насмѣшливые крики уличной толпы: ступайте, ступайте!

Ношеніе отличительной одежды было обязательно для евреевъ безъ различія пола, званія и общественнаго положенія; по закону, мужчины должны были носить на головѣ желтую шапку (барретъ), а женщины—головной уборъ изъ куска желтой матеріи шириною въ полтора локтя. Съ теченіемъ времени евреи перемѣнили желтый цвѣтъ головного убора на оранжевый, а потомъ перешли къ красному, такъ что „барреты“ мужчинъ были со-

вершенно одинаковы съ красными кардинальскими шапками. Во избѣжаніе „соблазна", курія приказала евреямъ вновь вернуться къ желтому цвѣту, и особенно строго слѣдила за этимъ въ „юбилейный годъ святой церкви"—1700, когда масса пилигримовъ явилась въ Римъ изъ всѣхъ странъ Европы.

Издѣвательство надъ религіозными убѣжденіями евреевъ приняло чудовищную форму въ институтахъ „принудительной проповѣди" (predica coattiva) и „дома катехуменовъ". Установленное еще при папѣ Григоріи XIII (§ 10) обязательное слушаніе евреями миссіонерскихъ проповѣдей католическихъ патеровъ контролировалось съ особенной строгостью. Каждую субботу послѣ обѣда въ гетто являлись полицейскіе надзиратели и гнали въ церковь, для слушанія проповѣди, мужчинъ, женщинъ и дѣтей старше 12 лѣтъ [1]). На проповѣди должны были являться не меньше 100 мужчинъ и 50 женщинъ (позже 300 мужчинъ и 200 женщинъ). „Ровно въ два часа пополудни—разсказываетъ очевидецъ (1724)—слушатели должны явиться въ особо для того назначенную церковь. Здѣсь висѣло большое деревянное изображеніе на крестѣ (Распятіе), прикрытое мѣшкомъ, дабы евреи надъ нимъ не смѣялись. Тутъ разставлены и скамьи для сидѣнія, причемъ мужчины и женщины сидятъ отдѣльно, отдѣленные другъ отъ друга гардиной, какъ въ синагогахъ. На возвышеніи устроена каѳедра, на которой стоитъ попъ. Онъ начинаетъ свою проповѣдь громкимъ голосомъ и пересыпаетъ ее такою массою еврейскихъ словъ, что можно его принять за еврея [2]). Проповѣдь состоитъ въ томъ, что сначала ораторъ превозноситъ евреевъ, какъ избранный Богомъ народъ, а потомъ говоритъ противное, отзывается о нихъ презрительно, называетъ жестоковыйнымъ племенемъ, такъ какъ они не внемлютъ его ученіямъ. Въ это время (проповѣдь продолжается два часа) всѣ должны сидѣть совершенно тихо, не произносить ни слова и не спать, ибо тутъ же находятся надзиратели, которые слѣдятъ за этимъ и строго наказываютъ нарушителей. Всѣхъ слушателей записываютъ, чтобъ знать, кто явился и кто нѣтъ. Неявившихся штрафуютъ

---

[1]) Эти проповѣдники - миссіонеры часто вербовались изъ среды крещеныхъ евреевъ.

[2]) Относительно мѣста проповѣдей существуетъ разногласіе между историками: одни полагаютъ, что онѣ произносились въ синагогахъ; другіе—въ церковныхъ ораторіумахъ или въ нѣкоторыхъ церквахъ, особо для того отведенныхъ. Послѣднее мнѣніе, документально подтвержденное д-ромъ Берлинеромъ его [illegible] смъ трудѣ „Geschichte der Juden in Rom" (№ 19,37,87), принято здѣсь къ руководству.

въ 25 баіокки каждаго, что составляетъ полгульдена на нѣмецкія деньги."

Евреи съ отвращеніемъ отбывали повинность „принудительной проповѣди"—и дѣло обращенія, конечно, подвигалось очень туго. Тогда на помощь слову патера являлась палка „сбира", полицейскаго служителя. Часто въ еврейскія жилища врывались сбиры и уводили того или другого члена семьи, подъ предлогомъ, что онъ гдѣ-то выразился о своемъ сочувствіи христіанству или о намѣреніи креститься. Намѣченную жертву, большей частью юношу или дѣвушку, отвозили въ „домъ катехуменовъ", спеціально устроенный для подготовленія евреевъ къ принятію крещенія. Тамъ плѣнника держали 40 дней и то увѣщаніями, то угрозами старались склонить къ отреченію отъ „іудейскаго заблужденія". Слабыя натуры иногда поддавались внушенію или насилію, и надъ ними съ большою помпою совершался обрядъ крещенія; „упорные" же отпускались назадъ въ гетто, послѣ того какъ они уплачивали за свое содержаніе въ домѣ катехуменовъ, т. е. за сорокадневное заточеніе и нравственныя муки. Кадры выкрестовъ пополнялись изъ числа уголовныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть или каторгу, но помилованныхъ подъ условіемъ принятія крещенія. Въ домъ катехуменовъ шли забеременѣвшія дѣвушки, чтобы скрыть тамъ свой позоръ. Добровольно перешедшимъ въ лоно церкви выдавалось изъ папской казны сто скуди на душу (150 руб). Авантюристы и торговцы совѣстью иногда продавали вѣру свою за такую сумму и для этой цѣли пріѣзжали въ Римъ даже изъ другихъ городовъ. Современникъ говоритъ, что буяны гетто во время ссоръ и дракъ часто грозили другъ другу: „Я тебя зарѣжу, а потомъ сдѣлаюсь христіаниномъ!" Убійцы и воры знали, что отъ наказанія можетъ избавить ихъ одно слово о желаніи креститься. „Такихъ людей—съ наивной ироніей замѣчаетъ современникъ—у другихъ народовъ посылаютъ на галеры, а тутъ имъ еще выдаютъ награду въ сто скуди". Благодаря такимъ пріемамъ пропаганды, число выкрестовъ въ Римѣ было значительно (упомянутый путешественникъ насчиталъ въ 1724 г. 5000). Они жили недалеко отъ гетто, въ особомъ кварталѣ, и полиція зорко слѣдила, чтобы между этими двумя кварталами не было никакого сообщенія. Еврей, забредшій на улицу „отпавшихъ", платилъ большой штрафъ.

Инквизиціонный трибуналъ при куріи заботился и о цензурѣ еврейскихъ книгъ, которыя подвергались гоненіямъ еще при Павлѣ IV. Разъ въ 10 или 15 лѣтъ эти духовные цензоры предпринимали ревизію еврейскихъ библіотекъ. Для этого они совершали набѣгъ на гетто, искали въ

домашнихъ и синагогальныхъ библіотекахъ и забирали всѣ книги, на которыхъ не было надписей прежнихъ ревизоровъ. Такія книги пересматривались цензорами, и если тамъ попадались „антихристіанскія“ мѣста, то они зачеркивались такъ, чтобы ихъ нельзя было читать; послѣ этой операціи „очищенныя“ книги съ разрѣшительной надписью возвращались владѣльцамъ. Книжные люди изъ евреевъ часто возстановляли потомъ зачеркнутыя мѣста приписками на поляхъ, рискуя конфискаціей книги при вторичной ревизіи.

При такихъ условіяхъ задачи самоуправленія еврейской общины въ Римѣ были чрезвычайно сложны и трудны. Община состояла изъ двухъ большихъ группъ: „итальянцевъ“ и „ультрамонтановъ“, или туземцевъ и иммигрантовъ; вторая группа распадалась на землячества, изъ которыхъ каждая имѣла свою синагогу: существовали синагоги „каталонцевъ“, „кастиліанцевъ“, „арагонцевъ“, „царфатимъ“ и „ашкеназимъ“ — слѣды иммиграціонныхъ слоеній цѣлаго ряда вѣковъ. Весь этотъ разнородный составъ объединялся выборной администраціей въ лицѣ общиннаго совѣта или „Congrega“. Совѣтъ состоялъ изъ 60 членовъ, избиравшихся ежегодно въ теченіе трехъ траурныхъ недѣль, отъ 17 Тамуза до 9 Ава. Совѣтъ выдѣлялъ изъ себя постоянную исполнительную коммиссію изъ трехъ членовъ (fattori), которые непосредственно управляли общиной и являлись ея офиціальными представителями. Спеціальныя функціи распредѣлялись между прочими членами совѣта: были наблюдатели за чистотою улицъ и дворовъ въ гетто, попечители школъ и разныхъ благотворительныхъ учрежденій, наблюдатели за продажею кошернаго мяса, кассиры, контролеры общинныхъ доходовъ и т. п. Въ полномъ засѣданіи совѣта, куда входили и раввины, разсматривались только особо важныя дѣла общины. Дисциплинарная власть совѣта выражалась обыкновенно въ наложеніи „херема“ на нарушителей общинныхъ уставовъ. Лица, совершившія болѣе серьезные проступки, предавались въ руки папской администраціи. Римское гетто находилось офиціально въ вѣдѣніи кардинала — викарія; состоявшій при немъ прелатъ, съ титуломъ „вицегерентъ“, непосредственно завѣдывалъ еврейскими дѣлами и часто позволялъ себѣ грубое вмѣшательство въ вопросы внутренняго самоуправленія общины, диктуя совѣту извѣстныя рѣшенія. Надъ всей этой анархіей бодрствовало недреманное око римской инквизиціи, которая не признавала никакихъ законныхъ границъ и часто нарушала даже папскія буллы. Отъ нея-то исходили преимущественно мѣры миссіонерской пропаганды среди евреевъ и насильственнаго крещенія. Со старшинами „конгреги“ инквизиторы и вицегерентъ обращались, какъ со своими слугами, арестовывая

и штрафуя ихъ въ случаяхъ огульныхъ подозрѣній противъ общины. Поэтому многіе крайне неохотно принимали „почетное“ званіе старшинъ или выборныхъ членовъ совѣта, составлявшее тяжелую повинность.

Увѣнчалъ зданіе репрессивной политики папа Пій VI, который въ 1775 г. издалъ „Эдиктъ о евреяхъ“—сводъ всѣхъ ограничительныхъ законовъ и каноническихъ правилъ, практиковавшихся въ гетто въ теченіе двухъ столѣтій. Это — одинъ изъ позорнѣйшихъ кодексовъ, когда-либо санкціонированныхъ римской церковью. Всѣ перечисленные выше виды безправія однихъ и беззаконія другихъ формулированы здѣсь въ точныхъ статьяхъ и параграфахъ „закона“, съ обозначеніемъ наказаній и штрафовъ за каждое нарушеніе. Не упущены здѣсь и такія частности, какъ запрещеніе евреямъ читать громко псалмы при погребеніи своихъ покойниковъ, вырѣзывать надписи на ихъ надгробныхъ памятникахъ, ѣздить по Риму въ каретахъ, жить на дачахъ въ окрестностяхъ города „подъ предлогомъ нужды въ перемѣнѣ воздуха“ и т. п. Пій VI велѣлъ огласить эту конституцію гетто въ публичныхъ мѣстахъ и особенно въ синагогахъ, дабы всѣмъ и каждому было извѣстно, какая кара ждетъ нарушителей. Высшій надзоръ за исполненіемъ папскихъ законовъ былъ возложенъ на „святую инквизицію“, которая и обнародовала этотъ актъ въ Римѣ, 20 апрѣля 1775 года.

Какъ жилось евреямъ въ другихъ областяхъ Италіи, внѣ Папской области, можно себѣ представить, если принять во вниманіе, что въ эту эпоху сѣверная Италія (Ломбардія) большею частью находилась подъ властью или протекторатомъ Австріи, а южная—въ сферѣ вліянія Испаніи,—двухъ архи-католическихъ государствъ, послушныхъ орудій римской куріи въ дѣлахъ церковныхъ. Въ независимыхъ провинціяхъ положеніе было не лучше. Если въ метрополіи католицизма евреевъ угнетали изъ религіозныхъ мотивовъ, то въ промышленныхъ центрахъ, какъ *Венеція* и *Падуя*, ихъ преслѣдовали изъ соображеній торговой конкурренціи. Венеція сохранила свое еврейское гетто (§ 8) и ограничительное законодательство, имѣвшее цѣлью парализовать свободную промышленную дѣятельность еврейскихъ купцовъ и фабрикантовъ. Въ Падуѣ евреи попытались конкуррировать съ христіанскими купцами въ развитіи мѣстнаго промысла—фабрикаціи шелковыхъ тканей. Въ 1645 г. еврей Тріесте основалъ такую фабрику, въ которой было занято около 600 рабочихъ изъ города и окрестностей. Но мѣстная купеческая гильдія агитировала противъ предпринимателей до тѣхъ поръ, пока не добилась запрещенія этого промысла для евреевъ. На почвѣ торговаго соперничества въ Падуѣ произошелъ погромъ въ 1684 г.,

спустя годъ послѣ осады Вѣны турками. Когда пришла вѣсть, что въ венгерской столицѣ Офенѣ (Буда) евреи помогали туркамъ противъ имперскихъ и венеціанскихъ войскъ, падуанскіе юдофобы стали подстрекать народъ къ расправѣ съ друзьями ненавистныхъ турокъ. Толпа мѣщанъ и окрестныхъ поселянъ ворвалась въ гетто и принялась громить и грабить. Лучшая часть горожанъ и солдаты поспѣшили къ евреямъ на выручку и отогнали буяновъ; однако, въ теченіе нѣсколькихъ дней евреи не осмѣливались выйти за ворота гетто. Правительство Венеціанской республики съ трудомъ успокоило волненія и водворило порядокъ.

Гоненія и гнетъ не могли совершенно подавить старую еврейскую культуру въ Италіи. Въ той самой Падуѣ, гдѣ задыхались отъ безправія узники гетто, изучало въ университетѣ медицину сравнительно много евреевъ (въ промежутокъ времени отъ 1619 до 1721 г. получили званіе доктора медицины около 150 евреевъ). Еврейскіе студенты должны были уплачивать значительныя подати въ пользу университета и студентовъ-христіанъ; по окончаніи курса имъ разрѣшалось практиковать только среди соплеменниковъ, ибо лѣчить христіанъ они не могли въ силу папскихъ буллъ. И тѣмъ не менѣе любознательные молодые люди стекались въ Падую даже изъ далекихъ странъ (наприм., изъ Польши), чтобы слушать лекціи въ мѣстномъ храмѣ науки. Въ первой половинѣ XVIII в. въ Падуѣ раскрылось поэтическое творчество М. Х. Луццато (§ 49).

§ 43. **Марраны въ Испаніи и Португаліи.** Въ Римѣ евреевъ держали подъ прессомъ, стараясь выдавить изъ нихъ извѣстный процентъ „спасенныхъ“ для церкви, а въ Испаніи и Португаліи продолжали жечь на кострахъ потомковъ тѣхъ, которыхъ подобный же гнетъ нѣкогда толкнулъ въ объятія церкви и которые оставили своимъ дѣтямъ одинъ завѣтъ—вырваться изъ этихъ объятій. Трагедія марранства въ Испаніи и Португаліи (§§ 29—30) продолжалась и во второй половинѣ XVII в., и въ первой половинѣ XVIII в. Марранство застряло, какъ инородное тѣло, въ организмѣ христіанскаго общества и возбуждало въ немъ постоянное раздраженіе. „Въ Испаніи и Португаліи—говоритъ одинъ бѣжавшій оттуда въ Голландію марранъ (1666)—мужскіе и женскіе католическіе монастыри переполнены евреями (марранами). Многіе каноники, инквизиторы, епископы происходятъ отъ евреевъ. Немало между ними такихъ, которые іудействуютъ въ душѣ (in corde judaizant) и носятъ маску христіанства лишь ради житейскихъ благъ, пока не образумятся и, при первой возможности, не убѣгутъ (заграницу). Въ нашемъ городѣ (Амстердамѣ) и другихъ мѣстахъ находятся бывшіе монахи-августинцы, францисканцы, іезуиты, доми-

никанцы, отрекшіеся отъ идолопоклонства (католическаго). Въ Испаніи имѣются еще епископы и строгіе монахи, которыхъ родители, братья или сестры переселились сюда (въ Амстердамъ) или въ другіе города для того, чтобы открыто исповѣдывать іудейство".

Христіанское общество и церковь испытывали боль отъ этой колючей занозы въ своемъ организмѣ—отъ „язвы" скрытаго іудейства, но вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ операціи—удаленію инороднаго тѣла, они продолжали старое лѣченіе огнемъ инквизиціи. Вмѣсто того, чтобы разрѣшить тайно-іудействующимъ марранамъ либо открыто вернуться къ религіи предковъ, либо выселиться въ другія страны, свѣтскіе и духовные правители Пиренейскаго полуострова шпіонили за ними, томили и пытали подозрительныхъ въ темницахъ инквизиціи, а неисправимыхъ жгли на кострахъ. Такимъ путемъ они надѣялись современемъ искоренить плевелы изъ „вертограда церкви" и вернуть „заблудшихъ" на путь вѣры. Къ этому примѣшивались и соображенія далеко не духовнаго свойства: конфискація имѣній осужденныхъ марановъ обогащала и королей, и духовенство, и отказаться отъ такого крупнаго дохода было невыгодно. Деморализованный зрѣлищами ауто-да-фе народъ также не желалъ ихъ упраздненія. Эти „акты вѣры" входили уже въ составъ его религіознаго культа, и торжественныя собранія на площади, гдѣ сжигали еретиковъ и іудействующихъ, казались ему національнымъ достояніемъ, освященнымъ давностью. Отечески заботливое правительство, стараясь доставлять народу назиданіе и удовольствіе, пріурочивало ауто-да-фе къ торжественнымъ моментамъ, въ родѣ браковъ и рожденій въ королевской семьѣ и т. п.

Одинъ изъ такихъ „національныхъ праздниковъ", самый грандіозный по размѣрамъ и обстановкѣ, состоялся въ Мадридѣ въ 1680 г. Слабоумный испанскій король, юный Карлъ II рѣшилъ, по внушенію духовенства, ознаменовать великолѣпнымъ ауто-да-фе свой бракъ съ французской принцессой Маріей-Луизой Орлеанской, племянницей Людовика XIV. По распоряженію великаго инквизитора, въ Мадридъ были привезены осужденные изъ инквизиціонныхъ тюремъ Толедо и другихъ городовъ, въ числѣ 118 человѣкъ, между которыми было около 70 іудействующихъ марановъ. За мѣсяцъ до „торжества" герольды возвѣстили на улицахъ столицы, чтобы народъ въ назначенный день собрался на главной городской площади, гдѣ произойдетъ ауто-да-фе. Цѣлый мѣсяцъ на этой площади воздвигались эстрады, павильоны и амфитеатръ для королевской семьи, грандовъ и прочихъ зрителей. Въ назначенный день (30 іюня), въ 6 часовъ утра, изъ дворца инквизиціи двинулась торжественная процессія. Среди гу-

стыхъ рядовъ народа, кричавшаго „Viva la fe“! (да здравствуетъ вѣра!), шли къ мѣсту казни осужденные. Они шли босикомъ, въ „рубахахъ покаянія“ (санбенито) и бумажныхъ колпакахъ, разрисованныхъ красными фигурами дьяволовъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ священниковъ, монаховъ разныхъ орденовъ, „фамиліаровъ“ инквизиціи, носившихъ кресты и флаги со „знаменемъ зеленаго креста“ въ центрѣ Тутъ же несли портреты бѣжавшихъ еретиковъ, осужденныхъ на сожженіе in effigie, и гробы съ костями умершихъ безъ покаянія „преступниковъ“.

Когда страшная процессія жертвъ и палачей подошла къ площади, тамъ уже ждали ее король, королева, придворные чины, знатныя дамы и сановники всѣхъ ранговъ. Среди восторженныхъ кликовъ толпы, осужденныхъ подвели къ костру, расположенному недалеко отъ королевской ложи. Вдругъ раздался умоляющій голосъ одной изъ осужденныхъ, 17-ти лѣтней марранки—красавицы Франциски Негуэйра: „Смилуйтесь королева! Могу-ли я отказаться отъ религіи, которую я всосала съ молокомъ матери?“ Юная королева украдкой отерла слезу: мягкосердечность была неумѣстна среди сонма палачей. Великій инквизиторъ Сарменто приблизился къ королю, съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, и предложилъ ему присягнуть въ томъ, что онъ, какъ истинно христіанскій царь, будетъ безпощадно истреблять еретиковъ и враговъ церкви и поддерживать святую инквизицію. Король присягнулъ, за нимъ громко повторили клятву сановники, рыцари, представители муниципалитета, а въ отвѣтъ гремѣлъ кличъ „аминь!“ изъ рядовъ народа. Послѣ прочтенія длиннаго списка осужденныхъ и многихъ религіозныхъ церемоній, занявшихъ весь день, началась самая казнь. Королю поднесли факелъ, которымъ онъ собственноручно зажегъ костеръ. „Рѣшимость, съ которою евреи пошли на смерть — разсказываетъ одна изъ придворныхъ дамъ, француженка Д'Ольной—возбудила всеобщее удивленіе: одни сами бросались въ огонь, другіе дали себѣ сперва жечь руки, потомъ ноги, и переносили все съ такой стойкостью, которая поразила даже короля и заставила его пожалѣть, что такія непоколебимыя души не хотятъ проникнуться свѣтомъ истинной вѣры“. Король и свита присутствовали до конца кровавой церемоніи, закончившейся поздно вечеромъ. Изъ марранов были казнены тутъ-же 18 человѣкъ, а 54 приговорены къ тюремному заключенію или работамъ на галерахъ. Двѣ французскія придворныя дамы въ Мадридѣ—мадамъ Д'Ольной и маркиза де-Вилларъ — свидѣтельствуютъ въ своихъ мемуарахъ, что у нихъ не хватило духу присутствовать при зрѣлищѣ казни. „Это была, какъ мнѣ передали—пишетъ

маркиза Вилларъ—ужасная картина. Не поддаются описанію жестокости, совершенныя при казни этихъ несчастныхъ. Отъ обязательнаго присутствія на судѣ можно было освободиться только удостовѣреніемъ отъ врача о серьезной болѣзни, ибо иначе можно было прослыть еретикомъ. Находили даже очень дурнымъ и то, что я не выражала восторга по поводу всего происшедшаго".

Въ Португаліи марранскій вопросъ былъ еще обостреннѣе, чѣмъ въ Испаніи, въ силу создавшихъ его тамъ историческихъ условій (§ 30). Инквизиція неутомимо расправлялась тамъ съ еретиками, жгла на кострахъ, ссылала на галеры и конфисковывала имущества осужденныхъ. Однако, и старая оппозиція противъ кроваваго трибунала не заглохла въ Португаліи. Послѣ освобожденія Португаліи отъ испанскаго верховенства (1640), король Іоаннъ IV де-Браганца и его преемникъ регентъ Педро возымѣли намѣреніе упразднить позорившіе страну инквизиціонные трибуналы. Вопреки ожиданіямъ, агитацію противъ „святого учрежденія" (Sanctum officium) подняла группа іезуитовъ подъ руководствомъ патера Антоніо Віейра, наставника регента Педро. Регента успѣли убѣдить, что гоненія на марранов не только не исправляютъ ихъ въ духовномъ смыслѣ, но еще болѣе ожесточаютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разоряютъ страну, гдѣ марраны играютъ крупную роль въ экономической жизни. Въ то же время Антоніо Віейра агитировалъ въ Римѣ, обличая передъ папской куріей злоупотребленія португальской инквизиціи. Папа Климентъ X разрѣшилъ марранамъ послать своего представителя въ Римъ для изложенія своихъ жалобъ. Въ Римъ отправился марранъ Франциско де-Азеведо. Тутъ были раскрыты тайны португальской инквизиціи, возмутившія даже сановниковъ папской куріи. Выяснилось, какъ произвольно, по малѣйшему подозрѣнію, хватаютъ и бросаютъ въ темницу несчастныхъ марранов, какъ вынуждаютъ у нихъ признаніе утонченной пыткой, какъ еще до суда конфискуются имѣнія арестованныхъ и обрекаются на голодъ ихъ невинныя семьи. Тогда папа издалъ буллу (октябрь 1674) о временной пріостановкѣ дѣйствій португальскихъ трибуналовъ; имъ запрещалось осуждать марранов на смерть или каторгу и повелѣвалось переслать въ Римъ, въ главный инквизиціонный судъ, все дѣлопроизводство о заключенныхъ и ожидающихъ суда марранахъ. Сторонники инквизиціи въ Португаліи всполошились. Клерикалы возбудили фанатизмъ толпы, и на улицахъ Лиссабона раздавались крики: „Смерть іудеямъ и измѣнникамъ!" Когда, спустя два года (1676), новый папа Иннокентій XI разрѣшилъ возобновить дѣйствія инквизиціи въ Португаліи съ большими ограниченіями (смертные приговоры, ссылки и конфис-

кціи поставлены были подъ контроль Рима), инквизиторы отказались подчиниться этимъ ограниченіямъ. Папѣ были сдѣланы представленія, что все духовенство и народъ въ Португаліи возмущены недовѣріемъ его святѣйшества къ такому почтенному учрежденію, какъ инквизиція. И папа долженъ былъ наконецъ уступить. Онъ отказался отъ контроля дѣятельности португальскихъ трибуналовъ и только требовалъ отъ нихъ болѣе человѣчнаго и осторожнаго обращенія съ марранами (1681). Требованіе человѣчности отъ палачей осталось, конечно, безъ послѣдствій — и подвиги инквизиціи въ Португаліи продолжались съ прежней свирѣпостью.

Уже черезъ годъ послѣ послѣдней папской буллы, инквизиція принесла въ жертву Молоху церкви цѣлую гекатомбу (1682). На площади передъ королевскимъ дворцомъ въ Лиссабонѣ были сожжены за вѣрность іудаизму: Гаспаръ-Лопецъ Перейра, Антоніо де-Агиляръ и адвокатъ Мигуэль-Генрикецъ да-Фонсека; Педро Сирано, сынъ аптекаря, былъ сначала удавленъ, а потомъ сожженъ вмѣстѣ съ трупомъ своей юной сестры, умершей въ тюрьмѣ; другая его сестра и еще два маррана были сосланы въ Бразилію, а прочіе были осуждены на вѣчное заточеніе или на галеры. Въ первой половинѣ XVIII в. инквизиціонные костры еще дымились въ Португаліи. Ярость инквизиціи обращалась больше всего противъ образованныхъ и вліятельныхъ марранъ. Многіе ускользали изъ когтей этого чудовища, спасаясь бѣгствомъ въ Голландію и другія страны, часто послѣ долгаго тюремнаго заключенія; но и для костра оставалось еще достаточно матеріала. Мученики выказывали необычайный героизмъ, манифестируя нерѣдко у самаго костра свою горячую привязанность къ еврейству и отвращеніе къ церковнымъ палачамъ.

Ореоломъ истиннаго величія окружена мученическая смерть поэта *Антоніо Іосифа*, одного изъ лучшихъ представителей португальской литературы, ставшаго одной изъ послѣднихъ жертвъ инквизиціи (1745). Его драмы на португальскомъ языкѣ, написанныя въ духѣ школы Мольера, пользовались большою славою на сценѣ, благодаря ихъ ѣдко-обличительному направленію. Еврей въ душѣ, Антоніо Іосифъ сначала тщательно скрывалъ свои религіозныя убѣжденія и ради этого даже вступилъ въ монашескій орденъ; нѣсколько лѣтъ онъ прожилъ въ Бразиліи, а потомъ возвратился въ Лиссабонъ. Тутъ шпіоны инквизиціи уличили его въ ереси и наконецъ заставили его сознаться, что онъ всегда былъ въ душѣ вѣренъ религіи предковъ и еще на 37-мъ году жизни тайно совершилъ надъ собою обрядъ перехода въ іудейство. Передъ судьями инквизиціоннаго трибунала онъ произнесъ замѣчательную рѣчь.

„Сознаюсь,—говорилъ онъ,—что я всей душой вѣрую въ ученіе Моисея. Вы сами признаете, что эта религія дана Богомъ и что нѣкогда Богъ ее любилъ; я же вѣрю, что Онъ и теперь ее любитъ. И вотъ вы, полагая, что Богъ измѣнилъ свое мнѣніе и ненавидитъ то, что нѣкогда любилъ, осуждаете на смерть тѣхъ, которые убѣждены, что Богъ не можетъ мѣнять свое мнѣніе. Вы жалуетесь на магометанъ, что они мечомъ распространяли свою религію; но чѣмъ же лучше ихъ вы, христіане, распространяющіе свою вѣру огнемъ и кострами? Гоненія древнихъ язычниковъ противъ основателей вашей церкви служатъ вамъ доказательствомъ истинности вашей вѣры; отчего же вы сами теперь дѣлаете, какъ нѣкогда вашъ гонитель Діоклетіанъ, и поступаете съ нами такъ, какъ другіе въ древности съ вами поступали? Вы требуете, чтобы мы стали христіанами, но отчего же вы не исполняете того, чего требуете отъ насъ? Если у васъ нѣтъ свойствъ, подобающихъ христіанамъ, будьте по крайней мѣрѣ людьми, которые безъ всякой религіи, по естественному чувству, сознаютъ, что люди не должны обращаться съ себѣ подобными, какъ хищные звѣри. Если вы считаете себя любимыми дѣтьми Бога, которыхъ Онъ просвѣтилъ истинной вѣрой,—то подобаетъ ли дѣтямъ, получившимъ наслѣдство, ненавидѣть и гнать своихъ братьевъ, которые лишены его? Истина сама побѣждаетъ души людей; если же вы ей помогаете огнемъ и мечомъ и орудіями пытки, то вы только показываете ея слабость. Подумайте о будущихъ поколѣніяхъ. Если въ будущемъ кто-нибудь осмѣлится сказать, что въ наше время народы Европы были уже образованы, то всѣ укажутъ на васъ въ доказательство того, что они были варварами и дикарями“.

Этому писателю, въ умѣ котораго уже бродили просвѣтительныя идеи XVIII в., была въ Португаліи прямая дорога—на костеръ; его сожгли вмѣстѣ съ большой группой еретиковъ. Одинъ очевидецъ, ярый католикъ, такъ описываетъ это ауто-да-фе: „Среди народа, собравшагося на зрѣлище ауто-да фе, былъ и я. Король Іоаннъ V появился среди блестящей свиты—и шествіе двинулось отъ зданія святого учрежденія до церкви св. Доминика. Велико было число осужденныхъ, и большинство были евреи (марраны). Я изумлялся добротѣ короля, лично увѣщевавшаго каждаго изъ преступниковъ раскаяться и тѣмъ смягчить свою участь. Многіе поддались увѣщаніямъ... Но когда король милостиво обратился къ Антоніо Іосифу и просилъ его покаяться, чтобы спасти себя отъ великихъ мукъ, этотъ измѣнникъ-монахъ упорно молчалъ. Король обѣщалъ ему прощеніе и сулилъ ему полное содержаніе на свой счетъ, если онъ вернется въ объятія ждущей его матери-церкви; но этотъ 60-лѣтній старикъ ожесточилъ свое сердце и

смотрѣлъ съ отвращеніемъ на нашихъ священниковъ и монаховъ, не отвѣчая ни слова и на ихъ увѣщанія... Тогда приступили къ исполненію судебнаго приговора. До зажженія костра содрали кожу и ногти съ пальцевъ преступника, которыми онъ въ монашествѣ осквернялъ святые дары; но при всѣхъ этихъ мукахъ и даже послѣ того, какъ еретика пламя охватило со всѣхъ сторонъ, онъ кричалъ только одно: что позорно и мерзко поступать такъ съ человѣкомъ, готовымъ умереть за вѣру въ истиннаго единаго Бога. Вначалѣ онъ пытался отгонять отъ себя дымъ костра платкомъ, который держалъ въ рукѣ, но когда его охватилъ огонь, онъ потерялъ сознаніе... Тѣло стараго грѣшника скорчилось, и скоро отъ него осталась только горсть пепла".

Предсмертный крикъ Антоніо Іосифа не прозвучалъ безслѣдно. Его услышали во Франціи, которая тогда создала въ своей просвѣтительной философской литературѣ другой трибуналъ призывавшій къ отвѣту всѣ мрачныя силы клерикализма и религіознаго изувѣрства [1]). Въ самой Португаліи повѣяло вскорѣ новымъ духомъ: министръ-реформаторъ маркизъ Помбаль (1750—77), упразднившій орденъ іезуитовъ, велѣлъ прекратить всѣ инквизиціонные процессы по дѣламъ вѣры и особенно противъ марановъ, а затѣмъ сильно ограничилъ дѣятельность инквизиціи (1774). Но было уже поздно: въ Португаліи тогда почти не осталось марановъ, такъ какъ всѣ, не слившіеся съ христіанами, давно эмигрировали въ Голландію, Англію, Францію и Америку.

§ 44. Голландія. Еврейская Голландія и въ эту эпоху, какъ въ предыдущую, могла по справедливости называться „Новой Испаніей" или „Новой Португаліей". Свободная промышленная страна на берегу Сѣвернаго моря поглощала большую часть той культурной массы эмигрантовъ, которую выбрасывали изъ себя темныя клерикальныя государства Пиренейскаго полуострова. Магистральная линія марранской эмиграціи изъ Испаніи и Португаліи все еще шла въ Голландію, преимущественно въ Амстердамъ, гдѣ уже въ первой половинѣ XVII в. организовалась значительная сефардская община (§ 31). Дипломатическое столкновеніе изъ-за еврейскаго вопроса произошло между Голландіей и Испаніей послѣ договора 1648 г., въ силу котораго подданные обѣихъ странъ получили право свободно переѣзжать изъ одной въ другую и заниматься торговлей подъ покровительствомъ

[1]) Монтескье въ своемъ „Esprit des lois" (1748) воспроизвелъ вышеприведенную защитительную рѣчь португальскаго мученика, съ литературными дополненіями (кн. XXV, гл. 13).

мѣстныхъ законовъ. Испанское правительство сдѣлало исключеніе для голландскихъ евреевъ, т. е. своихъ или португальскихъ бывшихъ подданныхъ: имъ не дозволялось пріѣзжать лично, а предлагалось вести свои торговыя дѣла черезъ повѣренныхъ изъ туземцевъ. Правительство страны инквизиціи, очевидно, боялось, что при допущеніи свободнаго переселенія испанскіе марраны будутъ выѣзжать въ Голландію для принятія іудейства и затѣмъ будутъ возвращаться на родину въ качествѣ явныхъ евреевъ и голландскихъ подданныхъ. Въ 1652 г. правительство Нидерландскихъ штатовъ потребовало устраненія этого ограниченія для евреевъ, но испанскій король отказалъ. Даже послѣ 1657 г., когда декретомъ Генеральныхъ штатовъ еврейскіе жители Нидерландовъ были узаконены въ качествѣ гражданъ республики, испанскій король не хотѣлъ имъ открыть доступъ въ свою страну [1]); французское правительство сдѣлало упрекъ голландскому за излишнюю снисходительность къ евреямъ. И марранамъ Пиренейскаго полуострова приходилось мириться съ исходомъ изъ этого Египта безъ надежды на возвращеніе.

Пользуясь въ Голландіи свободою вѣроисповѣданія и общинной автономіей, евреи, однако, были еще очень далеки отъ гражданскаго равноправія. Кальвинизмъ все-таки считался здѣсь господствующей религіей, а всѣ прочія религіи—только терпимыми. Профессіональная конкурренція и сословныя привиллегіи давали себя чувствовать и здѣсь и магистраты городовъ, какъ представители христіанскаго ремесленно-торговаго класса, были склонны къ ограниченію свободы промысловъ для евреевъ. Больше ста лѣтъ оставался еще въ силѣ законъ 1632 г., которымъ амстердамскій магистратъ закрылъ для евреевъ доступъ въ ремесленныя и купеческія гильдіи. Исключенія дѣлались только для тѣхъ отраслей промышленности, которыя имѣли отношеніе къ духовному быту евреевъ, или регулировались ихъ законами о пищѣ, какъ, напримѣръ, книгопечатаніе и книжная торговля, продажа мяса, бакалейныхъ и москательныхъ товаровъ. Отъ репрессивныхъ тенденцій магистратовъ, страдали преимущественно интересы еврейскихъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, а не крупныхъ коммерсантовъ. Въ Амстердамѣ, Роттердамѣ, Гагѣ и другихъ голландскихъ городахъ

[1]) Аналогичное дипломатическое столкновеніе произошло недавно (1903—1904 г.) между правительствами Россіи и Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ по поводу свободы жительства и промысловъ американскихъ (т. е. бывшихъ русскихъ) евреевъ въ Россіи. Мотивы спора и позиціи обѣихъ сторонъ въ еврейскомъ вопросѣ такъ поразительно сходны, что забываешь о разстояніи, отдѣляющемъ XVII вѣкъ отъ XX-го!

евреи вели крупную торговлю; ихъ банкирскія и экспортныя конторы пользовались международной извѣстностью, а участіе евреевъ-капиталистовъ въ Вестъ-Индской компаніи укрѣпляло ихъ положеніе на всемірномъ рынкѣ.

Между представителями еврейскихъ общинъ и голландскими штатгальтерами изъ Оранскаго дома всегда существовали наилучшія отношенія. Евреи доказали свой патріотизмъ во время вторженія французской арміи въ Голландію (1672), когда они ревностно участвовали въ гражданской оборонѣ городовъ. Вновь избранный штатгальтеромъ, Вильгельмъ III Оранскій (1672—1702) особенно покровительствовалъ евреямъ, поощрялъ ихъ коммерческія предпріятія и охранялъ ихъ свободу отъ покушеній духовенства и магистратовъ. Онъ самъ часто пользовался услугами еврейскихъ финансовыхъ и дипломатическихъ агентовъ. Когда штатгальтеръ отправлялся въ Лондонъ для принятія англійской короны, сефардскій банкиръ Исаакъ-Лопецъ Суассо поднесъ ему два милліона гульденовъ въ видѣ безпроцентной и долгосрочной ссуды (1688). Богатые сефарды въ Амстердамѣ обращали на себя вниманіе своей широкой жизнью и великолѣпными дворцами, но также и крупными пожертвованіями на общественныя и благотворительныя учрежденія. Въ 1675 г. была освящена въ Амстердамѣ съ большой торжественностью новая роскошная синагога португальской общины, разросшейся до внушительной цифры—4000 семействъ (по другому показанію—2400). Позже банкирскій домъ *де-Пинто* игралъ видную роль въ финансовомъ хозяйствѣ республики. Въ 1748 г., когда французская армія приблизилась къ границамъ Голландіи, де-Пинто собралъ значительную сумму денегъ и поднесъ въ даръ государству, а спустя два года онъ устроилъ конверсію государственнаго долга съ 4 на 3 процента. Связь между еврейской денежной аристократіей и принцами изъ Оранскаго дома не прекращалась въ теченіе всего XVIII в.

Конечно, не дѣятельностью финансистовъ и не однихъ процвѣтаніемъ индустріи опредѣлялся уровень тогдашней голландско-еврейской культуры. Кромѣ денежной аристократіи, у голландскихъ евреевъ была и умственная аристократія—рядъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ науки и литературы. Типъ образованнаго энциклопедиста, въ родѣ Манассы бенъ-Израиля (§ 32), составлялъ нерѣдкое явленіе въ этой средѣ. Изъ этой же среды выдвинулся въ XVII в. и переросъ ее гигантъ мысли—Барухъ Спиноза, не нашедшій себѣ мѣста въ рамкахъ тогдашняго еврейства (дальше, § 49). Голландскіе университеты посѣщались и еврейскими слушателями, которые изучали преимущественно медицину (юридическая практика и профессура были недоступны евреямъ). Амстердамъ сдѣлался центромъ еврейскаго

книжнаго рынка. Здѣсь находились лучшія еврейскія типографіи, выпускавшія массу книгъ, старыхъ и новыхъ. Изданія этихъ типографій имѣли то преимущество, что они печатались безъ всякой цензуры. Въ сефардскихъ общинныхъ школахъ изучались Библія, Талмудъ и раввинское правовѣдѣніе. Въ Амстердамѣ общинный совѣтъ или „маамадъ", состоявшій изъ выборныхъ старшинъ и хахамовъ (раввиновъ), продолжалъ энергично вести дѣла внутренняго самоуправленія сефардовъ.

Но время расцвѣта сефардской колоніи въ Голландіи было непродолжительно. Въ XVIII в. замѣтны уже признаки упадка, вызваннаго частью общимъ упадкомъ голландской гегемоніи на всемірномъ рынкѣ, частью внутреннимъ декадансомъ. Сефарды или „португезы" сохранили и въ Голландіи тѣ черты кастовой замкнутости, которыя были вынесены ими изъ прежняго марранскаго быта въ Испаніи и Португаліи. Они съ аристократическою брезгливостью отворачивались отъ „тодескосъ", т. е. ашкеназійскихъ евреевъ, нѣмецкаго нарѣчія которыхъ они не понимали (сефарды продолжали говорить по испански или португальски), и заключали браки только въ своемъ кругу. Слишкомъ ранніе браки (въ возрастѣ 12—15 лѣтъ), заключавшіеся часто между близкими родственниками съ цѣлью не допустить дробленія фамильныхъ богатствъ, способствовали вырожденію сефардовъ. Консервативныя наклонности берутъ верхъ надъ прогрессивными,— и вокругъ голландскихъ сефардовъ устанавливается та атмосфера безразличнаго покоя, которая характеризуетъ ихъ родичей въ Турціи и другихъ странахъ Востока.

По мѣрѣ упадка сефардской общины, выростала колонія ашкеназовъ— германскихъ и польскихъ евреевъ—въ Амстердамѣ и другихъ городахъ. Излюбленнымъ промысломъ ашкеназовъ сдѣлалась обработка алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней, донынѣ составляющая центръ амстердамско-еврейской промышленности. Казацкая рѣзня и послѣдующія войны (1648—5) загнали массу бѣглецовъ изъ Польши въ Нидерланды. Среди этихъ выходцевъ было не мало выдающихся талмудистовъ, вліяніе которыхъ вскорѣ стало замѣтно въ духовной жизни голландскихъ евреевъ. Коренныя различія въ обычаяхъ и языкѣ мѣшали амстердамскимъ ашкеназамъ и сефардамъ объединиться. Каждая изъ этихъ двухъ группъ представляла собою самостоятельную общину, которая имѣла свои синагоги, духовный персоналъ, школы и благотворительныя учрежденія. Бывали даже случаи столкновеній между обѣими общинами и ихъ раввинами. Одно изъ такихъ столкновеній было вызвано пропагандой саббатіанской ереси, явившейся послѣдствіемъ всееврѐйскаго мессіанскаго движенія (дальше, § 47).

§ 45. Реставрація еврейства въ Англіи. Эволюція міровой торговли, главными центрами которой въ XVII в. сдѣлались морскія государства Голландія и Англія, сложилась такъ, что промышленная колонизація одного изъ этихъ государствъ не могла миновать и другого. Амстердамъ и Лондонъ смотрѣли другъ на друга черезъ раздѣлявшую ихъ морскую полосу; соперничавшіе торговые флоты двухъ сосѣднихъ странъ стремились оттянуть другъ у друга міровой рынокъ,—и было бы странно, если бы мятущаяся еврейская діаспора, прибитая къ голландскому берегу, не устремила взоровъ на англійскій берегъ. Прошло уже больше трехъ съ половиною столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ средневѣковый фанатизмъ изгналъ евреевъ изъ Англіи (1290 г). Въ этотъ долгій періодъ на запретный островъ судьба изрѣдка забрасывала того или другого изъ сыновъ разсѣянной націи, но такіе эмигранты могли оставаться тамъ только подъ маскою христіанъ. Реформація не устранила въ Англіи режима религіозной нетерпимости, и тѣ суровыя репрессіи, которыя новая англиканская церковь принимала противъ диссидентовъ христіанъ, могли отнять у евреевъ всякую надежду на доступъ въ страну. При такихъ условіяхъ, въ Англію могли проникнуть только марраны, рѣшавшіеся и здѣсь исповѣдывать іудейство тайно, подъ маскою христіанства, но съ меньшимъ рискомъ, чѣмъ на родинѣ подъ окомъ инквизиціи. При Карлѣ I, во второй четверти XVII в., въ Лондонѣ образовалась группа марранов, переселившихся изъ Пиренейскаго полуострова, вѣроятно черезъ Голландію. Официально они слыли испанцами и посѣщали католическую церковь, но тайно собирались въ частномъ домѣ для исполненія еврейскихъ обрядовъ. Во главѣ этой группы стоялъ Антоніо-Фернандецъ *Карвіялъ*. То были купцы, имѣвшіе обширныя торговыя сношенія съ Голландіей, Испаніей и Португаліей, а также съ Левантомъ, Индіей, и американскими колоніями.

Революція 1649 г. и переходъ власти къ партіи Кромвеля открыли для марранской колоніи въ Лондонѣ болѣе широкія перспективы. Среди пуритань-индепендентовъ, получившихъ господство въ парламентѣ и въ арміи, были сильны традиціи Библіи; ихъ воодушевляли герои Ветхаго Завѣта, псалмы пророковъ и звуки псалмовъ. Это должно было вызвать у нихъ симпатію къ народу Библіи. Многіе изъ пуританъ мечтали о грядущемъ добровольномъ пріобщеніи сыновъ „избраннаго народа“ къ реформированной церкви. Нѣкоторые ученые богословы, основываясь на толкованіяхъ Апокалипсиса, предсказывали даже скорый мессіанскій переворотъ, имѣющій сблизить іудейство съ христіанствомъ („хиліасты“ и вѣрующіе въ „пятое царство“). Такимъ образомъ въ руководящихъ кругахъ

англійскаго общества создалось настроеніе, болѣе благопріятное для евреевъ,—а на этой почвѣ возникла мысль, что необходимо загладить вѣковую несправедливость Англіи по отношенію къ потомкамъ „народа Божія". Уже въ 1649 г. военному совѣту въ Лондонѣ была подана петиція объ отмѣнѣ средневѣковаго закона, запрещавшаго евреямъ жить въ Англіи; петицію подписали вдова Іоанна Картрайтъ и ея сынъ Эбенезеръ, жившіе въ Амстердамѣ; но за нихъ спиною стояла, повидимому, марранская колонія въ Лондонѣ. Военный совѣтъ отложилъ разсмотрѣніе вопроса о допущеніи евреевъ до разрѣшенія болѣе спѣшныхъ государственныхъ вопросовъ.

О юдофильскомъ настроеніи въ нѣкоторыхъ кругахъ англійскаго общества узналъ амстердамскій писатель и общественный дѣятель Манасса бенъ-Израиль. Его мистико-мессіанскія воззрѣнія встрѣтились съ воззрѣніями христіанскихъ мистиковъ, при полной противоположности исходныхъ пунктовъ. Манасса хотѣлъ обосновать теологически необходимость допущенія евреевъ въ Англію. Для этого онъ, провозгласивъ въ 1650 г. въ своемъ сочиненіи „Esperança de Israel" вѣсть о будто бы найденныхъ въ Америкѣ остаткахъ десяти колѣнъ израильскихъ (§ 32), вывелъ оттуда заключеніе, что евреи уже разсѣяны по всѣмъ странамъ земного шара, кромѣ Англіи. Для того же, чтобы явился мессія, имѣющій собрать евреевъ „со всѣхъ концовъ земли", необходимо, чтобы они были повсюду; слѣдовательно, если евреи будутъ допущены въ Англію, то наступитъ мессіанскій вѣкъ, согласно предсказаніямъ пророковъ. Эти теологическіе софизмы въ тогдашнемъ вкусѣ должны были произвести впечатлѣніе на христіанскихъ мистиковъ, понимавшихъ пришествіе мессіи по своему; нарисованная же въ названной книгѣ картина мученичества испанскихъ марановъ могла возбудить въ чувствительныхъ сердцахъ состраданіе къ участи народа-странника. Манасса, однако, не довольствовался литературной агитаціей. Поощряемый группою амстердамскихъ коммерсантовъ, онъ готовился вступить въ непосредственные переговоры съ англійскимъ правительствомъ о допущеніи евреевъ,—какъ вдругъ послѣдовало объявленіе знаменитаго „Навигаціоннаго акта", приведшаго къ войнѣ между Англіей и Голландіей (окт. 1651).

Англійская торговая политика, созданная „Навигаціоннымъ актомъ" (актъ разрѣшалъ ввозъ въ Англію колоніальныхъ товаровъ только на британскихъ судахъ и былъ направленъ къ ослабленію морской гегемоніи Голландіи), внушила Кромвелю мысль о необходимости отвлечь крупныхъ еврейскихъ купцовъ изъ Амстердама въ Лондонъ и черезъ нихъ овладѣть испанскимъ рынкомъ. Агенты Кромвеля завязали сношенія съ Манассой бенъ-

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

HEBR. LESEVEREIN
KÖNIGSBERG PR.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Ноябрь—Декабрь.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Клобукова, Лиговская ул., д. № 84.
1905.

Дѣтство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Годы скитаній.

I.

Среди степей.

(Продолженіе [1]).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Обычно суббота протекала сосредоточенно тихо, словно все вокругъ погрузилось въ глубокое раздумье. Но это была совсѣмъ не та тишина, которая часто водворялась у насъ въ обычные дни, напримѣръ, послѣ обѣда. Въ субботней тишинѣ было что-то такое особенно хорошее, свѣтлое, все одухотворяющее. Какой бы мракъ ни стоялъ на дворѣ, въ субботу мы его не чувствовали, и всегда казалось, что комната наполнена свѣтомъ. Даже обычная пѣснь сверчка, которая въ субботу громче и чаще всего раздавалась, казалась не такою монотонною,—и въ ней будто звучало что-то другое, тихо-торжественное.

Никогда духовная жажда не охватывала меня съ такою силою, какъ въ субботу, и никогда меня такъ не ужасала мысль оставаться невѣждой, какъ въ этотъ день. Эти ужасные титулы или

[1]) См. „Кн. Восх.", октябрь.

скорѣе образы—амъ гоорецъ, „grober-junge“ „grobe neschomo“ [1]) приводили меня въ содроганіе. Неужели я буду, напримѣръ, такой, какъ Мотька Фонфачъ, который спотыкается при чтеніи молитвы и который вынужденъ посылать своего зятя верхомъ къ намъ, чтобы узнать, когда благословляютъ мѣсяцъ, такъ какъ [2]) לוח напечатанъ маленькими буквами и безъ пунктуаціи, и онъ тамъ ничего не разбираетъ; или же какъ Іосель Кабакъ, который однажды (это было позже) въ Іомъ-Кипуръ обратился ко мнѣ въ синагогѣ съ просьбой: „укажи мнѣ, пожалуйста, Лебеле, коротенькія строчки, при которыхъ ударяютъ себя въ сердце“. И я дѣйствительно отыскалъ ему „коротенькія строчки“, но совсѣмъ другія... изъ пѣснопѣнія на исходъ субботы. А когда бѣдный Іосель плаксиво сталъ читать אל תירא עבדי יעקב и усердно своимъ здоровеннымъ кулачищемъ ударять себя въ грудь, его вдругъ окружила цѣлая команда, призванная мною... Ахъ, какъ пугаетъ меня эта участь, это ужасное низведеніе на степень еврейскаго мужика. Развѣ можетъ быть что-нибудь ужаснѣе, постыднѣе.

И въ субботу я тщательно избѣгалъ всякой близости съ ямщиками и съ ямщицкой кухней, гдѣ дѣйствительно все было пропитано какою-то особеной вонью, грязью и невообразимою похабщиной, которая, правда, на меня нисколько не дѣйствовала.

Когда бывало послѣ обѣда старшіе улягутся спать и въ комнатѣ и вокругъ водворяется мертвая тишина, я съ невыразимой тоскою вспоминаю о хедерѣ и о хедерныхъ товарищахъ. И вотъ съ сердечнымъ волненіемъ принимался я читать ברכי נפשי и другіе высоко поэтическіе величавые псалмы, читаемые обычно въ эти часы. Я ихъ глубокаго содержанія не понималъ, конечно. Но одно это гармоническое созвучіе словъ и еще связанныя къ тому съ этимъ воспоминанія о хедерѣ и вообще о нашемъ городкѣ трогало меня до слезъ. Покончивъ съ этимъ, я начиналъ рыться въ шкафу съ книгами, чтобы найти какое-либо подходящее чтеніе, и опять принимался за שבחי בעל שם טוב, за

---

[1]) Невѣжды, грубіяна, грубой души.

[2]) Календарь.

Пятикнижіе. Иногда я просто беру молитвенникъ и перелистываю праздничныя молитвы, особенно молитвы Рошъ-Гашана и Іомъ-Кипуръ. Какъ это дивно красиво звучитъ! Что за могучія слова! Почему я чувствую силу и величавую красоту этихъ пророческихъ рѣчей? Я ничего вѣдь не понимаю, не знаю даже, что онѣ принадлежатъ величайшимъ въ мірѣ поэтамъ. Но я это чувствую, чувствую по дивной красотѣ звуковъ, по красотѣ мелодіи, величавости речитатива, которыми онѣ читаются въ синагогѣ. И хорошо мнѣ, и тоскливо. Но больше хорошо мнѣ въ этомъ великомъ пророческомъ мірѣ.

Какъ я уже сказалъ, братъ этихъ душевныхъ проявленій не видѣлъ и даже не подозрѣвалъ ихъ существованія. Онъ былъ глубоко увѣренъ, что я былъ вполнѣ счастливъ, что не учусь, и что „конюшня", „лошади" и „ямщики" вполнѣ меня удовлетворяютъ, и больше этого я ничего не желаю. И это его глубоко огорчало. Онъ вообще, какъ и всякій еврей, не могъ ни на одну минуту допустить, что любовь къ лошадкамъ и околачиванію по полю можетъ соединяться съ очень высокими и глубокими духовными потребностями.

Всѣ оскорбленія и несправедливости Зисель были для меня ничто въ сравненіи съ несправедливостью брата, вытекавшей именно изъ этого непониманія моихъ душевныхъ наклонностей и его взгляда на мою любовь къ природѣ, „бѣганію бѣшенымъ образомъ", какъ на преступность.

Вотъ онъ, напримѣръ, проснулся и говоритъ:

— Лебеле, быть можетъ, ты скажешь ברכי נפשי.

— Я уже сказалъ,—отвѣчаю я.

— Конечно,—язвительно замѣчаетъ братъ, — надо же было сказать, пока я спалъ, чтобы имѣть возможность отмурлыкать поскорѣе. Некогда ему. Есть вѣдь на свѣтѣ лошадки, ямщики, торговки съ возами...

Владыко міра! За что такая несправедливость, такая горькая обида. О если бы Беръ слышалъ, съ какимъ чувствомъ я читалъ этотъ самый ברכי נפשי, какъ душили меня слезы при каждомъ словѣ. Ахъ, почему нельзя проникнуть въ душу человѣка. Если

Беръ могъ видѣть, что дѣлается у меня въ душѣ, онъ убѣдился бы, какъ лгутъ на меня Зисель и Ривка, клеветы которыхъ такъ сильно вліяютъ на его отношенія ко мнѣ. Какъ можно такъ поддаваться имъ!

Часто у меня въ головѣ складывались сильныя изліянія или же смѣлыя изобличенія, съ которыми я думалъ выступать передъ братомъ, чтобы раскрыть передъ нимъ всю истину. Я составлялъ длинныя патетическія и негодующія рѣчи, которыми весь проникался. И тогда все во мнѣ зажигалось, словно огненные потоки пробѣгали внутри меня по всѣмъ направленіямъ. Я то весь трепеталъ отъ негодованія, то былъ тронутъ до слезъ отъ собственныхъ воображаемыхъ трогательныхъ словъ. И вотъ ложь изобличена и повергнута во прахъ, а правда ликуетъ. Братъ, обливаясь слезами, беретъ меня на руки, цѣлуетъ и прижимаетъ къ себѣ, счастливый, что открылъ во мнѣ такую благочестивую и благородную душу, и бросаетъ укоризненные взоры на уничтоженную, изобличенную Зисель.

Все это, разумѣется, такъ и оставалось внутри меня. Заговорить съ братомъ у меня никогда не хватало мужества. Только взгляну на него—и меня охватываетъ робость, и всѣ пламенныя объясненія и изобличенія мгновенно замираютъ даже не на устахъ, а гдѣ-то далеко, въ глубинѣ. И чѣмъ больше клокотало внутри меня, чѣмъ больше накоплялось въ душѣ разныхъ чувствъ, тѣмъ меньше я былъ способенъ ихъ выражать. И это опять причиняло мнѣ много страданій.

— Вотъ Ривка все сдѣлаетъ своимъ язычкомъ,—думалъ я со злобой и досадой,—а я остаюсь въ дуракахъ, хотя я гораздо лучше и умнѣе ея.—О, какъ мучился я тѣмъ, что Ривка всегда брала верхъ надо мною, что ея словамъ братъ придавалъ полную вѣру. Ничто такъ не возбуждаетъ силу мысли, ничто не дѣлаетъ столь чуткимъ, какъ испытываемая несправедливость—конечно, при томъ условіи, что въ тебѣ уже заранѣе заложено гдѣ-нибудь въ глубинѣ души чувство справедливости. Въ противномъ случаѣ испытываемая несправедливость притупляетъ и ожесточаетъ. И я съ ранняго возраста поэтому сдѣлался чуткимъ не только

къ своимъ, но и къ чужимъ обидамъ, замѣчалъ малѣйшую фальшь, малѣйшую ложь. И естественно, что вмѣстѣ съ ненавистью и негодованіемъ расло и неодолимое желаніе изобличать злодѣя и лжеца. Мысль, что ложь и лицемѣріе сходятъ съ рукъ и что имъ удается вводить въ заблужденіе другихъ, словно жгла мнѣ мозгъ и сердце и не давала покою. И эта все сильнѣе развивавшаяся во мнѣ чуткость вдвойнѣ отравляла мнѣ существованіе впослѣдствіи, когда кругъ испытываемой и наблюдаемой людской неправды и несправедливости значительно расширялся.

Умывши руки и лицо послѣ сна, Беръ принимается читать псалмы, а Зисель, усѣвшись на горячей лежанкѣ и подогнувъ подъ себя ноги, начинаетъ громко, нѣвуче, но медленно растягивая каждое слово, читать „седру“ изъ своего большого Teitch-chumesch. Около нея, на своихъ пеленкахъ, отъ которыхъ распространяется паръ, со свойственнымъ ему острымъ запахомъ, лежитъ малютка Янкель, почти совсѣмъ голенькій, съ высоко задранными вверхъ ножками, со множествомъ глубокихъ складокъ. Онъ каждый разъ издаетъ ликующіе звуки, несказанно радуясь свободѣ и теплу. На лицѣ Бера отъ этихъ радостныхъ криковъ ребенка каждый разъ появляется счастливая, умилительная улыбка. Зисель временами щекаетъ ему язычокъ, и тогда малютка совсѣмъ заливается отъ восторга. Въ этотъ моментъ Зисель совсѣмъ другая, совсѣмъ не та, что цѣлую недѣлю, когда она представляетъ собою олицетвореніе разсчета. Какъ ей идетъ шелковый платочекъ съ кремовой серединой и широкими красными каймами, который обрамляетъ ея красивое продолговатое лицо, съ точеными красивыми чертами. Какая милая, нѣжная, мягкая улыбка играетъ теперь на ея тонкихъ губахъ, и какою дѣтскою радостью звучатъ ея обращенія къ Беру, которыми она прерываетъ часто чтеніе, восторгаясь ребенкомъ: „Ой Беръ, чтобы ты мнѣ былъ здоровъ, посмотри. Можешь уже идти смотрѣть. Совсѣмъ уже міръ кончается съ этимъ ребенкомъ. Чтобы мнѣ было за его головку, за его дорогую рученьку. Смотри, смотри, я не выдержу. Какъ онъ хохочетъ,

какъ сіяютъ глазки, чтобы они мнѣ уже сіяли въ Ганъ-Эденѣ, корона моя, сердце мое, сыночекъ мой".

Ривка съ остальными дѣтьми усѣлась на лежанкѣ въ шинкѣ. Всѣ ѣдятъ сѣмячки и болтаютъ съ Артемихой, которая грузно сидитъ тутъ же, укутанная платкомъ, въ своемъ кожухѣ, около своихъ прикрытыхъ рядномъ штофовъ и рюмокъ, въ двадцатый разъ считая мѣдяки, что сегодня наторговала. Въ комнатѣ такъ хорошо, такъ тепло и уютно. Она вся залита яркими лучами солнца, и толстые пушистые слои льду, оковавшіе раньше стекла, теперь наполовину стаяли. Съ крыши висятъ огромныя ледяныя сосульки, которыя блестятъ кристаллами и съ которыхъ медленно падаютъ крупныя капли, пробившія небольшія углубленія въ твердомъ олсденѣломъ снѣгу. Даже на томъ окнѣ, что не имѣетъ теперь солнца, стаяли углы и на подоконникѣ образовались маленькія лужицы. Я такъ люблю эти послѣобѣденные субботніе часы, и меньше всего меня тянетъ теперь къ ямщикамъ и лошадкамъ, какъ обидно думаетъ братъ. Я чувствую себя такъ хорошо въ этой обстановкѣ и съ омерзѣніемъ думаю о грязной ямщицкой съ ея вѣчнымъ нестерпимымъ запахомъ тухлой капусты, овчины, людскихъ испареній и зловонныхъ пеленокъ, съ гнуснымъ сквернословіемъ Сергѣя и другихъ. Я весь охваченъ возвышеннымъ духовнымъ вліяніемъ субботы. Съ какою радостью погрузился бы я теперь въ какую-либо книгу. Вотъ взялъ я Пятикнижіе, къ которому меня потянуло съ такою силою. Сегодня [1]) שבת שירה читается седра בשלח, этотъ простой и величественный разсказъ о переходѣ евреевъ черезъ Чермное море. Какъ я всегда радовался въ хедерѣ, когда доходило до этой седры. Тутъ все поражало меня своимъ величіемъ. И особенно эти имена: Піе-Іакиросъ, Мигдалъ, Баалъ-Цефойнъ и др. Какъ красиво звучали они, словно далекое таинственное эхо далекой древности. Чѣмъ-то такимъ могущественнымъ вѣяло на меня отъ нихъ. Какъ ясно я себѣ

[1]) Суббота, когда читаютъ отдѣлъ о переходѣ евреевъ черезъ Чермное море.

рисовалъ это грандіозное шествіе, эти тяжелыя колесницы фараоновскія, съ трудомъ подвигающіяся по глубокому, объятому пламенемъ болоту (такъ объяснялъ намъ ребе), это страшно бушующее море, которое словно вырвалъ все изъ своего ложа и поднялъ „могучій восточный вѣтеръ". И вотъ онѣ поднимаются хребтами, эти грозныя волны, съ ихъ грозными пѣнящимися бѣлыми гребнями. И эта колоссальная облачная колонна, которая вдругъ повернула назадъ и стала между евреями и египтянами, такъ что „всю ночь не подходили другъ къ другу"—ולא קרב זה אל זה כל הלילה. Почему эти слова такъ поражали мое воображеніе и рисовали картину бездны и мрака, наполняющихъ разстояніе между обоими враждебными лагерями, лагерями злыхъ порабoтителей и лагерями порвавшихъ цѣпей рабовъ.

И среди этой объятой мракомъ бездны слышатся мнѣ то почти тихій говоръ врага и преслѣдователя, увѣренно ждущаго побѣды: ארדף אשיג אחלק שלל пущусь въ погоню, настигну и буду дѣлить добычу. И сколько другихъ восхитительныхъ воспоминаній выступаютъ вдругъ изъ каждаго слова. Вотъ проходятъ одинъ за другимъ мои хедерные товарищи. О,—хоть бы одинъ изъ нихъ явился теперь ко мнѣ! Вотъ маленькая мутно-сѣрая сальная свѣчка, горящая посреди стола въ залитомъ жестяномъ подсвѣчникѣ, уже начинаетъ издавать трескъ; пламя то вспыхиваетъ яркимъ, но болѣзненнымъ блескомъ, то совсѣмъ тускнѣетъ. Происходитъ какъ будто борьба между жизнью и смертью, за которою мы слѣдимъ съ величайшимъ напряженнымъ интересомъ: конецъ свѣчки, конецъ ученію. И такимъ образомъ водвореніе тьмы, а не торжество свѣта ведетъ къ нашему освобожденію. Хедеръ наполняется скверной свѣчною гарью. Ребъ Хаимъ-Гершъ наконецъ отдаетъ приказъ закрывать „chumoschim". Мы быстро набрасываемъ свою верхнюю одежду, кто какую имѣетъ; Исрулекъ завязываетъ голову шалью матери и совсѣмъ походитъ на дѣвочку. У него, впрочемъ, вообще много дѣвичьяго.

— Придешь домой, будешь еще навѣрное чулки вязать,— замѣчаетъ ему кто-то.

У Исрулека глаза наливаются слезами отъ великой обиды.

Недаромъ же онъ „бенъ-юхидъ“ или „басъ-ехида“ [1]), какъ его иногда называютъ. Въ подобныхъ замѣчаніяхъ зажигаемъ мы свои самодѣльные бумажные фонари, смазанные масломъ, цѣлуемъ „мезузу“ и съ громкимъ крикомъ „a gute Nacht“ [2]) выходимъ въ сопровожденіи ребъ Хаимъ-Герша. Морозъ стоитъ трескучій; небо безъ пятнышка, и его темно-синій, высоко, высоко взвившійся сводъ весь усѣянъ яркими серебристыми и золотистыми звѣздочками; а городокъ какими-то разбросанными черными клочьями безмолвно лежитъ въ темнотѣ и только кое-гдѣ мигаетъ огонекъ.

Насъ охватываетъ какая-то бурная, бѣшеная веселость, изливающаяся въ громкой бравурной пѣснѣ. И даже ребъ Хаимъ-Гершъ тихо подпѣваетъ. Какъ не пѣть, когда поетъ все небо, вся земля, когда вся природа представляетъ одну дивную симфонію! Ахъ, какъ хорошо! И у меня сердце такъ больно сжимается при мысли о нашемъ миломъ родномъ городкѣ. Вотъ нашъ домъ! Черезъ плотно обложенное внутри и снаружи толстымъ слоемъ льда окно еле пробивается тусклый свѣтъ... Дрожь пробѣгаетъ внутри при мысли о нашемъ домѣ, словно предсталъ предо мной покойникъ...

Такъ проходятъ предо мною эти воспоминанія—то хлынетъ къ сердцу тихая радость, то охватываетъ тихая грусть. И все больше и больше тянетъ меня къ завѣтной книгѣ. Но гордость и злоба противъ брата сковываютъ меня, и я стою передъ шкафомъ, не двигаюсь, все держа полураскрытую книгу, въ которую украдкой заглядываю. Онъ подумаетъ, что это я дѣлаю ему въ угоду, чтобы загладить мою вину. Мою вину! Въ чемъ! Передъ кѣмъ! Это вѣдь такъ оскорбительно, это профанируетъ все мое сильное, святое влеченіе. Нѣтъ, нѣтъ! Отъ одной этой мысли уже все во мнѣ тухнетъ. И рѣшительно положивъ обратно дорогой мнѣ „хумешъ“, я выхожу на дворъ. Пускай думаетъ, что онъ правъ. Все вѣдь равно. На зло пойду къ ямщикамъ.

Но я туда не иду. Слишкомъ теперь противна мысль о ямщицкой.

---

[1]) Единственный сынъ или единственная дочь.

[2]) Доброй ночи.

Позади корчмы, въ защитѣ отъ холоднаго сѣверо-восточнаго вѣтра, уже стоятъ множество телѣжекъ и возовъ, нагруженныхъ разными, отправляемыми на базаръ товарами, изъ которыхъ одни тщательно увязаны рядами или черными потрескавшимися брезентами, другіе укутаны мѣшками, сверхъ которыхъ наложено сѣно. Выпряженныя лошадки громко и аппетитно жуютъ овесъ изъ перевязаннаго между оглоблями рядна, или же сѣно изъ положенной передъ ними на телѣгѣ или на землѣ связки. На иныхъ лошадяхъ мѣшечки съ овсомъ надѣты на морды, и онѣ ѣдятъ, залѣзши туда по самыя уши.

Вотъ около своей телѣжки, запряженной хорошей, гладкой свѣтло-гнѣдой лошаденкой и высоко нагруженной разной величины боченками, вдѣтыми одна въ другую кадушками, „цыберками“, масляничками, досенками, ведрами, корытами, возится бондарь-промышленникъ Парѳентій, человѣкъ лѣтъ тридцати, высокій, съ русой бородкой, съ умными синими глазами, одѣтый въ большую, крытую грубымъ синимъ сукномъ овчину, изъ-подъ которой виднѣется куртка изъ толстой желтой байки. Рядомъ съ нимъ остановилась со своею телѣжкой такъ называемая „Куцапердыха“, маленькое, чрезвычайно толстое существо, съ круглымъ, краснымъ, лоснящимся лицомъ, до того заплывшимъ жиромъ, что весь носъ совершенно утопаетъ въ его слояхъ, такъ что видны однѣ направленныя вверхъ широкія ноздри, совершенно напоминающія входъ въ каюту на грузовыхъ пароходахъ. Она вся укутана и увязана не меньше своей телѣжки, гдѣ подъ множествомъ рядень таятся красные, блестящіе сахарными искорками пряники, большіе круглые калачи, бублики, карамели, рожки, орѣшки, подсолнечники и т. д. Она теперь попрыгиваетъ около своей телѣжки, чтобы обогрѣть окоченѣвшія ноги, обутыя въ огромные, жирно-вымазанные сапоги, еле видные изъ-подъ длиннаго до земли кожуха. Издали ее можно бы принять за подскакивающій огромный, сдѣланный изъ тряпокъ мячъ, если бы она при этомъ не размахивала сильно руками.

— Добре бы теперь выпить полкрючка,—говоритъ она, обращаясь къ Парѳентію.

— Поподчуй, выпьемъ,—говоритъ съ ехидной улыбкой Парфентій, поправляя сдвинувшіяся ведра и сильно затягивая канатъ, ихъ обхватывающій.

Дѣло въ томъ, что Куцапердыха извѣстна своей баснословной скупостью, и одинъ даже намекъ на угощеніе приводитъ ее въ ярость.

— Подавишься, якъ все на дурницахъ будешь пить,—отвѣчаетъ она сердито, продолжая подпрыгивать и въ то же время подбирая ногами разбросанное около телѣжки сѣно.

Ее вообще считаютъ неудобной сосѣдкой по стоянкѣ, такъ какъ она очень любила „подгортать" чужое сѣно своей лошади и надо было поэтому быть настороже.

— Вотъ хороба,—мурлычитъ про себя Парфентій, продолжая подтягивать канатъ.

— Хороба тебѣ на языкъ,—огрызается Куцапердыха и подходитъ къ другой телѣгѣ, на которой возсѣдаетъ молодая баба, жандармскаго роста, окутанная въ сѣрую свиту съ капюшономъ, накинутымъ на голову. Передъ нею въ ярко выкрашенной деревянной коробкѣ лежатъ крупныя, отъ мороза превратившіяся почти въ твердые камешки маслины, которыя она аппетитно ѣстъ съ такимъ же замороженнымъ ржанымъ хлѣбомъ, запивая водкой, вытаскиваемой отъ времени до времени изъ-за пазухи.

По дорогѣ изъ А. медленно, съ топотомъ, стукомъ и скрипомъ тянется почти безпрерывно рядъ все прибывающихъ нагруженныхъ телѣжекъ. Это все торговцы, которые ѣдутъ всѣ въ Б., гдѣ по воскресеньямъ останавливается базаръ. Всѣ они проѣзжаютъ еженедѣльно туда и обратно, а потому мы ихъ почти всѣхъ знаемъ по именамъ, и они знаютъ насъ всѣхъ отъ мала до велика.

Вотъ, идя пѣшкомъ около своего крытаго шарабана, въ высокихъ бѣлыхъ валенкахъ, въ красномъ, совсѣмъ новомъ полушубкѣ, съ вышивкой на груди, показался Алексѣй, торгующій краснымъ и мелкимъ галантерейнымъ товаромъ. Это человѣкъ высокаго роста, плотнаго сложенія, съ гладкимъ, бѣлымъ, почти женственнымъ лицомъ, съ большой свѣтло-русой бородой, теперь

спрятанной подъ щеголеватымъ разноцвѣтнымъ гарусным шарфомъ, охватывающимъ нѣсколько разъ его бычачью шею. Онъ очень крутъ и суровъ со своею бѣлою и рыхлою какъ тѣсто женою, совершенно безотвѣтнымъ существомъ, которую онъ часто возитъ съ собою въ помощь при торговлѣ. Отъ одного его взгляда она вся замираетъ и въ ея заплывшихъ жиромъ сѣрыхъ, тусклыхъ и глупыхъ глазахъ выражается испугъ и смертельный страхъ. Иногда онъ возитъ съ собою молодцеватаго мальчишку пріемыша въ поддевкѣ и картузѣ, котораго за мельчайшій промахъ немилосердно и жестоко бьетъ. Онъ при этомъ очень жаденъ и хитеръ, умѣетъ отлично обдѣлывать свои дѣла, мастерски сбывать гнилой товаръ за двойную и даже четверную цѣну „молодицамъ“, которыя такъ и льнутъ къ его палаткѣ, тая отъ нахальнаго блеска его плутоватыхъ глазъ, полныхъ скотскаго выраженія и обольстительныхъ и грязныхъ его рѣчей. Зато онъ очень благочестивъ; не зѣвнетъ, не чихнетъ безъ того, чтобы не перекрестить благоговѣйно ротъ, любитъ богоугодныя бесѣды о святыхъ и ихъ подвигахъ; самъ большой постникъ и большей частью питается маслинами и кефалью; постоянно держитъ въ запасѣ черствый бубликъ для нищаго. Закусивъ у насъ въ корчмѣ, онъ почти всегда остатокъ хлѣба и селедки преподноситъ старому Перецу, когда онъ бывалъ тутъ, и всегда это дѣлаетъ съ благочестивымъ, молитвеннымъ выраженіемъ. Особенно тастъ душа его, когда онъ находитъ Переца при чтеніи евангелія. Тогда онъ ему и грошъ преподноситъ. Онъ очень дружитъ съ Артемомъ и особенно съ Артемихой, которые всегда его поджидаютъ, чтобы отвести душу въ благочестивой бесѣдѣ съ добрымъ человѣкомъ.

Этого Алексѣя я ненавижу всей силой своей пламенной дѣтской души. Какъ-то инстинктивно я въ немъ чую типичнаго представителя подлой, грубой, все топчущей и все попирающей силы, смазывающей свои воровскія и злодѣйскія дѣянія священнымъ елеемъ. Еще гадливѣе кажется мнѣ его молодцеватый пріемышъ (дѣтей у него не было), который однажды, получивъ сапогомъ въ грудь до того, что полетѣлъ до дверей, поднялся, какъ ни въ чемъ не бывало, и поклонившись до земли, сказалъ: „Спа-

сибо, дядинька. Такъ и учите меня". Говорятъ, будто это научила его такъ говорить его мать, вдова приживалка, считавшая для себя и сына большимъ счастьемъ то, что онъ попалъ къ Алексѣю.

Онъ, говорятъ, очень богатъ. Въ А. у него большая красная лавка въ собственномъ большомъ домѣ съ заѣзжимъ дворомъ въ центрѣ города. Но онъ постоянно разъѣзжаетъ по ярмаркамъ. У него хорошій шарабанъ „на желѣзныхъ осяхъ", пестро-выкрашенный, крытый, запряженный парой сильныхъ, хорошо откормленныхъ лошадей, не проворныхъ на бѣгъ, но способныхъ, по его словамъ, тащить сто двадцать пудовъ даже въ самую тяжелую дорогу.

Теперь онъ идетъ около шарабана, чтобы согрѣть ноги. Афросинья, такъ звали жену Алексѣя, вся укутанная въ крытый синимъ сукномъ овчиный тулупъ, сидитъ сгорбленная и подобравъ подъ себя ноги въ глубинѣ кибитки.

Шарабанъ врѣзывается въ самую средину ряда телѣгъ, чтобы устроиться поуютнѣе, при чемъ зацѣпляетъ какую-то ось съ такою силой, что половина телѣжки взвивается на воздухъ. Раздаются громкія проклятія по адресу Алексѣя, котораго большинство, однако, встрѣчаетъ очень почтительно, даже подобострастно. Выпрягши лошадей и подложивъ имъ сѣна въ передкѣ, онъ вытаскиваетъ большой сѣрый мѣшокъ съ провизіей и направляется въ шинокъ закусывать. Афросинья же остается на шарабанѣ оберегать товаръ.

Вотъ, нагнувшись почти до земли, плетется пѣшкомъ „ситочникъ", нагруженный неимовѣрнымъ количествомъ ситъ, пѣдилокъ и рѣшетъ, плотной стѣной прикрѣпленныхъ на деревянной рѣшеткѣ на его спинѣ повыше головы. Этотъ ситочникъ представляетъ собою очень странное, загадочное существо. Его имени никто не знаетъ, какъ не знаютъ въ точности его національности. Одни говорятъ, что онъ молдаванинъ, другіе считаютъ его цыганомъ, третьи словакомъ. Онъ смуглый совершенно, какъ негръ, безъ всякихъ признаковъ бороды, съ длиннымъ вытянутымъ лицомъ въ большихъ продольныхъ складкахъ, тянущихся полукруглыми линіями отъ глазъ до края оголенаго синеватаго подбородка.

Глаза лежатъ глубоко, глубоко въ темныхъ щеляхъ и смотритъ до того страдальчески, что на него жутко смотрѣть. Къ тому онъ всегда молчаливъ и ни съ кѣмъ слова никогда не вымолвитъ. Его многіе считаютъ колдуномъ, чародѣемъ. И неудивительно. Въ немъ столько глубоко загадочнаго, столько таинственнаго въ его глазахъ, во всемъ его существѣ. При томъ говорятъ, что онъ приготовляетъ какія-то капли противъ болѣзней и заговоровъ. Волосы у него сзади длинные, рѣдкіе, и одежда длинная, не мужицкая, хотя вся изодранная. Дѣти отъ него бѣгутъ, а большихъ онъ тоже часто отпугиваетъ. Но работаетъ онъ мастерски, и его произведенія раскупаются нарасхватъ. Тѣмъ не менѣе онъ всегда оборванъ, глядитъ голоднымъ, замученнымъ. Онъ всегда на всѣ базары ходитъ пѣшкомъ, несмотря ни на какія погоды, и даже когда даромъ ему предлагаютъ подвезти его, онъ отказывается. Онъ не любитъ оставаться въ чьемъ-либо обществѣ, боится бесѣдъ и разспросовъ, а потому избѣгаетъ всѣхъ. Подошедши къ корчмѣ, онъ снимаетъ со спины свой грузъ, ставитъ его у стѣнки около окна, чтобы можно было за нимъ смотрѣть—и заходитъ въ шинокъ. Молча положивъ на стойку пятачекъ, онъ медленно выпиваетъ полученную рюмку водки, потомъ садится на лавкѣ у самыхъ дверей, около кадушки съ водой. Набравъ кружку воды, онъ мочитъ въ ней вытаскиваемые изъ-за пазухи черные сухари, посыпаетъ ихъ солью и ѣстъ, посматривая каждый разъ черезъ окно на свои сита и рѣшета. Кто бы ни заходилъ, онъ не подниметъ, не повернетъ головы, которая всегда опущена книзу.

— Пришла „нечиста сила“,—говорятъ всѣ, завидѣвъ его. Его никто никогда не видѣлъ въ церкви, ни вообще молящимся или совершающимъ крестное знаменіе. На него за это всѣ смотрятъ со злобой и негодованіемъ: „Гирше жида,—говоритъ о немъ Куцапердыха:—жидъ хоть по-жидовски молится“. Но суевѣрный страхъ, которымъ онъ окруженъ, охраняетъ его пуще всѣхъ добродѣтелей и благочестія. Онъ, очевидно, это зналъ, и потому никогда никого и ничего не боялся. Говорили поэтому, что его охраняетъ „нечиста сила“. Утверждали также, что онъ на тѣлѣ постоянно носитъ узелокъ съ крупными деньгами. Онъ возбуждаетъ во мнѣ

неодолимое любопытство, но, какъ и всѣ, я ужасно боюсь смотрѣть на него. Онъ вѣдь можетъ заколдовать меня. А это такъ страшно.

Постепенно корчма облагается двойной цѣпью телѣжекъ, шарабановъ и всякаго рода возовъ и возковъ. Формируется словно временное поселеніе или огромный станъ, среди котораго происходитъ сильное оживленіе. Со всѣхъ сторонъ слышенъ громкій говоръ, топотъ, ржаніе лошадей, жеваніе, фырканье, сердитый храпъ, мычанье привязанныхъ и ведомыхъ на продажу коровъ и телятъ, острое, какое-то изступленное взвизгиваніе связанныхъ и втиснутыхъ въ мѣшки поросятъ.

Однако, въ шинкѣ „торгуютъ больше за воду", какъ говоритъ Зисель. Дѣйствительно, большинство проѣзжихъ заходитъ только для того, чтобы напиться воды и погрѣться, и рѣдкій выпиваетъ рюмку водки или стаканъ вина. До базара большинство воздерживается, а у иныхъ просто ничего нѣтъ. Зато ужъ многіе воздадутъ себѣ по возвращеніи, если базаръ будетъ удачный, т. е. если будутъ торговать бойко. Артемихѣ все же приходится раза два-три наполнять опорожненные штофы.

Какова бы ни была торговля, но въ корчмѣ и вокругъ корчмы—теперь небывалое оживленіе, больше вокругъ, гдѣ оно все растетъ и растетъ съ прибываніемъ новыхъ фигуръ и торговцевъ. Да, поистинѣ кажется, будто тутъ вдругъ выросъ городокъ. Лошади громко и весело жуютъ; временами онѣ издаютъ радостное ржаніе; люди возятся, постукиваютъ каблуками, чтобы согрѣть озябшія ноги, переходятъ отъ одной телѣги къ другой, ощупываютъ ихъ, залѣзая подъ рядна, переговариваются, разсматриваютъ сосѣдскихъ лошадей, спрашиваютъ объ ихъ стоимости, стараются предугадать, хорошій-ли будетъ базаръ, и т. д. Вотъ подходитъ хромой мужичекъ, торговецъ ободьями, граблями, осями, которыми его возъ высоко нагруженъ, къ своему сосѣду съ плохенькой телѣжкой, на которой стоятъ нѣсколько кадушекъ съ солониной, увязанныхъ сверху рядномъ.

— Сколько заплатывъ? Тридцать два? Да винъ, кажись, пидпаленный. Да вотъ смотри. Что, хиба я не понимаю, чи що?—И

чтобы убѣдить своего сосѣда, что у него, дѣйствительно, конь „подпаленный", хромой мужичекъ беретъ въ руки край лошадинаго хвоста и нѣсколькими волосами дотрагивается до его бока. Конь вздрагиваетъ всею кожею.

— Вотъ и не подпаленный,—торжествующе говоритъ онъ и направляется дальше, ощупываетъ привязанныхъ къ заду телѣги двухъ бычковъ, тянетъ ихъ за рога, толкаетъ въ бока и спрашиваетъ о цѣнѣ.

Сидящій на телѣгѣ мужикъ, который спокойно жуетъ хлѣбъ съ саломъ, презрительно на него смотритъ и не отвѣчаетъ. И въ его презрительномъ взглядѣ ясно читается: „Оце мабуть робыть тобы нычого"...

Всѣ наши обитатели, ямщики, ихъ жены съ дѣтьми на рукахъ, всѣ домочадцы Артема высыпали на дворъ и ходятъ между телѣгами, щупаютъ товары, переговариваются съ знакомыми торговцами и торговками. У женщинъ глаза разбѣгаются, хотя товары и закрыты. Ихъ одинаково соблазняютъ „намисты" [1]), серьги, кольца, цвѣтные платки, пряники, бублики и даже просто бѣлый хлѣбъ. Марія, съ обычнымъ похотливымъ выраженіемъ на красивыхъ красныхъ губахъ, которыя она, подобно голодной собакѣ, часто облизываетъ, завязываетъ разговоръ съ мужиками. Вотъ она очутилось около шарабана Алексѣя, который совсѣмъ недвусмысленно съ нею заигрываетъ, грубо, по-животному, что однако не смущаетъ ее нисколько. Она только робко, тихимъ голосомъ, напоминаетъ (уже, говорятъ, въ сотый разъ) объ обѣщанномъ ей „тыстамелѣ" [2]), дѣлая при этомъ слащавые, многообѣщающіе глазки. И она, однако, знаетъ, что обѣщаннаго никогда не получитъ. Не таковъ Алексѣй, чтобы вознаграждать женщинъ за любовь къ нему. Какъ кровожадный волкъ, онъ всегда увѣренъ, что намѣченный ягненокъ ему достанется и такъ.

Вотъ на крыльцѣ появились Владиміръ съ Наташей, какъ всегда, укутанной въ свою большую сѣрую шаль, часть которой она накинула на Владиміра, лѣвое плечо котораго она охватила

[1]) Дешевый кораллъ.

[2]) Головной платокъ съ яркими большими цвѣтами.

одной рукой, нѣжно на него опираясь. У нея, очевидно, хорошее настроеніе, и Владиміръ глядитъ весело, почти счастливо. Его настроеніе зависитъ почти исключительно отъ настроенія и отношенія къ нему Наташи.

— Лебка,—зоветъ она, завидѣвъ меня среди телѣгъ.—А ну спроси у Куцапердыхи, раскроетъ-ли еще она товаръ или нѣтъ. Скажи, что хочу купить бубликовъ.

Я отказываюсь по двумъ причинамъ: во-первыхъ, у меня вообще нѣтъ смѣлости подойти къ крикливой Куцапердыхѣ, съ которою и взрослые боятся имѣть дѣло. Во-вторыхъ, сегодня суббота и мнѣ покупать нельзя ничего. Какъ же я явлюсь посредникомъ въ покупкѣ? Объяснить все это Наташѣ я не умѣю, а потому просто молчу и не двигаюсь съ мѣста.

Наташа повторяетъ свою просьбу очень ласково. Но я просто убѣгаю, не давъ никакого отвѣта.

— Невѣжа!—кричитъ мнѣ сердито вспыхнувшая Наташа и сама направляется къ завѣтной телѣжкѣ, притягивающей всѣхъ нашихъ обитательницъ.

Несмотря на то, что дѣло идетъ о торговлѣ всего въ три—четыре копѣйки, Куцапердыха, однако, довольно охотно принимается развязывать телѣжку и послѣ довольно долгихъ трудовъ приподнимаетъ одинъ уголъ большого рядна, закрывающаго весь верхъ. Полученную монету Куцапердыха третъ нѣсколько разъ между ладонями, три раза плюетъ на нее и только тогда кладетъ въ свою засаленную полотняную сумку, хранящуюся за пазухой и перевѣшенную черезъ шею. При этомъ она говоритъ, обращаясь къ Наташѣ: „дай Боже, чтобъ добры булы на починъ“ Сейчасъ телѣжку окружаютъ всѣ мѣстныя обитательницы, не исключая и Горпины, которая съ большой оглядкою тоже что-то покупаетъ и быстро засовываетъ за пазуху, чтобы „старый чортъ“ не увидѣлъ. Соблазняются также Варька и Фроська, изъ которыхъ каждая, перещупавъ все, что могли, покупаютъ въ концѣ концовъ на копѣйку „насини“ (сѣмячекъ) или крашенный пряничекъ для ребенка, который тотъ будетъ сосать цѣлую недѣлю.

— Пойду попрошу маме, чтобы она намъ купила сѣмячекъ на

копѣйку,—говоритъ Ривкѣ Малка, которая, вмѣстѣ съ Майкой, тоже расхаживаетъ тутъ среди телѣжекъ, не менѣе другихъ соблазняясь товарами Куцапердыхи.

— Только этого тебѣ не достаетъ. Задастъ тебѣ маме сѣмячекъ такъ уже увидишь у нея свѣтлый міръ,—замѣчаетъ Майка, никогда не увлекающаяся и всегда понимающая истинное положеніе вещей, хотя она и моложе Малки почти на три года.

Малка, конечно, знаетъ, что покупать въ субботу нельзя, но отлично она также знала, что можно взять, не платя въ этотъ день. Куцапердыха повѣритъ. Хотя и знаютъ, что ничего не купятъ, всѣ однако взбираются на краешекъ оси, чтобы ближе хоть посмотрѣть на столь хорошія вещи. И какъ текутъ у насъ слюнки!

А по дорогѣ съ тѣмъ же скрипомъ медленно тянутся прибывающія новыя телѣги, все одноконныя, увязанныя канатами, укрытыя ряднами, нагруженныя колесами, ободьями, сухой рыбой, свѣжею камбалой, деревянными лопатами, овчинами, сѣномъ, камышемъ, околитами, дегтемъ, и т. д., и т. д. И кто только раскупитъ все это! Растетъ оживленіе, шумъ, говоръ, и совсѣмъ преобразилась наша Хатка и стоитъ она и словно счастливо и гордо улыбается, какъ добрая хозяйка, къ которой вдругъ навалило множество гостей.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ расхаживаю между рядами телѣгъ, образовавшихъ довольно длинную улицу, гдѣ такъ хорошо и гдѣ такъ сильно пахнетъ сѣномъ, свѣжимъ конскимъ навозомъ и дегтемъ. Особенно уютно тамъ, гдѣ расположились высоко нагруженныя телѣги съ камышемъ, сѣномъ и деревяннымъ углемъ, который изъ далека, изъ какихъ-то огромныхъ темныхъ лѣсовъ въ глуби Бессарабіи, возятъ молдаване. Вотъ около одной такой телѣги, верхъ которой составляетъ собственно огромную четырехъ-угольную вверху съуживающуюся корзину, вышиною съ большой домъ, вокругъ стараго молдаванина, играющаго на свирѣли, собралось нѣсколько бабъ. Онѣ настойчиво упрашиваютъ его сыграть имъ казачка; ихъ одолѣваетъ сильная охота „потанцюваты“ на свѣжемъ, морозномъ воздухѣ, и чародѣйка Марія пускаетъ въ ходъ всѣ свои чары. Но смуглый, покры-

тый черной угольной пылью молдаванинъ, въ темно-бурой мантіи съ широкой пелериной, остается непреклоннымъ. Онъ какъ будто даже ничего слушать не хочетъ и къ тому же ничего порусски не понимаетъ. И онъ продолжаетъ заливаться своими грустными народными мелодіями, грустными и тоскливыми даже въ своей бравурности. Какъ онѣ хороши! И онѣ мнѣ знакомы. Сколько разъ доносились онѣ къ намъ въ лѣтнія ночи изъ далекаго поля, когда, бывало, мы засиживаемся на заваленкѣ. И опять быстрыми молніями проносятся сладостныя воспоминанія, сладостныя и грустныя, какъ эти мелодіи. Ахъ, эти мелодіи совершенно приковываютъ меня къ мѣсту, и я забываю весь міръ.

Вдругъ я съ ужасомъ очнулся. Солнце уже сѣло, на верхушкахъ стоящихъ передъ станціей двухъ акацій погасли послѣдніе лучи, а я еще не совершилъ молитвы „минха".

Я стремглавъ бросаюсь въ комнату и принимаюсь быстро за молитву.

— Право грѣхъ, что, ты, бѣдненькій, оторвался отъ дудочки,— говоритъ Беръ (ему уже успѣли донести).—Отчего бы тебѣ было не постоять еще часикъ со всѣми „шиксами".—Братъ уже сидитъ у стола за „шолошъ-судосъ".

— Кишка напомнила, что надо идти въ домъ. Думаешь, про молитву вспомнилъ,—торжествующе, вся улыбаясь, говоритъ Зисель.

О, гнусная клеветница! Какъ она грубо оскверняетъ все святѣйшее во мнѣ! Какъ грязнитъ и топчетъ всѣ мои лучшія побужденія! Какъ бы я теперь ее растопталъ!

Я рѣшаю ничего не кушать, и если она дастъ мнѣ кусокъ хлѣба, швырнутъ ей его въ лицо, хотя я и въ самомъ дѣлѣ очень голоденъ.

Совершивъ молитву, я усаживаюсь въ темномъ углу. Черная фигура брата, тоже сидящаго въ темномъ углу, только противоположномъ, еле очерчивается. Грустнымъ, душу рвущимъ на части напѣвомъ онъ поетъ свои застольныя пѣсни. И въ его голосѣ звучитъ такое безвыходное отчаяніе, такая страшная безнадежность!..

---

[1]) Дѣвками.

אל מסתתר בשפריר חבוין. השכל הנעלה מכל רעיון взываетъ онъ къ Богу тономъ человѣка, для котораго все погибло. А тьма все больше и больше обступаетъ и окутываетъ его, будто желая ввергнуть все въ вѣчную бездну.

Знакомы мнѣ эти возгласы отчаянія, вырывающіеся изъ истерзанной груди въ этотъ моментъ, когда меркнетъ послѣдній лучъ радости, когда черная пасть ада жизни снова раскрывается вокругъ, и тѣмъ не менѣе они дѣйствуютъ на меня съ такой ужасною силой. Иногда меня начинаютъ душить рыданья, когда я даже и теперь вспоминаю мать, Пинхоса, сестеръ. Гдѣ-то они всѣ!..

Въ комнатѣ водворяется густая тьма. Черезъ незамерзшія щели окна видны яркія звѣздочки, мерцающія на ясномъ небѣ. Зисель уже сказала „Gott vin Avroom" и отправилась въ шинокъ принимать отчетъ отъ Артемихи. Она очень спѣшитъ, чтобы самой поскорѣе вступить въ торговлю въ виду множества посѣтителей. Пока же Ривка уже водворилась за стойкой и отпускаетъ водку и закуски. Братъ же въ совершенной тьмѣ продолжаетъ сидѣть за своимъ шалошъ-судосъ и напѣвать свои грустныя змиройсъ. Онъ какъ будто всѣми силами борется противъ надвигающейся жизненной прозы, силится, какъ можно дольше продлить эти часы, полные безконечно грустной поэзіи. И чѣмъ больше его обступаетъ тьма, тѣмъ печальнѣе, тѣмъ безнадежнѣе звучитъ его мольба.

Временами черезъ отхрываемыя двери врывается пыльная полоса тусклаго свѣта, идущаго изъ шинка, доносится шумный говоръ, громкое отплевываніе послѣ выпивки, проникаетъ дымъ отъ махорки. Беръ, словно передъ нимъ раскрылись врата ада, издаетъ глубокій стонъ, все больше прижимается съ своему углу и все грустнѣе и тоскливѣе звучитъ его почти рыдающій голосъ, [illegible] голосъ человѣка, который сейчасъ долженъ быть низвергнутъ въ глубь преисподней..

Я все время продолжаю сидѣть неподвижно въ своемъ темномъ углу и слушаю, слушаю, и такъ грустно, такъ сладостно мнѣ среди этой тьмы. Временами мнѣ кажется, что это сидитъ тамъ отецъ. Вѣдь это тѣ же напѣвы, почти тотъ же мягкій, сладостный и про

никающій въ душу голосъ. И звучитъ въ нихъ та же отчаянная безнадежность.

Но вотъ изъ шинка явилась Зисель, держа въ одной рукѣ зажженную свѣчу, а въ другой платочекъ съ мѣдяками, полученными отъ Артемихи.

„A gite Woch, a maseldige Woch,“ [1]) говоритъ она, кладя мѣдяки на постель, а свѣчу ставя на столъ. Все волшебство разомъ выпорхнуло, и вся комната наполнилась вдругъ чѣмъ-то такимъ отталкивающимъ, будничнымъ. Беръ поспѣшно заканчиваетъ трапезу, совершаетъ молитву „мааривъ“ и затѣмъ „гавдоле“ [2]). И съ гаснущимъ пламенемъ гавдоле гаснетъ послѣдній лучъ субботы... И въ то время какъ братъ, расхаживая по комнатѣ, распѣваетъ „гамавдилъ“, Зисель вытаскиваетъ изъ постели завѣтную шкатулку, заключающую всю торговлю за недѣлю, присоединяетъ туда только-что принесенные мѣдяки и начинаются счеты. Какъ мнѣ тогда Зисель ненавистна! Какое у нея отталкивающее выраженіе, сухое, все проникнутое копѣечнымъ интересомъ, какъ у настоящей торговки.

— Беръ,—торопитъ она брата,—Беръ, скорѣе. Надо записать заборъ ямщиковъ за сегодняшній и вчерашній день. Сергѣй взялъ крючекъ, Петро полтора и полкварты вина...

— Ахъ, громъ меня поразилъ!—перебиваетъ она себя вдругъ.— А ты записалъ двѣ восьмушки, что взялъ Миронъ. Черные годы мои, такъ и могли забыть. Хорошо, что я вспомнила. И т. д. все въ этомъ родѣ.

— Что тебѣ такъ некогда, успѣешь,—недовольно перебиваетъ ее братъ, который эти счеты, очевидно, любитъ столько же, сколько я.

— Успѣешь, все успѣешь. Сейчасъ наѣдутъ еврейчики и закрутятъ тебѣ голову.

Братъ, продолжая распѣвать установленные гимны, медленно складываетъ талесъ, укладываетъ его въ свой мѣшокъ, висящій около шкафа съ книгами, и садится за столъ, усыпанный мѣдной и серебряной монетой. И начинаются эти мелкіе, противные, ненавистные счеты.

---

[1]) Доброй, счастливой недѣли.

[2]) Молитва отдѣленія субботы отъ будней.

— Стой, стой. Въ понедѣльникъ я дала Велизару на сахаръ девять копѣекъ. Потомъ Фроська взяла въ счетъ пять копѣекъ. Въ четвергъ дала Сергѣю на муку пятьдесятъ пять копѣекъ, на дрожжи три копѣйки. Потомъ, когда Петро возилъ сумку, я ему тоже дала тринадцать копѣекъ на мыло и на кукурузную муку.

— Вотъ тебѣ и вся „михья [1])“ за недѣлю,—слезливо начинаетъ по обыкновенію Зисель, когда счеты покончены. Иди, живи съ такой семьей, чтобы не сглазить. Одного хлѣба сколько нужно. Спечешь пудъ, чтобы не сглазить, а въ среду уже нѣтъ хлѣба. Есть, слава Богу, кому кушать. Ртовъ довольно.

Мнѣ всегда кажется, что при послѣднихъ словахъ Зисель имѣетъ въ виду одного меня. И я не ошибаюсь. Послѣ счетовъ она глядитъ на меня особенно злобно и становится ко мнѣ особенно придирчивой. Только Беръ этого не видитъ. Наивная душа! Онъ не можетъ допустить такой гадости у другого, у Зисель же и говорить нечего. Никогда онъ не повѣритъ, что я ей въ тягость не своими дурными качествами, о которыхъ она всегда говоритъ, а своимъ аппетитомъ. И никогда мои дурныя качества не выступали передъ нею съ такою силой, не возбуждали такъ ея негодованія, какъ тогда, когда я ѣлъ что-нибудь. О, въ какое чудовище я тогда превращался! Каждое мое движеніе, каждый мой шагъ въ ней тогда возбуждали неодолимую ненависть. Я каждый разъ давалъ обѣтъ ничего не ѣсть, ни до чего не дотронуться. Но дѣтскій аппетитъ бралъ верхъ и уничтожалъ всѣ мои рѣшенія. И на этотъ разъ я не выполнилъ своего рѣшенія и, вмѣсто того, чтобы швырнуть его въ лицо Зисель, съ большой жадностью съѣлъ данный мнѣ вечеромъ ломоть хлѣба.

Субботній вечеръ былъ самый безпокойный и непріятный. Начиная часовъ съ восьми-девяти, комнату начинали наполнять отпразлявшіеся на базаръ евреи, которые могли выѣхать только по наступленіи вечера. И до часа и до двухъ ночи мы уже не знали покою. И отъ нихъ-то именно почти исключительно торговали „за воду и утиральники“.

---

[1]) Торговля, выгода. Собственно значитъ пропитаніе.

Вотъ въ комнату ввалился съ маленькимъ узелкомъ въ рукахъ Фроимъ Цельникеръ. [1]) У него хорошій шарабанъ и пара хорошихъ лошадей, а потому онъ пріѣзжаетъ изъ первыхъ.

— Доброй недѣли вамъ, р. Беръ,—говоритъ онъ, отворяя дверь и внося съ собою волну свѣжаго морознаго холода. Съ трудомъ онъ сбрасываетъ съ себя огромную байковую бурку съ капюшономъ и остается еще въ смушковой шубѣ, крытой чернымъ сукномъ.

— Горитъ на дворѣ,—говоритъ онъ, распахивая широко шубу и направляясь съ протянутыми впередъ руками къ печкѣ.— Просто горитъ; пробираетъ кости насквозь,—повторяетъ онъ.—Раза три слѣзалъ съ шарабана и бѣгалъ пѣшкомъ за лошадьми, и все-таки еле доѣхалъ. Даже кровь окоченѣла внутри.

Погрѣвшись минутъ десять около печки, онъ кладетъ свой бѣлый узелокъ на столъ, медленно его развязываетъ, кладетъ отдѣльно хлѣбъ, селедку, вареную курицу, завернутые въ пропитавшуюся жиромъ бумагу. Приготовивъ все, онъ умываетъ руки, творитъ молитву и принимается чинно закусывать на разостланной салфеткѣ, отрѣзывая маленькіе кусочки своимъ складнымъ ножемъ.

— Ахъ, у васъ есть самоваръ,—восклицаетъ онъ вдругъ.—Чего же вы молчите? Теперь стаканъ теплаго—драгоцѣнная вещь.—И покушавши, онъ себѣ безцеремонно наливаетъ стаканъ чаю, а затѣмъ другой, третій.

Вообще эти проѣзжіе евреи въ большинствѣ мало церемонятся и распоряжаются, какъ у себя дома. И какъ это еврей станетъ церемониться въ домѣ еврея же. Торговать отъ нихъ меньше всего торговали. Очень рѣдко какой-нибудь проѣзжій еврей попроситъ рюмочку водки или стаканчикъ вина, а закуской онъ всегда запасается. Корчма же ему нужна для того, чтобы погрѣться, а больше всего для того, чтобы помолиться, умыть руки передъ ѣдою и т. п.

Такъ какъ это былъ людъ все мелкій, торговый, постоянно почти странствовавшій по базарамъ, т. е. наиболѣе невѣжественный и наиболѣе также скаредный, вѣчно погруженный въ

[1]) Галантерейщикъ.

свои конѣчные разсчеты, то онъ отличался особенной безцеремонностью и грубоватостью. А—нскіе же евреи были одарены этими качествами въ наибольшей степени и къ прозвищу а — нскіе плуты, которое они честно заслужили (кажется, это была единственная вещь, которую они себѣ добыли безукоризненнымъ путемъ), присоединяли еще титулъ „а—нскіе шкуцимъ", [1]) тоже вполнѣ честно ими заслуженный. Какъ и всегда, наибольшею безцеремонностью отличались болѣе состоятельные, которые залѣзали на самый верхъ, лишая иногда угла и брата. Но о стѣсненіи и неудобствахъ другихъ они мало думали. Наитипичнѣйшимъ представителемъ а — нскаго „хазира" представлялъ собой Фроимъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, крѣпкаго сложенія, съ толстой красной шеей, съ большою низко остриженною русой головой, съ небольшимъ остаткомъ пейсъ. Бородка у него небольшая, тоже русая, и былъ онъ лѣтъ тридцати. Черты лица были довольно правильныя, но безъ всякаго, такъ сказать, освѣщенія и выраженія. Только холодные сѣрые глаза выражали плутоватость и хитрость. Говорилъ онъ всегда остротами, прибаутками, довольно вульгарнаго свойства, какъ и всѣ „а—ицы", какъ ихъ называли. И въ этихъ своихъ базарныхъ вульгарныхъ остротахъ и выходкахъ они особенно отталкивали. „Мамалыжныя хохмесъ" называлъ ихъ Беръ. Его, какъ натуру тонкую, деликатную, эта грубость и безцеремонность сильно шокировали и возмущали. Но онъ, изъ деликатности, рѣдко обнаруживалъ свои чувства. И то надо сказать, что въ присутствіи брата, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, большинство, насколько могло, сдерживало себя въ своихъ проявленіяхъ.

Что касается меня, то я къ „а—ицамъ" питалъ сильнѣйшую антипатію, особенно за ихъ грубый матеріализмъ и за ихъ грубыя циническія остроты и шуточки. Выросши въ домѣ, который былъ почти храмомъ въ самомъ возвышенномъ смыслѣ, и въ городкѣ, гдѣ царили чистота и высшее цѣломудріе во всемъ, я питалъ неодолимое отвращеніе ко всему пошлому, грубому и вульгар-

[1]) Нахалы.

ному. И вотъ въ этотъ субботній вечеръ и въ другіе вечера и дни, когда бывало наѣдутъ эти а—нцы, отправляясь на базары или же возвращаясь оттуда, я всегда чувствовалъ себя не по себѣ, словно меня бросили среди базара. И всѣ себя такъ чувствовали.

Вотъ въ комнату съ шумомъ ввалило разомъ человѣкъ шесть, наполнивъ ее сильнымъ холодомъ.

— Доброй недѣли,—кричатъ они.—Хорошо, право, тутъ сидѣть въ теплой комнатѣ около печки. На дворѣ не выдержать. Дыханіе замерзаетъ. Подъ ногтями тысячи булавокъ,—заявляютъ почти всѣ.

Это большею частью молодые люди, лѣтъ двадцати и двадцати пяти, всѣ, разумѣется, уже семейные, тѣлосложенія геркулесовскаго, исключая одного. Одни изъ нихъ ѣдутъ съ краснымъ и галантерейнымъ товаромъ, другіе же ѣдутъ „гандлевать", т. е. закупать, что попадется: шерсть, овчину, кожу, ленъ, пшеницу и всякое другое зерно и т. д.; между этими гигантами съ грубыми лицами выдѣляется одинъ, по имени Іосель, совсѣмъ молодой, лѣтъ двадцати, а быть можетъ и меньше. У него блѣдное, интеллигентное лицо, нѣсколько удлиненное, окаймленное маленькой черной бородкой, съ еле пробивающимися бакенбардами. Онъ недавно только покинулъ школьную скамью, т. е. скамью въ бесъ-гамедрашѣ, гдѣ сидѣлъ три года послѣ свадьбы, живя у своего тестя. И это первая зима, что онъ принялся за „дѣло", т. е. ѣдетъ „гандлевать". Говорятъ, что каждый разъ, когда онъ уѣзжаетъ изъ дома, онъ горько плачетъ. Онъ до того боготворитъ свою жену, отличающуюся ослѣпительной красотой и тихимъ добрымъ нравомъ, что не въ состояніи разстаться съ нею. Онъ могъ бы еще долго „сидѣть у стола тестя," но послѣдній, человѣкъ грубый, чѣмъ то его оскорбилъ и онъ рѣшилъ зажить самостоятельно, о чемъ теща, любящая его не меньше своей дочери, сильно плачетъ.

Онъ во всякомъ „ганделѣ" и во всякихъ товарахъ смыслитъ, очевидно, столько же, сколько я, и служитъ предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ. Ему предсказываютъ, что онъ скоро „доложитъ голову", что его компаньонъ, съ которымъ онъ соединился, скоро ему сдѣлаетъ свадьбу съ его приданымъ въ триста рублей, кото-

рые онъ вложилъ въ „дѣло.“ Говорятъ, что онъ до сихъ поръ не умѣетъ отличить пшеницы отъ проса, льна отъ кукурузы. Іосель же самъ, напротивъ того, издѣвается надъ всей купеческой мудростью, которую, по его словамъ, можно изучить въ одинъ день, и утверждаетъ, что онъ ее давно постигъ. Экая важность! Есть о чемъ говорить, говоритъ онъ насмѣшливо. Что тутъ важнаго: „tosi-s-kasche“, [1]) что ли. Купилъ кило [2]) пшеницы за десять рублей, а продалъ за одиннадцать. Есть тутъ надъ чѣмъ ломать голову.

Куражится онъ, однако, только для другихъ. Въ самомъ же дѣлѣ коммерція ему совсѣмъ не по нутру, и онъ себя чувствуетъ среди всѣхъ этихъ „сохримъ“—пройдохъ, какъ еврейскій ребенокъ, попавшій среди грубыхъ парней, тѣмъ болѣе, что его постоянно преслѣдуютъ издѣвательствами.

— Онъ среди нихъ, какъ роза между терновниками,—говоритъ братъ. Въ самомъ дѣлѣ, Іосель человѣкъ съ основательными знаніями, интеллигентный, съ высшими духовными интересами, а это все грубіяны, весь интересъ которыхъ въ плутняхъ, которыми они хвастаютъ, какъ подвигомъ.

Совершенную противоположность ему представляетъ собою его компаньонъ Гершель-Ицекъ, находящійся тутъ же. Онъ старше Іоселя быть можетъ всего года на два, но это уже вполнѣ сформировавшійся плутъ, и при томъ, такъ сказать, плутъ-артистъ, который свои плутни обдѣлываетъ съ любовью и тонкимъ мастерствомъ. Казалось, что сама плутня его больше гораздо занимала, чѣмъ результатъ, т. е. денежный выигрышъ. Онъ чуть ли не съ вдохновеніемъ разсказывалъ самъ про свои продѣлки, какъ онъ у такого-то мужика ловко стянулъ лишнихъ двѣ-три „мѣрки“, другого обсчиталъ на пару рублей при разсчетѣ и т. д. Когда ему указывали, что это безчестно, что это „chilul haschem“ [3]),

[1]) Головоломный вопросъ въ Талмудѣ. Комментаріи, называемые тосфойсъ.

[2]) Это молдаванская мѣра, заключающая, кажется, около пятнадцати пудовъ.

[3]) Осквернение имени Божьяго.

онъ все отвѣчалъ: „Ничего, ошибкой гоя не грѣхъ воспользоваться“.

— Какая же тутъ ошибка,—возражали ему,—это вѣдь просто мошенничество.

— Нѣтъ, ошибка,—настаивалъ Гершель-Ицекъ,—непремѣнно ошибка. Вѣдь мужикъ, направляясь ко мнѣ, не думаетъ, что я его надую. Вотъ и ошибка съ его стороны. Иногда на укоры въ мошенничествѣ онъ отвѣчалъ: „Ничего, они достаточно награбили во время разрушенія храма“.

Надо, однако, отдать справедливость Гершель-Ицеку, что онъ далеко не былъ „узкимъ фанатикомъ“, и въ отношеніи плутней не отличалъ своего отъ чужого. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно всѣхъ прочихъ пройдохъ его типа. Кто способенъ на обманъ и вообще на предосудительные, низкіе поступки, тотъ также не способенъ дѣлать различія. А—скіе евреи дѣйствительно очень мало церемонились и во взаимныхъ коммерческихъ дѣлахъ, а если больше надували мужиковъ, то это потому, что надъ ними это легче было продѣлать, чѣмъ надъ смышленными евреями.

Казалось совершенно непостижимымъ это компаньонство овечки и бесъ-гамедрешника [1]) Іоселя съ этимъ огромнымъ „бугаемъ“, какъ называли иногда Гершель-Ицека. И лицо, и одежда этого послѣдняго вовсе не были еврейскія, и походилъ онъ больше на здороваго, неотесаннаго мужика. Его невѣжество равнялось его мужицкой наружности. Особеннымъ благочестіемъ онъ тоже не отличался и только по привычкѣ машинально мурлыкалъ молитву. Часто же, какъ гласила молва, онъ позволялъ себѣ разныя отступленія, ѣлъ не умывавши предварительно рукъ и безъ благословенія, а то и забывалъ вечернюю молитву временами, особенно въ дорогѣ. Онъ поэтому въ порядочномъ обществѣ считался отверженнымъ и онъ иногда подвергался за это синагогальному остракизму.

---

[1]) Бесъ-гамедрешникъ—человѣкъ, проводящій все время въ бесъ-гамедрешѣ въ изученіи талмуда и мало смыслящій въ жизни.

Между тѣмъ комната все больше и больше наполняется вновь прибывающими евреями, такъ что буквально дѣться некуда, и нѣкоторые безцеремонно садятся на высокую, такъ тщательно убранную постель, которая въ одно мгновеніе осаживается и превращается въ безформенную кучу.

— Какъ тебѣ нравятся эти свиньи. Расположились, какъ у отца своего,—ворчитъ про себя Ривка, бросая негодующіе взоры на нахаловъ, разрушавшихъ всѣ ея труды. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдная Ривка больше всего гордилась убранствомъ постели, которымъ старалась шегольнуть передъ проѣзжими—вдругъ такой вандализмъ.

Густой дымъ отъ скверняго табаку совершенно заслоняетъ слабый свѣтъ отъ тоненькой сальной свѣчки, горящей посерединѣ стола,—и черными клубами, словно облако, поднимается онъ къ намъ на печь, гдѣ мы всѣ пріютились,—и разъѣдаетъ намъ глаза. Земляный полъ, такъ тщательно вымазанный наканунѣ, покрылся черной жидкой грязью отъ стаивающаго съ сапогъ снѣга и льду. Въ углу между колыбелькой и книжнымъ шкафомъ образовалась огромная, почти до потолка достигающая куча изъ разныхъ шубъ и бурокъ. Такія же кучи навалены на спинку кровати и въ одномъ углу дивана. Бѣдный братъ прижался къ другому углу, стиснутый со всѣхъ сторонъ. Стоитъ шумъ, гамъ, хохотъ, слышатся грубыя, вульгарныя остроты; и каждый разъ все новый притокъ людей и холода.

— Залменъ, болячки тебѣ въ кости, что ты такъ прилипъ къ печкѣ. Сало на тебѣ растопится,—кричитъ тоже не очень худой, краснощекій Мойше коренастому парню съ вздутыми щеками, который всей своей мощной спиною приперся такъ къ печкѣ, словно хотѣлъ бы ее сдвинуть съ мѣста.

— Спрячь твои базарныя chochmes на завтра,—сердитымъ басомъ огрызается Залменъ, съ большимъ трудомъ поворачивая свою бычачью голову въ сторону Мойше.

— Берчикъ, тебѣ вѣдь слѣдуетъ masol-tow [1]), шельмецъ ты

[1]) Счастливой судьбы. Формула поздравленія со всякимъ счастливымъ событіемъ.

этакой. У него идетъ, какъ на колесахъ; каждый годъ сынъ или дочь. Быть можетъ, ты намъ литръ вина поставишь,—говоритъ своимъ хриплымъ басомъ Шмерель, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, такой же плечистый и здоровый, какъ и большинство, но невысокаго роста, съ маленькими мигающими глазами.

Берчикъ, имѣющій еще одну нелестную кличку „шарха", ухмыляется, но ничего не отвѣчаетъ и только крѣпче надвигаетъ свой картузъ съ подозрительно засаленнымъ верхомъ, хотя онъ уже достаточно надвинутъ, и изъ-подъ него виднѣется только нѣсколько рѣденькихъ волосъ.

— А, шоломъ-алейхемъ, р. Ешикеле,—встрѣчаютъ всѣ иронически-торжественно маленькаго человѣчка, почти карлика, который тихо и какъ будто робко входитъ въ комнату, до того укутанный въ свою „волчью" шубу, крытую чернымъ сукномъ, что совсѣмъ лица не видно.

Отвязавъ шарфъ, которымъ охваченъ поднятый высокій воротникъ шубы и спустивъ послѣдній, онъ медленно подходитъ къ брату и, пожелавъ ему доброй недѣли, начинаетъ ходить по комнатѣ, потирая руки и ударяя одной ногой въ другую, чтобы обогрѣть ихъ. У него маленькое продолговатое лицо, со впалыми щеками, съ выдающимися скулами, глаза маленькіе, черненькіе, какъ маслинки, которые то прячутся, быстро смыкаясь и убѣгая въ глубь, то вынырнутъ и, приложившись словно къ скважинѣ, выглядываютъ, какъ будто что-то высматривая. Иногда же они принимаютъ совсѣмъ угнетенное, недоумѣвающее выраженіе. Въ общемъ, у него такой видъ, словно онъ всѣхъ и всего боится, а въ самомъ дѣлѣ это, говорятъ, отчаянная бестія, славящійся своимъ жестокосердіемъ и своею легендарной скаредностью, способный за копѣйку выдрать глаза себѣ и другимъ. Всѣ утверждаютъ, что онъ очень богатъ, но онъ это скрываетъ и выдаетъ себя почти за нищаго. Имѣя, однако, извѣстныя правила чести въ своей торговлѣ и будучи къ тому человѣкомъ не невѣжественнымъ, онъ считаетъ себя много выше всѣхъ этихъ невѣждъ и грубіяновъ, относится съ глубокимъ презрѣніемъ ко всей этой „халястрѣ шарлатановъ", на которыхъ онъ и смотрѣть не хочетъ.

— Гершель-Ицекъ,—кричитъ кто то,—посади, право, малютку на печку. Смотри, какъ онъ озябъ, бѣдненькій.

Гершель-Ицекъ, долго не думая, подхватываетъ Іешикеле, какъ перышко, сначала укачиваетъ его на рукахъ, какъ укачиваютъ крошку, и, несмотря на то, что тотъ отбивается руками и ногами, сажаетъ его на печь среди нашей дѣтворы. Бѣшеный хохотъ оглашаетъ всю комнату.

— Восемьдесятъ черныхъ лѣтъ тебѣ, шарлатанъ, воръ! Необычайная смерть на твою голову, грязный трефнякъ, „хазерникъ“,—кричитъ, соскочивъ, Іешикеле. Ты думаешь, никто не знаетъ, что ты жрешь мамалыгу съ бринзой у молдаванъ. Развѣ въ тебѣ есть одна еврейская жила? А эти собаки гогочутъ. Весело имъ, шарлатанамъ. Стыда у васъ нѣтъ никакого. Евреи вы? Такой годъ на васъ, какіе вы евреи. Такъ издѣваться надъ человѣкомъ можетъ только послѣдній хазиръ.

„Халястра“ вдругъ замолкаетъ, очевидно устыдившись все-таки. Только Гершель-Ицекъ не можетъ успокоиться.

— Вотъ будьте свидѣтелемъ, р. Беръ,—обращается тотъ къ брату, весь красный и весь дрожа отъ гнѣва, вскочивъ, какъ ужаленный, съ своего мѣста съ сжатыми кулаками.—Онъ сказалъ, что я ѣмъ трефное. Я его требую на динъ-Тора [1]). Пускай онъ мнѣ это докажетъ. Я тогда беру на себя какое угодно наказаніе. Если же нѣтъ, то пускай онъ публично заявитъ, что оклеветалъ меня и пускай дастъ десять рублей на бесъ-гамедрашъ. Иначе я ему и въ канунъ Іомъ-Кипура не прощу. Слушайте же всѣ,—заканчиваетъ онъ, стукнувъ кулачищемъ по столу. И на глазахъ этого гиганта появляется влага отъ обиды.

— А если онъ на динъ-Тора не пойдетъ? Что ты съ нимъ сдѣлаешь!—спрашиваетъ кто-то.

— Десять рублей онъ дастъ,—замѣтилъ Шмерель.—Онъ скорѣе двадцать разъ повѣсится. Видишь, онъ исчезъ сегодня.

— Хорошій товаръ этотъ маленькій Іешикеле,—замѣчаетъ Залменъ.—Жена три дня за нимъ ходитъ, пока онъ дастъ на муку.

---

[1]) Судъ по еврейскому закону.

Легче у него вырвать внутренности, чѣмъ копѣйку. Жена боится его дыханія, хотя она втрое больше его ростомъ,—настоящій казакъ. И славная женщина такая, добрая, истинно благочестивая, а лежитъ у него девять футовъ въ землѣ.

— Паскудный еврей, нечего говорить,—замѣчаетъ Іосель.—Но такъ пристыдить человѣка, такъ издѣваться—это самый тяжкій грѣхъ. Такъ не дѣлаетъ человѣкъ, а мужикъ.

— А если бы ты слыхалъ, что ему Аврумчикъ устроилъ въ прошлую пятницу,—говоритъ маленькій Дувидъ-Ицекъ, на которомъ огромная желтая бурка, весь осклабившись отъ удовольствія.—Сидѣлъ Іешикеле за столомъ и пѣлъ „змирейсъ". Подходитъ Аврумчикъ и начинаетъ сильно стучать въ окно, крича: „Р. Іешіа, р. Іешіа, скорѣе, скорѣе". Тотъ выскочилъ, страшно испуганный и спрашиваетъ, весь дрожа: что такое, что такое? А Аврумчикъ ему спокойно говоритъ: „Вотъ твоя лошадь хочетъ мочиться, такъ ты ей присвистывай".

— Это можетъ сдѣлать только самый послѣдній шарлатанъ,— весь вспыхнувъ замѣчаетъ Іосель, въ то время какъ всѣ заливаются отъ хохота.

— Смотри, легокъ на поминѣ—лучше говорили бы объ Эліогу Ганови [1]),—восклицаетъ тутъ же Дувидъ-Ицекъ, увидѣвъ появившагося на порогѣ Аврумчика, о подвигѣ котораго онъ только-что разсказалъ.

— Что это вы тутъ говорили обо мнѣ? Ужъ навѣрное дурное,— съ добродушной улыбкой говоритъ Аврумчикъ, пожелавъ доброй недѣли и стряхивая льдинки съ своей бороды, усовъ и пушистаго воротника.

— Развѣ о тебѣ можно сказать что-либо другое, кромѣ дурного,—отвѣчаетъ ему Мойше, ближайшій его пріятель И онъ ему разсказываетъ, въ чемъ дѣло. Аврумчикъ выслушиваетъ съ очень довольной улыбкой ребенка, при которомъ разсказываютъ объ его умной продѣлкѣ.

— Такая „хохме" вполнѣ подобаетъ пьяному „шегецу", да и

---

[1]) Пророкъ Эліагу.

тотъ врядъ ли рѣшится продѣлать такую низость надъ сидящимъ за субботнимъ столомъ евреемъ,—говоритъ братъ съ негодованіемъ.—Я никогда не думалъ бы, что есть такіе распущенные евреи.

И, вставъ съ мѣста, онъ начинаетъ ходить въ волненіи по комнатѣ.

— Р. Беръ совершенно правъ,—кричатъ тѣ, которые только что восторженно заливались хохотомъ. Они только теперь поняли, что ихъ хохотъ во всякомъ случаѣ былъ неумѣстенъ въ присутствіи брата и хотятъ теперь загладить вину. Аврумчикъ нѣсколько смущенъ замѣчаніемъ брата и уходитъ отъ стола, какъ будто для того, чтобы погрѣться у печки. Но нельзя сказать, чтобы онъ уже очень растерялся или сознавалъ, что поступилъ дурно. Все-таки ему не хочется оставлять о себѣ слишкомъ дурное мнѣніе „р. Бера“ и онъ вкрадчиво говоритъ:

— Ну, совершилъ глупость. Что дѣлать. Придетъ иногда дурь въ голову. Я отлично понимаю, что это нехорошо.

Однако, всякій отлично понималъ, что какъ только представится случай, онъ выкинетъ еще болѣе сальную штуку и не надъ Іешикеле только, а надъ всякимъ, хоть бы самымъ почтеннымъ евреемъ. И не изъ злости, а такъ, по слабости къ подобнымъ шуткамъ.

Аврумчикъ представлялъ собою въ высшей степени своеобразный типъ. Это человѣкъ лѣтъ тридцати не болѣе, ростомъ нѣсколько выше средняго, съ весьма правильными чертами лица, смуглый, съ красивыми выразительными черными глазами, красивой черной бородой и черными густыми волосами на головѣ. Одѣвался онъ уже „по-нѣмецки“, т. е. носилъ нѣсколько короткій сюртукъ и панталоны въ голенищи не закладывалъ. Въ одеждѣ онъ вообще соблюдалъ аккуратность и даже проявлялъ нѣкоторое щегольство: носилъ бѣлыя манишки, галстухи и т. п. Голосъ у него былъ мягкій, пріятный, и говорилъ онъ тихо, и вдакъ покорно поглядывая на своего собесѣдника, словно боясь чѣмъ либо не угодить ему. Въ общемъ, въ его красивой наружности съ перваго взгляда было нѣчто притягательное, симпатич-

ное, даже что-то такое милое и мягкое. Но никогда, кажется, наружность не была такъ обманчива, какъ въ данномъ случаѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ заядлыхъ дѣльцовъ и плутовъ, выдававшійся въ А. даже среди множества жуликовъ и ловкихъ плутовъ. Онъ не только могъ сравняться съ Гершель-Ицикомъ, но далеко превосходилъ его; ибо у него было гораздо больше утонченности въ плутняхъ и, такъ сказать, больше широты. Гершель-Ицекъ былъ открытый, мелкій плутъ, у котораго душа была на распашку; онъ поэтому былъ менѣе опасенъ и довольствовался малымъ. При томъ его стремленія шли не очень далеко; надуетъ на нѣсколько копѣекъ — и то очень доволенъ; удастся „схватить“ нѣсколько рублей, тѣмъ лучше. При томъ съ Гершель-Ицикомъ не очень-то церемонились. Онъ получалъ сотни разъ „in tatens taten“ до тридцатаго поколѣнія, а присвоенное имъ часто отнимали. Аврумчикъ же могъ опутать даже тѣхъ, которые его лично знали, и всегда выйти сухъ изъ воды. При этомъ его горизонтъ былъ гораздо обширнѣе, и онъ мѣтилъ на сотни, хотя не брезгалъ и единицами. Его всѣ боялись, всѣ избѣгали въ дѣловыхъ сношеніяхъ, и почти всѣ попадались въ его незамѣтныя, тонкія, какъ ткань изъ росы, сѣти. Онъ былъ человѣкъ очень богатый и изъ богатаго дома. Отецъ его р. Шлойма-Лейбъ принадлежалъ къ самымъ почтеннымъ „гвирамъ“ города А. Это былъ высокій плечистый красивый старикъ, съ бѣлоснѣжной большой бородой, съ большими взъерошенными бровями, суровый, крутой и молчаливый, у котораго, казалось, копѣйка составляла все. Всѣ его считали очень злымъ и безсердечнымъ. Обращавшагося къ нему за услугой онъ встрѣчалъ до того сурово, что у того все холодѣло. Но за сухой суровой внѣшностью крылось еврейское сердце, доступное любви и состраданію. И послѣ словъ: „что вы еще хотите отъ моихъ годовъ“ всегда почти слѣдовало такое-же сердитое восклицаніе, обращенное къ женѣ: „Злата, иди ты говори съ нимъ. Я не могу съ нимъ поладить“. Это значило: дѣлай то о чемъ онъ проситъ. Это Злата отлично знала, и ничто ей не доставляло такой радости, какъ это восклицаніе мужа. И несмотря на всю свою суровость и скупость, онъ рѣдко кого оставлялъ безъ помощи. Онъ имѣлъ чело-

вѣкъ восемь сыновей, изъ которыхъ почти всѣ унаслѣдовали его дурныя качества, и только одинъ унаслѣдовалъ его „еврейское сердце". Это былъ не Аврумчикъ.

Такъ какъ Аврумчикъ славился, какъ большой умница и тонкій знатокъ въ пшеничномъ дѣлѣ и особенно въ состояніи рынка, то его теперь окружаютъ, спрашивая его соображенія по различнымъ вопросамъ о покупкахъ.

— Какъ *ты* думаешь, Аврумчикъ, — спрашиваетъ кто-то:— можно теперь купить большую партію кукурузы?

Долженъ замѣтить, что а— ицы почти всегда говорятъ другъ другу ты. Это представляетъ для нихъ большое удобство при частыхъ ссорахъ, когда *вы* очень стѣсняло бы. Гораздо удобнѣе сказать: In dein Vaten haran,—du Mamser и т. д.

— По какой цѣнѣ?—спрашиваетъ Аврумчикъ невиннѣйшимъ образомъ, заложивъ руки за спину и грѣя ихъ у печки.

Тотъ говоритъ цѣну.

— Полагаю, что можно,—отвѣчаетъ онъ, серьезно подумавъ. И потомъ, помолчавъ, опять спрашиваетъ, и опять самымъ невиннымъ и равнодушнымъ образомъ:—А кто тебѣ предлагаетъ?

— Ну это ужъ мое дѣло,—отвѣчаетъ вопрошающій, зная отлично, что Аврумчику ничего не стоитъ коварно „перехватить" покупку, какъ онъ это дѣлаетъ вездѣ, гдѣ можетъ.

— Думаешь, не узнаю,—лукаво отвѣчаетъ Аврумчикъ.—Постой, постой. Я уже знаю. Это у Арнаутина. Небось, не перехвачу твою „меціо" [1]). Мнѣ уже предлагали, и я отказался. Во-первыхъ, я теперь кукурузы не покупаю еще вообще. Съ нею все-таки не твердо. Молдаване ее медленно въ теченіе цѣлой зимы очищаютъ. И когда кажется, что уже подвозъ конченъ, что уже весь сборъ проданъ, вдругъ потянутся молдаванскія каруцы [2]) со всѣхъ сторонъ и кукуруза твоя падаетъ на десять—двадцать копѣекъ на пудъ. Кромѣ того, Арнаутина товаръ плохой. Тамъ больше половины прошлогодней и прогнившей. У Арнаутина захотѣлъ „меціо". Небось, онъ сотню такихъ, какъ ты, надуетъ.

[1]) Находку.

[2]) Телѣги.

И это говорится съ такою наивностью, что казалось бы и самъ сатана повѣрилъ бы. Но все это одна хитрость со стороны Аврумчика, которою онъ хочетъ и выманить секретъ, и отбить охоту покупать. И можно быть увѣреннымъ, что онъ уже непремѣнно заѣдетъ въ экономію къ Арнаутину и откупитъ всю партію кукурузы, если найдетъ выгоднымъ.

Среди разговора заходитъ маленькій человѣчекъ, еще меньше Іешикеле, съ надвинутой ниже глазъ овчинной шапкой, съ острымъ верхомъ и кнутомъ подъ мышкой.

— А, Исрулекъ!—восклицаютъ всѣ.—Иди сюда поближе, что ты тамъ остановился у дверей, какъ нищій. Это совсѣмъ не идетъ для кадиша и наслѣдника Аврумчика.

Исрулекъ осклабляется и стыдливо, „какъ невѣста“, опускаетъ глаза, при чемъ ротъ широко раскрывается, а его огромный, посинѣвшій отъ мороза носъ до того раздувается, словно собирается закрыть все его маленькое, худенькое заросшее лицо, покрытое въ разныхъ мѣстахъ какимъ-то пушкомъ, похожимъ на грязныя пятна, среди которыхъ выступаютъ крупные красные прыщи. Это у него такая улыбка, въ которой выражается и гордость и искусственное недовѣріе. Все его лицо тогда принимаетъ такое глупое и смѣшное выраженіе, что трудно не расхохотаться, глядя на него.

Бѣдный Исрулекъ! Какъ больно мнѣ становится, когда я вспоминаю теперь всѣ насмѣшки, которыя сыпались на твою бѣдную голову и которыя я самъ себѣ позволялъ десятки разъ.

Этотъ Исрулекъ—забитое, безродное существо, одно изъ тѣхъ многочисленныхъ безотвѣтныхъ созданій, надъ которымъ всякій продѣлываетъ все, что ему угодно, которое служитъ всѣмъ, кромѣ себя самого. Оставшись съ раннихъ лѣтъ круглымъ сиротою и будучи еще къ этому очень ограниченнымъ и тупымъ, онъ сталъ какимъ-то hefker-ingel [1]), какою-то общественной вещью. Всякій имъ понукалъ, всякій обращалъ его въ свое вьючное животное. Баньщикъ заставлялъ его топить баню, шамесъ заставлялъ его

[1]) Ребенокъ, предоставленный произволу всякаго.

подметать бесъ-гамедрашъ, топить печки, собирать свѣчки; у баале-батамъ онъ былъ вѣчно на посылкахъ, выносилъ помои, таскалъ топливо, чистилъ подсвѣчники подъ субботу и т. д. Онъ служилъ на посылкахъ даже у хедерныхъ мальчиковъ, у бесъ-гамедрашниковъ,—словомъ у всѣхъ. И каждый былъ увѣренъ, что благодѣтельствуетъ ему, такъ какъ при этомъ ему давали,—далеко не всегда, однако,—кусокъ черстваго хлѣба, остатокъ холоднаго супа или борща, а иногда и грошъ. Исрулекъ безропотно исполнялъ все, что на него налагали, даже нянчилъ дѣтей и считалъ благодѣтелями съ своей стороны всѣхъ, кто ему давалъ поѣсть. Когда онъ сталъ старше, его заставляли работать при нагрузкѣ и выгрузкѣ пшеницы въ магазинахъ, на баржахъ, посылали съ „валками“ [1]), чтобы охранять пшеницу по дорогѣ отъ мужиковъ и т. д. Въ награду онъ получалъ вѣчный голодъ, холодъ и скитальчество. Жилъ онъ то въ банѣ, то въ бесъ-гамедрашѣ, то пріютитъ его какой-нибудь бѣдный меламедъ или несчастная вдова. А онъ не роптalъ, увѣренный, что иначе не можетъ и не должно быть, что онъ, Исрулекъ, созданъ для того, чтобы служить всѣмъ и терпѣть отъ всѣхъ. Наконецъ, на немъ остановилъ свои взоры Аврумчикъ. Пріютила его какъ-то на пару дней жена Аврумчика Сося, женщина полная, красивая и очень не злая. Аврумчикъ попробовалъ его утилизировать и убѣдился, что нашелъ въ немъ кладъ, а именно—безграничную честность и собачью готовность служить. Онъ его и оставилъ у себя. И съ тѣхъ поръ служитъ онъ у него приказчикомъ, дворникомъ, а главное кучеромъ во всѣхъ его разъѣздахъ. У Аврумчика свой выѣздъ и нѣкоторымъ образомъ панскій выѣздъ: рессорная бричка и хорошія лошади. Самъ безотвѣтный, Исрулекъ особенно любитъ лошадей и холитъ ихъ и оберегаетъ, какъ дорогія родныя ему существа. У Аврумчика Исрулекъ уже лѣтъ десять—съ пятнадцати-лѣтняго возраста—и онъ питаетъ къ нему и къ его семьѣ чисто собачью привязанность, готовый выдрать глаза за нихъ и за все, что имъ принадлежитъ. Такъ какъ по-

[1]) Обозами.

томъ многіе уже поняли, какое сокровище можно было обрѣсти въ Исрулекѣ, то явились охотники отговорить его и перетащить къ себѣ. Аврумчикъ тогда уговорилъ своего раба, что онъ его женитъ на богатой невѣстѣ и сдѣлаетъ наслѣдникомъ. И этотъ слабоумный и наивный ребенокъ повѣрилъ, несмотря на то, что всѣ издѣваются надъ нимъ громко въ присутствіи самого Аврумчика, который при этомъ лукаво улыбается.

Естественно, что Исрулека держатъ въ черномъ тѣлѣ; ѣстъ онъ на кухнѣ, спитъ въ копюшнѣ и одѣтъ онъ въ лохмотья получая все съ хозяйскаго плеча. И такъ какъ хозяйскія плечи вдвое шире его плечей и все соотвѣтственно больше, то онъ всегда носитъ одежду, которая вдвое шире и длиннѣе его и въ которой онъ вѣчно путается. Денегъ онъ никогда не видитъ ни копѣйки, такъ какъ жалованья никакого не получаетъ. За то онъ временами получаетъ оплеухи и тумаки за малѣйшую оплошность. Ибо у тихони Аврумчика въ этомъ отношеніи рука очень щедрая.

— Аврумчикъ, пора бы женить твоего наслѣдника,—замѣчаетъ Берчикъ.

Широкій ротъ Исрулека раскрывается въ широчайшую улыбку, глаза дѣлаются масляными, носъ раздувается.

— Видишь, онъ совсѣмъ не прочь жениться,—замѣчаетъ Залменъ.—Надо ему только пріискать достойную невѣсту. Сколько дашь приданаго, Аврумчикъ?

— Зачѣмъ мнѣ давать за нимъ приданое,—говоритъ лукаво Арумчикъ.—Такого талмидъ-хухема [1]) всѣ такъ подхватятъ.

— Конечно, конечно,—замѣчаетъ Шмерель.—Еще дадутъ ему рублей триста. Скажи, Исрулекъ, кидушъ уже знаешь наизусть?..

— Наизусть-то онъ знаетъ,—замѣчаетъ Шмерель.—Впрочемъ, знаетъ ли онъ въ сидурѣ [2]).

— А есть у меня для тебя невѣста,—вдругъ заявляетъ, щелкнувъ двумя пальцами, тощій, высокій и всегда хрипло говорящій Мохель.—Невѣста—антикъ. Богата, какъ Ойрахъ, красива, какъ

---

[1]) Ученаго мудреца.

[2]) Въ молитвенникѣ.

солнце и со всѣми лучшими качествами. Только, чтобы ты мнѣ такъ болѣлъ, какъ она тебя захочетъ...

Всѣ разражаются хохотомъ. А несчастный бѣдный Исрулекъ все еще стоитъ съ навостренными ушами, не скажутъ ли еще чего насчетъ невѣсты. Это его больная сторона, и при одномъ словѣ невѣста онъ весь замираетъ, все лицо покрывается широкой улыбкой, а въ глазахъ появляется какое-то особенное, облизывающееся выраженіе. Онъ уже хотѣлъ жениться на кухаркѣ вдовѣ, которая старше его на цѣлыхъ десять лѣтъ, но и та его отвергла. Разсказывали, что онъ горько плакалъ, когда шадхенте [1]), которую онъ „послалъ" къ ней, принесла ему отказъ. И этой его слабостью или горемъ больше всего пользовались, чтобы терзать его и издѣваться надъ нимъ.

Разговоры, остроты, шуточки, разсужденія, споры наполняютъ всѣ углы комнаты, гдѣ формируются отдѣльныя группы.

Среди этого шума, гама и столбовъ чернаго дыма мы всѣ засыпаемъ на печи, какъ есть въ одеждѣ, почти одинъ на другомъ.

Но вотъ я чувствую прикосновеніе чего-то влажнаго и холоднаго. Я пробуждаюсь. Около меня возится вся укутанная какая то баба, развязывая сильно надрывающагося ребенка, завороченнаго въ такое множество тряпья, что его трудно раздобыть оттуда.

— Бѣдный малютка,—говоритъ слащаво Зисель, задирая голову вверхъ.—Видно, сильно озябъ. Тамъ онъ обогрѣется.

Малютку, всего трепещущаго и дрожащаго отъ плача, наконецъ освобождаютъ отъ мокрыхъ тряпокъ, отъ которыхъ распространяется невыносимая рѣзкая вонь—и укладываютъ на сухое, теплое мѣсто. Мать нагибается надъ нимъ и всовываетъ ему въ ротъ съ трудомъ вынутую изъ подъ кучи одежды грудь, и онъ мгновенно замолкаетъ, жадно и громко глотая, при этомъ дыша тяжело.

— Какъ можно тащиться съ ребенкомъ въ такой страшный холодъ,—говоритъ соболѣзнуя Зисель.

— Что дѣлать, что дѣлать,—отвѣчаетъ плачущимъ голосомъ бѣдная женщина.—Пропустить базаръ? Развѣ я могу?

---

[1]) Сваха.

Имя этой женщины Двойра-Лея. Она вдова съ кучей дѣтей. Ей не больше тридцати-пяти лѣтъ и у нея такое милое, славное хотя и огрубѣлое лицо, которое дышитъ силой и мужествомъ. Мужъ ея умеръ всего мѣсяцевъ шесть тому назадъ. Но и при жизни мужа она была „хлѣбодательницей", такъ какъ онъ былъ больной, слабый человѣкъ и больше проспиживалъ въ бесъ-гамедрашѣ или же лежалъ. Она проѣзжаетъ каждую недѣлю, и я ее хорошо знаю. Женскимъ чутьемъ она понимаетъ мое положеніе, хотя и считаетъ Зисель истинно добрымъ, ангельскимъ существомъ. И всегда она скажетъ мнѣ хорошее, ласковое слово, и мнѣ такъ хорошо отъ этого искренняго участія.

— Я тебя разбудила, Лебеле,—говоритъ она, уже насытивши и успокоивши ребенка.—Бѣдненькій! А что пишетъ мать?

При воспоминаніи о матери у меня навертываются слезы.

Зисель старается скрыть сердобольное выраженіе и говоритъ:

— Бѣдная теща. Гдѣ ей письма писать. Все возится съ халицей [1]). Богъ Владыко знаетъ, чѣмъ это кончится. Тотъ вѣдь требуетъ денегъ.

А внизу тамъ стоитъ тотъ же шумъ и гамъ, все заслонено, какъ и раньше, густыми столбами дыма, словно облака, закрывающія весь потолокъ.

Бѣдный Беръ, съежившись въ углу, куда его прижали, углубляется въ книгу, которую держитъ передъ глазами, скорѣе для того, чтобы избавиться отъ разговоровъ. Ибо врядъ ли онъ способенъ сосредоточиться. Передъ шкафомъ, тоже съ книгой въ рукахъ, стоитъ Іосель, которому не менѣе противны всѣ эти вульгарные разговоры и шутки.

Я соскакиваю съ печи и выбѣгаю на минуту на дворъ. Теперь корчма обложена со всѣхъ сторонъ, такъ что трудно пробраться между телѣгами. Слышно громкое жеваніе лошадей и отдаленный топотъ и скрипъ все еще наѣзжающихъ или уже уѣхавшихъ телѣгъ.

---

[1]) Нѣчто въ родѣ развода, даваемаго братомъ умершаго бездѣтнаго еврея, такъ какъ по библейскому обычаю первый долженъ жениться на оставшейся вдовѣ, „дабы не погибъ родъ во Израилѣ".

Передъ станціей стоитъ запряженная пара, поджидая выхода проѣзжающаго. Темное, глубокое небо усѣяно ярко блещущими звѣздами. Съ крыши временами падаютъ со звономъ и разбиваются въ дребезги хрустальныя сосульки, висящія съ крыши длиннымъ блестящимъ рядомъ и въ которыхъ дивнымъ разноцвѣтнымъ блескомъ играютъ тонкіе лучи звѣздъ.

Какая чарующая ночь! Далеко, далеко, гдѣ-то въ степи вспыхиваетъ временами пламя. То должно быть чабаны готовятъ себѣ ѣду около кашеръ, гдѣ зимуютъ овцы. Какъ хорошо, какъ хорошо! Тамъ на одной телѣгѣ тихо переговариваются.

— Оце біда, тай годи. Мазницю потэрявъ,—почесывая затылокъ жалуется мужикъ, собирающійся, очевидно, подмазать колеса.

Около станціи лошади тронули, и такъ звучно раздается свистъ ямщика и звонъ колокольчика въ чистомъ, морозномъ воздухѣ.

— Бре, бре. Оце буде завтра базаръ,—раздается чей-то голосъ среди тьмы.

Я уже весь продрогъ и вбѣгаю обратно.

— Берель, пора ѣхать,—будитъ кто-то молодого человѣка, который крѣпко захрапѣлъ, сидя на сундукѣ.

Тотъ въ испугѣ вскакиваетъ и оглядывается кругомъ; потомъ укутавшись въ бурку, снова усаживается и начинаетъ храпѣть.

— А ты посмотрѣлъ за лошадьми?—спрашиваетъ кто-то сонно.

— Гей, Шмилекъ, что ты ночевать тутъ собираешься? Лучше пораньше выѣхать. Скоро луна взойдетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ пора,—говоритъ другой,—уже два часа. Лучше пріѣдемъ заранѣе, разбудимъ Лейзера, помолимся и еще напьемся чаю до базара.

Комната постепенно пустѣетъ, и остается всего нѣсколько человѣкъ. Зисель, полуодѣтая, пробралась подъ перину и спитъ крѣпко. У ея ногъ съ широко раскрытымъ ртомъ спитъ какая-то женщина, полусидя и вся укутанная.

Беръ у края стола устроилъ себѣ трапезу мелаве-малке [1]) и

[1]) „Проводы царицы“. Благочестивые евреи, преимущественно хасиды, кромѣ трехъ субботнихъ трапезъ, устраиваютъ на исходѣ еще четвертую, какъ проводы субботы.

тихо напѣвалъ грустный напѣвъ. Увидѣвъ меня возвращающимся со двора, онъ бросалъ на меня грустный, трогательный взглядъ, который какъ будто говорилъ: „Бѣдный мой обиженный мальчикъ". Тридцать разъ отдалъ бы я жизнь за этотъ взглядъ. Какъ проникало въ мою душу это выраженіе тихаго, глубокаго страданія. Да! schechinta begolusu.

Постоявъ немного около стола, я взбираюсь на печь и опять, не раздѣвшись, мгновенно засыпаю рядомъ съ крошкой бѣдной Двойры-Леи, которая, съежившись вся и оперши голову на одну руку, дремлетъ...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Прошло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ я водворился въ Хаткѣ. Я уже совершенно вошелъ въ ея жизнь, свыкся съ нею вполнѣ и былъ уже признанъ всѣми полноправнымъ ея членомъ. Такъ какъ я все равно „бился головой объ стѣнку" или бѣгалъ „meschugener veis", [1]) какъ выражалась Зиссль, меня стали утилизировать вездѣ и повсюду: заставляли часто носить воду, таскать топливо, бѣгать въ погребъ точить вино и т. д. „Что, будешь у меня k«stkind" [2]), объясняла Зиссль. Я не могу сказать, чтобы это вызывало неудовольствіе съ моей стороны. Ибо потребность въ движеніи, въ работѣ была у меня сильная, и иногда я, дѣйствительно, пускался скакать по полю meschug«ner veis, до того, что духъ захватывало. Нѣкоторыя же функціи доставляли мнѣ большое удовольствіе или же внушали мнѣ гордость. Такъ, я очень гордился и былъ счастливъ, особенно первое время, когда меня стали посылать въ амбаръ выдавать ячмень. Сначала посылали рѣдко, а потомъ постепенно эта функція почти окончательно перешла въ мои руки. Что касается ямщиковъ, то они тоже бывали очень довольны, когда видѣли меня являющимся съ ключемъ. У меня они всегда могли выкляньчить лишній гарнецъ, а если я не

---

[1]) Безумнымъ образомъ.

[2]) Пансіонеръ

давалъ, то они сами брали въ крайности. И что я могъ дѣлать? И при томъ мое сердце было тоже не изъ жестокихъ, и мысль? что лошади съѣдятъ нѣсколько больше овса, меня нисколько не огорчала. Что же касается экономическихъ соображеній и неудовольствія, которое это могло вызвать со стороны моихъ двоюродныхъ братьевъ—почтосодержателей, то я о нихъ не думалъ. Особенно пользовался моей слабостью Велизаръ, который бывало эдакъ хитро мнѣ подмигнетъ, чтобы другіе ямщики не замѣтили. И я уже понималъ, что это значитъ: „Ну, Лебка, всыпь-ка мнѣ въ торбу лишній гарнецъ“. Часто, чтобы лучше обдѣлывать дѣло со мною, онъ старался приходить послѣднимъ, когда уже всѣ ямщики получили свою порцію, и тогда ужъ онъ прямо „жменями“ [1]) сыпалъ себѣ въ торбу, сколько хотѣлъ. Я, однако, далеко не всегда тутъ дѣйствовалъ безкорыстно. Помимо того, что мнѣ сильно льстила и кружила голову сама по себѣ предоставленная мнѣ власть, заставлявшая ямщиковъ заискивать у меня, я часто лишнимъ полугарнцемъ ячменя покупалъ себѣ нѣкоторыя земныя блага. Такъ, могъ я безпрепятственно сѣсть верхомъ на какую угодно лошадь и такъ доѣхать до водопоя и потомъ обратно; затѣмъ мнѣ давали участвовать въ запряжкахъ и выпряжкахъ, брали безпрепятственно на телѣгу, когда подъѣзжали къ станціи и т. д.; иногда я себѣ покупалъ право покататься верхомъ и нѣсколько дальше, чѣмъ къ водопою, только при условіи, чтобы никто не видѣлъ. И вотъ часто я выводилъ лошадь черезъ заднія ворота и доѣзжалъ до гармана или до межи. И очень скоро я безстрашно носился вихремъ по степи на лучшей лошади нашей конюшни—не только безъ сѣдла, но и безъ уздечки, держась за гриву.

— Настоящій „шегецъ“ [2]), смотри только на него,—сказала Зиссль, увидѣвъ меня въ первый разъ скачущимъ на лошади отъ водопоя. И плюнувъ съ омерзеніемъ, она прибавила: „что мнѣ снилось вчера и третьяго дня и всѣ мои злые сны на его голову, на его руки и ноги, на тѣло и жизнь“.

---

[1]) Пригоршнями.

[2]) Нееврейскій парень.

Пользовался я большей частью, для того чтобы сдѣлать болѣе или менѣе большую экскурсію, отсутствіемъ ямщиковъ, ибо при всей ихъ снисходительности ко мнѣ, они все таки очень рѣдко соглашались дать вдругъ лошадь изъ конюшни.

Однажды во время большого разгона, дома не оказалось ни одного ямщика, а въ конюшнѣ уныло стояли двѣ отдѣльныя лошади, одна изъ четверки Сергѣя, а другая изъ четверки Велизара. „Вотъ прекрасный случай", подумалъ я, тѣмъ болѣе еще благопріятный, что всѣ тогда спали у насъ дома и у писаря. И меня охватило сильное неодолимое желаніе поскакать по полю. Недолго думая, я отвязалъ своего любимца Казачка, который славился, какъ лучшій „иноходецъ" [1]), одѣлъ на него уздечку и вывелъ черезъ заднія ворота. Тамъ я его подвелъ къ кучѣ навоза, откуда мнѣ удобнѣе было взобраться на него. Однако намучился я довольно, пока я очутился на хребтѣ лошади. Наконецъ, я сѣлъ, выѣхалъ медленно изъ задняго двора, потомъ я повернулъ налѣво по направленію къ Б., чтобы избѣгнуть какихъ бы то ни было глазъ. И какъ только я очутился достаточно далеко, я пустился во всю прыть, т. е. такъ-таки вихремъ. А прибавьте къ этому гордое сознаніе своего подвига, своего безстрашія — я испытывалъ какое-то райское наслажденіе, которое совершенно невозможно передать. Мнѣ казалось, что я слился со всею вселенною или вся вселенная слилась со мною, и все такъ кружится и носится въ одномъ водоворотѣ, и кругомъ, вокругъ тебя, вся земля словно превратилась въ круги, которые съ быстротою молніи, вращаются вокругъ тебя. Что за сладостное упоеніе! Я забылъ весь міръ, и видѣлъ передъ собою одну безграничную степь, которая начинала оттаивать и просыхать, и мѣстами уже видна была желтая прошлогодняя трава, долго прятавшаяся подъ снѣгомъ. Такъ носился я минутъ двадцать пять. Временами, охваченный какою-то бѣшеной веселостью, я бросалъ уздечку, подымалъ высоко руки, размахивалъ ими въ воздухѣ, издавая при этомъ дикіе крики и, чтобы не упасть, крѣпко охватывалъ лошадь но-

[1]) Лошадь, идущая хорошо рысью, безъ тряски.

гами. Вдругъ позади раздался изступленный собачій лай,—и не успѣлъ я одуматься, какъ лошадь окружили штукъ восемь огромныхъ чабанскихъ собакъ, которыя съ остервенѣніемъ и дикой злобой настоящихъ охранителей (онѣ охраняли, какъ оказалось, кошару со стадомъ) бросались и подскакивали, словно собираясь растерзать Казачка и меня изорвать въ клочки. Лошадь захрапѣла и вдругъ шарахнулась въ сторону такъ неожиданно, что я мгновенно слетѣлъ и очутился на землѣ. Боли отъ паденія я не почувствовалъ никакой, но, очевидно, ужасъ меня до того ошеломилъ, что я въ первую минуту вообще не сознавалъ, что со мною. Я былъ увѣренъ, что вотъ-вотъ я буду растерзанъ мгновенно озвѣрѣвшей сворой. Но когда я поднялся, я увидѣлъ собакъ, которыя какъ будто въ досадѣ, вертя подпалыми вверхъ хвостами, медленно, поворачивая каждый разъ назадъ головы, удалялись къ стоявшей близко кошарѣ, призываемыя подросткомъ чабаномъ въ огромной овчинной шапкѣ и съ кирилой [1]) въ рукахъ, вдвое больше его самого. Видъ чабанчика, однако, мнѣ внушилъ очень мало увѣренности, и я, что было силъ, пустился бѣжать безъ оглядки. Но ноги какъ будто одеревенѣли, и я не только бѣжать, но просто ходить не могъ легко. Это было первое дѣйствіе непривычно долгой верховой ѣзды. Я вынужденно замедлилъ шагъ и съ невѣроятнымъ ужасомъ въ душѣ глядѣлъ во всѣ стороны. И вдругъ я увидѣлъ точно поджидавшаго меня Казачка, который стоялъ, какъ вкопанный. О славная, честная лошадка! Я былъ такъ тронутъ и взволнованъ ея смиреннымъ ожиданіемъ, что принялся ее ласкать и цѣловать. Но сѣсть обратно на моего Казачка я не могъ, не имѣя никакой подставы подъ ногами. Взявъ его за уздечку, я побрелъ пѣшкомъ съ очень встревоженной душой и совершенно неповиновавшимися растопыренными ногами, словно обратившимися въ колоды. Каждый разъ я съ замираніемъ оглядывался назадъ, нѣтъ ли за мной какой-либо погони. Такъ плелся я обратно съ добрый часъ, если не больше.

Когда я въ этомъ своемъ истрепанномъ видѣ очутился близъ станціи, меня увидѣла Зисель, стоявшая у порога и очевидно под-

[1]) Чабанской палкой.

жидавшая меня. Мгновенно она исчезла и черезъ минуту появилась въ сопровожденіи брата, вся ликуя.

— Ну, что ты скажешь,—произнесла она, сложивъ по своему обыкновенію руки.—Нѣтъ, онъ своею смертью не умретъ. Въ мірѣ такого не слыхано было.

Блѣдный, какъ смерть, весь дрожа отъ негодованія, Беръ подскочилъ ко мнѣ и отпустилъ мнѣ такую пару пощечинъ, что я повалился среди почтоваго двора. Когда я такимъ образомъ растянулся на землѣ, не будучи въ состояніи подняться, онъ кинулся меня бить и топтать ногами, задыхаясь отъ гнѣва и подавленнымъ шипящимъ голосомъ крича въ изступленіи: „Вотъ что ты дѣлаешь, ты Hundskopf, выродокъ! До хорошаго дожили, да. Горе намъ, горе нашимъ годамъ. Лучше тебѣ не вырости". Я не знаю, что бы онъ изъ меня сдѣлалъ, если бы испуганная Зиссль не оттащила его, крича: „Довольно, довольно. Онъ уже имѣлъ свое, что ты хочешь убить его или сдѣлать его калѣкой".

Недѣли двѣ послѣ того Беръ со мною не говорилъ и даже смотрѣть на меня не хотѣлъ. Я самъ сознавалъ себя глубоко виноватымъ и чувствовалъ себя такъ, какъ будто совершилъ нѣчто чудовищно нехорошее. Зиссль объ этомъ разсказывала встрѣчному и поперечному изъ проѣзжихъ евреевъ, особенно женщинамъ. И тѣ, то притворно, то совершенно искренно ахали отъ ужаса: „Какъ! взялъ изъ конюшни лошадь и пустился въ свѣтъ, просто, такъ себѣ!" восклицали онѣ. „И кажется, посмотрѣть на него совсѣмъ умный, статочный мальчикъ. Какъ же могъ онъ сдѣлать такое. И это кадишъ ребъ Янкеле! ува, ува!" И многіе принимались говорить нравоученіе на всѣ лады, при этомъ напоминая, разумѣется, что я какъ „іосомъ" долженъ особенно взвѣшивать все, что я дѣлаю, и не огорчать тѣхъ, которые берутъ меня въ свой домъ и т. д. Словомъ, моя на видъ и по сущности безобидная затѣя выросла въ нѣчто чудовищное, неслыханное. Первые три — четыре дня я даже въ комнату не заходилъ, а ѣлъ и спалъ въ шинкѣ, на широкой лавкѣ, гдѣ ужасно мерзъ, такъ какъ тамъ сильно дуло изъ оконъ и изъ самыхъ стѣнъ, тонкихъ, камышевыхъ. Горпина, видя меня ежащимся и дрожащимъ отъ холода, звала

меня къ себѣ на печку или на лежанку. Но я само собой этихъ приглашеній принимать не могъ. Вообще она относилась ко мнѣ сердобольно и часто покачивала головой, глядя на меня и все повторяла:

— Сирота, сирота. Оце якъ нема батьки [1]).

Въ это время на полѣ, позади корчмы, водворился въ одинъ прекрасный день цыганскій таборъ, который значительно вознаградилъ меня за всѣ пережитыя страданія и заставилъ меня временами забывать о моемъ положеніи отверженца и отщепенца.

Этотъ таборъ явился къ намъ внезапно, въ сумерки. Состоялъ онъ изъ двухъ дряпныхъ старенькихъ телѣгъ съ низенькими длинными кибитками изъ деревянныхъ обручей, покрытыхъ рвапой, заплатанной рядинкой. Эти кибитки были буквально набиты женщинами и дѣтьми, которыхъ было не меньше десятка, а въ общемъ со взрослыми цыганъ было человѣкъ шестнадцать. По водвореніи кибитки были разобраны и надъ телѣгами, поставленными въ треугольникъ, была натянута палатка съ остроконечнымъ верхомъ, въ которой сейчасъ же была воздвигнута временная кузня. Изъ взрослыхъ тамъ было трое мужчинъ: одинъ старикъ съ совершенно земляпистымъ цвѣтомъ лица, изрытаго глубокими, будто грязью наполненными морщинами, съ большими сѣрыми глазами, смотрѣвшими такъ, словно онъ что-то высматриваетъ въ тебѣ и дѣлаетъ свои заключенія. При этомъ его большіе бѣлки медленно вращались, какъ будто вокругъ оси. Его толстый приплюснутый носъ, съ расширенной въ одномъ мѣстѣ переносицей, совершенно походилъ на крестъ съ однимъ утолщеннымъ концомъ. Вся его одежда состояла изъ однихъ отрепьевъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали голыя части чернаго изсохшаго тѣла. Другой былъ высокій, худой, съ длинной тонкой шеей, маленькой острой головкой, покрытой плоской татарской мерлушковой шапочкой, съ краснымъ суконнымъ кружкомъ по серединѣ. Глаза у него были черные, злые, даже страшные, и весь онъ производилъ впечатлѣніе какого-то страшнаго людоѣда. Каждое его слово звучало

[1]) Бѣдняга, бѣдняга! Вотъ какъ нѣтъ отца.

какою угрозою, что бы онъ ни сказалъ. Когда мнѣ случалось на секунду остаться съ нимъ наединѣ въ палаткѣ, я весь замиралъ. Онъ на меня смотрѣлъ такъ, точно, онъ собирался меня сейчасъ зарѣзать. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось. Наконецъ третій былъ маленькій, больной съ желтымъ мертвеннымъ лицомъ. Онъ говорилъ хрипло и еле слышно и вообще походилъ на умирающаго. Его жена была самая молодая, самая красивая изъ четырехъ женщинъ, среди которыхъ была еще одна довольно красивая, жена длиннаго верзилы съ звѣрскимъ лицомъ. Она была не многимъ старше первой, но глядѣла такой запуганной, забитой. За все время я отъ нея ни слова не слышалъ. Сядетъ она на землѣ съ обнаженными грудями и куритъ свою трубку, съ длиннымъ чубукомъ, которую рѣдко выпускаетъ изъ бѣлыхъ блестящихъ зубовъ. Временами она поправляетъ пряди черныхъ волосъ, выбивающихся изъ-подъ пестраго платка и висящихъ на щекахъ, какъ широкіе пейсы. Дѣтки ее теребятъ, взбираются на спину, лѣзутъ на грудь, на ноги, а она неподвижно тянетъ трубку, пока не получитъ какого-нибудь сурового повелѣнія отъ своего страшилища-супруга. Изъ другихъ двухъ женщинъ одна была совсѣмъ старая, со скомканнымъ лицомъ; другая была тоже сѣдая, но очень полная, рослая съ свѣжими еще, пылкими глазами. Всѣ женщины были почти одинаково одѣты въ цвѣтныя желтыя юбки, а на головахъ красныя цвѣтныя шали, обвязанныя вокругъ макушки въ видѣ чалмы.

Какъ только палатка была установлена, всѣ дѣти, большею частью почти совсѣмъ голыя, исключая старшихъ двухъ—трехъ дѣвочекъ, имѣвшихъ длинныя рубашки, расползлись, какъ черви, по всѣмъ направленіямъ; бабы разложили огонь, повѣсили на таганы котелки и принялись что-то варить. Мужчины же, за исключеніемъ больного, усѣвшагося около огня, пошли бродить по всѣмъ домамъ, спрашивая, нѣтъ ли какой работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ высматривая гдѣ что лежитъ. Работы нашлось много у Артема, у котораго „рало“ [1]) оказалось съ поломаннымъ „лемешемъ“ [2]), а у

[1]) Плугъ.

[2]) Лемешъ—плужный ножъ.

бороны не доставало нѣсколькихъ зубьевъ. Особенно же много работы оказалось на станціи. И немедленно въ палаткѣ запрыгали искры, зажжужало раздуваемое мѣхомъ пламя и застучали молотки, несмотря на наступившую уже тьму. Какъ былъ я ослѣпленъ, когда, выйдя позади корчмы, увидѣлъ среди степи это синевато-красное пламя, которое, казалось, хотѣло своими языками проглотить весь окружавшій мракъ; эти золотыя огненныя брызги, которыя зигзагами прорѣзывали тьму, разлетались во всѣ стороны, словно крошечныя падающія звѣздочки. Боже, какъ это было красиво и какъ вся степь кругомъ вдругъ преобразилась въ нѣчто такое волшебное, полное великихъ таинствъ! Ибо тамъ дальше тьма именно сильно сгустилась и стала грозной стѣной, чтобы защититься, очевидно, отъ угрожающей опасности. И съ этого момента я уже не отлучался изъ табора. Я буквально лежалъ тамъ съ утра до вечера, и мнѣ казалось, что въ мірѣ нѣтъ ничего лучшаго, какъ слѣдить за этимъ красно-синимъ, такъ весело посвистывающимъ огнемъ и за этими разлетающимися снопами золотыми искорками, выскакивающими изъ-подъ удара тяжелаго молота или вылетающими изъ раздуваемаго мѣхомъ огня. Вотъ только что лежалъ передо мною безобразный кусокъ заржавленнаго желѣза,—и вдругъ изъ него вышелъ новенькій, красивый пепельнаго цвѣта шкворень или же образовалась подкова, чека, гайка, ключъ для винта и т. п.

Цыгане работаютъ молча. Ни разговора, ни пѣсни. Только временами переругиваніе или ворчаніе по адресу женщинъ, которыя или возятся около телѣги, или же сидятъ на землѣ около огня и, поджавши подъ себя ноги, курятъ свои трубки съ длинными чубуками, такъ что сама трубка опирается объ землю. Вотъ старикъ съ крестообразнымъ носомъ, который все время работаетъ мѣхомъ, сидя неподвижнымъ истуканомъ на доскѣ и, только ворочая огромными бѣлками, беретъ одной рукой свою отложенную въ сторону трубку, поколупаетъ ее пальцами, потянетъ раза два и видя, что она не дымится больше, беретъ изъ огня уголекъ двумя пальцами, медленно кладетъ ею на потухшую махорку и начинаетъ потягивать изъ чубука. Наполнивъ наконецъ весь ротъ ды-

момъ, онъ опять кладетъ трубку въ сторону и снова принимается за свой мѣхъ, показывая при этомъ свою оголенную черную исхудалую грудь, въ которой видна всякая косточка и на которой часто отражается пламя.

Къ моему присутствію всѣ относились съ полнымъ равнодушіемъ, не выражая ни удовольствія, ни неудовольствія. Рѣдко кто перекликнется со мною словомъ. Иногда верзила съ разбойничьимъ лицомъ эдакъ воровскимъ манеромъ мнѣ подмигнетъ и скажетъ: „Ты, карошъ твой булъ уланъ, мой водка таскалъ". И при этомъ онъ изъ кулака изображалъ рюмку и подносилъ ко рту, закидывая назадъ голову. Теперь я понимаю, что это повидимому означало: кабы ты былъ хорошій мальчикъ, ты бы мнѣ притащилъ водки. Но тогда я ничего разобрать не могъ. Всѣ при этомъ гоготали, особенно женщины, которыя, повидимому, тутъ находили много остроумія.

Не я одинъ и наши дѣти тутъ засиживались, но и взрослые. Приходили ямщики, когда были свободны, — ихъ жены; просиживалъ тутъ часто часами Артемъ. Но особенно часто приходила Наташа. Бывало, станетъ у входа, распуститъ широко шаль, поддерживая ее локтями и стоитъ такъ долго, долго, вперивъ взоры въ огонь. Иногда она пробуетъ заговаривать съ женщинами, предлагая имъ вопросы, но тѣ отвѣчаютъ полусловами на какомъ-то тарабарскомъ русскомъ языкѣ, изъ котораго ничего нельзя понять. Разъ она самую молодую и самую красивую зазвала къ себѣ, угостила чаемъ и принялась съ нею разговаривать, желая что-нибудь узнать объ ихъ жизни, которая, очевидно, ее очень интересовала. Но она такъ-таки ничего не узнала и только поплатилась ложечкой, правда, мѣдной, которую красавица сохранила себѣ на память.

Около пяти или шести дней простоялъ таборъ около насъ, и какъ всѣ были увѣрены, онъ долженъ былъ оставаться еще нѣсколько дней, такъ какъ цыгане должны были закончить еще многія работы. Но однажды утромъ, когда я, вставъ рано, побѣжалъ къ палаткѣ, я къ великому моему удивленію, вмѣсто табора, увидѣлъ остатки конскаго навоза, кучу золы и мусору и

нѣсколько вырытыхъ ямокъ. Я былъ совершенно ошеломленъ и побѣжалъ скорѣе сообщить всѣмъ эту новость. Всѣ были поражены не меньше меня. Никто ничего не подозрѣвалъ, такъ какъ никто не слыхалъ, когда они снялись.

Ушли они, очевидно, ночью, и такъ какъ попрощаться не могли, то они кое-что захватили на память о Хаткѣ: у насъ нашу большую мѣдную кружку съ двумя ручками, у Артемихи нѣсколько гусей, у Наташи коверъ, а у ямщиковъ кочергу и большой котелъ. Кромѣ того, у нихъ осталось много крупныхъ вещей, отданныхъ имъ въ починку.

Сейчасъ собрался совѣтъ изъ всѣхъ старѣйшинъ Хатки съ Артемомъ во главѣ, и рѣшено было послать немедленно погоню. Рѣшеніе было сейчасъ приведено въ исполненіе, и для этой цѣли былъ снаряженъ Петро, который для большей важности одѣлъ полную ямщицкую форму съ бляхами и привязалъ своей лошади къ шеѣ колокольчикъ. На восьмой верстѣ онъ ихъ нагналъ. Сначала цыгане все отрицали, но потомъ, напуганные угрозой привести начальство, они все возвратили, говоря, что это все какъ-то случайно, безъ ихъ вѣдома, попало къ нимъ. Безвозвратно только погибли бѣдные гуси Артемихи, которые уже давно были съѣдены, еще въ самой Хаткѣ.

Въ теченіе почти всего времени, что братъ со мною не говорилъ за исторію съ верховой ѣздой, Зисель относилась ко мнѣ какъ-то мягче. То же самое было съ Ривкой, которая въ тѣ дни, что я вовсе не входилъ въ комнату, приносила мнѣ въ шинокъ кушать и при этомъ очень дружески со мною разговаривала, давала совѣты, и т. д. Что же касается дѣтей, то они теперь тоже ко мнѣ очень льнули, больше чѣмъ всегда. Я для всѣхъ сталъ какъ будто другимъ человѣкомъ, болѣе интереснымъ, именно потому, что я совершилъ нѣчто небывалое и потому что былъ въ опалѣ, что ко мнѣ надо было подходить съ оглядкой, боясь навлечь на себя гнѣвъ отца, который все сохранялъ суровый видъ по отношенію ко мнѣ, даже ѣлъ не глядя въ мою сторону. Послѣднее дѣйствовало на меня особенно удручающе; я былъ увѣренъ, что Беръ меня отвергъ навсегда и знать меня не хочетъ.

Въ концѣ концовъ, однако, братъ помирился со мною. Въ одну пятницу вечеромъ, когда я сидѣлъ въ отдаленномъ уголкѣ, убитый, приниженный, въ то время, какъ всѣ готовились идти къ ужину, онъ меня позвалъ къ столу, сказавъ: „Ну, отчего ты не идешь дѣлать кидушъ?“ Какъ бываетъ послѣ примиренія, братъ въ первое время сталъ относиться нѣсколько лучше ко мнѣ, чѣмъ раньше, и снова возобновилъ со мною занятія по Хумешу. Я былъ очень счастливъ и старался по возможности дальше держаться отъ конюшни и ямщиковъ, чаще заглядывалъ въ книгу и вообще старался вести себя образцово, чтобы не заслужить никакихъ упрековъ.

Но вскорѣ случилась другая, болѣе печальная исторія, которая оставила неизгладимые слѣды въ моей впечатлительной дѣтской душѣ.

Какъ я уже сказалъ выше, меня стали вездѣ утилизировать, и даже дошло до того, что очень часто, когда бывало ночью стучатъ проѣзжіе, будили уже не Ривку, а меня. Я вскакивалъ, какъ былъ, зажигалъ свѣчку, ходилъ отворять, потомъ отпускалъ водку или вино, для чего приходилось босымъ и почти голымъ спускаться ночью въ сырой погребъ, гдѣ постоянно стояли лужи. Потомъ еще бывало сидишь и коченѣешь цѣлые часы за стойкою, пока мужики калякаютъ, обогрѣваясь или ожидая, пока лошади съѣдятъ подброшенное имъ сѣно. Иногда я за это вознаграждалъ себя тѣмъ, что ломалъ твердые маленькіе бублики со связки, мочилъ ихъ въ водкѣ и такъ ѣлъ. Это меня и согрѣвало и утоляло мой вѣчный голодъ. Но меня въ это время охватывалъ такой невыразимый страхъ и я это всегда дѣлалъ съ такимъ ужасомъ въ душѣ, какъ будто бы совершалъ самое чудовищное воровство со взломомъ. И я долго послѣ этого чувствовалъ себя скверно, словно ожидалъ Божьяго наказанія. Я поэтому не часто поддавался искушенію. Иногда просто отрѣжешь себѣ огромный ломоть хлѣба и ѣшь его съ кускомъ селедки, если есть нарѣзанная, что тоже пахло преступленіемъ. Большею же частью сидишь тамъ на пустомъ боченкѣ и дрожишь, озябши весь до мозга костей. А

мужики, какъ на зло, покуриваютъ свои люльки и балакаютъ себѣ спокойно, балакаютъ безъ конца.

Однажды вся станція, какъ есть—съ лошадьми, ямщиками, сбруею, парадными чекменями и шапками—поднялась и ушла „на подставу". Гдѣ-то, верстахъ въ ста отъ Хатки, долженъ былъ проѣхать губернаторъ съ большою свитой чиновниковъ. И такъ какъ для всѣхъ этихъ особъ въ той мѣстности лошадей не хватало, то туда погнали нѣсколько станцій. Въ точности не было извѣстно, когда его превосходительство появится въ сихъ мѣстахъ, а потому подстава въ пятьдесятъ лошадей, пятнадцать ямщиковъ и т. д., ждала около трехъ недѣль. Хатка такимъ образомъ, совсѣмъ опустѣла и осталась съ пустыми конюшнями. Для исполненія же почтовыхъ обязанностей были къ намъ пригнаны изъ окрестныхъ деревень четыре мужичка съ ихъ клячами и телѣгами; они-то и возили „сумку" и проѣзжающихъ, водворившись въ станціонныхъ конюшняхъ. Нечего говорить, что несчастные мужички, оторванные отъ дома, съ утра до вечера проклинали губернатора со всѣмъ начальствомъ вкупѣ, отъ души желая имъ всѣмъ сломать себѣ шею, руки и ноги все что только есть ломкаго въ ихъ чиновничьемъ тѣлѣ.

Все то время, что они не были въ разъѣздѣ, мужички проводили, естественно, въ шинкѣ, попивая временами водочку, не то просто балакая между собою или же съ добрыми людьми изъ проѣзжихъ. Часто, особенно послѣ серьезной попойки, они засиживались въ шинкѣ до полуночи и позже, такъ какъ спѣшить имъ некуда было. Это было самое счастливое время для Горпины, которую ежедневно тогда поштовали всѣ, добиваясь ея для себя. И пошла у нея не жизнь, а масленица. Рѣдко ее тогда можно было видѣть трезвой; цѣлые почти дни она проводила за большимъ столомъ въ почетномъ углу, окруженная своими почитателями, напѣвая свою любимую пѣсенку: „И шумитъ и гудитъ підъ віко-о-ошечкомъ". Въ началѣ серьезной и опасной соперницей являлась, какъ и всегда, Марія, которая совсѣмъ загуляла и дошла до того, что часто путала и, вмѣсто того, чтобы попасть домой, попадала какъ-то все въ конюшню. Это обсто-

ятельство совсѣмъ вывело изъ терпѣнія бѣднаго супруга, Мирона, и явившись однажды вечеромъ въ конюшню, гдѣ Марія послѣ сильной попойки покоилась въ ясляхъ сномъ блаженныхъ, избилъ ее уздечкой до того, что ее окровавленную, безъ сознанія унесли домой, гдѣ она пролежала дней восемь на печи. Такимъ образомъ Горпина царила одна и широко пользовалась своимъ обаяніемъ у оторванныхъ отъ дома мужичковъ, которые въ ней нашли хоть нѣкоторое напоминаніе о домашнемъ очагѣ.

Однажды, когда наши мужички по обыкновенію въ дружеской бесѣдѣ съ Горпиной поздно вечеромъ засидѣлись, утомленная Зисель меня послала въ шинокъ, а сама прилегла. Схвативши нѣсколько лишнихъ чарокъ, наши мужички повздорили между собою. Отъ слова до слова дѣло дошло до серьезной свалки, вцѣпились другъ другу въ чубы и физіономіи, и очень скоро всѣ четверо барахтались на землѣ, съ остервенѣніемъ отбиваясь другъ отъ друга. Никакія увѣщанія миротворительницы Горпины ни къ чему не повели, и сама она за свое мирное посредничество получила нѣсколько сильныхъ ударовъ сапогомъ въ грудь. Видя свое безсиліе, она кое-какъ взобралась на печь, гдѣ скоро захрапѣла. Наконецъ явившійся Артемъ ихъ умиротворилъ, и они всѣ отправились къ нему, гдѣ пошла попойка еще на нѣсколько часовъ.

Когда всѣ разошлись, и я собирался уже идти спать, унося съ собою свѣчку, я вдругъ увидѣлъ на полу серебряную монету. Она блеснула предо мною, какъ нѣчто огромное, необычайно цѣнное, и я, обрадованный, точно на мою долю выпало небывалое счастье, бросился ее поднимать. Это оказалось двадцать копѣекъ. Не успѣлъ я подняться съ земли, какъ передо мною блеснула еще одна монета, лежавшая у самой ножки стола. Тогда я уже со свѣчей въ рукахъ принялся обшаривать, ползая на четверенкахъ, весь шинокъ отъ края до края, и нашелъ еще двѣ монеты. Въ общемъ это составляло сумму въ пятьдесятъ пять копѣекъ. Я былъ буквально ошеломленъ этимъ богатствомъ, безъ всякаго преувеличенія ошеломленъ. Но какъ только я сдѣлался обладателемъ такого крупнаго богатства, меня мгновенно охватила сильная, жгучая забота: какъ его охранять. Я рѣши-

тельно не зналъ, что съ нимъ дѣлать, куда запрятать. И меня охватывалъ ужасъ при мысли лишиться этого клада. Особенно я поглядывалъ со страхомъ въ сторону Горпины, которая крѣпко храпѣла на печи. Что, если она видѣла, когда я собиралъ деньги? Тогда она ихъ непремѣнно выслѣдитъ, куда бы я ихъ ни запряталъ. Сильно порывало меня побѣжать и разсказать о своемъ великомъ счастьи всѣмъ въ домѣ. Но меня удерживалъ страхъ, что Зисель отниметъ у меня эти деньги, и я ихъ никогда больше не увижу. И вотъ я рѣшилъ никому о моей находкѣ не говорить. Тогда я сталъ опять ломать голову, куда запрятать деньги. Къ великому моему несчастью, у меня даже кармана нигдѣ не было. Наконецъ я рѣшилъ такъ: на ночь я ихъ завяжу въ рубаху, а на другой день утромъ я ихъ зарою гдѣ-нибудь или въ погребѣ въ самой глинѣ, или же на чердакѣ среди пасхальной посуды. Такъ я и сдѣлалъ, и на другой день рано утромъ, когда пошелъ сбрасывать солому съ чердака, я эти деньги, завязанныя въ тряпочку, засунулъ далеко подъ стрѣху.

Разъ двадцать по крайней мѣрѣ я въ этотъ день бѣгалъ на чердакъ, вытаскивалъ тряпочку и любовался своимъ сокровищемъ, пересчитывая его и перекладывая изъ одной руки въ другую. Каждую минуту мнѣ хотѣлось побѣжать внизъ и притащить сюда Малку и Майку, чтобы подѣлиться съ ними своимъ счастьемъ. Но вѣдь онѣ сейчасъ разскажутъ матери,—и тогда всему моему богатству конецъ. И я опять давалъ себѣ слово хранить строгую тайну. Разъ мнѣ пришло въ голову отдать деньги на храненіе Наташѣ; но я тутъ же вспомнилъ, что та вѣчно нуждается и, какъ только находитъ грошъ, сейчасъ издерживаетъ его.

Итакъ, я долженъ былъ носить самъ это тяжелое бремя. Но оно оказалось слишкомъ огромнымъ, слишкомъ непосильнымъ для меня. У меня словно распирало внутри отъ волненія. Гдѣ мнѣ одному выносить такую необъятную тайну. Нѣсколько разъ измѣнническій языкъ собирался меня предать и начиналъ: „Ой дѣти, если бы вы знали“. Но я властно его останавливалъ на полусловѣ. И такимъ образомъ кое-какъ я выдержалъ сутки. Но дольше не могъ. Тайна меня слишкомъ давилъ

своей огромной тяжестью. Насилу я дождался момента, когда на другой день Зисель по обыкновенію прилегла (Бера всю эту недѣлю не было дома). Тогда я таинственно позвалъ Малку и Майку на дворъ, повелъ ихъ позади корчмы и тамъ я ихъ заставилъ дать мнѣ торжественную клятву надъ цицисъ, никому не разсказывать того, что я имъ сообщу. Кромѣ того, я еще у каждой взялъ правую руку и, соединивъ съ моею, „перебилъ" ихъ нитями тѣхъ же цицесъ, какъ это дѣлалось у насъ въ хедерѣ при особенно великихъ заклинаніяхъ. Когда эти всѣ торжественныя заклинанія были совершены, я ихъ повелъ на чердакъ и показалъ имъ найденный мною кладъ. Онѣ ахнули отъ удивленія и восторга и просили, чтобы я ихъ далъ имъ въ руки подержать, на что я долго не соглашался; но наконецъ съ трепетомъ душевнымъ я согласился дать каждой подержать десяти-копѣечную монету. Когда мы всѣ достаточно ими налюбовались, я деньги опять засунулъ въ то же самое мѣсто подъ стрѣху; но черезъ нѣсколько минутъ меня вдругъ охватило сильное безпокойство, я опять вскочилъ на чердакъ и перенесъ свой кладъ на другое мѣсто

Цѣлѣй день мы только и перешептывались между собой по поводу этой важной моей находки; при этомъ Малка особенно обнаруживала сильную зависть и явное недоброжелательство, что уже причиняло мнѣ нѣкоторую тревогу. Но столь торжественная и двойная клятва не могла вѣдь быть нарушена безъ самыхъ ужасныхъ послѣдствій для клятвонарушителя, „даже" какъ смерть, думалъ я. Я ее объ этомъ предупредилъ, и поэтому она не можетъ рѣшиться на предательство. Все же мое спокойствіе окончательно исчезло. Мое бѣдное сердце было полно тревоги, и оно не обманулось.

Въ сумерки, въ то время какъ я стоялъ лицомъ къ востоку, читая Шмойно-Эсро изъ Минхо, входитъ вдругъ поспѣшно Ривка изъ шинка.

— Ты слыхала, Зисель,—обращается она очень тревожнымъ тономъ, какъ будто произошло несчастье, къ своей сестрѣ, сидѣвшей около печки.—Вѣдь Лебеле началъ уже „находить"

деньги. Что ты на это скажешь? Пятьдесятъ пять копѣекъ онъ „нашелъ“, чтобы я такъ жила. Вотъ Майка разсказываетъ, что сама видѣла. На чердакѣ онъ ихъ прячетъ, среди пасхальной посуды.

— Что ты говоришь!—вскочила Зисель, какъ ужаленная.—Горе моимъ годамъ. Вотъ до чего онъ уже дошелъ,—сложила она трагически руки въ отчаяніи.—Нѣтъ! это я уже не ожидала. Онъ вѣдь разоритъ меня въ пухъ и прахъ. По домамъ намъ вѣдь придется идти. Какъ можно держать такое въ домѣ. Что мнѣ дѣлать, что мнѣ предпринять? Я этого не выдержу.—И она заломила руки.

Мнѣ трудно выразить, что со мною стало. Каждое слово мнѣ врѣзывалось въ сердце острой, раскаленной стрѣлой. Этого я рѣшительно не ожидалъ. Я могъ опасаться, чтобы у меня подъ разными предлогами отняли эти деньги, но чтобы могло явиться малѣйшее подозрѣніе въ томъ, что я все выдумалъ, что я у Зисель взялъ деньги и выдалъ ихъ за найденныя. О нѣтъ! Такой гнусности, такого позора я не ожидалъ. Господь милосердный, за что такое страданіе!.. У меня колѣни дрожали. Все затуманилось и помутилось въ головѣ.

Не зная, что дѣлать отъ злобы и отъ чувства горькой обиды, я кинулся въ шинокъ, набросился на крошку Майку за ея подлую измѣну и сталъ ее бить что было силъ. На ея крики прибѣжали Зисель и Ривка.

— Ахъ ты подлый воришка,—бросилась на меня разъяренная Зисель. — Ты еще будешь бить моихъ дѣтей! Не дожить тебѣ до этого. Подойти къ нимъ чтобы ты не смѣлъ; въ ихъ четырехъ локтяхъ чтобы я тебя не видѣла. Еще научишь ихъ воровать деньги изъ ящика. Далеко ты пойдешь, если уже теперь такъ началъ. Кончишь ты въ острогѣ, помни мои слова!..

Все это сопровождалось градомъ ударовъ, отъ которыхъ я какъ угорѣлый спасался то въ одинъ, то въ другой уголъ. И въ то время, какъ Зисель меня третировала такимъ звѣрскимъ образомъ, дѣти вмѣстѣ съ Ривкой выстроились въ рядъ и, вертя однимъ пальцемъ по ладони, безпрерывно повторяли: „ганевель,

ганевель, ганевель" — [1]) безъ конца. Какъ дѣти бываютъ вѣроломны и жестокосерды!

Слѣдующую ночь я провелъ въ шинкѣ, опозоренный, избитый. Я метался, какъ угорѣлый и больше всего плакалъ, плакалъ горько, безнадежно. И вся голова и всѣ внутренности горѣли и пылали жаждою мести и столь же великой жаждой изобличить и вывести на свѣтъ эту подлую клевету. Но какъ! Какъ это сдѣлать, какъ доказать свою невинность! И опять молніями пронеслись въ головѣ всякіе планы, всякія мечты о томъ, какъ ложь и клевета повержены въ прахъ, а правда и невинность торжествуютъ въ моемъ лицѣ. Слезы умиленія начинаютъ меня обогрѣвать, лучъ свѣта прорѣзываетъ окружающую тьму и проникаетъ въ мою душу. Однако, сознаніе безсилія передъ моимъ злодѣемъ и врагомъ все сильнѣе и настойчивѣе выступало передо мною и терзало меня безжалостно. И я рыдалъ, рыдалъ безъ конца, лежа на лавкѣ, съежившись, дрожа отъ холода, окруженный густой непроницаемой тьмой.

На другой день, рано утромъ, Зисель съ дѣтьми взобралась на чердакъ, чтобы отыскать тамъ „похищенныя" у нея, какъ она полагала, деньги. Но порывшись тамъ съ полчаса, она возвратилась ни съ чѣмъ.

Я возликовалъ „Ге-ге,—сталъ я ее дразнить.—Я всѣхъ васъ обманулъ. Никакихъ денегъ у меня нѣтъ". И когда Малка и Майка стали увѣрять, что сами держали деньги въ рукахъ, я съ такою убѣдительностью сталъ утверждать, что онѣ лгутъ, что сама Засель заколебалась и стала сомнѣваться въ правдивости всей исторіи. Злоба и ненависть мнѣ дали силы лгать такъ убѣдительно и беззастѣнчиво. Но я долго не выдержалъ. „Нѣтъ,—заявилъ я сейчасъ же,—деньги у меня есть. Эти деньги я нашелъ, чтобы я такъ дожилъ до того, чтобы увидѣть маме (у меня голосъ задрожалъ и хлынули слезы),—и онѣ мои. И чтобы вы всѣ такъ дожили до завтра, какъ вы ихъ найдете".

— Ничего, ты отдашь. Не поможетъ тебѣ никакихъ маме,—

---

[1]) Воришка.

дрожащимъ и пылающимъ ненавистью голосомъ сказала Зисель и, хлопнувъ дверью, вышла.

Деньги эти она недѣли черезъ двѣ, дѣйствительно, заставила меня отдать. Лишиться ихъ мнѣ уже не было такъ жалко. Онѣ давно потеряли для меня прежнюю цѣнность и скорѣе были мнѣ въ тягость тѣмъ безпокойствомъ, которое онѣ мнѣ постоянно причиняли. Все же то обстоятельство, что она вырвала, какъ ей принадлежащія и у нея даже похищенныя деньги, которыя я нашелъ и считалъ своими, мнѣ причиняло невыразимое страданіе, какъ самая возмутительная несправедливость. И отдавая ихъ, я горько плакалъ не потому, что потерялъ деньги, а потому, что этимъ актомъ была похоронена навсегда правда и торжествовали окончательно ложь и клевета.

Беръ, которому Зисель все передала по его пріѣздѣ, ничего мнѣ не сказалъ и вообще никогда не дѣлалъ ни одного намека на это обстоятельство. Изъ этого я было заключилъ, что онъ далеко не имѣлъ увѣренности Зисель и, быть можетъ, былъ даже на моей сторонѣ. Въ противномъ случаѣ, думалъ я, онъ меня избилъ бы до полусмерти. Но я глубоко ошибся. Онъ вѣрилъ. Но все это ему казалось до того ужаснымъ, что ему страшно было коснуться этого и онъ предпочелъ все заглушить въ себѣ.

Это была первая, но не послѣдняя гнусная напраслина. За ней потянулся цѣлый рядъ другихъ, крупныхъ и мелкихъ. Это было самое ужасное, самое горькое въ моей тогдашней жизни, и ничто мнѣ не причиняло столько невыразимыхъ страданій, какъ обвиненія въ томъ, что я что-то стащилъ, что-то совершилъ и т. д. О, сколько яду, сколько злой отравы вливали въ мою душу эти гнусности! Между тѣмъ, тѣ, которыя взводили ихъ на меня, большей частью искренно вѣрили, что я, дѣйствительно, представляю нѣчто чудовищное и способенъ на все, вѣрили, ибо хотѣли вѣрить, находя въ этомъ оправданіе своей злобы ко мнѣ. Я говорю, конечно, преимущественно о Зисель и Ривкѣ. Послѣдняя собственно спеціальной ненависти ко мнѣ не питала и временами относилась ко мнѣ даже дружелюбно; но какъ старшая, она почему-то считала необходимымъ

идти въ этомъ отношеніи рядомъ со своей сестрой. Вѣрилъ за другими и Беръ, и въ его глазахъ я былъ такой же отпѣтый, какъ и у всѣхъ. И въ этомъ-то именно былъ весь ужасъ для меня. Я иногда самъ начиналъ вѣрить, что я хуже другихъ. Къ великому моему счастью, именно тѣ моменты, въ которыя я падалъ въ своихъ глазахъ, меня именно и поднимали, и возвышали. Я тогда весь уходилъ въ себя и начиналъ цѣпляться за тѣ духовные элементы, которые были во мнѣ. Я тогда дѣлался особенно благочестивымъ, вкладывалъ въ молитву всю свою душу, читалъ псалмы, бралъ Пятикнижіе,—и это меня возрождало и укрѣпляло. Я тогда чувствовалъ какое-то внутреннее блаженство. Но эти именно проявленія вызывали почему-то особенную злость въ Зигель.

— Смотри на нашего цадика,—говорила она со злою насмѣшкой, видя, какъ я ревностно молюсь.—Если бы его благочестіе перешло въ собаку, она давно издохла бы.

Вотъ каковъ былъ мой опытъ въ первой стадіи моихъ скитаній, которыя только начались.

И неудивительно, что чѣмъ дальше, тѣмъ съ большею болью въ душѣ, тѣмъ съ большею тоской оглядывался я назадъ,—и нашъ родной городокъ, и нашъ родной домъ становились мнѣ все болѣе дорогими и все больше рисовались, какъ потерянный рай, какъ обѣтованный священный уголъ, къ которому были направлены всѣ мои желанія, вся моя любовь.

Самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ за весь этотъ періодъ времени жизни среди степей являются для меня двѣнадцать или пятнадцать дней, проведенные у моихъ родственниковъ—почтосодержателей, жившихъ, какъ я уже сказалъ, въ Б. въ семнадцати верстахъ отъ Хатки.

Въ послѣднее время меня часто стали посылать въ городъ за покупками. Такъ какъ А. былъ значительный городъ, то тамъ все было дешевле, и мы свои закупки дѣлали большею частью только въ А. за рѣдкими исключеніями. И вотъ почти каждую недѣлю подъ субботу ѣздилъ я туда.

Отправляли меня почти всегда съ „сумкой“, т. е. почтою, ко-

торая изъ Хатки выходила по средамъ часовъ въ десять, одиннадцать, а въ дурную дорогу на нѣсколько часовъ позже. Въ А. я подъѣзжалъ къ брату Зисель, Симкѣ, человѣку довольно состоятельному, очень доброму и гостепріимному, который меня постоянно радушно встрѣчалъ, въ то время какъ его жена Хана, высокая, худая, съ болѣзненнымъ лицомъ и большими, черными, умными глазами, очень морщилась, когда я являлся съ мѣшкомъ подъ мышкою. Тамъ я обыкновенно ночевалъ, а утромъ отправлялся въ лавочку Хиньки, красивой полной вдовы, у которой мы все покупали. Потомъ пріѣзжалъ ямщикъ, который, сдавъ сумку, уѣзжалъ на мѣстную станцію, гдѣ и ночевалъ. Часовъ въ десять или одиннадцать я уѣзжалъ обратно, если только ямщикъ не напивался пьянымъ и, вмѣсто десяти или одиннадцати, подъѣзжалъ за мною только къ вечеру.

Эти поѣздки очень мнѣ нравились и даже приводили въ восторгъ, несмотря на то, что онѣ сопровождались такими муками, что всякаго другого могли бы привести только въ ужасъ. Самую страшную пытку составляла ѣзда въ морозное время, когда вся дорога представляла одни ухабы и сплошныя кочки, твердыя и острыя, какъ пни. Почту возили очень быстро, такъ какъ почталіонъ бывало почти все время понукалъ ямщика, крича „пошелъ“ и грозилъ шашкой, если ямщикъ не повиновался. Происходило это оттого, что почталіоны, насквозь прозябшіе и измученные ѣздой, засиживались лишнее время на станціи за шкаликомъ въ бесѣдѣ съ писаремъ, или же просто изъ желанія дольше посидѣть въ теплой хатѣ, и вотъ надо было наверстать потерянное время. Ямщикъ чувствовалъ особый страхъ къ „сумкѣ“, какъ къ чему-то „казенному“. Слово „казенное“ имѣло совершенно особое значеніе для простого человѣка. Это въ его представленіи было что-то такое заповѣдное, что создано для какихъ-то очень высоко и далеко пребывающихъ важныхъ властителей, которые имѣютъ право на все существующее въ мірѣ, какъ на свою неотъемлемую собственность, которые грозно и жестоко караютъ всякаго, осмѣливающагося дотронуться до этой ихъ собственности и т. д. Поэтому „казенное“ есть что-то страшное, заклятое, на которое

словно наложилъ руки нечистый. Бѣдный ямщикъ думалъ, что коль скоро онъ везетъ „казенное“, то безпрекословно долженъ исполнять волю того, кто являлся его охранителемъ. И вотъ онъ безропотно повиновался и гналъ лошадей безъ всякаго милосердія. Все время телѣга скакала по кочкамъ и ухабамъ, и это причиняло мнѣ нестерпимую острую боль въ бокахъ. Иногда, бывало, не знаешь, что дѣлать отъ мучительной боли, сжимаешь бока руками, вытягиваешься, съежишься, садишься на корточки, спускаешься на дно телѣги,—но ничего не помогаетъ. Телѣга прыгаетъ, и при каждомъ прыжкѣ словно сотня тончайшихъ иглъ, вонзается тебѣ въ бока, и при этомъ все твое тѣло, особенно же руки и ноги, коченѣютъ, какъ эти самыя кочки, съ тою только разницею, что послѣднія отъ этого не страдаютъ, а я испытываю невыносимыя муки. Несмотря на все это, каждый разъ, когда меня, спящаго на печи, будятъ, спрашивая: „Лебеле, поѣдешь въ городъ? Почта уже прибыла. Скорѣе!“ я вскакиваю и быстро начинаю напяливать на себя классическій „твинъ“, состоящій изъ одной подкладки, на которой мѣстами прилѣплены куски ваты, и который обычно только служилъ для укрыванія субботней пищи на печкѣ.

Однажды вмѣсто А. меня послали за покупками въ Б. Я уже давно стремился туда и нѣсколько разъ просилъ, чтобы меня туда отпустили, чтобы побывать у богатыхъ родственниковъ, о которыхъ постоянно такъ много разсказывали и о которыхъ я слышалъ еще въ нашемъ городкѣ. Это было уже во время распутицы, эдакъ недѣли за двѣ до Пурима, что должно было тогда совпадать уже съ началомъ марта, ибо, какъ я превосходно помню, годъ былъ тогда высокосный, съ двумя мѣсяцами Адаръ. Выѣхалъ я утромъ часовъ въ десять и таскался я часа четыре, на этотъ разъ не съ сумкой, а съ какимъ-то партикулярнымъ проѣзжающимъ, который ѣхалъ „по собственной надобности“, какъ всегда отмѣчалось въ станціонной книгѣ.

Дорога была ужасная; телѣга почти до осей погружались въ густую, черную липкую грязь, которая облѣпила не только всѣ спицы, но и телѣжный ящикъ и всю штильвагу. Даже постромки

были покрыты густымъ слоемъ грязи. Отъ лошадей паръ валилъ, какъ съ паровоза, и онѣ еле вытаскивали ноги. Бѣдный Петро порядкомъ тутъ измучился, слѣзая каждый разъ и руками очищая приставшую грязь. Временами онъ сворачивалъ съ дороги и ѣздилъ по полю „цѣлиною“; тогда лошадки, обрадовавшись, что чувствовали подъ ногами твердую землю, пускались рысью, грязь отскакивала отъ телѣги и падала на насъ, забрасывая весь ящикъ и попадая часто въ лицо. Но за то подувалъ теплый вѣтерокъ, который уже носилъ въ себѣ ароматъ весны, хотя кругомъ особенно въ канавахъ и оврагахъ, лежалъ еще сильно почернѣвшій сверху снѣгъ.

— Смотри, это навѣрное, Лебеле тети Суры,—воскликнула стоявшая на порогѣ молодая женщина, прелестное лицо которой, особенно ея красивые, каріе, съ такою добротою глядѣвшіе глаза, сразу и поразили м ня, и обдали такою теплотою. Тотчасъ же на порогѣ показалась другая молодая женщина, тоже очень красивая, но совершенно противуположнаго типа.

Первая, ее звали Эстеръ, побѣжала мнѣ навстрѣчу и, вытащивъ меня изъ густой грязи двора, среди котораго я очутился, соскочивши съ почтовой телѣги, понесла меня до сѣней, гдѣ и поставила.

— Ну теперь надо тебѣ отдать шуломъ,—сказала она все съ тою же милой, ласкающей улыбкой, и, взявъ меня за обѣ руки, она притянула меня къ себѣ и поцѣловала.

— Дай-ка я на тебя посмотрю,—сказала вторая.—Тобою вѣдь міръ весь звенитъ. Весь вылитый дядя Янкеле,—прибавила она взволнованнымъ голосомъ, оглянувшись.—Ты, Эстеръ, его не знала. Ужъ это былъ еврей!

И поднявъ мою сдвинутую до глазъ шапку, она меня погладила и крѣпко поцѣловала. Потомъ, взявъ за руку,, повела въ комнату, гдѣ Эстеръ принялась меня раздѣвать.

— Смотри, Маріямъ, чтобы ты мнѣ долго жила, какъ это отпускаютъ ребенка въ такой сырой холодъ. Вѣдь насквозь кости пробираетъ. Это уже добрая Зисель.

И сказавъ что, Эстеръ стянула съ меня окутывавшій меня

„твинъ“ и усадила около горячо натопленной печки. Потомъ она стянула съ моихъ промокшихъ ногъ наполненныя внутри грязью шлепанцы Ривки, которыя мнѣ одѣли въ дорогу,—и стала мнѣ вытирать ноги какою-то тряпкой, приговаривая съ волненіемъ и влажными глазами:

— Нѣтъ, это уже жестокость, какъ хочешь. Небось, своего ребенка такъ не пошлетъ никогда. Видно, чужое не свое.

Эти слова меня такъ растрогали и взволновали, что я готовъ былъ расплакаться, хотя испытывалъ невыразимое блаженство отъ этихъ ласкъ и отъ этого протеста, въ которомъ такъ сильно чувствовалось благородное любящее женское сердце.

— Ты вѣдь навѣрное голоденъ,—обратилась она ко мнѣ, утершн и осушивши меня,— хочешь ѣсть, не правда ли? Но кто тебѣ виноватъ, что твоя теща уже не въ живыхъ. Вотъ ты и пріѣхалъ послѣ обѣда. Но что-нибудь еще найдется, вѣроятно.

И Эстеръ вышла. Маріамъ же присѣла около меня и, обогрѣвая мои посинѣвшія руки въ своихъ изящныхъ красивыхъ теплыхъ бѣлыхъ рукахъ съ длинными тонкими пальцами, завязала со мною разговоръ, разспрашивая о томъ, что дѣлается въ Хаткѣ, скучаю ли я по матери. Но все мое вниманіе было направлено на дверь, откуда должна была явиться Эстеръ. Маріамъ это поняла и, улыбнувшись,—сказала:

— Ты видно, бѣдненькій, очень голоденъ.

Былъ ли я голоденъ! Я съ утра ровно ничего не ѣлъ, а тогда было уже часа три. Утромъ я съѣлъ кусокъ хлѣба—ничего больше.

Въ комнатѣ, гдѣ я очутился, прежде всего привлекъ мое вниманіе огромный левъ на большомъ коврѣ, закрывшемъ всю часть стѣны, около которой стояла красивая, точеная и полированная кровать, убранная покрываломъ и накидкой ослѣпительной бѣлизны. У самой кровати стояли три полированныхъ, съ рѣзными низенькими спинками и мягкими красными сидѣніями стула, покрытые бѣлыми чехлами. Такіе же стулья были разставлены около стѣнъ, которыя, какъ и потолокъ, выкрашены были въ зеленый цвѣтъ. Между двумя окнами, завѣшанными бѣленькими, словно улыбавшимися занавѣсками, стоялъ красивый ломберный столикъ,

а на немъ, на разноцвѣтныхъ гарусныхъ подстилкахъ, четыре серебряныхъ подсвѣчника, а между ними на узенькомъ длинномъ очень красивомъ подносикѣ лежали элегантные щипчики для снимания со свѣчи. Остальной обстановки я точно не помню, кромѣ самовара на кругломъ столикѣ. Въ общемъ комната, не очень большая по размѣрамъ, отличалась такою уютностью и такимъ простымъ изяществомъ, отъ нея вѣяло такою лаской и теплотою, какъ отъ милаго, красиваго молодого существа. И я себя почувствовалъ такъ хорошо, и какая то гордость меня охватила, гордость, въ основаніи которой лежало обычное тщеславіе бѣдняка: вотъ, молъ, среди какого богатства я очутился, и какіе у меня богатые родственники.

Между тѣмъ изъ смежной комнаты выскочили и уставились на меня двѣ дѣвочки,—одна до крайности худая, тоненькая и смуглая съ большимъ дугообразнымъ носомъ, длинной тонкой шеей и вытянутымъ худымъ личикомъ, а другая полненькая, кругленькая, съ восхитительнымъ смуглымъ личикомъ и парой чудныхъ глазъ. Первую звали Табеле, и она была дочь Маріамъ, а вторую, красотку, Ханеле, и она была дочь Эстеръ, на которую вполнѣ походила, между тѣмъ, какъ Табеле была вылитый портретъ своего отца—Герша.

Дѣти стали вдали и припялись съ любопытствомъ меня осматривать.

— Подойдите къ нему ближе, чего вы боитесь,—сказала Маріамъ.—Это нашъ двоюродный братъ, это Лебеле тети Суры. Слыхали вѣдь о немъ. Онъ, говорятъ, большой засерхевренникъ [1]), поджигаетъ міръ.—Скажи, Лебеле, это правда?

И она посмотрѣла на меня такъ дружелюбно, по родственному.

Маріамъ была настоящая пластическая красавица, стройная, съ удивительно правильными, тонкими чертами, съ лицомъ мраморной бѣлизны и красивыми, умными, но нѣсколько холодными синими глазами. Вообще въ ея чертахъ, чисто художественныхъ,

---

[1]) Озорникъ, шалунъ.

и въ общемъ ихъ выраженіи было нѣчто холодное, даже нѣсколько надменное. И только, когда она бывало улыбается, на лицѣ мелкнетъ что-то такое хорошее, такое прекрасное, словно солнечный лучъ, проскользнувшій по весеннему пейзажу. Эстеръ была нѣсколько менѣе изящно сложена и имѣла кое-что неправильное въ чертахъ, но ея красота сразу какъ-то захватывала. Это была какая-то лучезарная красота, которая грѣла и ласкала, и разливала радость кругомъ, красота, которая освѣщалась лучами, исходящими изъ теплой, любящей души. Маріамъ, однако, несмотря на это выраженіе холодности не была ни злая, ни холодная, только нѣсколько надменная и тщеславная, изъ-за своего богатства, которое было далеко не такъ велико, ибо мужья этихъ двухъ молодыхъ красавицъ (теперь они были въ отсутствіи) больше шумѣли и имѣли страсть ломать множество „дѣлъ"; и не всегда все обстояло такъ блестяще, какъ казалось. Какъ бы то ни было, Маріамъ полагала, что въ качествѣ молодой, красивой и богатой женщины, ей не подобаетъ держаться просто, какъ обыкновенной смертной, со всякимъ; тѣмъ болѣе, что она не провинціалка какая, а изъ большого и извѣстнаго города О., чѣмъ она особенно гордилась. И такимъ образомъ вся эта надменность была больше искусственно напялена. На самомъ же дѣлѣ у нея было очень доброе еврейское сердце, доступное всему хорошему. Правда, въ ея фигурѣ и во всѣхъ ея пріемахъ была нѣчто импозантное, гордое, но это было врождено ея красотѣ и ея инстинктивному внутреннему изяществу. Она была дочь моей тетки Рухель, сестры матери, и ея мужъ былъ Гершъ, тотъ самый, который пріѣхалъ однажды къ намъ въ Т. и изъ-за котораго Беръ выѣхалъ. Эстеръ была жена Нухима, брата Маріамъ, и компаньона Герша. Въ то время, какъ я Нухима и Герша видѣлъ нѣсколько разъ, такъ какъ они пріѣзжали часто въ Хатку, какъ хозяева станціи, ихъ женъ, о которыхъ постоянно слышалъ, я видѣлъ только въ первый разъ.

Скоро Эстеръ вернулась, неся тарелку съ борщемъ, въ которомъ лежалъ жирный кусокъ мяса.

— Зачѣмъ тебѣ самой было нести,—замѣтила Маріамъ.—Что, не могла сказать Бейлѣ, чтобы она принесла.

Это было сказано для того, чтобъ я зналъ, что у нихъ есть кухарка, которая и должна подавать. Я, однако, больше обратилъ вниманіе на борщъ, чѣмъ на это назидательное замѣчаніе. Несмотря на волчій аппетитъ и на то, что руки и ноги ослабѣли отъ голода, я все же чувствовалъ большое стѣсненіе среди этой обстановки, а еще болѣе потому, что всѣ на меня смотрѣли. Но теплая сердечная привѣтливость обѣихъ женщинъ меня нѣсколько ободрила, и я принялся ѣсть, хотя очень церемонно, откладывая каждый разъ ложку въ сторону и для приличія даже оставилъ немного, хотя могъ бы отлично съѣсть еще большую тарелку.

Вечеромъ, какъ только зажгли свѣчку, и я совершилъ вечернюю молитву, черная дѣвка съ плоскимъ лицомъ и широкимъ носомъ, которую всѣ называли Олькой (она сама тоже себя такъ называла), притащила огромный блестѣвшій самоваръ, и всѣ усѣлись пить чай за небольшимъ столомъ въ вышеописанной комнатѣ. Усѣлась тутъ также и кухарка Бейла, рядомъ съ хозяйками, съ чулкомъ въ рукахъ. Эта послѣдняя была тоже еще очень молодая, и въ высшей степени миловидная женщина которая даже своими манерами могла соперничать со своими хозяйками. Послѣднія держались съ нею совершенно какъ съ равной. Да иначе, казалось, съ нею и невозможно было держаться-все въ ней какъ-то импонировало и внушало уваженіе и симпатію.

Бейла была изъ очень хорошей семьи, жившей гдѣ-то въ Подоліи. У нея была какая-то печальная исторія съ мужемъ, съ которымъ она жить не хотѣла и который не хотѣлъ ей дать разводъ. Ея родители настаивали на примиреніи, но она объ этомъ слышать не хотѣла и уѣхала изъ дому, поступила на службу, чтобы своимъ заработкомъ добыть себѣ разводъ, какъ она думала. Она недавно пріѣхала изъ О., гдѣ служила около года у матери Маріамъ, т. е. у тетки Рухель, у которой жила и моя мать съ сестрою. Она поэтому была какъ членъ нашей семьи, приняла меня, какъ родного, и стала мнѣ разсказывать о матери и о

Но это, очевидно, нѣсколько преувеличено. Онъ одинъ изъ самыхъ порядочныхъ баале-батимъ Б., гдѣ играетъ крупную роль. Онъ большой „простакъ"; но такихъ въ Б. огромное большинство, и ему краснѣть за это не приходится. Зато онъ считается солиднымъ и порядочнымъ купцомъ, съ которымъ можно имѣть дѣло. Кромѣ своей коммерціи, онъ имѣетъ еще шинокъ, гдѣ торгуетъ его жена, которую всѣ называютъ „Лея-цадекисъ" [1]), за ея доброе сердце и благочестіе. Ребъ Идель, несмотря на свою грубую, неуклюжую внѣшность, человѣкъ тоже далеко не злой и отъ „мицвы" никогда не отказывается.

Ребъ Идель засиживается довольно долго, говоря все о разныхъ поѣздкахъ для закупокъ и при этомъ безпрерывно хлебаетъ чай, который ему всякій разъ наливаютъ. Наконецъ, онъ поднимается и уходитъ.

По его уходѣ я начинаю подражать его манерамъ, его разговору. Бейла, которая тоже была мастерица на эти вещи, мнѣ помогала, и опять комната наполнилась звонкимъ хохотомъ.

— Нехорошо, право,—замѣтила наконецъ Эстеръ, раскатистый, мелодичный смѣхъ которой раздавался сильнѣе всѣхъ. — Грѣхъ такъ осмѣивать людей. Пришелъ человѣкъ, приняли его какъ слѣдуетъ. А вышелъ, всячески издѣваются надъ нимъ.

— Это таки правда,—поддержала ее Бейла, у которой стояли слезы отъ смѣха. —Это самый большой грѣхъ и за это наказываютъ строже всего на томъ свѣтѣ. Я читала въ „Schevet mussor" одну ужасную исторію...

— Ну, исторію уже на завтра,—зѣвнувъ, поднялась Эстеръ.— А теперь пора спать идти.

Прежде чѣмъ отправиться въ свою спальню, она расцѣловалась съ Маріамъ. Между ними, дѣйствительно, существовала самая горячая дружба, никогда не прекращавшаяся, и онѣ искренно и глубоко любили другъ друга. Онѣ жили вмѣстѣ лѣтъ пятнадцать, и никогда эта горячая любовь между ними не терпѣла и малѣйшаго ущерба, а что еще достойнѣе удивленія, между ними

[1]) Праведница.

за все это время не происходило никакихъ столкновеній, и это благодаря глубокому такту Эстеръ, которая умѣла прощать Маріамъ ея слабости, оставляла безъ вниманія многое, что для другой послужило бы поводомъ къ ссорамъ. И такъ дожили эти двѣ рѣдкія женщины до старости лѣтъ, сохраняя другъ къ другу нерушимою свою горячую привязанность.

Меня Маріамъ повела къ себѣ въ спальню и уложила на стульяхъ около своей постели. Помню особенно, какъ она меня укрыла своей фланелевой юбкой въ красныхъ и черныхъ мелкихъ полоскахъ. Какъ былъ я счастливъ нѣжностью и заботливостью этой гордой красавицы и тѣмъ, что она уложила меня въ своей спальнѣ, а не въ другой комнатѣ, какъ предлагала Бейла. Я почувствовалъ себя, какъ тѣ сказочные нищіе, которыхъ вдругъ, по волшебству, переносятъ во дворецъ принцессъ. И меня охватывало невыразимое чувство боли при мысли, что я въ этомъ волшебномъ дворцѣ могу провести одну только ночь. Но мои опасенія были напрасны.

На другой день утромъ, за часмъ, Эстеръ съ Маріамъ долго перешептывались, и наконецъ Маріамъ объявила мнѣ, что покупки отошлютъ съ р. Иделемъ, который ѣдетъ въ А. Я же останусь „черезъ субботу“ у нихъ. О, какое счастье! Какая радость! Остался я не „черезъ субботу“, а цѣлыхъ двѣ недѣли почти, до самаго Пурима. И все время обѣ двоюродныя сестры-красавицы относились ко мнѣ съ тою же добротою и вниманіемъ. За это время меня обмундировали съ ногъ до головы: купили башмаки, сдѣлали новое капоткеле и штаны изъ сѣрой матеріи, купили новый плисовый картузъ. Собственно для этой цѣли и было рѣшено меня оставить. Какъ хорошо помню я портного Файвеля, который шилъ мое платье. Это былъ высокій худой человѣкъ, еще молодой, съ небольшой бородкой, красивыми задумчивыми глазами и очень интеллигентнымъ лицомъ, болѣзненно желтымъ и грустнымъ. Я часто просиживалъ у него цѣлые часы и слѣдилъ, какъ онъ, пристегнувъ работу булавкою къ колѣну, быстро дѣйствуетъ иглой, сильно нагнувъ свою мохнатую голову.

На Пуримъ Беръ съ Зисель пріѣхали къ „мегилѣ“ [1]), и я съ ними уѣхалъ обратно въ Хатку. Болѣзненно сжалось у меня сердце, когда я покинулъ этотъ домъ, гдѣ впервые со смерти отца видѣлъ радость и счастье. Какъ больно мнѣ было разставаться съ этими чудными двумя женщинами, которыя мнѣ казались высшими, благороднѣйшими существами. Какъ я ихъ полюбилъ!

Пріѣхали Беръ и Зисель въ сумерки и должны были уѣхать на другой день утромъ послѣ вторичнаго чтенія мегилы, т. е. часовъ въ десять утра. Но ихъ не отпустили и, несмотря на всѣ настоянія, задержали къ обѣду, за которымъ просидѣли до сумерекъ, а затѣмъ хотѣли задержать до слѣдующаго дня. Но наконецъ приняли во вниманіе, что тамъ бѣдныя дѣти остались одни въ праздникъ, и ихъ отпустили. Бера Эстеръ и Маріамъ особенно любили и всегда очень радовались его пріѣзду. Любили его очень и ихъ мужья, хотя съ Нухимомъ онъ имѣлъ частыя столкновенія, и Беръ пускалъ въ него иногда очень острыя стрѣлы своего остроумія и ироніи за его тщеславіе и надменность.

Наконецъ мы усѣлись въ почтовую телѣгу. Видя, какъ я огорченъ отъѣздомъ, Эстеръ ласково погладила меня по лицу и сказала: „На Песахъ мы тебя возьмемъ сюда непремѣнно. Слышишь, Беръ (они всѣ говорили другъ другу ты): на Песахъ ты Лебеле отпустишь къ намъ“. Но Песахъ мнѣ уже пришлось провести далеко отъ этихъ мѣстъ. Всю дорогу я не могъ сказать ни слова, до того былъ я огорченъ. Я почувствовалъ вдругъ такую пустоту, такой холодъ.

Выѣхали мы уже поздно вечеромъ. Ночь была облачная. Все небо было обложено густыми черными тучами; подувалъ сильный пронизывающій вѣтеръ. Беръ меня куталъ въ свою бурку и былъ вообще ко мнѣ нѣжнѣе обыкновеннаго. Это меня глубоко трогало, но тоска не унималась. Передо мною все стоялъ образъ этихъ двухъ милыхъ прелестныхъ существъ съ ихъ милыми, такъ грѣющими ласками и улыбками, разливающихъ вокругъ себя свѣтъ и радость.

---

[1]) Собственно значитъ свертокъ. Такъ называютъ исторію Эстеръ.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Зисель, — вдругъ обратился Беръ къ женѣ.—Мнѣ пришла хорошая мысль въ голову. Послѣ Песаха я Леба отдамъ въ хедеръ въ Б., а жить онъ будетъ у нихъ (подразумѣвались, конечно родственники). Что въ самомъ дѣлѣ изъ него выйдетъ въ степи? Только гоемъ вырастетъ, избави Богъ. Непремѣнно такъ сдѣлаю, Богъ дастъ.

Зисель сдѣлала какое-то неопредѣленное замѣчаніе, а я весь заликовалъ. Буду ходить въ хедеръ, буду жить у нихъ, въ этомъ земномъ раю. О, какое великое счастье! И я рѣшительно не могъ бы сказать, что доставило мнѣ больше радости: то ли, что я буду жить у „нихъ“, или же то, что я опять буду ходить въ хедеръ. И все просвѣтлѣло вокругъ меня

Плелись мы очень долго, хотя у насъ была цѣлая четверка. Беръ и Зисель даже вздремнули. Вотъ мгновенно изъ-за тучъ выглянула луна и освѣтила черную исполосованную дорогу, по которой плелись намъ на встрѣчу два воза, запряженные волами, и далекія скирды. Вотъ блеснули огоньки вдали направо. Эта какая-то „кишла“.

Наконецъ мы прибыли. Это было уже около десяти часовъ вечера. Всѣ дѣти тревожно и радостно выскочили намъ на встрѣчу. Они бѣдныя измучились въ ожиданіи. И какая радость! Мы застали двухъ, застрявшихъ тутъ б—скихъ евреевъ, которые изъ-за тяжелой дороги не могли добраться домой на „сеуду“ [1]). Хотя это были совсѣмъ простые, такъ называемые „базарные“ евреи, т. е. изъ тѣхъ, что всегда разъѣзжаютъ по базарамъ и вѣчно погружены въ свою торговлю, и которые въ своихъ знаніяхъ дальше давненъ [2]) не пошли, братъ имъ все же чрезвычайно обрадовался. Базарный еврей—все же еврей. И какое рѣдкое счастье найти среди степи двухъ евреевъ къ празднику. Когда они за праздничнымъ ужиномъ сбросили съ себя весь базарный элементъ, озаренные духомъ праздника, передъ нами явились совершенно другіе люди. Ихъ сердца широко раскрылись, ихъ лица тоже какъ-то

[1]) Такъ называется вечеръ Пурима.

[2]) Молитвы.

просвѣтлѣли, и въ глазахъ ихъ загорѣлся духовный огонекъ. Съ жадностью они прислушивались къ каждому слову Бера, глядя на него съ выраженіемъ блаженства и благоговѣнія. Одинъ изъ нихъ хорошо зналъ хасидскіе „нигунимъ“. И вотъ нашъ всегда погруженный въ молчаніе домъ огласился громкимъ пѣніемъ, а поздно ночью дошло даже до пляски. Наши гости совсѣмъ оживились и дошли до экстаза и, танцуя вокругъ стола, прищелкивая пальцами, восклицали каждый разъ: „Какъ хорошо, какъ сладостно быть евреемъ. Пусть таки еврей живетъ и живетъ“.

Хорошая то была у насъ „сеуда“. Закончилась она уже къ утру. Бѣдняги, не прилегши даже, запрягли лошадей и двинулись въ путь. Черезъ два дня гдѣ-то былъ базарный день — и надо было спѣшить...

Наступили первые дни весны. Солнышко такъ мило и ласково улыбалось посреди неба, по которому, гонимые теплымъ, столь сладостнымъ и ароматнымъ весеннимъ вѣтеркомъ, безпрерывно носились небольшія тучи, словно перелетныя птицы, собирающіяся куда-то въ большую даль. Дорожная грязь все густѣла и присыхала сверху, и мѣстами уже блистали на солнцѣ утоптанныя полосы, словно длинные стальные листы. Поле совсѣмъ просохло, и кругомъ, далеко за межой, по всѣмъ направленіямъ, видны медленно ползущіе волы, тащащіе плуги, черныя, длинныя уже вспаханныя полосы; доносились крики погоняющихъ мужиковъ, хлестаніе кнута. На степи во многихъ мѣстахъ уже появилась первая яркая свѣжая травка, такъ радостно и привѣтливо выглядывающая изъ-за засохшихъ листочковъ и стебелей. Ахъ, эта первая нѣжная весенняя травка! Что сравнится съ ея красотой, съ ея ароматомъ, проникающимъ во всѣ поры души, во всѣ внутренности и наполняющимъ васъ бодростью и такими свѣтлыми ожиданіями и надеждами, такою необъятною любовью къ жизни и ко всему живущему.

Вотъ тамъ, со стороны земли Арнаутина, что-то чернѣетъ и словно расползается во всѣ стороны.

— Что это такое?—спрашиваю я у Ривки, которая, вяжа чу-

локъ, сидитъ рядомъ со мною на заваленкѣ, грѣясь на чудномъ весеннемъ солнцѣ и съ наслажденіемъ вдыхая чарующій теплый воздухъ.

— Глупый, ты не знаешь, что это такое, — отвѣчаетъ она. — Это стадо овецъ. У этого Арнаутина ихъ тысячи. Теперь ихъ начинаютъ выпускать изъ кошаръ, гдѣ онѣ проводятъ зиму. А если хочешь знать, сколько у Арнаутина овецъ, то я скажу тебѣ вотъ что: для того только, чтобы доить ихъ, надо ежедневно сто человѣкъ. Молока цѣлыя огромныя кадушки наливаютъ. Потомъ дѣлаютъ изъ него масло, урду, бринзу, кашковалъ. Лѣтомъ, когда тутъ кругомъ косари работаютъ, когда траву косятъ для нояты, Беръ ѣздитъ туда часто закупать бринзы для косарей. Я съ нимъ два раза уже тамъ была. Если бы ты только видѣлъ, что тамъ дѣлается. Одной сыворотки столько, что въ ней купаются. Въ прошломъ году еврей тамъ выдѣлывалъ кашковалъ, такъ онъ Беру каждую пятницу дѣлалъ ванну изъ сыворотки. Говорятъ, что это очень здорово. Ты совсѣмъ не знаешь, что тутъ дѣлается лѣтомъ. Какъ тутъ хорошо, мама моя, какъ тутъ хорошо.

Я слушаю Ривку съ величайшемъ интересомъ, и она, видя это, увлекается и все разсказываетъ, разсказываетъ. Дуновеніе весны въ ней пробудило что-то такое хорошее.

— Ты никогда еще тутъ не былъ лѣтомъ,—продолжаетъ она.— Вотъ хорошо, чистый рай. Если бы ты посмотрѣлъ сѣнокосъ. Всѣ луга кругомъ кишатъ людьми, парнями и дѣвками, которые громко поютъ, особенно вечеромъ послѣ работы. А когда между скирдами, которыхъ цѣлыя сотни, зажигаютъ костры, чтобы варить ужинъ— вотъ красиво! Вотъ увидишь, какъ красиво. Ничего такого ты въ мірѣ не видѣлъ.

И Ривка становится по истинѣ краснорѣчивой въ своихъ разсказахъ и описаніяхъ. И я заслушиваюсь. И съ восторгомъ думая о томъ, что я все это увижу, я забываю на время о хедерѣ. А пока я цѣлые дни, какъ только имѣю возможность, брожу и скачу по полямъ со своимъ новымъ пріятелемъ Евтухомъ, сыномъ Горпины и наймитомъ Артема, у котораго онъ служитъ уже съ мѣсяцъ. Евтуху лѣтъ четырнадцать, и онъ вдвое

вдругъ взрѣзанная и взрыхленная земля, словно ежась и корчась подъ страшнымъ ножомъ, ложится длинной, черной, округленной каймой рядомъ со своей бороздой, откуда ее вытиснули. Вотъ Артемъ перекинулъ черезъ плечо торбу, наполненную зерномъ, благочестиво перекрестился, произнеся громко: „Господи благослови“, и пошелъ по безконечно длиннымъ бороздамъ, разсыпая зерно направо и налѣво. А я все хожу за нимъ, шагъ за шагомъ. Вотъ мы очутились въ ложбинѣ. Какъ разъ въ серединѣ котлообразная яма, заросшая кустарникомъ и обойденная плугомъ. Оттуда съ шумомъ поднимаются двѣ большія птицы. Вотъ солнышко скрылось за черной, медленно ползущей тучей. Поле вдругъ потемнѣло. Далеко по холмамъ забѣгали тѣни. Въ высотѣ длинной вереницей носятся каркающія вороны. Артемъ, безъ шапки, медленно двигается, съ серьезнымъ сосредоточеннымъ лицомъ, разбрасывая зерна, словно совершаетъ какое-то великое священное таинство. Опустѣла торба, и онъ возвращается назадъ къ межѣ. Тамъ, съ поднятыми оглоблями, стоитъ его телѣжка, а на ней стоятъ два развязанныхъ мѣшка; тамъ же лежатъ торбинка съ хлѣбомъ и солью и зеленый жбанъ съ водой. Лошадки бродятъ около, и, вытянувъ шеи, выщипываютъ изъ-подъ бурьяна свѣжую травку. Дальше по межѣ на большомъ разстояніи другъ отъ друга стоятъ такія же телѣги съ мѣшками и боченками воды, а вокругъ телѣжекъ и на самыхъ мѣшкахъ скачутъ воробушки, клюя упавшія зернышки. Около нѣкоторыхъ телѣгъ лежатъ и дремлютъ собаки, свернувшись клубками. Вотъ солнце освободилось отъ своего тяжелаго чернаго покрова и выглянуло всѣмъ своимъ чарующимъ полнымъ взоромъ, и мгновенно все засіяло и засверкало кругомъ свѣтомъ и радостью. Что за великая свѣтлая Божья красота разлита по этому весеннему полю. И безбрежнымъ счастьемъ, какъ безбрежна эта ликующая и дышащая свѣжестью и юностью степь, наполняется сладостно сжимающаяся грудь. О, Господь всѣхъ красотъ! Какъ не славословить Тебя, какъ не падать ницъ передъ наполняющимъ весь міръ величіемъ Твоимъ и красотою Твоею...

Въ одинъ изъ такихъ полныхъ неизъяснимыхъ красотъ весен-

нихъ теплыхъ дней, эдакъ недѣли за двѣ до Песаха, когда всѣ въ домѣ спали, сидѣли мы всѣ, т. е. я, Малка и Майка, позади корчмы, не далеко отъ землянки Артема, на ярко зеленой лужайкѣ, покрытой еще низенькой ярко зеленой травкой, и дѣятельно работали, копая колодцы, наполняя ихъ водою, придѣлывая къ нимъ журавли и т. д. Во всѣхъ этихъ работахъ я особенно отличался. Вдругъ услышали мы звонъ колокольчика. Оглянулись—это возвращался изъ А. Велизаръ. По на телѣгѣ оказался еще кто-то и раньше всего я замѣтилъ плоскій картузъ съ большимъ козырькомъ. Не знаю почему, у меня какъ-то безъ всякой причины вдругъ екнуло сердце. И прежде чѣмъ я успѣлъ одуматься, изъ телѣги раздался не то радостный, не то встревоженный и нѣсколько дрожащій голосъ: „Лебеле, это ты!“—и черезъ мгновеніе я очутился на рукахъ брата Пинхоса, который поднялъ меня высоко и сталъ цѣловать и прижимать къ себѣ съ глубокимъ волненіемъ. Потомъ онъ меня поставилъ на землю, говоря: „Дайка на тебя посмотрѣть. Какой ты сталъ большой“—и опять меня поднялъ и сталъ цѣловать крѣпко, взволнованно. Потомъ онъ принялся цѣловать дѣтей брата, особенно Майку, взявъ ее на руки. Я стоялъ какой-то растерянный, холодный, не чувствуя того, что долженъ былъ бы чувствовать. Нѣтъ, это какъ будто не тотъ Пинхосъ, котораго я такъ любилъ, который былъ мнѣ такъ дорогъ и о свиданіи съ которымъ я часто думалъ съ замирающей душой, какъ о величайшей радости, какая меня можетъ ждать. Это какъ будто совсѣмъ другой, чужой. И голосъ не тотъ: какой-то грубый, басовой. И лицо не то нѣжное, юношеское, чистое, полное высшаго духовнаго выраженія. И что это за одежда на немъ? Какой-то коричневаго цвѣта короткій до колѣнъ „твинъ“ съ огромными гладкими пуговицами пепельнаго цвѣта въ два ряда; волосы длинные, и какъ-то не различишь, есть ли у него пейсы или нѣтъ. И я чувствую въ душѣ какое-то отчужденіе. Нѣтъ, это не тотъ Пинхосъ, который былъ для меня всѣмъ, и отъ одного ласковаго взгляда котораго я весь замиралъ.— Ни одной лаской я еще не отвѣтилъ на всѣ его нѣжности, на всѣ его горячіе поцѣлуи, болѣе ошеломленный, чѣмъ обрадованный.

Когда мы такъ стояли всѣ, на порогѣ появилась Зисель съ заспаннымъ лицомъ. Увидѣвъ Пинхоса, она какъ бы въ отчаяніи всплеснула руками и воскликнула:

— Еще онъ мнѣ тутъ нуженъ.—И она захлопнула за собою дверь.

Пинхосъ весь поблѣднѣлъ и какъ будто остолбенѣлъ. Въ глазахъ его засверкали негодованіе и безграничная ненависть, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ проявилось невыразимое страданіе. Въ этомъ мучительномъ, страдальческомъ взглядѣ я сейчасъ почувствовалъ не только моего роднаго Пинхоса, но и все наше горе, всю нашу бездомность. Все мое дѣтское сердечко затрепетало и сжалось отъ боли. Я кинулся къ Пинхосу. Онъ меня поднялъ на руки, крѣпко прижалъ къ себѣ, и мы оба тихо заплакали...

Такъ мы постояли минуты двѣ-три. Дѣти на насъ смотрѣли больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ сочувствіемъ или огорченіемъ. Потомъ Пинхосъ взялъ меня за руку, и мы направились по тропинкѣ, ведшей къ гарману Артема; но до гармана не дошли, а обошедши задній почтовый дворъ и ямщицкую, зашли на станцію и усѣлись на полу около горячей печки въ маленькой, совершенно пустой, но чистенькой комнатѣ, прилегавшей къ „пріѣзжающей“.

Пинхосъ, сильно утомленный, съ дороги и глубоко удрученный растянулся во весь ростъ и, подперши одной рукой голову, а другой лаская меня, погрузился въ молчаніе, какъ будто что-то обдумывая.

По его красивому, выпуклому лбу словно скользили мрачныя тѣни, а въ его глазахъ выражалось неимовѣрное страданіе. Каждый разъ онъ пригибалъ мою голову къ себѣ и такъ нѣжно и страдальчески цѣловалъ меня.

Часа черезъ два три, когда уже наступили густыя сумерки, пришелъ Беръ, и между нимъ и Пинхосомъ произошла бурная сцена. Пинхосъ былъ очень рѣзокъ и безжалостенъ по отношенію къ Беру, говорилъ ему грубости и упрекалъ въ томъ, что онъ изъ-за этой „подлой портняжеской дочери“, у которой находится подъ башмакомъ, готовъ пожертвовать всѣми нами и т. д.

Беръ сначала выходилъ изъ себя и даже бросился на Пинхоса, чтобы избить его, но потомъ перешелъ въ мягкій тонъ и сталъ просить и настаивать, чтобы мы пошли сейчасъ къ нему. Но Пинхосъ остался неумолимъ и все твердилъ, что его ноги не будетъ въ его домѣ. И онъ сдержалъ слово.

Три дня мы прожили на станціи. Пищу приносила намъ туда Малка. Пинхосъ уже раньше тутъ былъ, такъ что хорошо былъ знакомъ съ Владиміромъ и Наташей, съ которыми проводилъ цѣлые часы въ разсужденіяхъ и религіозныхъ спорахъ.

Очевидно, онъ былъ очень рѣзокъ въ своихъ разсужденіяхъ, ибо одинъ разъ Наташа вскочила съ своего мѣста и стала неистово кричать: „Пинкусъ, Пинкусъ, какъ ты смѣешь такъ говорить!“

А „Пинкусъ“ при этомъ мефистофелевски улыбался, какъ будто это неистовство бѣдной, оскорбленной въ своихъ религіозныхъ чувствахъ Наташи ему доставляло большое наслажденіе.

Глубоко я былъ пораженъ и огорченъ, когда на другой день, послѣ утренней молитвы и постнаго завтрака нашего, Пинхосъ вытащилъ изъ боковаго кармана маленькую книжечку съ пестрой обложкой, на которой былъ изображенъ Христосъ или другой святой, и принялся въ ней читать по складамъ, стараясь придавать своему произношенію чисто русскій характеръ. Я почувствовалъ такой ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ меня охватило такое чувство отвращенія и гадливости, словно я бы увидѣлъ брата въ лонѣ христіанской церкви.

Я отодвинулся отъ него, подошелъ къ окну и сталъ тихо вытирать рукавомъ хлынувшія слезы.

Пинхосъ понялъ мои чувства и, подошедши ко мнѣ, сталъ меня успокаивать, говоря:

— Дурень ты такой. Эта книжка, по которой учатся чтенію по-русски. Чѣмъ я виноватъ, что они туда помѣщаютъ всякую всячину.

— Этого еврей не долженъ брать въ руки,—возражалъ я, продолжая горько плакать и смотрѣть на Пинхоса съ отвращеніемъ и ненавистью.—Тамъ есть крестъ и Іозоль [1]).

---

[1]) Іисусъ.

— Ну такъ ее брошу. Ты правъ. Это на самомъ дѣлѣ гадость, и мнѣ самому противно.

И онъ забросилъ свою азбучную книжку на печку. Это меня далеко еще не успокоило и не примирило съ Пинхосомъ, который мнѣ казался оскверненнымъ.

Черезъ два дня, послѣ вторичнаго и еще болѣе бурнаго объясненія съ Беромъ, который все настаивалъ, чтобы мы пошли домой, Пинхосъ вдругъ объявилъ мнѣ, что въ эту ночь мы уѣзжаемъ съ обратной въ А., а оттуда уѣдемъ въ О. къ матери. Я задрожалъ отъ радости и съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія желаннаго момента.

Въ часъ ночи, не только ни съ кѣмъ не попрощавшись, но даже никого не предупредивъ, усѣлись мы на обратную, которая привезла изъ А. почту.

Все кругомъ спало, когда старый Петро, коренастый великоросъ, съ огромной бородой, выѣхалъ со двора, съ трудомъ удерживая свою горячую пару красивыхъ гнѣдыхъ коней съ красивою осанкой и высокой круглой шеей. Ночь была темная, непроглядная, все небо было обложено густыми черными тучами, дулъ пронизывающій восточный вѣтеръ. Я весь дрожалъ и ежился отъ холода. Несмотря на мое дѣтское легкомысліе и прежнюю радость, я теперь чувствовалъ себя какъ-то глубоко виноватымъ передъ Беромъ, при мысли о которомъ мнѣ становилось невыразимо больно.

То, что я пошелъ за Пинхосомъ, къ которому я не питалъ больше ни прежняго уваженія, ни прежней привязанности, мнѣ вдругъ показалось гадкимъ, недостойнымъ. Другое дѣло Беръ. И какимъ дивно прекраснымъ являлось предо мной его благородное страдальческое лицо. Все тяжелѣе становилось на душѣ. Я почувствовалъ себя какимъ-то выброшеннымъ, оторваннымъ. Что-то мнѣ говорило, что предо мной открывается только новый мучительный періодъ тяжелыхъ и безконечныхъ скитаній...

Пинхосъ, который тоже былъ очень мрачно настроенъ, молча прижалъ меня къ себѣ, стараясь обогрѣть и успокоить меня.

Временами онъ заламывалъ руки на голову, какъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать, и глубоко вздыхалъ.

А тьма какъ будто все сгущалась и обступала насъ черной непроницаемою массой.

И такъ печально и уныло раздавались звонъ почтоваго колокольчика и свистъ ямщика, которые перемѣшавшись съ унылымъ завываніемъ порывистаго вѣтра, словно утопали въ этой страшной черной безднѣ...

Бенъ-Ами.

Окончено въ Женевѣ въ канунъ Рошъ-Гашона 5666-го г.
(28=15 сентября 1905 г.).

вѣчеству, обратился къ іудеямъ со словами ободренія. То былъ „*Второисаія*"—авторъ гл. 40—56 традиціонной книги Исаіи [1]).

„Утѣшайте, утѣшайте народъ Мой... Говорите къ сердцу Іерусалима и возвѣщайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сдѣлано удовлетвореніе, ибо онъ отъ руки Господа принялъ *вдвое* за всѣ грѣхи свои"... (Ис. 40, 1, 2).

Объясняя такъ общую задачу своей проповѣди, пророкъ обращается къ смущенному Израилю со словами увѣщанія.

„*Не бойся*, ибо Я съ тобою; не смущайся, ибо Я Богъ твой; Я укрѣплю тебя и помогу тебѣ и поддержу тебя десницей правды Моей (41). Держу тебя за правую руку твою, говорю тебѣ: *не бойся*, Я помогаю тебѣ... Не бойся, червь Іаковъ, малолюдный Израиль. Я помогаю тебѣ, говоритъ Господь"... (Ис. 41, 13, 14. ср. 43, 5. 44, 2). Убѣждая своихъ единоплеменниковъ „показать себя мужами" (Ис. 46, 8) среди назрѣвающихъ бурь, пророкъ въ истинно вдохновенной рѣчи изображаетъ величіе Ягве—покровителя Израиля.

„Развѣ вы не знаете?" спрашиваетъ онъ: „Развѣ вы не слышали? Развѣ вамъ не говорено было отъ начала? Развѣ вы не уразумѣли изъ основаній земли? (Ис. 40, 21). Ягве—Тотъ, Который возсѣдаетъ надъ кругомъ земли, и живущіе на ней, какъ саранча передъ Нимъ; Онъ распростеръ небеса, какъ тонкую ткань, и раскинулъ ихъ, какъ шатеръ для жилья. (Ис. 40, 22). Онъ—Господь, возмущающій море, такъ что волны ревутъ (Ис. 55, 15); Онъ—Тотъ, Который безднѣ говоритъ: „изсохни", и рѣки превращаетъ въ пустыню (Ис. 50, 2). Кому уподобите Бога? (Ис. 40, 18). Кто исчерпалъ воды горстью, и пядью измѣрилъ небеса, и вмѣстилъ въ мѣру прахъ земли, и взвѣсилъ на вѣсахъ горы и на чашахъ вѣсовыхъ—холмы? (Ис. 40, 2). Прежде Ягве не было Бога и послѣ не будетъ (Ис. 43, 10). Нѣтъ Спасителя кромѣ Него (Ис. 43, 11)"... Въ рѣчи, весьма напоминающей Іеремію (Ис. 40, 19, 20. 41, 7. 44, 5, 20. 46, 1, 6), пророкъ обрушивается на людей, дерзающихъ производить оцѣнку дѣйствій Ягве. „Кто разумѣлъ духъ Господа и былъ совѣтникомъ

---

[1]) Ср. *Budde*, O. c. 197. Нѣкоторые изслѣдователи приписывали весь конецъ книги Исаіи—т. е. гл. 40—56 одному автору - Второисаіи. Въ настоящее время взглядъ этотъ поколебленъ. Что касается гл. 42, 1—4. 49, 1—6. 50, 4—9. 52, 13—53, 12—составляющихъ, будто-бы, произведеніе особаго автора, то правильнѣе всего, повидимому, приписать ихъ тому же Второисаіи. Ср., впроч., *Cornill*, Einleitung. 148. *Kuenen*, O. c. II, 95. *Smend*, Lehrbuch, 348. *Stähelin*, Einl., 239.

у Него, и училъ Его?" насмѣшливо спрашиваетъ онъ. „Съ кѣмъ совѣщается Онъ, и кто вразумляетъ Его и наставляетъ Его на путь правды и учитъ Его знанію и указываетъ Ему путь мудрости? (Ис. 40, 13, 17). Горе тому, кто препирается съ Создателемъ своимъ, черепокъ изъ черепковъ земныхъ (Ис. 45, 9). Горе тому, кто говоритъ отцу: „зачѣмъ ты произвелъ меня на свѣтъ?" и матери: „зачѣмъ ты родила меня?"... Вы спрашиваете Меня о будущемъ сыновъ Моихъ и хотите Мнѣ указывать въ дѣлѣ рукъ Моихъ (Ис. 45, 10, 11). Какъ небо выше земли, такъ пути Мои выше путей вашихъ, и мысли Мои выше мыслей вашихъ"... (Ис. 55, 8, 9).

Однако, въ виду близкихъ бурь, пророкъ готовъ раскрыть Израилю пути Промысла, возвѣстить ему „новое и сокровенное". (Ис. 48, 6). Для этого онъ прежде всего хочетъ изъяснить смыслъ прошлаго народа Божія.

Ягве создалъ Израиля; Онъ возлюбилъ его и избралъ, и образовалъ (Ис. 43, 21. 44, 1, 2) для того, чтобы возвѣстилъ Израиль славу Господа всему міру (Ис. 43, 21. 49, 3). Ягве опредѣлилъ племени еврейскому быть *свѣтомъ народовъ*, чтобы спасеніе простерлось до конца земли (Ис. 49, 6). Поэтому Израиль есть носитель общечеловѣческаго Откровенія (Ис. 51, 16. 40, 8). Онъ возвѣститъ міру судъ, правду и примиреніе (Ис. 42, 1. 49, 8, 12. 51, 5. 55, 12): вождь, наставникъ и свидѣтель онъ передъ народами земли (Ис. 55, 4).

Итакъ, пророкъ развиваетъ гордую идею всемірно-исторической миссіи Израиля—идею, къ которой съ радостнымъ упованіемъ давно уже обращалась религіозная мысль еврейства среди всякихъ невзгодъ и разочарованій. Съ этой вѣрой Израиля въ будущее изслѣдователь библейской исторіи встрѣчается далеко не впервые; однако, можетъ ли онъ не удивляться той несокрушимой духовной силѣ, которая звучала въ восторженныхъ рѣчахъ іудея-переселенца, томившагося въ плѣну языческомъ, вдали отъ родины, подъ мракомъ тучъ, собиравшихся надъ Халдеей?

Второисаія не закрываетъ глазъ на грѣховное прошлое своего народа—народа съ желѣзными жилами шеи и со лбомъ, кованнымъ изъ мѣди (Ис. 48, 4) Отъ самаго чрева материнскаго прозванъ Израиль отступникомъ (Ис. 48, 8); уже праотцы его согрѣшали (Ис. 43, 22—24); служилъ онъ идоламъ, глухъ и слѣпъ былъ передъ истиной (Ис. 42, 18), не разумѣлъ ея, когда за грѣхи изливалъ Ягве на него ярость Свою (Ис. 42, 18).

Однако, „Я самъ изглаживаю преступленія твои—ради Себя Самого—и грѣховъ твоихъ не помяну", говоритъ Ягве (Ис. 43, 25). Во имя славы Божіей и торжества правды на землѣ (Ис. 48, 9, 11. 42, 21) не погубитъ Онъ Израиля.

Не останется народъ въ стыдѣ (Ис. 50, 5—8. 51, 14. 51, 21—23), Ягве утѣшитъ Сіонъ (51, 3, 17. 52, 9).

До дна осушилъ Іерусалимъ чашу ярости Божіей (Ис. 51, 17) и не вернется на него гнѣвъ Ягве, какъ не прійдутъ болѣе воды потопа (Ис. 54, 8). *Искуплена* вина Израиля передъ Господомъ, искуплена не серебромъ, *мученіями, страданіемъ* (Ис. 52, 3).

Здѣсь вскрывается новый мотивъ проповѣди Второисаіи—мотивъ, важность котораго трудно преувеличить. Ученіе объ *искупительномъ* значеніи *жертвы* намѣчено уже было Второзаконіемъ (Второз. гл. 21). Въ обрядовой части книги Іезекіиля оно принято какъ непосредственное данное традиціи, и развито въ мелочныхъ подробностяхъ ритуала. Но нигдѣ еще не было оно формулировано такъ опредѣленно и ясно, какъ въ произведеніи анонимнаго автора главъ 40—55 книги Исаіи. Правда, уже Іеремія возлагаетъ на себя ярмо по повелѣнію Ягве и носитъ его, какъ бы за весь народъ свой, исполняя долгъ покорности Навуходоносору (Іер. 37, 38). Въ свою очередь и Іезекіиль ощущаетъ на себѣ бремя беззаконія Израилева (Іез. 4); самая жизнь пророка является нѣкоторымъ знаменіемъ для „дома мятежнаго" (Іез. 12, 11). Однако, ни тотъ, ни другой пророкъ не идутъ далѣе понятія индивидуальной, личной жертвы искупленія; универсальный смыслъ этой идеи не доступенъ еще ни одному изъ нихъ...

Для Второисаіи искупительная жертва есть *актъ общечеловѣческаго, всемірнаго значенія*. Не за грѣхи отдѣльныхъ сыновъ своихъ и не за беззаконіе всего народа еврейскаго несетъ Израиль наказаніе отъ руки Божіей: ранами народа-мученика — „отрока Ягве", „раба" Его—*исцѣляется все человѣчество*. „Отъ чрева матери призвалъ Богъ Израиля: Онъ сдѣлалъ уста его какъ острый мечъ; тѣнью руки Своей покрывалъ его, и какъ стрѣлу изощренную, хранилъ въ колчанѣ своемъ" (Ис. 49, 1, 2)... Что же долженъ былъ пережить Израиль, чтобы прославился въ немъ Господь его, и чтобы спасеніе Его простерлось до концовъ земли? (Ис. 49, 3, 6).

„Я предалъ хребетъ мой біющимъ и ланиты мои поражающимъ, лица моего не закрывалъ отъ поруганій и оплеванія.

И Господь Богъ помогаетъ мнѣ: поэтому я не стыжусь, по-

этому я держу лицо мое, какъ кремень, и знаю, что не останусь въ стыдѣ" (Ис. 50, 6, 7).

Исполнятся времена; минуетъ пора искупительныхъ страданій,—и, какъ свѣтъ передъ людьми, засіяетъ Израиль передъ племенами земли.

„И многіе народы приведетъ онъ въ изумленіе; цари закроютъ передъ нимъ уста свои: ибо они увидятъ то, о чемъ не было говорено имъ, и узнаютъ то, чего не слыхали" (Ис. 52, 15).

Что же скажутъ тогда люди, среди которыхъ страдалъ Израиль, всѣми гонимый, презираемый и ненавидимый?

„Онъ взошелъ передъ Нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ сухой земли, нѣтъ въ немъ ни вида, ни величія; и мы смотрѣли на него, и не было въ немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ нему.

Онъ былъ презрѣнъ и униженъ передъ людьми, мужъ скорбей и извѣдавшій болѣзни, и мы отвращали отъ него лицо свое. Онъ былъ презираемъ, и мы ни во что не ставили его.

Но *онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни*, а мы думали, что онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и уничижаемъ Богомъ.

Но онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши и мученъ за беззаконія наши; наказаніе міра нашего было на немъ, и *ранами его мы исцѣлились.*

Всѣ мы блуждали какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу; *и Господь возложилъ на него грѣхи всѣхъ насъ.*

Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ своихъ; какъ овца веденъ былъ на закланіе, и, какъ агнецъ передъ стригущимъ его безгласенъ, такъ и онъ не отверзалъ устъ своихъ". (Ис. 53, 2—8)...

Идея искупительныхъ страданій Израиля, выраженныхъ въ этихъ знаменитыхъ словахъ, отличается *всеобъемлющей* широтою: для Второисаіи нѣтъ человѣка, надъ которымъ не простиралась бы десница Божія—и народъ избранный — этотъ „отрокъ Ягве" несетъ свое бремя за грѣхи всего міра передъ единымъ Богомъ вселенной.

Какъ извѣстно, универсальный характеръ религіи пророковъ пріобрѣтаетъ уже со времени Амоса. „Не таковы ли, какъ сыны эѳіоплянъ, а вы для меня, сыны Израилевы?" — спрашивалъ Ягве—грозный мститель, устами Оекойскаго пастуха (Ам. 9, 7)... Забылъ Израиль Бога своего, впалъ въ нечестіе—и, вотъ, „приспѣлъ конецъ" народу Божію: „не будетъ болѣе прощать ему

Ягве" (Ам. 8, 2, 7, 8)—во имя общечеловѣческой правды истребитъ Господь избранный Свой народъ... Несомнѣнно, что въ этомъ актѣ божественнаго возмездія Ягве возвышается на степень универсальнаго начала. Но можно-ли сравнивать суровую теодицею Амоса съ религіей Второисаіи, проникнутой всеобъемлющей любовью? Можно-ли думать, что истребленіе Израиля, за собственное его беззаконіе и во имя отвлеченной справедливости нравственно-равноцѣнно искупительнымъ страданіямъ народа Божія за грѣхи міра и ради всеобщаго спасенія? Сколько пережить, какъ развиться и облагородиться должно было еврейство, чтобы отъ Амоса возвыситься до Второисаіи! И—прежде всего—какъ много надобно ему было вынести несчастій, чтобы увидѣть въ своемъ лицѣ того мученика, ранами котораго исцѣляется грѣховное человѣчество.

Мысль о высшемъ значеніи страданій Израиля, очевидно, явилась еврейству на помощь въ ту эпоху, когда мужество и терпѣніе злополучной націи подвергались особенно жестокимъ испытаніямъ. Плѣненіе вавилонское было, именно, такой эпохой—и понятно, почему Второисаія будилъ бодрость и надежды іудейскихъ изгнанниковъ своими рѣчами объ „отрокѣ Божіемъ", искупающемъ своей кровью беззаконія міра [1]).

Обращаясь къ событіямъ современности, пророкъ готовъ въ Кирѣ, „орлѣ отъ востока", видѣть посланника Божія, несущаго іудеямъ свободу (Ис. 47). Однако Второисаія не хочетъ признать великаго завоевателя только слѣпымъ орудіемъ божественной воли, которое призвано сокрушить тяготѣющее надъ еврействомъ иго халдеевъ. Для него Киръ—мужъ правды (Ис. 41), избранный и возлюбленный Господомъ (Ис. 48). Онъ — пастырь, *показанникъ* Божій (Ис. 44, 28, 45, 1), который водворитъ на землѣ правду, судъ и миръ (44, 28, 45, 1, 13), исполняя повелѣніе пославшаго его—Ягве. Это „Кирово мессіанство" представляетъ собою весьма характерную особенность Второисаіи; не трудно объяснить себѣ его происхожденіе изъ условій времени, предшествовавшаго завоеванію Вавилона.

Какъ нѣкогда Наумъ, въ виду грозы, собиравшейся надъ Ниневіей, ликуя, возвѣщалъ Израилю близкое возрожденіе, —такъ и Второисаія привѣтствовалъ въ персахъ освободителей іудеевъ отъ вавилонскаго ига. Быть можетъ, Второисаія писалъ свою книгу

---

[1]) Понятіе о народѣ, какъ о „рабѣ" или „отрокѣ" Бога, свойственно вообще семитическому религіозному мышленію, какъ то доказалъ *Robertson Smith*. Ср. Второз. 4, 19, 6, 13, 10, 12.

подъ прямымъ вліяніемъ патріотическихъ гимновъ Наума: допустить это тѣмъ легче, что уже у Іезекіиля легко отмѣтить извѣстное знакомство съ произведеніями болѣе раннихъ пророковъ [1]). Вообще говоря, въ плѣну вавилонскомъ изученіе литературнаго наслѣдія прошлаго стало дѣломъ нравственной необходимости; повидимому, такое направленіе религіозной мысли оставило свои слѣды и въ творчествѣ Второисаіи [2]). Впрочемъ, если въ глазахъ пророка Киръ является помазанникомъ Ягве, почитающимъ истиннаго Бога, то въ этомъ сказалось также и то впечатлѣніе, которое должна была произвести на Второисаію распространенная молва о необычайной религіозной терпимости завоевателя. Это качество, бывшее у него выраженіемъ выдающагося политическаго такта, между прочимъ, привлекло къ Киру сочувствіе со стороны могущественнаго вавилонскаго жречества. Въ этой средѣ сложилась даже легенда о томъ, какъ богъ Мардукъ отдалъ побѣдителю халдеевъ всю свою милость и сдѣлалъ его царемъ цѣлаго міра [3]). Вполнѣ допустимо, что и Второисаія, проживавшій среди вавилонянъ, испыталъ на себѣ дѣйствіе подобныхъ толковъ о Кирѣ [4]). Притомъ-же, пока Ягве былъ Богомъ націи — Мессія оставался царемъ Израиля; пока можно было мечтать о политическомъ возрожденіи еврейскаго народа — главой будущаго царства являлся для nebiim потомокъ дома Давидова. Но нація погибла; изъ покровителя Израиля Ягве сталъ единымъ Богомъ вселенной. Не естественно-ли, что помазанникомъ Божьимъ для пророка, живущаго въ плѣну вавилонскомъ, могъ скорѣе всего явиться завоеватель, передъ силою котораго склонялось населеніе всего извѣстнаго Второисаіи міра?..

Идея всемірно-исторической миссіи Израиля, духовно осмысленная и универсально развитая пророкомъ, ученіе объ искупленіи и „Кирово мессіанство“ представляютъ собою главныя особенности Второисаіи. Но не только эти черты отличаютъ нашего пророка отъ его предшественниковъ. Пророчество въ лицѣ Второисаіи уже *несетъ въ себѣ каплю иноземной крови* [5]). Второисаія знакомъ со сказаніемъ о всемірномъ потопѣ (Ис. 54, 9); быть мо-

---

[1]) *Кіепен*, О. с. II, 300, 301. Ср. *Renan*, О. с. IV, 21.

[2]) Ср. Наумъ 1,15 и Ис. 52, 7.

[3]) *Масперо*, Исторія Востока, 591.

[4]) Объективную иллюстрацію религіозной терпимости персидскихъ царей даетъ документальный матеріалъ у *Brugsch*, Gesch. Egyptens. 748 сл.

[5]) *Cornill*, D. isr. Proph. 132.

жетъ, онъ признаетъ и грѣховность человѣческой природы, несущей на себѣ возмездіе за паденіе прародителей (Ис. 43, 27. 48, 4, 8)... Правда, связывая эти представленія съ идеями единобожія, избранничества и мессіанства, Второисаія придаетъ имъ гораздо болѣе глубокій смыслъ, сравнительно съ тѣмъ, какой имѣли они въ своемъ первоначальномъ источникѣ—т. е. у халдеевъ [1]). Однако, это не устраняетъ самаго факта заимствованія пророкомъ извѣстныхъ воззрѣній отъ язычниковъ [2]). И, хотя Второисаія изображаетъ будущее чертами, напоминающими перваго Исаію, хотя *національное* чувство и прорывается у него, когда онъ говоритъ о страданіяхъ своего народа и о грядущей его славѣ (Ис. 45, 14. 16. 49, 7, 23), его все-же нельзя назвать иначе, какъ *пророкомъ плѣннаго іудейства*. Нѣтъ сомнѣнія, что *законъ*, заключавшій въ себѣ смертный приговоръ для *nebiim* Ветхаго Завѣта, оказалъ свое вліяніе и на Второисаію. (Ис. 42, 4, 21, 24. 51, 4).

II.

Надежды Второисаіи на освобожденіе іудеевъ сбылись. Въ первомъ же году по взятіи Вавилона Киръ указомъ предоставилъ евреямъ право вернуться на родину. Вѣроятно, такая милость со стороны завоевателя была вызвана его желаніемъ создать заселеніемъ Іудеи и возстановленіемъ Іерусалима прочный базисъ для предстоящей борьбы своей съ Египтомъ. Такъ или иначе, въ 537 г. около пятидесяти тысячъ евреевъ подъ предводительствомъ Зоровавеля, внука царя Іоакима и Іосіи, внука первосвященника Сераіи, оставили Вавилонъ, чтобы возвратиться въ Іудею (2 Хр. 36, 22, 23. 1 Эзр. 1, 3).

Кто не помнитъ краснорѣчиваго разсказа книги Эзры о томъ, какъ шли евреи на родину, какъ возстановили они жертвенникъ Богу въ Іерусалимѣ и заложили основаніе новому храму? Кто не знаетъ тѣхъ бѣдствій, которыя пришлось имъ претерпѣть въ опустошенной Іудейской области? (Аг. 1, 6). Весьма характеренъ для настроенія іудейства былъ отказъ его на просьбу самаритянъ допустить ихъ къ участію въ постройкѣ храма (2 Ц. 27, 24, 48. 1 Эзр. 4, 1, 5). Этотъ эпизодъ былъ началомъ глубокой вражды между евреями и самаритянами, которые съ тѣхъ поръ всѣми

[1]) *Delitzsch*, Commentar über die Genesis, 82. *Nowack*, Die assyr.-babyl. Keilinschriften und das A. Testament, 17, 18.

[2]) *George Smith*, Chaldäische Genesis. 254, *Graetz*, O. c. II, 2, 199—205.

средствами старались помѣшать сооруженію святилища въ Іерусалимѣ. Подкупами и доносами въ Вавилонъ имъ удалось, наконецъ, достигнуть того, что по приказу царя персидскаго благочестивое предпріятіе іудеевъ было пріостановлено на 17 лѣтъ.

Однако, на второмъ году правленія Дарія (Аг. 1. Эзр. 5, 1. 6, 14), когда засуха и голодъ довели жалкое положеніе іудеевъ до крайности (Аг. 1, 10, 11), одновременно два пророка обратились къ общинѣ переселенцевъ съ укорами въ малодушіи и бездѣятельности. То были *Аггей* и *Захарія* [1]).

Объясняя бѣдствія іудеевъ тѣмъ, что каждый за личными нуждами и заботами забываетъ объ общемъ святомъ дѣлѣ возстановленія храма, *Аггей* бросаетъ своимъ единомышленникамъ горькій упрекъ. „Не время строить храмъ Господень", говорятъ евреи (Аг. 1, 2). „А вамъ самимъ время"—въ негодованіи спрашиваетъ пророкъ—„жить въ домахъ вашихъ украшенныхъ, когда домъ сей въ запустѣніи (Аг. 1, 4)?" „Взойдите на гору и носите дерева, и стройте храмъ: и Я буду благоволить къ нему и прославлюсь", говоритъ Богъ (Аг. 1,8). „Ободрись нынѣ, Зоровавель,—говоритъ Господь,—ободрись и Іисусъ, сынъ Іоседековъ, великій священникъ, ободрись, весь народъ земли,—и производите работы: ибо Я съ вами, говоритъ Господь Саваоѳъ" (Аг. 2 4). Пророкъ знаетъ, быть можетъ, какъ пышенъ былъ прежній храмъ Іерусалимскій (Аг. 2, 3); онъ помнитъ, несомнѣнно, что было время, когда съ помощью Ягве жилъ Израиль въ богатствѣ, могуществѣ и славѣ (Аг. 2, 5): поэтому, казалось бы, жалкое положеніе общины у развалинъ Сіонскаго святилища должно было бы поселить въ его душу уныніе и тревогу. Но, проникнутый вѣрой въ единаго Бога, рукою Кира освободившаго евреевъ отъ плѣненія, полный надеждъ на скорое воцареніе Мессіи, Аггей мечтаетъ о будущемъ великолѣпномъ храмѣ, который затмитъ собою прежній, и восторженно говоритъ о пришествіи въ міръ „желаемаго всѣми народами" (Аг. 2, 6—10). Замѣчательно, что пророкъ, повидимому, не отрѣшился еще отъ мечты о *національномъ* возрожденіи Израиля. Обращаясь ко внуку царя Іоакима, Аггей возлагаетъ на него ту самую миссію, которую въ глазахъ Второисаіи долженъ былъ выполнить властитель міра—Киръ. Повидимому, возрожденію надеждъ на *политическое* будущее Израиля способствовало назначеніе правителемъ Іудеи Зоровавеля, — лица, наслѣдственно

---

[1]) *Cornill*, Einleitung 193 сл. *Stade*, Gesch. V. Isr. II, 118 сл. *Kuenen* О. с. II, 384 сл.

связаннаго съ царственнымъ домомъ Давида. Во всякомъ случаѣ, это „Зоровавелево мессіанство“ представляетъ собою любопытнѣйшій феноменъ въ развитіи религіозной мысли послѣплѣннаго іудейства.

Явленіе это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что выступаетъ оно въ произведеніи еще другого пророка той же эпохи—именно *Захаріи* (Эзр. 5,1. 6,14.). Очевидно, „Зоровавелево мессіанство“ отнюдь не представляетъ индивидуальной черты Аггея. Впрочемъ, будучи навѣяна тѣми же самыми событіями, какія наблюдалъ и Аггей, книга Захаріи несравненно полнѣй и ярче отразила въ себѣ эпоху, нежели короткое и довольно блѣдное произведеніе перваго пророка. Самая форма, въ которую облекаетъ Захарія свои мысли, чрезвычайно характерна для его времени. Творческая потребность автора, *стѣсненная въ области идей* нерушимыми *догматами закона*, находитъ себѣ удовлетвореніе въ необыкновенно причудливыхъ образахъ, въ которые выливается содержаніе проповѣди Захаріи. Фантастическая изысканность этихъ образовъ сообщаетъ книгѣ Захаріи *характеръ литературно-апокалиптическаго произведенія*. Намѣренно ли маскировалъ пророкъ смыслъ своихъ словъ, опасаясь того, что блюстители закона найдутъ въ нихъ что либо несогласное съ традиціей, или же инстинктивно искалъ удовлетворенія потребности свободнаго творчества—сказать опредѣленно нельзя. Во всякомъ случаѣ, *пророкъ совершенно чуждъ сознанія своей непосредственной связи съ Богомъ*. Отношеніе Захаріи къ Ягве условно; при этомъ оно сохраняетъ чисто внѣшній характеръ. „Такъ говоритъ Господь“... Эта фраза не сходитъ съ языка Захаріи. Что же можетъ яснѣй и нагляднѣй показать, что чувство единенія съ Богомъ уже не существуетъ для пророка? Захарія уже не можетъ говорить тѣмъ богочеловѣческимъ *Я*, что такъ властно звучало въ устахъ его предшественниковъ. Ягве для него — существо недосягаемое, трансцендентальное... Между Богомъ и человѣкомъ стоитъ *ангелъ*, который разъясняетъ пророку смыслъ его видѣній. Конечно, этотъ крылатый спутникъ нуженъ не столько автору книги, сколько ея читателю, который безъ посторонней помощи могъ бы легко заблудиться въ мудреной и загадочной апокалиптикѣ Захаріи. Тѣмъ не менѣе, онъ является чертой, весьма характерной для дуалистическаго міровоззрѣнія эпохи,—тѣмъ болѣе, что связана она съ другими особенностями книги Захаріи, въ которыхъ безъ труда можно отмѣтить яркіе признаки времени.

Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ ангеломъ мы находимъ у Захаріи

ученіе объ очистительной силѣ храмового обряда (Зах. 37.) и о роковыхъ послѣдствіяхъ грѣха (Зах. 5, 1—5); мы видимъ далѣе, что пророкъ съ глубочайшимъ почтеніемъ относится къ „великому священнику“ (Зах. 3,1. 4,1.) и вѣруетъ въ ходатайство ангеловъ, равно какъ и въ злую силу сатаны (Зах. 1,12. 3,1.). Все это—знаменательныя подробности Въ нихъ нужно видѣть черты умирающаго пророчества—умирающаго среди *іерократіи* и подъ воздѣйствіемъ языческаго міра, котораго такъ чуждались національные пророки Израиля. Да, въ сущности, Захарія и не можетъ быть уже названъ истиннымъ *nabi*, ибо онъ не знаетъ *богочеловѣческаго* союза. Отдѣляя себя отъ Ягве бездной, надъ которой паритъ ангелъ—этотъ чудесный посредникъ между небомъ и землею, Захарія рѣшительно примыкаетъ къ тому іудаистическому направленію религіозной мысли, которое формально расторгло связь Ягве съ человѣкомъ въ 621 году и обрекло на смерть пророчество Израиля.

III.

Слово Ягве къ Зоровавелю, выражающее „не воинствомъ и не силою, но духомъ Моимъ—говоритъ Господь Саваоѳъ.—Кто ты, великая гора, передъ Зоровавелемъ? Ты—равнина, и вынесетъ онъ красугольный камень при шумныхъ восклицаніяхъ“ (Захар. 4,6 — 7.)... „Руки Зоровавеля положили основаніе дому сему: его руки и окончатъ его, и узнаютъ, что Ягве Саваоѳъ послалъ меня къ вамъ“ (Захар. 4,9.).

Какъ извѣстно, законъ іудейскій признавалъ только того пророка истиннымъ, предсказанія котораго сбывались въ дѣйствительности (Втор. 18, 22.). Съ такой точки зрѣнія и Аггей и Захарія оказались подлинными посланниками Бога. Событія оправдали ихъ слова. Работы по постройкѣ храма возобновились въ Іерусалимѣ съ разрѣшенія Дарія, и въ 515 году святилище Бога Израилева было возстановлено (Эзр. 4,6).

Историческія данныя, на основаніи которыхъ можно было бы представить себѣ дальнѣйшій ходъ событій въ Іерусалимѣ, отличаются чрезвычайной скудостью. До самаго возстанія Маккавеевъ судьба іудейской общины покрыта нѣкоторой завѣсой... Куда-то исчезаетъ Зоровавель послѣ 515 года... Главою общины остается, повидимому, одинъ Іисусъ, власть котораго все растетъ, и которому удается сдѣлать санъ первосвященника наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ (Неем. 12,10.). Несмотря на всю недостаточность подобныхъ

извѣстій, можно думать, что положеніе народа іудейскаго въ эту эпоху было далеко не завидпымъ. Дѣйствительность не оправдывала еще тѣхъ надеждъ, которыми жило іудейство въ плѣну Вавилонскомъ. Новый храмъ Ягве значительно уступалъ своимъ богатствомъ великолѣпію святилища Соломона; едва обстроивающійся Іерусалимъ вовсе не напоминалъ того сказочнаго города, о которомъ пророкъ говорилъ, что ворота его днемъ и ночью будутъ открыты для ввоза сокровищъ всего міра (Ис. 60,11.); цари языческіе не только не кланялись народу Божію лицомъ до земли и не лизали праха ногъ его (Ис. 49,23.), но должны были враждебно относиться къ общинѣ, замкнутой въ своей религіозной исключительности и въ оскорбительномъ для „нечистыхъ" презрѣніи ко всему не-іудейскому. Естественно, что при такихъ условіяхъ среди евреевъ развивалась недовольство и разочарованіе [1]).

„Тщетно служеніе Богу", говорили одни: „и что пользы намъ въ томъ, что мы соблюдаемъ постановленія Его и ходимъ въ печальной одеждѣ передъ лицомъ Ягве Саваоѳа? И нынѣ мы считаемъ надменныхъ—счастливыми: лучше устраиваютъ себя дѣлающіе беззаконія и искушаютъ Бога, но остаются цѣлы" (Мал. 3, 14,15). И, при взглядѣ на жалкое положеніе іудейской общины, многимъ приходила въ голову кощунственная мысль: „всякій, дѣлающій злое, угоденъ передъ очами Ягве... Гдѣ Богъ правды?" срывался съ языка дерзкій вопросъ (Мал. 2,17.)...

„Сынъ чтитъ отца, и рабъ—господина своего", возражалъ на это авторъ книги *Малахіи* [2]) „если Я отецъ, –то гдѣ почтеніе ко Мнѣ? И если Я Господь, то гдѣ благоговѣніе передо Мною?"—говоритъ Ягве вамъ, священники безславящіе имя Мое"...

„Вы говорите—„чѣмъ мы безславимъ имя Твое?" Вы приносите на жертвенникъ Мой нечистый хлѣбъ, а говорите — „чѣмъ мы безславимъ Тебя?" тѣмъ, что говорите —„трапеза Ягве не стоитъ уваженія" (Мал. 6, 7). И, когда приносите въ жертву слѣпое — не худо-ли это? или когда приносите хромое или больное —не худо-ли это? Поднеси это твоему князю,—будетъ ли онъ доволенъ тобою и благосклонно ли приметъ тебя (Мал. 8)? Лучше кто-нибудь изъ васъ заперъ бы двери, чтобы напрасно не держали огня на жертвенникѣ Моемъ. Нѣтъ Моего благоволенія къ вамъ" говоритъ Ягве Саваоѳъ, „и приношеніе изъ рукъ вашихъ неблагоугодно Мнѣ" (Мал. 1,10).

---

[1]) *Smend*, Lehrbuch. 506.

[2]) *Cornill*, Einleitung, 201. *Smend*, O. c. 406. *Stade*, O. c. II, 133 пр. 1. *Kuenen*, O. c. II, 412, какъ и *Maurer*, *Ewald*, *Hitzig*.

Пророкъ всецѣло стоитъ на почвѣ *культовыхъ* опредѣленій. Вопросъ обряда для него имѣетъ превостепенное значеніе. Онъ обращается съ увѣщаніями къ священникамъ храма—блюстителямъ того закона, требованія котораго нерушимы въ глазахъ Малахіи (Мал. 2, 6—8. 1, 7, 8, 13, 3, 8, 10, 4, 4), заклиная ихъ не уклоняться отъ завѣта Ягве (Мал. 2, 2) и грозя гнѣвомъ Божьимъ за нечестіе. Однако, *принципіально онъ стоитъ за іерократію* (Мал. 2, 1—14), ибо напоминаетъ народу его обязанности по отношенію къ духовенству (Мал. 3, 8—11). И, видя, какъ забываются іудеями постановленія Божіи, онъ пророчитъ день суда, который уничтожитъ все беззаконное и нечестивое изъ среды дома Іуды (Мал. 4, 1, 3, 2, 3, 15, 17).

„Вотъ, Я пошлю къ вамъ Илію пророка передъ наступленіемъ дня Господня великаго и страшнаго. И онъ обратитъ сердца отцовъ къ дѣтямъ и сердца дѣтей къ отцамъ ихъ, чтобы Я, пришедши, не поразилъ земли проклятіемъ (Мал. 4, 4, 5, 6)".

Пророкъ, защищающій чистоту обряда, установленнаго закономъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сторонникъ іерократіи—Малахія типическій продуктъ послѣплѣннаго іудейства. Съ точки зрѣнія, именно, этого іудейства, признающаго истиннымъ пророкомъ или человѣка съ чудесной способностью провидѣнія, или же наставника въ законѣ, Малахія, съ господствующимъ въ немъ стремленіемъ *охранять святость* догмата и напоминать народу своему о нарушимыхъ установленіяхъ религіи Ягве, представляется, безспорно, носителемъ правды Божьей. Но, зная лучшія времена ветхозавѣтнаго пророчества, имѣя передъ своими глазами могучіе образы Амоса, Михея или Іереміи, изслѣдователь не можетъ не отмѣтить отсутствія въ небольшомъ произведеніи Малахіи той яркой индивидуальности, того субъективизма и свободы творчества, которые являются призраками истиннаго *nabi*. Но, отмѣтивъ эту особенность, отнюдь не слѣдуетъ ей удивляться. Нужно помнить твердо, что Малахія—членъ общины іудейской, гдѣ царитъ объективная истина заповѣдей Ягве и господствуетъ безусловный догматъ *закона*. Въ этой общинѣ не можетъ быть свободнаго, непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ, тамъ знаютъ небо и землю, какъ двѣ противоположности, примиряемыя только формами храмового культа или вмѣшательствомъ ангела, разъясняющаго вѣрующимъ слово Ягве въ точномъ соотвѣтствіи съ требованіями того же закона.

Настроеніе іудейства, внушавшее Малахіи тревогу, осложнялось еще тѣмъ, что евреи начали брать себѣ женъ изъ язычницъ—моавитянокъ, хеттеянокъ, филистимлянокъ (Эзр. 9, 1, 2. 10, 2, 18).

Понятно, что охранители самобытности іудейства должны были съ безпокойствомъ смотрѣть на такое явленіе. Оно грозило повредить чистотѣ еврейской крови, склоняло сыновъ Израиля къ усвоенію языческихъ обычаевъ и вело къ порчѣ и даже забвенію національнаго языка [1]). Идеалисты Ветхаго Завѣта вообще недовѣрчиво, а подчасъ и враждебно смотрѣли на женщинъ; въ нихъ они чувствовали присутствіе начала, чуждаго своимъ стремленіямъ — роковую, темную силу земли. Женскія чары, всякія орудія чувственной прелести возбуждали даже въ царедворцѣ Исаіи негодованіе и тревогу. Роскошная, плавная поступь, изнѣженныя движенія, нескромные, вызывающіе взгляды красавицъ Іерусалима смущали и раздражали этого пророка. „Женщины господствуютъ надъ народомъ!“ съ горечью восклицаетъ онъ (Ис. 3, 12)—и, безжалостно изображая позоръ ожидающаго прелестницъ будущаго (Ис. 3, 17) съ гнѣвомъ, достойнымъ лучшаго предмета, начинаетъ подробно перечислять всякія украшенія и средства соблазна, употребляемыя современными ему кокетками (Ис. 3, 18—24)... Во всемъ этомъ слишкомъ мало самообладанія и слишкомъ много страсти: очевидно, равнодушное отношеніе къ женщинамъ не давалось еще и ихъ врагу. Вѣроятно и женщины съ своей стороны не оставались въ долгу передъ теократами: какъ извѣстно, религіозная реакція въ эпоху Манассіи усиленно поддерживалась женщинами придворнаго круга [2]). Несомнѣнно, что пророческіе идеалы требовали отъ людей великой нравственной силы: они осуждали всякія сдѣлки съ дѣйствительностью, взывали къ мужественнымъ сердцамъ, презрительно отвергали всякія земныя блага и наслажденія... Со времени Амоса, слова: *anav* (кроткій), *ani* (угнетенный), *dan* и *ebion* (бѣдный) стали на языкѣ теократовъ почти синонимами, сближаясь при томъ съ понятіями *благочестивый, святой*; напротивъ, *asir, gadol, aris* (сильный, богатый, знатный) пріобрѣли мало по малу отрицательный смыслъ, сливаясь съ укоризненнымъ—*злой, беззаконный* [3]).

Могла-ли такая идеализація бѣдности и несчастія разсчитывать на сочувствіе женщинъ, которыя чаще всего идутъ за житейскимъ успѣхомъ? Тѣмъ понятнѣе то безпокойство, съ которымъ смотрѣли благочестивые іудеи въ концѣ VI вѣка на браки своихъ единоплеменниковъ съ язычницами, по самому происхожденію чуждыми

---

[1]) *Graetz.* Geschichte der Juden II, 2, 117—121.
[2]) *Renan* O. c. III, 122.
[3]) Ср. *Renan*, O. c. III, 37 сл.

завѣтамъ еврейства и неспособными оцѣнить святость его религіозныхъ установленій.

III.

Но общинѣ іудейской не суждено было исчезнуть съ лица земли, безслѣдно растворившись среди язычниковъ. Въ числѣ изгнанниковъ іудейскихъ, еще остававшихся въ Вавилонѣ, были люди, свято хранившіе унаслѣдованную ими вѣру. Заброшенные въ чужбину, въ „нечистой землѣ“, внѣ единственнаго святилища Ягве, они не могли ни приносить жертвъ Богу, ни соблюдать законовъ, связанныхъ съ храмомъ іерусалимскимъ. Но, совершая обрѣзаніе, празднуя субботу и слѣдуя предписаніямъ относительно пищи, они хотя въ этомъ старались остаться іудеями. Стремясь имѣть прочную связь, которая могла бы соединить ихъ, какъ членовъ особой общины, они заботились о сохраненіи родного языка (Неем. 13, 24. 13, 15. 10, 32) и сходились по субботамъ въ синагогахъ для общей молитвы и проповѣди. Слѣдуя направленію, намѣченному уже Іезекіилемъ, который создалъ планъ организаціи іудейской общины соотвѣтственно новымъ условіямъ ея существованія, они собирали и группировали законодательный матеріалъ, приспособляя его къ потребностямъ времени [1]). Изъ этой среды благочестивыхъ „книжниковъ“ и вышло спасеніе погибавшей въ Іерусалимѣ религіи іудейства.

Нѣтъ нужды въ подробной передачѣ событій, связанныхъ съ именами Эзры, свѣдущаго въ законѣ книжника, и Нееміи, бывшаго виночерпія при дворѣ царя Артаксеркса. Приходъ изъ Вавилона въ Іерусалимъ новой группы іудеевъ подъ предводительствомъ Эзры, снабженнаго отъ персидскаго царя полномочіями установить въ землѣ святой порядокъ, согласный съ закономъ Ягве (Эзр. 7, 1—29); плачъ сына Сераіи среди ночной тишины о преступленіяхъ племени Израилева; народъ, собравшійся у храма и дрожащій подъ холоднымъ дождемъ въ ожиданіи пришедшаго изъ Вавилона реформатора; грозная рѣчь Эзры къ общинѣ; отлученіе иноплеменныхъ женъ отъ ихъ мужей евреевъ—неслыханный подвигъ послушанія закону,—все это картины, слишкомъ хорошо извѣстныя каждому... Едва-ли нужно напоминать разсказъ о томъ, какъ страстный и нетерпимый Эзра утратилъ мало по малу вліяніе въ Іерусалимѣ, какъ соплеменники изгнанныхъ женщинъ стали еще сильнѣй, нежели раньше, тѣснить іудеевъ, какъ раз-

[1]) Wellhausen, Prolegomena, 412. Cornill, Der isr. Pr., 159.

рушены были стѣны Іерусалима, и городъ остался беззащитнымъ противъ вражескихъ нападеній. Минуя эти подробности борьбы іерократіи съ неблагопріятными условіями жизни, можно прямо перейти къ новому проявленію пророчества въ то время, когда съ помощью Нееміи, Эзрѣ удалось, наконецъ, установить въ Іерусалимѣ порядокъ, соотвѣтствующій требованіямъ принесеннаго имъ изъ Вавилона закона [1]).

Когда священники впервые стали торжественно читать этотъ законъ передъ общиной, то длинное перечисленіе грѣховъ и искупленій, мрачныя угрозы и страшныя проклятія противъ нарушителей заповѣдей Божіихъ произвели на народъ впечатлѣніе непобѣдимаго ужаса. Отчаянный плачъ заглушалъ слова чтецовъ. Привязанность къ земнымъ радостямъ протестовала безсильными слезами противъ суровой религіи, исполненной мрака и холода. Такое явленіе вполнѣ понятно: въ извѣстномъ смыслѣ, оно можетъ даже вызвать къ себѣ сочувствіе. По крайней мѣрѣ, *по человѣчеству* историкъ скорѣе готовъ стать на сторону тоскующей и плачущей толпы іудеевъ, нежели оправдать тѣхъ священниковъ и левитовъ, которые старались сгладить тяжелое впечатлѣніе отъ новаго закона, посылая народъ къ сладкимъ праздничнымъ яствамъ (Неем. 8, 1—12. 2 Эзр. 9, 45—55). Но нужно помнить, что строгій и мелочный законъ, являясь непроницаемой оградой вокругъ іудеевъ, одинъ только могъ спасти ихъ общину отъ разложенія. Для еврейства онъ былъ средствомъ самосохраненія: поэтому и покорность ему со стороны народа вызывалась требованіями исторической необходимости.

Съ иной, болѣе непосредственной точки зрѣнія, разсматривалъ эту покорность авторъ книги пророка *Іоиля*, жившій уже послѣ 444-го года [2]).

Для него благочестіе іудеевъ — вѣрный залогъ процвѣтанія дома Израилева — процвѣтанія, повидимому, прежде всего *матеріальнаго*. Утѣшая народъ, опечаленный опустошеніемъ, которое произвела въ странѣ саранча [3]), Іоиль обѣщаетъ, что скоро пошлетъ Ягве Израилю хлѣбъ и вино и елей (Іоиль, 2, 19), дастъ дождь въ мѣру (Іоиль, 2, 2, 3), наполнитъ гумна хлѣбомъ и подточилія виноградными сокомъ (Іоиль 2, 27). И „до сытости будете ѣсть и

---

[1]) Возраженія противъ достовѣрности традиціоннаго разсказа о реформѣ Эзры см. у *Cheyne*, Das religiose Leben der Juden, 55 сл.

[2]) Ср. *Cornill*, Einleitung, 171; *Kuenen*, O. c. II, 340; *M. Vernes*—Melanges de crit. relig. 218. *Idem*, Histoire des idées messianuque. 13.

[3]) *Reuss*, Les prophetes I, 72, пр. 12.

насыщаться" говоритъ онъ, „и славить имя Ягве, который дивное содѣлалъ съ вами—и не посрамится народъ Мой во вѣки" (Іоиль 2, 26). Пророкъ вспоминаетъ про бѣдствія, которыя терпитъ Израиль—и, вотъ, будущее благоденствіе избраннаго племени получаетъ въ глазахъ его смыслъ утѣшенія. „Я соберу всѣ народы", говоритъ Ягве, „и приведу ихъ въ долину Іосафата и тамъ произведу надъ ними судъ за народъ Мой и за наслѣдіе Мое—Израиля, который они разсѣяли между народами и землю Мою раздѣлили. И о народѣ Моемъ бросали жребій, и отдавали отрока за блудницу, и продавали отроковицу за вино, и пили (Іоиль 3, 2, 3). Вотъ, Я подниму ихъ изъ того мѣста, куда продали ихъ, и обращу мзду вашу на голову вашу" (Іоиль 3, 7)—грозитъ Ягве язычникамъ... „Толпы, толпы въ долинѣ суда!.. Солнце и луна померкнутъ, и звѣзды потеряютъ блескъ свой. И возгремитъ Ягве съ Сіона и дастъ гласъ свой изъ Іерусалима, содрогнется небо и земля; но Ягве будетъ защитою для народа Своего и обороной для сыновъ Израилевыхъ (Іоиль 3, 14 — 17). Іуда будетъ жить вѣчно, а Іерусалимъ—въ роды родовъ" (Іоиль, 3, 20).

Въ проповѣди Іоиля слѣдуетъ отмѣтить *два* весьма существенныя особенности. Во-первыхъ, начертанное имъ идеальное будущее носитъ чисто *земной* характеръ. Изобиліе плодовъ земли — хлѣба, вина и елея, которыми будетъ насыщаться Израиль—вотъ, какъ понимаетъ пророкъ благоденствіе своего народа... Этого мало. Іоиль совершенно *чуждъ обличительнаго тона* въ обращеніи своемъ къ Израилю. Вѣроятно, объясняется это тѣмъ, что пророкъ писалъ свою книгу уже послѣ 444-го года — въ эпоху слѣдовательно, когда положенія религіознаго закона уже окончательно пріобрѣли для іудейства значеніе безусловныхъ нормъ жизни, и въ общинѣ вѣрныхъ Ягве установился порядокъ, соотвѣтствующій требованіямъ заповѣдей Божіихъ. Представитель поколѣнія, съ дѣтства привыкшаго въ суровой религіозной дисциплинѣ исполнять предписанія закона, Іоиль за внѣшнимъ, формальнымъ благочестіемъ своихъ современниковъ не видитъ другихъ недостатковъ іудейства... Въ глазахъ его племя Израиля уже достойно награды за свою вѣрность завѣтамъ Ягве; Іоиль грозитъ *только язычникамъ*, которые притѣсняютъ избранный народъ; ихъ только онъ обличаетъ и осуждаетъ. Въ этомъ — существенное отличіе Іоиля отъ тѣхъ лучшихъ представителей ветхозавѣтнаго пророчества, которые, не зная еще *догматическихъ* положеній религіи, сами были носителями и *творцами* живой вѣры, развивавшейся въ средѣ избраннаго народа; поэтому они постоянно

вносили въ оцѣнку современности субъективное, личное настроеніе, которое неизбѣжно вступало въ конфликтъ съ условіями дѣйствительности; такъ создавался типъ *пророковъ-обличителей*. Пророкъ изъ общины іудейской послѣ 444-го года, Іоиль не можетъ уже, оцѣнивая дѣйствительность, руководиться при этомъ голосомъ внутренняго чувства: онъ ограничивается тѣмъ, что наблюдаетъ, насколько современная жизнь удовлетворяетъ формальнымъ требованіямъ закона,—и соотвѣтственно выводамъ изъ этихъ сопоставленій произноситъ приговоръ надъ людьми и вещами... Эпоха, непосредственно слѣдовавшая за реформою Эзры, была медовымъ мѣсяцемъ преданности закону: іудеи всѣми силами старались выполнять обязанности вѣры и благочестія — и естественно, что пророкъ, который видѣлъ такое религіозное рвеніе, говорилъ своимъ соотечественникамъ не о карахъ Божіихъ, а о наградахъ, ожидающихъ ихъ въ самомъ близкомъ будущемъ.

Что довольство Іоиля современнымъ порядкомъ вытекало изъ дѣйствительныхъ условій эпохи, доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что однородное настроеніе замѣтно и у другого пророка того же времени—именно, у *Авдія* [1]). Только съ этой стороны и любопытна для насъ маленькая книга упомянутаго пророка. Въ рѣчи своей противъ Эдома, радовавшагося гибели сыновъ Іуды и расширявшаго ротъ въ дни бѣдствій ихъ (Авд. ст. 13), или въ предсказаніяхъ дня, когда на горѣ Сіона будетъ спасеніе, и станетъ она святыней, откуда установитъ Мессія царство Божіе, (Авд. ст. 17, 21)—Авдій не обнаруживаетъ ничего новаго или оригинальнаго. Поэтому и нѣтъ надобности останавливаться дольше на его краткомъ произведеніи.

Уже пророкъ Іоиль знаетъ о „сынахъ Эллиновъ" (Іоиль 3, 6), которымъ язычники продавали въ рабство плѣнныхъ іудеевъ. Но ни онъ, ни Авдій не подозрѣваютъ еще того, какое значеніе въ исторіи народовъ Востока будутъ имѣть современемъ греки. Ни тотъ, ни другой не догадываются о возможности борьбы между Азіей и Европой – борьбы, которая повлечетъ за собою невиданную еще комбинацію всемірно-историческихъ силъ...

Однако, уже у ближайшаго за ними представителя пророчества— т. е. у *анонимнаго автора гл. 24—27* традиціонной книги Исаіи [2]) сказывается смутное предчувствіе великой катастрофы. Вѣроятно, эти главы написаны незадолго до того времени, когда побѣдоносное

[1]) *Cornill*, Einleitung 178. *Wellhausen*, Skizzen 5, 205.

[2]) *Smend*. Anmerkungen zu Ies. 24—27. (Z. A. T. W. IV 1889) 161—224 *Idem*—Lehrbuch. 505. *Cornill*, D. isr. Proph. 164. Vatke, Einleitung, 623.

шествіе царя Македонскаго по Азіи и Африкѣ открыло для народовъ Востока новую эру—эпоху *эллинизма*. Разумѣется, это движеніе не могло пройти безслѣдно для Израиля.

Передъ наступленіемъ кризиса пророческая мысль всегда обнаруживала наибольшую силу и высшую красоту... Несмотря на очевидное вліяніе на неизвѣстнаго автора (Ис. гл. 24—27) іерократическаго начала (Ис. 24, 2), несмотря на вѣру его въ воскресеніе мертвыхъ, воспринятую іудействомъ подъ воздѣйствіемъ языческихъ представленій [1]), несмотря, наконецъ, на ненависть его къ Моаву—слишкомъ рѣзко звучащую среди его задушевной рѣчи (Ис. 25, 7—12)—въ этихъ замѣчательныхъ четырехъ главахъ какъ бы возрождается пророчество лучшихъ, невозвратно минувшихъ временъ... Близится день, „когда выйдетъ Ягве изъ жилища своего наказать жителей земли за ихъ беззаконія, когда земля откроетъ поглощенную ею кровь и не скроетъ убитыхъ (26, 21), когда потрясетъ Ягве все отъ великой рѣки до потока Египетскаго, когда понесутся торжествующіе крики съ моря (Ис. 24, 14). Но буря не коснется Израиля. „Пойди, народъ Мой", говоритъ Ягве, „войди въ покои твои и запри за собою двери твои, укройся на мгновеніе, покуда не пройдетъ гнѣвъ (Ис. 26, 20). Минуетъ гроза, и сдѣлаетъ Ягве Саваоѳъ на горѣ сей для всѣхъ народовъ пиръ изъ тучныхъ яствъ, пиръ изъ старыхъ винъ, самыхъ чистыхъ. И раздеретъ на горѣ сей печальное покрывало, покрывавшее всѣ народы,—покрывало, лежавшее на всѣхъ племенахъ. *Истребитъ на вѣки смерть и отретъ Ягве слезы со всѣхъ лицъ* и посрамленіе народа Своего сниметъ" (Ис. 25, 6—8). Израиль—виноградникъ возлюбленный Ягве (Ис. 27, 2)—облекается въ глазахъ пророка ореоломъ святости. Словно позабывая про беззаконное прошлое „жестоковыйнаго" народа, авторъ гл. 24—27 книги Исаіи говоритъ о томъ, какъ въ бѣдствіяхъ искалъ Израиль Бога, изливалъ тихія моленія, когда наказаніе постигало его (Ис. 26, 16). И вотъ—гнѣва нѣтъ въ Ягве на благочестивую общину, очищенную страданіями отъ грѣха (Ис. 27,8,9), общину праведныхъ, хвалящихъ истину (Ис. 26, 2)... Говоритъ-ли пророкъ объ отдаленномъ будущемъ? Мечтаетъ-ли онъ о лучшихъ людяхъ и дняхъ?.. Едва-ли. Повидимому, и онъ, какъ Іоиль и Авдій, находитъ, что благочестіе іудейской общины уже теперь достойно высшей награды. Законъ, данный ей Эзрой, свято исполняется вѣрующими—чего-же больше?.

Конечно, было время, когда формальное благочестіе призна-

[1]) Ис. 26, 19. Ср. Graetz, O. c. II, 2, 203.

валось далеко не достаточнымъ... „Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ?“ спрашивалъ Ягве устами Исаіи. „Я пресыщенъ всесожженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота; и крови тельцовъ, и агнцевъ, и козловъ не хочу. Когда вы приходите передъ лицо Мое, кто требуетъ, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите болѣе даровъ тщетныхъ: куреніе отвратительно Мнѣ; новомѣсячій и субботъ, праздничныхъ собраній не могу терпѣть; беззаконіе и празднованіе“ (Ис. 1)!.. Была пора, когда такія рѣчи будили отзвукъ въ сердцахъ лучшихъ людей Израиля. Но пришли иныя времена, явились новые люди, - и тамъ, гдѣ горькія слова Исаіи прозвучали-бы рѣзкимъ диссонансомъ, пророками оказались тѣ, которые были не болѣе, какъ „наставниками въ истинномъ законѣ“... Іоиль, Авдій и авторъ Ис. 24—27 не шли далѣе такого рода дѣятельности. Всѣ трое—дѣти одной эпохи. Всѣ они—представители іудейства, удовлетворяющагося формальной святостью, которая сосредоточивалась для него въ существующемъ законѣ.

Владиміръ Потемкинъ.

Два теченія въ еврейской жизни [1]).

Культурно-историческій очеркъ.

XIII.

Бештъ былъ сыномъ народа въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ простымъ рядовымъ евреемъ, ничѣмъ на первый взглядъ не выдѣляясь изъ „класса неучей". Будучи бездомнымъ сиротой, онъ съ малыхъ лѣтъ жилъ въ нуждѣ и, чтобы прокормить себя и семью, онъ былъ поочередно глинокопомъ, меламедомъ, шинкаремъ. Большой ученостью онъ не блисталъ и въ пилпулѣ не отличался. За то онъ обладалъ качествами, весьма рѣдкими у тогдашнихъ раввиновъ. Это былъ человѣкъ чуткой, поэтической души, горячаго любвеобильнаго сердца; пламенная жизненная вѣра проникала все его существо, составляла весь смыслъ и цѣль его жизни и властно управляла всѣми его чувствами, мыслями и волей. Онъ весь горѣлъ религіознымъ экстазомъ, весь пылалъ любовью и благоговѣніемъ къ источнику жизни и добра. О той широкой гаммѣ чувствъ и настроеній, которую испытывала его впечатлительная, экзальтированная натура, лучше всего передаютъ его собственныя слова, приведенныя Цвейфелемъ въ интересной книгѣ „Миръ во Израилѣ": „Все, что я внесъ новаго,—говоритъ Бештъ,—въ области религіи, или что заимствовалъ отъ другихъ—все это глубоко запрятано въ моемъ сердцѣ и вѣдомо одному только Всевышнему; все же то, что я по временамъ проповѣдую по религіознымъ вопросамъ другимъ людямъ, является лишь простымъ избыткомъ, невольно вылившимся изъ вмѣстилища моего духа, какъ выливается малая часть воды изъ сосуда, наполненнаго черезъ край" [2]).

---

[1]) См. „Кн. Восх.", октябрь.

[2]) Миръ во Израилѣ ч. I стр. 50: ומא שאני אומר לפעמים דת לאחרים הם רק מהמותרות, כמו כלי שמלאים אותו ביותר, ונשפך מכמעלה מעט.

Доминирующую роль въ выработкѣ міровоззрѣнія Бешта играла мистическая каббала. Она какъ нельзя лучше подходила для этой глубоко религіозной, экзальтированной и мистически настроенной натуры. И всю ту своеобразную смѣсь нравственно этическаго, магически - чудеснаго и философски - метафизическаго, чѣмъ такъ отличается каббала — все это мы встрѣчаемъ и въ міровоззрѣніи Бешта, но въ совершенно другой, болѣе простой, болѣе ясной и народно понятной формѣ. Таинственный, полный намеками и недомолвками языкъ каббалы, которымъ она пытается разрѣшить важнѣйшіе міровые вопросы и задачи человѣческой жизни, поднимаясь до высоты трансцендентальной метафизики—у Бешта принимаетъ поразительно рельефныя, чисто народныя формы. Любимѣйшая форма изложенія Бешта—это притча, порою высоко поэтическая, порою обыденно будничная, но всегда мѣткая, образная, вполнѣ доступная уму простолюдина.

Вся система Бешта проникнута тѣмъ же религіознымъ пантеизмомъ, что каббала. И Бештъ объясняетъ себѣ происхожденіе міра эманаціей Божества. Все существующее во вселенной является воплощеніемъ единаго божества въ „различныхъ одѣяніяхъ“ [1]). Все едино, вся вселенная во всемъ ея разнообразіи, создана какъ бы изъ самой единой божественной сущности הכל נברא ונעשה כביכול מיניה וביה [2]) מעצמותו בכך Міръ изъ Бога и въ Богѣ. Богъ единъ, несмотря на безконечное разнообразіе образовъ и формъ, въ которыхъ Онъ проявляется

Оставаясь вѣрнымъ пантеистическимъ воззрѣніямъ каббалы, Бештъ, подобно послѣдней, не признаетъ рѣзкаго дуализма между матеріей и духомъ. У каббалы, какъ мы указали раньше, матерія не является чѣмъ-то самостоятельнымъ, а тѣмъ же духомъ, только въ менѣе просвѣтленномъ видѣ, съ меньшимъ запасомъ живительныхъ лучей, испускаемыхъ источникомъ жизни, свѣта, энергіи—Первопричиной. И матеріальные элементы („келипотъ“) не мертвая, безжизненная масса, и они одухотворены божьимъ свѣтомъ, хотя и въ болѣе скудной степени.

Во всемъ, что есть въ мірѣ, учитъ Бештъ, заключаются божественныя искры, даже въ деревьяхъ и камняхъ. Пусть человѣкъ знаетъ, что когда онъ смотритъ на матеріальныя вещи, онъ въ

---

[1]) הקבה מסתתר בכמה לבושין וכסויין — эта фраза повторяется много разъ въ изреченіяхъ Бешта; см. „Вѣнецъ добраго имени стр. 7, 9 и passim. (Цитир. по Лембергскому изд. 1858 г.).

[2]) „Вѣнецъ“ etc, 6-а, 11-б. и passim.

сущности всматривается въ ликъ Господа Бога, въ вещахъ присутствующаго. Эту идею всебожія Бештъ выразилъ въ слѣдующей прекрасной притчѣ, которую Цвейфель передаетъ въ своей книгѣ [1]). Нѣкій могущественный царь построилъ огромнѣйшій дворецъ съ безчисленнымъ множествомъ комнатъ, расположенныхъ такъ, что одна находилась внутри другой. Сообщались между собой комнаты дверьми, которыя находились въ одномъ продольномъ направленіи и расположены были одна противъ другой, такъ что, когда онѣ были открыты, можно было видѣть черезъ нихъ все пышное убранство комнатъ внутри. Царь обыкновенно находился въ самой отдаленной центральной комнатѣ, очень далеко отъ зрителей. Когда постройка дворца была окончена, созваны были всѣ сановники и государственные люди для осмотра чуднаго зданія, въ присутствіи царя. Но какъ только они собрались и остановились у первыхъ наружныхъ дверей, сразу закрылись всѣ двери, всѣ входы и выходы дворца—и гости увидѣли передъ собой лишь рядъ стѣнъ, за которыми ничего не видать было. И стояли они долго, недоумѣвая въ чемъ дѣло. Тогда вышелъ къ нимъ царскій сынъ и сказалъ: Развѣ вы не знаете, что мой отецъ—величайшій изъ мудрецовъ, обладаетъ къ тому еще и даромъ волшебства? Такъ знайте же, что никакого дворца тутъ нѣтъ, а все это—весь дворецъ со всѣми его украшеніями, лишь фантомъ, обманъ зрѣнія. Передъ вами открытое со всѣхъ сторонъ мѣсто, не застроенное и не загороженное, передъ вами же отецъ мой, великій царь, котораго вы не видите только потому, что вы очарованы его волшебствомъ и ваши глаза покрыты какъ бы пеленою. Таковъ и весь видимый міръ. Все, что мы видимъ и ощущаемъ какъ нѣчто отдѣльное, самостоятельное—одинъ только оптическій обманъ. Внѣ и кромѣ Бога нѣтъ ничего; все слито съ Богомъ, вся видимая матерія—только одно изъ его проявленій; это его волшебная одежда, черезъ которую мы Его постигаемъ, но которая на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Словомъ, все есть персонифицированное божество, все есть Богъ, все существующее является Его одѣяніемъ, нѣтъ мѣста свободнаго отъ присутствія Божія [2]).

Проникнутый идеей абсолютнаго единства, Бештъ не только не видитъ рѣзкой границы между матеріей и духомъ, но и между

---

[1]) Міръ во Израилѣ ч. I. стр. 54-5. Та же притча, но въ болѣе сжатомъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ помѣщена и въ „Вѣнецъ" etc. стр. 6-a.

[2]) „Вѣнецъ" etc. 6-a לית אתר פנוי מיניה

зломъ и добромъ. „Шехина, говоритъ Бешт, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ творенія, все добро и зло включены въ ней; зло и добро не противоположны другъ другу, ибо зло является фундаментомъ добра". (הרע הוא כסא לטוב) [1]) Этотъ сынъ измученнаго, задавленнаго и преслѣдуемаго народа проповѣдуетъ своимъ братьямъ, видящимъ кругомъ разнузданный произволъ и насиліе—безпредѣльный оптимизмъ. „Зло въ мірѣ, поучаетъ Бешт, есть низшая степень совершеннаго добра" [2]). „Когда зло приноситъ добро, оно становится фундаментомъ послѣдняго" [3]). Съ особой охотой Бешт возвращается къ высказанному каббалой положенію, что такъ какъ все едино, то всѣ „ступени творенія" стремятся и льнутъ другъ къ другу, дабы слиться съ болѣе высшимъ, болѣе совершеннымъ. Безжизненное стремится къ живому, живое къ человѣку, душа котораго безсмертна. Такимъ образомъ въ системѣ Бешта роль и значеніе природы значительно разнятся отъ обычнаго взгляда на природу, присущаго историческому іудаизму. Библейскій іудаизмъ разсматриваетъ природу, какъ безжизненную и безвольную массу, слѣпо исполняющую повелѣнія Всевышняго. У каббалы же и у Бешта природа является неразрывной частью цѣлаго, которая трепещетъ всѣми фибрами жизни и жадно стремится къ свѣту и совершенству. И въ этомъ стремленіи къ высшему, въ этой неразрывной связи между низшими мірами и высшими, человѣческая личность играетъ доминирующую роль. Эта идея, занимающая и въ каббалѣ довольно видное мѣсто, въ системѣ Бешта играетъ особенно выдающуюся роль. Человѣкъ одухотворяетъ все кругомъ, онъ возвращаетъ всѣ затемненныя искры божественнаго свѣта, имѣющіяся въ матеріальныхъ сферахъ—къ ихъ первоисточнику. Лишь человѣкъ придаетъ цѣнность всему существующему. Онъ связующее звено между низшими и высшими мірами, только при помощи человѣка божество пріобрѣтаетъ свое величіе, лишь черезъ человѣка величіе это проявляется [4]). Не только божество вліяетъ на человѣческія дѣла, но человѣческіе поступки всегда вліяютъ также обратно на божество и на всю вселенную.

„Человѣкъ, говоритъ Бешт, долженъ помнить, что онъ является лѣстницей, стоящей на землѣ, вершина которой доходитъ

[1]) Цвейфель l. c. 18.

[2]) הרע שבעולם הוא המדרגה התחתונה מהטוב הנמור.

[3]) „Вѣнецъ" etc. 11-б.

[4]) „Вѣнецъ" За: ומתת המלכות היא מצדינו ובידינו דהיינו שאנו מבירים גדולתו ומלכותו. ואז הוא נשלם במדת מלכותו. כי אין מלך בלא עם שמחמת העם נתגלה המלכות ויש להקבה תענוג גדול בזה.

до небесъ; всѣ его дѣла и поступки, всѣ его слова производятъ соотвѣтствующее измѣненіе въ высшихъ сферахъ" [1]). Всякій добродѣтельный поступокъ человѣка, всякое нравственное дѣяніе, увеличиваетъ божій свѣтъ, божественную энергію, поступки же дурные, безнравственные, уменьшаютъ свѣтъ, вносятъ дисгармонію. „Когда человѣкъ жалостливъ здѣсь внизу, тогда жалость пробуждается во всѣхъ небесныхъ сферахъ [2]). Человѣкъ поэтому во всѣхъ своихъ поступкахъ, даже въ мелочахъ, можетъ служить Богу, ибо и въ этихъ мелочахъ проявляются искры божества [3]). И это служеніе божеству долженъ и можетъ выполнить каждый рядовой, не полагаясь вовсе на „героя" [4]).

Молитва, играющая огромную роль въ системѣ каббалы, занимаетъ и въ міровоззрѣніи Бешта такое же центральное мѣсто. У Бешта молитва является самымъ могучимъ орудіемъ, которымъ человѣкъ оказываетъ вліяніе на божество и на вселенную. Но молитва, не машинальная, не заученная, а выливающаяся изъ глубины души, являющаяся священнымъ, восторженнымъ порывомъ къ нему, слияніемъ человѣческой души съ творческимъ началомъ— первоисточникомъ жизни [5]).

Демократъ до мозга костей, Бештъ съ еще большей рѣзкостью, чѣмъ творцы Зогара, выступаетъ противъ представителей духовнаго аристократизма, противъ самонадѣянныхъ и смотрящихъ свысока на простолюдиновъ—ученыхъ (לומדים). Самъ простолюдинъ и человѣкъ массы, онъ чувствовалъ непріязнь къ тогдашней сухой казуистической раввинской эрудиціи. Его, человѣка горячей вѣры, глубоко возмущало заявленіе „ученыхъ", будто *изученіе* законовъ есть главное въ религіи, а не живое религіозное чувство, не молитвенный экстазъ, не нравственность. По мнѣнію Бешта, въ религіи первенствующая роль принадлежитъ чувству, а не уму, не знанію законовъ, а сознательному исполненію ихъ. Религія не стремится познавать, не въ томъ ея назначеніе; ея глубочайшіе корни не въ мышленіи, но въ чувствѣ и волѣ, направленныхъ на облагораживаніе человѣка. Внутреннее сознаніе выше внѣшняго знанія; не умственный, а нравственный элементъ составляетъ сущность религіи, не голова, а сердце есть вмѣстилище чистой вѣры.

---

[1]) „Вѣнецъ" etc. 14-б.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid 11-б и passim.
[4]) „Вѣнецъ" etc. 3 б.
[5]) „Молитва это своего рода совокупленіе съ божествомъ", говоритъ Бештъ. „Вѣнецъ" etc. стр. 44-а и passim.

Ученіе имѣетъ значеніе только какъ *средство* къ возбужденію религіознаго чувства, а не какъ самодовлѣющая цѣль; тотъ же, кто утверждаетъ послѣднее, не лучше грѣшника, вовсе не признающаго законы. „Есть два разряда людей, говоритъ Бештъ. Есть люди безусловно грѣшные, умышленно нарушающіе заповѣди Божіи. Но есть также люди, которые по наущенію лукаваго сами себя считаютъ и также и другіе ихъ считаютъ праведниками на томъ основаніи, что они постоянно изучаютъ законъ, постятся и молятся. На самомъ же дѣлѣ всѣ ихъ труды напрасны, ибо имъ не достаетъ горячей привязанности къ Богу, полной вѣры, возможности постояннаго общенія съ Творцомъ; они не понимаютъ какъ слѣдуетъ учить, молиться и служить Богу, они упускаютъ самую суть вѣры. Разница между этими людьми и явными грѣшниками та, что послѣдніе по искреннемъ покаяніи могутъ еще возвратиться къ Богу; первые же неисправимы, ибо слишкомъ ослѣплены, чтобы видѣть истину, считаютъ самихъ себя праведниками, а потому и не думаютъ каяться въ своихъ заблужденіяхъ [1]). Бештъ считалъ большой „низостью“ (פחיתות ושפלות) оказывать почетъ человѣку за его отвлеченныя знанія, за его освѣдомленность въ раввинской литературѣ, а не за его этическіе и нравственные поступки. Человѣкъ горячей вѣры и глубокаго чувства, онъ ополчался не только противъ схоластической мудрости, но и противъ мертвящей обрядности. „Пусть вѣрующій, говоритъ онъ, не обращаетъ вниманія на лишнія мелочи при исполненіи заповѣдей, ибо сіе есть замыселъ лукаваго, чтобы застращать человѣка сложностью обрядовъ, поселить скорбь въ его сердцѣ и тѣмъ препятствовать ему добромъ служить Богу. Если даже человѣкъ совершилъ грѣхъ, онъ не долженъ слишкомъ сокрушаться, а лучше пусть, огорчившись сдѣланнымъ, искренно покается въ сердцѣ своемъ и затѣмъ опять возрадуется въ Господѣ... Вообще, во всѣхъ дѣлахъ человѣкъ долженъ руководиться однимъ—стремленіемъ по возможности угодить Богу и доставлять ему удовольствіе добрыми дѣяніями. Все сказанное здѣсь—великія и драгоцѣнныя правила, составляющія главныя основы вѣры“.

Интересной иллюстраціей къ этому изреченію можетъ служить слѣдующій разсказъ, приведенный въ „Мифалотъ Гацадикимъ“ [2]). Одинъ еврей нечаянно нарушилъ святость субботы. Каясь въ своемъ невольномъ грѣхѣ, онъ обратился къ одному раввину съ просьбой, наложить на него эпитемію. Строгій раввинъ велѣлъ

[1]) Цит. по Дубнову. „Возникн. хасид.“ „Восходъ“ 1889 кн. IX стр. 5.
[2]) Стр. 31—3.

ему кататься голымъ по снѣгу и въ ненастную погоду сидѣть продолжительное время въ холодной водѣ. Еврей этотъ, чувствуя, что его организмъ слишкомъ слабъ для такого самоистязанія, направился къ Бешту. Тотъ выслушалъ его и сказалъ: купи фунтъ свѣчей и снеси ихъ наканунѣ субботы въ синагогу и грѣхъ твой будетъ вполнѣ искупленъ, ибо главное не самобичеваніе, а искреннее сердечное покаяніе".

Ставивъ въ религіи мораль выше культа, чувство убѣжденія выше мертваго обряда, Бештъ рѣшительно возставалъ противъ умерщвленія плоти, противъ усиленныхъ постовъ и самобичеванія, ибо это разрушаетъ тѣло, а здоровье и бодрость духа необходимы для служенія Богу.

„Спросили Бешта, разсказываетъ внукъ послѣдняго, р. Борухъ, въ чемъ заключается сущность богослуженія? Мы знаемъ вѣдь по разсказамъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, какъ въ былыя времена сподвижники постились отъ субботы до субботы, вы же отмѣнили все это, заявляя, что всякій, кто умерщвляетъ свою плоть, тотъ совершаетъ грѣхъ, ибо онъ причиняетъ страданія своей душѣ. И отвѣтилъ Бештъ: Я явился къ вамъ указать вамъ другой путь: въ трехъ вещахъ долженъ упражняться человѣкъ—въ любви къ Богу, въ любви къ еврейскому народу и въ любви къ Торѣ, а посты не нужны" [1]). „Въ больномъ тѣлѣ живетъ и больная душа [2]). Кто бичуетъ свою плоть этимъ самымъ бичуетъ и свою душу [3]). Не печалью, а радостью и весельемъ надо служить Творцу, и молитву надо совершать радостно и весело, только тогда молитва разбиваетъ оболочку земного существа и поднимаетъ вѣрующаго къ Богу. Плачъ же при молитвѣ дѣло не хорошее, ибо человѣкъ долженъ служить Господу Богу въ радости и только тѣ слезы хороши, которыя происходятъ отъ избытка восторга" [4]). Но, поучаетъ Бештъ, и къ этому пункту онъ возвращается многократно, служить Богу можно не одной только молитвой. Такъ какъ Богъ проявляется во всѣхъ вещахъ, такъ какъ во всемъ тлѣетъ искра Божія, человѣкъ своими нравственными поступками можетъ воспламенить эти тлѣющія искры и вознести ихъ къ Всевышнему, а человѣкъ, „мысленно возносящій матеріальныя вещи къ ихъ Творцу", тотъ этимъ какъ бы совершаетъ молитву. Иной разъ даже простой будничный разговоръ на базарѣ равносиленъ мо-

[1]) Hagoren III p. 138.
[2]) כאשר גופו חולה גם נשמתו נחלשת
[3]) מי שמענה גופו ומחסרו, הוא מחסר גם נפשו.
[4]) אם הבכיה מחמת שמחה אז טוב מאוד.

литвѣ [1]), если только есть внутреннее чувство и душевный порывъ [2]). Безъ душевнаго порыва и религіозные обряды не имѣютъ никакой цѣнности. Опредѣленныя формы внѣшняго поведенія имѣютъ значеніе не внѣшняго поведенія самого по себѣ, а только какъ выразитель внутренняго нравственнаго настроенія. Для нравственнаго поведенія это имѣетъ рѣшающее значеніе [3]). Высокая нравственность—вотъ цѣль и сущность религіи. Справедливыя честныя отношенія между людьми—главная религіозная основа общежитія. Въ то время, какъ раввинизмъ училъ рабскому послушанію мертвой буквѣ закона, Бештъ видѣлъ жизнь во всей природѣ всюду онъ видѣлъ „ступени", по которымъ нравственная личность, проникнутая живымъ религіознымъ чувствомъ, можетъ подняться къ совершенству, къ божеству. Этотъ малосвѣдущій, опутанный предразсудками человѣкъ мечталъ о гармоніи личности, о божественно прекрасномъ человѣкѣ, „головой упирающемся въ небеса" и одухотворяющемъ своимъ божественнымъ свѣтомъ всю природу. Онъ мечталъ о счастливомъ человѣкѣ, не загнанномъ, изуродованномъ и оплеванномъ. Но его идеалъ такъ мало соотвѣтствовалъ печальной, незавидной дѣйствительности. И вотъ, этотъ фанатикъ-мечтатель старается создать миражъ счастья самозабвеніемъ, отрицаніемъ существующаго зла. Религіознымъ оптимизмомъ онъ пытается утишить боль отъ причиняемыхъ обидъ и насилій, всѣми презираемому парію онъ пытается внушить уваженіе къ собственной личности, онъ объявляетъ печаль и уныніе грѣхомъ, а веселье богоугоднымъ дѣломъ [4]). Если кругомъ одолѣваютъ враги, надо жить сплоченной семьей на основахъ товарищества и взаимности. Какъ бы ужасна ни была дѣйствительность, человѣкъ не долженъ терять радостнаго настроенія, его не долженъ покинуть ничѣмъ не поколебимый „бетохонъ" (упованіе), что все къ лучшему, *должно* измѣниться къ лучшему. Пусть только человѣкъ вѣруетъ, вѣруетъ глубоко, безгранично, и онъ будетъ спасенъ, непремѣнно *долженъ* быть спасенъ. Исто-

[1]) „Вѣнецъ" etc. стр. 41-а.

[2]) „Я слышалъ отъ покойнаго дѣда моего, разсказываетъ внукъ Бешта Эфраимъ Седулковскій, что даже пѣсни, называемыя Lieder, которыя поютъ „амей-гоорецъ" (т. е. коренные жители, малороссы) заключаютъ въ себѣ чувства любви и благоговѣнія, вдохновляющія человѣка свыше, выражающіяся лишь въ болѣе низкихъ формахъ".

[3]) „Миръ" etc. ч. I стр. 17.

[4]) Основъ хасидизма, заявляетъ одинъ изъ учениковъ Бешта, три: скромность, веселье и восторженность при молитвѣ" („Миръ во Изр." р. 30).

рикъ хасидизма, Дубновъ, называетъ это „религіознымъ гипнозомъ“. Но вѣдь у основателя хасидизма не было и не могло быть другого лѣкарства для страждущихъ братьевъ.

Вся Бештова система была направлена противъ омертвѣлаго, но самонадѣяннаго раввинизма, и не удивительно, что много Бештовыхъ изреченій насквозь проникнуты непріязненнымъ чувствомъ къ „ученымъ“, къ раввинамъ. „Злой искуситель, ѣдко замѣчаетъ Бештъ, не уговаривалъ человѣка вовсе не заниматься ученіемъ, такъ какъ искуситель знаетъ, что его никто не послушаетъ изъ боязни, что, если остаться неучемъ, придется потерять почетъ и уваженіе у окружающихъ. Поэтому искуситель уговариваетъ человѣка изучать только одинъ талмудъ и его комментаріи, а не необходимыя для богобоязненной нравственной жизни нравоучительныя книги или краткій сводъ законовъ (Шулханъ-Арухъ)“ [1]). Въ этихъ ѣдкихъ словахъ уже весьма рѣзко звучитъ протестъ противъ высокомѣрныхъ представителей раввинизма, смотрящихъ свысока на несвѣдущую или малосвѣдущую массу. Характерно также и отношеніе Бешта къ дѣлу пресловутаго Якова Франка. Какъ извѣстно, подвергнутые раввинами анаѳемѣ франкисты обратились къ покровительству каменецкаго архіепископа Дембровскаго; тогда произошелъ знаменитый „диспутъ“, за которымъ послѣдовало сожженіе талмуда, а черезъ пару лѣтъ произошелъ второй „диспутъ“ франкистовъ съ раввинами. Въ этомъ второмъ диспутѣ Бештъ, какъ популярная личность, участвовалъ въ качествѣ одного изъ представителей раввиновъ. Легендарное жизнеописаніе Бешта повѣствуетъ объ отношеніи Бешта къ этому печальному въ жизни польскихъ евреевъ инциденту слѣдующее: „И припалъ онъ (Бештъ) къ святому кивоту и воскликнулъ: Горе! у насъ хотятъ отнять нашъ законъ! Какъ сможемъ мы просуществовать безъ него среди народовъ“! И негодовалъ онъ очень на раввиновъ и сказалъ, что все это изъ-за нихъ, ибо они выдумываютъ разныя небылицы и творятъ неправедное“ (שבורים שקר מלבם בהקדמות שקרים) [2]). Бештъ находилъ, что раввины своимъ поведеніемъ сами усилили расколъ и не оставили франкистамъ другого выхода какъ принять христіанство. „И сказалъ Бештъ, читаемъ мы въ томъ же жизнеописаніи, что сама „Шехина“ рыдаетъ, заявляя, что пока органъ еще не отрѣзанъ, можно надѣяться на его излѣченіе, но разъ онъ отрѣзанъ, тогда

[1]) „Миръ etc.“ ч. I. стр. 6.

[2]) „Восхваленіе Бешта“ изд. 1885 стр. 16—17.

всякая надежда потеряна, а вѣдь каждая еврейская душа есть органъ шехины" [1]). Послѣдняя мысль встрѣчается очень часто въ изреченіяхъ Бешта. „Тотъ, кто погубилъ одну еврейскую душу, говоритъ Бештъ въ другомъ мѣстѣ, погубилъ какъ бы цѣлый міръ, а кто отстаиваетъ одну еврейскую душу, тотъ какъ бы отстоялъ цѣлый міръ" [2]).

Эта уваженіе къ личности и горячая любовь къ еврейской народной массѣ слышится во многихъ изреченіяхъ этого замѣчательнаго человѣка. Онъ потому и сталъ въ оппозиціи къ духовному аристократизму, что такъ любилъ бѣдную забитую массу, близко зналъ ея нужды и болѣлъ ея страданіями. Однажды Бештъ, проведя субботу въ одномъ мѣстечкѣ, узналъ, что тамъ въ синагогѣ говоритъ проповѣдникъ, который особенно яростно бичуетъ пороки и грозитъ своимъ слушателямъ всѣми муками ада. Бештъ разсердился, и когда вѣсть о гнѣвѣ святого мужа дошла до публики, собравшейся въ синагогѣ, та стала расходиться и прежде чѣмъ проповѣдникъ успѣлъ закончить свою проповѣдь, синагога уже опустѣла. Узнавъ въ чемъ дѣло, проповѣдникъ явился на слѣдующій день къ Бешту и спросилъ, чѣмъ онъ вызвалъ его гнѣвъ. „Тогда, гласитъ преданіе, Бештъ всталъ, изъ глазъ его брызнули слезы и онъ воскликнулъ: Напрасно ты ругаешь евреевъ. Смотри, бѣдный еврей весь божій день бѣгаетъ, суетится, дабы въ потѣ лица заработать кусокъ хлѣба; но какъ только настаетъ вечеръ, онъ поспѣшно бросаетъ свои дѣла и, опасаясь пропустить время молитвы, забѣгаетъ въ ближайшій домъ, чтобы хоть наскоро помолиться. Онъ молится и отъ заботъ не знаетъ, что шепчутъ его уста и все-таки тамъ въ небесахъ весь хоръ ангеловъ содрогается, когда къ нимъ доносятся слова этой молитвы".

Особенно ярко рисуетъ личность Бешта и его міровоззрѣніе слѣдующее повѣствованіе, связанное съ поѣздкой Бешта въ Палестину, поѣздка, которая не была доведена до своей конечной цѣли, такъ какъ Бештъ по какимъ-то невѣдомымъ причинамъ вернулся съ дороги. И вотъ что повѣствуетъ сказаніе:

Когда Бештъ прибылъ наканунѣ Пасхи въ Стамбулъ, онъ очутился въ крайне стѣсненномъ положеніи. Отъ заботъ и дорожныхъ мытарствъ его духъ былъ опечаленъ, вслѣдствіе чего его покинуло вдохновеніе и онъ казался простымъ заурядным евреемъ. И увидѣла, повѣствуетъ сказаніе, сопровождавшая Бешта

[1]) „Восхв. Бешта" стр. 17—18.
[2]) „Вѣнецъ etc." стр. 36-а.

дочь его Удель, что изъ-за заботъ и матеріальной нужды, отецъ лишился вдохновенія, и горько заплакала. И слезы ея были услышаны, ее случайно встрѣтилъ одинъ богатый и благочестивый еврей, который сталъ упрашивать ее и отца ея зайти въ его домъ и быть его гостями. И какъ только Бештъ переступилъ порогъ дома и увидѣлъ роскошную обстановку, сразу исчезли его заботы, и сердце его переполнилось радостью; и засіяло лицо Бешта и опять вернулось къ нему вдохновеніе. Бештъ прилегъ и вздремнулъ. И смотрѣлъ хозяинъ на лицо спящаго гостя и удивился: изъ глазъ спящаго лились потоками слезы. И чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ, тѣмъ больше удивлялся: лицо спящаго поминутно мѣнялось, а слезы все лились безпрерывно, пока тотъ наконецъ съ крикомъ проснулся. Хозяинъ спросилъ Бешта, что онъ видѣлъ такое во снѣ. И повѣдалъ ему Бештъ: „Душа моя витала въ высшихъ сферахъ и слышалъ я, что евреевъ вскорѣ постигнетъ новая бѣда, что вышлютъ ихъ отсюда и предадутъ жестокимъ гоненіямъ и безпощадному избіенію. И заплакалъ я и сталъ умолять, чтобы отмѣнили эту ужасную „гзейру", но глухи остались къ моей мольбѣ. Тогда я рѣшился отдать Богу свою душу въ видѣ искупленія за братьевъ нашихъ, дабы не избивали ихъ и врагъ не глумился надъ ними. Но въ тотъ моментъ, когда я хотѣлъ пожертвовать собой, пробудилась жалость въ небесныхъ сферахъ и отмѣнили ужасную „гзейру", а за то что я былъ готовъ положить душу свою изъ-за любви къ братьямъ своимъ, мнѣ въ видѣ дара вернули душу мою и я проснулся" [1]). Только тотъ любитъ ближнихъ своихъ, кто готовъ отдать за нихъ душу свою, таково было глубокое убѣжденіе этого народнаго учителя жизни.

Нужно ли удивляться, что ученіе этого человѣка стало свѣтлымъ маякомъ для милліонной народной массы и что народная мечта, народная фантазія окружила память Бешта ореоломъ безсмертія [2])...

---

[1]) „Маасе-цадикимъ" 9—10.

[2]) Весьма характерно, что первый, кто далъ критическую оцѣнку *историческаго* значенія ученія Бешта, былъ не просвѣщенный ученый, а одинъ изъ рьяныхъ послѣдователей этого ученія Мендель Бодекъ въ своемъ сочиненіи „Седеръ гадоросъ геходошъ" („Новая генеалогія", вышла въ 1865 г.). Сопоставляя дѣятельность Бешта съ дѣятельностью знаменитаго каббалиста Исаака Лурье, авторъ пишетъ: „Нашъ учитель Бештъ довершилъ дѣло Лурье, открывая божественность въ нашемъ низшемъ мірѣ и во всѣхъ его явленіяхъ. Откровенія Лурье относятся къ высшимъ небеснымъ сферамъ съ

XIV.

Но не одна только простая народная масса, искавшая утѣшителя и учителя жизни пошла за Бештомъ и его ученіемъ. И наиболѣе впечатлительные и чуткіе представители мыслящей части еврейскаго народа, утомленные безплодной, сухой и мертвой ученостью раввинизма, не представляющаго никакого интереса ни для ума, ни для воображенія, искала болѣе занимательной духовной пищи—и они стали преданными адептами Бештова ученія. Примкнули къ хасидизму и тѣ, которые тяготились аскетически сухимъ ученіемъ раввинизма съ его мертвой обрядностью и ихъ не могъ не увлечь жизнерадостный хасидизмъ, который объявилъ беззаботное и беззавѣтное веселье, пѣніе и пляску богоугоднымъ дѣломъ, а печаль и грусть клеймилъ какъ преступленіе.

Но быстрый ростъ хасидизма не могъ понравиться раввинизму. Тотъ понялъ, какой опасностью для его существованія является это новое движеніе, и онъ рѣшилъ раздавить послѣднее въ самомъ

ихъ безконечнымъ свѣтомъ, Бештъ же показалъ намъ Бога здѣсь на землѣ, въ особенности въ человѣкѣ, въ которомъ нѣтъ ни единаго члена, ни одного поступка, которые не запечатлѣны божественной искрой, скрытой въ немъ; онъ открылъ намъ, что всюду, во всей вселенной нѣтъ мѣста, нѣтъ предмета, свободнаго отъ божества... И подобно тому, какъ появленіе Лурье было столь необходимо въ то время... точно такъ же стало настоятельной необходимостью для слѣдующихъ поколѣній появленіе такой великой возвышенной души какъ Бештъ, озарившей своимъ свѣтомъ всю землю. Въ былое время было много людей, которые всей душой служили Господу Богу и дни и ночи проводили надъ изученіемъ Его заповѣдей. Но въ болѣе позднее время большинство бѣднаго простого люда, живущаго въ постоянныхъ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ, который удается раздобыть лишь усиленнымъ трудомъ—забыло о Богѣ, оно блуждало во мракѣ, неозаренное Божьимъ свѣтомъ, вслѣдствіе невозможности отдаваться ученію. И даже ученый классъ людей не остался на высотѣ положенія, изученіе закона ихъ не подняло въ нравственномъ отношеніи, они не освободились отъ позорящихъ человѣка недостатковъ какъ надменность, ханжество, злость и жестокость... Но Всевышній, передъ Которымъ ничто не сокрыто, узрѣвъ тяжелое положеніе своего народа... послалъ намъ по великой милости своей святого, божественнаго учителя Бешта, который указалъ истинный путь бѣдному люду; онъ научилъ, какъ, живя въ постоянныхъ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ, можно приблизиться къ Богу. Онъ возродилъ и оживилъ нашу вѣру, главную основу которой онъ видѣлъ въ нравственномъ принципѣ и удаленіи зла" (стр. 7—8).

зародышѣ. Самый замѣчательный и типичнѣйшій представитель омертвѣлаго раввинизма—виленскій Гаонъ объявилъ крестовый походъ противъ этой „зловредной“ и „еретической“ секты, и грянулъ бой [1]). Началась тридцати-лѣтняя религіозная война, сопровождавшаяся всевозможными насиліями, гоненіями и доносами. Но цѣль не была достигнута. Раввинизму не только не удалось за это время раздавить ненавистный ему хасидизмъ, онъ даже не былъ въ силахъ остановить, хотя бы на время, побѣдное шествіе и быстрый ростъ юнаго движенія.

Но самъ хасидизмъ припялъ за этотъ періодъ борьбы и быстраго роста новыя формы, и Бештово ученіе подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Тутъ необходимо остановиться на одной особенности въ міровоззрѣніи Бешта. Какъ мы уже указали выше, каббала ставитъ очень высоко роль и значеніе „цадика“ въ мірѣ; она объявляетъ его „основой міра“ и т. д. Съ этимъ взглядомъ на роль цадика мы встрѣчаемся и въ ученіи Бешта. „Душа цадика,—говоритъ Бештъ,—часть Всевышняго“ [2]). „Кто восхваляетъ дѣянія цадика, тотъ какъ бы занимается изученіемъ тайнъ о Іезекіелевой колесницѣ“ [3]). „Въ блаженномъ грядущемъ, цадиковъ будутъ величать богами“. „Цадики посланники шехины“ (צדיקיא אינון שליחי דמטרוניתא).

Столь высокое значеніе, удѣляемое Бештовымъ ученіемъ праведникамъ, оказалось роковымъ для дальнѣйшаго развитія хасидизма. Создался особый культъ цадиковъ, граничащій съ простымъ идолопоклонствомъ. Вмѣсто раввинской аристократіи выступила новая аристократія—цадиковъ, которые претендовали на громадную власть надъ обоими мірами, надъ земной и небесной жизнью. Личность простого міряпина была подавлена этой огромной властью, между личностью и высшимъ существомъ сталъ вершитель судебъ цадикъ „любимецъ Бога“, непогрѣшимый, какъ папа, безъ согласія котораго никто изъ смертныхъ не можетъ вступить въ царство небесное.

Рядомъ съ этимъ теченіемъ въ хасидизмѣ обозначилось и другое теченіе, исходнымъ пунктомъ котораго являются метафизико-спекулятивные элементы хасидизма. Представителей этого теченія интересовала въ хасидизмѣ главнымъ образомъ его философская сторона и они стремились сдѣлать изъ хасидизма сухое отвлечен-

[1]) Подробно объ этой борьбѣ см. работы Дубнова: „Исторія хасидскаго раскола“ и „Религіозная борьба“.

[2]) „Вѣнецъ etc“ 9-в.

[3]) „Восхваленіе Бешта“ стр. 56.

ное, исключительно умственное ученіе, доступное лишь для немногихъ избранныхъ.

Правда, насквозь проникнутое демократическимъ духомъ ученіе Бешта нашло себѣ среди приверженцевъ послѣдняго и вѣрныхъ послѣдователей не загрязнившихъ, не опошлившихъ его. Но безспорно и то, что эти истые послѣдователи Бешта были отодвинуты на задній планъ „непогрѣшимыми“ цадиками. Невѣжественная масса, загнанная, забитая, жаждала чудесъ, она, всѣми гонимая, искала заступника, который взялъ бы ее подъ свое могучее покровительство, защитилъ бы отъ обидъ и насилій—и она шла за чудодѣями-цадиками, которымъ подвластны всѣ міры, и сами ангелы послушны ихъ повелѣніямъ.

Рамки нашей работы не позволяютъ намъ подробно останавливаться на этихъ трехъ теченіяхъ въ хасидизмѣ, вытекавшихъ изъ тѣхъ трехъ разнородныхъ элементовъ, которые тѣсно переплетены въ міровоззрѣніи хасидизма (какъ и каббалы): воззрѣнія этически житейскія, воззрѣнія философско-метафизическія и, наконецъ, воззрѣнія, относящіяся къ области магіи и чудотворства.

Изъ послѣдователей, оставшихся вполнѣ вѣрными демократическому этическому ученію Бешта, мы упомянемъ только о двухъ, какъ наиболѣе типичныхъ. Одинъ изъ нихъ человѣкъ съ кристаллически чистой душой и съ горячимъ любвеобильнымъ сердцемъ, р. Лейбъ изъ Сасова, другой—крупная, оригинальная личность, выдающійся теоретикъ хасидизма—потомокъ Бешта р. Нахманъ Брацлавскій (1772—1810).

О поразительной красотѣ личности р. Лейбъ изъ Сасова достаточно говоритъ извѣстное хасидское сказаніе [1]), которое г. Перецъ художественно обработалъ въ прекрасномъ своемъ разсказѣ „Еще выше“. „Любить народъ израильскій, разсказываетъ этотъ достойный послѣдователь Бешта, меня научилъ одинъ крестьянинъ. Выпившій въ компаніи онъ обратился къ своему собутыльнику съ вопросомъ: „Любишь меня, или нѣтъ?“ На что тотъ отвѣтилъ: „очень люблю“. И сказалъ крестьянинъ: „ты говоришь, что любишь, а между тѣмъ не знаешь моихъ нуждъ и заботъ, а кого любишь, того нужды надо знать“. И замолчалъ собутыльникъ и ничего не возразилъ. Тутъ-то я понялъ, прибавляетъ р. Моше Лейбъ, что любить Израиль—значитъ чувствовать его нужды, болѣть его страданіями, скорбѣть его печалями“. „Тотъ, говорилъ онъ, кто не рѣшится высосать своимъ ртомъ гной и кровь изъ ранъ прокаженнаго еврейскаго

[1]) См. „Маасе-Цадикимъ“ 40—1.

ребенка, тотъ не достигъ и половины той любви къ ближнему, которая должна быть присуща истинному еврею [1]).

Потомокъ Бешта, р. Нахманъ Брацлавскій [2]), подобно своему прадѣду тоже очень высоко ставитъ роль праведника, и онъ объявляетъ цадика центромъ вселенной, но онъ не соглашался съ тѣми, которые объясняли величіе цадика тѣмъ, что въ немъ обрѣтается „великая душа", взятая изъ самыхъ высшихъ небесныхъ сферъ. Нѣтъ, говоритъ онъ, самъ человѣкъ творецъ своей души, каждый можетъ при помощи собственной воли достигнуть высокой степени совершенства. Каждый еврей, говоритъ онъ, является цадикомъ, ибо каждый еврей есть часть Всевышняго (כל אחד מישראל הוא חלק אלוה ממעל).

Все его ученіе проникнуто духомъ демократизма и дышитъ протестомъ противъ умственной аристократіи, смотрящей свысока на простую массу. Не въ пилпулѣ, не въ головоломныхъ изощреніяхъ ума вся суть, говоритъ онъ, а въ чистой сердечной вѣрѣ, въ простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ. „Объ одномъ лишь я прошу васъ, говоритъ онъ своимъ приверженцамъ, будьте честными, открытыми людьми, я только этого добиваюсь и для этой цѣли я жервую всѣмъ, ей я отдаю всѣ свои силы". Чѣмъ проще, чѣмъ непосредственнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ ближе къ Богу, но правдивымъ и открытымъ, увѣряетъ р. Нахманъ, можетъ быть только бѣдный человѣкъ. „Вполнѣ честному человѣку, говоритъ онъ, очень трудно стать богатымъ", и „даже цадикамъ богатство мѣшаетъ", ибо всѣ безнравственные поступки происходятъ изъ-за денегъ. „Когда нищій, одѣтый въ лохмотья совершаетъ богоугодное дѣло, онъ мнѣ особенно дорогъ". „Тотъ кто зарабатываетъ хлѣбъ свой трудами рукъ своихъ, тотъ знаетъ о величіи Бога больше, чѣмъ вѣдомо ангеламъ".

Ставя наравнѣ съ Бештомъ въ дѣлахъ вѣры чувство, а не умъ [3]), онъ подобно Бешту же придастъ огромное значеніе мо-

[1]) „Новая хронологія Бодека" стр. 70.

[2]) Этотъ замѣчательный теоретикъ хасидизма все еще не имѣетъ своего біографа и изслѣдователя. Единственная появившаяся до сихъ поръ критическая работа принадлежитъ перу г. Городецкаго (Сборникъ „Гагоренъ" т. IV). Г. Городецкій не даетъ цѣльнаго выпуклаго портрета знаменитаго Бештова внука, но онъ весьма старательно собралъ наиболѣе характерныя изреченія послѣдняго, разбросанныя по разнымъ сочиненіямъ. Приводимыя нами въ текстѣ цитаты мы и заимствуемъ изъ данной статьи.

[3]) Характерно весьма отрицательное отношеніе р. Нахмана къ Маймониду, въ особенности къ его „Море".

литвѣ, но опять таки молитвѣ не механически заученной, а проникнутой глубокимъ искреннимъ чувствомъ. Поэтому, говоритъ Брацлавскій цадикъ, гораз'о лучше было бы, если бы молились на простомъ жаргонѣ, гораздо болѣе понятномъ и доступнымъ молящимся, чѣмъ древне-еврейскій языкъ. Онъ совѣтовалъ поэтому своимъ приверженцамъ, когда они молятся наединѣ, молиться на разговорномъ языкѣ, такъ какъ на древне-еврейскомъ еврей не привыкъ свободно излагать свои мысли. Съ этой цѣлью онъ даже самъ составлялъ молитвы на жаргонѣ. Проникнутый религіознымъ пантеизмомъ, онъ подобно Бешту во всемъ видѣлъ часть Божества. „Во всѣхъ вещахъ, во всѣхъ явленіяхъ, во всѣхъ мысляхъ, говоритъ онъ, проявляется божество". При такомъ воззрѣніи на окружающій міръ становится понятнымъ та особая нѣжная любовь, которую Брацлавскій питалъ къ природѣ. Послѣ цѣлыхъ вѣковъ мертвой обрядности, когда все вниманіе было поглощено мертвой буквой закона, явился хасидизмъ, который видѣлъ всюду жизнь, даже въ мертвой природѣ. Но никто такъ не одухотворялъ природу, какъ Брацлавскій. Ему, съ его впечатлительной и поэтически-настроенной душой, казалось, что все въ природѣ проникнуто томленіемъ по Богѣ. „Зимой, говоритъ онъ, всѣ травки и растенія мертвы, но когда наступаетъ весна, они пробуждаются и оживаютъ и тогда такъ хорошо гулять по полю", ибо „каждая травка хвалитъ Господа Бога". „Какъ дивно хорошо, восклицаетъ онъ, какъ пріятно внимать этой хвалебной пѣснѣ!" Онъ особенно любилъ молиться въ лѣсу, въ открытомъ полѣ, такъ какъ тогда „всѣ травки акомпанируютъ ему и поддерживаютъ его въ его молитвѣ", всѣ онѣ льнутъ къ нему, а оттуда, сверху раздается всеобщій призывный кличъ: „Хвалите всѣ Господа Бога!"

XV.

Непосредственно послѣ смерти Бешта уже появились тѣ два теченія, о которыхъ мы говорили выше: умственный аристократизмъ и грубый цадикизмъ. И оба эти теченія имѣютъ своимъ родоначальникомъ Бештова духовнаго преемника Довъ-Бера, проповѣдника изъ Межерича, ставшаго главою хасидской секты, послѣ смерти основателя послѣдней. Въ лицѣ Межеричскаго магида мы имѣемъ передъ собой ужъ не демократа-мечтателя, не народнаго проповѣдника новаго ученія, не утѣшителя униженныхъ и обездоленныхъ—а одареннаго могучей волей и сильнымъ умомъ ie-

зуита, глубоко убѣжденнаго, что вліять на толпу можно только тогда, когда надъ ней *властвуешь*, а для того, чтобы властвовать надъ толпой, надо льстить ея предразсудкамъ, дѣйствуя ловко разсчитанными приманками. Эту идею онъ развилъ въ цѣлую систему, въ которой самое видное мѣсто занимаетъ *культъ* цадикизма, весьма напоминающій собой культъ непогрѣшимаго папизма. Бѣдная, загнанная масса ищетъ заступника и утѣшителя въ тяжелыя минуты жизни, но для того она должна слѣпо вѣрить и слѣпо повиноваться этому заступнику. И Беръ, подобно Бешту, признаетъ исключительную роль за человѣческой личностью, и онъ находитъ, что дѣйствія человѣка имѣютъ огромное вліяніе на высшія сферы, что человѣкъ есть вѣнецъ и главная цѣль творенія; но понятіе „дѣйствія человѣка" у Межеричскаго проповѣдника покрывается понятіемъ „дѣйствія цадика". Люди обыкновенные значенія не имѣютъ, они—простое стадо, которое должно во всемъ безпрекословно повиноваться людямъ высшаго ранга, людямъ избранникамъ—безгрѣшнымъ цадикамъ, которые являются солью земли. „Сказано въ Писаніи, говоритъ проповѣдникъ, желаніе боящихся Его Онъ исполняетъ. У цадиковъ желаніе управлять міромъ, поэтому Господь и создалъ міръ, дабы цадики получали удовольствіе отъ управленія имъ". И Довъ-Беръ, подобно учителю своему Бешту, превозноситъ значеніе молитвы, но преимущественно молитву *цадика*. „Молитва цадика, поучаетъ онъ, побуждаетъ Бога переложить гнѣвъ на милость" „Вліяніе высшихъ сферъ на низшія совершается черезъ посредство цадика". Ему, цадику, подвластны законы природы и онъ можетъ совершать какія угодно чудеса. Простой міряниnъ можетъ возвыситься и найти благоволеніе у Бога только черезъ посредство цадика.

Такимъ образомъ умственный аристократизмъ раввиновъ, Довъ-Беръ старался замѣнить новымъ, самымъ худшимъ видомъ аристократизма,—непогрѣшимымъ папизмомъ. Вмѣсто мертвой обрядности—слѣпое повиновеніе оракулу цадику, а сама система хасидизма была объявлена утонченнымъ и таинственнымъ ученіемъ, доступнымъ лишь немногимъ избранникамъ. Неудивительно, что въ изреченіяхъ Довъ-Бера уже не слышится протестъ противъ омертвѣлаго раввинизма и его высокомѣрныхъ представителей—самъ преемникъ Бешта былъ для этого слишкимъ сухимъ „книжникомъ" и „умственнымъ аристократомъ".

Вотъ эти-то два новыхъ теченія, введенныхъ въ хасидизмъ Межеричкимъ магидомъ: непогрѣшимый цадикизмъ и отвлеченный умственный аристократизмъ, нашли себѣ двухъ наиболѣе яркихъ

представителей въ лицѣ двухъ учениковъ Довъ-Бера—галичанина Элимелеха Лизенскаго и литовца Залмана Лядынскаго.

Книга Элимелеха „Ноамъ Элимелехъ", появившаяся въ 1788 г. (два года послѣ смерти ея автора), вполнѣ можетъ быть названа „манифестомъ практическаго цадикизма". Вся эта своеобразная книга отъ первой страницы до послѣдней представляетъ собой сплошной апоѳеозъ цадику. У Элимелеха цадикъ является не только въ роли непогрѣшимаго католическаго папы, въ рукахъ котораго находятся ключи отъ вратъ Эдема, куда безъ его согласія ни одинъ смертный не можетъ проникнуть—власть цадика до того велика и безгранична, что онъ можетъ даже отмѣнять божескія постановленія и самъ Богъ исполняетъ его желанія [1]). „Цадикъ все можетъ совершить" [2]). „Цадикъ своими святыми устами можетъ вызвать всѣ милости и благодѣянія" [3]) „Изъ каждаго слова, произносимаго устами цадика создается ангелъ". [4]) „Глаза божьи находятся въ рукахъ цадиковъ" [5]), т. е. Господь смотритъ на міръ черезъ посредство цадика. „Всѣ земныя дѣла, всѣ блага жизни переданы Господомъ Богомъ въ руки цадика". „Нельзя получить свыше никакихъ благъ иначе какъ черезъ посредство цадика" [6]). „Цадикъ доставляетъ людямъ все нужное—дѣтей, жизнь, пропитаніе" [7]). „Богъ, говоритъ лизенскій цадикъ, сдѣлалъ цадика отвѣтственнымъ хозяиномъ въ мірѣ, и этотъ хозяинъ обязанъ заботиться о нуждахъ людей; Богъ же какъ бы снялъ съ себя эту заботу, ибо вѣдь и цадикъ своими дѣяніями можетъ все сдѣлать" [8]). Помимо цадика, учитъ Элимелехъ, ни для кого нѣтъ спасенія. Этическія, проникнутыя демократическимъ духомъ, начала хасидскаго ученія превратились у Элимелеха въ грубой культъ цадикизма. Основой нравственнаго поведенія человѣка является у него слѣпая непоколебимая вѣра въ цадиковъ и главной, если не единственной добродѣтелью простолюдина является слѣпое поклоненіе цадику. Вѣрующій еврей долженъ помнить, что вся его

---

[1]) „Сладость Элимелеха" стр. 19, 91 и passim. Цит. по варшавск. изд. 1880 г.

[2]) Ibid стр. 34. הצדיק יכול לפעול הכל.

[3]) Ibid стр. 111. הצדיק יכול לפעול בפיו הקדוש כל הרחמים והחסדים.

[4]) Ibid стр. 111. כל דבור היוצא מפיו נברא ממנו מלאך.

[5]) Ibid стр. 109. עיני ד' הם ביד הצדיקים.

[6]) Ibid стр. 53.

[7]) הצדיק הוא המשפיע לישראל את שלש אלה: בני חיי ומזוני—ibid p. 14, 114, 122 и passim.

[8]) Ibid стр. 34.

жизнь, судьба и достояніе зависятъ отъ воли цадика. И онъ долженъ поэтому неустанно заботиться о томъ, чтобы усладить жизнь цадика, опезпечить ему богатое беззаботное житье. И само даяніе цадику освящаетъ человѣка, ибо это есть жертвоприношеніе на жертвенникъ божій. „Черезъ даяніе праведнику, говоритъ Элимелехъ, человѣкъ связывается съ послѣднимъ крѣпко и неразрывно, и онъ тогда не только застрахованъ отъ большихъ грѣховъ, но даже освящается черезъ цадика“ [1]). „Если человѣкъ согрѣшилъ и хочетъ каяться, тогда полное покаяніе въ грѣхѣ достигается черезъ даяніе праведнику“ [2]).

„Do ut des“ таковъ девизъ практическаго цадикизма. Если хочешь быть матеріально обезпеченнымъ,—плати цадику, если хочешь имѣть дѣтей,—плати цадику, если хочешь быть безгрѣшнымъ—опять и опять плати цадику. И темная, довѣрчивая масса платила и славословила цадика. Цадики сдѣлались излюбленными героями народной фантазіи, народныхъ грезъ, забитая, невѣжественная и жаждущая чудесъ народная масса разукрасила своихъ героевъ всѣми цвѣтами поэзіи, она обожала своихъ героевъ, какъ обожаютъ единственную свою завѣтную мечту, озаряющую своимъ свѣтомъ мракъ и ужасъ окружающей жизни...

Полной противоположностью Элимелеха является другой ученикъ межерическаго магида, знаменитый литовецъ Шнееръ Залманъ Лядынскій, родоначальникъ сѣвернаго бѣлорусскаго хасидизма. Его, человѣка сильнаго аналитическаго ума, занимали исключительно отвлеченныя метафизико-теософскія идеи. Его пытливый умъ не удовлетворялъ мертвый мелочный раввинизмъ, такъ какъ тотъ не могъ разрѣшить волнующіе его вопросы, ему гораздо болѣе были по душѣ метафизико-пантеистическія воззрѣнія, которыми проникнуты каббала и хасидизмъ. И онъ рѣшилъ сдѣлать надъ раввинизмомъ хасидскую „надстройку“, желая этимъ придать раввинизму болѣе философскія „научныя“ основы. Мы имѣемъ предъ собой въ высшей степени своеобразное явленіе. Человѣкъ выдающагося, но холоднаго ума,—человѣкъ, для котораго весь смыслъ жизни—обогащеніе ума знаніями, сталъ однимъ изъ столповъ хасидизма, этой демократической „религіи чувства“. Читая его знаменитую книгу „Лекетъ аморимъ“ (болѣе извѣстную подъ именемъ „Таньо“), не трудно замѣтить, что сама сущность

---

[1]) Ibid стр. 120 :על ידי נתינה לצדיק ...נתקשר בקשר של קיימא עם הצדיק שלא ישיאו היצר לחטוא בחטא גדול ואדרבה יתקדש על ידי הצדיק.

[2]) Ibid стр. 121.

хасидизма, его этическія начала, его протестъ противъ омертвѣнія жизни и аристократизма раввинизма мало интересовали представителя бѣлорусскаго хасидизма; онъ даже не замѣчалъ той пропасти, которая отдѣляла хасидизмъ отъ раввинизма. Не цадикъ чудодѣй, поучаетъ авторъ „Таньо", не праведникъ, ведущій нравственную жизнь, а человѣкъ, изучающій законъ, обогащающій свой умъ „знаніемъ и разумѣніемъ" стоитъ ближе всего къ Богу, ибо главное разумъ, а не чувство. Источникъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ—„животная душа" [1]), находящаяся въ центрѣ кровеобращенія—въ сердцѣ, играетъ лишь подчиненную, служебную роль, а лишь другая, обрѣтающаяся въ головѣ человѣка „божественная душа" съ ея тремя свойствами „мудрость, пониманіе и познаніе" [2]) есть истинная и несомнѣнная искра божества [3]). Только отъ „божественной души" зависитъ духовное совершенство людей и поэтому она должна властвовать надъ „противоположной частью человѣка, надъ его грѣховной животной душой". Чистый разумъ долженъ властвовать надъ чувствомъ, умъ долженъ повелѣвать сердцу, ибо „разумъ есть источникъ нравственности" [4]) и только при помощи разума можно приблизиться къ источнику мудрости — къ божеству. Въ изученіи Торы въ углубленіи въ сущность божества, человѣкъ приближается къ божеству, „живетъ въ Богѣ". Тутъ ужъ безспорно слышится отголосокъ возрѣній Маймонида, и это не случайное совпаденіе, такъ какъ самъ авторъ Таньо часто ссылается на знаменитаго средневѣковаго мыслителя; разница лишь та, что Маймонидъ находитъ необходимымъ, для приближенія человѣка къ божеству, изощреніе человѣческаго ума въ разныхъ наукахъ, авторъ же „Таньо", относившійся крайне отрицательно къ свѣтскимъ наукамъ, видѣлъ источникъ всякой премудрости въ Галахѣ—„законовѣдѣніи". Величайшее блаженство человѣка заключается въ сознательномъ самоутопленіи своей личности въ Высшемъ источникѣ Разума.

Выставляя лозунгомъ своей системы: „мудрость, пониманіе, познаніе" [5]) Шнееръ Залманъ видитъ въ изученіи закона несравненно болѣе высокій и утонченный видъ единенія съ Богомъ,

---

[1]) Въ оригиналѣ: „הנפש החיונית הבהמית", „הנפש דסטרא אחרא".

[2]) חכמה בינה ודעת.

[3]) חלק אלוה ממעל („Таньо" ч. I. начало 2-ой гл.).

[4]) Ibid ч. I конецъ 3-ей главы.

[5]) Вслѣдствіе чего вся его система получила названіе „Хабадъ" (аббревіатура трехъ словъ: хохма, бино, даатъ).

чѣмъ въ исполненіи закона. „Человѣкъ, говоритъ онъ, постигающій умомъ своимъ какой-нибудь религіозный законъ или постановленіе, тѣмъ самымъ постигаетъ и обнимаетъ своимъ умомъ волю и мудрость Бога... Поэтому изученіе и знаніе Торы выше *исполненія* всѣхъ заповѣдей, ибо заповѣди являются лишь оболочкой (לבוש) божьяго свѣта, *изученіемъ же* Торы человѣкъ облекаетъ и претворяетъ послѣднюю (которая является волею и премудростью божьей) въ свой духъ. Изученіе Торы является хлѣбомъ и питаніемъ души, ибо какъ матеріальный хлѣбъ питаетъ тѣло, претворяясь внутри его въ плоть и кровь, чѣмъ обусловливаетъ его существованіе, точно такъ же и Тора—это воплощеніе безкопечнаго разума Жизнедателя, если только человѣкъ глубоко и сосредоточено вникаетъ въ нее, такъ что она сливается воедино съ его разумомъ—становится пищею и носительницей жизни божественной души человѣка [1]). Сказано, говоритъ авторъ, что съ тѣхъ поръ какъ разрушенъ храмъ, Всевышній весь замкнулся въ четырехъ локтяхъ Галахи, которая есть олицетвореніе воли и мудрости Божіей, поэтому высшее назначеніе человѣка изученіе законовъ (Ibid. гл. 34). По мнѣнію автора изученіе закона важнѣе даже самой молитвы [2]). Такимъ образомъ, авторъ Таньо подкапывается подъ самыя основы Бештова ученія. Демократическая „религія чувства“ Бешта превращается у Шнеуръ Залмана въ раціоналистическую теософію, доступную лишь немногимъ избраннымъ. Въ то время, какъ Бештъ объявилъ чувство, а не умъ источникомъ истинной религіозности, Залманъ объявляетъ отвлеченный разумъ главнымъ источникомъ вѣры и нравственности, а „животную душу“, т. е. всѣ эмоціональные факторы въ человѣкѣ, онъ низводитъ на низшую служебную роль—все это должно повиноваться разумной „божественной душѣ“. Вмѣстѣ съ Маймонидомъ родоначальникъ бѣлорусскихъ хасидовъ видитъ только въ абстрактномъ мышленіи способъ общенія съ Богомъ, въ то время какъ Бештъ училъ, что „изученіе законовъ вѣры имѣетъ лишь второстепенное значеніе“.

Праведникъ, цадикъ, это по опредѣленію Залмана человѣкъ, усовершенствовавшій свой умъ отвлеченнымъ созерцаніемъ; словомъ, праведникъ—это мудрецъ познавшій сущность божества. „И кто приближается къ мудрецу, тотъ какъ бы приближается къ

---

[1]) Ibid ч. I. гл. 5; см. также гл. 23, 35, 53 и passim.

[2]) Ibid ч. I. гл. 23: גדולה מאוד מעלת העוסק בתורה יותר מכל המצוות ואפילו מתפלה שהיא יחוד עולמות עליונים.

самой шехинѣ" [1]). Бештъ былъ противъ излишней обрядности и противъ пренебреженія плоти. Залманъ же былъ ярый приверженецъ обрядоваго раввинизма [2]) и, подобно Маймониду, объявляетъ чувственное позоромъ для человѣка, созданнаго для одного духовнаго. Тѣло человѣка онъ называетъ не иначе, какъ „отвратительнымъ и презрѣннымъ", которое должно быть человѣкомъ презираемо и ненавидимо [3]).

Онъ сорвалъ поэтическій покровъ съ Бештова ученія и превратилъ послѣднее въ сухую и абстрактную доктрину. Чисто народная, жизнерадостная „религія сердца" превратилась у него въ аскетическое, безплотное и головное ученіе, и пантеистическія воззрѣнія, изложенныя Бештомъ въ видѣ народныхъ притчъ и метафоръ, принимаютъ у Залмана отвлеченныя абстрактныя формы, доступныя только немногимъ избраннымъ Авторъ Таньо, какъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ историкъ Дубновъ, „посадилъ разумъ на престолъ, положилъ конецъ владычеству чувства возстановилъ пошатнувшуюся власть умственной аристократіи, объявилъ религіозное *знаніе* высшей заслугой, выбросилъ за бортъ цадикизмъ и разжаловалъ плебейское духовенство цадиковъ [4]).

Казалось бы, что раввинизмъ могъ только привѣтствовать тѣ формы, которыя придалъ авторъ „Таньо" хасидизму, но въ дѣйствительности религіозная борьба не только не затихла въ послѣд-

---

[1]) Ibid гл. 2 כל הדבק בתלמיד חכם כאלו נדבק בשכינה

[2]) Шнееръ Залманъ посвящаетъ цѣлые годы составленію четырехтомнаго кодекса всѣхъ еврейскихъ религіозныхъ законовъ и обрядностей.

[3]) להיות גופו נבזה ונמאס בעיניו (ibid гл. 32).

[4]) „Исторія хасидск. раскола". „Восх." 1891 г. кн. II. стр. 29. Г. Дубновъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ роль Залмана въ хасидизмѣ, но онъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ персоцѣнилъ значеніе Залмана, какъ самостоятельнаго мыслителя, называя его „геніальнымъ" мыслителемъ, а его систему „геніальной доктриной". Доктрина, задавшаяся цѣлью примирить непримиримое, слить въ одно цѣлое раціонализмъ Маймонида, обрядовой раввинизмъ и „религію сердца" Бешта, не заслуживаетъ эпитета „геніальной". Да и творецъ этой доктрины, свалившій въ одну кучу столь разнородные элементы, не подозрѣвая даже насколько они противорѣчатъ другъ другу, не изобличаетъ особой прозорливости. Г. Дубновъ находитъ, что книгу Шнееръ Залмана можно поставить рядомъ съ лучшими твореніями еврейской средневѣковой литературы. Но почтенный историкъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что Іегуда Галеви, Маймонидъ, Герсонидъ и др. писали свои сочиненія во всеоружіи знанія своего вѣка, чего ужъ о творцѣ „Таньо" сказать нельзя.

немъ десятилѣтіи XVIII в., но разгорѣлась съ небывалой силой и раввинизмъ заодно съ кагаломъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы ложными доносами довести главу хасидизма Шнеуръ Зальмана до стѣнъ Петропавловской крѣпости. „Раввины нападаютъ на хасидовъ, нападаютъ ожесточенно, какъ на враговъ. Они уже не пытаются возвращать сектантовъ на путь истины, напротивъ, они дѣлаютъ съ своей стороны все, чтобы *оттолкнуть ихъ отъ общества*. Они насильственно отрываютъ ихъ отъ прежней среды и изгоняютъ изъ стана израильскаго, какъ библейскихъ прокаженныхъ Преслѣдованія противъ хасидовъ отличаются характеромъ мести и ожесточенности. Хасидовъ приравниваютъ къ „совершеннымъ иновѣрцамъ", съ ними не ѣдятъ, не роднятся, ихъ покойниковъ не хоронятъ, съ ними поступаютъ даже хуже, чѣмъ съ иновѣрцами: имъ и семействамъ ихъ не отдаютъ жилищъ въ наемъ, не даютъ даже ночлега, съ ними вовсе не имѣютъ никакихъ сношеній" [1]). Но всѣ эти гоненія ни къ чему не привели. Обветшалый раввинизмъ не былъ въ состояніи остановить новое движеніе, и къ началу XIX вѣка онъ въ безсиліи сложилъ оружіе.

А хасидизмъ побѣдоносно продолжалъ свое шествіе.

Но тутъ противъ него выступилъ новый, болѣе сильный, чѣмъ дряхлый раввинизмъ, врагъ — просвѣщеніе, и снова загорѣлась борьба.

XVI.

Вліяніе „Берлинскаго просвѣщенія" сказалось не на одномъ только германскомъ еврействѣ, но и на русско-польскомъ. Съ сѣвера, черезъ Вильно, и съ юга черезъ сосѣднюю Галицію, просвѣтительное движеніе медленно, но неуклонно проникало въ слои денежной и умственной аристократіи русскаго еврейства. Въ царство застоя и невѣжества, мертвой обрядности и экзальтированнаго мистицизма, блеснулъ отдаленный, но яркій лучъ европейскаго знанія и просвѣщенія. Нужно ли удивляться, что люди были ослѣплены этимъ свѣтомъ, что они жадно, чисто стихійно, потянулись къ нему, не вполнѣ ясно сознавая, куда онъ приведетъ и куда надлежитъ направить свой путь.

И какъ раньше въ Германіи, такъ и въ русско-польскомъ гетто, раздался восторженный кличъ: „гасколо, просвѣщеніе", при чемъ опять таки подъ просвѣщеніемъ подразумѣвалось нѣчто довольно смутное, неопредѣленное и расплывчатое. Такъ какъ

---

[1]) Дубновъ. „Исторія хасидск. раскола. „Восх." 1890 г. кн. VIII стр. 19.

лучи просвѣщенія засіяли извнѣ, а внутри царствовалъ мракъ невѣжества и предразсудковъ, неудивительно, что просвѣтленный ешиботникъ, новоиспеченный маскилъ, сталъ съ пренебреженіемъ и непріязнью относиться ко всему еврейскому, видя во всемъ продуктъ сплошного невѣжества и фанатизма, все же „чужое“ — сіяло своей красотой, озаренное лучами „просвѣщенія“. Наши „просвѣтители“ этого „Sturm und Drang“ періода наивно понимали подъ „просвѣщеніемъ“ все, что исходитъ „съ того берега“. Видя во всемъ родномъ одно лишь отжившее, вредное, мѣшающее жить,—они во всемъ чужомъ, безъ всякой критики, видѣли одно только прекрасное, достойное подражанія. Нечего и говорить, что подобное „просвѣщеніе“, насквозь проникнутое духомъ самоотрицанія, въ самомъ себѣ носило элементы разложенія, такъ какъ настоящее просвѣщеніе есть нѣчто творческое, созидающее; его работа заключается не въ отрицаніи, а въ сліяніи съ духомъ народнымъ, не въ разрывѣ и разрушеніи органической связи съ прошлымъ, а въ созиданіи на прочномъ фундаментѣ прошлаго, здороваго настоящаго. Вѣрные традиціямъ берлинскихъ „просвѣтителей“, и русскіе носители „гасколы“ являлись крайними „раціоналистами“ въ дѣлахъ религіи и традицій. Каждый обычай, каждое преданіе, каждое постановленіе еврейской вѣры должно было доказать свою „раціональность“, а что не могло доказать свою разумность, то было заклеймено какъ „фанатизмъ“, какъ вредный предразсудокъ. Лишенные подобно своимъ берлинскимъ учителямъ исторической перспективы, наши просвѣтители видѣли причину всего ужаса и позора положенія еврейства въ предразсудкахъ и невѣжествѣ послѣдняго и вполнѣ искренно вѣрили, что какъ только русское еврейство отброситъ свои предразсудки, очиститъ и реформируетъ свою религію наподобіе нѣмецкихъ реформаторовъ моисеева закона, и пріобщится къ свѣту „гасколы“ — тогда всѣмъ его мытарствамъ наступитъ конецъ. Будучи безпощадными отрицателями и потрясателями основъ въ дѣлахъ еврейскихъ вѣрованій, они по отношенію къ внѣшнему, христіанскому міру оказывались до - нельзя робкими и благонамѣренными. *Тамъ* имъ все казалось „раціональнымъ“ и соотвѣтствующимъ требованіямъ „гасколы“. Даже полицейско-бюрократическій режимъ Николая I является въ ихъ глазахъ истымъ носителемъ просвѣщенія и знанія. Стоитъ только вспомнить, что даже такой вдумчивый и безспорно выдающійся человѣкъ, какъ Исаакъ Беръ Левинзонъ, восторженно привѣтствовалъ полицейскія казенныя еврейскія училища, которыми николаевское правительство, столь

изобрѣтательное въ безчеловѣчно драконовскихъ мѣрахъ надъ еврейской безправной и беззащитной массой—мечтало освободить евреевъ отъ „предразсудковъ талмуда", который ихъ „развращалъ и развращаетъ", и пріобщить къ „христіанской этикѣ" [1]). Повторилось то же, что съ эдиктомъ терпимости Іосифа II, но въ несравненно болѣе наивной, чтобы не сказать нелѣпой формѣ, такъ какъ императоръ Іосифъ какъ ни какъ, а дѣйствительно гуманно, хотя и по своему, относился къ еврейской массѣ, въ то время какъ въ отношеніяхъ Николая перваго къ евреямъ слово „гуманность" звучитъ понятно злой насмѣшкой.

Если только евреи отбросятъ свои предразсудки, наивно твердили „просвѣтители", тогда „просвѣщенное" правительство уравнитъ ихъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ. Но то, чего никакъ не могли понять „просвѣтители", то прекрасно уразумѣли невѣжественные ортодоксы. Когда извѣстный д-ръ Лилієнталь сталъ увѣщевать минскихъ представителей общины, чтобы тѣ отбросили свои „предразсудки", пошли навстрѣчу благимъ начинаніямъ правительства и отдавали бы своихъ дѣтей въ казенныя еврейскія училища, тѣ возразили: „До тѣхъ поръ, пока государство не предоставитъ евреямъ гражданскихъ правъ, образованіе было бы для нихъ однимъ только несчастьемъ. Будучи необразованъ и невѣжественъ, еврей не пренебрегаетъ унизительнымъ хлѣбомъ фактора и ростовщика, и находя свое утѣшеніе и радость въ религіи, онъ и большое семейство его, довѣряясь божественному промыслу, довольствуются скуднымъ своимъ достаткомъ, но будучи, при образованіи и просвѣщеніи въ новомъ духѣ, исключеннымъ отъ всякаго участія въ гражданско-политическихъ правахъ государства, еврей неминуемо, подъ вліяніемъ горькаго чувства неудовольствія, долженъ оставлять свою вѣру,—а между

[1]) Что правительство имѣло въ виду при посредствѣ устраиваемыхъ имъ еврейскихъ училищъ приблизить евреевъ къ „христіанскимъ истинамъ", не скрывалъ и „другъ евреевъ" министръ просвѣщенія Уваровъ, при которомъ учреждены были еврейскія школы. По поводу того, что по заявленію „старѣйшихъ евреевъ" эти училища „ведутъ къ христіанству", Уваровъ писалъ: „Въ смыслѣ закоренѣлыхъ приверженцевъ еврейскихъ предразсудковъ и суевѣрія эти слова значатъ: ученье во вновь учреждаемыхъ училищахъ должно мало по малу уничтожить въ евреяхъ *фанатизмъ разъединенія* (курсивъ въ подлинникѣ) и пріобщить ихъ къ *общему началу* (курс. въ подлинникѣ) гражданственности... Въ этомъ отношеніи они не ошибаются, *ибо религія Креста не есть-ли чистѣйшій символъ гражданственности всемірной?*" (Цит. по М. Моргулису „Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ".

тѣмъ честный еврейскій отецъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться на приготовленіе своего сына къ такому поприщу" [1]).

Но „просвѣтители" видѣли въ этомъ отвѣтѣ лишь продуктъ предразсудковъ и непросвѣщенности ума, и они безпощадно громили еврейское невѣжество и косность, обвиняя во всемъ фанатизмъ раввината и представителей хасидизма. Особенно безпощадно они бичевали послѣдній. Смѣшивая выродившійся цадикизмъ, ненавидѣвшій и преслѣдовавшій представителей просвѣщенія, съ самой сутью хасидизма, наши просвѣтители видѣли въ хасидизмѣ неисчерпаемый объектъ для злостныхъ насмѣшекъ и безпощадныхъ обличеній. Нѣтъ положительно ни одного литератора „просвѣтителя", у котораго бичеваніе хасидовъ и глумленіе надъ ихъ бытомъ и вѣрованіями не явилось бы темой для сатиры или злостнаго памфлета. Когда же въ концѣ 60-хъ годовъ Л. Цвейфель дерзнулъ дать въ своей книгѣ „Миръ во Израилѣ" безпристрастную оцѣнку хасидизму — въ лагерѣ „просвѣтителей" поднялся невообразимый шумъ. Противъ злосчастнаго Цвейфеля ополчились Слонимскій и Л. Гордонъ, а А. Готлоберъ счелъ нужнымъ выступить въ противовѣсъ книгѣ Цвейфеля своимъ безцвѣтнымъ и ненаучнымъ „Толдотъ Гакабала Вегахасидутъ" (исторія каббалы и хасидизма) [2]).

Просвѣтители никакъ не могли понять исторической роли и огромнаго значенія для народной еврейской массы такого явленія, какъ хасидизмъ, который не могъ доказать „рациональность" своего существованія и упорно воевалъ съ носителями просвѣщенія.

Одной изъ характерныхъ особенностей еврейскихъ „маскилимъ" сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ является ихъ неспособность отдѣлить свои симпатіи и интересы отъ симпатій и интересовъ самого народа; они не дошли до той элементарной истины, что интеллигенція не есть еще весь народъ, а призвана лишь служить народу и быть его руководителемъ. Нельзя отрицать того факта, что наши „просвѣтители" были въ сущности лишь выразителями и поборниками интересовъ еврейской интеллигенціи. Наши просвѣтители, оставаясь умственными аристократами, замыкались преимущественно въ сферу личнаго усовершенствованія и личнаго преуспѣванія; народные же интересы, народныя потреб-

[1]) „Zeitung des Judenthums" 1842 г. № 41. Цитир. по Моргулису

[2]) Чтобы судить о научности этого труда, достаточно прочитать предисловіе къ первой его части, гдѣ авторъ, при помощи комбинаціи разныхъ буквъ, доказываетъ, что имя Израиль Баалъ Шемъ то же, что „засохшая трава".

ности, а тѣмъ болѣе народная самодѣятельность, весьма мало привлекали на себя ихъ вниманіе. Наши просвѣтители, провозвѣстники новыхъ идей, которыя они заимствовали у западныхъ единовѣрцевъ, обращались исключительно къ еврейской умственной аристократіи, къ верхнимъ интеллигентнымъ слоямъ народа. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи взглядъ нашихъ просвѣтителей на разговорный жаргонъ [1]).

Желая во всемъ уподобиться „просвѣщеннымъ" иновѣрцамъ, они видѣли въ жаргонѣ нѣчто постыдное и позорное и говорить на жаргонѣ у нихъ считалось „все равно, что прогуливаться по Невскому въ лабсердакѣ и выпяченныхъ башмакахъ" [2]). Считая для себя постыднымъ говорить на жаргонѣ, наши просвѣтители уже сочли возможнымъ заявить, что „это нарѣчіе въ устахъ нашего народа является самымъ печальнымъ явленіемъ его исторической жизни" [3]).

Такъ какъ мыслящій классъ народа, владѣлъ „священнымъ языкомъ", то еврейскіе просвѣтители и стали на этомъ языкѣ проповѣдывать „гасколу" и подкапываться подъ ветхое зданіе предразсудковъ и суевѣрія. Когда же проповѣдь просвѣтителей имѣла среди мыслящаго класса народа значительный успѣхъ и скоро среди еврейской интеллигенціи народился уже обширный контингентъ европейски образованныхъ людей, владѣющихъ и отечественнымъ языкомъ, тогда для этой части интеллигенціи народилась русско-еврейская литература. Но простую народную массу, необразованные и трудящіеся классы, которые не понимали, или крайне недостаточно понимали, какъ древне-еврейскій, такъ и русскій языкъ—еврейскіе просвѣтители оставили на произволъ судьбы. Они не заботились о духовныхъ потребностяхъ народной массы на томъ основаніи, что послѣдней недоступенъ другой языкъ, кромѣ жаргона, который въ глазахъ просвѣтителей являлся олицетвореніемъ невѣжества, суевѣрія и дикости, въ борьбѣ съ которымъ всѣ средства хороши [4]).

---

[1]) На отношеніи нашей интеллигенціи къ жаргону мы подробно остановились въ нашей работѣ „Жаргонная литература и ея читатели" „Восх." 1903 г. кн. 3—4.

[2]) Выраженіе поэта Л. Гордона. См. его письмо къ Шоломъ-Алейхему. „Восх." 1902 № 40.

[3]) Ibid.

[4]) О любопытномъ эпизодѣ, какъ со стороны нашихъ просвѣтителей сдѣланы были даже попытки къ насильному преграждению доступа книгъ въ народную массу на единственно понятномъ ей языкѣ, см. нашу вышецитированную работу. „Восх." 1903 г. кн. 3 стр. 56—9.

Весьма любопытной иллюстраціей къ тому, какъ наши просвѣтители никакъ не могли отдѣлить свои симпатіи и интересы отъ симпатій и интересовъ самого народа, можетъ служить слѣдующее характерное мѣсто изъ статьи одного изъ самыхъ выдающихся борцовъ просвѣщенія—знаменитаго поэта Льва Гордона. Большой мастеръ и любитель библейскаго языка, Гордонъ, отстаивая его право на существованіе, говоритъ:

„Мы будемъ говорить лишь съ точки зрѣнія голой вещественности и, стоя на этой почвѣ, мы должны высказать убѣжденіе, что знаніе еврейскаго языка *всегда* [1]) останется для насъ практически полезнымъ, умѣніе писать по еврейски *пока* все еще не только полезно, но и необходимо, и это *пока* продлится по крайней мѣрѣ еще два поколѣнія, а можетъ быть и цѣлое столѣтіе. Объяснимся. Пока *масса* евреевъ въ Россіи не усвоитъ себѣ окончательно русскаго языка, пока не станетъ не только говорить, но и думать по-русски, еврейскій языкъ остается для нея единственнымъ средствомъ для ознакомленія съ міровыми событіями и образовательными началами“ [2]).

Итакъ, еврейской массѣ, „пока она не станетъ не только говорить, но и думать по-русски“, необходимъ, какъ единственное средство для проведенія просвѣтительныхъ идей, древне-еврейскій языкъ, на которомъ еврейская масса „не только не говоритъ“, но и не думаетъ и не понимаетъ, жаргонъ же, на которомъ еврейская масса и говоритъ, и думаетъ, и радуется, и плачетъ, подлежитъ анаѳемѣ, такъ какъ онъ можетъ помѣшать „интересамъ обрусѣнія“, о которыхъ „еврейскій Некрасовъ“ особенно горячо ратуетъ въ той же статьѣ. „Мы надѣемся,—патетически восклицаетъ онъ,—что насъ не станутъ обвинять въ нежеланіи скораго и полнаго обрусѣнія нашихъ единовѣрцевъ“ [3]). Наши „просвѣтители“ и не задумывались даже надъ тѣмъ, возможно ли да и желательно ли „скорое и полное обрусѣніе“ милліонной массы,—для нихъ достаточно было сознаніе, что для нихъ, просвѣтителей, это и желательно, и достижимо. И кто знакомъ съ исторіей культуры русскаго еврейства за вторую половину XIX в., тотъ знаетъ, съ какой легкостью весьма многіе изъ тѣхъ, которые такъ горячо ратовали за „гасколу дщерь неба“, подвизались по части „обрусѣнія“, и какъ только добились университетскаго диплома, окончательно удалялись отъ интересовъ еврейства. Еврей-

[1]) Курсивъ всюду автора.
[2]) „Еврейская Библіотека“ т. I. стр. 349—50.
[3]) Ibid стр. 349.

скіе просвѣтители остались вѣрны ихъ первому предтечѣ—Невяховичу, апеллировавшему къ сердцу христіанскаго населенія и униженно просившему просвѣщенныхъ представителей русскаго общества протянуть руку дружбы передовымъ русскимъ евреямъ. И разъ „рука дружбы" была протянута, наши „передовые русскіе евреи", ставъ „русскими моисеева закона" (а порою даже *православными* русскими), оставили на произволъ судьбы интересы своего народа съ его „косностью и предразсудками" и слились со своими „соотичами".

Въ семидесятые годы, послѣ одесскаго погрома, самыхъ вдумчивыхъ представителей еврейскаго просвѣщенія взяло раздумье. Явился Смоленскинъ со своей національной доктриной и рѣзкой критикой „берлинскаго просвѣщенія"; но его горячая убѣжденная проповѣдь вызвала больше противниковъ, чѣмъ послѣдователей. Но чего не могъ совершить даровитый публицистъ, то свершили погромы восьмидесятыхъ годовъ.

XVII.

Этотъ поворотный пунктъ въ исторіи русскаго еврейства произвелъ полное внутреннее опустошеніе личности еврейскаго „просвѣтителя", еврейскаго интеллигента. Его прошлое оказалось мертвымъ, его идеалы, его вѣра были безжалостно разбиты, его кумиры—свергнуты съ пьедесталовъ; образовалась огромная зіяющая пустота, которую нечѣмъ было заполнить. Тотъ же Гордонъ, мечтавшій о „полномъ и скоромъ обрусѣніи", съ горечью заявляетъ о полномъ банкротствѣ своихъ идеаловъ:

מכל חלומותי לא נשאר מאומה

. . . . . .

ומגדל הכאב מרוב הקרץ

נפלתי רגע משמים ארץ (1882)[1]

Началось настоящее столпотвореніе вавилонское. Многіе изъ тѣхъ, которые еще такъ недавно издавали побѣдный кличъ: „впередъ къ свѣту и просвѣщенію!"—теперь завопили: „назадъ! geht in Schul arein!" Иные отряхнули прахъ мачихи-отчизны и направились въ „страну отцовъ" обрабатывать землю, а другіе устре-

[1]) Отъ всѣхъ моихъ грезъ ничего не осталось... И послѣ великой катастрофы и огромныхъ страданій я сразу упалъ съ небесныхъ высотъ на землю.

мились въ „страну свободы"—въ Америку. Началось великое смятеніе, весьма напоминающее собою то „переходное время" русской жизни съ его заболѣваніемъ и омертвѣніемъ интеллигентной души, которое было съ такой поразительной глубиной и силой изображено Глѣбомъ Успенскимъ. Еврейскій „маскилъ", подобно русскому среднему интеллигенту послѣ освобожденія крестьянъ, потерялъ почву подъ ногами и его душевное равновѣсіе было окончательно нарушено. Герои Успенскаго стали также героями еврейской жизни. И *еврейскій* интеллигентъ заболѣлъ „болѣзнью сердца", „болѣзнью ума", „болѣзнью совѣсти", и *онъ* страдалъ „заболѣваніемъ личности", образующимся на почвѣ слабости и безсилія послѣдней справиться съ могучимъ напоромъ усложнившихся требованій жизни. Русская интеллигенція родила „великаго художника съ великимъ сердцемъ"—Успенскаго, который далъ поразительную по своей яркости галлерею всевозможныхъ вывихнутыхъ, расколотыхъ, искалѣченныхъ интеллигентовъ съ ихъ внутренней болью отъ душевнаго разлада, въ постоянной борьбѣ съ самимъ собой, съ тяжелымъ бременемъ собственной личности. Еврейская интеллигенція не дала такого крупнаго и болѣзненно чуткаго художника, но и она выдвинула цѣлый рядъ писателей, которые также подобно Успенскому, хотя далеко не съ такой щемящей мучительностью, „скорбѣли о тѣхъ мятущихся душахъ, которыя являются жертвами рокового столкновенія стараго съ новымъ, скорбѣли именно о томъ, что они такъ много и болѣзненно мятутся, а мятутся такъ потому, что душевнее равновѣсіе въ нихъ нарушено". Эти писатели видѣли, какъ полная всякихъ трагическихъ коллизій, еврейская жизнь предъявляетъ еврейской интеллигентной мыслящей личности поистинѣ огромныя требованія, а еврейская личность стоитъ растерянная, внутренно расколотая, мучимая неразрѣшимыми вопросами. Лишь въ это „переходное время", еврейскій средній интеллигентъ впервые проникся сознаніемъ своей исторической вины передъ народомъ и сталъ понимать, что тамъ, гдѣ личность въ массѣ подавлена, гдѣ человѣкъ безжалостнымъ ходомъ исторіи обезличенъ, раздавленъ, тамъ предстоитъ интеллигенціи великая освободительная работа. Но въ самой интеллигентной личности не оказалось живого матеріала для исповѣдыванія нахлынувшихъ на нее новыхъ общественныхъ идей и нравственныхъ заповѣдей. „Распала связь временъ"—а средній еврейскій интеллигентъ не знаетъ, какъ возстановить эту связь, какъ перебросить мостъ отъ прошлаго и настоящаго къ таинственному будущему. Старый міръ предковъ ото-

шелъ въ вѣчность, не выдержавъ стремительнаго натиска новаго времени; но и зданіе, побѣдоносно воздвигнутое взамѣнъ стараго людьми „просвѣщенія", оказалось недолговѣчнымъ—и его безжалостно сокрушила суровая дѣйствительность, и на развалинахъ разбитыхъ кумировъ и обломкахъ обманутыхъ надеждъ приходится воздвигнуть новое зданіе на новыхъ началахъ. А строить приходится при самыхъ неблагопріятныхъ, тяжелыхъ условіяхъ. Тутъ необходимы „строители" съ могучей волей, твердо вѣрующіе въ „разумность" своего творчества, строители съ цѣльнымъ міросозерцаніемъ, съ ясно опредѣленными руководящими принципами дѣятельности. Но „переходная эпоха" слишкомъ мало благопріятствовала зарожденію и развитію такихъ цѣльныхъ творческихъ личностей. Разрывъ съ старыми кумирами, крушеніе столькихъ иллюзій, надеждъ и упованій—все это далось не дешево: лучшія силы истратились на исканія, сомнѣнія и колебанія, вся энергія была направлена на дѣло разрушенія и критики — и личность средняго интеллигента оказалась опустошенной, подавленной, дезорганизованной. А на творческую созидательную работу нужны цѣльные, вѣрующіе въ себя и свои силы люди, не отравленные ядомъ сомнѣній, не надломленные и не расколотые. И чѣмъ нужнѣе эти цѣльные люди и чѣмъ меньше ихъ въ дѣйствительности, тѣмъ больше растетъ тоска и томленіе по нихъ. Отсутствуя въ дѣйствительности, они становятся желаннымъ идеаломъ, объектомъ стремленій. И наши писатели „переходнаго времени", внимательно изслѣдовавшіе „интеллигентскій вывихъ", расколотость и „болѣзнь сердца" (קרע שבלב) еврейскаго интеллигента, желая, въ противовѣсъ послѣднему, нарисовать не скомканнаго, а выпрямленнаго и живущаго въ полной гармоніи съ самимъ собой человѣка, направляютъ свои взоры не на настоящее, а на недалекое прошлое, не на представителей европейской культуры, а на представителей своеобразнаго хасидскаго міра, надъ которымъ такъ глумились „просвѣтители" предыдущей эпохи. Пусть, говорятъ эти писатели [1]), хасидскій міръ современнаго человѣка удовлетворить не можетъ, но въ этомъ мірѣ есть нѣчто обаятельное и импонирующее, въ немъ современная личность находитъ именно то, чего она такъ жадно ищетъ—уравновѣшенность и гармоническую цѣльность своего „я". Тѣ идеи и понятія, вообще все то, что въ этомъ мірѣ потеряло для современнаго человѣка всякую цѣнность и прел-

[1]) Подробный анализъ произведеній писателей „переходнаго періода": Переца, Фейерберга, Бердичевскаго и др., будетъ сдѣланъ нами въ спеціальной статьѣ.

ставляетъ собой жалкіе обломки отжившаго архаическаго зданія— для человѣка предыдущей эпохи, для вѣрующаго хасида, было облечено въ плоть и кровь, переливалось всѣми красками жизни, сіяло всѣми цвѣтами яркаго и прекраснаго идеала. Кругозоръ хасида былъ узокъ и тѣсенъ, міръ, въ которомъ онъ жилъ, былъ не реальный, фантастическій, но онъ жилъ въ немъ полной гармонической жизнью, онъ является живой, цѣльной личностью съ ясно опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, неразрывно связывающимъ прошлое и настоящее съ будущимъ. У него, этого мало свѣдущаго, глубоко суевѣрнаго человѣка, было свое „святая святыхъ", которое объединяло въ одно цѣлое его мысли, чувства и волю, и придавало ему удивительную законченность и духовную красоту.

И это не случайность, что у г. Переца, автора классическихъ „хасидскихъ разсказовъ", красной нитью проходитъ черезъ всю его литературную дѣятельность мучительная тоска по гармоніи человѣческой личности и глухой протестъ противъ безсмысленно жестокихъ условій нашей жизни, столь низко пригибающихъ личность, безжалостно комкая и уродуя ее. Не случайность также, что г. Бердичевскій, этотъ восторженный поклонникъ хасидизма, является въ то же время такимъ же горячимъ поклонникомъ Ницше съ его тоской по гармоніи могучаго творчества жизни и красивой, сильной индивидуальности...

Мы еще разъ вернемся (въ послѣдней главѣ) къ этому пункту, тамъ болѣе подробно разберемъ, и тоже въ видѣ параллели отъ „великимъ русскимъ художникомъ съ большимъ сердцемъ", причины тяготѣнія нашихъ писателей къ хасидскому міру. Теперь же намъ необходимо отмѣтить, что „переходное время" еврейской жизни дало, однако, не одну только дисгармоничную и обезличенную интеллигенцію, точно такъ же какъ и „переходное время" русской жизни не дало исключительно однѣхъ только „визжащихъ фигуръ", „прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ", не однихъ только „больныхъ, страдающихъ, стонущихъ и проклинающихъ", какихъ рисуетъ Глѣбъ Успенскій. Даже въ это обезличивающее „переходное время" удалось проявиться „бодрымъ, смѣлымъ, настоящимъ людямъ", поднявшимся, несмотря ни на что, въ естественную величину своего человѣческаго роста и легко, гармонически свободно проявить свою личность. И эти „заправскіе" интеллигентные люди не испугались дать отвѣтъ на вопросы, поставленные „переходной эпохой", и еврейская жизнь обогатилась новыми теченіями, новыми идеями и тенденціями. Эти тенденціи и теченія не успѣли еще проявиться окончательно, ихъ

кругъ еще не законченъ, они часто перекрещиваются между собой, то сближаются, то вступаютъ въ рѣзкій антагонизмъ, но среди этого перепутаннаго клубка жизненныхъ нитей можно тѣмъ не менѣе уловить два основныхъ разнородныхъ теченія, въ которыхъ причудливымъ образомъ переплетаются тѣ два полюса еврейской жизни и мысли, которыя служатъ темой нашей настоящей работы.

XVIII.

Послѣ кровавой бойни, совершенной надъ сотнями тысячъ евреевъ полчищами Хмѣльницкаго, ошеломленный, охваченный ужасомъ народъ ждалъ чуда, ждалъ со страстной тоской избавителя Мессію, который долженъ ихъ вывести изъ „юдоли плача“ въ землю обѣтованную.

Послѣ погромовъ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, охваченный ужасомъ, народъ былъ лишенъ и этого утѣшенія. Два слишкомъ вѣка не прошли безслѣдно и для еврейскаго обособленнаго гетто, и вѣра въ чудеса нѣсколько поблекла. Тогда явились „кающіеся“ маскилимъ, пожелавшіе осуществить чудо естественнымъ „раціональнымъ“ образомъ, переселить страждущее еврейство въ Палестину безъ помощи мессіи, возсѣдающаго на бѣломъ ослѣ. Понятно, что такіе простые заурядные смертные, какими были „кающіеся“ маскилимъ, не были въ силахъ превратить величайшее чудо въ дѣйствительность—и ихъ затѣя дала весьма жалкіе результаты. Но на смѣну „кающимся“ максилимъ нежданно явился человѣкъ, стоявшій внѣ гето и имѣвшій о живомъ еврействѣ весьма смутное представленіе, человѣкъ исполинской воли и широкаго полета фантазіи, человѣкъ, въ которомъ удивительнымъ образомъ сочетались средне-вѣковой фанатикъ и просвѣщенный европеецъ, экзальтированный мечтатель и первоклассный агитаторъ. Мы говоримъ о Теодорѣ Герцлѣ. Этотъ человѣкъ *вѣрилъ* въ чудо, онъ вѣрилъ, что *волей* можно творить чудеса, можно завоевать страну народу безъ войска, безъ флота, безъ финансовъ и переселить въ эту страну бездомный и разсѣянный народъ. Онъ вѣрилъ, этотъ великій мечтатель, въ человѣческую личность, въ огромныя силы этой личности. Онъ не могъ допустить, чтобы индивидуальность могла отказаться вести борьбу за свое свободное развитіе, и онъ свято вѣрилъ, что милліоны личностей, которыхъ травятъ какъ зачумленныхъ и оскорбляютъ въ ихъ лучшихъ чувствахъ—*должны* бороться, должны проявить такую огромную кол-

лективную волю, которая можетъ творить чудеса. Какъ метеоръ пронеслась эта полная мощи и красоты личность, она горѣла ярко, сильно—и сгорѣла... Но она не прошла безслѣдно... Любимая мечта, ставшая центромъ жизни покойнаго агитатора,— несбыточной мечтой такъ и остается; но въ его агитаціонной дѣятельности было нѣчто весьма цѣнное и непреходящее: она много способствовала объединенію и сплоченію разрозненнаго еврейства, пробужденію его самосознанія и политической зрѣлости.

Антиподомъ Герцля и самымъ упорнымъ его противникомъ, является человѣкъ сильнаго и глубокаго ума, человѣкъ, ничего не принимающій на вѣру, не подвергнувъ предварительно холодному безпощадному анализу. Мы говоримъ объ Ахадъ-Гаамѣ [1]).

Ахадъ-Гаамъ знаетъ, что исторія еврейскаго народа представляетъ непрерывную безконечную цѣпь гоненій и насилій, жесточайшихъ мукъ и позорнѣйшихъ пытокъ; за долгій тысячелѣтній періодъ только и слышно хрустѣніе человѣческихъ костей и стонъ опозоренной и стигматизированной личности. И вотъ являются сіонисты и говорятъ: надо собрать разсѣянный народъ, создать свое собственное государство на подобіе Болгаріи или Сербіи. И Ахадъ-Гаамъ въ недоумѣніи. „Допустимъ,—говоритъ онъ,—что мы въ концѣ концевъ достигнемъ нашей цѣли, допустимъ, что намъ удастся основать Judenstaat. Неужели это можетъ насъ удовлетворить? Неужели мы столько выстрадали, переносили всевозможныя муки и униженія въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій только затѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ основать крохотное государство, которое будетъ игрушечнымъ мячомъ въ рукахъ великихъ державъ, и довольствоваться ролью ничтожнаго презираемаго народа?“ [2])

Ахадъ-Гаамъ не можетъ примириться съ мыслью, что финалъ вѣковой безпримѣрной въ исторіи трагедіи будетъ какое-то мелкое государство.

Въ безпримѣрныхъ народныхъ страданіяхъ долженъ быть какой-нибудь смыслъ. И Ахадъ-Гаамъ находитъ его. У народа-страдальца своя миссія, онъ является самоотверженнымъ носителемъ великаго, искупляющаго міръ, „національнаго идеала“. Этотъ „національный идеалъ“ есть не что иное, какъ главная „центральная

[1]) Изложенныя дальше мысли, разработаны нами болѣе подробно въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ нами въ разное время, въ видѣ „обзоровъ еврейской печати“, въ Хр. Восх. См. „Восх.“ 1901 г. №№ 71—3; 1902 г., №№ 14, 24, 50 и 1905 г. № 5.

[2]) На распутьи, ч. III, стр. 53.

идея" древнихъ пророковъ—торжество абсолютной справедливости во всей вселенной. Чтобы идея справедливости могла устоять противъ враждебныхъ ей силъ, „для полнаго торжества ея—необходимъ цѣлый народъ, который добровольно отдался бы ей на вѣки вѣчные и былъ бы ея неизмѣннымъ носителемъ". Этотъ великій подвигъ, по мнѣнію А.-Г., пророки возложили на плечи своего маленькаго, но любимаго народа, и, такимъ образомъ, идеалъ „абсолютной справедливости", который все еще является идеаломъ будущаго, сталъ „національнымъ идеаломъ" еврейскаго народа [1]).

Если, говоритъ А.-Г., наши предки обладали удивительной способностью переносить ненависть и униженія извнѣ, не доходя при этомъ до внутренняго нравственнаго паденія, то это лишь благодаря тому, что они прекрасно знали, за что именно они страдаютъ. Они твердо вѣрили, что испытываемыя ими униженія ихъ только возвышаютъ, они были убѣждены, что въ ихъ рукахъ хранится великая, святая, непризнанная другими „истина", и они носили знамя этой истины если не могучей рукой, то могучимъ духомъ, геройски шли за нее на костеръ, гибли тысячами отъ рукъ безпощадныхъ враговъ. Наши предки знали, что они „избранный народъ", что они существуютъ для великой духовной цѣли, и это сознаніе возвышало ихъ надъ всѣми страданіями, оно дало имъ силы спокойно ждать пришествія искупителя, когда ихъ „истина" побѣдитъ міръ и ихъ мукамъ и скитаніямъ будетъ положенъ конецъ.

Но, жалуется А.-Г., мы, люди новаго времени, придя послѣ горькихъ разочарованій къ тому же заключенію, что въ изгнаніи намъ не найти покоя, мы тѣмъ временемъ потеряли нравственную мощь нашихъ предковъ; у насъ нѣтъ той твердой, непоколебимой вѣры, что только въ нашихъ рукахъ хранится „истина". У насъ осталось одно только отрицательное сознаніе, сознаніе, что мы существуемъ, потому что не можемъ перестать существовать, такъ какъ національный инстинктъ не замеръ въ нашемъ сердцѣ. Но одного отрицательнаго сознанія недостаточно. Національный инстинктъ, это лишь *причина* нашего сохраненія, а наше сердце, болѣющее, страдающее сердце, страстно ищетъ также *цѣли*, смысла нашего ужаснаго существованія. Жить полной страданій и лишеній жизнью и не возненавидѣть жизнь—это возможно лишь, когда страдающій знаетъ, что онъ живетъ и страдаетъ не только потому что не *можетъ умереть*, но и потому, что *долженъ жить*.

---

[1]) „На распутьи", ч. I, стр. 182—3.

Вотъ почему тяжелый гнетъ изгнанія насъ гораздо больше тяготитъ, чѣмъ нашихъ предковъ: у насъ нѣтъ теперь національнаго идеала, во имя котораго мы могли бы такъ-же спокойно, какъ они, переносить гоненія. Возрожденіе національнаго духовнаго идеала стало поэтому для насъ вопросомъ жизни. Но живая идея, великій національный идеалъ, не можетъ возродиться на чужбинѣ, гдѣ силы народныя, оторванныя отъ мѣста ихъ нормальнаго роста чахнутъ, не имѣя возможности пробиться наружу и развиваться свободно, безпрепятственно. „Необходима свобода духу нашего народа, необходимо свободное развитіе на исторической почвѣ въ странѣ предковъ, дабы духъ этотъ воспрянулъ послѣ долгаго сна и былъ бы въ силахъ возродить національный идеалъ и придать послѣднему соотвѣтствующую нашимъ потребностямъ форму, дабы идеалъ этотъ могъ стать оплотомъ разсѣяннаго народа, охранялъ его отъ нравственнаго паденія, укрѣплялъ его силы такъ, чтобы народъ могъ спокойно и сознательно переносить страданія до конца, чтобы онъ зналъ, за что и зачѣмъ онъ страдаетъ“ [1]).

Словомъ, необходимо создать въ Сіонѣ духовный центръ, который объединилъ бы духовными узами разсѣянный народъ. Для этого достаточно, если въ Палестину переселится лишь незначительная часть еврейскаго народа, хотя бы только одинъ процентъ. Этотъ одинъ изъ ста, говоритъ А.-Г., и станетъ духовнымъ центромъ разсѣяннаго Израиля; въ немъ (одномъ изъ ста) мы видимъ разрѣшеніе вопроса о существованіи цѣлаго, а не въ тѣхъ 99 частяхъ евреевъ, словомъ въ той массѣ единицъ, остающихся здѣсь. Периферія круга состоитъ изъ множества точекъ, но лишь одна единственная точка, находящаяся въ центрѣ, является „душой“ оживляющей все [2]).

Въ чемъ же состоитъ эта „абсолютная справедливость“, стоящая внѣ времени и пространства, во имя которой цѣлый народъ добровольно долженъ обрекать себя на безконечныя страданія и „одинъ изъ ста“ получаетъ большую цѣнность, чѣмъ остальные 99? По мнѣнію А.-Г., миссія еврейскаго народа заключается въ томъ, чтобы стать „сверхъ-народомъ“, „народомъ пророковъ“, „воплощающимъ въ себѣ изъ рода въ родъ наивысшій типъ нравственности, неизмѣннымъ носителемъ наиболѣе трудныхъ нравственныхъ обязанностей, *безъ всякой мысли о томъ, приносить*

---

[1]) „На распутьи“. Предисловіе ко второму изданію перваго тома.

[2]) „На распутьи“ ч. I стр. 24.

ли онъ этимъ вредъ или пользу людямъ, а исключительно во имя существованія этого высшаго типа“ [1]).

Еще опредѣленнѣе А.-Г. высказывается въ другомъ мѣстѣ:

„Абсолютная справедливость, говоритъ онъ, какъ самодовлѣющая цѣль и какъ высшая степень совершенства человѣческаго типа, вовсе не обусловлена благомъ большинства. Справедливость — это истина, претворенная въ дѣло (האמת במעשה), т. е. возвышеніе человѣка надъ всѣми склонностями своего сердца и надъ всѣми утилитарными помыслами, какъ по отношенію къ себѣ лично, такъ и по отношенію къ другимъ, дабы онъ могъ судить объективно и безпристрастно о всякой вещи и вникнуть въ ея чистую сущность. И подобно тому, какъ абсолютную истину можно разсматривать какъ нравственное совершенство высшаго ранга, даже въ томъ случаѣ, когда она приноситъ вредъ всей массѣ (этимъ вопросомъ занимался еще Кантъ), точно такъ же мы можемъ разсматривать абсолютную справедливость какъ душевное свойство сверхъ-человѣко, не *терпящее никакихъ ограниченій во имя блага большинства*. Эта высшая справедливость прорывается наружу и прокладываетъ себѣ дорогу, вовсе не считаясь съ ея практическими послѣдствіями, *хороши-ли они или дурны по отношенію къ внѣшнему міру*. Нравственный сверхъ-человѣкъ ратуетъ *во имя самой справедливости* (курсивъ автора) хотя-бы онъ этимъ принесъ вредъ большинству или даже тому лицу, въ которомъ въ данный моментъ воплощена сама справедливость“ [2]).

И какъ Маймонидъ видѣлъ въ пророкахъ „умственныхъ аристократовъ“, держащихся вдали отъ толпы мудрецовъ, такъ и Ахадъ-Гаамъ видитъ въ пророкахъ самыхъ самоотверженныхъ борцовъ „абсолютной справедливости“, обладающихъ „душевнымъ свойствомъ сверхъ-человѣка, не терпящихъ никакихъ ограниченій во имя блага большинства“ и верховнымъ девизомъ нравственности у нихъ является „Fiat justitia, pereat mundus“. Они во имя торжества „абсолютной справедливости“ смѣло вызываютъ на судъ даже самого Всевышняго Судью, и эту мысль А.-Г. иллюстрируетъ извѣстнымъ восклицаніемъ пророка Іереміи: „Праведенъ ты, Господи, но я осмѣливаюсь судиться съ Тобой: почему грѣшники имѣютъ успѣхъ и предатели живутъ въ покоѣ“!

Но типъ пророка, нарисованный Ахадъ-Гаамомъ, такъ же мало походитъ на оригиналъ, какъ и типъ, нарисованный Маймонидомъ. Древніе пророки были безспорно благороднѣйшими рыцарями, „на-

[1]) Ibid ч. II. стр. 72.
[2]) Ibid ч. II. стр. 78.

ивысшими типами нравственности", но они не искусились въ схоластическихъ тонкостяхъ, они не знали ни о кантовскомъ категорическомъ императивѣ, ни о девизѣ „Fiat justitia, pereat mundus", ни объ олимпійцахъ сверхъ-человѣкахъ съ ихъ сверхъ-человѣческой моралью, и потому ихъ „справедливость" такъ мало походитъ на справедливость „нравственнаго сверхъ-человѣка" Ахадъ-Гаама. Если они привлекали самого Верховнаго Судью къ суду „почему грѣшники имѣютъ успѣхъ и предатели живутъ въ покоѣ", они это дѣлали не во имя абстрактнаго потустороняго идеала не „безъ всякой мысли о томъ, приноситъ ли они этимъ вредъ или пользу людямъ"—а именно потому что они знали, что „успѣхъ грѣшниковъ" и „покой предателей" покупаются страданіями и гибелью многихъ человѣческихъ жизней. Пророки никакъ не могли понять, какъ можно ратовать за справедливость не во имя человѣка, а ради ея самой. Безнравственнымъ, несправедливымъ неразумнымъ и вреднымъ они считали все то, что приноситъ страданіе и зло „большинству", а потому они употребляли все свое пламенное вдохновеніе на борьбу противъ гнета и угнетателей, на защиту слабыхъ, беззащитныхъ и обездоленныхъ. Ихъ же идеалъ о торжествѣ „абсолютной справедливости" состоялъ въ томъ, что въ будущемъ „правосудіе потечетъ какъ вода повсюду", „Богъ изольетъ свой духъ на всякую плоть" и „не будетъ ни зла, ни вреда на всей святой горѣ моей, ибо земля (т. е. весь родъ человѣческій) преисполнится Богопознаніемъ, какъ море водой", „будетъ тогда жить волкъ вмѣстѣ съ овцей" и „не подниметъ народъ на народъ меча, и не будетъ больше учиться воевать".

У Ахадъ-Гаама, какъ и у всѣхъ другихъ метафизиковъ, оперирующихъ разными „абсолютами", мы сталкиваемся съ тѣмъ своеобразнымъ фетишизмомъ, который авторъ „Der Einzige und sein Eigenthum" мѣтко охарактеризовалъ словомъ Spuk. Отвлеченнымъ, самимъ человѣкомъ созданнымъ понятіямъ приписывается особое существованіе: прекрасное существуетъ не только въ прекрасныхъ съ человѣческой точки зрѣнія вещахъ; добро, справедливость—не только въ добромъ и справедливомъ человѣкѣ; прекрасное, добро, справедливость совершенно въ отвлеченномъ смыслѣ—это сущность, имѣющая самостоятельное бытіе. И этой „сущности", этой абстракціи, рожденной человѣческой мыслью, являющейся отраженіемъ общественныхъ отношеній между людьми, придается какой-то таинственный смыслъ, приписываютъ какіе-то особые интересы и потребности, которые противопоставляются интересамъ личности. Живую, чувствующую и мыслящую личность

подчиняютъ абстракціи, созданной личностью же, внѣ личности не существующей, существовать не могущей. Изъ-за абстрактной идеи, изъ-за „абсолютной справедливости“ Ахадъ Гаамъ забываетъ живую, реальную личность, онъ забываетъ, что нравственныя истины получаютъ лишь смыслъ и содержаніе, когда ихъ прилагаютъ къ дѣяніямъ людей. Идея о справедливости есть лишь отраженіе людскихъ отношеній, общественной жизни; не абстракція, а тотъ, кто порождаетъ и ее, и общественную жизнь — человѣкъ, какъ онъ есть, со всѣми его скорбями и радостями, желаніями и интересами, есть мѣрило нравственныхъ истинъ. Носителемъ высшей справедливости будетъ поэтому не тотъ, кто заглушаетъ въ себѣ человѣческія склонности и не думаетъ о благѣ „большинства“, а именно тотъ, кто никогда не забываетъ о человѣкѣ, кто всецѣло проникнутъ его интересами, „переживаетъ его жизнь, страдаетъ его страданіями, плачетъ его слезами“. Нравственный же „сверхъ-человѣкъ“ Ахадъ-Гаама, какъ носитель какой-то самодовлѣющей справедливости, является безсердечнымъ фантастомъ, по отношенію къ которому какъ нельзя лучше подходитъ знаменитое восклицаніе гетевскаго Прометея:

Ich dich ehren? wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Je des Beladenen?
Hast du die Thränen gestillt
Je des Geängstigten?

Самъ Ахадъ-Гаамъ такъ много скорбитъ о нашемъ національномъ недугѣ, о нашемъ „омертвѣніи“; онъ скорбитъ о томъ, что нашъ народъ сталъ „книжнымъ народомъ“, рабомъ книги, мертвой буквы, которой онъ насильственно подчиняетъ всѣ требованія жизни, что онъ подавляетъ въ себѣ всякое живое чувство и умерщвляетъ всѣ свои желанія и стремленія. Но, увы! „es sind nicht alle frei, die ihrer Ketten spotten!“ И *его* сильный умъ завязъ въ паутинѣ схоластики, и *онъ* не можетъ освободиться отъ рабства „мертвой буквы“, и его идеалъ является не идеаломъ жизни, а идеаломъ „книги“, его „справедливость“ не жизненная человѣческая справедливость, а абстрактная, „абсолютная“ справедливость сверхъ-человѣка. Въ его разсудочной соціально-этической системѣ центромъ является не живая, цѣльная, исполненная гармоніи человѣческая личность, какъ самодовлѣющее нравственное начало, а заоблачная „абсолютная“ абстракція, которой приносится въ жертву живая человѣческая личность.

Весьма характерна для А.-Г., слѣдующая подробность. И онъ,

подобно Галеви, подчеркиваетъ, что награды и наказанія, о которыхъ говорится въ Торѣ, носятъ національный характеръ, но выводы, дѣлаемые имъ изъ этого факта, такъ мало походятъ на выводы Галеви:

„Всѣ постановленія и законы, всѣ проклятія и благословенія, о которыхъ говорится въ Торѣ Моисея, заявляетъ А.-Г., преслѣдуютъ одну единственную цѣль: счастье *всей націи*. На счастье же *индивидуума* не обращено никакого вниманія. Каждая отдѣльная еврейская личность является лишь членомъ еврейскаго *народа*, и счастье цѣлаго является единственной наградой за поступки частнаго. Одна длинная цѣпь связываетъ всѣ поколѣнія отъ Авраама, Исаака и Якова до грядущихъ дней. Союзъ, заключенный Богомъ съ предками, остается въ силѣ и при ихъ потомкахъ, и если отцы ѣли незрѣлые плоды, зубы дѣтей набиваются оскоминой. Ибо *единъ* народъ въ ряду всѣхъ поколѣній, и индивидуумы каждаго поколѣнія являются тѣми мелкими частицами живого организма, которыя возобновляются ежедневно, ничѣмъ не измѣняя при томъ общее единство цѣлаго организма“ [1]).

Здѣсь, какъ видитъ читатель, индивидуумъ всецѣло поглощается націей, индивидуумъ перестаетъ имѣть цѣнность самъ по себѣ, а лишь какъ ничтожная частичка одного огромнаго цѣлаго. Да и само это цѣлое—нація, въ свою очередь, имѣетъ цѣнность не сама по себѣ, а лишь какъ носительница „національнаго идеала“—абстрактной и „абсолютной“ справедливости.

Fiat justitia, pereat mundus!

XIX.

Мы ужъ въ другомъ мѣстѣ [2]) указали на то, что въ 60-ые и 70-ые годы не одни только юдофобы увѣряли, что еврейскій народъ въ Россіи представляетъ собою не трудящуюся массу, какъ всѣ другіе народы нашего отечества, но исключительно торгово-промышленное сословіе—этого мнѣнія держались всѣ русскіе либералы и даже еврейскіе публицисты, ратовавшіе въ то время за дарованіе евреямъ равныхъ правъ съ остальнымъ населеніемъ. И *еврейскіе* публицисты того времени были вполнѣ согласны съ тѣмъ, что евреи народъ „исключительно торговый“, и они поэтому особенно настоятельно подчеркивали, что разрѣшеніе повсемѣстнаго

[1]) Ibid ч. I стр. 4—5.

[2]) „Жаргонная литература etc.“. „Восх.“ 1903 г. кн. 4 стр. 44—5.

жительства евреямъ будетъ не только актомъ справедливости, но и государственной мудрости, такъ какъ „такой практичный, дѣятельный и способный народъ, какъ евреи“—„можетъ много способствовать оживленію торговли и городской жизни“.

Благодаря этому установившемуся взгляду на евреевъ, какъ на торговцевъ по преимуществу, не только русская радикальная часть интеллигенціи, поставившая во главу угла интересы трудящихся классовъ, относилась въ лучшемъ случаѣ крайне индифферентно ко всѣмъ доводамъ еврейскихъ цублицистовъ въ пользу разрѣшенія евреямъ проявить во внутреннихъ губерніяхъ Россіи свои исключительныя торговыя способности, но и наиболѣе чуткая и отзывчивая на нужды народной массы часть еврейской интеллигенціи окончательно отвернулась отъ своего народа. И она считала своимъ нравственнымъ долгомъ отдать свои силы трудящимся классамъ, но такъ какъ ихъ народъ—народъ торговцевъ и посредниковъ, то и для нихъ девизъ „пойти въ народъ“ означалъ—пойти къ русскому народу, оставивъ свой родной народъ на произволъ судьбы.

Лишь въ приснопамятные восьмидесятые годы, огульное сужденіе о евреяхъ, какъ о торговцахъ по преимуществу, уступило совершенно новому взгляду, гораздо болѣе мирящемуся съ фактами тогдашней дѣйствительности. Убѣдились, наконецъ, что еврейскій народъ въ Россіи трудящійся народъ, ибо громадное большинство его занимается всѣми отраслями физическаго труда. Еврей-чернорабочій, землекопъ, носильщикъ, каменщикъ, извозчикъ и пр., весь этотъ еврейскій пролетаріатъ, который до тѣхъ поръ совсѣмъ стушевался на горизонтѣ еврейскаго вопроса—предсталъ во всей его ужасающей нищетѣ и обездоленности. Все это, на ряду съ другими отрезвляющими факторами „переходной эпохи“ еврейской жизни, способствовало тому, что уже къ серединѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, у той части нашей интеллигенціи, на знамени которой было написано „въ народъ“, этотъ девизъ пересталъ ужъ означать хожденіе въ чужой народъ, а естественно превратился въ хожденіе въ свой, обойденный и законами, и людьми народъ. На арену еврейской жизни выступило новое демократическое теченіе, не экзальтированно-мистическое, подобно хасидизму, а разсудочно-реальное, опирающееся на современное знаніе. Роль этой демократической интеллигенціи въ еврейской народной жизни поистинѣ огромна. Она будитъ сознаніе, будитъ чувство протеста въ загнанныхъ и забитыхъ народныхъ массахъ, она научаетъ ихъ бороться за человѣческія условія жизни и про-

тивъ произвола и насилія. Эта интеллигенція ужъ не врачуетъ подобно хасидизму раны народныя тѣмъ, что зоветъ въ мистическій міръ фантазій и грезъ—она учитъ бороться въ реальной жизни, поучаетъ самому стать кузнецомъ своего счастья. Ея практическая дѣятельность вся направлена на дѣло эмансипаціи личности отъ узъ капитализма, отъ экономическаго рабства и отъ цѣлаго ряда правовыхъ, общественныхъ и политическихъ институтовъ, связанныхъ съ капиталистическимъ строемъ. Но эта демократическая интеллигенція, содѣйствуя съ одной стороны освобожденію и нормальному развитію человѣческой личности, съ другой—налагаетъ новыя узы на ту же человѣческую личность. Это лѣвое крыло активной интеллигенціи смѣло сокрушаетъ и сметаетъ все старое, оно освобождаетъ еврейскаго простолюдина отъ всѣхъ его традицій, разрушаетъ всѣ его преданія и вѣрованія, разрушаетъ его связь съ прошлымъ, не наполняя его души новымъ духовнымъ содержаніемъ, давая лишь взамѣнъ стараго сухого кодекса Шулханъ-аруха новый катехизисъ, болѣе современный, болѣе раціональный, но не менѣе сухой и односторонній. Средневѣковая демократическая „религія сердца“ замѣнена демократической же, но *головной*, разсудочной „религіей“. Уму простолюдина стараются привить въ видѣ единаго и неопровержимаго *символа вѣры*, слѣдующую догматически построенную мысль: „всякая идеологія опредѣляется характеромъ экономическихъ производственныхъ отношеній“. Все, не согласимое съ этимъ символомъ вѣры, отвергается какъ ересь, какъ не „разумное“. Экономическій факторъ, игравшій при первобытныхъ, весьма примитивныхъ условіяхъ человѣческаго быта исключительную, доминирующую роль, дѣйствительно являлся „изложницами“, въ которыхъ отливались идеологія и психологія первобытнаго человѣка; но съ усложненіемъ человѣческой жизни, съ ростомъ человѣческаго сознанія и развитіемъ культуры—вмѣсто одного универсальнаго фактора въ человѣческой исторической жизни проявляется многообразіе и взаимодѣйствіе факторовъ, перекрещивающихся и безконечно переплетающихся, подъ вліяніемъ которыхъ и складывается историческая судьба человѣчества. Еврейскому же представителю труда преподносится въ видѣ неопровержимой догмы, что весь долгій и мучительный процессъ исторіи стоитъ въ тѣсной причинной связи съ матеріальными экономическими условіями жизни, которыя одни играютъ исключительную, универсальную роль во всѣхъ безъ исключенія событіяхъ исторіи. Верховнымъ критеріемъ въ оцѣнкѣ общественныхъ явленій выставляются не интересы человѣческой

личности, а интересы опредѣленной группы, извѣстнаго класса съ его „классовой психологіей", „классовой идеологіей" и „классовымъ сознаніемъ". Все культурное духовное богатство человѣчества, все, что добыто геніемъ и трудомъ человѣка, вся красота и поэзія жизни — разсматривается не съ точки зрѣнія интересовъ и блага *человѣка*, а интересовъ и блага класса. Всѣ многообразныя явленія жизни, весь внутренній духовный богатый міръ человѣка со всей его многосложной гаммой эмоцій и чувствъ—стараются уложить въ Прокрустовомъ ложѣ „классоваго сознанія", и личность пролетарія, за которымъ однимъ признается способность всецѣло проникнуться „идеологіей будущаго",—оказывается съуженной и сдавленной, односторонной и однообразной. Слишкомъ сухи, разсудочны и схематичны тѣ догмы, въ которыя заставляютъ его вѣрить...

И это далеко не случайность, что бытописатели еврейской жизни, даже тѣ изъ нихъ, которые хорошо знаютъ быть трудящихся классовъ, когда желаютъ нарисовать полную гармоническую цѣльную личность, — обращаются не къ настоящему, не къ современной демократіи, а къ прошлому, къ своеобразному хасидскому міру. И это не потому, что наши писатели питаютъ особую любовь къ романтическому міру, или потому что они „консерваторы и ретрограды", какими ихъ пытаются представить иные слишкомъ рьяные и слишкомъ юные приверженцы „классовой идеологіи". Причины лежатъ тутъ гораздо глубже. Гармонія хасидскаго міра привлекаетъ нашихъ писателей въ такой же мѣрѣ какъ Глѣба Успенскаго—крестьянскій міръ съ его „разнообразной, гармоничной и полной жизнью". Успенскаго поражаетъ „внутренняя стройность, цѣльность и резонность" крестьянскаго міросозерцанія, міросозерцанія, которымъ управляетъ одинъ главный факторъ—„власть земли". Эта то власть земли „власть безконтрольная, своеобразная, капризно-прихотливая и бездушно жестокая" [1]) является всеопредѣляющимъ факторомъ, устанавливающимъ полную гармонію въ народномъ существованіи, „существованіи, въ которомъ осмысленъ каждый шагъ, каждый поступокъ, опредѣлена каждая вещь" [2]). Но Успенскій понимаетъ, что эта гармоничность и уравновѣшенность существованія крайне неустойчива. Онъ понимаетъ, что эта гармоничность чисто зоологическая „безъ всякаго съ его (мужика) стороны усилія, безъ всякой *своей* мысли... Вынуть изъ жизни гармонической, но подчиняющейся чужой волѣ, хоть капельку, хоть песчинку, и

[1]) Сочиненія Успенскаго т. II стр. 546.
[2]) Ibid стр. 554.

уже образуется пустота, которую надо замѣнять своей человѣческой волей, своимъ человѣческимъ умомъ... а вѣдь это такъ трудно, такъ мучительно" [1]). Успенскій также сознаетъ, что подъ сѣнью „земледѣльческаго міросозерцанія" въ народной средѣ совершаются возмутительныя по своей жестокости вещи. „Принимая отъ земли, отъ природы указанія для своей нравственности, человѣкъ, т. е. крестьянинъ земледѣлецъ, вносилъ волей-неволей въ людскую жизнь слишкомъ много тенденцій дремучаго лѣса, слишкомъ много наивнаго людского звѣрства, слишкомъ много волчьей жадности" [2]). Какъ же, сохраняя гармонію мужицкаго существованія, поднять вмѣстѣ съ тѣмъ зоологическую, лѣсную правду до степени правды человѣческой и тѣмъ самымъ создать равновѣсіе устойчивое? Какъ, выражаясь словами того же Успенскаго, „безсознательно образцовый" гармоничный типъ превратить въ „сознательно образцовѣйшій"? Для этого надо „лѣсную правду поднять на высшую ступень, сохраняя ея гармоническій строй". „Въ старину, говоритъ Успенскій, это дѣлали святые угодники, *народная* интеллигенція". Нынѣ эта благородная обязаность—внести въ народную среду взамѣнъ зоологической лѣсной правды „свѣтъ разума, свѣтъ истины, лучшей, высшей, несомнѣннѣйшей, какую мы знаемъ или можемъ знать" — лежитъ на интеллигенціи, *внѣклассовой* интеллигенціи. „Единомышленники интеллигентныхъ цѣлей, говоритъ Успенскій, разсѣяны среди всѣхъ званій, состояній и положеній и, несмотря на разныя средства, обязательныя для извѣстнаго званія и положенія, непремѣнно стремятся къ цѣлямъ одинаковымъ и непремѣнно къ такимъ, которыя бы имѣли результатъ: чтобы было лучше жить на свѣтѣ" [3]).

А что подразумѣваетъ Успенскій подъ словами „лучше жить",— всякому извѣстно, кто знакомъ съ своеобразнымъ творчествомъ „печальника земли русской". Тотъ знаетъ, что „идеологія будущаго" Успенскаго, его мечта объ иной лучшей жизни, гармоничной и радостной, была неразрывно связана съ идеаломъ о полномъ и цѣльномъ человѣкѣ, выпрямленномъ во весь свой истинно человѣческій ростъ. Человѣческое существо, какъ самодовлѣющее нравственное начало, какъ высшее мѣрило и верховный критерій всего истинно прекраснаго и божественнаго на землѣ. Человѣкъ, развернувшій „всю огромную красоту *человѣческаго* существа", освобожденный отъ всѣхъ путъ и свободно выпрямленный во всю свою

[1]) Ibid стр. 683.
[2]) Ibid стр. 703.
[3]) Ibid стр. 703.

естественную ширь, „въ натуральную величину гармоніи, красоты и силы своего человѣческаго совершенства“ — вотъ тотъ маякъ, который свѣтилъ изстрадавшейся душѣ Успенскаго.

Вотъ эта то тоска по гармоническомъ, уравновѣшенномъ человѣкѣ, привлекшая вниманіе Успенскаго къ „крестьянскому міросозерцанію“, приковываетъ вниманіе нашихъ писателей къ „хасидскому міросозерцанію“. И наши писатели, подобно Успенскому, понимаютъ, что гармонія и уравновѣшенность хасидскаго міра „неустойчива“. Они знаютъ также, сколько наивнаго невѣжества въ этомъ мірѣ, сколько въ немъ „безсознательнаго“. Они понимаютъ, что гармонія современной сознательной личности немыслима въ старомъ теологическомъ зданіи, основанномъ на мистицизмѣ и невѣжествѣ; они понимаютъ, что необходимо для этого новое зданіе, построенное на знаніи, какъ то старое зданіе на незнаніи, но чтобы въ этомъ новомъ зданіи слились наконецъ воедино „два теченія еврейской жизни“: чтобы демократическая „религія сердца“ съ ея возвеличеніемъ человѣческой личности была озарена не фантастическими лучами потустороннаго и неземного, а яркимъ свѣтомъ разума, свѣтомъ истины, человѣческой, земной истины. И это новое зданіе подобно старому неминуемо должно будетъ носить національную окраску, ибо въ пробужденіи человѣческаго самосознанія въ борьбѣ за индивидуальность и свободное проявленіе способностей и потребностей послѣдней идея національнаго самосознанія играетъ огромную роль. Но этотъ національный принципъ уже не будетъ требовать отъ личности отказа отъ свѣта, свободы и просвѣщенія: его задача—стать, во имя декларацiи правъ личности, на стражѣ гордо провозглашеннаго девиза: *всякая народность* имѣетъ право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая такихъ же правъ другихъ народностей.

И воздвигнуть это новое зданіе должна интеллигенція, *внѣклассовая* интеллигенція. Во избѣжаніе недоразумѣній мы подчеркиваемъ, что внѣклассовая интеллигенція не можетъ и не должна, понятно, не считаться съ *классовыми* противорѣчіями и съ *классовыми* интересами, накладывающими свою неизгладимую печать на всю общественную жизнь и ея развитіе. Она не должна задаваться утопической цѣлью примирить эти противорѣчія—ея призваніе стать на стражѣ интересовъ трудящихся массъ, тамъ, гдѣ такъ безжалостно уродуется человѣческая личность и богатѣйшія человѣческія силы безсмысленно отдаются въ жертву ненасытному Молоху наживы. „Заправская“ интеллигенція должна это свершить не во имя классовыхъ интересовъ и также не во имя торжества

„абсолютной справедливости", а во имя интересовъ замученнаго, искалѣченнаго, обливающагося потомъ и забрызганнаго грязью и кровью живого, страждущаго человѣка. Ибо интересы человѣка выше интересовъ какого бы то ни было класса, ибо человѣкъ — это высшая правда на землѣ; онъ является высшимъ критеріемъ во всѣхъ соціальныхъ, національныхъ, политическихъ и культурныхъ вопросахъ.

Мы повторяемъ, что „заправская" активная интеллигенція должна считаться съ тѣми элементами человѣческой психологіи и идеологіи, которые отмѣчены печатью кастовыхъ, сословныхъ, классовыхъ и національныхъ интересовъ, она не можетъ отрицать и не можетъ не считаться съ антагонизмомъ и противорѣчіемъ этихъ интересовъ. Но и „національная автономія", и общественная организація будущаго — все это должно разсматриваться не какъ конечная, самодовлѣющая цѣль, а лишь какъ средство къ освобожденію личности отъ національнаго и экономическаго рабства, отъ тяжелыхъ путъ, задерживающихъ ростъ и расцвѣтъ всесторонней, гармонически развитой человѣческой личности.

С. Л. Цинбергъ.

Рувке Арбель.

Разсказъ Авраама Кагана.

Переводъ съ англійскаго.

Среди своихъ земляковъ онъ и теперь еще слыветъ подъ именемъ Рувки Арбеля. Прозвище Арбель—по-еврейски рукавъ—онъ получилъ благодаря тому обстоятельству, что до прибытія въ Америку, въ то время, когда онъ еще правилъ лошадьми и исполнялъ всевозможную домашнюю работу у дистилятора Переца, онъ имѣлъ обыкновеніе пользоваться рукавомъ своей овчинной куртки въ тѣхъ случаяхъ, когда принято употреблять носовой платокъ.

То было всего лишь года четыре тому назадъ, но за это время Рувке сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; костюмъ его ничуть не походитъ на прежній, а въ боковомъ карманѣ пиджака всегда красуется носовой платокъ. Несмотря на то, что лицо молодого человѣка сохранило то же вѣчно недовольное хмурое выраженіе и на немъ остались тѣ же слѣды оспы, тѣ же впалыя красныя щеки, приплюснутый носъ и маленькіе сѣрые глазки съ трусливымъ и вмѣстѣ хитрымъ выраженіемъ, разница между прежнимъ Рувке и теперешнимъ все же неизмѣримо велика. Недавно онъ вздумалъ послать свою фотографію матери, которая и по сію пору торгуетъ вареными картофелемъ въ Кроповецѣ, Ковенской губерніи. Когда бѣдная женщина взглянула на карточку сына, первымъ ея побужденіемъ было плюнуть на нее и отвергнуть съ негодованіемъ это грѣховное изображеніе какого-то чуждаго

ей безбожника. Нужно замѣтить кстати, что Рувке снялся совершенно случайно, по той причинѣ, что онъ уже отчаявался получить наличными съ фотографа, которому продалъ на выплату пару брюкъ, „сшитыхъ по заказу". Карточка эта вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу своего оригинала—походить возможно больше на настоящаго американца. Рувке изображенъ на ней безъ пейсовъ, которые почти совершенно скрывали его уши въ то время, когда онъ впервые ступилъ на американскую почву; волосы его раздѣлены посрединѣ проборомъ и причесаны наподобіе завитаго страусоваго пера, а воротничекъ такъ высокъ и узокъ, что, при взглядѣ на шею Рувки, невольно является предположеніе, будто онъ проглотилъ рукоятку того кнута, которымъ въ былое время держалъ въ повиновеніи лошадей Переца. Фланелевый шарфъ, съ которымъ онъ никогда не разставался въ бытность свою въ Кроповецѣ, уступилъ теперь мѣсто пестрому галстуху, а овчинную куртку замѣнилъ новомодный пиджакъ.

При болѣе внимательномъ взглядѣ на карточку Рувке, у человѣка, хоть отчасти посвященнаго въ торговые обороты педлера въ разсрочку, явилось бы подозрѣніе, что пиджакъ, который сидѣлъ на немъ довольно мѣшковато, первоначально облегалъ чью-то болѣе дородную фигуру. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ: этотъ пиджакъ принадлежалъ нѣкоторое время одному тучному буфетчику; но тотъ оказался такимъ же неаккуратнымъ плательщикомъ, какъ и фотографъ, и Рувке убѣдилъ его обмѣнить пиджакъ на сюртукъ, который будетъ сидѣть на немъ точно перчатка". Пиджакъ Рувке захватилъ съ собой, буфетчикъ же и понынѣ ждетъ обѣщанный взамѣнъ сюртукъ.

Но дѣло это особь статья, какъ говоритъ самъ Рувке; въ общемъ же онъ очень порядочный парень, который платитъ аккуратно по счетамъ, а наканунѣ „Дня Искупленія" жертвуетъ долларъ или даже два въ фондъ синагоги „Сыны Кроповеца". Извѣстно также, что онъ выручилъ какъ-то одного новоприбывшаго земляка, поручившись за него въ мебельномъ магазинѣ на цѣлыхъ два съ половиною доллара. По субботамъ Рувке посѣщаетъ сберегательную кассу съ такой же точностью, съ какой одѣваетъ по буднямъ филак-

терін и молится каждое утро у себя въ комнатѣ. Почти всѣ земляки Рувке, надѣленные въ противоположность ему многочисленными семьями и лишенные, вслѣдствіе этого, возможности дѣлать сбереженія, сильно завидуютъ его банковой книжкѣ и кредиту, которымъ онъ пользуется въ спеціальныхъ магазинахъ для снабженія педлеровъ товаромъ. Изъ зависти они называютъ своего болѣе счастливаго земляка не Робертъ Фридманъ, какъ значится на его визитныхъ карточкахъ, а „Рувке Арбель“.

Будемъ, однако, надѣяться, что эти злобные намеки никогда не дойдутъ до ушей нашего героя; въ противномъ случаѣ, они испортили бы ему не мало крови. У Рувке, видите ли, есть одна слабость: онъ непомѣрно тщеславенъ и чрезвычайно любитъ, чтобы о немъ отзывались всегда съ похвалой. Чего бы онъ только не далъ, чтобы про него говорили: „Робертъ ловкій парень!“ „О, Робертъ совсѣмъ не зеленый!“ „Робертъ прекрасный человѣкъ!“ Эта-то слабость и побудила его, при переводѣ своего имени на англійскій языкъ, предпочесть Роберта Рувиму. По его мнѣнію, Робертъ меньше напоминаетъ Кроповецъ и звучитъ болѣе благообразно.

Женскій элементъ до самаго послѣдняго времени отсутствовалъ въ жизни Рувки. Правда, тамъ на родинѣ, когда онъ еще находился въ услуженіи у Переца, онъ частенько награждалъ щипкомъ служанку Лейку; но такой щипокъ ни въ коемъ случаѣ не выражалъ любезности. То не былъ одинъ изъ тѣхъ щипковъ, которые Кроповецкій парень сопровождаетъ умильнымъ взглядомъ прищуренныхъ глазъ и восклицаніемъ: „Огмѣнный товаръ, ей Богу!“ Нѣтъ! Лейку, этого хромого дьявола, эту крикунью, Рувке ненавидѣлъ всѣми силами своей души и щипалъ ее ничуть не изъ вниманія къ ней, а попросту для того, чтобы причинить ей боль и заставить ее, это пугало, подпрыгнуть до потолка. Лейка, въ свою очередь, не оставалась у него въ долгу и усердно пускала въ ходъ черпакъ. Кончалась ихъ возня обыкновенно тѣмъ, что они запускали другъ другу въ волосы пятерню, сопровождая эту процедуру самой отборной руганью и неистовымъ визгомъ. На шумъ вбѣгала хозяйка и прекращала

войну, надравъ предварительно уши обѣимъ воюющимъ сторонамъ.

Единственной дочери своего хозяина, Ганнеле, Рувке прислуживалъ всегда съ большимъ старанiемъ, чѣмъ остальнымъ членамъ семьи. Когда шадхенъ, Фейве, сдѣлалъ визитъ Перецу, и въ домѣ появился затѣмъ первый претендентъ на руку дѣвушки, Рувке нѣкоторое время потерялъ вкусъ къ сметанѣ съ ржанымъ хлѣбомъ и ходилъ самъ не свой. Въ одинъ изъ этихъ злополучныхъ дней онъ даже получилъ пощечину за то, что стоялъ, вытаращивъ глаза, точно не понимая по еврейски, когда ему велѣли принести ведро воды. Впрочемъ, этотъ инциденгъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствiй, и самъ Рувке не могъ бы объяснить причину такого внезапнаго исчезновенiя своего аппетита и присутствiя духа. Да и какъ смѣлъ бы онъ пріобщить къ этому факту Ганнеле? Что могло быть общаго между склонностью къ сметанѣ простого кучера и балованной дочкой ребъ Переца, сына рабби Переле и самаго уважаемаго жителя Кроповеца?!

Переговоры, предметомъ которыхъ служила Ганнеле, скоро прекратились, и къ Рувке снова вернулся его обычный здоровый аппетитъ рабочаго человѣка. За то теперь, когда Ганнеле просила стаканъ чаю, онъ еще съ большимъ рвенiемъ спѣшилъ исполнить ея желанiе.

Одинъ за другимъ появлялись новые претенденты въ домѣ ребъ Переца и уходили ни съ чѣмъ. Наконецъ, наступило время, когда имя Рувке появилось въ призывномъ спискѣ, и послѣ долгихъ мытарствъ герой нашъ очутился въ Америкѣ.

Втеченiе первыхъ четырехъ лѣтъ своего пребыванiя въ Новомъ Свѣтѣ Рувке прошелъ всю школу педлерскаго искусства, вращаясь почти исключительно среди самыхъ ловкихъ и опытныхъ представителей этой профессiи. Въ это время ничто на свѣтѣ, кромѣ дѣла, не интересовало его. Лишь въ первые нѣсколько мѣсяцевъ онъ сильно грустилъ по Кроповецу. Тосковалъ онъ по матери, по семьѣ своего бывшаго хозяина, по яблонѣ въ саду Переца, подъ которой онъ любилъ вздремнуть въ жаркiй лѣтнiй полдень;

тосковалъ также по лужайкѣ передъ домомъ, на которой сидѣлъ, бывало, въ пятницу вечеромъ, выставивъ на показъ ноги въ громадныхъ сапогахъ съ отворотами, смазанныхъ предварительно дегтемъ въ честь субботы; тосковалъ и по колодцу у синагоги, у котораго онъ такъ много дурачился и шалилъ съ товарищами во время перерыва въ утренней субботней молитвѣ, когда старшіе члены общины присутствовали при чтеніи Торы. Изъ всѣхъ воспоминаній, которыя смущали въ первое время пребыванія въ Нью-Іоркѣ дѣловитый умъ парня и волновали его душу, самымъ мучительнымъ и упорнымъ было воспоминаніе о Ганнеле. Впослѣдствіи, волна времени унесла съ собой, однако, и Ганеле такъ же, какъ яблоню, лужайку передъ домомъ и колодецъ у синагоги. Только въ тѣ рѣдкіе промежутки, когда Рувке случалось встрѣтить новоприбывшаго земляка изъ Кроповеца, былое вновь оживало въ его памяти. Освѣдомившись вскользь о здоровьѣ своей матери и о всѣхъ вообще членахъ семьи Переца, онъ требовалъ всегда мельчайшихъ подробностей во всемъ, что касалось Ганнеле. И каждый разъ послѣ такого разговора, подъ дѣйствіемъ нахлынувшихъ воспоминаній, нарушалось на нѣкоторое время душевное равновѣсіе Рувке.

Если не считать этихъ рѣдкихъ моментовъ, Рувке все время неуклонно шелъ по разъ намѣченному пути. Начавъ съ продажи носовыхъ платковъ, онъ скоро достигъ слѣдующей ступени въ торговомъ дѣлѣ: у него уже было въ достаточномъ количествѣ разнообразнаго товара для того, чтобы завести подвижную лавочку въ видѣ корзины. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, онъ уже принадлежалъ къ тому классу педлеровъ, которые раскладываютъ свой товаръ на лѣстницахъ домовъ, рискуя часто быть спущенными внизъ головой со всѣхъ ступеней, чтобы затѣмъ, не смущаясь, подняться и, какъ ни въ чемъ не бывало, постучаться въ какую-нибудь дверь въ нижнемъ этажѣ. Нерѣдко имъ тутъ приходится сталкиваться лицомъ къ лицу съ привратникомъ и очутиться вновь въ затруднительномъ положеніи... Наконецъ, Рувке удалось достигнуть высшаго положенія среди своихъ коллегъ и удостоиться званія педлера въ разсрочку.

На его визитныхъ карточкахъ значилось: „Робертъ Фридманъ, торговецъ мебелью, коврами, драгоцѣнными камнями, готовымъ платьемъ, принадлежностями дамскаго туалета и проч., и проч. Еженедѣльная разсрочка платежа".

Какъ уже было замѣчено выше, женскій элементъ былъ совершенно чуждъ Рувке. Съ представительницами прекраснаго пола у него были лишь чисто дѣловыя отношенія. Онъ часто встрѣчалъ другихъ педлеровъ въ обществѣ нарядно одѣтыхъ „барышенъ", съ которыми они громко разговаривали по-англійски. Рувке зналъ, что эти молодые люди посѣщали танцовальные классы, балы и пикники; для него же лично такія развлеченія составляли „terra incognita". Если Рувке случайно встрѣчалъ у товарищей-земляковъ, къ которымъ онъ иногда заходилъ по дѣламъ, молодую, говорящую по-англійски дѣвицу и хозяинъ знакомилъ его съ ней, онъ краснѣлъ до самыхъ корней волосъ и слова,— „Очень радъ познакомиться", — которыя, какъ онъ зналъ, были тутъ у мѣста — не шли у него съ языка. Впрочемъ, Рувке старался избѣгать такихъ осложненій въ своей жизни и никогда не задумывался надъ подобными пустяками.

Черезъ нѣкоторое время, между тѣмъ, когда педлера и земляки Рувке оцѣнивали его наличный капиталъ въ пять тысячъ долларовъ, и онъ дѣйствительно насчитывалъ уже свыше трехъ тысячъ долларовъ въ депозитахъ банка и 25 лѣтъ за плечами, имъ все чаще и чаще стала овладѣвать какая-то безотчетная тревога и тоска по чему-то неопредѣленному. Сначала Рувке сильно недоумѣвалъ по этому поводу; затѣмъ онъ сталъ замѣчать, что каждый разъ, когда ему приходится проходить мимо красивой молодой женщины, имъ овладѣваетъ знакомое, непонятное чувство, и что-то толкаетъ его забѣжать ей впередъ и заглянуть подъ шляпку.

Мало по малу съ Рувке произошла большая перемѣна. Когда ему приходилось раньше знакомиться съ барышнями, дѣло ограничивалось тѣмъ, что онъ ужасно краснѣлъ и смущался, при чемъ сердце его начинало усиленнѣй биться. Теперь же, въ такихъ случаяхъ, онъ спѣшилъ каждый разъ, улучивъ удобную минуту, къ зеркалу и принимался внима-

тельно разсматривать свой пестрый галстухъ и въ особенности изуродованный оспой носъ. Въ былое время онъ и думать забывалъ о слѣдахъ оспы на своемъ лицѣ, а теперь мысль о нихъ неотступно преслѣдовала его и однажды ночью ему приснился арбузъ, который въ то же время былъ собакой съ громаднымъ носомъ, изрытымъ оспой. Рувке проснулся утромъ въ скверномъ расположеніи духа и не въ состояніи былъ позавтракать, какъ слѣдуетъ; весь день затѣмъ онъ ходилъ точно въ воду опущенный и, по разсѣянности, послалъ коверъ ирландкѣ, которая заказала ему сатину на платье.

Рувке поступилъ въ вечернюю школу для эмигрантовъ. Когда онъ уже въ состояніи былъ разбирать односложныя слова, онъ купилъ какъ-то вечеромъ газету и принялся разыскивать объявленіе врача, который взялся бы удалить слѣды оспы—онъ былъ убѣжденъ, что въ газетахъ печатаются такія объявленія. Попытка его, однако, не увѣнчалась успѣхомъ: бѣдняга не могъ найти въ газетѣ ни одного знакомаго слова и всѣ вообще буквы сливались передъ его глазами.

Было бы, однако, несправедливо по отношенію къ нашему герою заподозрить его, что онъ посѣщалъ школу исключительно для того, чтобы быть въ состояніи пользоваться объявленіями врачей. Для поступленія въ школу у Рувке были, главнымъ образомъ, двѣ побудительныхъ причины:—„Первымъ дѣломъ, Роберъ, —говаривалъ онъ часто самому себѣ,— ты не долженъ забывать, что ты уже больше не Рувке; весьма возможно, что черезъ годъ или два у тебя будетъ собственная лавка, а развѣ ты не знаешь, что неграмотный владѣлецъ лавки подвергается опасности быть ограбленнымъ своимъ бухгалтеромъ?“ Затѣмъ, какой-то внутренній голосъ все чаще нашептывалъ ему: „Помни, Роберъ, что барышни осыпаютъ насмѣшками молодого человѣка, который не въ состояніи прочесть газеты“.

Помимо того, товарищи Рувке, которые почти всѣ изучали въ Россіи Талмудъ и, благодаря этому, безъ особенныхъ трудностей усвоили кой-какія крохи ломаннаго англійскаго языка, часто говорили въ шутку, что у Рувке желѣзная голова на плечахъ, если онъ можетъ удержать въ памяти, не

записывая, адреса и счета всѣхъ своихъ многочисленныхъ покупателей. Эти шутки глубоко уязвляли самолюбіе Рувке; онѣ были для него почти такъ же мучительны, какъ и насмѣшки товарищей по поводу его робости въ присутствіи барышенъ.

Когда при Рувке заговаривали теперь о чьей-либо женитьбѣ, онъ интересовался мельчайшими подробностями касательно жениха и невѣсты и спѣшилъ узнать, сколько женихъ зарабатываетъ еженедѣльно, какъ молодые люди познакомились другъ съ другомъ; сколько времени прошло между помолвкой и свадьбой и т. д. Взбираясь какъ-то утромъ въ субботу по лѣстницѣ, которая вела въ его крохотную комнатку, онъ увидѣлъ сквозь открытую дверь сосѣдней квартиры, какъ молодая женщина застегивала мужу воротъ рубашки. Смѣшанное чувство зависти и доброжелательства къ молодой четѣ переполнило душу Рувке. „Кто онъ такой?" говорилъ онъ себѣ, очутившись въ своей комнатѣ, которая показалась ему теперь такой непривѣтливой и пустой. „Ни больше, ни меньше, какъ портной, не имѣющій ломанаго гроша за душой! Когда я женюсь, я не стану жить въ такой квартирѣ". Тутъ услужливое воображеніе нарисовало ему слѣдующую заманчивую картину: гостиная съ бронзовыми часами на каминѣ; большое зеркало между двумя окнами, завѣшанными тюлевыми гардинами, и черноглазая молодая женщина въ шеколаднаго цвѣта капотѣ чиститъ ярко-красный коверъ съ желтыми разводами. Входитъ онъ, Робертъ, и молодая женщина обращается къ нему нѣжнымъ, тоненькимъ голоскомъ: „Здравствуй, Робъ! Хочешь обѣдать?" Точь въ точь, какъ онъ видѣлъ вчера у одного недавно женившагося педлера.

Какъ разъ въ это время, когда у Рувке стали чаще повторяться припадки безотчетной тревоги и тоски, онъ встрѣтилъ въ одну изъ субботъ въ синагогѣ „Сыны Кроповеца" новаго гостя изъ родныхъ мѣстъ въ лицѣ меламеда—Фейвы. Этотъ высокій, худой старикъ, съ лицомъ мученика, имѣлъ на родинѣ одну изъ тѣхъ школъ-хедеровъ, гдѣ еврейскій мальчикъ проводитъ весь день, изучая слово Божіе. Какъ это часто бываетъ съ меламедами, профессія рейбъ Фейвы

давала ему такъ мало, что онъ вынужденъ былъ посвятить свой досугъ какому-нибудь побочному занятію. Ребъ Фейве сдѣлался шадхеномъ и съ теченіемъ времени сильно пристрастился къ своему новому занятію. Не успѣлъ онъ высадиться на берегъ, въ Нью-Іоркѣ, какъ уже сталъ разнюхивать, не удастся ли устроить тутъ каку-нибудь партію.

— А, ребъ Фейве!—обратился Рувке къ своему земляку.— Вотъ неожиданный гость-то! Ну какъ же вы поживаете? Когда пріѣхали!—И послѣ нѣсколькихъ небрежныхъ вопросовъ о здоровьѣ матери и о кроповецкихъ дѣлахъ вообще, онъ освѣдомился о своемъ бывшемъ хозяинѣ.

— Перецъ?—повторилъ старикъ вопросъ Ривке.—Да сжалится надъ нимъ Всевышній! Развѣ вы не слышали, что дѣла его теперь изъ рукъ вонъ плохи?"

— Не можетъ быть?!

— Да положеніе его очень печально,—заключилъ ребъ Фейве, покручивая одинъ изъ своихъ длинныхъ, рыжихъ съ просѣдью пейсовъ.—Вы вѣдь знаете, какъ плохо живется теперь тамъ, у насъ, евреямъ. Дѣла становятся съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Да поможетъ намъ и да спасетъ насъ Тотъ, Чье имя я не дерзаю произнести, не умывши предварительно рукъ! Перецу пришлось особенно круто въ послѣднее время, и бѣдняга такъ сильно состарился отъ заботъ!

— Неужели винокуренный заводъ въ самомъ дѣлѣ закрытъ? Какъ жаль, право!

Рувке искренне сожалѣлъ своего стараго хозяина, который относился къ нему всегда хорошо и которому онъ, въ свою очередь, былъ очень преданъ. Но это чувство жалости и состраданія скоро смѣшалось съ смутнымъ ощущеніемъ торжествующаго самодовольства.

„Вотъ до чего я дожилъ!" воскликнулъ мысленно Рувке. „Я теперь богаче ребъ Переца, ей-Богу!" И онъ нащупалъ въ боковомъ карманѣ банковую книжку.

— О, мнѣ очень, очень жаль ребъ Переца!—промолвилъ онъ вслухъ послѣ небольшой паузы.—Такой честный еврей! Ну, а какъ поживаетъ Ганнеле?

— По обыкновенію,—отвѣтилъ шадхенъ.—Она все еще не

замужемъ. Но Перецъ самъ виноватъ въ этомъ—да проститъ меня Господь за такія слова! Когда я предлагалъ самыя лучшія партіи для Ганнеле, онѣ не нравились ему. Развѣ только какой-нибудь принцъ могъ бы удовлетворить его честолюбіе.

Когда старый шадхенъ говорилъ, его правая рука и пальцы энергично подчеркивали его слова разными замысловатыми движеніями въ воздухѣ.

— А какъ она выглядитъ?—прервалъ его слова Рувке. Все такъ же хороша, какъ и раньше?

— Да она все такъ же хороша,—произнесъ недовольно шадхенъ.—Но тѣмъ хуже для нея: не будь она такой красивой, отецъ былъ бы менѣе разборчивъ въ выборѣ жениха для нея, и Ганнеле была бы уже теперь матерью по крайней мѣрѣ трехъ дѣтей.

— О, ей не трудно будетъ выйти замужъ; вѣдь она такая красавица!—замѣтилъ Рувке.

Вечеромъ того же дня Рувке лежалъ, по своему обыкновенію, поперекъ кровати съ вытянутыми на стулѣ ногами. Голова на этотъ разъ занята была мыслями о Ганнеле. Въ послѣднее время образъ дѣвушки все болѣе стушевывался въ его памяти; если онъ по временамъ случайно вспоминалъ еще о ней, то никакъ не могъ себѣ ясно представить ея лица. Теперь же, совершенно непонятнымъ образомъ, въ его воображеніи воскресли съ поразительной живостью добрые, глубокіе и темные глаза дѣвушки и ея розовыя губки, которыя то и дѣло обнаруживали ослѣпительную бѣлизну ея зубовъ, озаряя все блѣдное личико радостной улыбкой; онъ, казалось, слышалъ еще шуршанье ея новаго ситцеваго платья, когда она весело подбѣгала къ отцу, чтобы отвѣтить на его торжественно-ласковое субботнее привѣтствіе.

Вспоминаніе о Ганнеле не волновало больше Рувке, какъ бывало, въ первое время по пріѣздѣ въ Америку; наоборотъ, оно оказывало на него теперь удивительно успокаивающее, благотворное вліяніе. Чтобы еще яснѣе представить себѣ образъ дѣвушки, Рувке закрылъ глаза. „Что, если бы я женился на ней?“ молніей промелькнуло вдругъ у него въ

головѣ; но онъ тотчасъ же отогналъ отъ себя эту мысль: она была слишкомъ нелѣпа для того, чтобы стоило хоть на мгновеніе остановиться на ней. Мечты о Ганнеле скоро перенесли Рувке къ былымъ днямъ въ Кроповецѣ, и ему ужасно захотѣлось съѣздить туда на короткое время. Пусть бы кроповецкіе обыватели посмотрѣли на его модное американское платье; пусть бы они послушали его серьезный дѣловой разговоръ и полюбовались его общимъ видомъ довольства и воспитанности! Какъ были бы они поражены, увидѣвъ прежняго Рувке Арбеля такъ изящно одѣтымъ, настоящимъ бариномъ! Развѣ кто-нибудь во всемъ Кроповецѣ носитъ такой костюмъ, такую шляпу, галстухъ, воротникъ? А какъ пріятно было бы пожертвовать кругленькую сумму на синагогу! И какъ всѣ они стали бы тамъ заискивать въ немъ, какъ ухаживали бы за нимъ!

„Бѣдный ребъ Перецъ“,—подумалъ Рувке, когда мысли его снова обратились къ несчастью, которое постигло его прежняго хозяина.—„Бѣдняжка Ганнеле!“ Онъ живо представилъ себѣ дѣвушку всю въ слезахъ, съ поникшей головой, такой, какъ онъ видѣлъ ее однажды, когда она убивалась по поводу неудачнаго новаго платья. Въ головѣ Рувке смутно промелькнула мысль послать ребъ Перецу 50 долларовъ, что составило бы внушительную сумму въ цѣлыхъ сто рублей. Но это великодушное побужденіе тотчасъ же затерялось въ лабиринтѣ лицъ, счетовъ и разныхъ соображеній по поводу будущей лавки, которую мысль о 50 долларахъ вызвала въ его вѣчно занятомъ долларами мозгу.

Размышленія нашего героя были прерваны внезапно открывшейся дверью въ его комнатѣ.

— Добрая суббота, здравствуйте!—привѣтствовалъ ребъ Фейве своего молодого земляка, протискиваясь въ узкомъ пространствѣ между полуоткрытой дверью и кроватью, и его лицо расплылось въ многозначительную улыбку.

— Извините, что я не постучался предварительно въ дверь: я еще не освоился съ вашими здѣшними обычаями.

— А, ребъ Фейве! здравствуйте!—отвѣтилъ Рувке, вскакивая съ тревожнымъ видомъ и ожидая, что ребъ Фейве обратится къ нему за денежной поддержкой.

— Угадайте-ка, Рувимъ, что привело меня къ вамъ?

— Какъ же я могу это знать?—возразилъ хозяинъ, принужденно улыбаясь.—Да и почему бы вамъ и не придти ко мнѣ просто въ гости, ради субботы? Садитесь,—прибавилъ онъ, указывая на единственный стулъ въ комнатѣ и усаживаясь между тѣмъ на кровать, которая исполняла также обязанность кушетки.

— Какое пряво имѣютъ эти нищіе эмигранты безпокоить меня такимъ образомъ?—подумалъ онъ вслѣдъ затѣмъ.—Да и вообще, чего они лѣзутъ въ Америку?

— Ну, какъ дѣла въ Кроповецѣ?—спросилъ Рувке вслухъ.—Здѣсь скверныя дѣла, очень скверныя! Да проститъ меня Господь за то, что я говорю о дѣлахъ въ субботу.

— Оставьте, пожалуйста, въ покоѣ дѣла. Выслушайте-ка лучше, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ, Рувимъ, — сказалъ шадхенъ, работая пальцами въ воздухѣ.—Что, если бы я предложилъ вамъ партію, а?

— Партію?—воскликнулъ Рувке съ радостнымъ изумленіемъ, успокоившись относительно предполагаемаго займа со стороны ребъ Фейве.

— Да, партію, и какую еще партію! Вы никогда и мечтать то не смѣли о такой невѣстѣ, увѣряю, васъ. Не зачѣмъ такъ краснѣть! Что-же, развѣ такому молодому, какъ вы, уже не время жениться?

— Я и не думаю краснѣть,—протестовалъ Рувке, смущаясь еще болѣе. Онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія узнать, въ чемъ дѣло, но старался не выдавать своего любопытства.

— Было бы слишкомъ жестоко, однако, испытывать долѣе ваше терпѣніе,—заговорилъ снова ребъ Фейве съ улыбкой, покручивая пейсы.—Приступимъ прямо къ дѣлу. Я имѣю въ виду—угадайте же кого!—ну, такъ вотъ я имѣю въ виду Ганнеле, дочку дистилятора Переца. Что вы скажете на это, а?—закончилъ шадхенъ уже шепотомъ, оставивъ въ покоѣ свои пейсы и вскочивъ со стула, чтобы лучше насладиться эффектомъ, который его слова произведутъ на молодого человѣка.

Рувке покраснѣлъ до ушей и ротъ его искривился въ

гримасу, которую такъ же легко было принять за улыбку, какъ и за прелюдію къ плачу.

— Вы, вѣроятно, шутите, ребъ Фейве! Да я... я еще и не думаю жениться. Вы бы лучше... лучше разсказали мнѣ что-нибудь новенькое,—проговорилъ онъ, запинаясь.

Атака ребъ Фейве застала Рувима врасплохъ и не дала ему времени разобраться въ своихъ собственныхъ мысляхъ. Правда, предложеніе шадхена очень льстило его самолюбію, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся связать себя чѣмъ-нибудь. Однако, отъ ребъ Фейве не такъ-то легко было отдѣлаться. Коснувшись разъ своей излюбленной темы, онъ сталъ изливать передъ своимъ слушателемъ цѣлые потоки краснорѣчія, иллюстрируя свою рѣчь то причудливыми фигурами въ пространствѣ, то энергичнымъ покручиваніемъ пейсовъ. Съ удивленіемъ истаго шадхена распространялся онъ о добродѣтеляхъ и разныхъ познаніяхъ невѣсты; говорилъ о склонности, которую она всегда будто бы питала къ Рувке; о легкомысліи и суетности американскихъ дѣвушекъ и о чести, которой онъ, Рувке, удостоится, сдѣлавшись членомъ семьи ребъ Переца.

Рувке слушалъ ребъ Фейве, затаивъ дыханіе, но не единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ не выражалъ своего согласія или поощренія. Это мало смущало старика, и, увлеченный собственнымъ краснорѣчіемъ, онъ убѣждалъ себя, что за согласіемъ Рувки дѣло не станетъ. Когда же ребъ Фейве вдругъ спохватился, что онъ можетъ опоздать къ вечерней молитвѣ въ синагогу и порывисто поднялся со стула, Рувке сильно захотѣлось удержать его.—Чего вы такъ торопитесь, ребъ Фейве,—замѣтилъ онъ на прощальное привѣтствіе шадхена, къ которому почувствовалъ вдругъ приливъ нѣжности.

Choson—это терминъ, примѣняемый къ еврейскому юношѣ начиная съ того времени, когда онъ становится кандитатомъ въ женихи вплоть до окончанія брачнаго торжества. Между choson'омъ и обыкновеннымъ неженатымъ смертнымъ, который называется просто bocher'омъ, существуетъ цѣлая пропасть. Самое слово „choson“ заключаетъ въ себѣ невыразимую

прелесть; въ немъ есть что то торжественное, и оно какъ-бы окружаетъ своего носителя блестящимъ ореоломъ.

Ребъ Фейве внезапно, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, превратилъ нашего героя изъ обыкновеннаго bocher'a въ choson'a. Рувке былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ превращеніемъ и нѣкоторое время послѣ ухода чародѣя съ лица его не сходила смущенная улыбка—онъ какъ будто стыдился того, что съ нимъ произошло. Онъ сознавалъ всю важность происшедшей съ нимъ перемѣны совершенно независимо отъ представленія о Ганнеле. Что касается дочки ребъ Переца, то самая мысль о томъ, что она согласится выйти за него замужъ, казалась ему безразсудствомъ. Допустивъ, наконецъ, что дѣвушка дѣйствительно согласилась бы стать его женой, Рувке рѣшилъ, что съ его стороны было бы безуміемъ жениться на безприданницѣ; вѣдь если онъ подождетъ годика два (правда, ждать было слишкомъ долго), т. е. до тѣхъ поръ, пока станетъ обладателемъ хорошей лавки, онъ можетъ жениться на дочери какого-нибудь купца, за которой дадутъ двѣ или даже три тысячи приданаго.

Такимъ образомъ, онъ старался отогнать отъ себя всякую мысль о Ганнеле и видѣлъ себя мысленно женихомъ богатой американки. Но кроповецкая дѣвушка завладѣла воображеніемъ бѣднаго парня и помимо воли послѣдняго мысли его то и дѣло снова возвращались къ ней. Въ концѣ концовъ онъ не устоялъ противъ искушенія и принялся обсуждать проектъ шадхена. Желаніе породниться съ какимъ-нибудь мѣстнымъ купцомъ казалось ему теперь слишкомъ вульгарнымъ и прозаичнымъ, рядомъ съ возможностью стать зятемъ ребъ Переца. Вѣдь эти нью-іоркскіе купцы большею частью такого же низкаго происхожденія, какъ и онъ самъ, между тѣмъ, какъ его бывшій хозяинъ знатнаго рода, считается большимъ знатокомъ Талмуда и занимаетъ видное общественное положеніе. Уваженіе, граничащее съ поклоненіемъ, которое Рувке всегда питалъ къ своему господину, заговорило въ немъ съ новой силой. Да, многое можно отдать за то, чтобы имѣть ребъ Переца тестемъ! А какой переполохъ это событіе произведетъ среди его земляковъ

въ Кроповецѣ и здѣсь, въ Нью-Іоркѣ! Помимо того, сами американскія дѣвушки внушали ему порядочный страхъ: онѣ вѣдь воспитаны на пикникахъ и балахъ въ то время, какъ его, Рувке, приводитъ въ смущеніе самая мысль о томъ, чтобы пригласить дѣвушку на танецъ. Да и на что онѣ годны, эти барышни? Всѣ онѣ похожи скорѣй на христіанокъ, чѣмъ на евреекъ, и способны лишь тратить деньги мужа на конфекты, наряды да на театры. Такая жена властвовала бы надъ нимъ, третировала бы его свысока и вообще отравляла бы ему жизнь. Ганнеле же, эта милая Ганнеле, напротивъ, истинная дщерь Израиля. Она была бы прекрасной хозяйкой, помогала бы ему въ то же время въ лавкѣ, а по субботамъ сопровождала бы его въ синагогу; такому же человѣку, какъ онъ, нужна какъ разъ такая жена. Говорящую по-англійски жену онъ принужденъ будетъ называть „darling"—слово, лишенное въ его глазахъ всякаго смысла и прелести, между тѣмъ, какъ Ганнеле онъ называлъ бы: „Kreinele meine! Gold meine!" А эти мелодичные звуки такъ много говорили его сердцу.

Онъ уже видѣлъ себя мысленно идущимъ въ синагогу рядомъ съ Ганнеле, одѣтой въ плюшевое пальто, съ громадной шляпой на головѣ, и нашептывающей ей нѣжныя слова... И вотъ, эта заманчивая картина исчезла, и на ея мѣсто, точно по волшебству, предъ нимъ предсталъ прежній Рувке, кучеръ ребъ Переца, въ смазныхъ сапогахъ съ отворотами, который подавалъ чай единственной дочери своего хозяина. „Нѣтъ, этого не можетъ быть! Фейве, видно, не въ своемъ умѣ, если задумалъ для меня такую партію", воскликнулъ Рувке въ отчаяніи. И онъ снова пытался утѣшить себя тѣмъ, что возьметъ приличное приданое за какой-нибудь нью-іоркской барышней, и прибавлялъ уже мысленно воображаемую сумму къ своему будущему капиталу. Ганнеле отвергнетъ его? Что-жъ, тѣмъ лучше! Это предохранитъ его отъ неблагоразумнаго шага и спасетъ ему, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи долларовъ. Онъ даже повеселѣлъ при мысли о томъ, что ребъ Фейве не удастся выполнить свой планъ, который оказался для него, Рувке, столь разорительнымъ. Однако

гдѣ то, въ глубинѣ его души притаилось желаніе, чтобы Ганнеле согласилась сдѣлаться его женой...

Ребъ Фейве имѣлъ еще одинъ обстоятельный разговоръ съ Рувке, и, несмотря на то, что онъ, не колеблясь, заявлялъ авторитетно, что ребъ Перецъ и Ганнеле не отвергнутъ его предложенія, ему не удалось добиться отъ парня чего нибудь положительнаго. Ни мало не унывая, однако, нашъ шадхенъ отправилъ ребъ Перецу длинное посланіе, въ которомъ онъ отзывался восторженно о богатствѣ Рувке и объ общественномъ положеніи, которое онъ занимаетъ въ Америкѣ; хвалилъ его религіозность и говорилъ, что онъ сдѣлался очень воспитаннымъ молодымъ человѣкомъ. Фраза: „Это уже не прежній Рувке“, повторялась на каждой изъ десяти страницъ этого письма. Торговля въ разносъ на выплату превратилась въ письмѣ ребъ Фейве въ обширный магазинъ мебели, драгоцѣнностей и готоваго платья, а владѣлецъ этого магазина, по словамъ шадхена, изнывалъ отъ любви къ Ганнеле. На послѣднее обстоятельство ребъ Фейве указывалъ, какъ на доказательство того, что бракъ между Ганнеле и Рувке рѣшенъ самимъ Провидѣніемъ.

Не успѣлъ отвѣтъ ребъ Переца придти по назначенію, какъ въ Нью-Іоркѣ произошло два событія, которыя были какъ нельзя болѣе на руку смѣлому, предпріимчивому шадхену.

Дочь одного еврея, управляющаго большимъ домомъ, была помолвлена съ педлеромъ. Въ приданое за дѣвушкой была обѣщана тысяча долларовъ чистоганомъ и полная обстановка. Но когда назначенный для свадьбы день былъ уже близокъ, отецъ невѣсты намекнулъ какъ-то жениху, что тотъ долженъ удовлетвориться одной обстановкой въ придачу къ его дочери; что же касается денегъ, то ему придется отказаться отъ нихъ. Не долго думая, молодой человѣкъ прекратилъ свои визиты къ невѣстѣ, но, не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ по иску, возбужденному противъ него отъ имени якобы обманутой имъ дѣвушки *). Исторія эта въ продолженіе нѣсколькихъ

*) Подобные процессы сплошь и рядомъ встрѣчаются въ американской судебной хроникѣ. *Примѣч. перев.*

дней служила предметомъ оживленныхъ толковъ среди педлеровъ и дошли также до ушей Рувке. Можно себѣ легко представить, какое впечатлѣніе она произвела на него. Единственный важный доводъ противъ предложенія Фейве былъ теперь разбитъ въ пухъ и прахъ.

Слѣдующее обстоятельство окончательно побудило Рувке не медлить долѣе со своимъ рѣшеніемъ и принять предложеніе шадхена. Однажды онъ вздумалъ навѣстить ребъ Фейве, который жилъ у одного изъ своихъ земляковъ. Остановившись у дверей квартиры, чтобы поправить галстухъ,— онъ продѣлывалъ это теперь всегда, прежде чѣмъ войти куда-нибудь въ домъ — Рувке услышалъ громкій разговоръ между хозяйкой и жильцомъ. Уловивъ свое имя, онъ сталъ прислушиваться, притаивъ дыханіе.

— Не говорите, пожалуйста, глупостей, ребъ Фейве,— донеслось до него.—Чтобы дистиляторъ Перецъ, отдалъ свою дочку за Рувке Арбеля! Это рябое чучело и Ганнеле! Такая красотка, такое изнѣженное дитя! Помилуйте, да вѣдь на ней всякій жениться съ радостью, хоть бы у нея и не было ломанаго гроша. Чтобы она вышла замужъ за это чудовище, за эту гадину!..

Рувке былъ задѣтъ за живое, и, содрогаясь при мысли о томъ, что онъ можетъ услышать еще нѣсколько подобныхъ комплиментовъ по своему адресу, онъ уже готовъ былъ отретироваться. Но тутъ ему пришло въ голову, что эта женщина будетъ, пожалуй, еще дальше изощрять свое остроуміе на его счетъ, и, желая положить этому конецъ, онъ постучался въ дверь.

— Но увѣрены ли вы, ребъ Фейве, что ребъ Перецъ согласится отдать за меня свою дочь?—допытывался онъ, спустя нѣсколько минутъ, сильно волнуясь, въ конфиденціальномъ разговорѣ съ шадхеномъ, котораго онъ вызвалъ въ другую комнату.

— Предоставьте это мнѣ,—возразилъ тотъ.—Я устраивалъ и не такія дѣла за свою долгую жизнь. Можете считать это дѣло рѣшеннымъ.

„Вотъ увидишь, что я женюсь на Ганнеле, на зло тебѣ

противная вѣдьма",—подумалъ Рувке въ сердцахъ, появляясь изъ мрака маленькой комнаты.

— Здравствуйте, г-жа Когенъ,—сказалъ онъ вслухъ, бросая на хозяйку молніеносные взгляды.

Прочитавъ посланіе Фейве, ребъ Перецъ въ первую минуту добродушно обозвалъ его глупымъ меламедомъ. Мало-помалу, однако, онъ сталъ проникаться сознаніемъ того, какъ оскорбителенъ для него самый фактъ, что шадхенъ осмѣливается теперь предлагать ему такую партію. Онъ перенесся мысленно къ тому времени, когда Рувке сидѣлъ у него на козлахъ, а онъ, ребъ Перецъ, былъ самымъ состоятельнымъ евреемъ во всей округѣ. Сердце его переполнилось жалостью къ самому себѣ и къ Ганнеле. Онъ вспомнилъ, что уже болѣе года никто не сватался за дѣвушку, но на сей разъ ребъ Перецъ противъ обыкновенія не сталъ обвинять въ этомъ дочь. Въ немъ заговорило лишь уязвленное самолюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти за то, что отклонилъ отъ Ганнеле такія блестящія партіи. Тутъ ему пришло въ голову, что дочери пошелъ уже 25-ый годъ, а воображеніе укоризненно нарисовало ему его любимое дѣтище въ образѣ сѣдовласой старой дѣвы. Дрожь пробѣжала по жиламъ бѣднаго отца, и, чтобы отвлечь свои мысли, онъ сталъ строить разные коммерческіе планы, но всѣ они скоро разсѣялись, какъ дымъ, и онъ очутился съ глазу на глазъ съ печальной дѣйствительностью. Вниманіе ребъ Переца было снова привлечено письмомъ изъ Америки, но сопоставленіе Рувке и Ганнеле съ болью отозвалось въ его сердцѣ; онъ еще сильнѣе почувствовалъ всю горечь обиды, причемъ у него явилось желаніе вырвать бороду и пейсы дерзкому шадхену. Тѣмъ не менѣе, бѣдняга опять сталъ перечитывать письмо, и на этотъ разъ восторженные отзывы шадхена о бестящихъ дѣлахъ Рувки произвели на него болѣе сильное впечатлѣніе и навели его на мысль, что современемъ онъ, пожалуй, и самъ со всей семьей переселится въ Америку

— Э, пустяки!—рѣшилъ онъ, наконецъ, прочитавъ еще и еще разъ посланіе ребъ Фейве.—Америка дѣйствительно совершенно преображаетъ молодыхъ людей. Караульный

Тевке на что былъ жалкимъ человѣкомъ, а вѣдь и тотъ выглядѣлъ настоящимъ принцемъ, когда пріѣзжалъ недавно изъ Америки повидаться со своими. Пусть она ѣдетъ съ Богомъ и пусть сдѣлается тамъ матерью семейства, какъ подобаетъ дочери Израиля. Нужно положиться во всемъ на волю Божью. По всему видно, что бракъ этотъ предназначенъ свыше.

Ребъ Перецъ цѣлый день собирался съ духомъ, чтобы объясниться съ Ганнеле. Когда же онъ познакомилъ ее, наконецъ, съ положеніемъ дѣла и перевелъ ей древне-еврейское письмо ребъ Фейве на жаргонъ, онъ убѣдился, что задача его болѣе легкая, чѣмъ онъ предполагалъ.

Ганнеле была поистинѣ „настоящая дщерь Израиля“, а это значитъ, что все ея образованіе ограничивалось умѣніемъ читать пятикнижіе Моисея въ переводѣ на жаргонъ, а міровоззрѣніе ея не шло дальше Кроповеца и его интересовъ. Она была молчаливая, добрая и покорная дѣвушка, а самымъ большимъ ея удовольствіемъ было вязать крючкомъ разныя салфеточки, предаваясь въ то же время своимъ мечтамъ. Неоднократное появленіе на ея горизонтѣ жениховъ и ихъ исчезновеніе періодически смущало ея душевный покой, поддерживая ее постоянно въ состояніи напряженнаго ожиданія. Всѣ эти молодые люди, искавшіе ея руки и приданаго, оставляли ее равнодушной, такъ какъ, согласно суровому старому обычаю, котораго придерживался ея отецъ, она не имѣла права обмѣняться съ ними ни единымъ словомъ даже и тогда, когда дѣло, казалось, уже налаживалось. Тѣмъ не менѣе, когда шадхенъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль не появлялся у нихъ въ домѣ, дѣвушка начинала поглядывать въ нетерпѣливомъ ожиданіи на дверь, надѣясь, что вотъ-вотъ она откроется, чтобы впустить желаннаго гостя. Мысли ея въ послѣднее время часто останавливались на подругахъ, которыя вышли замужъ и уѣхали изъ Кроповеца, и каждый разъ при этомъ ею овладѣвала какая-то безотчетная тоска. Несмотря на всю свою нѣжную привязанность къ семьѣ и къ родной средѣ, отчій домъ сталъ казаться ей теперь скучнымъ и пустымъ. Ей надоѣла домашняя обстановка и сильно захотѣлось повидать свѣтъ.

Когда Ганнеле узнала о томъ, что ей сватаютъ Рувке Арбеля, она въ первое мгновеніе пришла въ ужасъ и, спрятавъ голову на груди отца, горько разрыдалась. Ребъ Перецъ сталъ нѣжно гладить волосы дочери, доказывая ей въ то же время, что планъ ребъ Фейве совсѣмъ не такъ плохъ и надъ нимъ стоитъ подумать. Мало по малу ему удалось успокоить дѣвушку, и она вспомнила про карточку Рувке, которую его мать показывала ей при каждомъ удобномъ случаѣ. Сватовство это стало принимать теперь въ глазахъ дѣвушка романическій характеръ. Услужливое воображеніе Ганнеле унесло ее въ далекую невѣдомую страну, гдѣ она видѣла себя сіяющую золотомъ и драгоцѣнными камнями бокъ о бокъ съ мужчиной въ роскошномъ одѣяніи. Это было чудное, волшебное видѣніе, лишь слегка омраченное тусклымъ силуэтомъ Рувке въ сапогахъ съ отворотами и въ тулупѣ на заднемъ планѣ.—Какъ жаль, что это пятно портитъ такую очаровательную картину,—думала Ганнеле съ досадой, и, чтобы избавиться отъ этого надоѣдливаго пятна, она пробовала мысленно нарядить Рувке въ модный пиджакъ, въ стоячій воротникъ и галстухъ, какъ онъ былъ изображенъ на карточкѣ. Но тогда уже получался совершенно незнакомый ей человѣкъ, черты лица котораго она никакъ не могла уловить; Рувке же Арбель, сапоги съ отворотами, тулупъ и все прочее, казалось, не имѣли ничего общаго съ изящнымъ костюмомъ и были такъ же чужды карточкѣ, какъ и незнакомцу, котораго создало ея воображеніе.—Прекрасно, значитъ, мнѣ сватаютъ не того Рувке, котораго я знаю, а совсѣмъ другого, новаго человѣка,—разрѣшила она загадку. Да и какъ знать, что можетъ случиться? Ей нужно только уѣхать въ Америку, а тамъ... Кто знаетъ, можетъ быть она и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ замужъ за другого, за какого-нибудь красиваго молодого человѣка, который никогда не былъ слугою ея отца. Ганнеле предчувствовала, что съ ней должно случиться нѣчто подобное. Впрочемъ, вышла же Баске, отецъ которой торгуетъ мукой, въ Америкѣ за бывшаго кузнеца, а развѣ она не счастлива?.. О, какія письма она пишетъ Ганнеле!..

— Скажи же да или нѣтъ, голубка моя,—настаивалъ межъ

тѣмъ ребъ Перецъ послѣ вторичнаго разговора съ дочерью.— Вѣдь тутъ рѣшается не моя судьба,—прибавилъ онъ, чувствуя, что Ганнеле ничего больше не остается, какъ выразить свое согласіе.

— Да,—прошептала она, наконецъ, съ поникшей головой и громко заплакала.

Шадхенъ былъ неутомимъ, и цѣлыя дюжины писемъ переправлялись черезъ Атлантическій океанъ. Отвѣчая на первое посланіе ребъ Фейве, ребъ Перецъ старался дать ему понять, что онъ еще колеблется. Въ слѣдующемъ его письмѣ къ шадхену говорилось уже о привязанности, которую Ганнеле питала къ Рувке, и о томъ, что онъ, ребъ Перецъ, считалъ его всегда членомъ своей семьи. Затѣмъ слѣдовали отдаленные намеки на то, что Ганнеле могутъ понадобиться деньги на наряды и на дорожныя издержки. Съ каждымъ новымъ письмомъ, которое ребъ Перецъ отправлялъ за море, онъ все болѣе проникался убѣжденіемъ, что дочь его будетъ счастлива въ Америкѣ, и что само Провидѣніе ниспосылаетъ ей этого жениха.

На Рувке эти письма дѣйствовали, по его собственному выраженію, какъ мазь на рану, и, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилось намеками о необходимости присылки денегъ, онъ чувствовалъ себя счастливымъ. Его мысли были теперь постоянно заняты Ганнеле; онъ мечталъ о ней днемъ и видѣлъ ее во снѣ. Больше всего онъ думалъ о томъ, какую сенсацію произведетъ въ Кроповецѣ отъѣздъ Ганнеле изъ дому, и какое торжество доставитъ ему ея пріѣздъ въ Нью-Іоркъ. Товарищи-земляки наперерывъ поздравляли его. „Вамъ, вѣрно и не снилось никогда, что вы будете зятемъ ребъ Переца“, говорили они, „съ васъ слѣдуетъ за это хорошее угощеніе“. И Робертъ угощалъ ихъ, а съ лица его не сходила блаженная улыбка.

Въ Castle Garden'ѣ было очень шумно и людно. Въ этотъ день прибыло нѣсколько заатлантическихъ параходовъ, и огороженное рѣшеткой мѣсто въ громадномъ сараѣ кишѣло разношерстной толпой только что высадившихся между-па-

лубныхъ пассажировъ. Неподалеку отъ сарая расположился цѣлый рядъ ломовыхъ телѣгъ, въ ожиданіи своего живого багажа, а на приличномъ разстояніи отъ нихъ стояло два блестящихъ экипажа—очень рѣдкое явленіе въ этомъ мѣстѣ, гдѣ высаживаются эмигранты. Въ этихъ шикарныхъ экипажахъ Рувке вмѣстѣ съ Фейве, двумя—тремя другими земляками и нѣкоторыми товарищами по профессіи пріѣхали встрѣчать Ганнеле. Рувке былъ одѣтъ по праздничному: на головѣ у него была новенькая коричневая шляпа, а въ петличкѣ сюртука красовалась большая красная роза, которую одинъ изъ услужливыхъ товарищей-педлеровъ прикололъ ему передъ отъѣздомъ.

Атмосфера кругомъ была насыщена тяжелыми испареньями и пропитана запахомъ карболки. Прислонившись къ рѣшеткѣ, или сидя на своемъ багажѣ, группами расположились мужчины и женщины въ сильно поношенныхъ одеждахъ всевозможнаго покроя и цвѣта. Всѣ они держали въ рукахъ большіе, грязные узлы, корзинки или мѣшки и смотрѣли передъ собой съ выраженіемъ растерянности, запуганности и тупой покорности. Громкій плачъ дѣтей врывался рѣзкимъ диссонансомъ въ грубые окрики чиновниковъ, расталкивавшихъ толпу, и, въ связи съ окружающимъ шумомъ и гамомъ, нестерпимо рѣзалъ ухо и довершалъ эту печальную, безотрадную картину.

Рувке стоялъ со своими товарищами въ толпѣ встрѣчавшихъ и жадно смотрѣлъ сквозь рѣшетку. Онъ нервно кусалъ ногти, то и дѣло чистилъ рукавомъ сюртука свою новенькую шляпу и поправлялъ галстухъ. Ребъ Фейве же покручивалъ все время пейсы, а молодые педлера изощрялись въ остротахъ. Женихъ нашъ сильно волновался и, призывая на помощь все свое остроуміе, дѣлалъ неоднократные попытки придумать подобающее случаю привѣтствіе; онъ старался представить себѣ теперешнюю Ганнеле и предугадать, какъ она встрѣтится съ нимъ; пытался онъ также уяснить себѣ свое настоящее положеніе и составить планъ ближайшаго будущаго. Но всѣ его усилія ни къ чему не приводили. Мысли его были отрывочны, и едва только онъ останавливался на чемъ-нибудь, вниманіе его, точно на зло, отвлека-

лось такими пустяками, какъ усы одного изъ чиновниковъ, или сухарь, который грызъ мальчишка эмигрантъ.

Вдругъ Рувке замеръ на мѣстѣ: взглядъ его упалъ на Ганнеле, которая стала еще краше, еще очаровательнѣй. Вмѣсто прежней худенькой дѣвочки, которую онъ оставилъ въ Кроповецѣ, передъ нимъ стояла теперь пышная, стройная молодая женщина лѣтъ 25-ти.

— Га-Га-Ганнеле!—съ трудомъ вымолвилъ онъ, млѣя отъ восторга. Онъ почувствовалъ себя внезапно уже не Робертомъ Фридманомъ, а прежнимъ Рувке Арбелемъ.

Ганнеле повернула къ нему свое лицо, но не замѣчала его; такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Рувке, ибо вмѣсто того, чтобы направиться къ тому мѣсту рѣшетки, за которой стоялъ ея женихъ, она отступила назадъ и исчезла среди эмигрантовъ.

Наконецъ, имя Ганнеле было громко произнесено на ряду съ другими именами, и молодая дѣвушка выдѣлилась изъ толпы. Еле живой отъ возбужденія, Рувке ринулся впередъ, ей навстрѣчу, но, не успѣлъ онъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ ноги отказались служить ему и онъ весь поблѣднѣлъ отъ неожиданности: рядомъ съ Ганнеле онъ увидѣлъ молодого человѣка въ очкахъ и въ сильно поношенномъ форменномъ пальто русскаго студента, мѣдныя пуговицы котораго были замѣнены новыми черными. Молодой человѣкъ держалъ Ганнеле подъ руку, и оба они направлялись теперь къ Рувке. Ганнеле шла съ опущенными глазами, прижимаясь къ своему спутнику; студентъ же съ высоко поднятой головой и со смущенно-вызывающимъ видомъ.

— Какъ поживаете, Рувимъ? Это г-нъ Левинскій, мой женихъ. Не сердитесь на меня, Рувимъ; я, право, не виновата. Видите ли, этотъ женихъ предназначенъ мнѣ свыше, и я должна была покориться,—отчеканила она дрожащимъ голосомъ и волнуясь, подобно школьнику, который отвѣчаетъ заученный урокъ.

Ганнеле встрѣтилась съ молодымъ человѣкомъ на голландскомъ пароходѣ, который привезъ ихъ обоихъ въ Америку. Они провели вмѣстѣ цѣлыхъ двѣ недѣли; разгуливали по палубѣ или, сидя гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку, при-

слушивались къ чарующему таинственному шепоту волнъ да къ непрестанному стуку машинъ и любовались луной—этимъ самымъ искуснымъ шадхеномъ вообще, а тѣмъ паче на палубѣ парохода. Результатомъ всего этого было то, что шадхенъ-луна оказался счастливѣе ребъ Фейве.

Въ первую минуту объясненіе Ганнеле поразило Рувке, какъ громомъ, и онъ стоялъ нѣкоторое время неподвижно, глядя на нее съ безсмысленной улыбкой. Затѣмъ, придя въ себя, онъ покраснѣлъ, какъ ракъ; на лицѣ его вдругъ появилось выраженіе, какъ у ребенка, у котораго отняли любимую игрушку, и онъ прокричалъ хриплымъ фальцетомъ:

— Отдайте мнѣ мои 150 долларовъ!—Затѣмъ прибавилъ на ломанномъ англійскомъ языкѣ:—Я позову полисмена. Отдайте обратно мои 150 долларовъ!

— Я уплачу вамъ все, до копейки, можете быть увѣрены въ этомъ,—вмѣшался студентъ, поблѣднѣвъ, какъ смерть.—У меня есть богатый братъ въ Буффало.

— Ай! ай! Разбойница! Разбойница ты этакая!—набросился межъ тѣмъ на дѣвушку ребъ Фейве.—Я вызову сюда твоего отца.—Ай! ай!—яростно вопилъ онъ. Но черезъ минуту шадхенъ заговорилъ уже ласково, со слезами на глазахъ:

— Послушайся меня, Ганнеле. Я знаю, ты вѣдь хорошая, богобоязненная еврейская дѣвушка. Брось же этого оборванца! Фуй! Уйди отъ этой бритой рожи, говорю я тебѣ. Рувимъ предназначенъ тебѣ самимъ Провидѣніемъ въ женихи. Посмотри на него, чѣмъ онъ не принцъ! Ты будешь жить за нимъ, какъ царевна какая, будешь кататься въ золотѣ и драгоцѣнностяхъ, Ганнеле!

Но Ганнеле еще крѣпче прижималась къ рукѣ студента. Когда оба повернулись, чтобы уходить, Рувке схватилъ своего счастливаго соперника за пальто, крича изо всѣхъ силъ: Полисменъ! Полисменъ!

Молодая парочка стояла въ сильномъ смущеніи, не зная, что дѣлать, но на помощь ей подоспѣлъ дюжій, бритый коммиссіонеръ одного изъ эмигрантскихъ отелей, который все время слѣдилъ за этой сценой. Сильной рукой отбро-

силъ онъ Рувке въ сторону съ сердитымъ окрикомъ:—Убирайся ты, обезьяна, или я размозжу тебѣ твою рябую физіономію!—и увелъ Ганнеле и ея жениха. Рувке стоялъ въ недоумѣніи, не будучи въ состояніи отдать себѣ отчета въ томъ, что произошло; ребъ Фейве же ломалъ руки, приговаривая: „Ай! ай!“, а молодые разносчики насмѣшливо перешептывались.

Переводъ Р. Болотиной.

Проблема страданія у древнихъ евреевъ.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Эволюція еврейскаго пророчества отъ Іудейскаго до Вавилонскаго Исаіи.

I.

Въ прошломъ очеркѣ мы видѣли, что Исаія (іудейскій) нашелъ разрѣшеніе проблемы народнаго страданія въ этическомъ монотеизмѣ. Изъ сущности этическаго монотеизма вытекаютъ слѣдующія положенія. Страданіе есть наказаніе; страдающіе виновны въ своемъ страданіи; страдаютъ худшіе, тѣ которые своими грѣховными поступками вызвали необходимость возмездія. Дальнѣйшее развитіе еврейскаго пророчества привело къ противоположнымъ выводамъ. Страданіе есть избраніе. Страдающіе неповинны; страдаютъ лучшіе, тѣ которые способны возвыситься надъ общимъ уровнемъ и замѣчать несовершенства своей среды. Пророки одинъ за другимъ разрушили все зданіе этическаго монотеизма, чувствуя его неспособность разрѣшить проблему страданія народа Іеговы.

Первый нанесъ ударъ этическому монотеизму пророкъ Аввакукъ. Онъ смѣло и открыто заявляетъ Іеговѣ, что не грѣшники, а праведные страдаютъ. Это заставляетъ его искать другого разрѣшенія. Пророчество Аввакука относится къ 604 г., когда на политическомъ горизонтѣ іудеевъ появилась молодая монархія халдеевъ, Вавилонія. Появленіе Вавилоніи вызвало глубокое разочарованіе въ пророческой средѣ и сомнѣніе въ справедливости дѣйствій Іеговы. За двадцать лѣтъ, протекшихъ

со времени паденія Ассиріи до этого момента Іудея такъ упрочилась, что собиралась стать наслѣдницей Израиля и даже рѣшилась вступить въ борьбу, правда неудачную, съ Египтомъ. Съ паденіемъ Ассиріи іудеи были увѣрены, что отнынѣ настала для нихъ эра свободной самостоятельной политической жизни. Эта увѣренность въ наступающей свободѣ нашла себѣ выраженіе въ радостномъ пророчествѣ Наума. „Вотъ на горахъ", говоритъ Наумъ, „шаги вѣстника, миръ возвѣщающаго: празднуй, Іуда, твои праздники, исполняй свои обѣты, ибо не будетъ больше проходить черезъ тебя нечистивый, онъ совсѣмъ уничтоженъ". (Наумъ 2, 1.). Въ паденіи Ассиріи іудеи видѣли справедливый актъ правосудія Іеговы. „Іегова", говоритъ Наумъ, „Богъ ревнивый и мстительный. Онъ мститъ врагамъ своимъ и не щадитъ своихъ противниковъ" (1,2).

Однако, законъ эволюціи всемірной исторіи, ведшій съ необходимостью къ образованію крупныхъ монархій, не замедлилъ сказаться, и на мѣсто разрушенной скиѳами Ассиріи появилась молодая монархія—Вавилонія. Появленіе Вавилоніи сразу разрушило всѣ надежды іудейскихъ пророковъ на самостоятельное политическое существованіе Іудеи и положило конецъ всѣмъ ея завоеваніямъ. Это и вызвало жалобу Аввакума на несправедливость дѣйствій Іеговы. „Доколѣ Іегова", вопрошаетъ Аввакумъ, „я буду взывать и ты не слышишь, буду вопіять къ тебѣ и ты не спасаешь? Для чего даешь мнѣ видѣть злодѣйство, отчего ты смотришь на несправедливость? Грабительство и насиліе передъ моими глазами, вражда возникаетъ и раздоръ разгорается. Поэтому нарушается законъ и не можетъ торжествовать правосудіе. Смотрите, что происходитъ теперь между народами, внимательно вглядитесь и диву дивитесь. Невѣроятное совершается теперь, не повѣрятъ, когда вамъ это разскажутъ. Вотъ подымаются халдеи, народъ жестокій и необузданный, по всей ширѣ земли распростирается онъ, чтобы наслѣдовать не принадлежащія ему мѣста. Страшенъ и грозенъ онъ, въ этомъ его сила, въ этомъ же и его право. Легче пантеры его кони и быстрѣе они ночныхъ волковъ, его конница распростирается на всѣ стороны, издалека приходятъ его всадники; подобно орлу, на добычу бросающемуся, прилетаютъ они. Всѣ они идутъ на грабежи впередъ безъ удержу стремятся они, какъ песокъ они забираютъ плѣнниковъ. Издѣвается онъ надъ царями, князья — посмѣшище ему. Насмѣшка для него осадная крѣпость, насыплетъ осадный валъ и беретъ ее. И надменностью онъ исполняется тогда. Онъ

входитъ въ городъ и беретъ его; сила его—богъ его. Чисты твои глаза, Іегова, чтобы смотрѣть на зло и видѣть притѣсненія ты не можешь, отчего же ты смотришь на зло и безмолвствуешь, когда нечестивецъ поглощаетъ праведнаго? Ты оставляешь людей какъ рыбу въ морѣ, какъ пресмыкающихся, у которыхъ нѣтъ властителей. Всѣхъ ихъ онъ таскаетъ удою, захватываетъ въ сѣть свою, поэтому онъ радуется и торжествуетъ" (Аввакукъ 1,2—15) [1]).

Обрисовавъ такимъ образомъ это вопіющее противорѣчіе между тѣмъ, что необходимо вытекаетъ изъ этическаго монотеизма, и тѣмъ, что въ дѣйствительности совершается, Аввакукъ требуетъ настойчиво отъ самаго Іеговы отвѣта. „Я стану на постъ свой", говоритъ Аввакукъ, „я взойду на башню и буду ждать, что скажетъ мнѣ Іегова, что онъ мнѣ отвѣтитъ на мою жалобу". Интересенъ отвѣтъ, который даетъ ему Іегова. Въ этомъ отвѣтѣ Аввакукъ оставляетъ далеко позади себя рамки этическаго монотеизма. Онъ отказывается отъ воззрѣнія, что сами страдающіе виновны въ своемъ страданіи и признаетъ такимъ образомъ безмолвно неспособность этическаго монотеизма разрѣшить проблему страданія. Онъ разсматриваетъ проблему страданія не съ точки зрѣнія субъективно-психологическаго переживанія, а съ точки зрѣнія объективнаго общественнаго зла, и переноситъ всю эту проблему изъ религіозно-метафизической области въ практическую область соціальной жизни людей. И Аввакукъ убѣжденъ, что въ соціальной жизни добро должно восторжествовать надъ зломъ, такъ какъ зло по внутренней природѣ своей не можетъ развиваться. Аввакукъ доказываетъ, что объективный характеръ зла ведетъ съ необходимостью къ тому, что всякое его развитіе приводитъ къ его собственному уничтоженію, что зло кроетъ въ себѣ элементы своего собственнаго разложенія. „И отвѣтилъ мнѣ Іегова", говоритъ Аввакукъ, „и сказалъ: запиши явленіе и ясно начертай его на скрижаляхъ, чтобы бѣгло могъ читать читающій. Это явленіе (Вавилонская монархія) имѣетъ свое время и близится оно къ своему концу неизбѣжно, если замедляется то жди его, ибо немедленно придетъ онъ".

И разбирая это „явленіе", т. е. тѣ злодѣянія, которыя Вавилонія употребляетъ по отношенію къ другимъ народностямъ, онъ доказываетъ, что всѣ эти злодѣянія не имѣютъ будущаго,

[1]) Мы считаемъ 12 стр. этой главы позднѣйшею вставкою, и потому не привели ее. Она отрицаетъ въ корнѣ справедливость жалобы Аввакука и не можетъ принадлежать ему.

что они должны въ концѣ концовъ привести къ крушенію самой Вавилоніи. Это онъ доказываетъ на примѣрѣ хищничества, грабежа, убійства, вѣроломства и т. п. дѣйствій халдеевъ. Остановимся на первомъ изъ нихъ. „Хищникъ, говоритъ Аввакукъ, опьяненный своею страстью, не успокаивается, какъ пасть онъ расширяетъ свою жадность и какъ смерть онъ ненасытенъ. Онъ собираетъ къ себѣ всѣ народы и захватываетъ къ себѣ всѣ племена. Но не всѣ ли будутъ о немъ произносить притчу и насмѣшливую пѣснь. Горе тому кто обогащаетъ себя не своимъ— надолго ли? и обременяетъ себя долгами! Не возстанутъ ли внезапно тѣ, которые будутъ терзать тебя, и не поднимутся ли противъ тебя грабители и ты достанешься имъ на расхищеніе? Такъ какъ ты ограбилъ многіе народы, то и тебя ограбятъ народы за пролитіе крови человѣческой, за разореніе страны, города и всѣхъ живущихъ въ немъ“ (2,5—9). Такой же неизбѣжный конецъ ждетъ и всѣ остальныя злодѣянія. Зло не можетъ стать поэтому всеобщей максимой человѣческихъ дѣйствій. Злыя дѣйствія ведутъ къ взаимному уничтоженію и поступая такъ, люди подкапываютъ всякую основу человѣческаго общежитія. Въ соціальной жизни людей должно поэтому неизбѣжно добро восторжествовать надъ зломъ, или же само общество рухнетъ.

II.

Если Аввакукъ, какъ мы видимъ, ограничивался разсмотрѣніемъ объективно-соціальной стороны страданія, то заслуга Іереміи состоитъ въ выясненіи субъективно-психологическаго момента въ страданіи. Разсматривая страданіе съ субъективно-психологической точки зрѣнія, Іеремія, подобно Аввакуку, тоже приходитъ къ выводамъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, которые непосредственно вытекаютъ изъ этическаго монотеизма. Онъ отказывается отъ мысли, что страданіе есть заслуженное наказаніе и въ концѣ своего пророчества утверждаетъ, что не *худшіе*, а *лучшіе* страдаютъ. Разумѣется потребовалась вся горечь переживаній Іереміи, чтобы придти къ такому заключенію, нужно было самому Іереміи извѣдать чашу страданія, испить ее до дна, нужно было наконецъ, чтобы сама дѣйствительность развертывалась передъ нимъ во всемъ захватывающемъ величіи своего трагизма, чтобы посмотрѣть на страданіе съ этой новой точки зрѣнія, чтобы въ самомъ страданіи найти утѣшеніе и примиреніе.

Въ началѣ же своего пророчества Іеремія выступилъ самымъ горячимъ защитникомъ того воззрѣнія, которое видитъ причину страданія въ преступности страдающихъ, а цѣль страданія—въ субъективномъ удовлетвореніи возмущеннаго чувства справедливости, въ удолетвореніи чувства мести. Онъ началъ свое пророчество въ 627 г., когда іудеи опасались нашествія скиѳовъ. Іеремія убѣжденъ въ предстоящей гибели и онъ видитъ вмѣстѣ съ другимъ пророкомъ, Софоніею, въ нашествіи скиѳовъ наказаніе Іеговы. „И сказалъ мнѣ Іегова"—говоритъ Іеремія—„отъ сѣвера откроется бѣдствіе на всѣхъ обитателей земли сей. Ибо вотъ я призову всѣ племена царствъ сѣверныхъ и придутъ они и поставятъ каждый престолъ свой при входѣ въ ворота Іерусалима и вокругъ всѣхъ стѣнъ его и во всѣхъ городахъ Іудейскихъ. И произнесу надъ ними судъ Мой за всѣ беззаконія ихъ" (Іеремія 1, 14—16). Причина же и цѣль этого нашествія слѣдующая: „Въ народѣ моемъ находятся нечестивые; какъ птицеловы, они сторожатъ добычу, ставятъ ловушки и уловляютъ людей. Какъ клѣтки птицами наполнены, полны ихъ дома обмана, поэтому они разрослись и разбогатѣли. Сдѣлались тучны, разжирѣли, переступили даже всякую мѣру зла, дѣлъ сиротъ не разбираютъ, благоденствуютъ, а справедливому дѣлу обездоленныхъ не даютъ хода [1]). Могу ли я не отомстить за это, развѣ можетъ душа моя не отомстить такому народу, какъ этотъ?"

Эти пророчества Іеремін и Софоніи не сбылись, однако. Скиѳы прослѣдовали въ Египетъ, не затронувъ Іудеи. Наоборотъ, это нашествіе скиѳовъ оказалось очень благодѣтельнымъ для Іудеи. Скиѳы уничтожили ассирійскую монархію и освободили такимъ образомъ Іудею отъ вассальной зависимости. Мы уже видѣли въ пророчествѣ Наума, какое ликованіе вызвало въ Іудеѣ это внезапное избавленіе отъ Ассиріи. Но избавленіе отъ Ассиріи имѣло еще болѣе важныя послѣдствія для внутренней общественной жизни Іудеи.

Съ этимъ освобожденіемъ отъ Ассиріи связана та глубокая внутренняя реформа въ соціальной жизни іудеевъ, которая наложила свою печать на всю дальнѣйшую судьбу этого народа. Освобожденіе отъ Ассиріи подготовило торжество реформаторской пророческой партіи надъ контръ-реформаціею, которая началась

---

[1]) Не трудно замѣтить въ перечисленіи преступленій вліяніе Декалога, которымъ начинается пророческая книга (Второзаконіе 5, 17).

со времени царствованія сына Іехизкуагу, Манасе. Въ избавленіи отъ нашествія скиѳовъ и освобожденіи отъ Ассиріи іуден видѣли проявленіе могущества Іеговы, и іуден вмѣстѣ съ тогдашнимъ царемъ, Осіею, рѣшили примкнуть къ пророческой партіи и вступить въ „союзъ" съ Іеговою. Пророки изложили условія „союза" въ одной книгѣ, которая заключаетъ въ себѣ весь планъ соціальныхъ реформъ и реформъ культа, который былъ намѣченъ еще Исаіею. Іуден согласились на всѣ эти условія и въ 621 г. „союзъ" былъ торжественно отпразднованъ.

Вся пророческая партія осталась довольною этимъ союзомъ, одного только Іеремію не удовлетворилъ этотъ союзъ. Онъ видѣлъ въ этомъ союзѣ одно только внѣшнее формальное соглашеніе, не чувствовалъ дѣйствительнаго духовнаго перерожденія іудеевъ, о которомъ онъ мечталъ все время. Онъ утверждаетъ, что въ дѣйствительности ничего не измѣнилось въ жизни іудеевъ, и что іуден продолжаютъ совершать тѣ же преступленія и беззаконія, что и раньше. „Напрасно"—обращается онъ къ іудеямъ, собравшимся въ Іерусалимскомъ храмѣ—„утѣшаетесь вы тѣмъ, что этотъ храмъ: „чертогъ Іеговы, чертогъ Іеговы, чертогъ Іеговы!" Вы крадете, убиваете, прелюбодѣйствуете, клянетесь во лжи [1]), а потомъ приходите, становитесь передъ лицомъ моимъ, въ домѣ, на которомъ наречено имя мое и говорите: „мы спасены!" Не сдѣлался ли вертепомъ разбойниковъ въ глазахъ вашихъ домъ сей, надъ которымъ наречено имя мое?" И онъ поэтому увѣренъ,

[1]) Книга эта образуетъ теперь главную часть „Второзаконія", начинаясь съ 5 главы строфы 6-й и кончаясь 28-й главой. Она преслѣдуетъ главнымъ образомъ двѣ цѣли: проведеніе соціальныхъ реформъ и реформу культа Іеговы.

Чтобы помѣшать полному закабаленію въ рабство задолжавшихся крестьянъ, пророки требуютъ обязательнаго освобожденія каждаго раба на седьмой годъ его рабства. Но пророки не довольствуются однѣми этими репрессивными мѣрами и выставляютъ рядъ требованій, которыя имѣютъ своею цѣлью предупредить растущее обезземеленіе крестьянъ. Для этого они требуютъ ограниченія права отчужденія земли опредѣленными сроками, не больше чѣмъ на 7 лѣтъ, по истеченіи которыхъ земля возвращается обратно своему прежнему владѣльцу. Для обезпеченія членовъ семьи неимущей массы, живущей своимъ личнымъ трудомъ на случай болѣзни, увѣчья, смерти кормильца, они проектируютъ новый налогъ натурою, въ видѣ десятой части каждаго трехлѣтняго урожая, который долженъ идти на вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ.

Реформы культа имѣютъ своею цѣлью его гуманизированіе. Помимо централизаціи культа въ Іерусалимѣ, пророки стараются придавать всѣмъ праздникамъ Іеговы гуманный характеръ. Они стара-

что Іерусалимъ ожидаетъ такая же участь, какъ и Силоахъ, разрушенный израильскій городъ, гдѣ прежде былъ храмъ Іеговы, и что вообще Іуда раздѣлитъ судьбу Израиля. Въ продолженіе слѣдующихъ 17 лѣтъ Іеремія продолжаетъ пророчествовать гибель Іудеи. Онъ пользуется всякимъ несчастнымъ случаемъ, какъ засуха, саранча и неурожай и т. п., чтобы показать на нихъ злыя намѣренія Іеговы.

Однако, предсказывая страданія іудеямъ, Іеремія самъ оказался въ положеніи страдающаго. Всѣ пророки отъ него отказались и пророчествамъ его никто не вѣрилъ. Сама дѣйствительность, казалась, противорѣчила всѣмъ его пророчествамъ, такъ какъ съ освобожденіемъ отъ Ассиріи настали самыя лучшія времена для Іудеи. Всѣ смѣялись надъ его пророчествами и спрашивали его: „гдѣ же слова Іеговы, отчего же они не сбываются?“ (18,15). Онъ ясно чувствовалъ неизбѣжность страданія, но никто не придавалъ его словамъ значенія. И Іеремія проклинаетъ жестокость своей судьбы, которая заставляетъ его получать насмѣшки и подвергаться преслѣдованіямъ со стороны тѣхъ, забота о которыхъ омрачаетъ всю его жизнь. „Проклятъ,—восклицаетъ Іеремія,—день, въ который я родился, день, въ который родила меня мать моя да не будетъ благословенъ! Для чего вышелъ я изъ утробы, чтобы видѣть труды и скорби и чтобы дни мои исчезли въ безславіи?!“ (20, 14—18). И въ другомъ мѣстѣ: „Горе мнѣ, мать моя, что ты меня родила; я въ ссорѣ и въ борьбѣ со всею землею; я никого не притѣснялъ и меня не притѣсняли, а все таки меня всѣ проклинаютъ“ (15,10). Но Іеремія чувствуетъ, что онъ не виновенъ

ются затушить и изгладить тотъ естественно-стихійный элементъ, который еще виденъ въ этихъ праздникахъ. Всѣ праздники Іеговы, какъ праздникъ Пасха, или праздникъ перваго плода, праздникъ Опрѣсноковъ, или праздникъ начала жатвы, праздникъ Седмицъ или праздникъ окончанія жатвы, праздникъ Кущей или праздникъ сбора винограда, всѣ эти праздники, которые берутъ свое начало въ явленіяхъ скотоводческой и земледѣльческой жизни іудеевъ и были выраженіемъ благодарности Іеговѣ за естественныя блага, которыми онъ ихъ одарялъ, за предоставленіе имъ своей «грозы и увлажительнаго дождя», пріурочиваются пророками къ одному историческому акту въ жизни Израиля, къ исходу изъ Египта. Мотивируется это тѣмъ, что, еслибъ Іегова не вывелъ Израиля изъ Египта, то они не могли бы пользоваться естественными богатствами Палестины, не могли бы пользоваться дарами Іеговы и не могли бы праздновать его праздники. Іегова, естественно-стихійный богъ грозы и молніи, превращается такимъ образомъ въ гуманнаго Бога въ Бога-Освободителя.

въ своихъ страданіяхъ. Онъ обращается неоднократно къ Іеговѣ съ вопросомъ, отчего праведный Іегова ниспосылаетъ на него эти страданія, вѣдь Іегова же знаетъ, что онъ невиненъ. Онъ, однако, не получаетъ отъ Іеговы прямого отвѣта и онъ радъ, когда Іегова обѣщаетъ ему сохранить его жизнь отъ преслѣдованій его враговъ и дать ему такимъ образомъ возможность и дальше страдать за него. Онъ чувствуетъ какую-то внутреннюю необходимость служить Іеговѣ и страдать за него. „Уговорилъ ты меня,—обращается Іеремія къ Іеговѣ,—и я далъ себя уговорить. Ты сильнѣе меня и превозмогъ; и я каждый день въ посмѣяніи, всякій издѣвается надо мною. Ибо, какъ только я начинаю говорить, я вопію о насиліи, кричу о разореніи, и потому обратилось мнѣ слово Іеговы въ поношеніе и въ повседневное посмѣяніе. И сказалъ я себѣ: не стану больше напоминать Іегову и не буду больше говорить во имя его; но былъ въ сердцѣ моемъ какъ бы горячій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился удерживаться и не могу“ (20, 7, 9).

Наоборотъ, Іеремія чувствуетъ, что, чѣмъ больше онъ страдаетъ за Іегову, тѣмъ больше онъ его любитъ, тѣмъ радостнѣе онъ служитъ ему. „Какъ только случались мнѣ твои слова,—говоритъ Іеремія,—я жадно проглатывалъ ихъ и были для меня слова твои блаженствомъ и радостью сердца моего“. И Іеремія постепенно примиряется со своимъ страданіемъ и видитъ въ этомъ страданіи залогъ его единенія съ Іеговою.

Это измѣнило его отношеніе къ народному страданію тогда, когда событія круто измѣнились, когда его пророчества начали сбываться, когда на міровую сцену появилась Вавилонія и „гибель Іудеи“ стала для всѣхъ очевиднымъ фактомъ. Не предсмертныя судороги безнадежно умирающаго видитъ теперь Іеремія въ наступившихъ страданіяхъ, а предразсвѣтныя сумерки новой зари, которая должна взойти надъ домомъ Якова“. Онъ увѣренъ, что страданія эти приведутъ къ тому единенію съ Іеговою, о которомъ онъ мечталъ всю свою жизнь. „Великъ тотъ день,—говоритъ онъ по поводу ожидаемаго нашествія Навухадносора.—Это бѣдственное время для Якова, *но отъ этого изойдетъ его спасеніе*“ (30, 7). Страданія эти приведутъ къ новому союзу съ Іеговою, къ осуществленію мессіанскихъ идей. Они сблизятъ іудеевъ съ Іеговою, они „сдѣлаютъ ихъ родственными ему по духу своему, какъ его самого сблизили съ Іеговою его страданія. „Вотъ наступятъ дни, говоритъ Іегова, и я заключу съ домомъ Израиля и домомъ Іуды новый союзъ. Не такой союзъ,

который я заключилъ съ отцами ихъ въ тотъ день, когда взялъ ихъ за руку, чтобы вывести ихъ изъ земли Египетской—союзъ, который они нарушили. Но вотъ союзъ, который я заключу съ домомъ Израиля послѣ тѣхъ дней, говоритъ Іегова: Я вложу мое ученіе во внутренность ихъ, и на сердцахъ ихъ начертаю его и буду имъ Богомъ, а они мнѣ народомъ" (31, 30—39).

Измѣнившійся взглядъ Іереміи на страданія измѣнилъ и его отношенія къ *страдающимъ*. Іеремія убѣжденъ теперь, что не худшіе, а *лучшіе* страдаютъ. Онъ вступаетъ по этому поводу въ самую горячую борьбу со всею пророческою партіею, которая продолжала утверждать то, что онъ раньше самъ утверждалъ, что сами страдающіе виновны въ своемъ страданіи. Изъ этого они заключали, что только худшіе могутъ страдать, только тѣ, которые своими поступками заслужили это страданіе. Споръ этотъ возникъ послѣ перваго нашествія Навухаднесора, который, забравъ въ плѣнъ въ Вавилонію лучшихъ іудеевъ, подчинилъ себѣ всю Іудею. Оставшіеся въ Іудеѣ не хотѣли мириться со своею зависимостью отъ Вавилоніи и рѣшили вступить въ образовавшуюся коалицію всѣхъ мелкихъ государствъ противъ Вавилоніи. *Вся пророческая партія была на сторонѣ возставшихъ.* Пророки говорили, что Іегова не можетъ уничтожить весь свой народъ, что онъ могъ наказать только самыхъ худшихъ, и худшіе наказаны и уведены въ плѣнъ. Остались же лучшіе, тѣ, которые нравятся Іеговѣ, которыхъ Іегова помиловалъ, которые самымъ фактомъ своего спасенія доказали свою невинность, и они поэтому могутъ быть увѣрены въ побѣдѣ. Эта побѣда, по мнѣнію пророковъ, необходимо вытекаетъ изъ всѣхъ мессіанскихъ предсказаній, что часть евреевъ будетъ спасена и что только худшая часть понесетъ наказаніе за свои грѣхи. Даже сами плѣнные были увѣрены въ успѣхѣ этого возстанія, считали себя худшими и отправили пословъ къ оставшимся іудеямъ, чтобы тѣ боролись за свою независимость, надѣясь, что съ ихъ помощью и имъ удастся тоже добиться освобожденія. Одинъ только Іеремія остался непреклоненъ; онъ не вѣрилъ въ успѣхъ этой коалиціи и былъ убѣжденъ, что всѣ эти народности ожидаетъ еще худшее иго, чѣмъ то, которое они думаютъ сбросить теперь. У него вообще измѣнились всѣ представленія о страданіи и о страдающихъ и онъ ожидаетъ осуществленія мессіанскихъ идей не со стороны той части іудеевъ, которая осталась, а со стороны той, которая была уведена въ плѣнъ, такъ какъ *страданіе не есть наказаніе и не худшіе, а лучшіе страдаютъ.* Онъ возмущенъ тѣми пророками, которые на

основаніи его собственныхъ прежнихъ пророчествъ доказывали, что *худшіе* пострадали. Эти пророки „крадутъ“ у него его пророчества, не понимая, однако, ихъ смысла; они обнадеживаютъ на основаніи этихъ пророчествъ народъ „сладкими сновидѣніями“, а между тѣмъ слова Іеговы какъ „огонь и какъ молотъ скалу дробящій“. И вотъ какое видѣніе показалъ ему Іегова послѣ нашествія Навухадносора. Онъ видѣлъ двѣ корзины со смоквами; одну со смоквами очень хорошими, какъ бываютъ раннія смоквы, а другую корзину съ плохими смоквами, которыхъ нельзя ѣсть по негодности ихъ. „И было ко мнѣ слово Іеговы: Такъ говоритъ Іегова, Богъ Израиля: подобно этимъ хорошимъ смоквамъ, я признаю *хорошими* плѣненныхъ іудеевъ, которыхъ я послалъ изъ сего мѣста въ землю Халдейскую. И обращу на нихъ очи мои во благо имъ и возвращу ихъ въ землю сію и устрою ихъ, а не разорю, и насажу ихъ, а не искореню, и будутъ они моимъ народомъ, а я буду ихъ Богомъ, ибо они всѣмъ сердцемъ обратятся ко мнѣ. Подобно же худымъ смоквамъ, которыхъ нельзя ѣсть по негодности ихъ, я сдѣлаю Седекію, царя Іудейскаго, и князей его и прочихъ іерусалимлянъ, оставшихся въ землѣ сей и живущихъ въ землѣ Египетской“ (24).

Отказываясь отъ мысли, что страданіе есть наказаніе и признавая, что *лучшіе* страдаютъ, Іеремія не могъ все-таки положительно отвѣтить на вопросъ, *что* же такое страданіе; не могъ онъ также объяснить себѣ причину, *почему* лучшіе страдаютъ. Это обусловливалось индивидуальною точкою зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ какъ свои личныя, такъ и народныя страданія, и которая не дала ему возможности замѣтить соціальную цѣлесообразность и необходимость страданія лучшихъ. Іеремія чувствуетъ, что этотъ фактъ страданія лучшихъ трудно примирить съ требованіями справедливости. Онъ надѣется поэтому, что съ наступленіемъ мессіанскаго царства подобное страданіе лучшихъ дѣйствительно не будетъ происходить больше. „Въ тѣ дни,—говоритъ онъ,—уже не будутъ больше говорить: отцы ѣли кислый виноградъ, а на зубахъ дѣтей оскомина“. Тогда будетъ каждый нести отвѣтственность за свои собственные поступки. До наступленія же этого царства идеалъ справедливости не можетъ найти своего полнаго осуществленія и лучшіе страдаютъ.

III.

То, что не удалось примирить великому страдальцу Іереміи, успѣшно разрѣшилъ, правда значительно упростивъ сложность вопроса, пророкъ-священникъ, Іезекіилъ, который находился въ Вавилоніи въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ Навухадносоромъ. Іезекіиль былъ согласенъ съ Іереміею, что *лучшіе* были уведены Навухадносоромъ въ плѣнъ, что въ Іудеѣ остались худшіе, и что имъ поэтому нечего надѣяться на помощь Іеговы. Однако, онъ совсѣмъ иначе объясняетъ себѣ причину, почему лучшая часть іудеевъ была взята въ плѣнъ. По мнѣнію Іезекіиля, лучшіе были уведены въ Вавилонію не по той причинѣ, что удѣлъ лучшихъ страдать, какъ это предполагалъ Іеремія, а потому что они, *какъ лучшіе*, были уведены, чтобы избавиться отъ еще худшихъ страданій, которыя ожидаютъ оставшихся въ Іудеѣ. Съ этой точки врѣнія его занимаетъ совершенно другой вопросъ. Можетъ ли праведность лучшихъ избавить и худшихъ отъ страданій? И онъ на основаніи положенія этическаго монотеизма приходитъ къ заключенію, что фактически уже теперь господствуетъ въ судьбахъ людей та индивидуальная отвѣтственность за поступки, которая, по мнѣнію Іереміи, можетъ найти свое осуществленіе только въ мессіанскомъ царствѣ; Іезекіиль убѣжденъ, что фактически каждый несетъ наказаніе только за свои собственные грѣхи и каждый получаетъ только по своимъ собственнымъ заслугамъ, и что никакіе праведники не могутъ спасти грѣшника отъ неминуемой гибели. И потому лучшіе, уведенные въ Вавилонію, не могли своими заслугами избавить оставшихся въ Іудеѣ отъ ожидающихъ ихъ бѣдствій (Іезекіилъ 14, 12 — 23). Этическій монотеизмъ былъ какъ будто опять возстановленъ въ своихъ правахъ, какъ ни противорѣчили его выводы окружающей дѣйствительности и болѣе глубокому пониманію Аввакука и Іереміи.

Положеніе Іудеи стало вскорѣ до того безнадежнымъ, что и поверхностныя, узкія положенія этическаго монотеизма могли служить для нихъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Это было послѣ того, когда возстаніе дѣйствительно не удалось, когда Іерусалимъ былъ разрушенъ Навуходносоромъ и всѣ іудеи уведены въ плѣнъ. Іудеевъ охватило тогда въ Вавилоніи полное отчаяніе; они потеряли всякую вѣру въ возможность возстановленія своей національной жизни. Многіе изъ нихъ совершенно разувѣрились въ силѣ Іеговы [1]), въ способности его помочь своему народу; а тѣ,

[1]) Ср. нашъ первый очеркъ.

которые продолжали вѣрить въ силу Іеговы, считали, что грѣхи ихъ и предковъ ихъ порвали всякую связь между ними и Іеговой. Тогда Іезекіиль открылъ, что его теорія индивидуальной отвѣтственности кроетъ въ себѣ и моментъ надежды. Ибо, если современныя страданія и свидѣтельствуютъ дѣйствительно о грѣховности Израиля, о томъ, что „Іегова отвернулъ отъ него лицо свое", то этимъ еще не отнята надежда, что въ будущемъ Іегова опять не обратится къ нимъ, такъ какъ *дѣти не страдаютъ за грѣхи отцовъ*, и каждому открытъ путь для исправленія. Отъ имени Іеговы обращается Іезекіиль къ іудеямъ со слѣдующими словами. „Зачѣмъ вы примѣняете къ землѣ Израильской слѣдующую пословицу: отцы ѣли кислый виноградъ, а на зубахъ дѣтей вѣчная оскомина. Именемъ Іеговы утверждаю я, что вы не будете больше употреблять эту пословицу. Ибо всѣ души—мои они, какъ душа отца, такъ и душа сына; только согрѣшившая душа, та умретъ". Онъ развиваетъ эту мысль дальше, что какъ грѣшному сыну праведнаго не засчитываются заслуги его отца, такъ и праведный сынъ грѣшнаго не будетъ страдать за грѣхи своего отца. „Посему я каждаго по путямъ его судить буду, покайтесь и обратитесь ко мнѣ, и да не будутъ вамъ грѣхи помѣхой" (18).

Іезекіиль чувствуетъ, однако, что его теорія индивидуальной отвѣтственности не оправдывается въ дѣйствительности, что очень часто бываетъ, что праведный страдаетъ, а грѣшникъ благоденствуетъ. Чтобы хоть нѣсколько примирить свою теорію индивидуальной отвѣтственности съ дѣйствительностью, Іезекіиль приходитъ къ выводу, что все зависитъ отъ того момента, когда совершается расплата. Іезекіиль утверждаетъ, что если праведный согрѣшилъ въ моментъ расплаты, то онъ понесетъ наказаніе, и всѣ его прежнія заслуги не засчитываются ему, а заслуга грѣшнаго въ моментъ расплаты спасаетъ его отъ бѣдствій, и всѣ его прежніе грѣхи не принимаются во вниманіе. Такъ, онъ говоритъ отъ имени Іеговы: „И ты, сынъ человѣческій, скажи сынамъ народа твоего: праведность праведника не спасетъ его въ день преступленія его, и грѣшникъ не падетъ за грѣхи свои въ день его покаянія, равно какъ и праведникъ въ день согрѣшенія своего не можетъ остаться въ живыхъ за свою праведность" (33, 12).

Это утвержденіе кажется самому Іезекіилю невѣроятнымъ и онъ безконечнымъ перефразированіемъ его старается доказать его правдоподобность. Но поправка, внесенная въ теорію индивидуальной отвѣтственности, для того, чтобы примирить ее съ

дѣйствительностью, превратила эту теорію въ свою противоположность. Во первыхъ, она въ корнѣ подорвала этическій монотеизмъ, поставивъ на мѣсто строгой справедливости Іеговы полный произволъ его въ выборѣ момента расплаты: отъ этого свободнаго, никакими нормами не регулируемаго, выбора момента со стороны Іеговы зависитъ вся участь человѣка. Полная справедливость была, благодаря этой поправкѣ, замѣнена исключительнымъ произволомъ. Но мало того: эта поправка не только разрушила сразу все зданіе этическаго монотеизма, она также лишила теорію индивидуальной отвѣтственности того момента утѣшенія и надежды, который она раньше имѣла для іудеевъ. Вѣдь, цѣль и назначеніе теоріи индивидуальной отвѣтственности было вселить въ евреевъ надежду, что они могутъ своею праведностью заслужить избавленіе отъ изгнанія, а эта поправка предоставила ихъ на произволъ слѣпого случая, на произволъ того момента, когда Іеговѣ угодно будетъ подвести свои счеты съ своимъ народомъ: если они окажутся въ тотъ моментъ праведными, то они удостоятся избавленія, а если нѣтъ, то они будутъ осуждены на вѣчное изгнаніе. Очевидно, что нужно было другое разрѣшеніе проблемы страданія еврейскаго народа для того, чтобы вселить въ нихъ увѣренность въ свои силы, въ свою способность къ возрожденію.

IV.

Это новое разрѣшеніе далъ одинъ пророкъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ потомству, но произведенія котораго сверкаютъ намъ изъ глубины отдаленнѣйшихъ временъ; это пророкъ „радостной вѣсти“ о скоромъ возрожденіи народа Іеговы, такъ называемый Исаія Вавилонскій [1]). Этотъ пророкъ объеди-

[1]) Что Исаія 40—66 не принадлежитъ Исаіи, жившему при Іехизкіягу, почти за 200 лѣтъ до описываемыхъ въ этой части книги событій, не представляетъ теперь ни для кого сомнѣнія. Даже въ Талмудѣ имѣются указанія на то, что первоначально книга Исаіи не заключала въ себѣ послѣднихъ главъ. Такъ, въ трактатѣ Баба-Батра 14 говорится, что раньше книга Исаій стояла не въ началѣ отдѣла пророковъ, а въ концѣ этого отдѣла, послѣ Іезекіиля. Принимая во вниманіе, что евреи расположили пророческія книги въ порядкѣ постепеннаго уменьшенія размѣровъ каждаго пророка, слѣдуетъ заключить, что раньше Исаія былъ по размѣрамъ меньше Іезекіиля. Книга Іезекіиля заключаетъ въ себѣ 48 главъ, слѣдовательно Исаія заключалъ въ себѣ меньше 48 главъ, а именно—39. И только

нятъ въ высшемъ, гармонически-законченномъ синтезѣ всѣ прежніе моменты древне-еврейскаго пророчества. Онъ, подобно іудейскому Исаіи, разсматриваетъ страданіе евреевъ съ всемірно-исторической или обще-человѣческой точки зрѣнія, не соглашаясь, однако, съ нимъ, что евреи виноваты въ своемъ страданіи. Подобно Іереміи, онъ разсматриваетъ проблему страданія съ субъективно-психологической точки зрѣнія и приходитъ вмѣстѣ съ послѣднимъ къ тому выводу, что *лучшіе* страдаютъ. Но онъ не довольствуется одною только индивидуальною точкою зрѣнія — онъ дополняетъ ее соціально-объективною точкою зрѣнія Аввакука. Благодаря этому, онъ на мѣсто теоріи индивидуальной отвѣтственности каждаго, выдвигаетъ обратную теорію — объ отвѣтственности всѣхъ за нравственный и культурный уровень всего соціальнаго цѣлаго. Эта теорія соціальной отвѣтственности выясняетъ ему также соціальную необходимость и цѣлесообразность страданія лучшихъ.

Не по своей собственной винѣ страдаютъ лучшіе, а по винѣ того соціальнаго цѣлаго, къ которому они принадлежатъ и несовершенства котораго они хотятъ устранить. *Это* и обусловливаетъ ихъ страданіе, такъ какъ они въ борьбѣ съ этими несовершенствами встрѣчаютъ препятствія со стороны тѣхъ, кто является истиннымъ виновникомъ этихъ несовершенствъ. Очевидно также, что на борьбу съ несовершенствами своей среды могутъ идти только *лучшіе*, такъ какъ только тѣ, которые способны подняться надъ культурнымъ и нравственнымъ уровнемъ своей среды, могутъ замѣчать недостатки этой среды и бороться за ихъ устраненіе, — въ этомъ заключается, во-первыхъ, объективно-соціальная необходимость страданія лучшихъ. Примѣняя затѣмъ выводы Аввакука, что въ соціальной жизни людей добро должно неизбѣжно восторжествовать надъ зломъ, онъ открываетъ, во-вторыхъ, и соціальную *цѣлесообразность* страданія лучшихъ. Объективный ходъ вещей неизбѣжно долженъ привести къ торжеству дѣлъ лучшихъ, къ устраненію тѣхъ несовершенствъ, къ воплощенію въ жизни тѣхъ идеаловъ, во имя которыхъ они борются. Это прямо вытекаетъ изъ ученія Аввакука. Итакъ, страданія лучшихъ приводятъ къ улучшенію, къ спасенію всего соціальнаго цѣлаго; лучшіе своими страданіями искупляютъ грѣхи,

потомъ, когда къ Исаіи прибавили слѣдующія 27 главъ, книга Исаіи превзошла своими размѣрами всѣ остальныя пророческія книги и ее помѣстили въ началѣ отдѣла. Cp. Reuss. Geschichte der heil. Schriften.

несовершенства всего цѣлаго. И потому лучшіе радостно берутъ на себя бремя страданія, что въ ихъ страданіи лежитъ уже залогъ успѣха того дѣла, во имя котораго они вступаютъ въ борьбу. Слышна уже торжествующая пѣснь наступающей побѣды. Страданіе лучшихъ не есть наказаніе, а *избраніе* и *искупленіе*. Народъ Іеговы страдаетъ не за свои грѣхи и не за грѣхи отцовъ своихъ, а за несовершенства всего человѣческаго рода, за грѣхи всего человѣчества. Пророкъ примѣняетъ здѣсь всемірно-историческую точку зрѣнія іудейскаго Исаіи на судьбу Израиля. Страданія Израиля [1]) говорятъ не о томъ, что онъ хуже всѣхъ народовъ, что Іегова оставилъ его, а о томъ, что онъ лучше всѣхъ народовъ, что Іегова его избралъ въ „рабы себѣ". „И потому"—говоритъ пророкъ—„не бойся, мой рабъ Яковъ, возлюбленный, избранный мой". Всѣ его страданія обусловлены тѣмъ, что онъ радостно пошелъ на служеніе Іеговѣ. „Іегова призвалъ меня отъ чрева", говоритъ пророкъ отъ имени Израиля, „отъ утробы матери моей называлъ онъ имя мое. И сдѣлалъ уста мои какъ острый мечъ, и сдѣлалъ меня стрѣлою заостренною. И сказалъ мнѣ: ты, мой рабъ Израиль; тобою я прославлюсь". Правда, много пришлось перестрадать этому „рабу" Іеговы. „И я думалъ, напрасно я трудился, ни на что и безполезно истощалъ я свои силы". „Но нынѣ — говоритъ Іегова, отъ чрева создавшій меня въ раба себѣ — мало того, что ты рабъ мой для возстановленія колѣнъ Яковлевыхъ и для возвращенія остатковъ Израиля, но я сдѣлаю тебя свѣтомъ народовъ, чтобы спасеніе мое простерлось до краевъ земли". Пророкъ описываетъ то изумленіе народовъ, когда они узнаютъ, что презираемый всѣми народъ Израиль былъ избранъ Іеговою и страдалъ за вины самихъ этихъ народовъ. „Кто могъ бы повѣрить нашему сообщенію, на комъ проявилась рука Іеговы? Онъ взошелъ передъ нами какъ ростокъ и какъ отпрыскъ изъ сухой земли. Не было въ немъ никакого вида, ни красоты, чтобы мы на него смотрѣли, ни величія, чтобы мы прельстились имъ. Онъ былъ презираемъ, люди избѣгали его, мужъ скорби, болѣзни извѣдавшій, и мы отвращали отъ него лицо свое, онъ былъ презираемъ и мы не считались съ нимъ. Но онъ взялъ на себя наши болѣзни и взвалилъ на себя наши стра-

[1]) Въ виду того, что религіозныя проблемы, затронутыя пророчествомъ Исаіи Вавилонскаго, насъ здѣсь не интересуютъ, мы выдѣляемъ изъ его пророчества только тѣ общественныя предпосылки, на которыхъ основаны его религіозныя воззрѣнія.

данія, а мы считали его побитымъ, *наказаннымъ* Богомъ. "Но израненъ онъ былъ за *наши* грѣхи, раздавленъ онъ былъ за *наши* беззаконія; наказаніе постигло его для нашего спасенія и мы ранами его исцѣлились". Пророкъ говоритъ дальше о согрѣшеніяхъ всѣхъ этихъ народовъ, и о жертвѣ искупленія, которую Израиль принесъ Іеговѣ за всѣхъ ихъ. Эту жертву принесъ онъ добровольно и „радостно будетъ онъ смотрѣть на страданія души своей въ сознаніи, что ими онъ, праведный рабъ мой, оправдалъ многихъ, взваливъ на себя грѣхи ихъ. Поэтому участь великихъ раздѣлитъ онъ и съ сильнымъ будетъ онъ дѣлить добычу, за то, что радостно онъ свою душу на смерть отдалъ". Тяжелое сознаніе своей грѣховности, которое тяготѣло надъ іудеями и подавляло у нихъ всякую надежду на освобожденіе, которое вытравило у нихъ всякую вѣру въ свои собственныя силы, всякую способность къ самостоятельному творческому акту, было замѣнено, подъ вліяніемъ этого новаго пророчества, радостнымъ сознаніемъ своей избранности, радостнымъ сознаніемъ глубокой плодотворности и цѣнности ихъ исторической жизни. Страданіе евреевъ было не страданіемъ, а подвигомъ. И это отрицаніе страданія іудеевъ привело къ новому утвержденію еврейской жизни.

Разумѣется, подобное отношеніе къ страданію противорѣчило всѣмъ выводамъ этическаго монотеизма. Этическій монотеизмъ требуетъ отъ самого Бога справедливаго отношенія къ судьбѣ каждаго и не можетъ мириться съ постулатомъ соціальной отвѣтственности. Евреи не удержались на той высотѣ пониманія страданія, на какую сталъ Вавилонскій Исаія. Эпоха, слѣдовавшая за пророчествомъ Вавилонскаго Исаіи, была какъ разъ эпохою упроченія въ жизни евреевъ началъ этическаго монотеизма и всѣ гетерогенные элементы, противорѣчащіе этимъ началамъ, должны были подвергнуться самому строгому остракизму. Но и общественно-политическія условія дальнѣйшей жизни евреевъ не благопріятствовали воспріятію постулата соціальной отвѣтственности. Евреи не только лишились самостоятельной политической жизни, они вообще перестали жить, какъ евреи, политическою жизнью. Еврейская жизнь изолировалась и стала внѣ контакта съ общими условіями общественно-политической жизни. Духовный кругозоръ еврейской жизни не переходилъ за предѣлы мелкой общины, и евреи не замѣчали связи между условіями ихъ жизнью и жизнью цѣлаго. Евреи поэтому совсѣмъ отказываются отъ теоріи соціальной отвѣтственности и принимаютъ цѣликомъ теорію Іезекіиля объ индивидуальной отвѣтственности каждаго за свои грѣхи. Этотъ

Іезекіиль вообще является духовнымъ отцомъ наступившаго священническаго періода въ еврейской исторіи. Дальнѣйшіе развитіе проблемы страданія у евреевъ двигается поэтому всецѣло въ рамкахъ, намѣченныхъ Іезекіилемъ. Исходною точкою является всегда та открыто высказанная или безмолвно подразумѣваемая предпосылка, что справедливый Богъ *долженъ* награждать праведныхъ и наказать грѣшныхъ и вообще воздавать каждому по заслугамъ. Позднѣйшая постановка проблемы страданія у евреевъ отличается отъ таковой постановки у Іезекіиля развѣ только тѣмъ, что на мѣсто проблемы національнаго страданія выдвигается преимущественно проблема индивидуальнаго, личнаго страданія. Принципіальной разницы, однако, евреи между индивидуальнымъ и національнымъ страданіемъ не дѣлали, и когда послѣ Маккавеевъ у евреевъ возникла на время самостоятельная національно политическая жизнь, то они прямо перенесли свои воззрѣнія на моменты, опредѣляющіе судьбу личности, на судьбу всего національнаго цѣлаго. Это они обнаружили въ своемъ знаменитомъ вопросѣ: отчего страдаетъ слѣпой; за свои грѣхи или же за грѣхи отцовъ?—который былъ поставленъ ими въ то время, когда Маккавейское государство находилось въ подобномъ же положеніи по отношенію къ Риму, въ какомъ іудейское государство находилось по отношенію къ Вавилонію во времена Іезекіиля.

Мы прослѣдили такимъ образомъ всѣ этапы мысли еврейскаго пророчества на протяженіи 300 лѣтъ, начиная съ Амоса и кончая Вавилонскимъ Исаіею. Мы видѣли, что мотивами всѣхъ пророчествъ были всегда ожидаемыя въ будущемъ или настоящія, современныя страданія народа Іеговы—безразлично, пророчествовалъ ли Амосъ или Исаія Вавилонскій, было ли это время самаго блестящаго расцвѣта израильскаго государства или же время вавилонскаго изгнанія, было ли это тогда, когда Израиль воспѣвался въ народной пѣснѣ: „Блаженъ ты Израиль, кто равенъ тебѣ? Народъ, которому самъ Іегова помогаетъ, Іегова—щитъ охраняющій тебя и мечъ гордости твоей. Враги раболѣпствуютъ тебѣ, а ты ихъ попираешь“, или же тогда, когда Израиль сталъ „мужемъ скорби, болѣзни извѣдавшимъ“. Во все это многоразличное время пророковъ не оставляла глубокая увѣренность во внутреннія силы еврейскаго народа, которыя дадутъ

ему въ концѣ концовъ возможность восторжествовать надъ этими страданіями. Они вѣрили въ геній Израиля, въ силу Іеговы.

Но въ эпоху выступленія Амоса израильскій народъ не представлялъ собою неорганизованной стихійной массы,—онъ представлялъ собою дифференцированный общественный организмъ, съ довольно интенсивною культурною жизнью, на почвѣ которой выросли опредѣленные соціально-экономическіе идеалы и требованія. И пророки вѣрили въ силу этихъ идеаловъ и выступили борцами за освобожденіе угнетенныхъ народныхъ массъ отъ ихъ поработителей. Въ воплощеніи въ жизни этихъ идеаловъ они видѣли волю Іеговы. Изъ еврейскаго бога, появляющагося въ громѣ и молніи, безпричинно любящаго свой народъ и такъ же безпричинно избивающаго всѣхъ враговъ его, Іегова сталъ подъ вліяніемъ пророковъ Богомъ всѣхъ народовъ, Богомъ справедливости, культурно-историческою, гуманною силою, Богомъ-Освободителемъ. Они вѣрили, что сила Іеговы можетъ состоять только въ добрѣ и справедливости, такъ какъ въ организованной соціальной жизни должна восторжествовать справедливость.

Покуда Іегова былъ выразителемъ общественныхъ идеаловъ и настроеній одного только еврейскаго народа, пророки были правы, приписывая ему аттрибутъ справедливости, такъ какъ дальнѣйшее процвѣтаніе еврейскаго народа могло произойти только при условіи воплощенія въ жизни этого народа идеаловъ, выдвинутыхъ пророками. Дѣло однако мѣняется, когда Іегова сталъ всеобщимъ Богомъ, когда на мѣсто національныхъ боговъ пророки выдвинули идею *этическаго монотеизма*, когда евреи, противопоставляя себя Іеговѣ и остальнымъ народамъ, стали требовать отъ Іеговы такого же справедливаго отношенія къ себѣ, какое должно существовать въ соціальной жизни людей. Тогда-то выступили внутреннія противорѣчія этическаго монотеизма, такъ какъ справедливость есть категорія *общественная*, а не *религіозная*. Она регулируетъ отношенія людей между собою, но она нисколько не говоритъ ни объ отношеніяхъ людей къ Богу, ни объ отношеніяхъ Бога къ людямъ. Это почувствовалъ Аввакукъ, когда, поставивъ вопросъ, отчего Іегова поступаетъ несправедливо по отношенію къ евреямъ, получаетъ отъ Іеговы отвѣтъ, что справедливость должна неизбѣжно восторжествовать *въ обществѣ*. Такимъ образомъ Аввакукъ безсознательно признаетъ, что осуществленіе идеала справедливости является задачей людей, а не Бога. Это ясно сознавалъ также Вавилонскій Исаія, когда онъ, разсматривая евреевъ съ общечеловѣче-

ской точки зрѣнія, доказалъ, что добро можетъ восторжествовать въ обществѣ только путемъ и черезъ страданія лучшихъ, черезъ страданія „раба Іеговы".

И какой бы прогрессъ ни означалъ въ жизни еврейскаго народа этическій монотеизмъ, это гуманизированіе стихійно-народныхъ стремленій, выраженныхъ въ первоначальномъ образѣ Іеговы,—развивали дальше пророки и перерастали разъ достигнутые культурно-историческіе идеалы. Это должно было привести къ раскрытію внутреннихъ противорѣчій этическаго монотеизма и къ отдѣленію нравственныхъ проявленій человѣческой жизни отъ религіозныхъ, на смѣшеніи которыхъ покоится этическій монотеизмъ. Дѣло въ томъ, что этическій монотеизмъ, развитый до конца, дѣлаетъ невозможнымъ проявленіе высшихъ формъ нравственности. Здѣсь не мѣсто говорить о внутреннихъ противорѣчіяхъ этическаго монотеизма,— мы укажемъ только на то противорѣчіе, въ силу котораго этическій монотеизмъ не могъ дать удовлетворительнаго разрѣшенія проблемѣ страданія. Это противорѣчіе обусловливается тѣмъ, что общественная категорія справедливости представляется какъ религіозная, какъ моментъ, опредѣляющій дѣйствія Бога. Поскольку справедливость выражаетъ собою формальный принципъ человѣческихъ отношеній, идеалъ, по направленію къ которому должна стремиться общественная жизнь, справедливость не требуетъ полнаго своего осуществленія въ конкретной жизни общества: это идеалъ, на достиженіе котораго должна быть направлена общественная дѣятельность, но который никогда не можетъ быть окончательно осуществленъ; это—выраженіе полнаго равновѣсія общественныхъ отношеній, но это равновѣсіе должно вѣчно нарушаться для того, чтобы было возможно дальнѣйшее развитіе общества, чтобы былъ возможенъ общественный прогрессъ. Дѣлая изъ справедливости религіозную категорію, этическій монотеизмъ тѣмъ самымъ постулируетъ полное осуществленіе въ конкретной жизни общества идеала справедливости, и этимъ уничтожается какъ возможность проявленій высшихъ формъ нравственной и религіозной жизни людей, такъ и всякій дальнѣйшій общественный прогрессъ. Ставя своимъ постулатомъ воздаяніе каждому по заслугамъ, этическій монотеизмъ уничтожаетъ въ корнѣ нравственную заслугу; нравственная заслуга возможна только при полной безвозмездности нравственныхъ дѣйствій, при томъ условіи, что поступающій нравственно руководился исключительно велѣніями нравственнаго долга, а не

соображеніями вознагражденія и наказанія. Но, уничтожая нравственную заслугу, этическій монотеизмъ дѣлаетъ невозможнымъ страданіе лучшихъ, а безъ страданія лучшихъ, невозможенъ общественный прогрессъ, какъ это доказалъ Исаія Вавилонскій: „рабъ" Іеговы долженъ страдать для того, чтобы дѣло Іеговы восторжествовало. Полное осуществленіе идеала справедливости возможно поэтому только въ такомъ обществѣ, которое не нуждается больше въ развитіи, которое достигло своего совершенства и неспособно больше развиваться.

Поэтому Іеремія правъ былъ, когда ожидалъ торжества идеала справедливости въ „мессіанскомъ царствѣ". Всякое же другое общество могло бы купить это полное воплощеніе идеала справедливости цѣною умерщвленія всякаго проявленія общественной жизни и дѣятельности.

Но этическій монотеизмъ не только уничтожаетъ нравственную заслугу, не только обрекаетъ общество на застой и вымираніе, онъ уничтожаетъ также и возможность проявленія высшихъ формъ религіозной жизни. Дѣло въ томъ, что справедливость регулируетъ отношенія обѣихъ договаривающихся сторонъ и обязываетъ оба контрагента къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ. Категорія справедливости, введенная въ религіозную жизнь людей, опредѣляетъ поэтому не только отношенія людей къ Богу, но и отношенія Бога къ людямъ, она дѣлаетъ не только человѣка зависимымъ отъ Бога, но и Бога зависимымъ отъ человѣка. Праведный можетъ требовать отъ Бога исполненія опредѣленныхъ обязательствъ на основаніи своей праведности и перестаетъ быть зависимымъ отъ Бога, а это уничтожаетъ основной фактъ религіозной жизни, которая заключается въ полномъ чувствѣ зависимости отъ Бога. Человѣкъ, который предъявляетъ обязательства къ Богу, перестаетъ жить религіозною жизнью, а Богъ, который находится въ зависимости отъ людей, перестаетъ быть Богомъ. Дѣйствія Бога должны быть поэтому независимы, не могутъ быть опредѣлены никакими человѣческими нормами. Это чувство полной независимости Бога, этотъ протестъ противъ высокомѣрія праведныхъ былъ однимъ изъ мотивовъ той поправки, которую Іезекіиль внесъ въ свою теорію индивидуальной отвѣтственности. Освободить Бога отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ людямъ было одною изъ цѣлой этого, кажущагося столь абсурднымъ, корректива. Еврейская синагога, какъ извѣстно, цѣпко держится этого корректива, видя въ немъ единственное средство противъ высокомѣрія праведныхъ.

Этическій монотеизмъ былъ, такимъ образомъ, не въ силахъ разрѣшить проблему страданія, какъ онъ не въ состояніи удовлетворить высшимъ требованіямъ нравственной и религіозной жизни. Заслуга пророковъ въ томъ, что они, каждый на свой манеръ, переросли его, и воздвигли зданіе, которое предоставило широкій просторъ общественной дѣятельности и въ которомъ свободно могли проявиться, какъ высшія формы нравственной жизни, такъ и глубокая интенсивная религіозная жизнь. И результатомъ ихъ дѣятельности, хотя непредвидѣннымъ самими пророками, было полное отдѣленіе религіозной отъ общественной жизни.

С. О. Марголинъ

Научныя бесѣды.

II.

Исторія Христа въ свѣтѣ еврейской науки.

Какъ извѣстно, ключъ къ разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ происхожденіемъ и первыми шагами христіанства, находится въ еврейск й, а не греческой или индійской литературѣ. Это понятно, потому что христіанство въ первоначальной своей стадіи есть одно изъ еврейскихъ ученій и около 300 лѣтъ послѣ возникновенія сохраняло еще характеръ внутренняго еврейскаго движенія. Христіанская новозавѣтная письменность принадлежитъ къ еврейской литературѣ и только въ рамкахъ этой литературы и понятна. Только изучивъ еврейскую литературу, можно уразумѣть во всей полнотѣ подлинный смыслъ Новаго Завѣта, который весь, за немногими позднѣйшими вставками, находится на еврейской почвѣ, отражаетъ еврейскій образъ мыслей, написанъ евреями и чуть-ли не исключительно для евреевъ.

Христіанскіе богословы этого не хотятъ признать, пренебрегаютъ еврейской литературой (по крайней мѣрѣ, такъ было до послѣдняго времени), кидаются на литературу грековъ и римлянъ, ища тамъ отвѣта на интересующіе ихъ вопросы. Но ищутъ напрасно. Первымъ обратилъ должное вниманіе на еврейскую литературу—Шюреръ, и этимъ объясняется колоссальный успѣхъ его „Исторіи еврейскаго народа въ эпоху I. Христа“. Но онъ, имѣвшій возможность пользоваться одной только Мишной (въ нѣмецкомъ переводѣ Іоста), открылъ лишь небольшую часть истины: многіе вопросы, совершенно ясно разрѣшающіеся на основаніи другихъ, родственныхъ и современныхъ Мишнѣ памятниковъ (Тосефты, Мехильты, Сифра, Сифре, Барайты), остаются для него загадкой, рѣшаются имъ гипотетически, а порой и прямо неправильно. Можетъ быть, близокъ тотъ день, когда еврейская литература

вся безъ исключенія будетъ отдана въ руки христіанскимъ богословамъ въ хорошихъ переводахъ, и это будетъ днемъ радикальнаго переворота воззрѣній на взаимоотношеніе христіанства и іудаизма, если только богословы смогутъ отрѣшиться отъ предвзятыхъ мнѣній и вѣрованій, внѣдренныхъ вѣками. До сихъ поръ христіанамъ это было крайне трудно, чему яркіе примѣры мы видимъ въ лицѣ Шюрера, Гарнака и даже Ренана. Можетъ быть, за дѣло выясненія началъ христіанства придется взяться евреямъ, у которыхъ есть еще то преимущество, что они оперируютъ съ подлинниками, а не переводами. Доселѣ у еврейскихъ ученыхъ своего дѣла достаточно, чтобъ интересоваться еще и новозавѣтной литературой, и кромѣ того, самая задача представляется довольно щекотливой, ибо малѣйшее неосторожное слово, даже просто въ защиту отъ нападенія, всегда можетъ дать лишній поводъ къ... физическому опроверженію въ истинно христіанскомъ духѣ. Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ.

Мы пишемъ тутъ не для христіанъ, а просто „бесѣдуемъ“ промежъ себя о вопросѣ, игравшемъ и доселѣ играющемъ колоссальную роль въ нашей исторіи. Вѣдь послѣ Греца и Гейгера ни одна исторія еврейскаго народа не можетъ игнорировать того событія, которое случилось въ Палестинѣ 19 вѣковъ тому назадъ и послѣдствія котораго доселѣ, увы! чувствуются нами.

Что же собственно случилось? Отвѣтъ на это мы находимъ, къ сожалѣнію, только въ одномъ литературномъ памятникѣ, евангеліи,—агадическомъ произведеніи, составлявшемся многими лицами, на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, на основаніи разсказовъ „очевидцевъ и служителей Слова“ (Лук. 1, 1—3).

Не всегда евангеліе обладало каноническимъ авторитетомъ, не всегда оно, въ качествѣ „Новаго Завѣта“, сопоставлялось съ „Ветхимъ“ и даже противопоставлялось ему; вначалѣ это были жизнеописанія Христа, ходившія по рукамъ среди вѣрующихъ жизнеописанія составленныя разными благочестивыми людьми съ цѣлью доказать, что съ пришествіемъ Іисуса исполнились всѣ предсказанія пророковъ о Мессіи. Такихъ списковъ было много, но каноническими признаны лишь четыре жизнеописанія, изъ коихъ первыя три такъ называемые, синоптики, носятъ повѣствовательный характеръ, изображая исторію Христа отъ появленія Іоанна Крестителя до „воскресенія“, а четвертое (отъ Іоанна) ставитъ себѣ цѣлью доказать на основаніи первыхъ трехъ жизнеописаній, что Іисусъ былъ сынъ Божій въ космическомъ и философскомъ смыслѣ этого слова. Синоптики представляютъ большія разногласія, но-

всѣ они составлены по одному плану и представляютъ родъ мидрашимъ. Подобно тому какъ въ Мидрашѣ изъ толкованія отдѣльныхъ словъ и буквъ Писанія созданы фантастическія біографіи Адама, Авраама, Моисея, Давида, Соломона, такъ тутъ, тѣмъ же самымъ методомъ, создана цѣлая біографія, полная болѣе или менѣе чудесныхъ эпизодовъ, при чемъ авторъ, ничуть не скрывая своихъ источниковъ, нерѣдко прибавляетъ къ своему разсказу: „тогда сбылось реченное чрезъ такого-то пророка“, или „это случилось, да сбудется сказанное тамъ-то“ и т. п.

Что же останется изъ біографіи Іисуса, если откинуть всю агадическую поэзію и позднѣйшія наслоенія полемическаго характера?

Останется вотъ что.

Іисусъ родился за 2 года до христіанской эры въ Назаретѣ и умеръ въ Іерусалимѣ на 31 году жизни. О первой дѣятельности Іисуса въ евангеліи почти никакихъ свѣдѣній нѣтъ. Онъ принадлежалъ къ большой семьѣ, имѣлъ четырехъ братьевъ (Якова, Іосе, Симона и Іуду) и нѣсколько сестеръ (Мѳ. 13, 55—56; Мк. 3, 32 и др.). Онъ былъ по ремеслу плотникъ, и одинъ изъ древнѣйшихъ отцовъ церкви, Юстинъ Мученикъ (род. ок. 100 г.), разсказываетъ, что въ его время существовали еще плуги и ярма, изготовленные Іисусомъ. О его воспитаніи трудно сказать что-либо опредѣленное. Повидимому, онъ умѣлъ читать и былъ знакомъ съ Писаніемъ. Его доказательства напоминаютъ обычныя у раввиновъ доказательства, откуда можно заключить, что онъ бывалъ въ обществѣ ученыхъ. Изъ разныхъ изреченій его видно, что онъ былъ знакомъ съ „Дидахой“ въ еврейской формѣ, т. е. съ книгой, извѣстной отцамъ церкви подъ именемъ „Ученія двѣнадцати апостоловъ“ (она открыта недавно, имѣется и въ русскомъ переводѣ; изъ нея взяты многія изреченія Іисуса).

Переломъ въ жизни Іисуса наступилъ съ появленіемъ Іоанна Крестителя. Это былъ ессейскій святой и проповѣдникъ, дѣятельность котораго продолжалась между 20 и 30 годами христіанской эры. Іосифъ Флавій говоритъ о немъ слѣдующее: „онъ былъ хорошій человѣкъ, проповѣдывавшій евреямъ воздержаніе, справедливость, благочестіе, и побуждалъ ихъ совершать омовеніе, ибо,—говорилъ онъ,—Господь требуетъ омовенія не только по совершеніи грѣха, но и просто для освященія тѣла“. Народъ, увлеченный его проповѣдью, собирался къ нему толпами. Подозрительный Иродъ Антипа, боясь вліянія новаго пророка на народъ, заключилъ его въ темницу, гдѣ онъ и былъ умерщвленъ.

Потомъ уже про его рожденіе сложилась легенда, которая вошла въ евангеліе отъ Луки. До 15-го года царствованія Тиверія онъ находился въ пустынѣ, но потомъ вышелъ, ходилъ по городамъ со словами, „покайтесь, ибо царствіе Божіе близко", и побуждалъ народъ совершать омовеніе во отпущеніе грѣховъ, дабы приготовиться къ предстоящему дню Великаго Суда. Богатымъ онъ проповѣдывалъ дѣлиться имуществомъ съ бѣдными, мытарей убѣждалъ не взимать податей больше, чѣмъ предписано, солдатъ увѣщевалъ избѣгать насилія и довольствоваться своимъ жалованьемъ. Когда его спрашивали, не Мессія-ли онъ, онъ отвѣчалъ, что желаетъ лишь подготовить народъ къ пришествію Мессіи, который придетъ какъ судія, чтобы очистить пшеницу отъ соломы: послѣднюю сожжетъ огнемъ неугасимымъ (т. е. въ гееннѣ). Взглядъ Іоанна на роль Мессіи значительно отличается отъ взгляда тѣхъ, которые впослѣдствіи видѣли Мессію въ Іисусѣ.

Среди пришедшихъ къ Іоанну, чтобы принять омовеніе въ Іорданѣ, былъ и нашъ назаретскій плотникъ. Тутъ на берегу Іордана, онъ впервые увидѣлъ поразительную картину власти одного человѣка надъ массой. Впечатлѣніе было громадное Онъ самъ воодушевился на проповѣдь. Въ своей семьѣ и у сосѣдей проповѣдь его ни въ началѣ, ни впослѣдствіи успѣха не имѣла; ближніе его полагали, что онъ лишился сознанія („вышелъ изъ себя", Мк. 3, 21), а земляки „соблазнялись о немъ". Іисусъ былъ этимъ недоволенъ и сказалъ: „не бываетъ пророкъ безъ чести, развѣ только въ отечествѣ своемъ и въ домѣ своемъ" (Мѳ. 13, 57). Отъ родныхъ же, даже отъ матери, онъ совсѣмъ отказывался, утверждая, что духовное родство выше естественнаго [1]).

Во все продолженіе общественной дѣятельности его (она продолжалась, повидимому, всего около 12 мѣсяцевъ) у него обнаруживался чрезвычайный нервный подъемъ, особая чудодѣйственная сила, выражавшаяся въ исцѣленіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней—эпилептиковъ, лунатиковъ, паралитиковъ—или, согласно медицинскимъ воззрѣніямъ тогдашняго времени, въ изгнаніи бѣсовъ. Дѣлалъ онъ это или заклинаніемъ, или прикосновеніемъ руки, или плеваніемъ на зараженную часть тѣла. Трудно

[1]) Мк. 3, 32—35: И сказали Ему: вотъ Матерь Твоя и братья Твои, и сестры Твои, внѣ дома, спрашиваютъ Тебя. И отвѣчалъ имъ: кто Матерь Моя и братья Мои? И обозрѣвъ сидящихъ вокругъ Себя, говоритъ: вотъ, матерь Моя и братья Мои. Ибо кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и матерь.

сказать что нибудь опредѣленное относительно этихъ исцѣленій, зарегистрованныхъ по меньшей мѣрѣ чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ событія, но несомнѣнно, что душевное возбужденіе, вызванное появленіемъ Іисуса, должно было вліять на нервную систему больного. Опыты Шарко пролили нѣкоторый свѣтъ на эти чудесныя и разукрашенныя легендой исцѣленія Іисуса, которымъ міръ знаетъ много параллелей отъ библейскихъ и талмудическихъ чудодѣевъ (Елисѣй, Илія, Онія, Ханина бенъ-Доса, Пинхасъ бенъ-Яиръ) до Лурда и Іоанна Кронштадтскаго включительно.

Ученіе Іисуса вполнѣ совпадаетъ съ ученіемъ Іоанна. Тутъ мы имѣемъ два кардинальныхъ пункта: 1) покаяніе и 2) близость царства Божія. Христіанскіе богословы находятъ въ ученіи Іисуса еще третій пунктъ—отеческую природу Бога, но это—чисто еврейское представленіе о Богѣ, неправильно понятое древними христіанами изъ язычниковъ. То же, впрочемъ, можно сказать и объ очищающемъ значеніи покаянія: ни Іоаннъ, ни Іисусъ не ввели тутъ никакой новой идеи въ еврейскую мысль. Христіанство даже говоритъ о покаяніи гораздо меньше, нежели еврейство. Остается одно „Царство Божіе“ или „Царствіе Небесное“. Но достаточно посмотрѣть на этотъ терминъ, чтобы узнать въ немъ еврейское מלכות שמים, о которомъ не разъ трактуетъ Талмудъ и которое вошло даже въ молитвословъ. „Царство Неба“ („небо“—синонимъ Бога) должно съ пришествіемъ Мессіи замѣнить царство римское. Это было общее повѣрье тогдашнихъ евреевъ, что вотъ-вотъ придетъ Мессія, произойдетъ міровая катастрофа, рухнетъ преступный Римъ и на развалинахъ злодѣйской имперіи утвердится царство самого Бога. Теократическій идеалъ древнихъ пророковъ найдетъ свое осуществленіе въ обновленномъ мірѣ, когда гроза очиститъ воздухъ, уничтоживъ все злое и грѣховное. Это и значитъ: „близко царство Божіе!“ Много вздору написалъ Толстой о жизни и ученіи Іисуса, но, кажется, нигдѣ претенціозность этого писателя, совершенно незнакомаго съ еврействомъ вообще и съ тѣмъ кругомъ идей, изъ котораго вышло ученіе Христа, въ частности, не достигаетъ такихъ предѣловъ какъ въ его толкованіи словъ Іисуса: „царство Божіе посреди васъ“ въ смыслѣ: „царство Божіе внутри васъ“.

Евангелисты въ полемическомъ усердіи стараются выставить ученіе Іисуса существенно отличающимся отъ ученія фарисеевъ, [1])

[1]) Особенно въ этомъ усердствуетъ евангеліе отъ Матѳея, вообще дышащее ненавистью къ фарисеямъ и влагающее въ уста Іисуса, въ такъ на

но уже тотъ голый фактъ, что Іисусъ проповѣдывалъ въ синагогахъ показываетъ, что это невѣрно. Когда впослѣдствіи апостолъ Павелъ приходилъ въ синагогу съ своимъ, дѣйствительно отличающимся отъ фарисейскаго ученіемъ, то онъ регулярно принималъ отъ слушателей побои и всякія непріятности, чего съ Іисусомъ никогда не было. А если мы ближе посмотримъ на его ученіе, то увидимъ, что у фарисеевъ не было рѣшительно никакихъ причинъ ненавидѣть его, да и онъ не имѣлъ поводовъ относиться къ нимъ враждебно. Вся ругань—(„порожденія ехидинны“, лицемѣры, безумные, слѣпые и т. д.), по адресу фарисеевъ, кощунственно влагаемая евангелистами въ уста Іисусу, Іисусу, запрещавшему говорить на брата своего „рака“ или „безумный“,—всѣ эти полемическіе перлы вставлены позднѣе и совершенно не гармонируютъ ни съ внутреннимъ содержаніемъ ученія, ни съ духовнымъ обликомъ этого кроткаго еврейскаго пророка.

Въ своихъ проповѣдяхъ онъ часто прибѣгаетъ къ еврейскому способу משל—притчи, аллегоріи, и въ евангеліи такихъ сравненій встрѣчается свыше 30. Самъ Іисусъ исполнялъ фарисейскій законъ: онъ носитъ цицисъ (ציצית Мѳ. 9, 20; въ русскомъ переводѣ евангелія,—которому ни на одинъ шагъ нельзя вѣрить, такъ онъ полонъ своевольныхъ „исправленій“, сказано: „къ краю одежды Его“, но это невѣрный переводъ греческаго κράσπεδον = арамейскому כריספרא), платитъ въ храмъ сиклевой налогъ (Мѳ. 17, 24—27), справляетъ седеръ, читаетъ надъ хлѣбомъ ברכה и дѣлаетъ קדוש (Мѳ. 26, 26 — 27), велитъ прокаженному принести законную жертву (Мк. 1, 44), велитъ давать десятину съ продуктовъ поля (Мѳ. 23, 23), сами ученики его приносятъ жертву; онъ прямо заявляетъ, что пришелъ исполнять законъ, а не нарушать, и что ни одна іота изъ закона не будетъ упразднена во-вѣки. Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ уклонялся отъ закона, по крайней мѣрѣ такъ представляютъ дѣло евангелисты: онъ не признавалъ какихъ-то постовъ, которые признавались и фари-

---

зываемой нагорной проповѣди (гл. 5—7) такую повторяющуюся фразу: „вы слышали, что сказано древнимъ... а Я говорю вамъ“, при чемъ въ желаніи установить контрасты евангеліе Матѳея доходитъ до утвержденія, будто въ законѣ сказано: „ненавидь врага твоего“. Не подлежитъ сомнѣнію, что вся „нагорная проповѣдь“ есть созданіе самого Матѳея, искусно составленное на основаніи изреченій и ученій, разсѣянныхъ въ евангеліи отъ Луки (6, 17—49; 9, 51—18, 14). Недаромъ даже названіе горы не указано. Другіе евангелисты не только факта нагорной проповѣди не знаютъ, но и большинство изреченій имъ незнакомо.

сеями, и Іоанномъ [1]); онъ лѣчилъ въ субботу, не соглашаясь съ мнѣніемъ ученыхъ, которые дозволяли лѣченіе только въ томъ случаѣ, когда больному угрожаетъ опасность смерти [2]); однако онъ признавалъ запрещеннымъ удаляться отъ города въ субботу (תחום שבת; Мѳ. 24, 20).

Вообще объ его отношеніи къ субботѣ трудно составить себѣ ясное представленіе по евангелію, которому важно—и этого не надо забывать при чтеніи—представить субботу отмѣненной для христіанъ. Весьма характеренъ разсказъ о субботѣ, сохранившійся въ одномъ рукописномъ евангеліи отъ Луки (Codex Bezae): однажды Іисусъ встрѣтилъ человѣка, работающаго въ субботу, за каковой грѣхъ по Моисееву закону полагается побіеніе камнями. Іисусъ говоритъ ему: человѣкъ, если ты сознаешь, что дѣлаешь, то будь благословенъ, если же не сознаешь, то будь ты проклятъ, какъ нарушитель закона. Таковъ былъ взглядъ на законъ со стороны гностиковъ... Евангелисты, перефразируя извѣстное талмудическое изреченіе „суббота передана вамъ, а не вы переданы субботѣ" (Мехильта къ Исх. 31, 13—14) въ видѣ: „суббота передана сыну человѣческому", понимаютъ подъ „сыномъ человѣческимъ" Іисуса, который, такимъ образомъ, оказывается господиномъ субботы, т. е. властенъ упразднить ее. Еще болѣе теменъ разсказъ о нарушеніи учениками Іисуса законовъ о субботѣ, разсказъ, повторяющійся у всѣхъ трехъ синоптиковъ (Мѳ. 12, 1; Мк. 2, 23 и Лук. 6, 1). Іисусъ проходитъ въ субботу засѣянными

---

[1]) Мк. 2, 18: „ученики Іоанновы и фарисейскіе постились. Приходятъ къ Нему, и говорятъ: почему ученики Іоанновы и фарисейскіе постятся, а Твои ученики не постятся?" Въ параллельномъ мѣстѣ евангелія отъ Матѳея (9, 14) значится: „приходятъ къ Нему ученики Іоанновы и говорятъ: „почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся?" Очевидно, рѣчь идетъ о постахъ необязательныхъ. См. Мишну Таанитъ I, 4 и особенно Тосефту Таанитъ 1, 7, изъ которой видно, что есть посты, которые вправѣ соблюдать не всѣ, а лишь „ученики мудрецовъ".

[2]) Вопросъ о лѣченіи въ субботу, которому евангелисты стараются придать чрезвычайно важное значеніе (см. Мѳ. 12, 14, Лук. 6, 7), въ сущности ничего важнаго не представлялъ. По Мишнѣ (Шаббатъ 17, 6) нельзя совершать такихъ лѣчебныхъ дѣйствій, которыя представляютъ „работы", напр. вправлять вывихнутый членъ. Едва-ли исцѣленіе посредствомъ слова входитъ въ понятіе „работы". Воду можно нагрѣвать въ субботу не только для лѣченія, но и для питья больному, и даже сомнительная опасность устраняетъ субботу (см. Тосефту Шаббатъ 16, 15). Впрочемъ, у Луки (14, 2—6) сохранился разсказъ, изъ коего явствуетъ, что вопросъ о запрещенности лѣченія оставался открытымъ.

полями, и ученики его начинаютъ рвать колосья [1]). Фарисеи, увидѣвши это, говорятъ ему: вотъ, ученики твои дѣлаютъ, чего не должно дѣлать въ субботу. Іисусъ въ отвѣтъ доказываетъ имъ примѣромъ Давида, что законъ о субботѣ можно нарушать [2]). Разсказъ этотъ чрезвычайно подозрителенъ, такъ какъ фарисеи по субботамъ не ходили по засѣяннымъ полямъ, рвать чужіе колосья не дозволялось вообще, а рвать въ субботу составляло слишкомъ тяжкій грѣхъ противъ ясно выраженнаго закона Моисеева (въ Числ. 15, 32—36 подвергается смертной казни человѣкъ, собиравшій въ субботу дрова), чтобы фарисеи могли охарактеризовать его только словами: „чего не должно дѣлать въ субботу", и чтобы Іисусъ могъ отдѣлаться столь неубѣдительными доводами. Нѣкоторый, хотя весьма слабый лучъ свѣта имѣемъ мы въ изложеніи Луки (6 1), гдѣ событіе происходитъ „въ субботу второпервую" (ἐν σαββάτῳ δευτεροπρώτῳ)—въ русскомъ переводѣ: „въ субботу, первую по второмъ днѣ Пасхи". Терминъ „второпервая" составляетъ настоящій crux interpretum для всѣхъ толкователей евангелія. Предложено свыше десяти разныхъ толкованій, но больше всего шансовъ на нѣкоторую правильность имѣетъ то, которое изображено и въ русскомъ переводѣ евангелія: „суббота, первая по второмъ днѣ Пасхи" [3]). Колеръ (Jew.

[1]) О томъ, съ какой цѣлью они рвали колосья, источники расходятся. Древнѣйшее евангеліе, отъ Марка, указываетъ, что они рвали колосья, чтобы проложить себѣ дорогу (въ русскомъ переводѣ „исправлено": „дорогою начали срывать колосья", но въ славянскомъ переведено точно: „и начаша ученицы его путь творити, вострзающе класы"); но позднѣйшимъ эта цѣль показалась не совсѣмъ удобной, и они указываютъ, что ученики срывали колосья, чтобы ѣсть, ибо проголодались. По раввинскому закону рвать чужіе колосья ни для какой цѣли и въ будни нельзя. См. любопытнѣйшую параллель въ Авотъ р. Наѳаніз, версія 2-я, глава 26 (русск. переводъ стр. 149).

[2]) У Марка и Луки Іисусъ указываетъ на Давида, который, взалкавъ, взялъ въ храмѣ хлѣбы предложенія и ѣлъ. Отсюда дѣлается скачекъ, что „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы". У Матѳея приводится еще одинъ доводъ: „священники въ храмѣ нарушаютъ субботу, однако невиновны", а „здѣсь Тотъ, Кто больше храма". Нечего и говорить, что подобныя возраженія никакой убѣдительности въ глазахъ фарисеевъ имѣть не могли, но единственный правильный доводъ былъ бы указаніемъ на „опасность для жизни" (פקוח נפש), если бы голоданіе дѣйствительно подходило подъ эту категорію.

[3]) Хвольсонъ въ своемъ сочиненіи „Das letzte Passamahl Christi" посвящаетъ терминy „суббота второпервая" цѣлое изслѣдованіе (стр. 59—67) и приходитъ къ тому выводу, что это значитъ: „первая суббота послѣ пасхальной", при чемъ происхожденіе термина „вторая—первая суббота" объясняетъ тѣмъ, что въ эпоху Христа библейское ממחרת השבת (Лев. 23, 15) понимали

Encycl. VII, 168 и VIII, 249) поэтому и полагаетъ, что въ арамейскомъ текстѣ было: בחר לשבא תנינא и что рѣчь идетъ о воскресеньѣ второй недѣли („субботы“) послѣ Пасхи, такъ что вопросъ шелъ не о срываніи колосьевъ въ субботу, а о вкушеніи срываемыхъ колосьевъ, которыхъ нельзя было ѣсть, въ качествѣ продуктовъ новаго урожая („хадашъ“) до принесенія снопа омера въ Храмъ. Но Колеръ забылъ, что снопъ-то этотъ и приносился во второй день Пасхи. Если уже отступать отъ евангельскаго текста, по которому дѣйствіе происходитъ непремѣнно въ субботу [1]), и предполагать, что вопросъ идетъ о правѣ вкушать „хадашъ“, то надо допустить, что рѣчь идетъ о самомъ второмъ днѣ Пасхи: въ этотъ день, право вкушенія „хадашъ“ было спорно (см. Мишну Менахотъ 10,5). Какъ бы то ни было, текстъ евангелія слишкомъ ненадеженъ, чтобы можно было изъ него дѣлать какіе-либо положительные выводы, въ особенности столь серьезнаго свойства, какъ отмѣна Іисусомъ субботы. Трудно допустить, чтобы послѣ такого шага Іисусъ могъ возлежать въ домѣ начальника фарисейскаго, о чемъ разсказываетъ само евангеліе (Лук. 14, 1).

Въ вопросѣ о разводѣ Іисусъ, повидимому, примыкаетъ къ школѣ Шаммая, допускающей разводъ только по случаю прелюбодѣянія (Мишна Гиттинъ 9, 10), если только слова „кромѣ вины любодѣянія“ и „не за прелюбодѣяніе“ у Матѳея (5, 32 и 19, 9) не суть позднѣйшія вставки, а это весьма вѣроятно, такъ какъ у другихъ синоптиковъ, Марка (10, 11—12) и Луки (16, 18), этихъ словъ нѣтъ, да и по смыслу они не укладываются въ строй разсужденія. Разсказъ о грѣшницѣ, приведенной къ Іисусу на судъ, о которой онъ сказалъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень“, недаромъ имѣется только въ евангеліи отъ Іоанна (8, 1—11), наиболѣе далекомъ отъ описываемыхъ событій. Авторъ представляетъ себѣ Іисуса верховнымъ судьей еврейскаго народа. Онъ рѣшаетъ вопросъ о жизни и смерти

еще буквально: „на завтра послѣ субботы“, и пасхальная суббота была первымъ изъ 50 отсчитываемыхъ до Пятидесятницы дней, а слѣдующая суббота была первой изъ семи отсчитываемыхъ субботъ, такъ какъ по закону надлежало отсчитать и семь субботъ и пятьдесятъ дней (Лев. 23, 15 и 16).

[1]) А въ этомъ вся суть: евангелистамъ важно было доказать, что нарушеніе субботы дозволено, что ученики Іисуса нарушали ее еще при жизни учителя. Какъ съ этимъ согласовать слова Іисуса: „все, что они велятъ вамъ соблюдать (книжники и фарисеи), соблюдайте и дѣлайте“—остается однимъ изъ безчисленныхъ противорѣчій христіанскаго ученія.

собственнымъ авторитетомъ вопреки закону Моисея и внѣ рамокъ тогдашняго политическаго положенія іудеевъ, лишенныхъ уголовной юрисдикціи, что однако признается въ томъ же евангеліи отъ Іоанна черезъ десять главъ, въ исторіи смерти Іисуса (18, 31). Общій тонъ отрицательнаго отношенія раввиновъ къ смертной казни, однако, переданъ авторомъ-евреемъ вѣрно, только раввинскій взглядъ приписанъ Іисусу. Въ раввинской литературѣ имѣется нѣчто подобное о женѣ, подозрѣваемой мужемъ въ измѣнѣ (такъ называемой, „сотѣ"): если мужъ чистъ (отъ обвиненія въ прелюбодѣяніи), то горькая вода, которою поятъ жену, оказываетъ свое дѣйствіе, если же самъ мужъ не безупреченъ, то горькая вода дѣйствія не имѣетъ (Сифре къ Числ. 5, 31).

Остается вопросъ объ институтѣ ритуальной чистоты. Евангелистамъ важно представить, что и этотъ институтъ, основывающійся въ большей степени на раввинскомъ преданіи, нежели на Моисеевомъ законѣ, Іисусомъ отмѣненъ. У Марка (7, 1—23) и у Матѳея (15, 1—20) находимъ разсказъ о томъ, что фарисеи обратились къ Іисусу съ укоромъ, „зачѣмъ ученики его ѣдятъ хлѣбъ неумытыми руками, вопреки преданію старцевъ". Онъ имъ вмѣсто объясненія кидаетъ упрекъ, что они уже слишкомъ держатся преданія старцевъ, что они, напр., допускаютъ возможность пренебреженія родителями, вопреки прямой заповѣди о почитаніи ихъ, и такимъ образомъ устраняютъ слово Божіе своимъ преданіемъ [1]). Тутъ же приводится изреченіе, имѣющее цѣлью показать, что Іисусъ отмѣнилъ и законы о пищѣ: „ничто, входящее въ человѣка извнѣ, не можетъ осквернить его". При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ мѣстъ ясно, что они позднѣйшаго происхожденія. Законы о чистотѣ рукъ обязательно соблюдались всѣми только въ отношеніи святынь; но фарисеи (хаверы) брали на себя соблюденіе чистоты рукъ и при вкушеніи обыкновенныхъ проду-

[1]) Чрезвычайно любопытно это мѣсто, устанавливающее прямую связь между Мишной и евангеліемъ. Фарисеямъ ставится въ упрекъ такой казусъ. Нѣкто сказалъ отцу своему: „*корбанъ* (т. е. даръ Богу) то, чѣмъ ты отъ меня воспользуешься", вслѣдствіе чего отецъ лишается возможности получить что-либо отъ сына своего, такъ какъ взятое имъ тотчасъ же становится *корбанъ*, т. е. святыней, принадлежащей храму; такимъ образомъ, заповѣдь Божія устранена преданіемъ. Какъ видно изъ Мишны, конфликты между святостью обѣта и заповѣдью о почитаніи родителей учеными предусматривались, и только одинъ ученый, священникъ Саддокъ, стоялъ за нерушимую святость обѣта, всѣ же остальные допускали возможность разрѣшенія обѣтовъ „изъ чести родителей". См. Мишну Недаримъ 9, 1.

ктовъ (см. Тосефту Демай 2, 2; 2, 10). Мишна (Эдуіотъ 5, 6) приводитъ фактъ отлученія нѣкоего Эліэзера сына Ханохова за то, что онъ отрицалъ институтъ ручной чистоты. Только впослѣдствіи, во время составленія евангелій, институтъ ручной чистоты, вѣроятно, пріобрѣлъ такое распространеніе, что евангелистъ имѣлъ право въ поясненіе язычникамъ (къ которымъ евангеліе отъ Марка и обращено) писать (Мк. 7, 3): „ибо фарисеи и всѣ іудеи, держась преданія старцевъ, не ѣдятъ, не умывъ тщательно рукъ; и пришедши съ торга не ѣдятъ, не омывшись". Что касается отмѣны законовъ о пищѣ, то достаточно прочитать въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, сколько споровъ было между послѣдователями Іисуса по вопросу о пищѣ, и какъ, наконецъ, рѣшили запретить новообращающимся изъ язычниковъ только идоложертвенное, кровь и удавленину (т. е. терефу), при чемъ никому въ голову не пришло при этомъ сослаться на авторитетъ Учителя (см. Дѣян. гл. 15 и параллельныя мѣста),—чтобы понять, что изреченіе о „входящемъ въ человѣка" и „выходящемъ" есть позднѣйшая вставка (этому изреченію, что очень любопытно для источниковъ евангелія, имѣется параллель у гностиковъ, ср. Bernays, Theophrast's Schrift über Frömmigkeit, стр. 5 слѣд.). Такимъ образомъ, нѣтъ законовъ, которые были бы имъ нарушены, не то, что совсѣмъ отмѣнены, и его изреченіе (Мѳ. 5, 17): „не нарушить пришелъ Я (законъ и пророковъ), но исполнить" остается вѣрнымъ показателемъ его отношенія къ іудейскому закону. Больше того, такъ какъ онъ проповѣдывалъ скорое крушеніе царства Сатаны (т. е. Рима) и наступленіе царства Божія, то онъ требовалъ отъ своихъ учениковъ большей справедливости и чистоты, нежели фарисеи, дабы быть достойными царства Божія, имѣющаго наступить вотъ-вотъ, еще при ихъ жизни (Лук. 21, 32). Такимъ образомъ, выраженіе „исполнить" надо понимать въ смыслѣ „пополнить" (какъ оно и выходитъ въ греческомъ текстѣ, πληρῶσαι, и въ единственной евангельской цитатѣ, сохранившейся въ Талмудѣ, Шаббатъ 116 б: אנא לא למיפחת מן אורייתא דמשה אתיתי אלא לאוספי על אורייתא דמשה אתיתי).

Поверхностному читателю евангелія бросается въ глаза особая, почти непривычная страстность Іисуса въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о книжникахъ и фарисеяхъ, и впечатлѣніе получается такое, будто его ученіе есть прямая противоположность ученію фарисеевъ, онъ ужасный врагъ фарисеевъ и фарисеи столь же ужасные враги ему. Но людямъ, знакомымъ съ ученіемъ фарисеевъ, вражда эта рѣшительно непонятна, а при нѣкоторомъ кри-

тическомъ отношеніи къ тексту обнаруживается, что евангеліе—не историческое, а *полемическое* сочиненіе, редижированное въ такое время, когда христіанство уже отдѣлилось отъ еврейства и надо было оправдать свое отрицательное отношеніе къ еврейскому закону словами и примѣромъ своего учителя. Отношеніе Іисуса къ фарисеямъ и наоборотъ стало для еврейскихъ ученыхъ самымъ надежнымъ критеріемъ при опредѣленіи подлинности и древности тѣхъ или другихъ мѣстъ евангелія: чѣмъ дружественнѣе это отношеніе, тѣмъ мѣсто автентичнѣе.

Весьма возможно, что Іисусъ возставалъ противъ формальнаго исполненія закона нѣкоторыми фарисеями, тогда какъ отъ учениковъ своихъ, для входа въ Царство Небесное, требовалъ еще праведности внутренней: „ибо, говорю вамъ, если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ Царство Небесное“ (Мѳ. 5, 20). Но нападки на ханжество и лицемѣріе, на соблюденіе одной внѣшней стороны религіи при недостаточномъ вниманіи къ основнымъ требованіямъ ея—любви и милосердію—общее мѣсто въ еврейской литературѣ: книги пророковъ, какъ и раввинскія сочиненія, полны филиппикъ противъ показного благочестія. „Ложные фарисеи“ безпощадно бичуются въ разныхъ мѣстахъ Талмуда [1]). Однако, отсюда до вражды къ фарисеямъ вообще еще далеко. Читая обвиненія, направленныя Іисусомъ противъ фарисеевъ и книжниковъ (Мѳ. гл. 12, 38 слѣд.; Лук. 11, 37 сл. 20, 45 сл.), нельзя не видѣть, что спеціально къ фарисеямъ относящихся пунктовъ тамъ нѣтъ, что подобныя обвиненія во всѣ времена и всюду направлялись противъ всякихъ служителей религіи, и всегда они были одинаково правильны и одинаково же неправильны. Можетъ быть, ни къ одной религіи эти нападки такъ не подходятъ, какъ именно къ христіанской, вся исторія которой, отъ первыхъ же шаговъ, есть длинный и вѣчный споръ о догматическихъ мелочахъ, сопровождающійся нарушеніемъ элементарнѣйшихъ основъ этики,—гоненіями, пытками и кровопролитіями безъ конца.

Въ евангеліи отъ Луки фарисеи оказываются на сторонѣ Іисуса; тамъ (13, 31) читаемъ, какъ нѣкоторые изъ фарисеевъ пришли къ Іисусу и говорили ему: выйди и удались отсюда, ибо Иродъ хочетъ убить тебя, и какъ онъ слушается ихъ совѣта. Въ

---

[1]) См. изреченіе о семи родахъ фарисеевъ Авотъ р. Наѳана, верс. 1-я, гл. 37 и верс. 2-я, гл. 45 (русск. перев. стр. 99 и 184), подробно разбирающееся въ Іерушалми Берахотъ 9, 7 14 б вн.) и Бавли Сота 22 б.

евангеліи же отъ Марка (3, 6) фарисеи составляютъ съ иродіанами совѣщаніе, какъ бы погубить его. Также фарисеи дѣйствуютъ совмѣстно съ иродіанами у Марка (12, 13) и Матѳея (22, 15—16), въ вопросѣ объ обязательности подати кесарю; однако, въ параллельномъ мѣстѣ Луки (20, 19) вопросъ задается лукавыми людьми, подосланными со стороны первосвященниковъ и книжниковъ. У Луки (20, 19 и 23, 27) и Марка (12, 12) народъ іудейскій сначала на сторонѣ Іисуса, а врагами его являются Иродъ („лисица", Лук. 13, 32) и Понтій Пилатъ (ср. Лук. 13, 1 и Мк. 15, 1), а потомъ, какъ бы по мановенію жезла, роли перемѣняются: Иродъ и Пилатъ оказываются защитниками Іисуса (Лук. 23, 8, Мк. 15, 14, Мѳ. 27, 17—25, Іоанн. 18, 38), а іудеи—кровожадными распинателями его (Мк. 15, 13—14, Мѳ. 27, 22—23, Дѣян. 4, 10), всегда искавшими убить невиннаго (Іоанн. 7, 1, 13; 8, 37; 10, 31 и т. д. и т. д.). Особенно любопытно отношеніе евангелія къ саддукеямъ. Кто хоть немного знакомъ съ настроеніемъ партій въ эпоху Христа, долженъ признать, что главнымъ и могучимъ врагомъ выступившаго Мессіи должна была быть священническая саддукейская партія. И дѣйствительно, въ Дѣяніяхъ (4, 1 сл.) мы еще видимъ главными врагами новаго ученія „священниковъ и саддукеевъ", но напрасно мы будемъ искать саддукеевъ, играющихъ активную роль въ исторіи Іисуса: они куда-то скрылись, заклятыми врагами Христа являются фарисеи, и на каждомъ шагу Іисусъ бичуетъ фарисеевъ, т. е. какъ разъ ту единственную еврейскую партію, которую знали и съ которою боролись составители евангелій, такъ какъ саддукеи, послѣ разрушенія Храма, исчезаютъ. Также и отношеніе Іисуса къ іудеямъ мѣняется согласно тенденціи авторовъ: то онъ, какъ мы видѣли, и самъ, исполняетъ и отъ другихъ требуетъ исполненія еврейскаго закона объявляетъ себя посланнымъ „только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева" (Мѳ. 15, 24), не желаетъ лѣчить язычницу, считая зазорнымъ „взять хлѣбъ у дѣтей (т. е. евреевъ) и бросить псамъ (т. е. язычникамъ) (Мѳ. 15, 26), ученикамъ своимъ также запрещаетъ давать святыню псамъ и бросать свой жемчугъ предъ свиньями (Мѳ. 7, 6), запрещаетъ ходить къ язычникамъ и входить въ городъ самарянскій" (Мѳ. 10, 5), онъ нареченъ „Іисусомъ" (ישוע), такъ какъ имѣетъ спасти народъ свой отъ грѣховъ ихъ (Мѳ. 1, 21) [1]). Въ другихъ же мѣстахъ мы читаемъ нѣчто

[1]) Русскому переводчику показалось зазорнымъ, что Іисусъ имѣетъ спасти только свой народъ, и хитро переводитъ λαὸν αὐτοῦ—ибо спасетъ людей

совершенно другое: Христосъ—спаситель міра (Іоанн. 4, 42), евангеліе должно быть проповѣдано во всѣхъ народахъ (Мк. 13, 10), по всей вселенной (Мѳ. 24, 14), а царство Божіе отнимется отъ евреевъ и отдано будетъ народамъ (Мѳ. 8, 11—12; 21, 43). Двѣнадцать апостоловъ, соотвѣтствующіе двѣнадцати колѣнамъ Израилевымъ (Мѳ. 10, 2; Мк. 3, 14; Лук. 9, 1 и Дѣян. 1, 25), превращаются въ семьдесятъ (Лук. 10, 1) соотвѣтственно 70 народамъ міра. Не будемъ пока говорить о тѣхъ тенденціозныхъ вставкахъ и измѣненіяхъ, которыя внесены впослѣдствіи съ полемическими цѣлями и которыя самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчатъ всѣмъ сохранившимся не только еврейскимъ, но и церковнымъ свѣдѣніямъ о первоначальномъ христіанствѣ, еще долго послѣ смерти Іисуса не отличавшемъ себя отъ еврейства, имѣвшемъ центръ въ Іерусалимѣ, управлявшемся обрѣзанными епископами, которые исполняли еврейскій законъ и относились весьма неблагосклонно къ язычникамъ (Ириней, Advers. Haeres. 1, 26; Sulpicius, Historia Sacsa II, 31; Евсевій, Истор. Церк. 4, 5). Теперь же вернемся къ жизни Іисуса.

Когда приблизилась Пасха 29 г. Іисусъ рѣшилъ исполнить законъ о вкушеніи пасхальнаго агнца въ Іерусалимѣ. Позднѣйшіе разска́зы представляютъ дѣло такъ, что онъ зналъ объ ожидающей его участи, что это былъ актъ самопожертвованія, но событія идутъ въ такомъ порядкѣ, что мысль о самопожертвованіи исключается. Въ послѣдній моментъ онъ даже дѣлаетъ попытку убѣжать (Мк. 14, 42). Палестина въ то время переживала смутное время. Только что было подавлено возстаніе, совершившееся подъ предводительствомъ нѣкоего Іисуса баръ Аббы (Вараввы), и послѣдній заключенъ въ темницу. Пасха—воспоминаніе объ освобожденіи Израиля—была всегда временемъ возстаній, и римскій намѣстникъ (прокураторъ) всегда къ этому празднику являлся съ войскомъ въ Іерусалимъ.

Въ сопровожденіи немногихъ послѣдователей прибылъ Іисусъ въ Іерусалимъ. Это было въ воскресенье 10-го Нисана, когда по закону надо было купить агнца. Продавались агнцы въ самомъ храмѣ, во дворѣ. Между учениками Іисуса и продавцами вышли какія-то пререканія, и „Іисусъ началъ выгонять продающихъ и покупающихъ въ храмѣ; и столы мѣновщиковъ и скамьи продающихъ

Своихъ". Такая же благочестивая передержка имѣется въ стихѣ Мѳ. 10, 6, гдѣ послѣ запрещенія ходить къ язычникамъ и самарянамъ, Іисусъ прибавляетъ: „а идите *наипаче* къ погибшимъ овцамъ дома Израиля": если нельзя ходить ни къ язычникамъ, ни къ самарянамъ, то вѣдь остаются *только* евреи.

голубей опрокинулъ“ [1]), вслѣдствіе чего „книжники и первосвященники искали, какъ бы погубить Его“ (Мк. 11, 15—18). Но Іисусъ, желая избѣгнуть опасности, совершивъ пасхальную вечерю, скрылся въ загородномъ Геѳсиманскомъ саду, былъ, однако, выданъ однимъ изъ двѣнадцати, Іудой изъ города Каріотъ, рабамъ первосвященника, которые схватили его и привели на судъ первосвященника. Въ чемъ собственно онъ обвинялся, изъ евангелія неясно: очевидно, и тутъ надо было кое что перенначить, кое-что смягчить. Судя по тому, что разсказывается объ этомъ въ евангеліяхъ, онъ обвинялся въ богохульствѣ, въ томъ что называлъ себя „Сыномъ Божіимъ“ въ мессіанскомъ смыслѣ (Мк. 14, 62 и парал.), или объявилъ, что разрушитъ Храмъ іерусалимскій (Мѳ. 26, 61). Но напрасно мы стали бы искать въ еврейской литературѣ малѣйшаго намека на возможность суда и преданія смерти по такому обвиненію. Евангелистъ Матѳей старается придать своему разсказу извѣстный couleur locale, сообщая подробность о томъ, какъ первосвященникъ разодралъ одежды свои, что дѣйствительно требуется раввинскимъ закономъ въ случаѣ богохульства (Сангедринъ 7, 5), но вопросъ отъ этого не становится яснѣе. Если вспомнить, что евангелія передѣлывались для римлянъ, и что важно было снять съ Іисуса всякую тѣнь мятежническаго противъ Рима образа мыслей и выдвинуть его политическую благонадежность, что де „царство Мое не отъ міра сего“ (Іоанн. 18, 36), „отдавайте кесарево кесарю“ (Мк. 12, 16), хотя съ этимъ плохо гармонируютъ его постоянные намеки на мечъ и борьбу, на то, что царство Божіе берется силою, его совѣтъ ученикамъ вооружиться,—если вспомнить, въ какомъ духѣ надо было кое-кому представить дѣло, то оно станетъ немного яснѣе. Іисусъ былъ переданъ Пилату по обвиненію въ политическомъ преступленіи, въ возстаніи противъ Рима. Что было въ преторіумѣ на допросѣ прокуратора, неизвѣстно, такъ какъ евреи туда не вошли, боясь оскверниться передъ праздникомъ. Повидимому, подтвердилось, что Іисусъ считалъ себя „Мессіей“, что для римлянина равносильно „царю іудеевъ“, и жестокому Пилату, этому римскому Муравьеву, ничего не оставалось, какъ предать

[1]) Въ Храмѣ, во дворѣ, сидѣли мѣнялы, которые мѣняли монеты паломниковъ, собиравшихся со всѣхъ странъ, на „священную“, т. е. еврейскаго или финикійскаго чекана, такъ какъ эта монета была обязательна для платежей религіознаго свойства (см. въ нашемъ переводѣ Талмуда Прибавленіе къ тр. Шекалимъ, т. II, стр. 300). Съ алчностью продавцовъ жертвенныхъ животныхъ и птицъ боролись и раввины (см. Мишну Керитотъ, 1, 7).

его смерти [1]). По римскому праву, за возстаніе полагалось распятіе на крестѣ, мучительная, неизвѣстная еврейскому закону, чисто римская казнь, гдѣ человѣкъ умиралъ отъ истощенія и постепеннаго окоченѣнія членовъ, при чемъ агонія продолжалась иногда до трехъ дней. Къ кресту, по римскому обычаю, прибивалась дощечка съ надписью вины казнимаго, и надпись на крестѣ Іисуса гласила: „Царь Іудейскій“ (Мк. 15, 26). Іисусъ, вѣря до послѣдняго момента въ чудо избавленія, мужественно встрѣтилъ свою смерть, довольно суровыми словами отказался отъ предложеннаго ему опьяняющаго напитка [2]), и только подъ самый конецъ крестныхъ мукъ, полный отчаянія, вскричалъ словами Псалмопѣвца: „Боже мой, Боже, зачѣмъ Ты оставилъ меня“.

Впослѣдствіи исторія распятія была представлена въ такомъ видѣ, что-де врагами его были священники, фарисеи и весь народъ іудейскій, ложно обвинившіе его въ подстрекательствѣ къ отказу отъ податей, Пилатъ же—приверженецъ невинности Іисуса—и римляне ни малѣйшаго участія въ этомъ преступленіи не принимаютъ; самыя выраженія „римляне“, „римскій“, „языческій“, тщательно затушевываются въ евангеліи (ср. Мк. 9, 31: „Сынъ Человѣческій преданъ будетъ въ руки *человѣческія* и убьютъ его“; 14, 41: „предается Сынъ Человѣческій въ руки грѣшниковъ“; Лук. 24, 7: „Сыну Человѣческому надлежитъ быть преданну въ руки человѣковъ грѣшниковъ и быть распяту“).

---

[1]) „Подкупность, насилія, грабежи, правонарушенія, оскорбленія, постоянныя казни безъ судебныхъ приговоровъ, вѣчныя и невыносимыя жестокости“,—вотъ въ чемъ упрекаетъ Пилата Филонъ (De legatione ad Cajum, 38). Десятилѣтнее управленіе Пилата было сплошнымъ нарушеніемъ всякаго права. Съ какою то непонятною жестокостью онъ оскорблялъ евреевъ въ самыхъ святыхъ чувствахъ. То его войска приходятъ въ Іерусалимъ съ военными значками, имѣющими изображеніе императора, чего при прежнихъ прокураторахъ не бывало, то онъ захватываетъ храмовую казну и избиваетъ недовольную этимъ толпу, то онъ выдумываетъ въ пику евреямъ поставить на Иродовомъ дворцѣ какіе-то священные щиты, то онъ, по свидѣтельству евангелія (Лук, 13, 1), избиваетъ какихъ-то галилеянъ въ то время, какъ они приносили жертвы въ Храмѣ, то онъ набрасывается на самарянъ, собравшихся вокругъ новоявленнаго своего пророка на горѣ Гаризимъ и звѣрски избиваетъ ихъ. (Ср. нашу книгу „Талмудъ, его исторія и содержаніе“, I, стр. 69).

[2]) Это былъ напитокъ изъ вина, ливана и мирры, дѣлавшійся сердобольными еврейскими женщинами для казнимыхъ, чтобы они умирали безъ сознанія. Объ этомъ древнемъ обычаѣ имѣются свѣдѣнія въ Талмудѣ (Семахотъ 2, 8 и Сангедринъ 43 а). У Марка (15, 23) сказано правильно: „давали Ему пить вино со смирною“; у Матѳея же (27, 34) несообразность: „дали ему пить уксуса (варіантъ: вина), смѣшаннаго съ желчью“. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что переводчикъ смѣшалъ еврейское מר („мирра“) съ מרה („желчь“).

Значеніе этого полемическаго пріема, свалившаго на еврейскій народъ невинную кровь одного изъ мужественнѣйшихъ сыновъ этого народа, не поддается еще опредѣленію, такъ какъ къ десяткамъ, а можетъ быть, и сотнямъ тысячъ евреевъ, погибшихъ въ средніе вѣка въ страстную недѣлю, когда народъ фанатизируется описаніями страстей Господнихъ, доселѣ еще прибавляются съ каждымъ годомъ новыя и новыя жертвы.

Н. Переферковичъ.

Очерки по исторіи западно-европейскихъ евреевъ въ началѣ XIX вѣка *).

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Къ вопросу объ экономическомъ и соціальномъ положеніи евреевъ.

Глава IV.

Евреи южныхъ провинцій.

Евреи итальянскихъ провинцій Наполеоновской Франціи.—Положеніе ихъ при старомъ режимѣ.—Статистическія данныя о профессіяхъ еврейскаго населенія въ бывшемъ Пьемонтѣ; участіе ихъ въ шелковомъ производствѣ, въ издѣліи золотыхъ и серебряныхъ вещей, видное участіе женщинъ въ ремесленномъ производствѣ.—Евреи—землевладѣльцы и земледѣльцы; почти полное отсутствіе среди евреевъ ростовщиковъ.—Занятія евреевъ Генуи, Тосканы, Пармы и Рима.—Матеріальное положеніе евреевъ.—Сближеніе съ общимъ населеніемъ: посѣщеніе общихъ учебныхъ заведеній; евреи на военной службѣ.—Отношеніе христіанскаго населенія къ евреямъ, вражда католическаго духовенства и недружелюбіе массъ.—Гуманное отношеніе администраціи.

Эту главу мы могли бы съ такимъ же правомъ озаглавить „евреи итальянскихъ провинцій", потому что только о нихъ будетъ идти рѣчь въ нижеслѣдующихъ строкахъ. При этомъ будетъ умѣстно оговориться съ самаго же начала, что національные архивы содержатъ данныя о еврейскомъ населеніи не всѣхъ владѣній, находившихся въ описываемое время на Аппенинскомъ полуостровѣ, а лишь тѣхъ, которыя по Кампо-формійскому миру 1797 года были преобразованы въ Цизальпинскую республику, а впослѣдствіи актами 1805 и 1808 гг. въ части своей и заодно съ другими прилегавшими къ нимъ областями присоединены къ Франціи. И о евреяхъ однѣхъ этихъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ провинцій современной Италіи будемъ мы говорить.

*) См. „Кн. Восх.". Октябрь.

До подпаденія подъ французское вліяніе названныя провинціи представляли самостоятельныя владѣнія – королевство Сардинію (Пьемонтъ), республику Генуезскую, княжества Тоскану, Парму и Плезансъ и часть папскихъ владѣній [1]). О томъ, каково жилось евреямъ въ этихъ государствахъ Италіи до того момента, какъ войска революціонной Франціи принесли съ собою свободу и равенство, объ этомъ говорятъ намъ документы Національныхъ архивовъ. Такъ, въ письмѣ префекта деп. По къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 19 іюля 1808 года мы находимъ слѣдующее историческое объясненіе причины большого числа евреевъ, освобожденныхъ отъ отбыванія воинской повинности: „такое большое число освобожденныхъ, пишетъ префектъ, объясняется образомъ жизни, который евреи были вынуждены вести, подъ вліяніемъ законовъ Пьемонта. Эти законы заставляли ихъ жить скученно въ еврейскихъ кварталахъ, гдѣ они сидѣли одинъ на другомъ, лишали всякой возможности получать свѣтское образованіе и развивать свои физическія силы, вслѣдствіе чего и получалось большое число горбатыхъ, кривоногихъ, кривобокихъ и людей съ зобомъ". „При пьемонтскомъ режимѣ, читаемъ мы нѣсколькими строками ниже, евреямъ было запрещено заниматься механическими искусствами и владѣть недвижимыми имуществами". „Доступъ въ общественныя школы евреи получили только со временъ революціи". При старомъ режимѣ евреи не допускались и къ занятію общественныхъ должностей [2]).

Въ папскихъ владѣніяхъ, въ частности въ Римѣ, евреямъ разрѣшалось жить лишь въ гетто, которое представляло собой какъ бы особый городъ въ городѣ. Еврейское населеніе обязано было заботиться о собственной безопасности и покрывать расходы по содержанію охранявшей его полиціи. Равнымъ образомъ, лежали на немъ расходы по полиціи благочинія, напримѣръ, по содержанію колодцевъ. Права владѣть недвижимостью въ деревняхъ и въ Римѣ, за стѣнами гетто, они не имѣли. Не имѣли они также права заниматься промышленностью и торговлей галантерейнымъ товаромъ и драгоцѣнностями. Обитатели гетто были обложены спеціальными поборами; они обязаны были платить ежегодно

---

[1]) Пьемонтъ былъ преобразованъ въ департаменты По, Маренго, Стура, Дуара, Ментеноттъ и Сезія; Генуезская республика въ департаментъ того же наименованія, Тоскана въ департаменты Медитеране, Омброне и Торо, Парма и Плезансъ въ департаментъ Арно и часть папскихъ владѣній въ департаментъ Рима.

[2]) *A. N.* – F[19] 1837

850 экю или 4547 фр. 50 сант. въ палату Капитолія, взамѣнъ лежавшей на нихъ ранѣе повинности по участію въ публичныхъ ристалищахъ, 1100 экю или 5885 фр.—въ пользу убѣжища для неофитовъ, 300 фр.—въ пользу пріюта для новообращенныхъ въ христіанскую вѣру и 90 фр.—приставленному для надзора за ними чиновнику [1]). Отношеніе христіанскаго населенія къ евреямъ было самое непріязненное, „они находились въ положеніи рабовъ, и на нихъ смотрѣли, въ особенности чернь, съ крайнимъ презрѣніемъ“ [2]).

Напротивъ того, въ Тосканѣ и особенно въ столицѣ ея—Ливорно, евреи пользовались почти всѣми правами, благодаря просвѣщенному покровительству правившей въ этомъ княжествѣ династіи Медичи [3]).

Какъ евреямъ другихъ странъ запада, революція принесла еврейскому населенію названныхъ итальянскихъ владѣній свободу и возможность мирнаго развитія на матеріальномъ и общественномъ поприщѣ. Вчерашніе плѣнники гетто очутились на волѣ и смогли зажить новой жизнью. Они воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ расширить кругъ своей экономической дѣятельности и устремились къ открывшимся передъ ними новымъ отраслямъ труда, дали новое приложеніе и своему труду, и своимъ капиталамъ. Упали стѣны, отдѣлявшія ихъ ранѣе отъ окружавшаго ихъ христіанскаго населенія, и они пошли ему на встрѣчу: стали посылать своихъ дѣтей въ общія школы, сами начали принимать участіе въ общественной и государственной жизни своей родины.

Хранящіеся въ національныхъ архивахъ документы содержатъ весьма любопытныя свѣдѣнія о профессіяхъ еврейскаго населенія вышеуказанныхъ итальянскихъ областей. Мы находимъ въ нихъ именные списки членовъ еврейскихъ общинъ съ попутнымъ обозначеніемъ занятія каждаго изъ нихъ.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы свели воедино данныя о профессіяхъ еврейскаго населенія департаментовъ бывшаго Пьемонта: [4]).

---

[1]) *A. N.*—F[19] 1837. Письмо генералъ-губернатора Рима Міоллиса къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ — ноября 1810 года.

[2]) *A. N.*—F[19] 1843. Письмо префекта Рима къ министру культовъ отъ 9 декабря 1811 года.

[3]) *A. N.* F[19] 1841. Письмо префекта Медитерране къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ — марта 1809 года.

[4]) *A. N.*—F[19] 1837. Докладная записка министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ департамента По отъ 8 августа 1808 года, доклад-

Профессіи.	Департаменты. По.	Маренго.	Стура.	Дуара.	Сезія.	Монтенотть.	Итого.
Торговля и промышленность.	83	96	23 (?)	14	50	34	300
Ремесла и искусства	75	70	50 (?)	?	30	27	252
Землевладѣніе и земледѣліе.	50	81	24	9	5	33	202
Общественныя должности .	24 (?)	9	3	—	5	8 (?)	49
	232	256	100	23	90	102	803

При старомъ порядкѣ пьемонтскіе евреи не имѣли права ни заниматься ремеслами и искусствами, ни владѣть недвижимостями, ни состоять на общественной службѣ. Одна торговля и притомъ торговля только мелкая опредѣленными предметами была имъ разрѣшена. А между тѣмъ посмотрите на приведенную таблицу: изъ 803 чел., зарегистрированныхъ профессіональными опросами, торговлей и промышленностью занималось только 300 чел., т. е. 37,5%; остальные 62,5% перешли къ новымъ отраслямъ труда— 252 чел. или 31,5% оказались занимающимися ремеслами и искусствами, 202 чел. или 25,3% составили классъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ и 49 чел. или 6,2% были на общественной службѣ.

Число евреевъ, оставившихъ прежнія занятія и перешедшихъ къ новымъ, въ дѣйствительности, было больше, чѣмъ то указано нами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только детализировать категорію торговцевъ и промышленниковъ. Вотъ какъ распредѣлялись они по отдѣльнымъ отраслямъ своей профессіи въ Туринѣ, главномъ городѣ деп. По, насчитывавшемъ наибольшую цифру еврейскаго населенія (1400 чел.):

Фабриканты сукон. матер.	1 чел.
„ шелк. „	5 „
„ лентъ	1 „
	7 чел.

ная записка министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ департамента Маренго отъ 12 апрѣля 1808 года, докладная записка министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ департамента Стура отъ 11 августа 1808 года, письмо префекта департамента Дуара къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 28 сентября 1808 года, докладная записка министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ департамента Сезія отъ 10 октября 1808 года и письмо префекта этого департамента отъ 28 ноября 1808 года.—*A. N.*—F[19] 1838. Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ Монталиве Наполеону отъ 13 марта 1811 года (приложеніе).

Крупн. и оптовые торговцы (чѣмъ?)		3 „
„ „ „	бумагой	2 „
„ „ „	экипажами	2 „
„ „ „	шелк. издѣл.	6 „
		13 чел.
Мелкіе и рознич. торговцы	лентами	1 „
„ „ „	кружевами	1 „
„ „ „	крашен. шелк.	1 „
„ „ „	муслиномъ	1 „
„ „ „	и полотномъ.	1 „
„ „ „	сукномъ и „	3 „
„ „ „	мебелью	2 „
„ „ „	драгоцѣнностями	2 „
„ „ „	сукномъ	9 „
„ „ „	старыми вещами	18 „
		39 чел. 59 человѣкъ.

Восемнадцать чел. изъ 59-ти, т. е. около трети, продолжали заниматься торговлей старьемъ, излюбленной профессіей своихъ предковъ, остальные перешли къ новымъ отраслямъ торговли и промышленности, причемъ 20 чел., т. е. немного больше трета, образовали группу фабрикантовъ и крупныхъ коммерсантовъ.

Кромѣ Турина, въ деп. По еврейскія общины имѣлись въ городахъ Куерсъ и Карманьоле; въ первомъ изъ нихъ наши документы насчитываютъ среди евреевъ—одного владѣльца шелкопрядильни, одного хозяина бумагопрядильни, одного фабриканта бумажныхъ издѣлій, одного торговца полотняными тканями и четыре торговца сукномъ; во второмъ имѣлись—четыре крупныхъ и оптовыхъ торговца (изъ нихъ два торговали бумажными и шелковыми матеріями), одинъ мелкій торговецъ сукномъ и три торговца старыми вещами.

Въ Казаль, городѣ съ наибольшимъ еврейскимъ населеніемъ въ деп. Маренго (790 чел.), по показанію мѣстнаго окружного совѣтника, насчитывалось: одинъ еврей владѣлецъ шелковой прядильни, одинъ управляющій такою прядильней и затѣмъ мелкихъ и розничныхъ торговцевъ деревомъ—три чел., желѣзомъ—четыре чел., галантерейнымъ товаромъ—десять чел., старыми вещами—шестнадцать и сукномъ—восемнадцать.

Въ Александріи, другомъ городѣ того же департамента, съ еврейскимъ населеніемъ въ 550 чел., по свѣдѣніямъ, доставленнымъ раввиномъ мѣстному префекту, имѣлось фабрикантовъ шелковыхъ издѣлій—5 чел., торговцевъ желѣзомъ—2 чел., сукномъ—19 чел. и старыми вещами—24 чел. [1]).

[1]) *A. N.* F[19] 1837. Письмо окружного совѣтника къ мѣст ному пре-

И выдѣлывали, и продавали евреи Пьемонта, насколько можно заключить изъ приведенныхъ данныхъ, преимущественно шелковыя и суконныя издѣлія. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія о занятіяхъ евреевъ-торговцевъ и промышленниковъ другихъ городовъ названной области, только подтверждаютъ этотъ выводъ.

Въ гор. Асти (деп. Маренго) группа торговцевъ сукномъ была наиболѣе многочисленная—семь чел., количество мелкихъ шелкопрядильщиковъ было одинаково съ числомъ торговцевъ старыми вещами—тѣхъ и другихъ было по четыре чел. Въ гор. Монкальво того же департамента опять таки больше всего было торговцевъ шелкомъ и сукномъ—семь чел. [1]).

Въ деп. Стура, по сообщенію мѣстныхъ мэровъ, евреи-торговцы и промышленники занимались: въ г. Кони — одинъ чел. оптовой торговлей сукномъ, два—розничной торговлей тѣмъ же товаромъ, два золотыхъ дѣлъ мастера, одинъ старьевщикъ и шесть коробейниковъ. Въ г. Савильяно — три мелкихъ торговца сукномъ, въ г. Фоссано—мелкіе торговцы сукномъ и владѣльцы шелкопрядиленъ (число не указано), въ г. Кераско—два, торговецъ сукномъ и одинъ владѣлецъ шелкопрядильни, въ г. Салюсъ—два брильянтщика, въ г. Мондови—четыре фабриканта шелковыхъ издѣлій и четыре торговца суконнымъ товаромъ [2]).

Въ деп. Дуары какъ доносилъ префектъ, жило всего 14 еврейскихъ семействъ, „всѣ они занимаются торговлей, писалъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ, продаютъ въ розницу шелковые и суконные товары, вырабатываемые на мѣстныхъ фабрикахъ; многія изъ нихъ занимаются шелководствомъ“ [3]).

Въ департаментѣ Сезія самую крупную категорію среди евреевъ-торговцевъ и промышленниковъ составляли торговцы сукномъ, ихъ насчитывалось 22 чел.; слѣдующее по численности мѣсто занимали владѣльцы шелкопрядиленъ, коихъ было 10 чел. За ними уже слѣдовали старьевщики — 7 чел.; кромѣ занимающихся названными

фекту отъ 6 іюля 1808 года и письмо раввина къ префекту отъ 20 іюля 1808 года.

[1]) *A. N.* F[19] 1837. Письмо подъ-префекта округа Асти къ мѣстному префекту отъ 13 іюля 1808 года и письмо еврейскихъ нотаблей гор. Монкальво къ нему же отъ 26 іюня 1808 года.

[2]) *A. N.* — F[19] 1837. Письма мэровъ: г. Кони отъ 14 іюня 1808 г., г. Савильяно отъ 14 іюня 1808 г., г. Фоссано отъ 17 іюня 1808 г., г. Кераско отъ 13 іюня 1808 г., г. Салюсъ отъ 15 іюня 1808 г., г. Мондови отъ 14 іюня 1808 г.

[3]) *A. N.*—F[19] 1837. Письмо префекта отъ 27 сент. 1808 г.

отраслями, имѣлись еще торговцы шелкомъ, полотномъ, рисомъ и такъ далѣе.

Относительно торгово-промышленной группы евреевъ деп. Мен-тенотт мы не располагаемъ детализированными данными.

Установленный нами фактъ занятія пьемонтскихъ евреевъ шелководствомъ подтверждается также показаніями мѣстной наполеоновской администраціи и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Въ Національныхъ архивахъ мы находимъ свидѣтельство, выданное торговой палатой Турина мѣстнымъ евреямъ, въ коемъ она удостовѣряетъ, что со времени введенія въ краѣ новаго законодательства о евреяхъ, многіе изъ нихъ основали шелковыя прядильни и мануфактуры другихъ родовъ [1]). Мэръ г. Асти въ докладѣ префекту деп. Маренго отъ 25 іюня 1808 года писалъ, что „евреи занимаются искусствомъ пряденія шелка и устроили для этой цѣли много мастерскихъ", а предсѣдатель суда первой инстанціи того же города сообщалъ, что мѣстные евреи приносятъ большую пользу населенію, отдавая свои силы шелкопряденію и кожевенному дѣлу [2]). Въ донесеніи мэра г. Версель (деп. Сезія) мы читаемъ, что „почти всѣ имѣющіяся въ городѣ и его окрестностяхъ шелкопрядильни, какъ всѣмъ извѣстно, уже порядочное время принадлежатъ евреямъ" [3]).

Перейдемъ ко второй группѣ вышеперечисленныхъ нами профессій—къ занимающимся ремеслами и искусствами. Представители первыхъ преобладали. Въ Туринѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, имѣлось восемь евреевъ-золотыхъ дѣлъ мастеровъ, четыре позолотчика и серебрянщика, четыре сапожника, четыре продавца съѣстныхъ припасовъ (очевидно, и изготовлявшихъ ихъ), три портныхъ, два сѣдельника, два корчмаря, два трактирщика, два мясника, два продавца сыра (очевидно, и изготовлявшихъ ихъ) и по одному машинисту (?), разносчику вина, коробейнику, чесальщику (льна?), ресторатору, возчику, картузнику. Изъ представителей свободныхъ профессій перепись отмѣчаетъ шесть меламедовъ, трехъ писцовъ, трехъ учителей въ школахъ, одного учителя языка и частнаго секретаря у раввина. Можно съ увѣренностью сказать,

---

[1]) *A. N.*—F[12] 1837. Письмо отъ 6 мая 1808 года.

[2]) *A. N.*—F[12] 1837. Письмо предсѣдателя суда къ префекту деп. Маренго отъ 10 іюня 1808 года. Въ вышецитированномъ письмѣ мэра г. Асти упоминается также, что въ этомъ городѣ имѣется кожевенный заводъ, устроенный обществомъ изъ нѣсколькихъ евреевъ и дѣлающій прекрасныя дѣла.

[3]) *A. N.*—F[12] 1837. Письмо мэра къ мѣстному префекту отъ 18 мая 1808 года.

что приведенный списокъ не полонъ: въ немъ указано всего трое портныхъ, между тѣмъ въ сопровождающихъ его поясненіяхъ указывается, что изъ общаго числа еврейскаго населенія Турина—около 1400 чел. женщинъ, дѣтей, стариковъ и неспособныхъ къ труду—около 900 чел.; что же касается до остальныхъ 500, то среди нихъ есть нѣсколько рантье, много домашней прислуги и много бѣдняковъ, которые живутъ поддержкой болѣе состоятельныхъ единовѣрцевъ и заработкомъ своихъ женъ и дочерей, занимающихся портняжествомъ. Объ этихъ портнихахъ перепись совершенно умалчиваетъ.

Въ приведенномъ спискѣ евреевъ-ремесленниковъ Турина обращаетъ на себя вниманіе сравнительная многочисленность группы золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Надо полагать, что эта профессія была въ большомъ распространеніи среди евреевъ, если не всего Пьемонта, то, по крайней мѣрѣ, деп. По. Въ Карманьоле, другомъ городѣ того же департамента, насчитывалось 11 евреевъ-золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Объ ихъ работѣ мѣстный мэръ отзывался съ большой похвалой; „работы изъ золота и серебра, выполняемыя золотыхъ дѣлъ мастерами нашего города, писалъ онъ, могутъ считаться артистическими произведеніями, по большей части онѣ дѣлаются на заказъ“ [1]).

Въ деп. Маренго, евреи, какъ они сами указывали въ петиціи Наполеону объ освобожденіи ихъ отъ дѣйствія закона 17 марта 1808 года, съ незапамятныхъ временъ занимались полезными профессіями, какъ то: кожевеннымъ дѣломъ, шляпочнымъ, слесарнымъ, столярнымъ, кузнечнымъ и др. Выше мы отмѣчали наличность среди еврейскаго населенія Турина значительной группы портныхъ. Тотъ же фактъ приходится отмѣтить и въ другихъ городахъ бывшаго Пьемонта. Въ г. Казаль (деп. Маренго) было семь портныхъ, въ г. Александріи (того же деп.)—29, въ деп. Сезія—17.

Если теперь мы окинемъ общимъ взглядомъ профессіи евреевъ-ремесленниковъ Пьемонта, то мы сможемъ сказать, что занимались они преимущественно изготовленіемъ предметовъ одежды и обуви, а также обработкой вещей изъ золота и серебра. При этомъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ замѣтное участіе въ ремеслѣ женскаго труда. Подводя общіе итоги занятію пьемонтскихъ евреевъ ремеслами и искусствами, префектъ деп. По замѣчалъ, что „число тѣхъ, которые послѣ революціи занялись этими профессіями, должно

---

[1]) *A. N.*—F[12] 1837. Свидѣтельство, выданное мэромъ мѣстнымъ евреямъ отъ 19 іюня 1808 года.

быть признано довольно значительнымъ, если принять въ соображеніе, что имъ пришлось пройти черезъ школу ученичества“ [1]).

Евреевъ владѣльцевъ недвижимости мы насчитали выше 202 чел. Въ дѣйствительности, число ихъ было больше, потому что тѣхъ изъ земельныхъ собственниковъ, которые одновременно имѣли фабрики или занимались торговлей, мы отнесли къ категоріи торгово-промышленной. Нижеслѣдующая табличка даетъ приблизительное представленіе, въ какой степени владѣли евреи-поземельные собственники недвижимостью городской и сельской:

	Департаменты.					
	По.	Маренго.	Стура.	Дуара.	Сезія.	Монтеротъ.
Сельская недвижимость	32	62	18	—	4 (?)	18
Городская „	18	19	6 (?)	9	7 (?)	15

Преобладаніе сельскихъ землевладѣльцевъ надъ городскими бросается въ глаза. Оно имѣло мѣсто въ трехъ департаментахъ изъ пяти, при чемъ въ двухъ, представляющихъ какъ бы исключеніе, мы, вообще, не имѣемъ точныхъ данныхъ о еврейскомъ землевладѣніи. При старомъ режимѣ пьемонтскіе евреи не имѣли права владѣть недвижимостью, такъ что земельными собственниками они сдѣлались только послѣ революціи. Мѣстныя власти неоднократно обращали вниманіе министерства на этотъ фактъ перехода евреевъ въ ряды собственниковъ особливо сельской недвижимостью и подчеркивали его, какъ доказательство полезности евреевъ государству и ихъ успѣховъ на поприщѣ эмансипаціи. Говоря о „довольно значительныхъ“ размѣрахъ перешедшей въ руки евреевъ недвижимости, префектъ деп. По указывалъ на то обстоятельство, что „курсъ бумажныхъ денегъ, составлявшихъ почти все имущество евреевъ, до такой степени упалъ, что рѣдко кто былъ въ состояніи дѣлать пріобрѣтенія. Между тѣмъ, добавлялъ онъ, число имѣющихся въ департаментѣ евреевъ-землевладѣльцевъ, кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, что зажиточные люди среди мѣстнаго еврейскаго населенія предпочли помѣстить скорѣе свои капиталы въ земельныя пріобрѣтенія, чѣмъ остаться за демаркаціонной чертой,

---

[1]) *A. N.*—F[19] 1837. Письмо префекта къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 19 іюля 1808 года.

которую имъ не дозволялось переступать при старомъ правительствѣ [1]).

Наряду съ евреями-землевладѣльцами имѣлись также евреи-арендаторы сельской недвижимости. Они не включены въ вышеприведенную таблицу, потому что относительно нихъ мы не располагаемъ болѣе или менѣе полными данными. Но нѣкоторыя указанія на ихъ счетъ мы находимъ въ документахъ. Такъ въ письмѣ подъ-префекта г. Асти къ префекту деп. Маренго, говорится о десяти евреяхъ фермерахъ, въ донесеніи окружного совѣтника г. Казаль о трехъ евреяхъ, арендующихъ сельскія недвижимости; о евреяхъ-фермерахъ сообщали и еврейскіе нотабли г. Монкальво, о наличности ихъ въ деп. Сезія говорится въ письмѣ мѣстнаго префекта къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 28 ноября 1808 года и т. д.

Другой вопросъ, въ какой степени евреи, владѣвшіе землею внѣ городовъ, сами ее обрабатывали. Дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы не въ состояніи, но что среди нихъ имѣлись земледѣльцы, это—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Указанія на занятіе евреевъ обработкой земли мы встрѣчаемъ въ документахъ не разъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ послѣдней изъ перечисленныхъ нами выше профессій—къ группѣ состоявшихъ на общественной службѣ, мы должны остановиться на одномъ пунктѣ. Мы имѣемъ въ виду занятіе пьемонтскихъ евреевъ ростовщичествомъ. Наравнѣ со своими собратьями другихъ частей наполеоновской Франціи, они были подчинены силѣ ограничительнаго декрета 17 марта 1808 года. Какъ наши читатели уже знаютъ, основаніемъ для изданія этой суровой мѣры послужили возводившіяся на евреевъ обвиненія въ томъ, что они ссужали деньги за непомѣрно высокіе проценты, чѣмъ зачастую ставили въ безвыходное положеніе особенно мелкихъ землевладѣльцевъ христіанъ. Насколько подобнаго рода обвиненія были справедливы по отношенію къ пьемонтскимъ евреямъ? Какъ велико было количество числившихся за ними ипотекъ?

Въ докладѣ министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ деп. По отмѣчается, что прокуроры мѣстныхъ судовъ исправительной полиціи, судовъ первой инстанціи и апелляціонныхъ судовъ, предсѣдатели этихъ судебныхъ учрежденій и мировые судьи свидѣтельствуютъ, что противъ евреевъ не было подано ни одной жалобы по обвиненію ихъ въ ростовщичествѣ. Благопріятный отзывъ дали

[1]) *A. N.*—F[19] 1837. Письмо префекта къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 19 іюля 1808 года.

и мѣстные мэры. Въ докладѣ того же министерства о евреяхъ деп. Маренго приводится общая цифра еврейскихъ ипотекъ — 762,479 фр. 62 сант. и тутъ же указывается на свидѣтельство мѣстнаго профекта, который заявлялъ, что та часть этихъ ипотекъ, которая ведетъ свое происхожденіе съ давнихъ поръ, подлежитъ еще судебной повѣркѣ или имѣетъ сомнительное значеніе; другая же часть болѣе новаго происхожденія держится только по небрежности должниковъ, которые, выплативъ долги, не позаботились о томъ, чтобы ипотечныя записи были уничтожены. Къ этому цѣнному показанію префекта добавимъ еще показанія мѣстныхъ полицейскихъ, судебныхъ и гражданскихъ властей, удостовѣрявшихъ, что они не получили никакихъ жалобъ на евреевъ. Аналогичныя свидѣтельства были выданы евреямъ деп. Стура судебными и городскими властями. Всего ипотекъ за евреями насчитывалось здѣсь на сумму — 921,856 фр. 50 сант. Но, какъ увѣрялъ мѣстный раввинъ, большая часть ихъ была давно погашена, остальныя же существовали по небрежности должниковъ. О евреяхъ деп. Дуара префектъ доносилъ, что „въ нравственномъ отношеніи они вели себя, вообще, похвально, что они не подали повода ни къ одной жалобѣ по обвиненію ихъ въ совершеніи незаконныхъ, ростовщическихъ или запрещенныхъ сдѣлокъ. О еврейскомъ населеніи деп. Сезія мы узнаемъ, что за занятіе ростовщичествомъ было осуждено четыре человѣка; изъ нихъ двое давно перестали заниматься этой профессіей, одинъ умеръ, а одна (это была женщина) стала жить на средства, завѣщанныя ей умершимъ супругомъ. Ипотекъ за евреями было записано на 352,029 фр., но, какъ отмѣчалъ ихъ хранитель, большая часть записей относилась не къ землевладѣльцамъ, а коммерсантамъ, обладающимъ также и землей, или къ лицамъ, одалживавшимъ деньги для того, чтобы заниматься земельной спекуляціей. Тотъ же хранитель ипотечныхъ книгъ указывалъ, что дѣйствительная сумма принадлежавшихъ евреямъ ипотекъ должна быть уменьшена до 270,604 фр. 65 сант., потому что ипотеки на сумму въ 81,418 фр. 95 сант. не были дѣйствительны. Мѣстныя гражданскія и судебныя власти выдали евреямъ благопріятный отзывъ. Наконецъ, такой же отзывъ былъ данъ властями евреямъ деп. Монтенотъ.

Послѣ процитированныхъ показаній мѣстной администраціи, было бы явной несправедливостью сохранять въ силѣ для бывшихъ пьемонтскихъ евреевъ декретъ 17 марта 1808 года. И дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1810 года онъ былъ для нихъ отмѣненъ. Этимъ актомъ наполеоновское, въ общемъ весьма суровое по отно-

шенію къ евреямъ, правительство открыто заявляло о томъ, что упрекъ въ занятіи ростовщичествомъ непримѣнимъ къ еврейскому населенію изучаемой нами области [1]).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о евреяхъ, занимавшихъ общественныя должности. Такихъ было немного—49. Какія должности они занимали? — Помощниковъ мэра, муниципальныхъ совѣтниковъ, секретарей мэріи, служащихъ на почтѣ и т. п. Причиной сравнительной малочисленности евреевъ на общественной службѣ было недостаточно культурное развитіе христіанекой части населенія, представители коего, какъ разсказываетъ префектъ деп. По, „неохотно соглашались занимать мѣста на засѣданіяхъ общественныхъ учрежденій рядомъ съ евреями“ [2]).

Въ описанныхъ нами шести департаментахъ Пьемонта жило около пяти съ половиной тысячъ евреевъ. Въ остальныхъ, присоединенныхъ къ Франціи, итальянскихъ областяхъ еврейское населеніе превышало цифру въ 10 тыс. чел. Къ сожалѣнію, относительно ихъ профессій мы не располагаемъ тѣми детальными данными, кои были въ нашемъ распоряженіи, когда мы говорили о евреяхъ бывшаго Пьемонта. Однако, кое-какія данныя мы имѣемъ.

Еврейское населеніе Генуи состояло изъ 96 чел.; главъ семействъ было 20. Профессіи 18-ти изъ нихъ указаны въ прошеніи, поданномъ мѣстной общиной Наполеону въ 1808 году, а именно: одинъ фабрикантъ, одинъ рантье, пять оптовыхъ и крупныхъ торговцевъ, одинъ куртье, одинъ содержатель харчевни, одинъ перекупщикъ, шесть коробейниковъ, одинъ раввинъ и одинъ секретарь (у кого?). Владѣющихъ недвижимостью или землевладѣльцевъ среди нихъ не было [3]).

Изъ 6,733 евреевъ бывшей Тосканы 4,700 жило въ гор. Ливорно. Наши свѣдѣнія относятся только къ еврейскому населенію этого города; они говорятъ, что евреи Ливорно занимались почти исключительно торговлей, что среди нихъ было много крупныхъ торговцевъ, стоявшихъ во главѣ виднѣйшихъ коммерческихъ фирмъ. Ходатайствуя передъ императоромъ объ отмѣнѣ по отношенію къ ливорнскимъ евреямъ декрета 17 марта 1808 года, ми-

[1]) *A. N.*—AF^{IV} 3351. Декретъ отъ 11 апрѣля 1810 года.

[2]) *A. N.*—F^{19}, 1837. Письмо префекта къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 19 іюля 1808 г.

[3]) *A. N.*—F^{19}, 1837. См. также докладъ министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ Генуи отъ 8 сентября 1809 г. и письмо мѣстнаго префекта къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 18 ноября 1808 г.

нистръ финансовъ писалъ, что они „своимъ непрерывнымъ усердіемъ и значительностью капиталовъ оказывали все большія услуги торговлѣ". Одни изъ первыхъ были освобождены евреи Ливорно отъ силы названнаго декрета—три мѣсяца спустя послѣ его изданія (16 іюня 1808 г. [1]).

Въ деп. Таро (бывшая Парма) „было много евреевъ, обладавшихъ крупными средствами, но никто изъ нихъ не имѣлъ болѣе или менѣе большихъ фабрикъ или мануфактуръ". Большинство евреевъ занималось торговлей, преимущественно сукномъ и шелкомъ. Кромѣ того, мѣстныя общины насчитывали въ своей средѣ пять куртье, одного трактирщика, двухъ торговцевъ жестянымъ товаромъ, одного кожевенника, двухъ старьевщиковъ, одного землемѣра. Имѣлись также евреи, обрабатывавшіе землю, но какъ много ихъ было, мы не знаемъ. Девять человѣкъ состояло на общественной службѣ, занимая, главнымъ образомъ, мѣста муниципальныхъ совѣтниковъ [2]).

Наконецъ, въ Римѣ, еврейское населеніе коего превышало три тысячи, было: пять фабрикантовъ, имѣвшихъ фабрики по выработкѣ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей, пять человѣкъ, занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ, 85 ремесленниковъ и огромное количество торговцевъ, изъ коихъ лишь нѣсколько человѣкъ дѣлали крупные обороты. Въ Римѣ дольше, чѣмъ въ другихъ перечисленныхъ нами мѣстностяхъ, сохранились ограничительныя по отношенію къ евреямъ нормы, и потому то здѣсь въ меньшей степени совершился переходъ ихъ къ новымъ отраслямъ труда. За исключеніемъ одного служащаго въ таможенномъ вѣдомствѣ, ни одинъ еврей не состоялъ здѣсь на общественной и государственной службѣ.

Занимались ли мѣстные евреи ростовщичествомъ? Нѣтъ, — на этотъ счетъ у насъ есть совершенно категорическое заявленіе секретаря при судѣ первой инстанціи г. Рима. Кромѣ того, въ

---

[1]) *A. N.*—F[19]. 1841. Письмо префекта деп. Медитерране къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ — марта 1809 г.—AF[IV], 2250, № 66. Докладъ министра финансовъ объ изъятіи евреевъ Ливорно изъ силы декрета 17 марта 1808 г. — Текстъ декрета см. въ книгѣ *Halphen.* Recueil des lois concernant les Israelites. Paris, 1851. стр. 47—48. Смтамъ же въ декретѣ отъ 9 февраля 1809 г. о правѣ приписки иностранныхъ евреевъ къ ливорнской общинѣ (стр. 60—62), замѣчаніе о томъ, что въ Ливорно „евреи стоятъ, по большей части, во главѣ главныхъ торговыхъ домовъ города".

[2]) *A. N.* — F[19], 1838. Письмо префекта деп. Таро къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 5 іюня 1811 г.

докладѣ министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ Рима оказывается, что „генеральный викарій г. Чивита-Векія, священники различныхъ приходовъ Рима, а равно нотаріусы этого города свидѣтельствуютъ, что къ нимъ не поступало ни единой жалобы на евреевъ Рима и Чивита-Векіи по обвиненію ихъ въ занятіи ростовщичествомъ или недозволенными операціями [1]).

Не были уличены въ занятіи лихоимствомъ и евреи Генуи, Тосканы и Пармы. Мэръ, начальникъ тайной полиціи, генеральный коммиссаръ полиціи, прокурорская власть, суды и торговая палата Генуи,—всѣ выдали удостовѣренія въ томъ, что мѣстные евреи вели себя безупречно. Путемъ тщательной анкеты было установлено, что общая сумма принадлежащихъ имъ ипотекъ равна 4½ тыс. франк. Евреи Ливорно совершенно не занимались ростовщичествомъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ префектъ. Подобное же показаніе префекта имѣется относительно еврейскаго населенія деп. Таро.

До сихъ поръ мы все говорили о занятіяхъ еврейскаго населенія итальянскихъ департаментовъ наполеоновской Франціи и совершенно не касались вопроса объ ихъ матеріальномъ положеніи. Нашъ обзоръ, надѣемся, показалъ, что евреи съумѣли воспользоваться предоставленной имъ возможностью расширить предѣлы своей экономической дѣятельности и—гдѣ больше, а гдѣ меньше—перешли къ новымъ отраслямъ труда. Спрашивается, въ какой степени этотъ переходъ способствовалъ улучшенію ихъ имущественнаго положенія. Заглянемъ въ архивы, — что мы находимъ въ нихъ?

Напомнимъ прежде всего уже цитированное нами мѣсто изъ доклада министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ Турина, гдѣ говорится, что изъ общаго еврейскаго населенія этого города въ 1400 душъ 900 чел. суть женщины, дѣти, старики и люди, неспособные къ труду; среди же остальныхъ пятисотъ есть нѣсколько рантье, много домашней прислуги и много бѣдняковъ, которые живутъ на средства болѣе состоятельныхъ изъ своихъ единовѣрцевъ и на заработокъ своихъ женъ и дочерей, занимающихся портняжествомъ. Очевидно, такихъ бѣдняковъ было не мало и въ другихъ городахъ бывшаго Пьемонта, ибо, какъ мы выше имѣли случай отмѣтить, евреекъ-портнихъ было во всѣхъ нихъ большое количество. Впрочемъ, на этотъ счетъ у насъ имѣются и болѣе прямыя указанія. Въ г. Карманьоле „евреи запи-

[1]) *A. N.*—F[19], 1838. Докладъ министерства отъ 13 марта 1811 г.

мались, главнымъ образомъ ремеслами, которыя отнимали у нихъ цѣлый день, и не насчитывали въ своей средѣ ни одного богатаго собственника". Согласно даннымъ, сообщеннымъ раввиномъ г. Александріи, въ этомъ городѣ было 23 бѣдняка, а такъ какъ въ переписи раввина говорится только о занятіяхъ отцовъ семействъ, то мы можемъ заключить, что въ Александріи 23 семьи, т. е. пятая часть еврейскаго населенія жила милостыней. Правда, въ прошеніи Наполеону евреи деп. Маренго указывали, что „бѣдняки, не имѣвшіе возможности зарабатывать себѣ на жизнь трудомъ, поддерживались и поддерживаются своими единовѣрцами, такъ что среди нихъ нѣтъ ни одного нищаго, ни людей безъ роду и племени, ни лѣнтяевъ или бродягъ, ни состоявшихъ подъ судомъ". Но они не отрицали наличности лицъ, жившихъ на счетъ общественной благотворительности. Такія семьи имѣлись и въ другихъ департаментахъ бывшаго Пьемонта; въ г. Мондови (деп. Стура) было три такихъ семьи, въ переписи евреевъ деп. Сезія говорится о двухъ. Только относительно евреевъ деп. Дуара у насъ имѣется совершенно опредѣленное заявленіе мѣстнаго префекта, что среди нихъ нѣтъ ни одного человѣка, нуждающагося въ посторонней помощи, и что они поддерживаютъ еще католиковъ, давая имъ заработокъ на своихъ фабрикахъ. Но надо имѣть въ виду, что еврейское населеніе этого департамента было немногочисленно—всего 98 чел.

О матеріальномъ положеніи генуэзскихъ евреевъ наши документы ничего не говорятъ. Выше мы уже отмѣчали фактъ зажиточности евреевъ Ливорно. Но если евреи деп. Медитерране были людьми состоятельными, то того же нельзя сказать о тѣхъ изъ ихъ единовѣрцевъ, которые жили въ двухъ другихъ департаментахъ бывшей Тосканы—Омброне и Арно. Префектъ перваго изъ нихъ счелъ нужнымъ приписать на поляхъ статистической вѣдомости еврейскаго населенія, что „еврейская община г. Сіенне, равно какъ и г. Питильяно очень бѣдна", а центральная консисторія отмѣчала въ своемъ рапортѣ по вопросу объ учрежденіи консисторіи для деп. Омброне, Арно и Таро, что „большая часть евреевъ деп. Омброне обладаетъ скромными средствами". То же самое можно сказать о евреяхъ деп. Таро, указывала дальше въ своемъ докладѣ консисторія. „Евреи Рима чрезвычайно бѣдны"... писалъ министру культовъ мѣстный префектъ. О томъ же говорятъ и другія показанія современниковъ. Такъ генералъ-губернаторъ Рима, Міоллисъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что „лишь незначительное число евреевъ занимается торговлей мате-

ріями и драгоцѣнностями, огромное же большинство находится въ страшной нуждѣ". Онъ же сообщаетъ намъ, что „нѣкогда число проживавшихъ въ папской столицѣ евреевъ достигало цифры въ 4500 чел., но бѣдность, отъ которой они обычно страдаютъ, уменьшила ихъ численность до трехъ тысячъ"... Доказательствомъ несомнѣнно большого количества нуждающихся среди римскихъ евреевъ можетъ служить то обстоятельство, что мѣстной общинѣ приходилось раздавать пособій на солидную сумму въ 15 тысячъ франковъ [1]).

Если мы теперь подведемъ итоги приведеннымъ показаніямъ современниковъ о матеріальномъ положеніи еврейскаго населенія сѣверо-итальянскихъ областей, то къ какому выводу мы придемъ? Нѣтъ спора, эмансипація, разбивъ желѣзныя оковы, коими охватывало экономическую дѣятельность евреевъ дореволюціонное законодательство, дала имъ возможность приложить свои силы на другихъ поприщахъ и тѣмъ самымъ способствовало улучшенію ихъ матеріальнаго быта. Какъ извѣстно, современные намъ итальянскіе евреи принадлежатъ къ зажиточному классу. Та же эпоха, къ которой относится наше изложеніе, была отдѣлена слишкомъ незначительнымъ промежуткомъ времени отъ момента надѣленія евреевъ гражданскими и политическими правами, чтобы благіе результаты равноправія смогли сказаться во всей полнотѣ. Несомнѣнно, общій матеріальный уровень еврейскаго населенія поднялся, классъ фабрикантовъ и крупныхъ торговцевъ обогатился сравнительно многочисленной группой евреевъ; въ крупныхъ и торговыхъ городахъ появились евреи-богачи, но наряду со всѣмъ этимъ еврейская масса въ значительной своей части продолжала претерпѣвать нужду. И тамъ, гдѣ ограничительное законодательство дореформенной эпохи было суровѣе, гдѣ оно продолжалось дольше, какъ напримѣръ, въ Римѣ, тамъ и нищеты было больше. Напротивъ того, въ Ливорно, куда прежніе правители Тосканы великіе Медичи всячески приманивали евреевъ, экономическое положеніе евреевъ было блестящее.

Стремленіе евреевъ воспользоваться благами эмансипаціи ока-

---

[1]) *A. N.*—F[19], 1841. Приписка префекта деп. Омброне на поляхъ статистической вѣдомости отъ 30 мая 1809 года.—F[19], 1837. Донесеніе центральной консисторіи отъ 18 іюня 1810 года.—F[19], 1843. Письмо префекта деп. Рима къ министру культовъ отъ 9 декабря 1811 г.—F[19], 1839. Письмо Міоллиса къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ — ноября 1810 года.—F[19], 1838. Письмо раввина г. Рима къ центральной консисторіи отъ 21 ноября 1810 года.

залось не только въ томъ, что они поспѣшили бросить свои прежнія профессіи и тѣмъ самымъ улучшивъ свое матеріальное положеніе; оно нашло себѣ выраженіе и во множествѣ другихъ проявленій. Однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ было начавшееся посѣщеніе евреями общихъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ.

Наши матеріалы содержатъ на этотъ счетъ довольно точныя данныя. Въ департаментахъ бывшаго Пьемонта число евреевъ, учившихся въ общихъ школахъ, превышало цифру въ 90 чел. Въ деп. По ихъ было—29, въ деп. Маренго—21, въ деп. Стура—32, въ деп. Сезія—7, относительно двухъ другихъ департаментовъ—Дуара и Монтенотть, мы опредѣленными цифрами не располагаемъ... Число еврейскихъ дѣтей, посѣщающихъ общественныя школы, писалъ префектъ деп. По, на первый взглядъ не покажется особенно значительнымъ, если принять во вниманіе численность еврейскаго населенія, но если имѣть въ виду то обстоятельство, что эти школы стали доступны для евреевъ лишь со времени революціи, что старыя школы, которыя имѣлись при синагогахъ, совершенно не подготовляли своихъ учениковъ къ полученію образованія, даваемому въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, что программы послѣднихъ подверглись къ тому же значительнымъ измѣненіямъ, въ силу закона 11 флореаля XI года и правительственнаго указа отъ 19 вандемера XII года, введшихъ въ названныхъ школахъ обученіе математикѣ, географіи и исторіи—предметамъ, до той поры совершенно неизвѣстнымъ при пьемонтскомъ режимѣ, если, повторяю, имѣть это въ виду, то нельзя будетъ не признать, что евреи не только не отказались посылать своихъ дѣтей въ общественныя школы, но и что они не могли посылать въ такомъ количествѣ, въ какомъ желали бы сами, если бы на пути къ тому не было препятствій непреодолимыхъ, въ видѣ возраста, рода занятій и отсутствія надлежащей подготовки“ [1]). Къ этимъ словамъ префекта мы должны добавить еще и другое, а именно, что въ нѣкоторыхъ городахъ завѣдующіе школами крайне неохотно принимали учениковъ-евреевъ. „Многіе начальные учителя,—читаемъ мы въ одномъ донесеніи префекта деп. Стура,—дѣлаютъ затрудненія при пріемѣ еврейскихъ дѣтей; я долженъ былъ распорядиться, чтобы ихъ принимали наравнѣ съ дѣтьми другихъ гражданъ“ [2]). Такимъ образомъ, сами евреи не

---

[1]) *A. N.*—F[19], 1837. Письмо префекта къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 19 іюля 1808 г.

[2]) A. *N.*—F[19], 1837. Письмо префекта къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ — іюня 1808 г.

были повинны въ томъ, что ихъ дѣти въ сравнительно небольшомъ количествѣ обучались въ общихъ школахъ.

Въ Генуѣ евреи не посѣщали общихъ учебныхъ заведеній; относительно департаментовъ бывшей Тосканы мы не имѣемъ данныхъ, въ деп. Таро было пять евреевъ, ходившихъ въ общія училища, относительно евреевъ Рима, мы узнаемъ, что „при старомъ правительствѣ евреи не могли посѣщать общественныхъ школъ, вслѣдствіе отношенія къ нимъ общественнаго мнѣнія; теперь эти школы еще не организованы, тѣмъ не менѣе среди еврейской молодежи насчитываютъ четырехъ докторовъ, — двухъ медицины и двухъ хирургіи“ [1]).

Изъ обучавшихся въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ преобладающее большинство находилось въ низшихъ школахъ, въ среднихъ и высшихъ было всего нѣсколько человѣкъ. Объ успѣхахъ тѣхъ и другихъ учебныя власти отзывались съ большой похвалой. Наши документы содержатъ заявленіе ректора туринскаго университета, въ которомъ онъ пишетъ, что „свидѣтельствуетъ, согласно истинѣ, что студенты Моисеева вѣроисповѣданія уже много лѣтъ посѣщаютъ различныя школы университета и никогда не подавали поводовъ для жалобъ“. Директоръ школъ того же города удостовѣрялъ, что „уже много лѣтъ общественныя школы этого города посѣщаются учащимися іудейскаго исповѣданія, что даже теперь ихъ насчитывается значительное число въ разныхъ классахъ общихъ училищъ, и что, наконецъ, они соперничаютъ съ другими учениками въ хорошемъ поведеніи и исполненіи своихъ обязанностей“. Подобнаго рода заявленія имѣются у насъ и по другимъ городамъ [2]).

Наконецъ, надо замѣтить, что посѣщавшими общія учебныя заведенія не ограничивалась категорія получавшихъ общее образованіе. Многіе обучались общимъ предметамъ у себя на дому. Въ г. Монкальве (деп. Маренго) никто изъ евреевъ не посѣщалъ общественныхъ училищъ, потому что въ городѣ не было среднихъ школъ и евреи обучались наукамъ на дому. Въ деп. Монтенотт еврейскія дѣти брали уроки у учителей школъ частнымъ образомъ, учителя приходили къ нимъ на домъ. Въ деп. Таро пять

---

[1]) A. N.—F[19], 1838. Докладъ министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ Рима отъ 13 марта 1811 г.

[2]) A. N.—F[19], 1837. Письмо ректора туринскаго университета отъ 15 іюня 1808 г., свидѣтельство, выданное директоромъ школъ того же города 24 іюня 1808 года, директоромъ школъ г. Александріи отъ 18 іюля 1808 года и т. д.

человѣкъ обучались въ общихъ школахъ, остальные же учились на дому, у своихъ родителей—одни французскому и итальянскому языкамъ, другіе—ариѳметикѣ и геометріи... Такимъ образомъ получавшихъ общее образованіе среди евреевъ названныхъ департаментовъ было значительно больше, чѣмъ то можно предположить на основаніи вышеприведенныхъ цифровыхъ данныхъ.

Другимъ несомнѣннымъ показателемъ сближенія евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ было участіе ихъ въ отправленіи воинской повинности. Какъ наши читатели знаютъ изъ предшествующихъ главъ настоящаго очерка, евреевъ обвиняли въ уклоненіи отъ отбыванія этой повинности. И мы имѣли случай выяснить, что они не были вовсе не правы, относясь къ военному ремеслу съ недоброжелательствомъ. Однако, по отношенію къ евреямъ изучаемой полосы наполеоновской Франціи мы должны замѣтить, что у нихъ не замѣчается этого нерасположенія къ оружію и мундиру. Дѣйствительно, заглянемъ въ донесенія мѣстныхъ властей. Они содержатъ на данный счетъ вполнѣ опредѣленныя показанія.

Префектъ деп. По пишетъ, что къ отбыванію воинской повинности явилось 101 человѣкъ евреевъ, кромѣ того восемь человѣкъ пошли служить охотниками. Мало того, одинъ еврей поступилъ на военную службу вмѣсто католика, а другой поставилъ было сначала вмѣсто себя христіанина, а потомъ раздумалъ и явился лично въ воинское присутствіе. Въ деп. Маренго призывалось 46 евреевъ, изъ нихъ 22 были взяты въ солдаты, 13 освобождены по непригодности и 11 находятся еще на изслѣдованіи. Одинъ еврей пошелъ на службу добровольцемъ. Подъ-префектъ г. Казаль удостовѣряетъ, что нѣсколько евреевъ пошли служить за другихъ. Въ деп. Стура дѣло обстояло хуже: изъ 57 еврейскихъ рекрутовъ пошли лично служить только шесть, десять человѣкъ поставили вмѣсто себя охотниковъ, двое было освобождены по льготѣ, а 36 человѣкъ получили отсрочку для поправки. Въ деп. Дуары евреи оказали повиновеніе закону о воинской повинности, писалъ префектъ въ одномъ изъ рапортовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и добавлялъ, что одинъ еврей поступилъ въ армію волонтеромъ. Въ деп. Сезія подлежали набору 23 еврея, пошелъ же служить одинъ, потому часть была освобождена, а часть замѣнилась добровольцами. Наконецъ, въ деп. Монтенотт ъ четверо вошли въ ряды арміи и столько же смѣнились охотниками.

А какъ обстояло дѣло въ другихъ областяхъ присоединенной Италіи? Относительно департаментовъ бывшей Тосканы мы свѣ-

дѣній не имѣемъ. Въ Генуѣ, со времени присоединенія ея къ Франціи (въ 1806 году) никто изъ евреевъ не являлся для отбыванія воинской повинности, потому что среди мѣстной общины вовсе не было людей призывного возраста. Въ деп. Таро пошли въ солдаты семь евреевъ, а въ Римѣ—сорокъ пять человѣкъ. О томъ, чтобы въ этихъ мѣстностяхъ евреи уклонялись отъ отбыванія воинской повинности документы ничего не говорятъ, а надо думать, что они не преминули бы отмѣтить это обстоятельство, если бы оно имѣло мѣсто [1]).

Выставляя вмѣсто себя охотниковъ, евреи поступали вполнѣ правомѣрно, тоже дѣлали и многіе христіане, когда вышелъ законъ о замѣнѣ рекрутовъ добровольцами. Не должно насъ удивлять и замѣтное число евреевъ, уволенныхъ навсегда или на время отъ отбыванія воинской повинности по непригодности. Зная, какъ строго относилось наполеоновское правительство къ дѣлу воинскихъ наборовъ, можно быть увѣреннымъ, что, если евреи освобождались отъ необходимости идти въ солдаты, то обязаны этимъ они были не особенному расположенію военныхъ властей—искреннему или корыстному, а дѣйствительно состоянію своего здоровья. Проведенная цѣлымъ рядомъ поколѣній жизнь въ гетто была плохой подготовительной школой къ занятію военнымъ ремесломъ. Объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности не писалъ ни одинъ префектъ итальянскихъ департаментовъ, а несомнѣнно, что они не замедлили бы отмѣтить этотъ фактъ, если бы онъ имѣлъ мѣсто. Изъ второй главы настоящаго очерка мы уже знаемъ, какъ относилось тогдашнее населеніе Франціи къ военной службѣ, знаемъ, что побѣги рекрутовъ или неявка ихъ были явленіемъ обычнымъ. Объ этомъ наши документы не говорятъ; напротивъ того, они отмѣчаютъ факты діаметрально противоположнаго характера—добровольнаго поступленія евреевъ въ армію. Почти во всѣхъ департаментахъ присоединенныхъ итальянскихъ владѣній

---

[1]) *A. N.*—F[19] 1837. Докладъ министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ деп. По отъ 8 авг. 1808 г., докладъ того же министерства о евреяхъ деп. Маренго отъ 12 апр. 1808 г., письмо подъ-префекта г. Казаль отъ 13 мая 1808 г., докладъ того же министерства о евреяхъ деп. Стура отъ 11 авг. 1808 г., письмо префекта деп. Дуара отъ 14 іюня 1808 г., докладъ министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ деп. Сезія отъ 10 окт. 1808 г.; F[19] 1838.—Приложеніе къ докладу министра внутреннихъ дѣлъ Монталиве отъ 13 марта 1811 года. F[19] 1837. Докладъ министерства внутреннихъ дѣлъ о евреяхъ Генуи отъ 8 сент. 1809 г. и F[19] 1838. Письмо префекта деп. Таро въ министерство внутреннихъ дѣлъ отъ 5 іюня 1811 г. и докладъ этого министерства о евреяхъ Рима отъ 13 марта 1811 г.

имѣли мѣсто подобнаго рода явленія. И отмѣтимъ тутъ же другое обстоятельство: въ описываемыхъ областяхъ евреи поступали въ армію не только для того, чтобы отбыть лежавшую на нихъ повинность крови. Зачастую, выслуживъ свой срокъ службы, они продолжали ее, посвящая себя служенію Марсу и дѣлая такимъ путемъ военную карьеру. Архивные матеріалы содержатъ указанія на евреевъ-военныхъ по профессіи. Въ деп. По было пять евреевъ, состоявшихъ въ чинѣ лейтенантовъ почетной пѣшей гвардіи его величества; въ деп. Маренго насчитывалось два еврея сержанта Національной гвардіи и три еврея—офицера той же гвардіи и т. д.

Военная служба, посѣщеніе общихъ учебныхъ заведеній, занятіе общественныхъ должностей, сельско-хозяйственная, промышленная и торговая дѣятельность: всѣ профессіи и способы подготовки къ нимъ вели неизбѣжно къ сближенію съ окружающимъ христіанскимъ населеніемъ... Вообще, писалъ мэръ г. Версель (деп. Сезія), съ тѣхъ поръ, какъ по милости благодѣянія теперешнихъ законовъ, евреи начали пользоваться тѣми же преимуществами, что и остальные граждане, общество (христіанское) стало питать къ нимъ извѣстное уваженіе; между ними и христіанами не существуетъ почти никакого различія, за исключеніемъ различія въ вѣроисповѣданіи [1]). Аналогичные отзывы доходили и изъ другихъ мѣстъ... Общественное мнѣніе, читаемъ мы въ донесеніи префекта деп. По, относится къ евреямъ отнюдь не неблагопріятно; коммерсанты-католики въ особенности вступаютъ съ ними такъ же охотно въ дѣловыя сношенія, какъ съ другими торговцами [2]).

„Правда, старые предразсудки противъ евреевъ были еще сильны воспитанная католическимъ духовенствомъ, христіанская масса все не могла освоиться съ новымъ положеніемъ, занятымъ евреями, благодаря освободительному жесту революціи... Народъ, съ ранняго дѣтства привыкшій считать насъ не такими людьми, какъ всѣ, съ молокомъ матери впитавшій воззрѣнія, которыя пріучили его держать насъ въ униженіи и думать, что самымъ своимъ существованіемъ мы обязаны лишь его какому-то особенному великодушію, этотъ народъ не преминетъ относиться къ намъ опять враждебно",—писалъ раввинъ Рима Леонъ-де-Леонъ, указывая на могущій произойти вредъ отъ примѣненія декрета 17 марта 1808 года [3]). Необходимо замѣтить, что въ Римѣ нерасположеніе

[1]) *A. N.*—F[19] 1837. Письмо мэра отъ 18 мая 1808 года.
[2]) *A. N.*—F[19] 1837. Донесеніе префекта отъ 19 іюля 1808 года.
[3]) *A. N.*—F[19] 1838. Письмо, адресованное центральной консисторіи 21 ноября 1810 года.

къ евреямъ было особенно сильно: недаромъ же этотъ городъ находился въ рукахъ высшей католической власти на землѣ. „Въ Римѣ существуетъ больше предразсудковъ противъ евреевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и именно поэтому ихъ не слѣдуетъ поощрять примѣненіемъ декрета 17 марта 1808 года", писалъ мѣстный префектъ министру внутреннихъ дѣлъ 13 ноября 1810 года. Не наблюдалось оно и въ другихъ городахъ, даже областяхъ присоединенной Италіи, причемъ заслуживаетъ вниманія характерная подробность: въ дошедшихъ до насъ проявленіяхъ нетоллерантности дѣйствующими лицами являются представители католическаго культа. О первомъ изъ нихъ мы находимъ разсказъ въ одномъ письмѣ префекта деп. Стура къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 13 декабря 1806 года. Въ этомъ письмѣ префектъ докладывалъ, что седьмого числа того же мѣсяца, въ годовщину коронованія императора, должно было происходить торжественное богослуженіе, на которое въ числѣ прочихъ должностныхъ лицъ былъ приглашенъ еврей муниципальный совѣтникъ Соломонъ Латтесъ, „человѣкъ, по отзыву префекта, очень почтенный"...; но священникъ, узнавъ о томъ, что еврей будетъ присутствовать на богослуженіи, отказался служить службу и потребовалъ, чтобы еврея не было въ церкви; префектъ долженъ былъ просить Латтеса, чтобы онъ не явился на богослуженіе. Интереснѣе еще другой случай, изложенный въ письмѣ консисторіи департаментовъ По и Стура къ центральной консисторіи. Заключался онъ въ слѣдующемъ: одинъ еврей, жившій въ г. Кіерси (деп. По) нанялъ въ услуженіе христіанку; мѣстный викарій, узнавъ объ этомъ, призвалъ дѣвушку къ себѣ и запретилъ ей служить и жить у евреевъ. На запросъ еврея о причинѣ запрета, онъ сослался на постановленія канонической права и посовѣтовалъ обратиться за разрѣшеніемъ къ архіепископу. Послѣдній, когда дѣло перешло на его разсмотрѣніе, пригласилъ къ себѣ члена еврейской консисторіи раввина Латтиса и сказалъ ему, что викарій поступилъ правильно, въ духѣ каноновъ, хотя послѣдніе въ данномъ вопросѣ расходятся съ постановленіями гражданскаго права. Тѣмъ не менѣе онъ обѣщалъ раввичу успокоить взволнованную служанку и уговорить ее остаться на мѣстѣ у своихъ еврейскихъ хозяевъ. Когда же она пришла къ архіепископу, онъ подтвердилъ ей запрещеніе викарія и далъ ей письмо къ нему о томъ, чтобы онъ подыскалъ ей другое мѣсто у христіанъ [1]). Въ истинности этого разсказа мы не вправѣ со-

[1]) *A. N.*—F[19] 1841. Письмо префекта деп. Стура къ министру вну-

мнѣваться: однимъ изъ его авторовъ былъ тотъ самый раввинъ Латтисъ, который имѣлъ бесѣду съ архіепископомъ. Разумѣется, не всѣ представители католическаго культа были такъ нетерпимы и вѣроломны по отношенію къ евреямъ, какъ герои изложенныхъ эпизодовъ. Встрѣчались между ними и люди гуманнаго образа мыслей, относившіеся къ евреямъ съ симпатіей и пользовавшіеся взамѣнъ его довѣріемъ. Такимъ былъ, напримѣръ, католическій епископъ г. Акви, про отношенія коего къ евреямъ мы узнаемъ изъ его же письма къ министру культовъ .. Евреи округа Акви, писалъ онъ, питающіе ко мнѣ, хотя я и состою католическимъ епископомъ, большое довѣріе, пришли ко мнѣ съ просьбой, чтобы я переслалъ вашему сіятельству прилагаемое при семъ письмо и походатайствовать передъ вами о благосклонномъ къ нимъ отношеніи... И епископъ увѣрялъ министра, что никогда не слышалъ никакихъ нареканій на евреевъ, а про нѣкоторыхъ изъ нихъ знаетъ только хорошее [1]). Но, надо полагать, такихъ людей, какъ этотъ епископъ, среди католическаго духовенства было не много: не даромъ онъ говорилъ о довѣріи къ нему евреевъ, несмотря на его званіе.

Рѣзкій контрастъ описанному непріязненному отношенію духовенства представляло гуманное отношеніе къ евреямъ администраціи, состоявшей, насколько намъ извѣстно, преимущественно изъ пришлаго французскаго элемента. Въ перепискѣ мѣстныхъ префектовъ съ центральными учрежденіями по еврейскому вопросу мы постоянно замѣчаемъ заботливость и попеченіе о ввѣренныхъ ихъ надзору евреяхъ. Когда былъ изданъ декретъ 17 марта 1808 года, сильно ограничивавшій правоспособность евреевъ, префекты ходатайствовали объ отсрочкѣ въ примѣненіи его къ мѣстнымъ евреямъ. Нѣкоторые изъ нихъ считали долгомъ возставать противъ этого декрета и указывали, какой вредъ можетъ онъ причинить дѣлу эмансипаціи... „Примѣненіе постановленій имперскаго декрета отъ 17 марта 1808 года, писалъ префектъ деп. По, вмѣсто того, чтобы дать результаты, коихъ его величество ожидаетъ отъ него по отношенію къ рейнскимъ евреямъ, въ моемъ департаментѣ будетъ имѣть только обратное дѣйствіе: онъ замедлитъ дѣло возрожденія евреевъ, которое, начавшись съ момента революціи, можетъ быть продолжено лишь путемъ предоставленія ев-

треннихъ дѣлъ отъ 13 дек. 1808 г. и письмо консисторіи деп. По и Стура къ центральной консисторіи отъ 15 февраля 1813 года.

[1]) *A. N.*—F[19] 1841. Письмо епископа отъ 9 іюня 1808 года.

реямъ права пользованія тѣми преимуществами, коими обладаютъ остальные подданные страны". Префектъ Рима, съ своей стороны, обращалъ вниманіе своего начальства на то обстоятельство, что въ Римѣ существуетъ больше предразсудковъ противъ евреевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и что не слѣдуетъ поощрять ихъ примѣненіемъ названнаго выше декрета [1]) и т. д. Когда вскорѣ, послѣ осуществленія этого закона, еврейскія общины стали хлопотать объ его отмѣнѣ, всѣ мѣстныя власти дали самые лучшіе отзывы о просителяхъ.

Зато и евреи не остались въ долгу. Въ ихъ лицѣ освободившая ихъ Франція имѣла наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ. Никто изъ нихъ не былъ въ партіяхъ и группахъ, приводившихъ въ отчаяніе въ минувшіе годы страну, пишетъ предсѣдатель гражданскаго суда и исправительной полиціи г. Ювенъ (деп. По)... Они всегда, даже въ самыя тяжелыя минуты, выказывали привязанность правительству, сообщалъ префектъ деп. Дуара [2]).

Какъ видитъ читатель, евреи присоединенныхъ итальянскихъ областей съумѣли оцѣнить значеніе дарованнаго имъ равноправія, съумѣли воспользоваться имъ и отплатить за него.

С. Познеръ.

---

[1]) *A. N.*—F[19] 1837. Письмо префекта деп. По къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 19 іюня 1808 года и F[19] 1838. Письмо префекта деп. Рима къ тому же министру отъ 13 ноября 1810 года.

[2]) *A. N.*—F[19] 1837. Письмо предсѣдателя суда и письмо префекта деп. Дуара къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 14 іюня 1808 года.

Нью-іоркскія впечатлѣнія.

IX.

Призывъ на югъ.

— Здѣсь живетъ докторъ Рубиновъ?

— Здѣсь!

Въ дверяхъ стоялъ высокій, худой человѣкъ съ небольшой рыжей бородкой; довольно неряшливо одѣтый, хотя и съ претензіями на презентабельность, и съ большой пачкой брошюръ подъ мышкой. Хотя онъ заговорилъ по-англійски, но и лицо, и акцентъ крикливо превозглашали его семитическое происхожденіе. И физіономіей, и фигурой онъ очень напоминалъ „маскила", автора древнееврейскихъ книгъ, которыхъ никто не хочетъ покупать и которыя ему часто приходится продавать въ разносъ, или же изобрѣтателя никому не нужныхъ патентовъ, вообще спекулятора-фантазера, мечтателя на практическія темы о короткомъ пути къ богатству, который такъ и не удается найти.

Мой гость молчаливо и съ достоинствомъ подалъ лишь свою визитную карточку, которая гласила:

Bernard Wilentshik,

108 Broad Stat,

New-Iork

Inspector and Agent
Labor Department
The Southern Immigration Society [1]).

[1]) Бернардъ Виленчикъ, Инспекторъ и Агентъ Отдѣла Труда Южнаго Иммиграціоннаго Общества.

— Такъ вы по вопросу объ иммиграціи?—обрадовался я, усаживая своего гостя.—Отъ васъ я навѣрное услышу много интересныхъ вещей.

— Я прочелъ вашъ призывъ въ „Vorwärts'ѣ",—началъ г. „инспекторъ и агентъ",—и такъ какъ я посвятилъ свою жизнь службѣ моему народу (я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего гостя), то я счелъ своей обязанностью явиться къ вамъ, познакомить васъ съ положеніемъ дѣлъ на югѣ. Да, я знаю,—продолжалъ онъ со вздохомъ, какъ печально положеніе евреевъ въ Россіи, и какъ они вынуждены бѣжать оттуда, и единственный ихъ пріютъ—Америка. Я вѣдь самъ русскій еврей,—конфиденціально сообщилъ онъ мнѣ, переходя на ломанный русскій языкъ, а затѣмъ и на жаргонъ, уснащенный, какъ это подобаетъ въ Америкѣ, изобильнымъ запасомъ англійскихъ словъ. И по-еврейски его рѣчь сдѣлалась гораздо оживленнѣе, быстрѣе, и стала сопровождаться жестикуляціей.

— Позвольте разсказать вамъ все съ начала, такъ чтобы вы поняли меня и мою работу. Вотъ вы посмотрѣли на мою карточку, навѣрно подумали, что это за агентъ такой хочетъ людей на удочку ловить. А между тѣмъ, это совсѣмъ не такъ. Конечно, я не отрицаю, это моя профессія. Но почему я взялся за свою профессію? Главнымъ образомъ потому, что хочу быть полезнымъ страдающему еврейскому народу, потому что я убѣдился, что югъ—единственное мѣсто, куда еврею слѣдуетъ ѣхать. Многіе годы я пробылъ въ Америкѣ, и какъ многіе евреи жилъ и велъ дѣла исключительно въ большихъ городахъ: въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи. Но не могъ я здѣсь ужиться. Потому,—какая же это жизнь въ духотѣ, тѣснотѣ, ни воздуха, ни свѣта. И вотъ я такимъ образомъ попалъ на югъ, и тамъ я жилъ. Вы не думайте, что если я агентомъ сдѣлался, то это потому, что не могъ на жизнь зарабатывать. Нѣтъ, я заработалъ вначалѣ большія деньги...

Ораторъ увлекся и, какъ бы забывъ о предметѣ своего посѣщенія, сталъ подробнѣйшимъ образомъ, не дожидаясь даже репликъ съ моей стороны, разсказывать свою автобіографію.

Признаться, мнѣ это очень скоро надоѣло, и краснорѣ-

чивый потокъ словъ со стороны агента для человѣка, много лѣтъ прожившаго въ Америкѣ, явленіе крайне ординарное и скучное. Не располагала меня въ пользу гостя и его визитная карточка, при болѣе внимательномъ осмотрѣ ея. Я зналъ что имѣю дѣло съ агентомъ компаніи, задавшейся цѣлью продать очень дешево купленную землю съ крупной выгодой невѣжественнымъ иммигрантамъ,—агентомъ, который уже по самому существу своей миссіи долженъ агитировать въ пользу одной идеи, и ловить карасей на удочку; и вдобавокъ къ этимъ соображеніямъ его тягучее краснорѣчіе вызывало раздраженіе, которое, наконецъ, вырвалось въ формѣ протеста.

— Всѣ эти разсказы о пережитыхъ вами перемѣнахъ очень интересны, но какое отношеніе это имѣетъ къ темѣ нашего разговора?

— Такъ погодите же; я къ тому и веду,—обиженнымъ тономъ проговорилъ ораторъ.

— Вы понимаете, вездѣ я пытался устроиться, и нигдѣ не нравилось, а на югѣ я наконецъ нашелъ себѣ мѣсто. Почему? Потому что на югѣ можно жить хорошо, привольно. Развѣ можно сравнить это съ жизнью здѣсь? Тѣснота, духота, лѣстницы, нѣтъ свѣта, нѣтъ воздуха. То ли дѣло у себя на фермѣ. Собственный домъ, собственный садъ, собственные овощи, все свое.

„Хорошо поетъ собака, убѣдительно поетъ“ — подумалъ я про себя. Агентъ говорилъ уже не обращаясь ко мнѣ. Въ комнату тѣмъ временемъ вошли два еврея, въ которыхъ агентъ безъ труда могъ узнать свѣжихъ иммигрантовъ, и онъ сразу почувствовалъ себя въ своей атмосферѣ, и сталъ еще убѣдительнѣе, краснорѣчивѣе.

— Все это очень хорошо,—подалъ я реплику.—Но вѣдь тамъ на югѣ у васъ такой климатъ, что живьемъ изжариться можно.

— Вотъ, въ этомъ то вы и ошибаетесь,—живо перебилъ онъ.—Конечно, это гдѣ какъ. Я вѣдь не въ Южный Техасъ зову евреевъ. Тамъ дѣйствительно жарко. Но я представляю Южную Каролину, и хотя Южная Каролина немного южнѣе Нью-Іорка, но ей-Богу же въ Нью-Іоркѣ лѣтомъ жарче, чѣмъ

въ Южной Каролинѣ, вотъ посмотрите—и онъ сунулъ мнѣ въ руки тоненькую брошюрку,—тутъ все разсказано о климатѣ Южной Каролины. У насъ средняя годовая температура идеальная, лѣтомъ прохладно, за то зимы почти что нѣтъ, годами снѣга не видишь, не климатъ, а рай.

— Но чтобы этимъ раемъ воспользоваться, надо деньги имѣть, г. Виленчикъ.

— Да, нужно имѣть немного денегъ, но сколько? Самую малость. Почему? Во-первыхъ, земля дешева, а во-вторыхъ правительство старается помогать иммигрантамъ. Помилуйте вотъ на западѣ въ Небраскѣ или Дакотахъ за землю сколько нужно заплатить? Чуть-ли не сто долларовъ за акръ [1]), а въ Южной Каролинѣ за такую же землю заплатите можетъ быть 5 долларовъ за акръ. И что на этой землѣ растетъ! Вѣрнѣе, спросите, чего въ этомъ штатѣ не растетъ. Самые лучшіе фрукты, самыя лучшія ягоды и овощи. И все это выходитъ рано, когда публика готова заплатить какую угодно плату за эти продукты. Персики, груши и фиги, хлопокъ и табакъ, рисъ и кукуруза, вишни, и клубника, овесъ и мѣстами пшеница, картофель и сладкій картофель. Словомъ, что хотите. И за такую землю просятъ всего 5 долларовъ за акръ. Да какъ? На выплату, и штатъ самъ приходитъ на помощь новымъ фармерамъ, зоветъ ихъ. У нихъ даже спеціальный „коммиссаръ иммиграціи“, г. Уатсонъ. И вы знаете, почему они такъ гонятся за иммигрантами?— спросилъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

— Почему? — полюбопытствовалъ я.—Вѣроятно, хотятъ продать выгодно землю. Вотъ это общество, агентомъ котораго вы состоите, оно навѣрно владѣетъ многими тысячами акровъ.

— Ну, конечно, выгода. Выгоду всякій ищетъ. Но тутъ не въ одной выгодѣ дѣло! Нѣтъ тутъ другая причина! *Они хотятъ покорить негра.* Вы знаете, теперь негровъ въ Южной Каролинѣ больше чѣмъ бѣлыхъ, и потому начальство радо всякому бѣлому человѣку.

---

[1]) Акръ = 0.37 десятины, десятина — 2,7 акровъ. 100 долларовъ за акръ = 540 рублей за десятину.

И много, и долго говорилъ этотъ самозванный „радѣтель еврейскаго народа“, и ушелъ, оставивъ мнѣ груду литературы, и добившись обѣщанія, что я познакомлю русскихъ евреевъ съ удивительными качествами Южной Каролины, какъ новаго центра еврейской иммиграціи.

Лично мой новый знакомый представляетъ довольно опасное явленіе. Его роль очевидна и понятна для всякаго, кто знакомъ съ особенностями американской жизни. Онъ агентъ компаніи спекуляторовъ земельнымъ имуществомъ и ни компанія, ни этотъ краснорѣчивый еврей не интересуются ни судьбой еврейскаго народа, ни тѣхъ единичныхъ представителей его, которые попадутъ на удочку и купятъ землю. А такіе караси должны находиться, и щука-агентъ съумѣетъ ихъ найти и словить. Онъ краснорѣчивъ и болтливъ безъ конца, и безъ труда напуститъ туманъ на незамысловатаго еврея, желающаго пристроиться при землѣ. И откуда еврею, пріѣхавшему только что изъ бессарабскаго или волынскаго мѣстечка знать, какая цѣна земли—3 или 10 долларовъ? На чемъ можетъ основываться его личная оцѣнка, съ чѣмъ будетъ онъ ее сравнивать? Гдѣ гарантія, что заключивши контрактъ на землю, и наконецъ пріѣхавъ въ свое „помѣстье“, онъ не найдетъ одно лишь море безплоднаго песка, или непроходимыя болота?

Едва ли стоитъ много распространяться, какъ долженъ остерегаться именно такихъ посредниковъ и радѣтелей недавно пріѣхавшій иммигрантъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что агитація, предпринимаемая агентомъ, представляетъ лишь результатъ безплодной фантазіи, есть лишь мыльный пузырь?

Ни въ коемъ случаѣ! Напротивъ, указаніе, что югъ можетъ служить новымъ центромъ для еврейской иммиграціи, настолько серьезно, что я даже серьезно подумывалъ о томъ, чтобы самому проѣхаться по югу и изслѣдовать этотъ вопросъ. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ въ Россіи создали эмиграцію евреевъ и изъ такихъ губерній, гдѣ евреи въ значительной степени сжились съ земледѣльческой дѣятельностью и съ деревенской жизнью, и я убѣдился изъ

личныхъ наблюденій, что у этихъ иммигрантовъ часто на много лѣтъ остается стремленіе къ землѣ, и они не находятъ удовлетворенія въ Нью-Іоркѣ.

Однако поѣздки въ южные штаты мнѣ предпринять не удалось, но два года жизни въ Вашингтонѣ, — преддверье американскаго юга — дали мнѣ возможность познакомиться съ новыми условіями экономической жизни на югѣ, возбудившими вопросъ объ иммиграціи на югъ.

Затхлая атмосфера рабства до войны за освобожденіе негровъ, и страшное опустошеніе, вызванное войной, создали застой въ этой благодатной странѣ, въ то время какъ сѣверъ и западъ дѣлали гигантскіе шаги впередъ на пути промышленнаго развитія. Въ результатѣ, огромная европейская иммиграція вся какъ бы по уговору избѣгала южныхъ штатовъ. Иммигранты, способные къ земледѣльческому труду, стремились въ дальне-западные штаты, заполнили Висконтинъ, Небраску, Южную и Сѣверную Дакоту; иммигранты, способные къ промышленному или черному труду, толпились въ крупныхъ городахъ восточнаго побережья, но юга для иммигранта какъ бы не существовало.

Нѣсколько цифръ иллюстрируютъ это положеніе вещей:

Въ 1900 году процентъ родившихся внѣ предѣловъ Соединенныхъ Штатовъ равнялся:

Въ Сѣверныхъ Штатахъ	Атлантическаго прибрежья	22,6%
„ „ „	центра	15,8 „
„ Западныхъ Штатахъ	. . . . .	20,7 „
„ Южныхъ „	Атлантическаго прибрежья	2,1 „
„ „ „	центра	2,5 „

Другими словами, иммигрантовъ на югѣ почти что нѣтъ. Однако, понемногу промышленная жизнь юга стала обновляться; вліяніе результатовъ войны понемногу сглаживалось; сѣверный капиталъ искалъ возможности эксплоатировать естественныя богатства страны, а также дешевую рабочую силу. Легко было бы наполнить многія страницы фактами и цифрами, доказывающими быстрый ростъ промышленности въ южныхъ штатахъ, относительно превосходящій ростъ даже на сѣверѣ, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, но здѣсь, конечно, не мѣсто приводить эти цифры. Доста-

точно указать на феноменально быстрый ростъ хлопчатобумажной промышленности, ткацкой и прядильной. Съ другой стороны міровой спросъ на главный земледѣльческій продуктъ южныхъ штатовъ — хлопокъ, продуктъ, на который американскій югъ имѣетъ почти что монополію на всемірномъ рынкѣ—растетъ не по днямъ, а по часамъ, и югъ еле успѣваетъ удовлетворить этотъ спросъ. Такъ же интенсивно стали на югѣ разрабатываться угольныя и желѣзныя копи.

Все это вызвало въ южныхъ штатахъ спросъ на рабочую силу, который и находитъ себѣ удовлетворенія. Почему же, возникаетъ вопросъ, этотъ спросъ на рабочую силу не вызвалъ естественнаго прилива иммигрантовъ?

Причины этого нѣсколько сложны. Одной изъ главныхъ является, конечно, чрезвычайно низкій уровень рабочей платы, гораздо болѣе низкій, чѣмъ въ сѣверныхъ штатахъ, и едва ли многимъ превосходящій плату на русскихъ фабрикахъ. Общій standart of life на югѣ чрезвычайно низкій, рабочее законодательство въ зародышѣ, часы труда ужасные, работаютъ не только женщины и несовершеннолѣтніе, но и совсѣмъ младенцы [1]). И хотя въ поискахъ бѣлыхъ рабочихъ управляющимъ фабриками приходится ѣздить въ горы и вывозить оттуда цѣлыя семьи, по возможности съ большимъ числомъ дѣтей, которыя всѣ поступаютъ на фабрику,—несмотря на это, плата повышается очень медленно, и рабочіе естественно не высказываютъ стремленія переселяться съ сѣвера на югъ.

Мы сказали что фабриканты ищутъ *бѣлыхъ* рабочихъ. Но въ южныхъ штатахъ живетъ болѣе 1.000.000 негровъ, составляющихъ около 33% всего населенія юга. Въ нѣкоторыхъ штатахъ число ихъ составляетъ даже больше половины всего населенія. Такъ, въ Миссиссипи и въ Южной Каролинѣ негры въ 1900 году составляли 58.5% всего населенія, т. е. на каждые 100 бѣлыхъ приходилось 140 негровъ. Несмотря на такое огромное число негровъ, на ихъ крайнюю бѣдность (огромное большинство ихъ не имѣетъ абсолютно

---

[1]) Смотр. объ этомъ мою статью „Дѣтскій трудъ въ Америкѣ". „Русская Мысль". 1903 г., октябрь и ноябрь.

никакого имущества), на южныхъ фабрикахъ почти совсѣмъ не работаетъ негровъ, и за всѣми ткацкими и прядильными станками не стоитъ ни одинъ негръ. Оттого ли это только, что бѣдные, почти нищіе южные рабочіе—бѣлые знаютъ только одну форму гордости, человѣческаго достоинства и рѣшительно отказываются работать вмѣстѣ съ черными, или же отъ того, что негры оказываются негодными для фабричной работы—намъ здѣсь нѣтъ необходимости рѣшать, достаточно констатировать фактъ. И этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что югъ кричитъ: „Намъ не хватаетъ рабочихъ, давайте намъ запасъ человѣческаго труда".

Еще замѣчательнѣе то, что тѣ же явленія оказываются въ области земледѣлія и землевладѣнія. Негръ-рабъ занимался преимущественно земледѣльческимъ трудомъ на плантаціяхъ рабовладѣльцевъ. Послѣ гражданской войны плантаторы обѣднѣли, лишились своей даровой рабочей силы, многія плантаціи распались, формы земледѣлія и землевладѣнія значительно измѣнились, но сущность осталась та же: негръ все еще почти единственный южный земледѣлецъ или въ качествѣ наемнаго рабочаго на плантаціи, или въ качествѣ небольшого фармера - собственника, но всего чаще какъ арендаторъ небольшого клочка земли, уплачивающій за аренду половину продукта обрабатываемой имъ земли.

Опять-таки не вдаваясь въ анализъ причинъ, нельзя не признать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ негръ очень неискусный земледѣлецъ, и результаты его обработки земли оставляютъ желать многаго. За исключеніемъ немногихъ негровъ, владѣющихъ собственными участками, эта низкая производительность негритянскаго труда очень невыгодно отзывается на интересахъ бѣлаго плантатора и землевладѣльца: его негръ рабочій работаетъ очень медленно и главное неаккуратно, и арендаторъ производитъ такъ мало, что половина продукта даетъ весьма недостаточную, съ плантаторской точки зрѣнія, ренту. По многимъ историческимъ причинамъ плантаторъ весьма недружелюбно настроенъ по отношенію къ негру, своему бывшему рабу—и теперь къ этимъ политическимъ и соціальнымъ причи-

намъ привосокупляется весьма осязательная экономическая причина. Не только въ промышленномъ, но и земледѣльческомъ отношеніи югъ отсталъ отъ сѣвера. Изъ всей земельной собственности такъ или иначе эксплоатируется:

Въ Сѣверныхъ Штатахъ	Атлантическаго прибрежья		59,5%.
„ „	„ Центра		10,1%.
„ Южныхъ	„ Атлантическаго		44,2%.
„ „	„ Центра		31,0.

Средній чистый доходъ съ акра земли въ двухъ сѣверныхъ раіонахъ равнялся 1,56 долл и 5,64 долл. а въ южныхъ раіонахъ 3,87 долл. и 2,96 долларовъ.

И поэтому совсѣмъ неудивительно, что акръ земли на югѣ во много разъ дешевле, чѣмъ на сѣверѣ. Средній негръ безсознательный послѣдователь эпикурейской философіи Омаръ-Кайама, — онъ живетъ сегодняшнимъ днемъ, и о завтрашнемъ предпочитаетъ не думать. Если онъ получилъ плату въ субботу, то онъ въ понедѣльникъ едва ли явится на работу, и не потому, что онъ запилъ, а просто лѣнь. И если онъ усѣлся на арендованной землѣ, то плантаторъ долженъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ не забывалъ обрабатывать землю какъ слѣдуетъ. И если ему даже удалось получить хорошій урожай, то нѣтъ никакихъ гарантій, что онъ останется на слѣдующій годъ. Уйдетъ онъ безъ особенной причины, просто потому что надоѣло. Эта невозможность разсчитывать и полагаться на негра тѣмъ болѣе возмущаетъ плантатора, что послѣднему огромный запасъ труда нуженъ на короткій срокъ, мѣсяцъ или два, въ теченіе которыхъ собирается хлопокъ и когда фермеръ, живущій по близости и имѣющій нѣкоторый запасъ труда на продажу, можетъ быть очень полезенъ плантатору.

Мы остановились такъ подробно на этихъ деталяхъ потому, что онѣ имѣютъ огромное практическое значеніе для интересующаго насъ вопроса объ иммиграціи въ Америку. До русской прессы дошли, и въ значительно преувеличенномъ видѣ, слухи о предстоящихъ и уже существующихъ ограниченіяхъ права иммиграціи въ Соединенные Штаты. Многимъ евреямъ, мечтающимъ объ эмиграціи, эти слухи доставили много ненужныхъ тревогъ. Поэтому важно отмѣ

тить, что въ значительной части страны происходитъ прямо противоположное теченіе,—въ пользу иммиграціи, и что вліяніе юга еще долго будетъ достаточно сильно, чтобы удержать страну отъ дѣйствительно радикальныхъ ограниченій иммиграціоннаго потока.

Помимо этого, на югѣ существуетъ совершенно другое отношеніе и къ характеру желательной иммиграціи. Югъ, такъ сказать, менѣе разборчивъ. Бѣлый югъ такъ ненавидитъ негра, что всякій бѣлый въ его глазахъ лучше, желательнѣе чернаго. И поэтому, въ то время какъ аристократическій сѣверъ и востокъ тенденціозно раздѣляетъ иммигрантовъ на желательныхъ англо-саксонцевъ, нѣмцевъ, скандинавскія расы, и нежелательныхъ: населеніе восточныхъ и южныхъ странъ Европы какъ венгерцевъ, итальянцевъ, поляковъ и евреевъ,—югъ именно и ищетъ тѣ національности, которыя менѣе требовательны и могутъ замѣнить негровъ. Поэтому сѣверъ требуетъ, чтобы иммигранты имѣли образовательный цензъ, грамотность, а югъ напротивъ настаиваетъ, что грамотность не гарантируетъ экономической пользы и моральнаго уровня иммигрантовъ, что часто безграмотные куда лучше. И подъ вліяніемъ этой же ненависти южанинъ дѣлается юдофиломъ. Это происходитъ такимъ образомъ: когда сѣверянинъ упрекаетъ южанина за его нетерпимость по отношенію къ негру и сравниваетъ эту нетерпимость съ антисемитизмомъ, то южанинъ обижается, и, стуча кулакомъ въ грудь, доказываетъ разницу. „Чувство противъ еврея конечно предразсудокъ, потому что еврей бѣлой расы, онъ плоть отъ нашей плоти, онъ совершенно сливается съ нами". И несомнѣнно, что югъ искренно привѣтствовалъ бы ростъ еврейской иммиграціи въ южные штаты. Южныя газеты полны самыхъ краснорѣчивыхъ аргументовъ въ пользу иммиграціи и призываютъ пароходныя компаніи организовать правильные рейсы между европейскими портами и южными портами въ Мексиканскомъ заливѣ. Недавно, въ Ричмондѣ (штата Виргиніи, самаго сѣвернаго изъ южныхъ штатовъ) происходилъ съѣздъ американской ассоціаціи фармеровъ и здѣсь выступила наружу вся важность вопроса объ иммиграціи, и

южные члены ассоціаціи поголовно протестовали противъ всякаго ограниченія иммиграціи.

Все это не только чрезвычайно интересно, но и практически важно. Но положеніе дѣлъ на югѣ имѣетъ и болѣе специфическій интересъ, ибо является вопросъ: не можетъ ли югъ дѣйствительно послужить центромъ для еврейской осѣдлости.

Едва ли можно рекомендовать евреямъ перспективу конкуррировать съ неграми въ убійственной работѣ сбора хлопка подъ палящими лучами южнаго солнца. Но фактъ тотъ, что югъ переживаетъ какъ промышленное, такъ и земледѣльческое оживленіе. Для южнаго, бессарабскаго или херсонскаго еврея климатъ Сѣверной Каролины, напр. (штата съ наибольшимъ процентомъ негровъ и поэтому наиболѣе ратующаго объ увеличеніи бѣлой иммиграціи), едва ли представляетъ что либо страшное, особенно въ холмистой части климатъ извѣстенъ, какъ благопріятствующій слабогрудымъ. Земля дѣйствительно дешева. „Коммиссаръ иммиграціи“ этого штата печатаетъ брошюры со спискомъ фармъ, имѣющихся для продажи, и нѣкоторыя поражаютъ своими дешевыми цѣнами. Здѣсь можно найти фармы въ 20—25 акровъ, продающіяся за 80 долларовъ; съ другой стороны вблизи большихъ городовъ цѣна земли подымается до 25, 35 и даже 50 долларовъ за акръ.

Что энергичный человѣкъ, съ небольшимъ капиталомъ, любящій и знающій спеціальныя отрасли земледѣлія и знакомый съ условіями американскаго спроса въ мѣстныхъ какъ и въ центральныхъ рынкахъ, на фрукты, ягоды и т. д. и т. д. можетъ еще очень хорошо пристроиться на южной землѣ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но когда начинаешь опредѣлять практическое значеніе юга для еврейской земледѣльческой иммиграціи, тогда и возникаетъ вопросъ: насколько можетъ еврей-иммигрантъ обладать этимъ спеціальнымъ коммерческимъ опытомъ, этими спеціальными коммерческими познаніями? И, конечно, приходится отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Ибо и въ самой Америкѣ имѣется много фармеровъ неудачниковъ, несмотря на благопріятныя условія. Въ Россіи все еще продолжаетъ дер-

жаться въ широкихъ кругахъ взглядъ на земледѣліе, какъ форму натуральнаго хозяйства. Этимъ объясняется, мнѣ кажется, готовность организовать земледѣльческія колоніи въ тридевятыхъ царствахъ. Но въ Америкѣ, гдѣ спеціальныя культуры занимаютъ гораздо большее мѣсто въ хозяйствѣ каждаго фармера, земледѣліе—промышленное предпріятіе, business, какъ выражается американецъ — и предпріятіе требующее какъ технической подготовки, такъ и коммерческой сноровки. Для американскаго старожила югъ представляетъ широкую почву для обогащенія, но поскольку дѣло касается иммигрантовъ, то имъ можно посовѣтывать крайнюю осторожность. Изъ всѣхъ штатовъ Сѣверная Каролина, наиболѣе старается заполучить иммигрантовъ и поэтому положеніе дѣлъ въ Сѣверной Каролинѣ, можетъ быть, и заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованіи со стороны заинтересованныхъ еврейскихъ организацій.

X.

Гетто, какъ центръ культуры.

Лѣтъ десять тому назадъ на долю пишущаго эти строки выпала честь основать „общество русскихъ студентовъ“ въ Нью-Іоркѣ,—общество, которое существуетъ и теперь, хотя и влачитъ, правду сказать, довольно жалкое существованіе. Понятно, что въ этомъ обществѣ „русскихъ“ студентовъ обыкновенно 99, а иногда и всѣ 100 процентовъ евреи. Но названіе организаціи не было не точнымъ потому, что общество всецѣло жило русскими интересами. Помнится, что „конституція“ (или уставъ) этого общества гласила, что оно существуетъ для поднятія культуры въ массѣ и для духовнаго объединенія интеллигентныхъ силъ. Помнится также и авторъ этой фразы, славный парень лѣтъ 40, вѣчный студентъ, побывавшій въ Россіи на всѣхъ, кажется, факультетахъ и продолжавшій слушать лекціи и въ Нью-Іоркѣ. Помнится какъ часто прибѣгалъ этотъ парень къ своей любимой фразѣ какъ только выходило недоразумѣніе между многочисленными фракціями, направленіями и кружками. Бывало, хлопнетъ

кулакомъ по столу, на которомъ среди груды развернутыхъ газетъ стоялъ неизмѣнный простывшій стаканъ чаю съ лимономъ,—и съ огорченіемъ воскликнетъ своимъ глубокимъ басомъ: „Господа, не забывайте, что это общество существуетъ для духовнаго объединенія, а вы тутъ ссоры устраиваете. Нехорошо, господа, стыдно".

Но, кажется, духовнаго объединенія въ гетто ни обществу русскихъ студентовъ, ни другимъ организаціямъ провести не удалось, да и мудрено было бы провести его въ этомъ разношерстномъ, разнокалиберномъ конгломератѣ племенъ, лицъ и группъ. Можетъ быть оно и къ лучшему, ибо при полномъ объединеніи, можетъ быть, и не было бы того партійнаго азарта, того стремленія къ прозелитизму, который въ концѣ концовъ принялъ форму могущественной культуртрегерской силы.

Это не только логическая формула, нѣтъ, это историческій фактъ, выводъ изъ непосредственныхъ наблюденій; въ культурной и политической жизни нью-іоркскаго гетто сказалось вліяніе интеллигентныхъ элементовъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что интеллигентные кружки не дѣлали грубыхъ ошибокъ. Энтузіасты 80-хъ годовъ, начавшіе соціалистическую пропаганду среди тогда еще довольно малочисленнаго еврейскаго пролетаріата, очевидно, сразу стремились къ конечной цѣли. Но когда годы шли, и, несмотря на огромную популярность отдѣльныхъ лицъ, даже непосредственная цѣль этой пропаганды—„движеніе" прогрессировало весьма неудовлетворительно, встрѣчая на пути такое препятствіе, какъ массовое невѣжество, — началась почти поневолѣ воспитательная работа, путемъ прессы, вліянія на театры и организаціи школъ, сначала строго соціалистическихъ, партійныхъ, а потомъ и безпартійныхъ, когда оказалось, что узкая партійная окраска не помогаетъ, а напротивъ сокращаетъ пользу этихъ культурныхъ учрежденій.

Правда, что если эта работа оплатилась сторицей и принесла богатые плоды, то это объясняется въ значительной степени добротностью матеріала. Безъ всякаго національнаго или расового шовинизма, нельзя не отмѣтить, что эта огромная пролетарская масса выказываетъ страсть къ свѣту,

къ знанію, къ образованію, которая удивляетъ даже американскій народъ, народъ, имѣющій нѣсколько сотъ университетовъ и коллегій и полмилліона народныхъ учителей. И не только въ народной школѣ и гимназіи выказывается эта страсть, но и во многихъ другихъ, болѣе интересныхъ формахъ. Вотъ, напр., во время моего пребыванія въ Нью-Іоркѣ мнѣ попалась на глаза газетная замѣтка, дававшая отчетъ народной библіотеки, помѣщающейся въ центрѣ еврейскаго гетто. И изъ отчета явствовало, что въ этой библіотекѣ берется на домъ двойной процентъ научныхъ книгъ, чѣмъ въ какой-либо другой публичной библіотекѣ въ городѣ,—и гораздо меньшее число беллетристики. И если принять во вниманіе чрезвычайно низкій уровень американской беллетристики, то этого выбора нельзя не одобрить.

И этотъ высокій культурный уровень еврейскаго гетто бросается въ глаза во всемъ. За мое двухлѣтнее отсутствіе изъ Нью-Іорка, гетто обуяла новая страсть—къ фонографамъ. Ну, конечно, фонографъ игрушка для ребятъ!—скажете вы, и глубоко ошибетесь. Благодаря высотѣ американскаго техническаго искусства, фонографъ сдѣлался орудіемъ культуры и можетъ почти что служить школьнымъ пособіемъ—если вы согласны со мной, что музыка является серьезной культурной силой. Но конечно музыка музыкѣ рознь. Еще на всемірной выставкѣ въ Ст. Луи завѣдующій отдѣломъ одной изъ лучшихъ фирмъ по производству фонографовъ удивилъ меня заявленіемъ, что нью-іоркское гетто самый лучшій рынокъ для ихъ фонографовъ. Въ нью-іоркскомъ гетто въ пять разъ больше музыкальныхъ и спеціально фонографическихъ магазиновъ, чѣмъ во всемъ городѣ Вашингтонѣ. И какіе рекорды идутъ въ ходъ въ гетто, и какіе въ Вашингтонѣ! Воспроизведенія наилучшихъ отрывковъ изъ оперъ, передача ихъ лучшими, всемірно извѣстными маэстро и пѣвцами,—самый ходкій товаръ въ гетто, гдѣ живутъ „дикіе выходцы Восточной Европы", а въ Вашингтонѣ—центрѣ культурной Америки—одни лишь вульгарныя шансонетки и кэкуоки.

Указывая на жадность еврея къ образованію, въ амери-

канскихъ кругахъ я нерѣдко слышалъ въ отвѣтъ указаніе, что главной причиной этого являются практическія соображенія, какъ желаніе подготовиться къ профессіональной карьерѣ. Нельзя отрицать извѣстной доли правды въ этомъ утвержденіи. Мнѣ уже приходилось указывать на страницахъ „Восхода“ [1]), что процентъ профессіональныхъ лицъ среди нью-іоркскихъ евреевъ не великъ. Но стремленіе къ профессіямъ какъ среди иммигрантовъ, такъ и ихъ дѣтей (особенно у людей съ нѣкоторомъ достаткомъ) весьма распространено. Это можетъ быть весьма естественная реакція противъ родныхъ условій, дѣлавшихъ профессіональную карьеру почти невозможной. Какъ бы то ни было, это желаніе попасть въ профессіональную школу и надежда получить по экзамену мѣсто на городской службѣ вызвали въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ образованіе цѣлаго ряда школъ для спеціальной подготовки къ экзаменамъ, и вывѣски этихъ школъ попадались мнѣ на каждомъ шагу. Интересно, что толчкомъ къ учрежденію такихъ платныхъ школъ послужилъ успѣхъ вечерней школы воспитательной лиги, о дѣятельности которой мнѣ приходилось писать нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Школы эти, несмотря на плату при множествѣ безплатныхъ школъ, курсовъ, лекцій кругомъ, пользуются огромнымъ успѣхомъ.

XI.

Пресса.

Самой крупной культурной силой въ настоящее время въ гетто является несомнѣнно жаргонная печать. Подобно другому крупному культурному фактору—театру, жаргонная печать, или вѣрнѣе жаргонная литература прошла черезъ сложный эволюціонный процессъ и теперь заручилась увѣреннымъ будущимъ, на многіе годы, пока продолжится потокъ еврейской иммиграціи.

---

[1]) См. мою статью „Экономическое положеніе русскихъ евреевъ въ Нью-Іоркѣ“ въ январьской книжкѣ Восхода 1905 г.

Существуетъ ли гарантія вѣчнаго будущаго, развивается ли жаргонъ въ постоянный факторъ, сохранитъ ли онъ за собой значеніе національнаго еврейскаго языка—все это вопросы, которые обсуждались въ моемъ присутствіи очень горячо, но ихъ мы коснемся особо.

Если не ошибаюсь, то нью-іоркская еврейская пресса не разъ была использована, какъ благодарная тема на страницахъ „Восхода", но такъ какъ эта пресса учрежденіе молодое, растущее и измѣняющееся, то я рѣшаюсь опять остановиться на ней, рискуя повторить сказанное другими.

Въ Нью-Іоркѣ, почти съ самаго начала возникновенія жаргонныхъ органовъ, существовала пресса двухъ рѣзко различныхъ типовъ: пресса идейная и пресса коммерческая. И теперь не трудно провести это разграниченіе, хотя нѣсколько разница и сгладилась. Коммерческіе органы пріобрѣли нѣсколько болѣе приличную внѣшность и литературную обработку, а идейные органы болѣе преуспѣваютъ въ коммерческомъ смыслѣ, и ведутся съ большимъ вниманіемъ къ коммерческой сторонѣ этого дѣла.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, первыхъ лѣтъ моего пребыванія въ Америкѣ—приходилось наблюдать странное явленіе: радикальные еврейскіе кружки преимущественно въ цѣляхъ пропаганды, основывали еврейскіе органы; здѣсь имѣлись: и идеализмъ, и множество интелигентныхъ силъ, и безкорыстіе даже, и готовность жертвовать своимъ трудомъ,—и тѣмъ не менѣе поддерживать какую нибудь еженедѣльную газетку казалось огромнымъ бременемъ. А рядомъ какой-нибудь безграмотный еврей создавалъ безграмотную ежедневную газету, и изловчался зарабатывать на ней большія деньги несмотря на то, что (а можетъ быть и потому что) не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о литературѣ или газетномъ дѣлѣ. И эта коммерческая пресса гораздо раньше идейной перешла отъ еженедѣльной формы къ ежедневной.

Едва ли приходится указывать, что всѣ идейныя, не коммерческія изданія были радикальными органами,—ибо вся идейная жизнь въ гетто (за очень немногими и сравнительно новыми исключеніями) была радикальной окраски.

Впрочемъ я долженъ упомянуть одну газету—„Die Judische Welt", которая была или по крайней мѣрѣ стремилась быть идейной, въ томъ смыслѣ, что она издавалась не съ денежнымъ разсчетомъ, а въ цѣляхъ пропаганды: это былъ опытъ, предпринятый богатыми нѣмецкими и американскими евреями для возвращенія заблуждающихся еврейскихъ радикаловъ на путь истины. Тутъ проповѣдывалась этическая умѣренность, велась борьба съ упадкомъ религіозности и т. д., и т. д.,

Особаго успѣха газета не имѣла и прекратилась, причинивъ организаторамъ крупные убытки, хотя въ литературномъ отношеніи стояла довольно высоко и редактировалъ его одинъ радикалъ и соціалистъ

Въ настоящее время списокъ жаргонныхъ изданій въ Нью-Іоркѣ весьма почтенный; по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи.

Ежедневныя газеты:

1. Vorwärts—соціалистическое направленіе.
2. Der Judicher Herold—либеральное направленіе.
3. Der Judischer Tag blatt—консервативное направленіе.
4. Der Morgenj urnal— „ „
5. Die Ab ndpost— „ „

Еженедѣльныя газеты.

6. Die jüdische Gazette, консервативное направленіе.
7. Volksadvocat—либеральное направленіе.
8. Zeitgeist—соціалистическое направленіе.
9. Freie Arbeiterstimme—анархистское направленіе.

Ежемѣсячное.

10. Zukunft—соціалистическое направленіе.

Видите, какое embarras de richesses, и очевидно существуетъ спросъ на этотъ литературный товаръ, потому что число ихъ растетъ. Такъ „Zeitgeist" основанъ былъ всего два мѣсяца тому назадъ, уже послѣ моего посѣщенія Нью-Іорка „Arbeitstimme" мечтаетъ превратиться въ ежедневную газету, а черезъ недѣлю, т. е. раньше чѣмъ это письмо переправится черезъ океанъ, въ Нью Іоркѣ начнетъ издаваться еще одна ежедневная соціалистическая газета „Die Wahrheit".

Списокъ этотъ однако требуетъ нѣкоторыхъ квалификацій. Ежедневныя газеты „Die Judische Gazette“ и „Volksadvocat“, въ сущности не самостоятельныя изданія, такъ какъ онѣ составляются, по американскому обычаю, преимущественно путемъ перепечатокъ изъ ежедневныхъ, при которыхъ издаются (первая при „Tageblatt“, а вторая при „Herold'ѣ“); эти еженедѣльныя изданія предназначаются преимущественно для провинціальныхъ читателей, не желающихъ читать ежедневной нью-іоркской газеты. Газета „Vorwärts“ также издаетъ еженедѣльное изданіе „Zeitgeist“, но этотъ журналъ лишь формально можетъ быть названъ еженедѣльнымъ изданіемъ „Vorwärts'a“, такъ какъ это вполнѣ самостоятельный журналъ съ самостоятельнымъ содержаніемъ и расходится въ огромномъ количествѣ въ самомъ Нью-Іоркѣ.

Если принять въ соображеніе это обстоятельство, то распредѣленіе направленій оказывается гораздо болѣе благопріятнымъ для радикальныхъ теченій, такъ какъ изъ 9 органовъ, (считая и новый Warheit) четыре соціалистическихъ, одинъ анархистскій, одинъ либеральный, и только три консервативныхъ, при чемъ всѣ три издаются однимъ человѣкомъ, скупившимъ конкуррирующіе органы и продолжающимъ издавать ихъ, чтобы не было повадно новымъ конкуррентамъ. А новые, недавно основанные органы всѣ принадлежатъ къ радикальному толку. Очевидно, что многолѣтняя пропаганда прошла не безслѣдно для еврейской массы. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь сказывается и характеръ новой еврейской иммиграціи, такъ непохожей на иммиграцію 10-и, 20-и лѣтъ тому назадъ.

По сію пору радикальная и соціалистическая пресса продолжаетъ быть общественнымъ дѣломъ, и въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего дурного. „Vorwärts“ и „Zeitgeist“, „Freie Arbeiterstimme“, и „Zukunft“ продолжаютъ издаваться не отдѣльными лицами, а спеціальными организаціями; въ нихъ существуетъ редакторская отвѣтственность передъ организаціей, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта отвѣтственность стала формальной. И радикальная пресса продолжаетъ взывать къ общественной помощи и пользуется ею въ большомъ размѣрѣ. Отъ времени до времени въ ре-

дакціи этихъ радикальныхъ газетъ дѣлаются довольно крупныя пожертвованія рабочими союзами. „Vorwärts“ ежегодно получаетъ доходъ въ нѣсколько тысячъ долларовъ отъ устраиваемаго имъ маскарада-монстра въ самомъ большомъ нью-іоркскомъ залѣ „Madison Square Garden“, величиной съ московскій манежъ, за который приходится уплатить 1000 долл. за одинъ вечеръ. Со стороны, конечно, не совсѣмъ понятно, почему нужна такая общественная помощь, когда рядомъ коммерческія изданія не только существуютъ самостоятельно, но и зарабатываютъ крупныя суммы. „Vorwärts“ напр. заявляетъ, что имѣетъ болѣе крупный тиражъ, чѣмъ любая другая жаргонная газета, а изъ ея 8-и ежедневныхъ страницъ—почти четыре заполнены объявленіями. Но организація, издающая „Vorwärts“ и уже объявившая о предстоящемъ маскарадѣ, настаиваетъ, что она теперь только становится на ноги, уплачивая крупныя суммы за купленное зданіе, за машины и т. д.

Ежедневныя газеты продаются очень дешево—по одному сенту. За 8-и страничную газету это не много, и по американской системѣ главнымъ источникомъ доходовъ служатъ объявленія. По сенту же продается теперь въ Нью-Іоркѣ большинство англійскихъ и нѣмецкихъ ежедневныхъ газетъ. Но болѣе поражаетъ дешевизна новаго еженедѣльнаго органа „Zeitgeist“'а, который продается за 2 сента, или по подпискѣ—1 долларъ съ пересылкой. Это еженедѣльное изданіе огромнаго формата русскаго „Сѣвера“ или „Нови“—въ четыре столбца, и 24 страницы—отъ 15 до 20 статей въ каждомъ номерѣ—и вся эта благодать за 2 сента — менѣе половины цѣны одного трамвайнаго билета! Это несомнѣнно народный журналъ, и этимъ несомнѣнно объясняется его бѣшеный успѣхъ, несмотря на то, что вышло всего 8 — 9 номеровъ.

Здѣсь мы видимъ одинъ изъ результатовъ культурнаго вліянія роста еврейскаго населенія. Еврейская пресса стала на твердую ногу, и это видно уже по оплатѣ еврейскаго литературнаго труда.

Очень немного лѣтъ тому назадъ вознагражденіе жаргоннаго писателя или журналиста было до того мизерно,

что въ эту работу ихъ гналъ или партійный жаръ, или безпросвѣтная нужда. Среди сотрудниковъ идейныхъ, общественныхъ органовъ было больше жару, среди сотрудниковъ коммерческихъ газетъ—больше гнетущей нужды. Посторонніе сотрудники въ первыхъ вынуждены были писать по большей части honoris causa, а профессіональные журналисты и редакторы, выносившіе на своихъ плечахъ газету, вынуждены были писать одновременно обѣими руками и чуть ли не ногами, чтобы заработать какіе-нибудь жалкіе 15 долл. въ недѣлю.

Я никогда не забуду своего перваго визита, сдѣланнаго болѣе 13 лѣтъ тому назадъ, по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ, редактору главной тогда еврейской газеты „Arbeiterzeitung“. Квартира его тогда произвела на меня прямо потрясающее впечатлѣніе. Мое представленіе о редакторѣ совершенно не связывалось съ квартирой, состоявшей изъ кухни, служившей и столовой, и одной комнаты, при чемъ только послѣдняя имѣла окна, а свѣтъ и воздухъ въ кухню проникалъ уже изъ другой комнаты. Но теперь редакторъ газеты уже получаетъ окладъ въ 40—50 долларовъ въ недѣлю. Оплачивается и литературный трудъ недурнымъ построчнымъ гонораромъ, и въ результатѣ жаргонная литература начинаетъ привлекать солидныя постоянныя силы.

Другими словами: зарожденіе жаргонной порядочной прессы было результатомъ активнаго альтруизма и агитаторскаго жара небольшихъ интеллигентныхъ кружковъ; но теперь еврейская масса въ состояніи оплачивать свою литературную пищу и давать профессіональному журналисту сносное человѣческое существованіе. А это необходимое условіе преуспѣянія еврейской и всякой другой прессы.

По приглашенію редактора „Vorwärt“'а, извѣстнаго беллетриста, а также опытнаго журналиста Абрагама Кагана (знакомаго и читателямъ „Восхода“ и русской публикѣ вообще—по многочисленнымъ переводамъ его беллетристическихъ произведеній) я осмотрѣлъ редакцію и типографію этой газеты. Она занимаетъ узкій и высокій, обыкновеннаго нью-іоркскаго типа, пяти-этажный домъ. Въ техническомъ отношеніи здѣсь имѣется все необходимое для изданія боль-

шой газеты. И ротаціонная машина, и „линотипы“ для механическаго набора, и полная стереотипная мастерская. И такъ какъ у меня въ памяти свѣжа была борьба этой газеты за существованіе въ продолженіе многихъ лѣтъ, то я не могъ не поздравить г. Кагана съ замѣтнымъ успѣхомъ его газеты, тиражъ которой по его заявленію доходитъ до 50.000 въ день.

Въ сравненіи съ американской газетой большого города и съ такимъ тиражемъ, редакціонная „Vorwärts“а однако представляла странную картину: кромѣ ножницъ, чернилъ и вороха газетъ не виднѣлось никакихъ редакціонныхъ атрибутовъ. Не было телеграфныхъ проволокъ, не звенѣли поминутно телефоны, не шмыгали взадъ и впередъ репортеры. Двое молодыхъ людей усердно писали за столомъ, поминутно заглядывая въ англійскія газеты, а тутъ же стояли посѣтители и вели принципіальные споры. Сначала казалось удивительнымъ, гдѣ же издается ежедневная газета? Точно такое же впечатлѣніе производятъ всѣ еврейскія газеты, и контрастъ особенно рѣзко выступаетъ при сравненіи съ американской газетой.

Это объясняется особымъ характеромъ еврейской прессы, который однако болѣе соотвѣтствовалъ ея раннему періоду, когда газетамъ приходилось вести борьбу съ матеріальными невзгодами, чѣмъ теперь, когда число читателей каждой газеты доходитъ до десятковъ тысячъ. Всѣ эти газеты вечернія или дневныя, т. е. онѣ не выходятъ утромъ, и ни одна изъ нихъ не получаетъ телеграфныхъ сообщеній; онѣ просто переводятъ и пересказываютъ новости изъ утреннихъ англійскихъ газетъ, разсчитывая, что публика читающая еврейскую газету изъ за новостей, не читаетъ англійской газеты утромъ; тѣ же, кто читая англійскую газету по утрамъ, все же покупаетъ вечеромъ еврейскую газету, для спеціально еврейскихъ новостей, все равно не читаютъ въ ней новостей общихъ.

Этотъ фактическій недостатокъ однако далеко не такъ важенъ, какъ многіе другіе недочеты въ еврейской прессѣ, особенно ежедневной. Но указывая на нихъ, я конечно совершенно не имѣю въ виду отрицать или уменьшать огром-

ное культурное значеніе еврейскихъ, особенно радикальныхъ органовъ печати.

Въ виду предстоящаго огромнаго развитія жаргонной прессы въ Россіи, которая находится теперь въ зародышѣ, любопытно было сравнить напр. „Vorwärts“ съ „Фрайндомъ“ или „Weg'омъ“, номера которыхъ лежатъ передо мной. Но чтобы не раздражать гусей, ни нью-іоркскихъ, ни петербургскихъ, мы воздерживаемся отъ такого сравненія. Укажемъ лишь, что „Vorwärts“ часто помѣщаетъ перепечатки изъ „Фрайнда“, и мы не сомнѣваемся, что въ будущемъ, съ уничтоженіемъ русской цензуры „Фрайндъ“ найдетъ возможнымъ дѣлать перепечатки изъ „Vorwärts“'а.

Въ одномъ, или вѣрнѣе во многихъ отношеніяхъ нью-іоркскія жаргонныя газеты сохраняютъ свои русскія привычки: новостямъ вообще удѣляется гораздо менѣе мѣста, чѣмъ въ американскихъ газетахъ. Какъ я уже сказалъ, изъ 8 страницъ приблизительно четыре удѣлены объявленіямъ. Внутреннія двѣ страницы въ „Vorwärts'ѣ“ удѣляются передовицамъ, перепечаткамъ статей и собственнымъ статьямъ. Здѣсь много матеріала для чтенія, но (за исключеніемъ иногда иностранной корреспонденціи) очень мало новостей. Чуть-ли не страница удѣляется беллетристикѣ—по обычаю, заимствованному у французовъ и совершенно несвойственному американской прессѣ; здѣсь печатаются по мѣсяцамъ длинные романы. Для новостей текущей жизни остается всего первая страница, и при многословномъ слогѣ еврейской печати здѣсь находятъ себѣ мѣсто очень немногіе факты общественной жизни. И этой одной страницы особенно недостаточно въ виду того, что исторически интересы еврейскаго народа особенно широки, почти включаютъ весь земной шаръ. Даже съ болѣе узкой точки зрѣнія еврейская пресса въ Нью-Іоркѣ вынуждена (или вѣрнѣе *должна была бы*) слѣдить за общественной и политической жизнью по крайней мѣрѣ двухъ странъ—старой и новой родины, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Говоря о старой родинѣ нью-іоркскаго еврея—я упоминаю лишь Россію потому что благодаря усиленной иммиграціи изъ Россіи, всѣ остальные евреи растворились въ русско-еврейской массѣ, и какъ бы

стали незамѣтными. Теперь уже можно безъ всякихъ натяжекъ, говоря о еврейской культурной жизни въ Нью-Іоркѣ, почти что игнорировать евреевъ румынскихъ, венгерскихъ и т. д., потому что въ культурной дѣятельности еврейской массы они принимаютъ очень незначительное участіе.

Въ послѣднее время, благодаря тому, что вотъ уже два года Россія является театромъ міровыхъ событій, еврейская пресса, и въ особенности радикальная, удѣляла почти весь отдѣлъ новостей, т. е. первую страницу, извѣстіямъ изъ Россіи. Несомнѣнно, что на свѣжаго иммигранта совершенно незнакомаго и совершенно не интересующагося американской жизнью, это производитъ весьма выгодное впечатлѣніе. Въ первомъ номерѣ покупаемой имъ газеты (и чаще всего это бываетъ „Vorwärts“, если новый иммигрантъ дѣйствительно *новый* человѣкъ) передъ нимъ мелькаютъ все тѣ же Вильны и Бѣлостоки, все тѣ же „сіонисты“ или „бундисты“. Возможно, что преобладаніе сравнительно свѣжихъ иммигрантовъ и поэтому огромный спросъ на этого рода новости и заставляетъ редактора газеты удѣлять имъ столько мѣста. Но возможно и то, что рѣшающимъ моментомъ являются и интересы издающаго газету кружка, все старыхъ иммигрантовъ, сохранившихъ интенсивный интересъ къ „свободной Россіи“. Такой интересъ, конечно, желателенъ и похваленъ, но онъ не долженъ былъ бы отодвигать американскіе интересы на задній планъ.

Ибо если среди интеллигентныхъ кружковъ и остается надежда и стремленіе вернуться въ новую свободную Россію, то трезвый взглядъ на характеръ массовой иммиграціи долженъ привести къ выводу, что массоваго возвращенія въ Россію нельзя ожидать

„Американизація“ поэтому и неизбѣжна, и желательна. Но, конечно, подъ этимъ словомъ можно подразумѣвать много различныхъ процессовъ. Читатели моихъ писемъ, надѣюсь, достаточно хорошо знакомы съ моими взглядами, чтобы предположить, что „мое толкованіе этого слова сходится съ толкованіемъ буржуазныхъ нѣмецко-еврейскихъ снобовъ“. Американизація не должна выразиться въ обезличеніи, въ нивеллировкѣ, въ умѣніи пѣть „yankee Doodle“

и „Star Spangled Banner“ и размахивать американскимъ флагомъ, и вы, пожалуй, правы, если протестуете противъ слова „американизація“.

Но человѣкъ, поселившійся навсегда въ новой странѣ, долженъ стараться ознакомиться и съ исторіей, и съ текущей общественной жизнью этой страны, долженъ стремиться подготовиться къ тому, чтобы самому принять участіе въ этой общественной жизни. Ибо проходитъ какихъ-нибудь 5 лѣтъ, и иммигрантъ получаетъ уже юридическую возможность принимать участіе въ этой общественной жизни при посредствѣ выборовъ. Правда, что „Vorwärts“ принимаетъ участіе въ политической агитаціи, усердно защищая принципы соціализма и соціалистическую партію. Но лишь въ предвыборное время эта дѣятельность расширяется на столько, что включаетъ обсужденіе текущей жизни, да и то въ ограниченномъ размѣрѣ. Въ теченіе же года политическая работа сводится къ защитѣ общихъ принциповъ соціализма, но безъ всякихъ почти точекъ соприкосновенія съ дѣйствительностью.

Русская еврейская интеллигенція дѣйствительно слишкомъ заинтересована кружковыми интересами, и настоящая жизнь огромнаго американскаго народа проходитъ почти что мимо. Ея взоры всецѣло обращены на востокъ, и поэтому, быть можетъ, задача, нами указанная, ей не по силамъ. Консервативныя, коммерческія, жаргонныя газеты дѣлаютъ больше въ этомъ направленіи, но дѣлаютъ это съ такой паскудной тенденціей, что упущеніе, допускаемое радикальнымъ „Vorwärts'омъ“, становится еще серьезное. Ибо нѣкоторыя изъ консервативныхъ газетъ связываютъ еврейскую реакцію и обскурантизмъ съ американскимъ шовинизмомъ, а въ разгарѣ политической агитаціи прямо продаютъ свои редакторскія убѣжденія съ аукціона.

Но за исключеніемъ этого (весьма, конечно, крупнаго) недочета, газета „Vorwärts“ редактируется хорошо и дѣлаетъ хорошее культурное дѣло. Въ десятки тысячъ еврейскихъ семей „Vorwärts“ ежедневно приноситъ цѣлыхъ двѣ или три газетныхъ страницы интереснаго, воспитательнаго матеріала для чтенія. Статьи на этихъ двухъ страницахъ не

ограничиваются соціализмомъ, какъ хотѣли бы нѣкоторые фанатики, темы разнообразны и жизнены; тутъ и немного естественной науки, и очерки общественной жизни въ разныхъ странахъ, литературные и театральные очерки, и часто недурная беллетристика. Просмотрѣвъ десятки номеровъ этой газеты, нельзя не придти къ убѣжденію, что чтеніе этой газеты въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ должно дать простому, необразованному еврею почти что образованіе; но мы возвращаемся къ нашему первому замѣчанію: онъ будетъ такъ же чуждъ американскимъ учрежденіямъ и американской жизни, какъ въ первый день пріѣзда.

Какъ въ общемъ веденіи газеты, такъ въ новостяхъ, въ литературныхъ обозрѣніяхъ, въ беллетристикѣ чувствуется сильное русское вліяніе. Беллетристика, часто переводная съ русскаго, литературныя обозрѣнія часто касаются русскихъ литературныхъ новинокъ, беллетристика оригинальная также обнаруживаетъ вліяніе русскаго реализма.

Очень симпатичное изданіе представляетъ ежемѣсячный журналъ „Zukunft, a Wissenschaftlich-socialistische Monatschrift". Это совсѣмъ не спеціально-соціалистическое изданіе, какъ можно было бы подумать, а обще-политическій и литературный журналъ въ 64 страницы въ два столбца, приблизительно размѣра русскаго „Журналъ для всѣхъ", и какъ этотъ журналъ, очень дешевъ—всего долларъ въ годъ. Журналъ существуетъ уже 4-ый годъ, и хотя тихо, безъ шуму, дѣлаетъ свое полезное дѣло. Кружокъ читателей „Zukunft'a" несомнѣнно болѣе ограниченный и болѣе культурный. Это уже видно изъ содержанія журнала, напр. за май мѣсяцъ текущаго года. Книжка содержала слѣдующія статьи: 1) Пролетарскій праздникъ. 2) Д. И. Писаревъ. 3) Россія прежде и теперь. 4) Философія до Маркса. 5) Кооперативное движеніе. 6) Евреи, пьеса Чирикова, обзоръ. 7) Еврейская миѳологія. 8) Еврейскія пѣсни. Затѣмъ два беллетристическихъ очерка,—одинъ переводный съ русскаго, другой оригинальный,—и редакціонныя замѣтки.

Самымъ крупнымъ жаргоннымъ литературнымъ предпріятіемъ является однако недавно основанный „Zeitgeist"—еженедѣльная газета, издаваемая тою же ассоціаціей, которая вы-

пускаетъ „Vorwärts“. Редакція послѣдней газеты долгое время анонсировала предстоящее основаніе журнала, и пускала въ ходъ нѣсколько рискованные, съ точки зрѣнія литературной этики, методы. Былъ организованъ конкурсъ съ преміей въ 25 долларовъ за лучшее названіе новаго журнала, появленіе перваго номера сопровождалось барабаннымъ боемъ и шумнымъ массовымъ собраніемъ и періодически въ „Vorwärts'ѣ“ появляются огромныя статьи, расхваливающія появляющіеся выпуски журнала. Если отъ этого нѣсколько коробитъ, то мы должны помнить, что это происходитъ въ Америкѣ, гдѣ самохвальство признается вполнѣ законнымъ и вполнѣ этическимъ методомъ расширенія своего business'а и, несмотря на эту громкую рекламу, фактъ остается фактомъ, что „Zeitgeist“ не только не преминулъ исполнить сдѣланныя обѣщанія, но напротивъ значительно превзошелъ всѣ ожиданія. На его огромныхъ двадцати-четырехъ страницахъ помѣщается огромное количество матеріала для чтенія. Каждый номеръ, продающійся за два сента, содержитъ въ сущности болѣе статей, чѣмъ ежемѣсячный номеръ „Zukunft“'а; расходится „Zeitgeist“ въ огромномъ числѣ экземпляровъ.

Для характеристики содержанія этого журнала всего лучше будетъ привести оглавленіе одного изъ послѣднихъ номеровъ.

1) Передовицы. 2) Очерки предпраздничнаго періода,— Морриса Розенфельда. 3) Кафе-шантаны еврейскаго квартала—Аб. Кагана. 4) „Побѣда“—разсказъ, переводъ съ англійскаго, и критическій разборъ разсказа. 5) „Зеленый сторожъ“ разсказъ З.Либина. 6) „Посреди дороги“ разсказъ. 7) Возстаніе арабовъ. 8) Падшая, стихотвореніе Морриса Розенфельда. 9) Американская конституція, статья И. Гурвича. 10) Утилизація Ніагарскихъ водопадовъ. 11) Разсказъ. 12) Пищевареніе—статья доктора Сливака. 13) Стихотвореніе. 14) Всеобщая стачка и нѣмецкая соціалъ-демократія. 15) Капиталъ Карла Маркса, переводъ Аб. Кагана. 16) Мелкія замѣтки.

Какъ видите, содержаніе и богатое, и разнообразное. „Zeitgeist“ даже въ смыслѣ содержанія можетъ быть сравненъ съ лучшими американскими еженедѣльными изданіями. Но если взять только демократически-радикальные органы, раз-

считанные спеціально на читателя-рабочаго, то во всей Америкѣ ни на одномъ языкѣ не найдется такого содержательнаго журнала, какъ „Zeitgeist“.

Когда-то, въ ранній періодъ массовой еврейской иммиграціи, находились еще люди, сомнѣвавшіеся въ необходимости еврейской прессы и даже отрицавшіе ея пользу, такъ какъ она де отвлечетъ иммигранта отъ попытки изучить англійскій языкъ. При массовой иммиграціи въ 100.000 и болѣе евреевъ въ годъ едва ли можетъ быть рѣчь объ этомъ аргументѣ; ибо пріобрѣтеніе новаго языка—процессъ, требующій многихъ лѣтъ, а масса требуетъ культуры и просвѣщенія. Народился читатель—сотни тысячъ читателей, которые только на жаргонѣ могутъ пріобщиться къ современной жизни. За то успѣхъ еврейской прессы вызвалъ и энтузіазмъ другихъ, которые увѣрены, что еврейскій языкъ совершенно изгонитъ англійскій и сдѣлается національнымъ языкомъ еврейскаго народа въ Соединенныхъ Штатахъ. Объ этомъ я болѣе подробно поговорю въ другомъ очеркѣ; здѣсь только отмѣчу, что защищая эту нѣсколько странную теорію, ея адепты совершенно игнорируютъ тотъ фактъ, что именно постояннымъ потокомъ иммиграціи объясняется разцвѣтъ еврейской прессы. Спросъ вызвалъ предложеніе.

И предложеніе конечно растетъ. Еврейская пресса вызвала къ жизни и цѣлый рядъ еврейскихъ публицистовъ, беллетристовъ, поэтовъ и т. д., и т. д. Несомнѣнно, что теперь существуетъ уже порядочная жаргонная литература, хотя можетъ быть она и не такъ богата, какъ старается увѣрить очень краснорѣчивый еврейскій націоналистъ, агитаторъ и журналистъ Жирловскій, который пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ съ цѣлью агитаціи. Взять хотя бы напр. тотъ же „Zeitgeist“, богатое содержаніе котораго мы только что привели. Въ каждомъ изъ его номеровъ вы встрѣчаете обязательно тѣ же 10—15 именъ; и тѣ же имена вы встрѣчаете и въ „Vorwärts'ѣ“ и въ „Zukunft'ѣ“. Очень многихъ писателей богатая жаргонная литература пока еще не создала. За то она уже успѣла совратить нѣсколькихъ людей изъ англійской и русской литературы. Такъ напр. Абрагамъ Каганъ, который очень сочувственно встрѣченъ былъ въ американ-

ской литературѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Изъ русскихъ журналистовъ укажу г. И. Гурвича, автора „Экономическаго положенія русской деревни"—и многихъ журнальныхъ статей въ русскихъ журналахъ объ американской жизни и столькихъ же въ американскихъ журналахъ о русской жизни, который теперь пишетъ преимущественно для жаргонныхъ изданій и чрезвычайно популяренъ. Если хотите, изъ этого можно сдѣлать заключеніе, что еврейская масса съумѣла отвоевать себѣ культурныя силы, которыя должны были бы принадлежать ей съ начала.

Еще интереснѣе, однако, появленіе спеціально жаргонныхъ писателей, которые ни на какомъ другомъ языкѣ не пишутъ. Эти писатели уже несомнѣнно создаютъ еврейскую литературу.

Эта литература конечно не состоитъ изъ публицистическихъ статей или политической полемики, потому что для этихъ статей не обязательно ни литературное дарованіе, ни даже знаніе еврейскаго жаргона. И въ этихъ публицистическихъ статьяхъ, даже иногда въ передовицахъ „Vorwärts'a" языкъ такой, что является сильнымъ аргументомъ противъ литературности жаргона. Здѣсь такая ужасная смѣсь жаргона съ древне-еврейскимъ, русскимъ, англійскимъ и высокопарнымъ нѣмецкимъ (послѣдняя примѣсь особенно трудно переваривается и вызываетъ тошноту), что языкъ этотъ, или вѣрнѣе это смѣшеніе языковъ, едва понятно свѣжему иммигранту, говорящему звучнымъ и вкуснымъ литовскимъ жаргономъ.

Но не то въ беллетристикѣ или по крайней мѣрѣ въ беллетристическихъ произведеніяхъ нѣкоторыхъ писателей. Поэтъ Моррисъ Розенфельдъ слишкомъ хорошо знакомъ всему еврейскому міру, чтобы о немъ нужно было бы писать. Изъ беллетристовъ выдѣляются Либинъ, Лѣсинъ, Кудринъ и другіе. Но намъ лично кажется, что Либинъ представляетъ совсѣмъ исключительное по величинѣ явленіе въ литературѣ.

Либинъ пишетъ очень много. Рѣдкій номеръ „Zeitgeist'a" выходитъ безъ его разсказа, а въ „Vorwärts'ѣ" его вещицы появляются два-три раза въ недѣлю. Пишетъ онъ очевидно

очень скоро, быстро реагируя на вопросы текущей дѣйствительности и поэтому его разсказы иногда близко подходятъ къ публицистическому очерку въ лицахъ. Но рѣдкій разсказъ его лишенъ глубокой жизненной правды, а многіе производятъ патетическое впечатлѣніе, несмотря на искренній юморъ. Либинъ пишетъ разсказы исключительно изъ жизни нью-іоркскаго гетто, которую онъ знаетъ отлично. Темы его чрезвычайно просты и незамысловаты, потому что разсказы его рѣдко занимаютъ болѣе двухъ газетныхъ столбцовъ. Обыкновенно темы эти взяты изъ жизни рабочаго или вообще мелкаго люда. Очень рѣдко касается онъ еврейской буржуазіи. Поэтому онъ такъ близокъ и понятенъ читателямъ „Vorwärts'a“ и „Zeitgeits“'a. Выборомъ сюжетовъ онъ значительно отличается отъ Чехова въ раннемъ періодѣ его творчества, но очень напоминаетъ этого молодого Чехова своимъ реализмомъ и юморомъ. Но въ то же время разсказы Либина во многихъ сочиненіяхъ превосходятъ разсказы Чехова той скорбью, которая стала проявляться въ разсказахъ безсмертнаго Антона Павловича гораздо позже. Либину несомнѣнно предстоитъ великое будущее, и если онъ даже будетъ продолжать писать только на жаргонѣ, то переводчики не преминутъ ранѣе или позже познакомить и болѣе широкіе круги читателей съ его произведеніями.

И. Рубиновъ.

Сіонизмъ и наука *).

(Переводъ съ рукописи).

Отношенія между жизнью и наукой гораздо тѣснѣе, чѣмъ они кажутся непосвященнымъ. *Современная* жизнь при ея многообразіи, глубинѣ и свѣжести совершенно немыслима безъ науки. Наука не стоитъ въ сторонѣ отъ жизни, не есть роскошь для немногихъ, но оплодотворяетъ жизнь, вліяетъ на нее ежечасно и получаетъ въ свою очередь импульсы отъ жизни, являясь, по преимуществу, наблюденіемъ и описаніемъ природы и явленій ея. Въ этомъ заключается преемственность между жизнью и знаніемъ.

Всякое движеніе начинаетъ съ призыва къ чувствамъ и опирается прежде всего на настроеніе. Оно имѣетъ свои глубочайшіе корни не въ интеллектѣ, но въ сердцѣ, въ волѣ. Воля вообще, какъ это сознавалъ уже Шопенгауэръ, всегда первенствуетъ, а за ней идетъ интеллектъ. Самой природой намѣченъ путь каждому движенію: *отъ великаго къ малому, отъ безграничнаго къ строго ограниченному, отъ туманнаго къ ясному.* Нужда—это мать не только всѣхъ открытій, но также всѣхъ движеній; наука же является воспитательницей и проводникомъ. Рождаясь изъ великой соціальной, нравственной или духовной потребности, каждое движеніе стремится къ освобожденію человѣчества или его части. Оно желаетъ вначалѣ быть своего рода религіей и носитъ универсальный характеръ. Только позднѣе оно дифференцируется, складываетъ крылья, чтобы надѣть на себя болѣе узкое одѣяніе.

Это начало имѣетъ собственно лишь культурно-историческое и психологическое значеніе, такъ какъ *живымъ дви-*

*) „Die Stimme der Wahrheit", ежегодникъ для научнаго сіонизма. 1-ый годъ изданія. При участіи авторитетовъ всѣхъ спеціальностей, изданіе Лазаря Шена. Вюрцбургъ, 1905 г. Цѣна 6 марокъ.

женіемъ служитъ то, которое позволяетъ воплотить себя въ конкретныя дѣйствія. Слова Шиллера „мысль сама создаетъ себѣ форму“ справедливы только относительно. Нѣтъ, не всякая мысль находитъ себѣ жизненную форму; трагедія многихъ великихъ мыслей состоитъ въ томъ, что онѣ не могутъ вмѣститься въ узкой формѣ дѣйствительности и вслѣдствіе этого или имѣютъ лишь незначительное вліяніе или втеченіе столѣтій носятся въ воздухѣ, какъ абстракція. Даже тѣ идеи, которыя поддаются реализаціи, теряютъ значительную долю своей прежней романтики при воплощеніи въ жизнь, и прежній блескъ ихъ тускнѣетъ.

Міръ не управляется идеологіей, но строгими законами, которые не являются ни лирическими, ни сантиментальными, но, скорѣй, наоборотъ, кажутся даже грубыми. Какъ эмбріонъ все больше дифференцируется и развивается въ живое, опредѣленное существо, то же происходитъ со всякимъ дѣломъ, каждой идеей и каждымъ движеніемъ. Оно постепенно все больше проясняется изъ тумана, становится меньше, но за то опредѣленнѣй, и если во время этого процесса развитія оно пріобрѣтаетъ больше трезвости и сухости, то выигрываетъ въ практическомъ отношеніи, кристаллизируется для жизни. Земля всегда прозаичнѣе неба, но... зато и прочнѣе.

Осуществленіе великой идеи немыслимо безъ науки, т. е. *безъ нормированія законовъ силъ и безъ установленія границъ возможности.* Поэтому наука является единственнымъ критеріемъ того, насколько жизненно движеніе. Движеніе, которое не развивается въ научномъ отношеніи, въ широкомъ смыслѣ этого слова, исчезаетъ или обречено на самую жалкую участь. Благо движенію, объединяющему вокругъ себя людей, которые сильной рукой, ясными взорами ведутъ его на буксирѣ черезъ подводные камни противорѣчій и туманъ фантазіи и приводятъ его къ ясности, наукѣ и жизни! Но горе движенію, которое идетъ по ровному, открытому мѣсту и ограничивается однимъ только чувствомъ! Источникъ чувствъ скоро будетъ исчерпанъ, а тамъ остается пустыня, не орошаемая ни однимъ ключемъ.

Сіонизмъ, несомнѣнно, достойное вниманія движеніе, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія широты, но не глубины. Въ первые годы своего новообразованія, онъ сильно повліялъ на настроеніе, но когда чувства притупились, дви-

женіе превратилось въ одну лишь агитацію, въ пустые лозунги (Schlagworte).

Началомъ всякой науки является критика. Критическое отношеніе должно проявиться въ самомъ движеніи. Сіонизмъ же въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ едва сдѣлалъ попытку къ самокритикѣ. Распространялись догмы, которыя не были серьезно изслѣдованы, говорились слова, которыя съ трудомъ можно было понять. Это должно было погубить движеніе. Оно, долженствовавшее представлять еврейскую національность и еврейскую народную психологію, сдѣлалось *политической партіей по западно-европейскому образцу*. Присмотрѣлись къ другимъ народамъ, какъ они дѣлаютъ это, и во всемъ строго подражали, не задумываясь надъ тѣмъ, что наше положеніе другое, наша цѣль иная и—что самое главное—наша внутренняя жизнь другая. Сіонизмъ уже нѣсколько лѣтъ пересталъ быть міровоззрѣніемъ, и его естественный процессъ развитія былъ прерванъ. Поэтому и наука осталась въ сторонѣ отъ него, а мѣсто ея занялъ шаблонъ.

Характерно, что за цѣлыхъ восемь лѣтъ конгресснаго сіонизма не было написано ни одной глубокой сіонистской книги. И сейчасъ еще книги Моисея Гесса, Леона Пинскера и Натана Бирнбаума, которыя появились задолго до перваго конгресса, являются лучшими сіонистскими произведеніями для тѣхъ, кто ищетъ мысли. Слѣдуетъ призадуматься надъ этимъ! Евреи, — народъ высокоинтеллигентный, съ темпераментомъ, народъ, создавшій новыя идеи и новые пути во всѣхъ областяхъ знанія, не могъ создать ни одной выдающейся книги за восемь лѣтъ своего величественнаго духовнаго возрожденія и стремленій къ своей старой родинѣ! Сіонисты удовольствовались безсодержательными летучими листками, красиво подобранными программами и остроумными брошюрами... въ ожиданіи освобожденія, которое придетъ извнѣ.

Но не сознавалась ли въ сіонистскихъ рядахъ потребность въ самоуглубленіи? Конечно, въ началѣ проявлялось горячее стремленіе къ этой цѣли. Кто видѣлъ на первомъ и на второмъ конгрессахъ увлекающуюся, готовую къ самопожертвованіямъ, академическую молодежь съ ея пылающими взорами и нервною жаждою работы, тотъ знаетъ, какъ много можно было сдѣлать изъ этого великолѣпнаго матеріала.

Но тамъ старались подавить насильно эту потребность, убивали тоску по идеямъ, ибо провозглашали какъ панацею отъ всѣхъ золъ лозунги *политики и дипломатіи*. Здѣсь пренебрегали наукой, такъ какъ она всегда начинается съ самокритики. Поэтому сіонизмъ не шелъ впередъ, а повернулъ вспять: *отъ глубины къ ширинѣ, отъ ясности къ туману, отъ міровоззрѣнія къ партійному шаблону.*

И въ людяхъ не было недостатка для того, чтобы положить основу сіонистской наукѣ. Достаточно познакомиться только съ *Ахадъ-Гаамомъ* и *Матіасомъ Ахеромъ*, съ ихъ оригинальностью и глубиной, чтобы понять, чѣмъ они могли быть для сіонизма. И среди юныхъ талантовъ было много такихъ, которыхъ можно было воспитать въ качествѣ вождей, въ высшемъ духовномъ смыслѣ. Но къ нимъ отнеслись съ пренебреженіемъ, оттолкнули ихъ. Да и вовсе не желали мыслей; одного лишь шума и наркоза, забывая, что всякій наркозъ ослабляетъ организмъ, что за всякимъ опьяненіемъ слѣдуетъ отрезвленіе и „Katzenjammer". Такъ были потеряны лучшія силы, стерты слѣды науки. Сіонисты продолжали вращаться въ кругѣ, жить одурманенные, пока не исчезнетъ красивый щитъ, покрывавшій всѣ заблужденія и разъединенность, всю пустоту и непослѣдовательность, пока не умеръ великій мастеръ изящества и формы—Теодоръ Герцль.

Теперь во многихъ сердцахъ пробуждается стремленіе къ научному углубленію, но, я боюсь,—слишкомъ поздно. Теперь видятъ, что вышло изъ насильнаго перерыва процесса развитія и искусственнаго укрывательства всѣхъ разсѣлинъ и рифовъ. Теперь раскрылись раны, и обнаружилась печальная картина. Слишкомъ поздно, говорю я, такъ какъ лучшіе мыслители или совершенно удалились отъ сіонизма, или стоятъ въ движеніи только одной ногой. Юношество стало трезвѣе, и многимъ сіонистамъ не хватаетъ вѣры, это—самое худшее. Я знаю многихъ знаменитыхъ сіонистовъ, которые только потому остаются въ движеніи, что имъ не хватаетъ смѣлости быть послѣдовательными. Они одурманиваютъ сами себя еврейско-національнымъ опіумомъ „tommer efscher doch".

Предо мной лежитъ красиво изданная толстая книга озаглавленная „Голосъ правды". Немного „старо-франкское" заглавіе звучитъ не совсѣмъ точно. Но меня интересуетъ больше подзаголовокъ „Ежегодникъ научнаго сіонизма". И

что же? Книга эта имѣетъ, кажется, своею цѣлью доказать, что путь къ наукѣ для теперешняго сіонизма можетъ идти только черезъ развалины партіи и нынѣшнихъ методовъ. Перелистатывая ее, выносишь впечатлѣніе, что книгѣ недостаетъ единства, увѣренности, гармоніи. Я не думаю, конечно, что всѣ статьи въ сборникѣ должны имѣть лишь *одно* направленіе, но горизонтъ, по крайней мѣрѣ, долженъ быть единый. И этого здѣсь нѣтъ. Книга представляетъ собою какую-то возню безъ цѣли, одинъ авторъ не понимаетъ другого, одна страница разрушаетъ слѣдующую. При этомъ въ нихъ нѣтъ, конечно, никакихъ революціонныхъ идей, скорѣй можно пожаловаться на чрезмѣрное обиліе тривіальностей.

Нѣтъ, такою я себѣ все-таки не представлялъ книгу сіонистской науки. Большинство здѣсь опубликованныхъ работъ не является научнымъ, даже въ субъективномъ смыслѣ, и не даетъ пригоднаго матеріала для дальнѣйшаго развитія науки. Книга обильна не идеями, а именами; это затемняетъ больше, чѣмъ разъясняетъ. Да, имена, поиски звучныхъ знаменитыхъ именъ—это вѣчная ошибка. Спрашиваютъ не о томъ, *что* кто нибудь сказалъ, но о томъ, *кто* сказалъ это. Я, право, не зналъ, что могли дать сіонизму научнаго, въ самомъ скромномъ смыслѣ, двѣ трети всѣхъ сотрудниковъ этой книги.

Издатель, собственно говоря, долженъ сказать въ предисловіи, чего онъ желаетъ, къ чему стремится. Такимъ предисловіемъ является „Minhag Asskenas“. Отъ этого стараго придатка нельзя отдѣлаться. Мнѣ очень нравится, когда новая газета, новый журналъ или сборникъ начинаются словами „чего мы желаемъ?“ Насъ интересуетъ, милые господа, не то, чего вы *желаете*, но то, что вы *можете*. Для вашихъ позднѣйшихъ біографовъ будетъ весьма цѣннымъ въ психологическомъ отношеніи познать вашу волю, мы же, обыкновенные смертные, хотимъ видѣть ваши мысли, *исполненіе* вашихъ желаній, а для этого совершенно излишне введеніе. Издатель большого мнѣнія о своей книгѣ,—это понятно, но менѣе понятно то, что онъ заявляетъ объ этомъ urbi et orbi. Онъ пишетъ о своей книгѣ слѣдующее:

„Она будетъ центральнымъ органомъ для научнаго, исчерпывающаго изученія и всесторонняго освѣщенія сіонизма“.

Согласимся, что издатель, дѣйствительно, желаетъ этого,

но отъ желанія до исполненія—большая дистанція. И такъ какъ я не хочу себѣ приписать аттрибутовъ Господа Бога, то да будетъ мнѣ позволено дать отзывъ о книгѣ по ея *исполненію*, а не по *замыслу*.

Издатель поставилъ себѣ еще болѣе высокія задачи. Онъ хочетъ добиться объединенія сіонизма со всѣмъ еврействомъ. Какая высокая миссія! Еслибъ она удалась ему хотя бы частью, онъ сдѣлалъ бы болѣе великое, чѣмъ то, о чемъ мечталъ когда-либо еврей. Но этимъ не исчерпываются его задачи. Онъ стремится къ прогрессу внутри сіонизма. Такимъ образомъ, новоявленная трибуна желаетъ быть *всесторонней сіонистской наукой, единымъ еврействомъ, желаетъ создать новую великую эпоху для сіонизма.*

„Кто ставитъ себѣ высокія цѣли, тотъ добьется, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь"—такъ говоритъ идеалистъ.

„Кто стремится къ слишкомъ многому, тотъ ничего не добьется"—говоритъ трезвый практикъ.

Посмотримъ, кто изъ двухъ здѣсь правъ.

Издатель рекламируетъ также—прошу извиненія за рѣзкость—своихъ уважаемыхъ сотрудниковъ.

Онъ говоритъ о вѣнцѣ сіонизма изъ цвѣтовъ всѣхъ направленій, о выдающихся личностяхъ, объ избранномъ сотрудничествѣ изъ истинно-призванныхъ писателей. Тутъ слишкомъ много эпитетовъ для одного раза. Немного больше сдержанности было бы и пріятнѣе, и... умнѣе.

I.

Первая часть книги озаглавлена „Къ программѣ сіонизма". Подъ этимъ можно понимать двоякаго рода вещи: или углубленіе національно-еврейскаго міровоззрѣнія, которое находится въ основѣ программы, или новые пути и новыя цѣли для достиженія сіонистическаго идеала. Однако въ обоихъ направленіяхъ здѣсь больше количественнаго, чѣмъ качественнаго предложенія.

Рядъ статей этого отдѣла открываетъ д-ръ *Альфредъ Носсигъ*. Господинъ Носсигъ—многосторонній писатель, на иные вкусы слишкомъ многосторонній. Онъ можетъ въ одно и то же время написать книгу по соціальной экономіи, драму, три сіонистскихъ брошюры и десять газетныхъ статей. Нѣтъ той темы, на которую онъ не могъ бы написать книгу. На сей разъ его статья „всего только" въ 39 страницъ. На этомъ почти безграничномъ просторѣ можно найти много здоро-

ваго и вѣрнаго, но напрасно стали бы мы искать здѣсь большой плодотворной мысли, новой точки зрѣнія. Непріятно дѣйствуютъ уже во вступленіи чрезмѣрныя хвалы Теодору Герцлю. Извѣстно, что въ дѣйствительности Носсигъ думаетъ иначе, и это производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Долгъ приличія требуетъ, конечно, мягкой и умѣренной критики по отношенію къ покойнику, но не похвалъ цѣною убѣжденія. Господинъ Носсигъ указываетъ на необходимость критики въ сіонизмѣ. Это, несомнѣнно, справедливо, и ему не оставалось бы ничего дѣлать въ этомъ направленіи только тогда, если бы онъ былъ первый и единственный, кто повѣдалъ эту вѣрную, само собою понятную мысль. Не слѣдуетъ честолюбиво думать объ открытіи пороха, когда уже до появленія на свѣтъ „изобрѣтателя“ много стрѣляли. Въ дѣйствительности, уже на второмъ конгрессѣ (1898 г.) громко раздавался голосъ критики. Это можно видѣть изъ протокола. Мало того, эти голоса встрѣчали даже большое сочувствіе. Но въ сіонизмѣ царитъ старинное основаніе „עבורה לחור תורה לחור“. Теорія и практика были здѣсь всегда совершенно различными мірами. Во время конгресса дѣлались уступки демократическому направленію, послѣ же конгресса дѣйствовали въ Вѣнѣ по старымъ образцамъ, и тамъ задавалъ тонъ *не голосъ народа*, а воля *одного* человѣка.

Носсигъ правъ, конечно, когда говоритъ слѣдующее:

„Оффиціальная программа партіи или скорѣе оффиціальное толкованіе самой по себѣ вполнѣ раціональной программы исключало всякую позитивную, исторически возможную работу: изученіе и воспитаніе народа, изслѣдованіе страны, подготовка убѣжища („Heimstätte“) черезъ покупку земли и систематическая колонизація, все это было объявлено безцѣльнымъ или даже вреднымъ; всякая иниціатива или работа въ этомъ направленіи были парализованы. Результатомъ этого было полное безплодіе движенія въ практическомъ отношеніи. Дѣло его состояло только въ томъ, чтобы извлекать одну химеру за другой, и затѣмъ, когда онѣ поднимали настроеніе до высшей точки, давать имъ исчезнуть въ пустомъ пространствѣ“.

Послѣ того какъ пала вѣра въ чартеръ, явилось убѣжденіе въ необходимости взяться послѣ *великихъ словъ за малыя дѣла*. Немного наивно то, что г. Носсигъ вслѣдъ за „правовѣрными“ считаетъ англійское восточно-африканское предло-

женіе великимъ политическимъ успѣхомъ дипломатическаго сіонизма. Кто знакомъ съ условіями, тотъ знаетъ, какъ охотно заселило бы англійское правительство за какую-угодно цѣну восточно-африканскую область, поглощающую массу денегъ и ничего не приносящую. Оно охотно предоставило бы эту страну *всякому* обществу для культивированія. Предоставленіе же автономіи не можетъ считаться какимъ-либо побѣднымъ результатомъ, ибо Англія преслѣдуетъ въ своихъ колоніяхъ торгово-политическіе интересы и хорошо знаетъ, что еврейская автономія можетъ лишь облегчить тяжесть и никогда не повредитъ.

Критика территоріализма не очень-то основательна. Невѣрно, что его существованіе слѣдуетъ поставить на счетъ ложной партійной политики, или то, что сіонизмъ, какъ говорилъ Носсигъ, былъ сведенъ къ простому вопросу желудка. Территоріализмъ возникъ вслѣдствіе потребностей времени и вслѣдствіе непрерывавшагося энергичнаго натиска еврейскаго юношества. Въ теченіе ряда лѣтъ превозглашалось съ трибуны конгресса, что можно добиться „освобожденія". Территоріалисты требуютъ поэтому справедливо: „Покажите намъ это освобожденіе, ибо намъ нуженъ хлѣбъ для нашихъ бѣдняковъ и почва для нашихъ національныхъ идеаловъ; нашъ пролетаріатъ умираетъ съ голоду, и его энергія засыпаетъ". Строго говоря, Палестина—это сіонизмъ еврейской буржуазіи, въ то время какъ территоріализмъ—сіонизмъ еврейскаго пролетаріата. Естественно, что модная еврейская „государственность" (*Judenstaatlerei*) укрѣпила этотъ территоріализмъ". Ибо, если можно „создать" искусственно государство въ пять лѣтъ, то почему же не сейчасъ? И если не въ сложной Палестинѣ, то почему же не въ болѣе простой Угандѣ? Такія комбинаціи строили молодые территоріалисты. Извращеніе органической силы развитія и забвеніе естественной работы всегда мстятъ за себя.

Носсигъ желаетъ измѣненій системы внутри нынѣшней программы. Онъ забываетъ только, что легче создать фетишъ, чѣмъ избавиться отъ него. Фетишъ „политико-дипломатическій сіонизмъ" не легко теперь устранить. *Истинная критика средствъ должна послѣдовательно привести къ отрицанію политическаго сіонизма.* Я не думаю, что настало уже время, когда можно заявить объ этихъ соблазнительныхъ мысляхъ.

И все-таки критическая часть у Носсига является болѣе

интересной и основательной, чѣмъ другія. Критиковать, правда, здѣсь не трудно, ибо эту работу облегчили критикамъ вожди въ Вѣнѣ. Менѣе счастливъ авторъ въ своей позитивной части. Здѣсь, во-истину, хорошее не ново, а новое не хорошо.

Носсигъ рекомендуетъ слѣдующія средства: 1) Открытіе большой современной сіонистской газеты на нѣмецкомъ языкѣ. 2) Организацію выставокъ для продуктовъ колонизаціи, еврейскаго искусства, еврейской соціальной жизни, еврейской старины и этнографіи. 3) Пріобщеніе ортодоксіи къ сіонизму.

Я полагаю, что всѣ три средства выбраны неудачно. Для кого будетъ предназначена большая газета? Кто будетъ читать ее? Небольшая кучка, понимающая по-нѣмецки? Чѣмъ будетъ заполняться содержаніе газеты? Такая газета поглотитъ огромныя суммы денегъ, не принеся существенной пользы. Идея выставки также неосуществима. Или это дѣло должно быть выполнено основательно, тогда оно будетъ стоить милліоны, или оно будетъ пустой демонстраціей, а для этого еврейскій народъ находится сейчасъ въ слишкомъ серьезномъ положеніи. Изъ этой дилеммы нельзя выйти. И даже пріобрѣтеніе ортодоксіи? Да за какую цѣну? Быть можетъ, за умерщвленіе всякаго свободнаго движенія?

Носсигъ справедливо утверждаетъ, что Базельская программа смѣшиваетъ средства и цѣль. „Убѣжище можетъ быть только средствомъ, цѣлью является возрожденіе еврейства, возрожденіе еврейскаго народа и еврейской науки". Та же мысль часто уже повторялась Ахадъ-Гаамомъ, Матіасомъ Ахеромъ и Давидомъ Тричемъ.

Ново въ ней только прибавленіе „и еврейской науки". Но это не вѣрно въ основѣ. Еврейская наука никогда не можетъ быть самоцѣлью,—она, какъ и всякое другое ученіе служитъ средствомъ для стремленій къ нравственному, физическому и соціальному благоденствію Израиля. Даже если смотрѣть на понятіе „еврейская наука" съ высшей точки зрѣнія, въ духѣ Ахадъ-Гаама, то и тогда эта наука не можетъ быть самоцѣлью. *Наука существуетъ для народа, а не народъ для науки.* Наука должна приспособляться къ характеру и развитію народа, а не наоборотъ.

Я слишкомъ долго остановился на этой работѣ не потому, что она очень глубока, но потому, что она самая боль-

шая и затрагиваетъ почти всѣ сіонистскіе вопросы настоящаго и будущаго. Если она доказываетъ что-нибудь ясно, такъ лишь одно: *политическій сіонизмъ—химера.*

Само собой понятно, что г. д-ръ Максъ Нордау выступаетъ въ сборникѣ со статьей. Само собой понятно не съ точки зрѣнія разума, но современной тактики. Пора ужъ дѣйствительно перестать, наконецъ, постоянно привлекать Макса Нордау ко всѣмъ газетамъ и сборникамъ. Этимъ не приносятъ пользы ни ему, ни сборникамъ. На этотъ разъ его статья такъ поверхностна и неопредѣленна, что трудно понять, какъ Нордау подписалъ подъ ней свое имя. То, что онъ говоритъ въ этой статьѣ, онъ говорилъ уже много разъ и, надо сознаться, гораздо содержательнѣе и интереснѣе по формѣ. Работа озаглавлена „Задачи сіонизма". Основная мысль слѣдующая:

„Сіонизмъ имѣетъ двѣ задачи, лежащія въ противоположныхъ направленіяхъ. Онъ долженъ завоевать еврейскому народу Палестину и приготовить еврейскій народъ для Палестины".

Смыслъ статьи: Палестина на лицо, недостаетъ лишь еврейскаго народа, онъ еще не сіонистиченъ. Евреи еще не приготовлены? Это можетъ быть. Но какъ же хотятъ ихъ приготовить въ качествѣ палестинскихъ гражданъ въ Россіи и Румыніи? Профессіональныя школы не воспитываютъ гражданъ. Нордау отвѣчаетъ:

„Каждый еврей долженъ научиться двумъ вещамъ: считать дѣла всего еврейскаго народа своими личными и безпрекословно слушаться вождей, которыхъ онъ самъ ставитъ надъ собой. Итакъ, самое живое участіе въ дѣлахъ народа и дисциплина. Вотъ средства, которыя могутъ изъ ничтожества снова создать народъ.

Развѣ это не фраза? Нордау рекомендуетъ еще: основывать сіонистическіе кружки, платить шекель, подчиняться дисциплинѣ и вѣрить, что вожди съ Божьей помощью сдѣлаютъ все хорошо. По Нордау выходитъ, дѣйствительно, что еврей начинается шекелемъ и кончается дисциплиной.

Нордау пишетъ дословно:

„Въ сіонистскомъ кружкѣ еврей воспитывается, чтобы стать снова полноправнымъ гражданиномъ своего народа, чтобы заботиться о чемъ-либо другомъ, помимо насущнаго хлѣба, чтобы бесѣдовать и голосовать о своихъ народныхъ

дѣлахъ, выражать свою волю и подчиняться рѣшеніямъ большинства. Если онъ научился всему этому, тогда онъ созрѣлъ для народныхъ задачъ и долженъ тогда серьезно подумать о возвращеніи въ Палестину".

Не вѣрится, право, что это написалъ Нордау. Для такой премудрости достаточно было бы нѣмецкихъ агитаторовъ пятаго ранга.

Статьей, вызывающей энергичный протестъ всѣхъ свободомыслящихъ національныхъ евреевъ, является статья *Іерка-Штейнера* „Политическій сіонизмъ". То, что онъ превозноситъ д-ра Герцля, это его доброе право. То, что онъ все еще прославляетъ, какъ результатъ величайшей политической мудрости, такія вещи, которыя являются дѣтски-наивными для всякаго здравомыслящаго, это тоже его дѣло. Но то, что онъ пристрастно освѣщаетъ историческіе факты и клевещетъ въ угоду покойному Герцлю на живущаго д-ра Бирнбаума, это несправедливо и некрасиво...

Апологія Герцля, какъ вождя, кажется мнѣ неудачной. Изобразивъ разрозненность и тяжелыя условія партіи, Іоркъ-Штейнеръ пишетъ:

„И если бы самъ Герцль всталъ изъ гроба, онъ долженъ былъ бы сперва исправить все, что случилось послѣ его смерти. Но такъ какъ онъ, насколько мы его знали, протестовалъ бы противъ многаго, то ему угрожала бы опасность быть исключеннымъ изъ партіи, какъ не сіонисту".

Плохія дѣла! Бѣдные вожди! остается воскликнуть. Русскимъ сіонистамъ достается особенно отъ Іорка-Штейнера. Онъ пишетъ:

„Съ того дня, какъ въ Россіи существуетъ другой законъ о союзахъ, руководительство движеніемъ переходитъ само собой къ сіонистамъ въ Россіи. Такъ какъ большинство находится въ Россіи, то оно руководитъ сіонизмомъ, какъ желаетъ; на что же способны русскіе сіонисты, если принято какое-нибудь рѣшеніе, даже большинствомъ, вопреки ихъ убѣжденію, доказалъ послѣдній (шестой) конгрессъ. Но всегда слѣдуетъ помнить: они дѣйствуютъ изъ вѣрности принципамъ и вслѣдствіе недовѣрія къ западнымъ вождямъ".

Я долженъ замѣтить, что, если у русскихъ сіонистовъ былъ въ чемъ-нибудь недостатокъ, такъ это, самое большее, въ парламентской формѣ. Это вполнѣ простительно имъ, не

прошедшимъ никакой политической школы. Вѣнскіе жегосподa всегда вели дѣло самовластно, не заботясь о программѣ и конгрессныхъ постановленіяхъ.

Вся статья заключаетъ въ себѣ слишкомъ много болтовни и вздора, она исполнена тенденціи унизить все, что демократично, все, что вѣрно принципамъ.. Я не удивлялся бы, если бы встрѣтилъ подобную статью въ „Die Welt“, но въ сборникѣ научнаго сіонизма она неумѣстна.

Весьма отраднымъ явленіемъ служитъ очеркъ *Артура Руппина* „Gegenwartsarbeit“. Въ ней нѣтъ, правда, новыхъ точекъ зрѣнія и работа не написана въ духѣ западно-европейскихъ евреевъ, но въ ней много вѣрнаго. Справедлива мысль:

„Не вѣрно то, что европейскіе евреи будутъ имѣть опору въ далекомъ будущемъ въ еврейской палестинской общинѣ; но какъ разъ наоборотъ, колонизація и еврейская община въ Палестинѣ могутъ успѣвать лишь тогда, когда за ними въ Европѣ будетъ сильный объединенный еврейскій народъ“.

Справедлива также мысль, что самой важной задачей является укрѣпленіе еврейскаго единства. Но преувеличено опасеніе, что западно-европейская ассимиляція съ ея уродливостью можетъ проникнуть въ Россію. Я думаю, что ассимиляція въ ея странномъ обликѣ „германцевъ или славянъ іудейскаго вѣроисповѣданія“ перестаетъ существовать, по крайней мѣрѣ, для разумныхъ евреевъ.

Не зачѣмъ снова навлекать на свѣтъ Божій это пугало.

Хорошо, что г. Руппинъ приводитъ цифры. Онъ одинъ изъ немногихъ евреевъ, который опирается на точныя статистическія свѣдѣнія. Статистика—лучшая основа для всякой общественной дѣятельности.

Работу могильщика напоминаетъ статья д-ра *Даніила Пасманника* „Чартеръ и концессіи“. Если автору доставляетъ такую особенную радость подражать Герцлю тѣмъ, что онъ ложно употребляетъ слово „чартеръ“, то мы можемъ позволить ему это невинное удовольствіе. Но... къ чему весь сыръ-боръ?

Теперь знаетъ всякій, что вся эта исторія—дипломатическое ослѣпленіе, для того, чтобы импонировать массамъ; и всякій знаетъ также, что этого „чартера“ нельзя добиться ни отъ Турціи, ни отъ какой-либо другой державы. Пасман-

никъ готовъ бросить идею „чартера“ и желаетъ за это получить отъ Турціи концессіи. Но и концессіи нельзя получить на нынѣшнемъ пути. Одной только концессіи можно добиться: *права на иммиграцію при условіи выполненія турецкихъ гражданскихъ обязанностей.*

Весьма занимательна статья *Matiaca Ахера* „Къ критикѣ политическаго и культурнаго сіонизма“. Ахеръ всегда занимателенъ, когда онъ не вторгается въ чужую область. Замѣчательно, что онъ никогда собственно не даетъ ничего законченнаго; все, что онъ пишетъ—это фрагменты. Онъ разсыпаетъ намъ, какъ крохи, брызги своихъ мыслей и заставляетъ насъ критически думать. Отдѣльные обрывки у него часто цѣннѣе, чѣмъ его очерки. И здѣсь онъ пишетъ потому-же не методичному методу. Онъ доказываетъ, что понятіе „голусъ“ представляетъ изъ себя нѣчто вѣчное, неизмѣнное, что раса — понятіе относительное, что недовѣріе къ прогрессу неосновательно. Такимъ образомъ онъ подрываетъ почву подъ ногами сіонистскихъ агитаторовъ. При этомъ онъ указываетъ, что самое важное въ сіонизмѣ, національная культура, осуществимо уже теперь въ европейскихъ странахъ. Политическому сіонизму онъ дѣлаетъ слѣдующій упрекъ:

„Политическій сіонизмъ ставитъ евреевъ въ болѣе или менѣе отрицательное положеніе къ великимъ общимъ движеніямъ современности и заставляетъ ихъ забывать, что большею частью своего матеріальнаго и національнаго блага они обязаны послѣднимъ. Онъ возбуждаетъ въ нихъ также совершенно неосновательный скептицизмъ по отношенію къ самымъ важнымъ мѣрамъ для національнаго благополучія и культурнаго роста въ странахъ „голуса“. Онъ поступаетъ неправильно даже въ интересахъ палестинской задачи, такъ какъ, вслѣдствіе своей необоснованной ненависти къ „голусу“, не имѣетъ возможности создать нормальныя условія для разрѣшенія этой задачи, но ищетъ его въ небесахъ“. Интересы еврейскаго народа и іудаизма требуютъ, по его мнѣнію, иного:

„Не должно быть никакой политической организаціи, которая ставила бы себя внѣ общихъ интересовъ остального человѣческаго общества. Не нужно регламентаціи политико-соціальныхъ взглядовъ, съ опредѣленной общееврейской точки зрѣнія. Тамъ, гдѣ концентрація достаточно сильна и

живы еврейскія традиціи, необходимо образованіе политическихъ группъ, которыя самостоятельно привьютъ еврейской жизни различныя воззрѣнія современности. Нужны еврейскія буржуазныя и рабочія партіи. Далѣе, необходимо возможное использованіе даже минимума (не говоря уже о болѣе широкомъ) человѣческихъ и гражданскихъ правъ для еврейскаго благосостоянія и культурнаго развитія. Что касается условій, не терпящихъ отлагательства, то нужна широко поставленная, дальнозоркая вполнѣ объективная эмиграціонная, равно какъ иммиграціонная политика, нужна большая организація на глубоко продуманныхъ политическихъ основаніяхъ, организація изъ терпѣливыхъ и вдумчивыхъ работниковъ для осуществленія живучаго самого по себѣ, прекраснаго палестинскаго идеала: путь для него одинъ—солидный фундаментъ и постепенная постройка. Всѣ эти требованія по отношенію къ сіонистскому идеалу могутъ быть выражены двумя короткими формулами: Еврейство прежде, а потомъ Сіонъ; безъ этого убѣжденія Сіона не достигнуть".

Ахеръ въ послѣдніе годы оспаривалъ политическій сіонизмъ съ этой именно національно-еврейской точки зрѣнія. Этого не могли ему простить въ извѣстныхъ кругахъ. Можно не во всѣхъ пунктахъ соглашаться съ Ахеромъ, но несомнѣнно то, что онъ, какъ Ахадъ-Гаамъ въ восточной Европѣ, является самымъ сильнымъ критикомъ политическаго сіонизма въ западной Европѣ.

Первый отдѣлъ разбираемой книги заканчивается неважной статьей г. *Лазаря Шена*, издателя книги. Въ ней говорится о непригодности Восточной Африки вслѣдствіе топографическихъ и климатическихъ условій, отмѣчаются весьма слабыя экономическія и торговыя данныя, а затѣмъ идетъ рѣчь о немедленной колонизаціи Палестины. Повтореній, конечно, нельзя избѣжать въ большомъ сборникѣ. Но если издатель видитъ, что его сотрудники лучше и основательнѣе говорили о томъ, о чемъ ему хочется говорить, онъ долженъ отказаться отъ слова по этому вопросу.

II.

Третій отдѣлъ, цѣликомъ посвященный памяти Герцля, очень богатъ именами, но хорошаго здѣсь немного. Много любви, благодарности, искренняго уваженія... Напрасно стали бы мы искать здѣсь психологическаго образа Герцля, какимъ онъ былъ, и какимъ онъ сталъ, тщетно стали бы доискиваться источниковъ для пониманія Теодора Герцля, какъ человѣка, еврея и политика. Быть можетъ, еще не настала пора, когда къ Герцлю можно отнестись справедливо, не поддаваясь ни сантиментальности, ни чувству партійности. У свѣжей могилы задача эта страшно трудна. Лучшіе изъ прочитанныхъ мною некрологовъ Герцля были написаны не евреями, но христіанами. Объ этомъ я невольно вспомнилъ, читая этотъ отдѣлъ. Это вполнѣ и понятно, такъ какъ христіанскіе писатели относятся объективно къ личности Герцля и его дѣлу.

Статью д-ра *Карла Липпаса* можно отмѣтить, какъ слезливое причитаніе старика. Въ ней нѣтъ ничего. Испещренный еврейскими цитатами стиль напоминаетъ трогательную статью благочестиваго Israelit'ы въ Майнцѣ.

Въ воззваніи *Оскара Марморека* единственнымъ достоинствомъ является краткость...

Гораздо лучше, конечно, короткая статья проф. *Израиля Фридлендера*. Но и здѣсь мы не находимъ ничего для выясненія психики Герцля. Кое-что въ статьѣ наивно, а утвержденіе, что культъ Герцля послѣ его смерти можетъ сильно вліять на національное самосознаніе, заслуживаетъ энергичнаго отпора.

Стихотвореніе *Юлія Кнопфа*, посвященное Герцлю, недурно по формѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ высокаго паѳоса. Портитъ впечатлѣніе почти языческое обоготвореніе.

Іоркъ-Штейнеръ даетъ „Характеристику д-ра Герцля", но характеризуетъ въ ней собственно авторъ нынѣшній сіонизмъ. Онъ начинаетъ съ невѣроятнаго слуха о томъ, будто Герцль шестилѣтнимъ мальчикомъ хотѣлъ перерѣзать Панамскій перешеекъ. И этотъ слухъ долженъ служить характеристикой всему Герцлю! Полагаю, что это характерно въ одномъ лишь отношеніи, что легенды и миѳы нигдѣ не

распространяются такъ легко, какъ у насъ. Мы—мессіанскій народъ, 2000 лѣтъ воспитываемый надеждами. Отъ этой болѣзненной романтики не такъ легко освободиться. Энергія, благородная гордость, стремленіе осчастливить другихъ, олицетворенная вѣрность, умѣніе молчать и горячее желаніе воспитать еврейскій народъ — все это прославляетъ Іоркъ-Штейнеръ, какъ главныя добродѣтели Герцля. Отсюда получился политикъ и вождь сіонизма. Непонятный анализъ. Мнѣ кажется, что изъ человѣка съ такими качествами получается скорѣе мечтатель, чѣмъ политическій дѣятель. Ницше говоритъ, что нужно еще доказать, что хорошій человѣкъ можетъ быть и выдающимся человѣкомъ. При этомъ Герцль относился, по представленію Штейнера, скептически и недовѣрчиво къ собственнымъ чувствамъ, чувствамъ другихъ и къ отдѣльнымъ личностямъ. Понять это мудрено.

Штейнеръ пишетъ: „Личная привлекательность его, гармонія всего того, что вліяетъ на внѣшній міръ, равно какъ и чистота его стремленій, такъ сильно привлекали къ нему сердца, что тотъ, кто становился къ нему въ критическое отношеніе, чувствовалъ себя преступникомъ".

Утверждаю, что я съ первой минуты относился къ нему критически и никогда не испытывалъ за это угрызеній совѣсти.

Штейнеръ пишетъ: „Можно сказать совершенно увѣренно: никогда не было человѣка, котораго бы въ въ одно и то же время такъ сильно любили и такъ строго критиковали, подобно Теодору Герцлю". Это уже совершенно не вѣрно. Я утверждаю: никто съ первой минуты, прежде чѣмъ онъ что-нибудь сдѣлалъ и могъ сдѣлать, не пользовался такимъ слѣпымъ довѣріемъ, какъ Герцль. Онъ былъ наиболѣе выдающимся въ послѣдніе годы примѣровъ того, какое значеніе имѣетъ расположеніе толпы. Въ его очаровательной личности скрыта тайна всѣхъ его успѣховъ.

Изъ всѣхъ этихъ искреннихъ некрологовъ я вижу только одно: даже близкіе знакомые и друзья Герцля не знали его основательно, такъ какъ онъ никогда не обнаруживалъ себя цѣликомъ, никогда не раскрывалъ своей души. Поэтому они бродятъ въ потемкахъ, и такъ какъ все же необходимо прославлять, то постоянно фабрикуются новыя фразы.

„Герцль и румынскіе евреи" озаглавлена траурная проповѣдь (הספד) д-ра *І. Немировера*. Этотъ господинъ—раввинъ,

а потому нѣкоторое преувеличеніе слѣдуетъ ему простить. Но онъ заходитъ уже слишкомъ далеко. Нѣкоторыя его предложенія такъ цѣнны, что я долженъ ихъ здѣсь процитировать.

„Чувствуется,—пишетъ онъ, — что если еврейство имѣло многихъ другихъ представителей, изъ коихъ одинъ, какъ мыслитель, былъ головой Израиля, другой, какъ ораторъ его устами, третій какъ филантропъ—его рукой, то Герцль былъ сердцемъ евреевъ, а если страдаетъ сердце, то страдаетъ весь организмъ".

Отсюда выходитъ, что сердце умерло и такъ какъ безъ сердца нельзя, конечно, жить, то еврейству остается по крайней мѣрѣ составить завѣщаніе.

При чтеніи другихъ некрологовъ о Герцлѣ приходится лишь удивляться богатству нѣмецкаго языка, находящему въ себѣ новыя византійскія словеса тамъ, гдѣ нѣтъ ни слѣда мысли.

Заслуживаетъ быть выдѣленной статья *Осія Тона* „Безъ Герцля", такъ какъ Тонъ умѣетъ не только писать, но и мыслить. Тонъ разрушаетъ сказку, что Герцль былъ создателемъ сіонизма. Оно честно заявляетъ при этомъ, что „Judenstaat" звучитъ какъ произведеніе не еврея. Кто переписывался съ Герцлемъ въ промежутокъ времени до перваго конгресса, подтвердитъ, что Герцль заявлялъ во всѣхъ письмахъ о своемъ желаніи уйти самому какъ можно скорѣе изъ движенія. Онъ смотрѣлъ такимъ образомъ на движеніе какъ на чуждую ему вещь, какъ на одинъ изъ эпизодовъ своей жизни. Впрочемъ, эту типичную фразу можно найти въ концѣ его статьи „Конгрессъ". Только серьезное противодѣйствіе несіонистовъ вовлекло его въ движеніе. Мысли Тона о томъ, что Герцль внесъ въ движеніе *реализмъ и величіе*, только относительно вѣрны. Если подъ реализмомъ понимать *дѣйствительную работу*, то политика „Ховеве-Ціонъ" была гораздо реалистичнѣе, хотя и низкопробнѣе. Если далѣе подъ величіемъ понимать *цѣлесообразность и дальновидность*, то политику Герцля врядъ ли можно назвать великою. Герцль не зналъ какъ слѣдуетъ ни страны, для которой онъ хотѣлъ приготовить народъ, ни народа, для котораго онъ хотѣлъ добыть страну. Тамъ, гдѣ недостаетъ этой основы, не можетъ быть рѣчи ни о величіи, ни о реализмѣ. Тѣмъ, что Герцль внесъ дѣйствительно въ движеніе были: *блескъ*,

жизнь и современныя формы. Не больше и не меньше. Вѣрно то, что Герцль сильно ускорилъ планъ движенія, но будущее лишь покажетъ намъ, насколько проченъ этотъ успѣхъ. Быстрая ходьба имѣетъ смыслъ только тогда, когда она ведетъ скорѣе къ цѣли. Ходьба же безъ цѣли только утомляетъ и ничему не помогаетъ. Тонъ не во всемъ правъ, но во всякомъ случаѣ его статья честна, интересна и полезна.

III.

Не стану говорить о томъ, можетъ ли имѣть мѣсто въ спеціально сіонистическомъ ежегодникѣ отдѣлъ „За и противъ сіонизма". Быть полезными и вліять могутъ во всякомъ случаѣ тѣ критическія статьи, которыя основаны на еврейско-національной точкѣ зрѣнія. Гдѣ нѣтъ этой точки зрѣнія, тамъ немыслимо соглашеніе. Томуже, кто можетъ привести противъ сіонизма только заѣзженныя фразы, не мѣсто средисерьезныхъ критиковъ, будетъ ли онъ профессоръ или сапожникъ.

Первая статья этого отдѣла „Zionismus und Deutschtum" проф. д-ра *Людвига Гейгера* производитъ тяжелое впечатлѣніе. Во вступленіи Гейгеръ выражаетъ слѣдующую мысль:

„Я признаю оправданіе сіонизму, самое большее, въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи подвергнуты ограниченіямъ, не пользуются охраной законовъ и отданы въ жертву произволу".

Но есть ли, г. профессоръ, еврейскій народъ или нѣтъ его? Въ этомъ все. Если есть, то и вы, сынъ Авраама Гейгера, и всѣ „нѣмцы еврейскаго вѣроисповѣданія" принадлежите къ нему. Если же нѣтъ, то сіонизмъ не имѣетъ никакого оправданія и въ Россіи, и въ Румыніи.

Нѣмецкій профессоръ долженъ, разумѣется, привести тезисы; онъ, наглотавшійся мудрости въ часъ по столовой ложкѣ, не можетъ выражаться въ другой формѣ, какъ только въ аподидактической. Г-нъ Гейгеръ выставляетъ три сокрушительныхъ положенія:

1) Сіонизмъ не означаетъ внутренняго развитія еврейства, но является результатомъ антисемитизма.

2) Сіонизмъ не имѣетъ внутренняго оправданія; такъ какъ онъ признаетъ существованіе еврейской народности; нѣмецкіе евреи знаютъ только одинъ народъ: нѣмецкій.

3) Сіонизмъ опасенъ и вреденъ.

Уже первое положеніе ложно. Гейгеръ знаетъ только поверхностныхъ сіонистскихъ адептовъ въ Германіи. Серьезныхъ

русскихъ сіонистовъ онъ не знаетъ, въ противномъ случаѣ ему было бы извѣстно, что они всегда были національно настроенными евреями, что они независимо отъ антисемитизма стремятся къ индивидуальной и національной свободѣ. Г-нъ профессоръ слышалъ также, вѣроятно, что-нибудь объ еврейскихъ поэтахъ въ Испаніи, которымъ жилось гораздо лучше, чѣмъ „Tiergartenjuden“ въ Берлинѣ и которые были все-таки пламенными сіонистами. Но если бы даже еврейское упорство было дѣйствительно вызвано антисемитизмомъ, то развѣ это не внутренній процессъ, не развитіе? Я, право, не понимаю, какое мистическое представленіе связываетъ Гейгеръ со словами „внутренное развитіе“?

Второй тезисъ совсѣмъ комиченъ. Г-нъ Гейгеръ отрицаетъ существованіе еврейскаго народа, потому что онъ его не знаетъ. Это такъ же логично, какъ и скромно. Единственнымъ признакомъ народа служитъ, по его мнѣнію, языкъ. Въ такомъ случаѣ швейцарскій народъ является наполовину нѣмецкимъ, наполовину французскимъ, и все-таки нѣмецкіе швейцарцы—не нѣмцы и французскіе швейцарцы—не французы. Есть болѣе сильная связь, чѣмъ языкъ, это — общіе интересы. Совершенно невѣрно также, что нѣмецкаго еврея нельзя узнать по языку. Онъ говоритъ по нѣмецки часто въ смыслѣ правильности лучше и чище, чѣмъ самый настоящій христіанинъ, но по типу, звукамъ и темпераменту можно узнать въ немъ еврея. И въ литературѣ въ большинствѣ случаевъ сказывается еврей. Нордау, Гарденъ, Гиршефельдъ и Вассерманъ пишутъ, конечно, хорошо по-нѣмецки и тѣмъ не менѣе они вносятъ своеобразную ноту; не стану говорить уже о Гейне и Берне.

Нелѣпа аргументація третьяго положенія въ томъ, что сіонизмъ опасенъ. Гейгеръ мотивируетъ эту опасность слѣдующимъ образомъ:

1) „Матеріально, потому что сіонизмъ обращаетъ деньги, которыя можно было бы израсходовать для Германіи, на пользу чуждымъ стремленіямъ“.

Въ евангелическихъ церквахъ Берлина гораздо больше, вѣроятно, еврейскихъ денегъ, чѣмъ во всѣхъ еврейскихъ ферейнахъ Германіи. Кто припомнитъ, какъ старательно жертвовали евангелическимъ церквамъ еврейскіе банкиры отъ 50 до ста тысячъ марокъ, тотъ согласится со мной. Еврейскіе милліонеры выдавали большія суммы для городской

дѣятельности даже господина Штекера. Конечно, при такомъ положеніи нельзя не обратить вниманія на нѣсколько тысячъ марокъ, израсходованныхъ для сіонизма. Г-нъ Гейгеръ мотивируетъ дальше:

2) „Потому что онъ (сіонизмъ) издаетъ законодательныя правила, которыя могутъ возбудить ненависть къ евреямъ".

Г-нъ Гейгеръ выражается въ другомъ мѣстѣ еще опредѣленнѣй:

„Я считалъ бы вполнѣ послѣдовательнымъ поступкомъ со стороны правительства, если бы оно, хотя и не запрещая сіонистамъ жительства въ Пруссіи (какъ это часто дѣлаютъ съ тягостными иностранцами), лишило бы ихъ однако гражданскихъ правъ. Это было бы единственнымъ отвѣтомъ, который можетъ и должно дать сіонизму нѣмецкое народное сознаніе".

Сколько разъ нужно повторять, что гражданскія права основаны на конкретныхъ обязанностяхъ, а не на лирическихъ чувствахъ? До тѣхъ поръ, пока гражданинъ исполняетъ свои обязанности, государству безразлично, какого онъ міровоззрѣнія и къ какому идеалу будущаго онъ стремится. Г-нъ Гейгеръ комбинируетъ дальше: „Сіонизмъ опасенъ, наконецъ, тѣмъ, что онъ направляетъ идейныя силы на ложную дорогу".

Дѣйствительно, сіонизмъ отвлекаетъ молодыхъ людей отъ многихъ вещей, отъ прелестей военщины, отъ разгула въ „кнейпахъ" и дуэлей. Развѣ это уже такъ вредно?

Отношеніе автора къ русскимъ евреямъ выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Я испытываю состраданіе къ русскимъ и румынскимъ евреямъ, но не больше, чѣмъ къ голодающимъ нѣмецкимъ поденщикамъ какой-либо провинціи или къ несчастнымъ нѣмецкимъ дѣтямъ и женщинамъ, потонувшимъ на американскомъ кораблѣ; я того мнѣнія, что въ Германіи ничего не можетъ быть сдѣлано частными ферейнами для спасенія чужихъ евреевъ и даже не *должно* быть ничего сдѣлано".

Такіе взгляды могъ бы опубликовать г. профессоръ гдѣ угодно, но только не въ ежегодникѣ научнаго сіонизма.

„Хуже всего,—говоритъ Гете,—если люди хотятъ предписывать *свои* законы, какъ законы природы". Г-нъ Гейгеръ пишетъ:

„Каждая вѣтвь націи и каждый отдѣльный членъ вѣ-

роисповѣдной общины можетъ достигнуть спасенія только своими усиліями; если же у него нѣтъ средствъ для этого, то, по желѣзному экономическому закону, который можно называть жестокимъ, онъ заслужилъ гибели".

Съ этой точки зрѣнія можно сказать больнымъ, безпомощнымъ дѣтямъ и старикамъ: помогите себѣ сами! Можно обратиться къ закованнымъ узникамъ: освободите себя сами! Это не научное обоснованіе, но издѣвательство. И понятно. Тамъ, гдѣ вмѣсто еврейскаго сердца имѣется германскій схематизмъ, тамъ потеряно все. Г-нъ Гейгеръ состоитъ однимъ изъ представителей еврейской общины въ Берлинѣ и принадлежитъ также къ числу „спасителей еврейства". Кто же избавитъ еврейство отъ подобныхъ спасителей?!

Д-ръ *Исаакъ Миркинъ* посвящаетъ „послѣднимъ причинамъ еврейскихъ преслѣдованій и сіонизму" длинное, слишкомъ длинное разсужденіе. Онъ хочетъ доказать, что преслѣдованія евреевъ—явленія не случайныя, но служатъ громоотводомъ отъ страданій для другихъ народовъ, которыя, естественно, постигаютъ евреевъ прежде всего какъ слабыхъ и меньшинство. Такимъ образомъ разсѣяніе представляетъ собою несчастіе; измѣненіе къ лучшему стало быть можетъ дать концентрація. Другими словами: есть только одно освобожденіе — сіонистская программа. Авторъ забываетъ при этомъ доказать одну лишь мелочь,—т. е. что эта программа исполнима. Распознаніе природы болѣзни весьма цѣнно для науки, но для паціента діагнозъ имѣетъ до тѣхъ поръ сомнительное значеніе, пока не открыта терапія.

Хорошъ, хотя и не вполнѣ вѣренъ въ выводахъ, очеркъ „Организація евреевъ и задачи ихъ", принадлежащій перу *Самуила Любинскаго*. Удачно замѣчаніе, что каждый современный еврей—индивидуалистъ, потому что индивидуализмъ разрушилъ стѣны „гетто". У евреевъ есть, конечно, и другія основанія для предрасположенія къ индивидуализму. Авторъ развиваетъ дальше эти мысли съ тонкимъ психологическимъ чутьемъ и хорошимъ знаніемъ дѣла. Съ высоты индивидуализма онъ обстрѣливаетъ слабыя позиціи сіонизма, потому что индивидуализмъ и сіонизмъ несоединимы. Это можетъ быть справедливымъ только до извѣстной степени; слишкомъ далеко заходитъ авторъ, отрицая вообще національное чувство у современнаго еврея. Онъ совершенно слабъ, когда онъ переходитъ на практическую почву и дѣлаетъ реальныя

предложенія. Онъ желаетъ создать изъ еврейства нѣчто въ родѣ соціально-политической и этической общины для борьбы съ общественной несправедливостью, нѣчто въ родѣ лиги для защиты человѣческихъ правъ. Мнѣ кажется это чѣмъ-то совершенно воздушнымъ. Сдѣлаться ли всѣмъ евреямъ идеалистами? Гдѣ есть такой народъ, который сплошь состоитъ изъ благородныхъ элементовъ? Люблинскій осуждаетъ всѣ другія стремленія какъ безполезныя романтико-историческія воспоминанія. Онъ ссылается, быть можетъ и не безъ основанія, на Герцля, который также не желалъ большаго. Онъ забываетъ только одно: *онъ и Герцль, оба никогда не были въ юности національными евреями, въ то время какъ народныя массы на востокѣ никогда не переставали быть ими.* Для многихъ западныхъ европейцевъ является маловажнымъ вопросъ объ еврейской народной психологіи, для индивидуалистовъ Востока — *это сущность еврейской жизни, жизни вообще.*

V.

Въ пятомъ отдѣлѣ—„*Христіанскіе голоса о сіонизмѣ*“. Нужно ли было вводить для этого особый отдѣлъ? Я думаю, едва ли. Если сіонизмъ жизнеспособенъ, то онъ не нуждается въ санкціи христіанъ. Я отнюдь не хочу сказать, что христіане не могутъ очень здраво и справедливо судить объ еврейскихъ дѣлахъ и не имѣютъ чего-либо сказать по еврейскому вопросу. Отвѣтъ на это, несомнѣнно, положительный. Но незачѣмъ испытывать особенную честь отъ того, что христіанинъ сказалъ по этому вопросу хорошее слово. Печально здѣсь именно то, что въ современномъ сіонизмѣ проявляется пережитокъ стараго гетто,—правда, одѣтый по европейски и причесанный по модѣ.

О сіонизмѣ господа христіанскіе писатели, подвизающіеся въ сборникѣ, имѣютъ сказать очень немногое. Г-нъ *Фридрихъ Дукмейеръ* мужественно нападаетъ на антисемитизмъ съ точки зрѣнія гуманности, но сіонизмъ онъ знаетъ едва ли по имени. Философъ *Даюбертъ фонъ-Гергардъ Аминторъ* излагаетъ свое мнѣніе коротко и связно: Кто чувствуетъ себя только гостемъ среди народовъ, тотъ пусть будетъ сіонистомъ; но кто, какъ еврей, смотритъ на себя съ религіозной стороны, тотъ долженъ оспаривать сіонизмъ. Внутренніе и

внѣшніе виды сіонизма на будущее онъ считаетъ весьма слабыми.

Профессоръ *Л. Мартинъ* любезно предсказываетъ евреямъ благо. Онъ сильно надѣется на прогрессъ, но не имѣетъ ничего противъ, если для евреевъ Востока будетъ основанъ Новый Сіонъ; для нѣмецкихъ евреевъ онъ считаетъ его излишнимъ. *Эвальдъ Пауль* ломаетъ себѣ голову надъ положеніемъ еврейской торговли среди сіонизма. Онъ приходитъ къ выводу, что евреи и въ Новомъ Сіонѣ съумѣютъ торговать, даже будутъ, вѣроятно, стоять во главѣ міровой торговли.

Альфредъ Бекеръ считаетъ весьма важной задачей изслѣдованіе во всѣхъ религіяхъ міра основы религіозныхъ воззрѣній, чтобы религіозныя общины научились такимъ образомъ уважать и понимать другъ друга. Онъ находитъ чудеснымъ образомъ это исцѣленіе въ сіонизмѣ. Д-ръ *Конрадъ фонъ Раппардъ* свидѣтельствуетъ сіонизму глубочайшее признаніе и надѣется, что сіонистскія стремленія увѣнчаются успѣхомъ, если любовь къ Палестинѣ проснется въ еврейскихъ сердцахъ. Наконецъ, *Эрнестъ Огильвіе* говоритъ вдохновенно о спасительности и осуществимости сіонизма, если только пожелаютъ еврейскіе богачи, ибо деньги—сила. Но какъ возбудить въ еврейскихъ богачахъ это желаніе, такого рецепта, кажется, у него нѣтъ. Слѣдуетъ прибавить, что врядъ ли стоило тратить усилія, чтобы собрать такія въ общемъ мелкія доказательства благорасположенія...

IV.

Шестой отдѣлъ посвященъ *„культурнымъ вопросамъ въ сіонизмѣ“*. Тотъ, кто дошелъ до убѣжденія, что всякій еврейскій вопросъ прежде всего культурный вопросъ, что самой важной задачей является созданіе *внутренней* еврейской родины, т. е. устраненіе разрозненности и развитіе гармонической еврейской народной души, кто, какъ я, былъ такого мнѣнія въ теченіе долгихъ лѣтъ, тотъ радуется всякій разъ, когда возбуждается еврейская культурная проблема. Поэтому отдѣлъ этотъ меня горько разочаровалъ. Мнѣ было больно до глубины души, что политическій сіонизмъ такъ мало занимается этими вопросами, а теперь я вижу, что даже научный сіонизмъ отводитъ этому предмету очень мало мѣ-

ста. Самый умѣренный человѣкъ не удовлетворился бы этимъ отдѣломъ.

Г. д-ръ *Мартинъ Буберъ* говоритъ объ еврейской культурной проблемѣ. Онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ молодыхъ еврейскихъ писателей, и тамъ, гдѣ онъ не доискивается искусственныхъ нюансовъ и не теряется въ декадентскомъ туманѣ, тамъ онъ увлекателенъ и интересенъ своей оригинальностью и глубиной. Онъ психологически разсматриваетъ здѣсь вопросъ о „гасколѣ, хасидизмѣ и пилпулѣ“ и переходитъ къ современному возрожденію древне-еврейской и жаргонной литературы. Онъ приходитъ далѣе къ сознанію, что самой важной задачей современности является поднятіе культурнаго уровня. Связь между мыслью и будничной жизнью должна быть закрѣплена гармоническимъ національнымъ міровоззрѣніемъ. Очеркъ написанъ красиво и содержитъ много разумныхъ замѣчаній.

Бертольдъ Феухтвангъ указываетъ на значеніе статистики, пропагандируетъ „Verein des judischen Statistik“ и даетъ совершенно сухой обзоръ содержанія книги „Еврейская Статистика“. Вся эта статья напоминаетъ собою проспектъ, обычно разсылаемый книготорговцами. *Леопольдъ Шварцъ* даетъ въ лучшемъ случаѣ страшно длинную нравственную проповѣдь—иначе нельзя назвать эту вещь—о новомъ откровеніи и сіонизмѣ. Мнѣ рѣдко приходилось въ жизни читать что нибудь болѣе запутанное безсодержательное, чѣмъ эта статья. Религія, мораль, еврейская будущность, чистота, святость,—все это смѣшано въ одну кучу, изъ которой приготовлено фрикассе для невзыскательныхъ филистеровъ. Авторъ удивительный святоша. Воздержаніе, половая чистота и вегетаріанство—это, по его мнѣнію, опора еврейской будущности. Вся его длинная статья въ 26 страницъ полна преувеличеній, фразъ, благочестивыхъ цитатъ и удивительнымъ бредомъ, какъ это часто встрѣчается въ миссіонерскихъ тактатахъ. И нѣчто подобное называется разсужденіемъ и находитъ мѣсто въ ежегодникѣ научнаго сіонизма!

Авторъ оканчиваетъ статью словами Гете:

„Gottes ist der Orient,
Gottes ist der Occident“

Берлинецъ прибавитъ къ этому:

„Богу принадлежитъ и... зоологическій садъ“ („Gottes ist auch der... zoologische Garten“).

VI.

Этотъ отдѣлъ озаглавленъ „*Сіонизмъ и религія*“. Подъ этимъ можно понимать многое. Если понимать религію въ высшемъ значеніи, какъ представленіе о мірѣ независимо отъ логики, какъ воспріятіе жизненныхъ явленій настроеніемъ непосредственно, тогда всѣмъ намъ близка религія, какого бы мы ни были образа мыслей. Только тотъ, кто плаваетъ лишь по поверхности, можетъ считать наше время не религіознымъ. Едва ли было такое время, когда была бы такъ велика и сильна тоска по религіи и вѣрѣ, какъ теперь, когда существовало бы такое стремленіе къ великому могучему Нѣчто. Да, наконецъ, всякое большое движеніе, затрагивающее настроеніе, заключаетъ въ себѣ кое-что изъ этой религіи.

Отдѣлъ ничѣмъ не обогащаетъ насъ въ этомъ возвышенномъ направленіи. Здѣсь религія понимается конкретно, какъ церковь, какъ воплощенный законъ, а духъ современности игнорируется.

Разсужденіе раввина д-ра Ашкенази представляетъ собою скучные „респонзы“ (שאלות ותשובות). Онъ старается доказать тремя дюжинами цитатъ, что сіонизмъ „каширенъ“ (כשר). Въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, каждый сіонистскій кружокъ будетъ имѣть „разрѣшеніе“ (הכשר) отъ какого-нибудь авторитетнаго раввина.

Еще хуже „пилпулистическое“ попурри д-ра *Карла Липпе*.

Глубже, несомнѣнно, работа д-ра *М. И. Бердичевскаго*. Онъ доказываетъ, что сіонизмъ долженъ стремиться къ просвѣщенію и возрожденію еврейскаго народа на свѣтской почвѣ. Онъ считаетъ нечестнымъ со стороны дипломатическаго сіонизма то, что онъ, вмѣсто отрицательнаго отношенія къ отсталости синагоги, тянетъ ее на буксирѣ въ старомъ видѣ. Статья написана съ правдивостью и основательностью мыслителя и поднимаетъ вопросъ, совершенно новый, по крайней мѣрѣ, для западно-европейскихъ сіонистовъ.

М. Штекельмахеръ радъ сіонизму съ ортодоксальной точки зрѣнія, потому что въ Палестинѣ легче будетъ соблюдать субботу. Можно надѣяться, что и „кугель“ тамъ будетъ вкуснѣе. Напротивъ, Рихардъ Гульдшпиеръ высказывается

за то, что на религію слѣдуетъ смотрѣть съ частной точки зрѣнія, такъ какъ иначе немыслимо еврейское общежитіе. Обѣ эти крайности разсматриваются поверхностно и скучно.

Статья проф. д-ра *Адольфа Куррейна*, хотя и слишкомъ расползлась вширь, не содержитъ въ себѣ много здраваго. На низкомъ духовномъ уровнѣ построена статья д-ра *Х. Зеликсона*. Онъ пишетъ:

„Единственное что намъ слѣдуетъ дѣлать по завѣту Торы, это быть вѣрными Богу. Тогда Тотъ, Кто разсѣялъ насъ за наше отпаденіе, соберетъ насъ снова ради нашей вѣрности".

Этого предложенія достаточно. Если кто либо, строго нерелигіозный, все-таки восклицаетъ: „я—еврей!", то это пустые звуки, по мнѣнію автора. Онъ пишетъ далѣе:

„Еврейство безъ строгаго соблюденія Божьихъ законовъ—вещь немыслимая. Іегуда остается всегда и вѣчно съ именемъ Бога, Израиль внутренно связанъ съ вѣрою въ Бога. И мы говоримъ: кто не съ нами, тотъ противъ насъ. Кто не смотритъ на Тору, какъ на центръ еврейства, изъ котроаго вытекаетъ вся еврейская жизнь и въ которой все выливается, тотъ противъ насъ. Насъ не удовлетворяютъ разрѣшенія быть благочестивыми на свой манеръ; лишь тогда, когда мы услышимъ, что можно стать благочестивымъ евреемъ, слѣдуя только нашему пониманію, только тогда исчезнетъ наше сомнѣніе. *Эдикты толерантности не удовлетворяютъ насъ*".

Итакъ, слушайте, сіонисты, и знайте, къ чему приводитъ слабость къ „мизрахимъ" и заигрываніе съ ортодоксіей. Такіе люди, какъ Зеликсонъ, чувствовали бы себя въ безопасности лишь тогда, когда они имѣли бы силу учредить еврейскую инквизицію

Антиподомъ Зеликсона является *Яковъ Тонъ*. По его мнѣнію, еврейская религія въ ея старой формѣ приходитъ къ концу, ортодоксія сыграла свою роль и не можетъ ожить при помощи сіонизма. Современное государство было бы совершенно немыслимо съ ортодоксальнымъ большинствомъ.

„Форма старо-еврейской религіи—заканчиваетъ онъ—кажется не жизнеспособной не только вслѣдствіе выдвинувшихся государственныхъ мотивовъ; мы чужды ей и духовно. Сіонизмъ, который отнюдь не является повтореніемъ минувшей уже эпохи, но начинаетъ собою новую жизнь, не можетъ удовлетвориться механическимъ возстановленіемъ от

жившихъ формъ, несмотря на свое благоговѣніе передъ традиціей, изъ которой онъ почерпаетъ много силы".

Лежитъ ли правда здѣсь посрединѣ? Кто можетъ отвѣтить? Отсюда видно только одно, какъ опасно вмѣшивать религіозные вопросы въ кругъ научныхъ изслѣдованій.

VIII.

Въ отдѣлѣ „Сіонизмъ и женщины" находятся въ равновѣсіи какъ количество, такъ и качество: и то, и другое не поддается критикѣ. Только двѣ дамы говорятъ здѣсь, и обѣ обращаются съ искренними, но совершенно безсодержательными воззваніями къ женщинамъ.

Ничего достойнаго упоминанія нѣтъ также въ отдѣлѣ „Къ исторіи сіонизма". Кое-какую цѣнность имѣетъ работа *Даніила Финка* о возникновеніи и распространеніи еврейской діаспоры, но я не понимаю, какое отношеніе имѣетъ она къ этому отдѣлу. Если возводить начало исторіи сіонизма къ появленію Сіона, тогда можно, конечно, разсказывать здѣсь всю еврейскую исторію. Вторая работа озаглавлена „Матеріалы къ исторіи сіонизма", но она не содержитъ ничего, кромѣ письма покойнаго д-ра Рюльфа, откуда видно, что Рюльфъ не былъ вовсе политическимъ сіонистомъ, и затѣмъ семь писемъ Герцля къ д-ру Пасманику и одно къ Іорк-Штейнеру, изъ которыхъ вообще ничего не видно. Только одинъ изъ этихъ документовъ для всемірной исторіи содержитъ въ себѣ многозначущее слово „терпѣніе!"

Десятый отдѣлъ, трактующій о „*сіонистской литературѣ*", позорно плохъ и малъ. *Юлій Ургисъ* говоритъ о сіонистской литературѣ и, хотя онъ захватываетъ цѣлыхъ два года, мы не находимъ ничего, кромѣ упоминаній брошюръ, докладовъ и листковъ. Романъ „Altneuland" Герцля составляетъ единственное болѣе значительное произведеніе, но болѣе чѣмъ сомнительно, имѣемъ ли мы основаніе гордиться этой книгой съ художественной точки зрѣнія. Такова сіонистская литература! Самое незначительное движеніе имѣло лучшую литературу. Я полагаю, что движеніе, насчитывающее восемь лѣтъ существованія и не связанное особенно большой практической работой, могло бы себѣ позволить роскошь и создать книгу посерьезнѣе. Статья г. Ургиса написана поверхностно и безъ всякаго критическаго взгляда.

За ней слѣдуетъ статья *Евгенія Изолани* о „Несторѣ исторіи гетто", именно о Соломонѣ Копѣ, авторѣ „Габріеля". Это снова доказываетъ, на какой литературной высотѣ стоитъ сборникъ. Самый маленькій разсказъ изъ жизни „гетто" Леопольда Комперта, Арона Бернштейна, Эмиля Франсоза, Захеръ Мазоха или Зангвилля содержитъ въ себѣ больше искусства и жизни, имѣетъ больше культурно-историческаго значенія, чѣмъ всѣ невозможные романы Кона, взятые вмѣстѣ.

„О современномъ сіонизмѣ" наивно толкуетъ г. *Л. фонъ Дитфуртъ*, но ему можно простить это, такъ какъ онъ христіанинъ и не знаетъ сіонизма. Г-нъ *М. Клейнманъ* пытается согласовать сіонизмъ съ наукой, при чемъ подъ наукой онъ понимаетъ все, что методично и систематично. Но и при такихъ условіяхъ онъ потерпѣлъ неудачу. Конечно, національно-еврейское чувство является вполнѣ естественнымъ и нормальнымъ, ему будетъ найдено постепенно самоопредѣленіе. Но національное еврейство и политическій сіонизмъ это вещи, совершенно отличныя другъ отъ друга.

Итакъ,—благодареніе богамъ!—я добрался до конца книги. Если я слишкомъ подробно разсматривалъ эту книгу, то это произошло собственно потому, что она представляетъ собою до извѣстной степени духовный балансъ сіонизма. Въ этомъ ея великое значеніе. Если кто хочетъ изучить разрозненность, безцѣльность и отсутствіе міровоззрѣнія въ современномъ сіонизмѣ, тотъ пусть прочтетъ эту книгу. Но кто хочетъ остаться при своемъ заблужденіи, тотъ пусть запасется большимъ оптимизмомъ, прежде чѣмъ возьметъ ее въ руки. Возможно, конечно, что слѣдующіе ежегодники будутъ лучше, если только издатель отнесется болѣе строго къ выбору и будетъ обращать больше вниманія на качество, чѣмъ на количество. Но я не вѣрю особенно въ то, чтобы уже въ ближайшемъ будущемъ можно было создать сіонистскую науку изъ современной путаницы. До сихъ поръ я знаю очень мало людей, которые сдѣлались бы глубже и основательнѣе при помощи политическаго сіонизма. Сіонизмъ и наука, хотя и не стоятъ сейчасъ враждебно другъ противъ друга, но расходятся въ разныя стороны съ вѣжливымъ холоднымъ поклономъ.

Фабій Шахъ.

Библіографія.

The Russian Jew in the United States. Studies of social conditions in New-York, Philadelphia and Chicago, with a description of Rural Settlements. Plained and edited by Charles S. Bernheimer. Philadelphia. The John Winston Co. 1905. 426 m 16°. (Русскій еврей въ Соединенныхъ Штатахъ. Очерки соціальныхъ условій въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и Чикаго, и описаніе сельскихъ колоній. Издано и редактировано докторомъ философіи, Чарльзомъ Бернгеймеромъ. Филадельфія. 1905.).

Положеніе русскихъ евреевъ въ Америкѣ является предметомъ огромнаго интереса для цѣлаго ряда народовъ и странъ. Для американскаго народа здѣсь цѣненъ матеріалъ, освѣщающій вопросъ о желательности или нежелательности еврейской иммиграціи. Еврейскій народъ, и въ особенности евреи въ Россіи, глубоко заинтересованы во всемъ, что обѣщаетъ улучшить положеніе еврейской массы, и изъ всѣхъ средствъ предлагаемыхъ или испытываемыхъ эмиграція въ Америку до сихъ поръ остается самымъ дѣйствительнымъ. Англія присматривается къ американскимъ гетто, въ виду того, что сама начинаетъ переживать сходную эпоху прилива еврейскихъ рукъ. Наконецъ интеллигентная Россія могла бы опредѣлить здѣсь размѣръ тѣхъ потерь, которыя еврейская эмиграція причиняетъ Россіи.

Нельзя поэтому не привѣтствовать изданія, длинное заглавіе котораго мы выписали выше. Книжка, выпущенная д-ромъ Бернгеймомъ послѣ двухлѣтнихъ хлопотъ, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и критическаго отношенія. Авторъ этихъ строкъ надѣется, что его личное участіе въ составленіи книжки (ограничившееся, впрочемъ, лишь одной статьей) не слишкомъ повредитъ объективности такого критическаго разбора книжки.

Книжка состоитъ изъ ряда статей, принадлежащихъ различнымъ авторамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ статей были предварительно напечатаны въ разныхъ американскихъ изданіяхъ, другія спеціально написаны по просьбѣ г. Bernheimer'a. Но во всякомъ случаѣ это

лишь сборникъ статей, а не научное изслѣдованіе. Обвинять въ этомъ редактора едва ли приходится, такъ какъ для научнаго изслѣдованія, въ родѣ того, какое было выпущено еврейскимъ колонизаціоннымъ обществомъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи, требовались бы спеціально ассигнованные капиталы, которыхъ въ распоряженіи редактора не было. Даже печатаніе книги еврейское издательское общество отказалось взять на себя, и редактору пришлось искать сговорчиваго издателя. И если присовокупить, что трудъ авторовъ статей также не оплачивался, то придется воскликнуть: „и на томъ спасибо!“ Изданіе д ра Бернгеймера поэтому не претендуетъ быть тѣмъ научнымъ изслѣдованіемъ, котораго ждетъ русско-еврейская масса въ Америкѣ. Это лишь группа интересныхъ статей, мнѣній и. т. д., а не сборникъ достовѣрныхъ матеріаловъ. Но большинство авторовъ статей по личному опыту хорошо знакомы съ условіями, которыя они описываютъ, и этотъ опытъ дѣлаетъ сборникъ довольно цѣннымъ.

Однимъ изъ серьезнѣйшихъ недочетовъ сборника является ограниченность затронутой имъ сферы. Почти весь сборникъ посвященъ описанію еврейскихъ колоній въ трехъ крупныхъ городахъ: Нью-Іоркѣ, Чикаго, Филадельфіи. Исключеніе составляютъ двѣ—три статейки о положеніи евреевъ землевладѣльцевъ. Правда, что огромное большинство евреевъ, и въ особенности русскихъ евреевъ, въ Америкѣ сконцентрировано именно въ этихъ трехъ городахъ, или вѣрнѣе въ одномъ Нью-Іоркѣ, еврейское населеніе котораго, вѣроятно, въ 8—9 разъ превосходитъ еврейское населеніе Филадельфіи. Но именно благодаря тому, что это три самыхъ крупныхъ центра — условія во всѣхъ ихъ сводятся болѣе или менѣе къ одному знаменателю; къ тому же о положеніи евреевъ въ Нью-Іоркѣ уже существуетъ небольшая литература. Между тѣмъ существуютъ многіе второстепенные центры русско-еврейской жизни въ Америкѣ, о которыхъ очень мало извѣстно. Таковы Бостонъ, Буффало, Синсинати, Кливлендъ, Ст. Луи, Луивиль, Питсбургъ, Санъ-Франциско. Въ виду жалобъ на переполненіе Нью-Іорка, въ настоящее время насущной задачей является изученіе этихъ второстепенныхъ центровъ, въ смыслѣ опредѣленія результатовъ иммиграціи въ прошломъ и пригодности ихъ для иммиграціи въ будущемъ.

Программа книжки задумана въ предѣлахъ ограниченной кромѣ городами области довольно глубоко: послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ статей, слѣдуетъ рядъ отдѣловъ, каждый изъ которыхъ раздѣленъ на три главы, посвященныя Нью-Іорку, Филадельфіи и Чикаго. Отдѣловъ этихъ девять: 1) общія данныя о населеніи, 2) филантропія, 3) экономическое положеніе, 4) религіозная дѣятельность, 5) образованіе, 6) развлеченія и общественная жизнь, 7) политика, 8) санитарныя условія и 9) преступность и тяжбы. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько статеекъ о земледѣліи и заключенія автора. Списокъ авторовъ насчитываетъ цѣлыхъ 30 именъ, изъ

которыхъ нѣкоторыя знакомы и читателямъ „Восхода. Редактору принадлежитъ помимо предисловія и заключенія пять статей, посвященныхъ разнымъ сторонамъ жизни евреевъ въ Филадельфіи; извѣстный беллетристъ Абрагамъ Каганъ помѣстилъ небольшую статейку, содержащую общій обзоръ жизни русскихъ евреевъ въ Америкѣ; статья И. Рубинова объ экономическомъ положеніи русскихъ евреевъ въ Нью-Іоркѣ уже знакома читателямъ „Восхода" [1]). Д-ръ М. Фишбергъ пишетъ о санитарныхъ условіяхъ въ Нью-Іоркѣ. О распредѣленіи евреевъ пишетъ завѣдующій „Removal Office въ Нью-Іоркѣ Д. Бресслеръ; о филантропіи въ Нью-Іоркѣ — завѣдующій объединенными еврейскими благотворительными обществами въ Нью-Іоркѣ, д-ръ философіи, Л. К. Френкель, о филантропіи въ Филадельфіи; президентъ мѣстнаго общества вспомоществованія еврейскимъ иммигрантамъ, Луи Леви,—объ экономическихъ условіяхъ въ Чикаго; и т. д. Надо отмѣтить, что составъ авторовъ въ сущности случайный и мало гармоничный. Здѣсь съ одной стороны русскіе евреи, члены той среды, которую они описываютъ, здѣсь евреи нѣмецкіе или американскіе, являющіеся посторонними зрителями, которымъ внутренняя психологія русскаго еврея мало понятна и, наконецъ, нѣсколько американцевъ, совсѣмъ чуждыхъ этой средѣ, и относящихся къ ней съ великолѣпной снисходительностью. Именно тамъ, гдѣ предметъ не поддается статистически-точному описанію, такая отчужденность автора замѣтно отзывается на качествѣ труда. Не менѣе крупнымъ недостаткомъ является крайняя неопредѣленность термина „русскій еврей" въ сборникѣ. Самъ по себѣ этотъ терминъ, конечно, не представляетъ никакихъ затрудненій, но уже изъ предисловія оказывается, что здѣсь подразумѣваются „евреи, прибывшіе изъ Россіи Австро-Венгріи и Румыніи", т. е. включены всѣ евреи иммигранты кромѣ нѣмецкихъ.

Тѣмъ не менѣе, редакторъ сборника въ значительной мѣрѣ правъ, когда заявляетъ въ предисловіи, что, „несмотря на значительное разнообразіе въ мнѣніяхъ, въ сборникѣ оказывается въ общемъ замѣчательное единодушіе относительно фактовъ". Конечно и это правило не безъ исключеній, и мы ниже отмѣтимъ нѣкоторыя изъ этихъ исключеній. Но въ общемъ несомнѣнно, что, несмотря на всѣ недочеты, сборникъ даетъ наилучшую пока картину жизни еврейской массы въ указанныхъ трехъ городахъ.

Начнемъ съ наиболѣе важныхъ—экономическихъ условій [2]). Съ взглядами автора о положеніи дѣлъ въ Нью-Іоркѣ читатель „Вос-

[1]) См. Книжки Восхода., Янв. 1905.

[2]) Нельзя не удивиться тому, что въ сборникѣ „Филантропіи" отведено мѣсто передъ „Экономическими условіями".

хода" уже знакомъ. Колонія русскихъ евреевъ въ Филадельфіи значительно меньше, но въ общемъ, судя по статьѣ д ра Бернгеймера, положеніе дѣлъ въ Филадельфіи весьма сходно съ Нью-Іоркомъ. Мы замѣчаемъ то же преобладаніе „иголочныхъ" индустрій. Заработная плата, впрочемъ, въ общемъ ниже чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, и санитарныя условія мастерскихъ и фабрикъ также хуже. Въ общемъ, несмотря на низкій уровень заработной платы, авторъ отмѣчаетъ стремленіе обзаводиться собственными домами, существованіе сбереженій въ банкахъ, и повсемѣстное развитіе страхованій – все симптомы разумной и умѣренной жизни. Портняжные рабочіе союзы состоятъ почти исключительно изъ русскихъ евреевъ.

Совершенно иное положеніе вещей во многихъ отношеніяхъ оказывается въ Чикаго, по словамъ г. Бисно,—евреи далеко не сконцентрированы въ одной отрасли. Хотя портняжное и табачное производства сохраняютъ преобладающее значеніе, тѣмъ не менѣе евреи разбросаны по всѣмъ индустріямъ и отраслямъ труда отъ мясника до желѣзнодорожныхъ служащихъ; опять таки въ портняжномъ и табачномъ дѣлѣ евреи не являются преобладающимъ элементомъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ отмѣчаетъ, что евреи живутъ въ скверныхъ гигіеническихъ условіяхъ, хуже другихъ національностей, за исключеніемъ итальянцевъ. Трэдъ-юніонистское движеніе среди русскихъ евреевъ въ Чикаго почти не существуетъ, огромный контингентъ занимается мелкой торговлей или мечтаетъ только о томъ, чтобы вырваться изъ рабочей среды. Въ общемъ невозможно избѣжать заключенія, что наиболѣе сильной экономически, наиболѣе прогрессивной, наиболѣе обѣщающей остается колонія въ Нью-Іоркѣ, несмотря на всѣ крики о переполненіи Нью-Іорка.

Правда, что въ статьѣ д-ра Л. К. Френкеля о еврейской благотворительности мы находимъ прямо противоположное мнѣніе. „Вся паразитическая нищета, какая существуетъ среди евреевъ, и въ особенности въ Нью-Іоркѣ, вся порочность и преступность развились исключительно благодаря излишней скученности и тѣснотѣ, вызванной бѣдностой иммигрантовъ".

Что бы мы ни думали объ этомъ объясненіи, сообщаемые авторомъ этой статьи факты объ еврейской благотворительности очень интересны. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ португальскіе евреи обѣщали, что, въ случаѣ допущенія ихъ въ Нью-Іоркъ, ихъ бѣдные не будутъ бременемъ для постороннихъ; и обѣщаніе это выполняется и теперь. До 80-хъ годовъ спросъ на еврейскую благотворительность былъ незначительный. Съ наплывомъ еврейскихъ иммигрантовъ изъ Россіи и Румыніи бюджетъ еврейскихъ благотворительныхъ обществъ сильно возросъ; вопросъ о помощи иммигрантамъ принималъ рѣзкую форму въ годы внезапнаго роста иммиграціи, но даже человѣкъ, приходящій въ соприкосновеніе

главнымъ образомъ съ людьми, просящими милостыню—д-ръ Френкель отмѣчаетъ, что еврейскій иммигрантъ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, рѣдко нищій по призванію. Въ связи съ этимъ интересно слѣдующее наблюденіе автора: въ декабрѣ 1899 г. онъ сдѣлалъ подсчетъ относительно 1000 семействъ, которыя обратились за вспомоществованіями въ октябрѣ 1894 г., т. е. болѣе пяти лѣтъ тому назадъ. Изъ нихъ продолжали получать помощь всего 67 семействъ, т. е. только 67 семействъ остались нищими 5 лѣтъ подрядъ. Цѣлыхъ 600 семействъ изъ этой 1000 перестали получать вспомоществованіе еще въ декабрѣ 1894 г., т. е. черезъ два мѣсяца. Еврей, обращающійся за помощью, не превращается въ профессіональнаго нищаго.

„Соединенныя еврейскія благотворительныя общества" (United Hebrew Charities) включаютъ въ сущности лишь благотворительныя учрежденія, существовавшія еще въ 1814 г., т. е. поддерживаемыя американскими и нѣмецкими евреями; въ теченіе 80-хъ годовъ это былъ единственный источникъ помощи. Но съ начала 90 хъ годовъ положеніе начинаетъ измѣняться, и правило о содержаніи собственныхъ бѣдныхъ начинаетъ становиться принципомъ для русскихъ евреевъ. Одно за другимъ учреждаются Gemileth Chasodim, Beth Israel Hospital, похоронныя общества, пріюты и т. д. — учрежденія менѣе монументальныя нежели, чѣмъ учрежденія „нѣмецкихъ евреевъ", но—и авторъ напрасно не отмѣчаетъ этого—пользующіеся гораздо большимъ довѣріемъ еврейской массы. Въ Филадельфіи замѣчается та же тенденція въ меньшихъ размѣрахъ. Здѣсь также существуетъ объединенная организація болѣе старыхъ благотворительныхъ обществъ, которая имѣетъ бюджетъ въ 25.000 долларовъ, въ то время какъ нью-іоркская United Hebrew Charitie расходуетъ до 200.000 долларовъ. Но и здѣсь русско-еврейская община не проявляетъ тенденціи полагаться на своихъ нѣмецкихъ собратьевъ, и здѣсь появляются классическія Bikur Cholim, и Chevra Kadisho, и Gemileth Chasodim и Malbish Arumim и т. д., и т. д. Наконецъ, начинаютъ появляться и организаціи румынскихъ евреевъ. Здѣсь мы опять наталкиваемся на интересный фактъ, что еврейская самодѣятельность процвѣтаетъ гораздо больше въ крупномъ центрѣ. Въ Чикаго, гдѣ русскихъ евреевъ гораздо меньше, до сихъ поръ не существуетъ ни одного крупнаго русско-еврейскаго благотворительнаго общества.

Постоянные читатели книжекъ „Восхода", вѣроятно, не забыли статью г. Тираспольскаго объ упадкѣ религіозности среди русскихъ евревъ въ Америкѣ. Изъ трехъ статей о религіозной жизни въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и Чикаго, только одна, посвященная Чикаго, не отмѣчаетъ этого факта. Это исключеніе, на ряду съ многими другими исключеніями, очень характерно. Оказывается, что чѣмъ дальше вглубь страны проникаютъ русскіе евреи, тѣмъ

менѣе замѣтна та „американизація“, насущной частью которой считается и потеря религіозности. Едва ли нужно указать, что здѣсь дѣлается ошибка въ самой точкѣ зрѣнія. Что переселеніе еврейской массы въ Америку сопровождалось упадкомъ религіозности—фактъ неотрицаемый. Но насколько ошибочно считать это результатомъ американскихъ вліяній, видно уже изъ того, что американцы послѣ англичанъ, вѣроятно, самый религіозный народъ въ цивилизованномъ мірѣ, по крайней мѣрѣ поскольку дѣло касается религіозной внѣшности. Несомнѣно, что еврейская религіозная жизнь переняла многія американскія черты, какъ это можно судить по многимъ интереснымъ фактамъ, сообщаемымъ относительно Нью-Іорка г. Луи Липскимъ, редакторомъ газеты „American Hebrew“, и относительно Филадельфіи—рабби Юліемъ Гринстономъ. Такова многочисленность религіозныхъ приходовъ, совершенно независимыхъ отъ общинной жизни, содержаніе раввиновъ, развитіе многочисленныхъ филантропическихъ и другихъ учрежденій въ связи съ приходомъ и т. д. Хотя въ Америкѣ безъ труда можно найти самыя ортодоксальныя формы богослуженія, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вліяніе „нѣмецкихъ“ или „реформаторскихъ“ пріемовъ, хотя и медленно, но постепенно растетъ. Но самымъ краснорѣчивымъ явленіемъ остается упадокъ религіозности. Среди старшаго поколѣнія этотъ упадокъ менѣе замѣтенъ, конечно. Тревогу въ средѣ духовенства вызываетъ молодое поколѣніе. Старшее поколѣніе борется съ нимъ посредствомъ родительскаго авторитета; но это средство въ „свободной Америкѣ“ оказывается совсѣмъ негоднымъ; оно борется при помощи организаціи хедеровъ и талмудъ-торъ. Описывая религіозную жизнь въ Чикаго, г-жа Дэвисъ приходитъ въ восторгъ отъ того, что въ одномъ посѣщенномъ ею хедерѣ шестилѣтній мальчишка свободно переводилъ съ древне-еврейскаго языка на жаргонъ пятикнижіе и пророковъ. „Мы смѣемся надъ американскими методами этихъ учителей,—говоритъ авторъ,—но весь нашъ хваленый прогрессъ въ педагогикѣ не даетъ такихъ великолѣпныхъ результатовъ“. Гг. Липскій и Гринстонъ, однако, далеки отъ такого наивнаго восторга передъ хедерами и ихъ методами; оба отмѣчаютъ, что американскіе хедеры обладаютъ всѣми тѣми отрицательными качествами, которыми извѣстны хедеры европейскіе... Оба указываютъ, что хедеры лишь раздуваютъ антагонизмъ „отцовъ и дѣтей“, котораго достаточно въ русско еврейской Америкѣ.

Въ объясненіи упадка религіозности замѣчается крупная разница между г. Липскимъ и Гринстономъ. Рабби Гринстонъ раздѣляетъ русско-еврейскую массу на три класса. Во-первыхъ иммигранты низшихъ классовъ (sic!). Это рабочіе, страдающіе отъ своего экономическаго положенія, подпадающіе подъ вліяніе демагоговъ—русскихъ студентовъ. Эти невѣжественные люди скоро теряютъ свои религіозныя убѣжденія. Во-вторыхъ—

иммигранты изъ среднихъ классовъ съ нѣкоторымъ образованіемъ, берущіеся за профессіональный или торговый трудъ. Эти люди становятся или атеистами, или агностиками. Объясненіе, которое даетъ г. Гринстонъ,—что это имъ выгодно, потому что евреи болѣе уважаютъ человѣка, держащагося вдали отъ ихъ религіозной жизни—это объясненіе просто глупо. Мы напротивъ отлично знаемъ многихъ еврейскихъ врачей, симулирующихъ религіозность съ цѣлью популярности среди еврейской массы. Проявленіе атеизма, несомнѣнно, вредитъ профессіональному успѣху.

Наконецъ характерно для американскаго равви то, что онъ всю надежду возлагаетъ на третью группу, родившихся на американской почвѣ и прошедшихъ американскую школу. Ихъ отъ религіи удаляетъ устарѣлая непривлекательная обрядность ортодоксальнаго еврейскаго богослуженія. Если для этого элемента организовать спеціальные храмы и ввести реформированное богослуженіе, то ихъ можно еще спасти.

Такимъ образомъ оказывается, что упадокъ религіозности замѣчается во всѣхъ трехъ группахъ. І. Липскій, выказывающій болѣе продуманное отношеніе къ вопросу, говоритъ: „Большая ошибка думать, что молодежь гетто держится въ сторонѣ отъ религіи потому, что ей не нравится религіозный церемоніалъ. Ихъ оппозиція религіи не основана на внѣшности. На нихъ повліялъ общій прогрессъ науки, распространеніе философскихъ идей“...

Несомнѣнно въ еврейскомъ безвѣріи скомбинировано много элементовъ. Вліяніе, конечно, имѣли, какъ указываетъ г. Липскій, и Кантъ, и Спенсеръ, и Эмерсонъ, и Ф. Адлеръ съ его „этической культурой“. Но въ концѣ концовъ число сознательныхъ философски образованныхъ атеистовъ и агностиковъ не можетъ быть велико, и упадокъ религіозности распространяется далеко за предѣлы позитивистическихъ кружковъ. До извѣстной степени несомнѣнное вліяніе имѣлъ упадокъ общиннаго авторитета, сдѣлавшій возможнымъ равнодушіе къ религіи. Но самую главную причину не указалъ ни одинъ изъ авторовъ: это полная революція въ укладѣ жизни, вслѣдствіе перехода еврейской массы изъ „средняго“ класса въ классъ пролетаріевъ. Религіозность не составляетъ отличительной черты пролетарскаго существованія. Г. Гринстонъ чуть-чуть не подошелъ къ этому объясненію, когда обвинялъ „недоучившихся русскихъ студентовъ“.

Особо интересными для русскаго читателя будутъ три статьи, посвященныя учебному дѣлу, хотя эти статьи оставляютъ желать многаго. Такъ авторъ статьи о Нью-Іоркѣ, американецъ, наблюдающій русско-еврейскую жизнь J. K. Paulding — даже не упомянулъ объ Educational League — учебномъ предпріятіи, организованномъ русско-еврейскими усиліями. Очень интересныя цифры приводятся относительно городскихъ школъ. Такъ г. Полдингъ даетъ списокъ 28 школъ, находящихся въ предѣлахъ

главнаго гетто (напомнимъ читателю, что въ предѣлахъ Нью-Іорка имѣются 4 или 5 гетто); въ этихъ 28 школахъ имѣется 64.605 учащихся, и изъ нихъ 61.103 евреи, т. е. 95%. Во многихъ школахъ этотъ процентъ повышается до 99. Такъ на углу Rivington и Ridge Street имѣется городская школа съ 2183 учащимися, изъ нихъ 2178 еврейскія дѣти. Въ Филадельфіи, гдѣ еврейская концентрація не такъ интенсивна, въ 35 школахъ еврейскаго раіона изъ 21.485 дѣтей 11.683 еврейскихъ т. е. 55%; но и здѣсь процентъ доходитъ въ нѣкоторыхъ школахъ до 90. Въ городскихъ гимназіяхъ Нью-Іорка евреи составляютъ до 40% учащихся, хотя евреи составляютъ всего 20% населенія. Никто однако объ ограниченіи еврейскаго процента не говоритъ. Существуютъ въ Нью-Іоркѣ и двѣ городскія коллегіи, и число еврейскихъ воспитанниковъ и воспитанницъ доходитъ до 70—80%. Но если бы даже существовала точная статистика всѣхъ школъ и учебныхъ заведеній, то это не дало бы суммы учащихся евреевъ въ Нью-Іоркѣ. Тутъ и вечернія школы, городскія и техническія школы барона Гирша, и десятки разныхъ другихъ школъ для взрослыхъ и для дѣтей. „Среди педагогическихъ факторовъ въ жизни русскаго раіона крупное мѣсто принадлежитъ соціалистической пропагандѣ". Авторъ отмѣчаетъ также литературные клубы, кружки для самообразованія. Не слѣдуетъ забывать и библіотекъ. Нью-іоркской печатью было отмѣчено, что наибольшее число „серьезныхъ книгъ" выдается тѣми городскими библіотеками, которыя находятся въ раіонѣ еврейскаго гетто. Стремленіе еврейской массы къ образованію, къ просвѣщенію, было уже неоднократно отмѣчено американцами, и представляетъ удивительный контрастъ между еврейской массой и массой итальянской, ирландской, нѣмецкой и даже американской.

Очень мало мѣста, къ сожалѣнію, удѣлено отдѣлу „развлеченій" и того, что американцы называютъ „social life". „Это трудно переводимый терминъ, ибо подъ „общественной или соціальной жизнью" по-русски подразумѣвается нѣчто гораздо большее. Но эта внѣшная обстановка жизни евреевъ въ Америкѣ интересна тѣмъ, что рѣзко отличается, какъ отъ традиціонно-еврейской, такъ и отъ американской жизни.

Напомнимъ читателю „Восхода" небольшую статейку г. Тираспольскаго „Американизація". Авторъ этой статейки, посѣтившій Нью-Іоркъ, успѣлъ подмѣтить раздѣленіе еврейской массы на „зеленыхъ" т. е. новичковъ и „желтыхъ", уже побывавшихъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ; зеленые желтыхъ считаютъ „настоящими американцами", и желтые сами склонны считать себя таковыми. Г. Тираспольскій также впалъ въ эту печальную ошибку и процессъ превращенія изъ зеленаго въ желтаго называетъ „американизаціей" даже безъ ковычекъ. Если бы г. Тираспольскій зналъ, съ какимъ ужасомъ „американцы" смотрятъ на Нью-Іоркъ вообще

и что изъ всего Нью-Іорка желтые знакомы только съ одной его частью—гетто, то понялъ бы, какъ невозможенъ процессъ „американизаціи“. Въ своей статьѣ г. Т. самъ невольно подчеркиваетъ этотъ фактъ, когда указываетъ, что зеленый спѣшитъ научиться „американскимъ застольнымъ манерамъ“, которые требуютъ, чтобы, садясь за столъ, обѣдающій выпилъ немедленно стаканъ воды со льдомъ *и закусилъ кускомъ масла*. Я готовъ поклясться, что никогда не видѣлъ такой странной закуски за американскимъ столомъ.

Въ дѣйствительности—американцы сами выражаютъ не меньшее любопытство по отношенію къ жизни гетто, чѣмъ люди, пріѣхавшіе изъ Россіи; и на англійскомъ языкѣ о внѣшней чертѣ этой жизни существуетъ уже порядочная литература. Русско-еврейско-американская жизнь тѣмъ именно и интересна, что это не русская, не еврейская, и не американская жизнь, а „русско-еврейско-американская“ жизнь—интересный результатъ сложнаго синтеза. Здѣсь и русская задушевность, и еврейская воздержанность, и американская непринужденность.

Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ трехъ авторовъ не принадлежитъ къ водовороту этой жизни. Пишущій о Нью-Іоркѣ редакторъ англійскаго отдѣла жаргонной газеты „Der Judische Tageblatt“, стоитъ въ сторонѣ отъ *русско*-еврейской жизни и въ особенности русско-еврейской интеллигенціи; о Филадельфіи пишетъ американка, жена извѣстнаго профессора политической экономіи въ Пенсильванскомъ университетѣ, Паттена,—считающая необходимымъ указать, что „факты для своей статьи она собрала“, будучи одну зиму членомъ университетскаго поселенія. Тѣмъ не менѣе въ статьяхъ отмѣчены вѣрныя черты: и сравнительная воздержанность отъ спиртныхъ напитковъ, и преобладаніе кофеенъ надъ пивными въ гетто, и политическая окраска кофеенъ, и огромное значеніе театра, въ области котораго на долю Якова Гордина и нѣкоторыхъ другихъ менѣе плодовитыхъ драматуровъ выпала нелегкая задача бороться съ нелѣпыми традиціями еврейскаго театра съ одной стороны и пошлостью американскихъ театровъ съ другой. Интересной, недостаточно подчеркнутой чертой увеселеній—въ нью-іоркскомъ гетто является ихъ общественная подкладка. Нью-Іоркскій еврей или еврейка всегда танцуютъ и веселятся и даже идутъ въ театръ въ пользу чего-нибудь„—или въ пользу американской партіи“, или далекой „революціи“, или больныхъ, или стачечниковъ.

Если только картина, которую г-жа Паттенъ рисуетъ для Филадельфіи не карикатура (вниманіе, которое дама удѣляетъ „безвкуснымъ“ платьямъ и нехорошо вычищеннымъ ботинкамъ заставляетъ насъ относиться скептически къ ея выводамъ), то типъ русско-еврейской жизни въ Филадельфіи гораздо ниже, менѣе одухотворенъ; театръ не выросъ за предѣлы старыхъ традицій, и не имѣетъ воспитательнаго значенія, вмѣсто баловъ съ общественнымъ значе-

ніемъ преобладаютъ балы съ коммерческой подкладкой, а на балахъ доминируютъ кэкъ-уоки. Интересная деталь, что на балахъ въ Филадельфіи все еще преобладаетъ низкая входная плата въ 15—25 сентовъ, въ то время какъ въ Нью-Іоркѣ она уже поднялась до 50—75 сентовъ.

Въ виду существующей экономической дифференціаціи въ русско-еврейской массѣ трудно искать единства въ политической жизни. До сихъ поръ не было необходимости въ политикѣ на національныхъ или этическихъ началахъ, и такая политика по справедливости не пользуется расположеніемъ лучшихъ элементовъ. Въ виду того, что въ Чикаго евреи занимаются мелкой торговлей, въ Чикаго почти нѣтъ еврейскаго соціалистическаго элемента. Въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи этотъ элементъ гораздо сильнѣе, и хотя статьи объ этихъ двухъ городахъ написаны не соціалистами, оба вынуждены признать воспитательное, облагораживающее значеніе соціалистической пропаганды въ еврейской массѣ. Фактъ, что изъ всѣхъ жаргонныхъ газетъ соціалистическая „Vorwärts“ расходится въ наибольшемъ количествѣ экземпляровъ. Указанъ интересный фактъ, что *русскіе* евреи играютъ чрезвычайно незначительную роль въ „практической политикѣ двухъ большихъ партій—республиканской и демократической“; т. е. очень мало русскихъ евреевъ получающихъ тепленькія назначенія. Но упущена причина этого, рѣзко отличающая русское еврейство отъ всякаго другого этическаго элемента населенія Нью-Іорка: русская интеллигенція связала свою политическую судьбу съ пролетаріатомъ—и русско-еврейская интеллигенція единственная, которая рѣшилась на такой шагъ.

Наша библіографическая замѣтка разрослась до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что мы вынуждены ограничиться очень немногими словами относительно трехъ статей „о здоровьи и санитарныхъ условіяхъ“, написанныхъ д-ромъ Фишбергомъ (Нью-Іоркъ), редакторомъ (Филадельфія) и женщиной врачемъ К. Ливай (Чикаго); тѣмъ болѣе, что работа Фишберга была уже напечатана въ періодическихъ изданіяхъ и отмѣчена въ свое время въ „Восходѣ“. Всѣ три автора указываютъ, что, несмотря на скученность, тѣсноту и бѣдность иммигрантской жизни и предрасположеніе евреевъ къ нѣкоторымъ заболѣваніямъ, какъ, напр., нервнымъ, въ общемъ смертность среди русскихъ евреевъ меньше чѣмъ среди другихъ народностей; среди евреевъ даже менѣе распространена заболѣваемость отъ инфекціонныхъ болѣзней. Д-ръ Фишбергъ описываетъ условія жизни въ огромныхъ нью-іоркскихъ tenement'ахъ. Въ Филадельфіи, которую американцы называютъ—the city of homes,—городъ домашнихъ очаговъ—и евреи живутъ въ крошечныхъ домикахъ. Но сгущенность зависитъ больше отъ экономическихъ условій, чѣмъ отъ архитектурныхъ. Въ этихъ маленькихъ домикахъ, разсчитанныхъ на одну семью, поселяются двѣ и

получается та же сгущенность. Въ общемъ однако несомнѣнно, что внѣшнія условія жизни въ Филадельфіи—болѣе благопріятны. Д-ръ Ливанъ даетъ очень интересныя таблицы, доказывающія, что большинство русско-еврейскихъ семей въ Чикаго имѣютъ отъ 3 до 6 комнатъ. Такъ изъ 1.730 опрошенныхъ въ одной школѣ дѣтей, 1.493 жили въ квартирахъ, имѣющихъ отъ 3 –6 комнатъ, и 153,— въ квартирахъ болѣе 6 комнатъ. Только 84 дѣтей, или 5 проц., жили въ одной или двухъ-комнатной квартирѣ.

Подъ заглавіемъ „Law and Litigation“ (законъ и судебныя тяжбы) даются интересные факты изъ криминологіи русскаго еврейства въ Америкѣ. Жизнь въ многомилліонномъ городѣ не то, что жизнь въ маленькомъ литовскомъ мѣстечкѣ. Новыя искушенія, новыя стремленія, и, можетъ быть, внезапное освобожденіе отъ полицейскаго ига, все это не могло не повысить нѣсколько преступности. Помимо этого несомнѣнно, что хотя русскіе евреи остаются самымъ умѣреннымъ изъ всѣхъ населяющихъ Соединенные Штаты народовъ по отношенію къ алкогольнымъ напиткамъ, все же потребленіе ихъ значительно повысилось по сравненію съ таковымъ въ Россіи. Но если процентъ преступниковъ, арестованныхъ и слишкомъ на еврейскую мѣрку великъ, то отрадно отмѣтить, что это гораздо меньшій процентъ, что у другихъ національностей въ Америкѣ. Такъ въ 1900 г. русскіе, составляя 11,2 проц. населенія Нью-Іорка, дали лишь 8.2 проц. преступности, и еврейскія преступленія менѣе значительны. Такъ очень рѣдки убійства, вооруженныя нападенія и т. д.

Книга заканчивается статьей г. Д. Бресслера о необходимости распредѣленія евреевъ по всей странѣ и образованіи новыхъ центровъ притяженія иммиграціи, двумя статьями о положеніи еврейскихъ фармеровъ на Востокѣ и на Западѣ—и, наконецъ, заключительной главой редактора, суммирующей содержаніе книги и пытающейся дѣлать выводы. Нашъ подробный обзоръ всей книги показываетъ, что методъ былъ преимущественно описательный; и въ богатствѣ этого описательнаго матеріала и сообщаемыхъ фактовъ состоитъ главное достоинство книги, на основаніи которой могутъ, пожалуй, быть сдѣланы различные выводы. Но одного вывода нельзя избѣжать, а именно, что въ 20 лѣтъ русскіе евреи сдѣлались важнымъ, сильнымъ и экономически полезнымъ, соціально-прогрессивнымъ элементомъ городского населенія Соединенныхъ Штатовъ.

И. Рубиновъ.

Вашингтонъ, августъ 1905.

Русскіе учащіеся въ швейцарскихъ университетахъ *).

Теперь, когда происходитъ ликвидація стараго порядка въ Россіи, когда совершается генеральная ломка всего архаическаго прогнившаго зданія, рѣдко кто скажетъ, что всѣ еврейскія гоненія вызывались какими-либо дѣйствительными причинами, а не простыми полицейскими соображеніями. Тѣмъ справедливѣе это по отношенію къ ограниченіямъ въ области образованія. Тутъ полицейская политика сразу бросалась въ глаза каждаго, кого только природа наградила зрѣніемъ и способностью воспринимать факты окружающей жизни. Свѣта и знанія боялся не русскій народъ, а его помрачатели свыше...

Недопущеніе евреевъ къ образованію было одной изъ самыхъ тяжелыхъ каръ. Надо принять во вниманіе еврейскую любовь къ просвѣщенію, чтобъ понять, какъ велики должны были быть тѣ страданія, которыя вызывались невозможностью получать школьное образованіе. И кого касались эти строгія предписанія? Самаго воспріимчиваго элемента нашего общества—молодежи! Съ самаго дѣтства еврейскія дѣти научались понимать, возмущаться и ненавидѣть... Въ началѣ этотъ процессъ происходилъ лишь инстинктивно, а потомъ сознательно и обдуманно... Нанесенныя обиды въ молодости никогда не забываются.

Такъ или иначе, ограниченія въ сферѣ образованія были страшнымъ козыремъ въ рукахъ нашихъ враговъ. Мы рисковали потерять интеллигенцію, эту руководительницу и воспитательницу всякаго народа. Враги не обманывались, когда хотѣли отвоевать у насъ эти позиціи. Они имѣли въ виду затушить въ насъ факелъ знанія, этотъ свѣточъ, который озаряетъ путь къ будущему... Но имъ не удалось. Энергичная еврейская молодежь ни передъ чѣмъ не останавливалась: она пускалась въ далекія страны, невѣдомыя дали и тамъ получала необходимое образованіе. И не только образованіе, а цѣльное общественное и государственное воспитаніе. Тамъ въ чужихъ странахъ она научалась любить свободу и ненавидѣть рабство...

Особенно это вѣрно относительно Швейцаріи. Значеніе для насъ

---

*) Мы пользуемся данными изъ „Zeitschrift für Schweizerische Statistik", Jahrgänge 1888, 1894, 1898 и 1903. Данныя о Германіи приведены нами въ 26-мъ № „Восхода", въ отдѣлѣ „Заграничная хроника". Данныя о русскихъ учащихся въ Австріи за 1901 г. имѣются въ нашей статьѣ: „Евреи въ учебныхъ заведеніяхъ Австріи". Восх. № 25.

Швейцаріи увеличивается еще тѣмъ, что тамъ главнымъ образомъ получали высшее образованіе еврейскія дѣвушки. Если для мужчинъ были открыты учебныя заведенія и въ другихъ государствахъ, то для женщинъ главнымъ образомъ одна Швейцарія. Во всѣхъ отношеніяхъ эта маленькая свободная страна сыграла въ жизни нашей молодежи очень крупную роль. Но полное выясненіе этой роли—дѣло будущаго...

* * *

Перейдемъ теперь къ цифрамъ.

Наши данныя о швейцарскихъ университетахъ обнимаютъ періодъ въ 15 лѣтъ, отъ 1887 г. до 1902 г. Останавливаемся только на зимнихъ семестрахъ. Что касается перваго отчетнаго года, то имѣются данныя только о четырехъ университетахъ (Базель, Цюрихъ, Бернъ и Женева); лозаннскій университетъ существуетъ лишь съ 1888 г. Раньше въ Лозаннѣ была академія. Католическій университетъ (юрид., филос. и теол. факультеты) въ Фрейбургѣ былъ учрежденъ въ 1889 г., а университетъ въ Неуенбергѣ—въ 1893 г.

Слѣдующія данныя показываютъ, сколько было учащихся въ каждомъ семестрѣ.

Семестры.	Всего.	Швейцарцевъ.	Иностранцевъ.	Русскихъ.
1887—88	1784	1292	492	168
1893—94	2903	1777	1126	318
1897—98	3492	1912	1580	475
1901—02	4315	2263	2052	986

Изъ этихъ данныхъ видно, что сильнѣе всего росло число учащихся изъ Россіи (Европейской). Общее число учащихся увеличилось въ 2,4 раза, число швейцарцевъ—въ 1,7 раза, число иностранцевъ вообще (вмѣстѣ съ русскими)—въ 4,1 раза, а число русскихъ—въ цѣлыхъ 6 разъ. Если данныя 1887—88 г. мы примемъ за сто, то цифры остальныхъ лѣтъ представятся въ слѣдующемъ видѣ:

Семестры.	Всего.	Швейцарцевъ.	Иностранцевъ.	Русскихъ.
1887—88	100	100	100	100
1893—94	162	137	229	195
1897—88	195	148	321	291
1901—02	241	175	417	604

Только до 1897—98 г. число иностранныхъ студентовъ вообще поднималось сравнительно интенсивнѣе, чѣмъ число русскихъ. Потомъ ростъ русскихъ студентовъ далеко опередилъ. Число швейцарскихъ учащихся хотя увеличивается, но очень медленно и слабо. Посмотримъ теперь, какой процентъ составляетъ каждая группа въ каждомъ отчетномъ году. Изъ группы иностранцевъ мы совершенно выдѣляемъ русскихъ, такъ какъ въ нее входятъ только иностранные студенты изъ всѣхъ другихъ странъ, кромѣ Россіи.

Семестры.	Всего.	Швейцарцевъ.	Иностранцевъ (безъ русскихъ).	Русскихъ.
1887—88	100	72,5	18,4	9,1
1893—94	100	61,2	27,8	11,0
1897—98	100	54,8	31,6	13,6
1902—02	100	52,4	24,7	22,9

Характерно то, что въ 1901—02 г. процентъ иностранцевъ вообще стоитъ ниже, чѣмъ въ 1897—98 г., потому что значительно поднялся процентъ русскихъ: съ 13,6% въ 1897—98 г. до 22,9% въ 1901—02 г. Послѣдняя таблица также показываетъ, что въ швейцарскихъ университетахъ постоянно увеличивается чужой элементъ. Въ 1887—88 г. процентъ швейцарцевъ былъ еще 72,5, а въ 1901—02 г. только 52,4, т. е. почти *половина* всѣхъ учащихся—иностранцы. Неудивительно поэтому, что такой наплывъ иностранцевъ вызываетъ иногда недовольство въ Швейцаріи.

Интересно еще выяснить процентъ русскихъ среди иностранцевъ. Въ 1887—88 г. онъ равнялся 33,1, въ 1893—94—28,2, въ 1897—98—30,0, а въ 1901—02—48,0. Такимъ образомъ въ послѣднемъ отчетномъ году немного меньше *половины* всѣхъ иностранныхъ учащихся были русскіе.

Въ швейцарскихъ университетахъ, какъ извѣстно, очень много женщинъ. Посмотримъ, какъ велико число учащихся женщинъ вообще и какой процентъ оно составляетъ къ общему числу учащихся.

Семестры.	Учащихся женщинъ вообще.	Швейцарокъ.	Иностранокъ.	Русскихъ.
1887—88	158	19	139	99
1893—94	335	34	301	194
1897—98	502	56	446	306
1901—02	984	119	865	757

Прежде всего, что бросается въ глаза въ этой таблицѣ, это сравнительно небольшое число учащихся швейцарокъ и громадное число русскихъ. Однако, и среди швейцарокъ замѣтно сильное стремленіе къ высшему образованію. Въ 1887—88 г. студентокъ-швейцарокъ было всего 19, а черезъ пятнадцать лѣтъ уже 119.

Самое вѣрное представленіе о распредѣленіи учащихся женщинъ по отдѣльнымъ группамъ даетъ намъ слѣдующая таблица:

Семестры.	Всего.	Швейцарокъ.	Иностранокъ (безъ русскихъ).	Русскихъ.
1887—88	100	12,0	25,3	62,7
1893—94	100	10,2	31,9	57,9
1897—98	100	11,1	27,9	61,0
1901—02	100	12,0	11,0	77,0

Процентъ швейцарокъ все время держится на одной высотѣ. Процентныя отношенія иностранокъ (безъ русскихъ) и русскихъ колеблются, то въ пользу иностранокъ, то въ пользу русскихъ. Въ 1901 г. видъ совершенно измѣнился: процентъ иностранокъ сильно упалъ, а процентъ русскихъ студентокъ достигъ небывалой еще величины—трехъ четвертей (77%) всѣхъ учащихся женщинъ.

Слѣдующая таблица изображаетъ распредѣленіе каждой группы по поламъ.

Семестры.	Всего.		Швейцарц.		Иностранцевъ (безъ русск.).		Русскихъ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1887—88	1626	158	1273	19	289	40	64	99
1893—94	2568	335	1743	34	701	107	124	194
1897—98	2990	502	1856	56	965	140	169	306
1901—02	3831	984	2144	119	958	108	229	757

Бѣглый взглядъ на эту таблицу замѣчаетъ, что только среди русскихъ преобладаютъ женщины надъ мужчинами. Во всѣхъ остальныхъ группахъ учащихся мужчинъ значительно больше женщинъ. Принимая общее число въ каждой группѣ за 100, процентъ мужчинъ и женщинъ будетъ слѣдующій:

	Всего.		Швейцарц.		Иностранцевъ.		Русскихъ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1887—88	91,8	8,9	98,5	1,5	87,8	12,2	39,2	60,8
1893—94	88,4	11,6	98,0	2,0	86,7	13,3	39,0	61,0
1897—98	85,6	14,4	97,0	3,0	87,3	12,7	35,6	64,4
1901—02	77,1	22,9	94,7	5,3	89,8	10,2	23,2	76,8

Тутъ мы ясно видимъ, что только среди русскихъ преобладаютъ женщины. Процентъ русскихъ студентокъ по отношенію къ общему числу русскихъ учащихся составлялъ въ 1901—02 г. 76,8, т. е. больше трехъ четвертей. На основаніи этой таблицы мы можемъ также заключить, что процентъ иностранныхъ студентокъ (безъ русскихъ) въ сравненіи съ предыдущими годами немного упалъ. Въ 1887—88 г. этотъ процентъ достигалъ 12,2, а въ 1901—02 г.—только 10,2. Что касается швейцарокъ, то онѣ съ каждымъ годомъ все больше стремятся къ высшему образованію.

Слѣдуетъ отмѣтить, что на теологическомъ факультетѣ русскихъ учащихся вовсе не было. Главнымъ образомъ русскіе изучаютъ медицину. Зная, что три четверти учащихся изъ Россіи—женщины, явленіе это становится вполнѣ понятнымъ. Медицина—именно та область, гдѣ женщина завоевала уже общее признаніе. Представленіе о распредѣленіи учащихся по факультетамъ мы можемъ получить изъ слѣдующихъ таблицъ:

	1887—88	1893—94	1897—98	1901—02
Медицинскій факультетъ.				
Всего	749	1010	1147	1539
Русскихъ	95	186	277	677
% русскихъ	12,6	18,4	24,1	43,9
Философскій факультетъ.				
Всего	515	1021	1437	1799
Русскихъ	65	127	194	289
% русскихъ	12,6	12,4	13,5	16,0
Юридическій факультетъ.				
Всего	301	503	582	649
Русскихъ	3	5	4	20
% русскихъ	1,0	1,0	0,6	3,0

Бросается въ глаза крупный процентъ русскихъ на медицинскомъ факультетѣ и незначительный, едва замѣтный на юридическомъ. На медицинскомъ факультетѣ процентъ русскихъ постоянно возросталъ: съ 12,6 въ 1887—88 г. до 43,9 въ 1901—02 г. Въ послѣднемъ отчетномъ году двѣ пятыхъ всѣхъ учащихся на медицинскомъ факультетѣ были русскіе. Неудивительно поэтому, что начальство швейцарскихъ университетовъ рѣшило отдавать предпочтеніе въ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ швейцарскимъ уроженцамъ. На философскомъ факультетѣ процентъ русскихъ слабо подвигался впередъ съ 12,6 въ 1887—88 до до 16,0 въ 1901—02 г.

До сихъ поръ мы говорили объ общемъ распредѣленіи учащихся по факультетамъ, независимо отъ пола. Теперь же посмотримъ, какой факультетъ выбираютъ главнымъ образомъ русскія женщины и чѣмъ онѣ отличаются въ данномъ отношеніи отъ иностранокъ.

	1887—88	1893—94	1897—98	1901—02
Медицинскій факультетъ.				
Всего женщинъ. . .	101	104	308	682
Русскихъ	65	143	235	621
% русскихъ	64,3	70,0	76,2	89,5
Философскій факультетъ.				
Всего женщинъ. . .	57	126	188	289
Русскихъ	34	49	69	128
% русскихъ	54,3	38,8	36,7	44,2
Юридическій факультетъ.				
Всего женщинъ . . .	—	5	6	13
Русскихъ	—	2	2	8
% русскихъ	—	40,0	33,3	61,6

Эта таблица очень характерна. Она свидѣтельствуетъ, что процентъ русскихъ женщинъ все больше увеличивается на медицинскомъ факультетѣ. Хотя замѣтенъ и общій притокъ на этотъ факультетъ, но у русскихъ онъ быстрѣе. Въ 1887—88 г. процентъ русскихъ на медицинскомъ факультетѣ былъ 64,3, затѣмъ съ каждымъ годомъ все повышаясь, онъ поднялся въ 1901 — 02 г. до 89,5. Иными словами, въ послѣднемъ году изъ каждыхъ *ста* медичекъ 90 были русскія. Ниже процентъ русскихъ женщинъ на философскомъ факультетѣ, но и тамъ онъ достигаетъ иногда половины или двухъ пятыхъ всѣхъ учащихся. Всего меньше учащихся женщинъ на юридическомъ факультетѣ.

Какъ распредѣляются каждыя 100 русскихъ студентокъ по отдѣльнымъ факультатамъ, видно изъ слѣдующаго:

	Мед. ф.	Фил. ф.	Юрид. ф.	Всего
1887—88	65,7	34,3	—	100
1893—94	73,7	25,3	1,0	100
1897—98	76,8	22,4	0,7	100
1901—02	82,0	16,9	1,1	100

Намъ еще осталось указать въ какихъ городахъ учатся русскіе. Такъ какъ первый годъ заключаетъ въ себѣ только четыре университетскихъ города (Базель, Цюрихъ, Бернъ и Женева), то мы его исключаемъ изъ нашего разсмотрѣнія. Слѣдующая таблица показываетъ, какъ распредѣлялись учащіеся по разнымъ городамъ.

	1893—94		1897—98		1901—02	
	Всего	Русск.	Всего	Русск.	Всего	Русск.
Базель. . .	435	9	442	4	529	12
Цюрихъ . .	627	95	723	135	655	90
Бернъ. . .	566	87	677	105	1164	403
Женева . .	598	106	762	148	911	323
Лозанна . .	416	17	452	62	575	134
Фрейбургъ.	196	4	331	19	349	20
Неуенбургъ.	65	—	105	2	132	4

Процентъ русскихъ въ каждомъ городѣ и въ каждомъ семестрѣ слѣдующій:

	1893—94	1897—98	1901—02
	процентъ русскихъ.		
Базель	2,0	0,9	2,2
Цюрихъ	15,1	18,6	13,7
Бернъ	15,3	15,5	34,6
Женева	17,7	19,4	35,4
Лозанна	4,0	13,7	23,3
Фрейбургъ	2,0	5,7	5,7
Неуебургъ	—	1,9	3,0

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что въ 1893—94 г. и въ 1897—98 г. первое мѣсто по числу русскихъ занимала Женева (106 и 148), въ 1901—02 г. пальма первенства перешла къ Берну (403 рус.). Въ Базелѣ всегда было очень мало русскихъ, потому что тамъ туго принимаютъ женщинъ. Въ процентномъ отношеніи впереди всѣхъ всегда стояла Женева (17,7% въ 1893—94 г., 19,4% въ 1897—98 г. и 35,4% въ 1901—02 г.). Затѣмъ слѣдуетъ Бернъ (15,3%, 15,5% и 34,6%). За послѣднее время сильно возросло число русскихъ въ Лозаннѣ. Въ теченіе десяти лѣтъ процентъ поднялся съ 4,0 до 23,3. Въ Цюрихѣ мы замѣчаемъ обратное явленіе: тамъ проц. русскихъ уменьшается (18,6% въ 1897—98 г. и 13,7% въ 1901—02 г.).

Интересно еще остановиться на распредѣленіи русскихъ студентовъ и студентокъ по отдѣльнымъ городамъ. Это показываютъ слѣдующія данныя:

	1893—94		1897—98		1901—02	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Базель	9	—	4	—	12	—
Цюрихъ	41	54	46	89	28	62
Бернъ	38	49	48	57	104	299
Женева	26	80	39	109	42	281
Лозанна	6	11	11	51	22	112
Фрейбургъ	4		19	—	20	—
Неуенбургъ	—	—	2		1	3

Вездѣ, за исключеніемъ Базеля и Фрейбурга, гдѣ женщинъ вообще не принимаютъ или закрываютъ доступъ только русскимъ, преобладаютъ студентки надъ студентами.

Резюмируя вкратцѣ, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Число русскихъ учащихся въ швейцарскихъ университетахъ сильно возрастаетъ. Въ то время, какъ общее число студентовъ увеличилось за разсматриваемый періодъ въ 2,4 раза, число русскихъ возросло въ 6 разъ.

Въ 1901—02 г. только половина всѣхъ учащихся состояла изъ швейцарцевъ, остальные были иностранцы.

3) Въ послѣднемъ отчетномъ году 48% всѣхъ иностранныхъ студентовъ были русскіе.

4) Среди учащихся женщинъ главнымъ образомъ преобладаютъ русскія: ихъ было отъ 62 (1887—88) до 77% (1901—02) всѣхъ студентокъ.

5) Среди русскихъ учащихся больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ.

Чужой.

HEBR. LESEVEREIN
KÖNIGSBERG i/PR.

Письмо въ редакцію.

Многоуважаемый г. редакторъ!

Я долженъ просить Васъ сдѣлать отъ моего имени читателямъ „Восхода“ заявленіе, одинаково непріятное для Васъ и для меня. Я, къ глубокому сожалѣнію, не могу исполнить данное читателямъ обѣщаніе—закончить въ этомъ году, въ приложеніи къ книжкамъ „Восхода“, третью книгу моей „Всеобщей исторіи евреевъ“, т. е. довести ее до настоящаго времени, и вынужденъ пока остановиться на раздѣльной линіи между „новымъ“ и „новѣйшимъ временемъ“—на 1789 годѣ.

Событія истекающаго года въ Россіи и особенно въ жизни нашего народа, какъ пойметъ всякій читатель, не благопріятствовали спокойной научной работѣ, и я съ неимовѣрными усиліями могъ довести свой трудъ только до порога XIX вѣка. Перейти къ новѣйшей исторіи евреевъ помѣшали мнѣ послѣднія—увы! болѣе чѣмъ историческія—событія, отнявшія и ту минимальную дозу душевнаго спокойствія, которая еще возможна для еврейскаго писателя въ Россіи. Отъ напора общественной волны менѣе всего застрахованъ кабинетъ писателя, для котораго прошлое неотдѣлимо отъ настоящаго и который такъ часто оставлялъ эпосъ историка ради борьбы публициста.

Извиняясь передъ аудиторіей „Восхода“, съ которой я уже много лѣтъ веду бесѣды и по исторіи, и по современнымъ вопросамъ,—я могу только обѣщать ей, что какъ только наступитъ малѣйшее успокоеніе, я вновь примусь за прерванный историческій трудъ. Сдѣлаю это тѣмъ скорѣе, что давно уже хочу дать синтезъ еврейской исторіи XIX вѣка, столь необходимый для раскрытія источниковъ всѣхъ современныхъ культурныхъ теченій въ еврействѣ. Надѣюсь, что это сильное желаніе преодолѣетъ всѣ препятствія и что я буду имѣть возможность дать читателямъ очеркъ исторіи „новѣйшаго времени“ еще въ теченіе наступающаго года.

Съ истиннымъ уваженіемъ

С. Дубновъ.

Вильна, 23 декабря 1905 г.